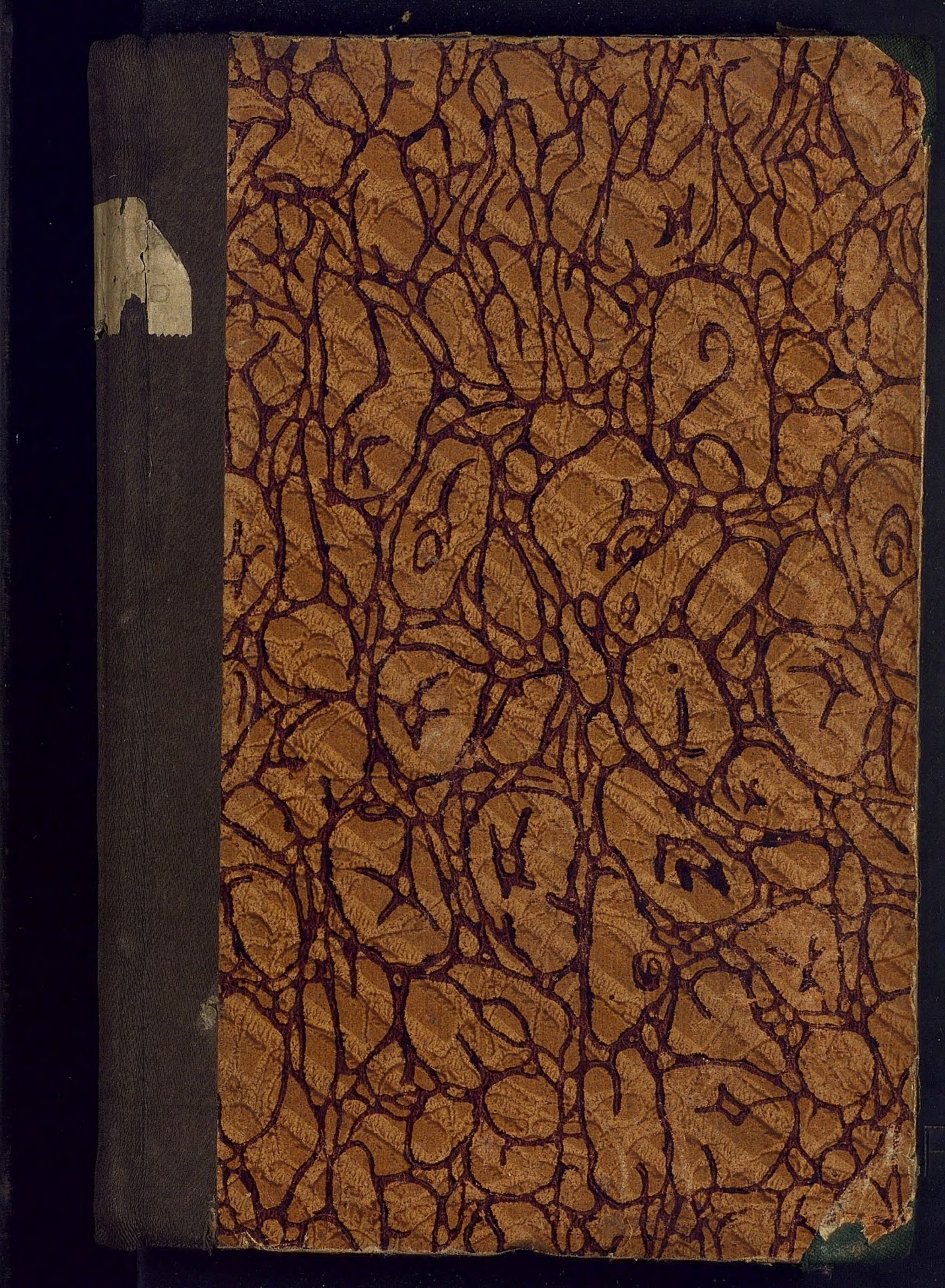


15 СЕН. 19

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ * ПЕРМЬ КАМСКИЙ *

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

15 СЕН. 1915

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ. — СЕНТЯБРЬ.

СТРАН.

I. СУРМАНЪ КАЛЛІО.—Разсказъ.—**Ал. Богданова** 5
II. СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Екатерины Бунге** 32
III. ЕЩЕ СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ. — (По поводу статьи: „Косвенные налоги на фабрики", напечатанной въ „Вѣстникѣ Пром." 1860 г. № 2).—**М. Салтыкова** 33
IV. ВЪ УМИРАЮЩЕМЪ САДУ.—Стихотвореніе.—**Алексѣя Липецкаго** . . . 48
V. НЕПОСЛАННЫЯ ЗАПИСКИ.—**П. Б.** 49
VI. ИЗЪ КНИГИ ОТЧАЯНЬЯ.—Стихотвореніе.—**Дмитрія Цензора** 64
VII. РАЗСКАЗЪ ТИХАГО ЧЕЛОВѢКА.—**Игоря Арнольди** 67
VIII. ЭЛЕГІЯ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина** 93
IX. МАСОНСТВО ВО ВРЕМЕНА ЕКАТЕРИНЫ.—(Къ исторіи нѣмецкаго вліянія въ Россіи).—**Максима-Ковалевскаго** 95
X. ЖОРЖЪ-ЖАКЪ ДАНТОНЪ.—Біографическій очеркъ.—**Н. Карѣева** . . 116
XI. СЛУЧАЙНОСТЬ. — (The morals of Marcus Ordeyne). — Романъ Уильяма Локка.—(Продолженіе).—Переводъ съ англійскаго.—**З. Журавской** . . 155
XII. ПЕРЕЖИТОЕ.—(Разсказъ врача о пребываніи на восточномъ фронтѣ).—**П. Кочевого** 225
XIII. ХРОНИКА. — ОРГАНИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**М. Лурье** . 245
XIV. ЛИТЕРАТУРА И МИЛИТАРИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ.—**С. И. Рапопорта** . . . 279
XV. ПАТЕРЪ ЛУИСЪ КОЛОМА.—**А. Коральника** 291
XVI. МОСКОВСКІЙ ПОГРОМЪ.—**И. Жилкина** 299
XVII. СПРУТЪ.—**А. Айзенштадта** 312
XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**Максима Ковалевскаго** 342
XIX. НА ТЕМЫ ДНЯ.—Существуетъ ли на самомъ дѣлѣ „пораженчество"? Совершилось ли „обновленіе" министерства?—Московскія резолюціи.—Что можетъ сдѣлать Государственная Дума?—Настроенія въ Государственномъ Совѣтѣ.—Ѳ. Ѳ. Арнольдъ, Л. И. Лутугинъ и П. С. Коссовичъ.—**К. Арсеньева.**—Программа прогрессивнаго блока 350
XX. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Вопросы: нѣмецкій, еврейскій и русскій. — Рѣчи г.г. Хвостова, Дзюбинскаго и кн. Щербатова. — Факты и справки изъ прошлаго.—Положеніе въ Думѣ прибалтійскихъ бароновъ.—Отвѣтственность по проекту закона о военной цензурѣ.—Легче ли станетъ положеніе печати?—Невѣрное извѣщеніе о смерти А. Н. Жданъ-Пушкина.—**В. Кузьмина-Караваева** 370

СТРАН.

XXI. ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ВЕРХОВНОМЪ КОМАНДОВАНІИ ВОЕННЫМИ СИЛАМИ . 386

XXII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. К-во „Прометей“ Н. Н. Михайлова.—**Ч. В—скаго.**—В. И. Масловъ.—Начальный періодъ байронизма въ Россіи. Критико-библіографическій очеркъ.—**П. Филиповича.** — Романъ Роналъ. Жизнь Толстого. Переводъ съ французскаго І. Гольденберга. Изданіе М. И. Семенова.—К. Дубровскій. Рожденные въ странѣ изгнанія.—**Ч. В—скаго.**—К. П. Ягодовскій. Въ странѣ полуночнаго солнца. Воспоминанія о Мурманской экспедиціи.—**Н. Сума.**—А. М. Кулишеръ. „Автономія Ирландіи“.—**Бориса Ш.** Пинкевичъ-Аржановъ—Ягодовскій. Учебникъ естествовѣдѣнія для учительскихъ институтовъ и семинарій. Часть вторая. Ботаника. Составилъ С. П. Аржановъ.—**Н. Сума** 388

XXIII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 406

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 409

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

15 СЕН. 1915

№ 1667 инвар.

ЧИТАЛЬНЯ КАЛИНИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

СУРМАНЪ КАЛЛІО.

Разсказъ.

Послѣ побѣга изъ Александровской каторжной тюрьмы партія, въ которой находился Красницкій, нѣсколько мѣсяцевъ блуждала по тайгѣ, прячась по темнымъ падямъ и питаясь несозрѣвшими ягодами и корнями. Съ трудомъ удалось добраться до Читы. Здѣсь Красницкій досталъ черезъ надежныхъ людей одежду, деньги и все необходимое для переѣзда въ Европейскую Россію. Но, уже переваливая черезъ Уралъ, онъ въ поѣздѣ серьезно заболѣлъ отъ всего того, что ему пришлось пережить.

Въ Ярославлѣ, куда онъ пріѣхалъ, его ждали безрадостныя новости. Партійная организація разгромлена, въ обществѣ—уныніе и равнодушіе. Большинство прежнихъ товарищей разсѣялось, а оставшіеся заняли доходныя теплыя мѣстечки и превратились въ мирныхъ обывателей. Не измѣнилъ прошлому одинъ Валетка, такъ звали старѣйшаго изъ комитетчиковъ, «вѣчнаго студента», перебивавшагося уроками и сохранившаго, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, юношескую пылкость.

На окраинѣ города, гдѣ въ одномъ изъ темныхъ и грязныхъ переулковъ, переполненныхъ мѣщанской бѣднотой, Валетка снималъ дешевую неуютную хибарку, пріятели встрѣтились. Бесѣда ихъ напоминала печальныя поминки.

Валетка—волнуясь—мялъ желтыми, длинными пальцами папиросу за папиросой, встряхивалъ большелобую голову и ходилъ по комнатѣ крупными, неровными шагами. Въ короткой и тѣсной студенческой поношенной тужуркѣ онъ казался выше и моложе. Красницкій слушалъ, согнувшійся и укутанный въ ветхое драповое пальто—его знобило,—изрѣдка вставлялъ отрывочныя замѣчанія, и на его худомъ, затѣненномъ лицѣ лихорадочно горѣли нездоровые, глубоко-запавшіе глаза.

— Понтій кончилъ въ Льежѣ на инженера, и теперь гдѣ-

то на заводѣ живетъ буржуемъ!..—разсказывалъ Валетка.— Тальма получила наслѣдство и каждое лѣто ѣздитъ въ Кисловодскъ... Немиловъ пристроился въ торгово-промышленномъ банкѣ и мѣтитъ въ директора... Удивительно повезло этому прохвосту!.. Получаетъ четыре тысячи жалованія, жметъ служащихъ и ходитъ на заднихъ лапкахъ передъ правленіемъ... А Люся вышла замужъ...

— Замужъ?.. За кого?...—измѣнившимся голосомъ спросилъ Красницкій, задерживая дыханіе. Сердце сильно и неровно застучало внутри, и кровь горячо хлынула въ голову.

— Э-э,—чортъ!.. Не все ли равно, за кого?.. Всѣ эти комитетчицы съ коками на головѣ—якобинки только до перваго случая!.. Вышла замужъ за адвоката Малинина...

Валетка желчно махнулъ рукой.

Онъ не зналъ объ отношеніяхъ Красницкаго и Люси и потому не подозрѣвалъ, какой болью отдавалось въ душѣ товарища каждое его слово.

Красницкій мучительно согнулся, сталъ еще болѣе жалкимъ и обмякшимъ и съ глухимъ внутреннимъ стономъ, какой испускаютъ люди, когда у нихъ вдругъ заноетъ зубъ, могъ только произнести:

— Ай-ай-ай!.. Какъ же такъ?.. Какъ такъ?..

Люся, изъ захудалой дворянской семьи, молодая и красивая дѣвушка, работала вмѣстѣ съ нимъ въ типографіи. Часто, глядя на нее, жизнерадостную, кокетливую и безпечную, Красницкій недоумѣвалъ, что́ толкнуло ее на революціонный путь. Сама Люся со щебетаніемъ и смѣхомъ объясняла, что познакомилась съ революціонерами ради любопытства. Совмѣстная жизнь въ типографіи сблизила обоихъ. Красницкій увлекся ею, хотя внѣшне старался не обнаруживать своего чувства.

Теперь особенно больно и обидно казалось ему, что Люся вышла замужъ не за кого-нибудь другого, а именно за Малинина, начинающаго входить въ моду адвоката, карьериста и щеголя, презрительно относившагося къ лѣвымъ партіямъ. Красницкій не разъ вступалъ съ нимъ на публичныхъ собраніяхъ въ ожесточенные споры, рѣзко клеймилъ, негодовалъ.

Было такое чувство, что свѣтлая память старой любви осквернена какимъ-то досаднымъ грязнымъ прикосновеніемъ,— какъ будто самому Красницкому нанесена позорная несмываемая пощечина.

— Какъ же такъ?..—Какъ такъ?.. растерянно повторялъ онъ, и блѣдное лицо его вспыхивало пятнами стыда.

Что разсказывалъ дальше Валетка, онъ былъ не въ состояніи слушать и думалъ о Люсѣ. Въ душѣ шевельнулось даже сожалѣніе, что вотъ онъ, можетъ быть, напрасно бѣжалъ съ каторги.

Очнулся Красницкій только тогда, когда Валетка положилъ ему на плечо тяжелую, горячую руку и почти надъ ухомъ спросилъ:

— Ну, что же ты намѣренъ предпринять?.. Эмигрируешь?..

Красницкій вздрогнулъ, поднялъ голову и собрался съ растерянными мыслями.

— Да, да... Разумѣется...

— Куда же?.. Во Францію,—въ Парижъ,—къ своимъ?..

— Только не въ Парижъ!.. запротестовалъ Красницкій.— Хочу быть подальше отъ партіи, отъ кружковъ... Я слишкомъ усталъ, изломался... Чувствую потребность отдохнуть и душой и тѣломъ...

Въ глухомъ поселкѣ сѣверо-восточной Финляндіи, куда почти не заглядывали дачники и туристы, Красницкій за десять марокъ въ мѣсяцъ снялъ комнату у выходца изъ Швеціи Арвела, крестьянина, владѣльца молочной фермы.

На фермѣ только двое говорили по-русски,—самъ старикъ Арвелъ и его дочь Тильда, помогавшая въ хозяйствѣ отцу.

Хозяйство было прочное, налаженное. Въ крѣпкихъ бревенчатыхъ сараяхъ съ накатомъ изъ мелкой щепы стояли грудастыя коровы, широкоспинныя, на низкихъ ножкахъ и съ отвислыми породистыми шеями. Дворъ былъ обнесенъ новыми еловыми жердями. Отъ воротъ и къ крыльцу въ правильномъ порядкѣ тянулись хвойные саженцы и березки. А подъ крышей дома былъ устроенъ въ заграничномъ стилѣ мансардъ, гдѣ и поселился Красницкій.

Вѣяло тихой сытостью и покоемъ. И это нравилось Красницкому послѣ его безконечныхъ скитаній и опасеній, какъ бы не попасть въ руки полиціи.

По утрамъ Красницкій разсаживался въ гнутой черной качалкѣ, удобно вытягивалъ ноги въ мягкихъ оленьихъ туфляхъ и смотрѣлъ въ широкій квадратный вырѣзъ окна.

Снѣгъ, выпавшій за ночь, пухлыми, волнистыми слоями сѣрѣлъ на дворѣ. Подходилъ къ сараямъ работникъ въ ватной коротайкѣ изъ грубаго сѣраго сукна, въ кожаной круглой шапочкѣ съ пуговкой на макушкѣ и съ наушниками. Молча и

медлительно онъ отгребалъ снѣгъ. Рыжая дворовая собака съ острой мордой и острыми ушами, похожая на лису, сторожко стояла около и обнюхивала свѣжіе слѣды.

Когда работникъ, накормивъ коровъ и весь обсыпанный мелкими бурыми отрубями, выходилъ изъ сарая, слѣдомъ за нимъ выскакивалъ черный косматый козелъ. Работникъ оборачивался, бралъ козла за рога, пятилъ назадъ къ открытой двери и съ силой отталкивалъ. Козелъ подпрыгивалъ и упрямо кособочился, нагнувъ голову и разставивъ вилкой ноги, точно приготовляясь къ нападенію. Работникъ шелъ къ дому, а козелъ, медлительно выждавъ нѣкоторое время, возвращался въ сарай лѣнивой развалкой на жидкихъ, зыбкихъ ногахъ.

Мирная простота жизни вокругъ напоминала Красницкому о покинутой Россіи, о захолустныхъ деревушкахъ, въ которыхъ онъ провелъ первые годы дѣтства.

Съ чувствомъ удовлетворенности и покоя онъ оглядывалъ лиловыя зимнія дали. За дворомъ по склону лежали горбатые снѣжные бугры, перекрещенные чуть замѣтными лыжными слѣдами. Въ оголенномъ лѣсу синѣли кучными пятнами ели, и рядомъ съ ними въ прозрачномъ осинникѣ четко круглились кусты рябинъ, еще не успѣвшихъ сбросить ярко-красные осеннія лохмотья. Внизу, въ затѣненныхъ высокихъ берегахъ изгибалась излучинами рѣка Сестра. По берегу ея ѣхалъ съ винтовкой за плечами солдатъ-пограничникъ.

«Какъ странно!..—думалъ Красницкій.—Тамъ—Россія... Тамъ—лишенія, ссылка, вѣчный страхъ за свою судьбу... А здѣсь—ничего этого нѣтъ... Я свободенъ!..»

«Свободенъ!..» Радость неудержимо клокотала внутри его... Хотѣлось задорно, по-мальчишески, какъ въ дѣтствѣ, во время игры въ прятки, прыгать, кричать: Вотъ я здѣсь!.. Я—здѣсь!.. Кричать такъ, чтобы слышалъ солдатъ-пограничникъ, искалъ его и не могъ найти!..

Теплый и надежный уютъ мирилъ съ одиночествомъ. На стѣнѣ въ черныхъ рѣзныхъ рамкахъ висѣли картины изъ Калевалы,—старикъ Вейнемейненъ на берегу моря. Между ними—также въ рамкѣ—желтый и выцвѣтшій отъ времени школьный похвальный листъ Арвела и еще какая-то вышивка цвѣтными шелками по полотну. Вышивка эта забавляла Красницкаго.

Приходила въ комнату жена Арвела Анна, еще не старая, но уже лысая женщина, въ вязаной зеленой кофтѣ, въ платочкѣ, плохо прикрывающемъ лысину, громко топала широконосыми ботами, подавала на подносѣ кофе, сливки и сухари, и удалялась,

ни слова не говоря, глядя передъ собой въ одну точку немигающими песочно-желтыми глазами, точно боялась чѣмъ-нибудь обезпокоить жильца.

Иногда вмѣсто матери являлась Тильда, въ голубомъ корсажѣ и бѣлыхъ рукавчикахъ. Она неловко и смущенно ступала по тканымъ коврикамъ, разостланнымъ на полу, торопливо устанавливала подносъ. Красницкій любовался ея смущеніемъ, матовымъ загаромъ щекъ и русыми волосами, собранными въ косу лентой.

— Пейве!.. (здравствуй),—возможно привѣтливѣй говорилъ онъ.

Тильда пугливо отвѣчала короткимъ движеніемъ головы, пунцово вспыхивала и косо отводила въ сторону круглые свѣтло-влажные глаза.

«Чѣмъ она напоминаетъ Люсю?..—спрашивалъ себя Красницкій.—Въ нихъ обѣихъ есть что-то общее!.. Что?.. Можетъ быть, эта милая капризная складка надъ верхней губой?..»

Два раза въ мѣсяцъ Красницкій ѣздилъ вмѣстѣ съ Арвеломъ въ Кювенепе. Закладывали въ одноколку бойкую, рыжую шведку. Арвелъ закупалъ хозяйственные припасы, Красницкій получалъ почту и посылалъ въ редакцію одной провинціальной газеты, сотрудникомъ которой состоялъ, статьи по экономическимъ вопросамъ.

Поселяясь въ глуши, Красницкій разсчитывалъ поправить здоровье и въ уединеніи закончить научное изслѣдованіе—«Критика теорій цѣнности». Но работа подвигалась медленно. Спокойная растительная жизнь поглощала день за днемъ и обогрѣвала его—какъ козявку, выползшую изъ темной щели на солнце и тепло. «Ничего, — потомъ наверстаю потерянное время!»— рѣшалъ онъ.

Въ ясные зимніе дни онъ надѣвалъ желтые финнскіе сапоги съ острыми загнутыми кверху носками и на лыжахъ отправлялся въ поля и лѣсъ. Навстрѣчу попадались шумныя компаніи парней и дѣвушекъ. Тильда обгоняла на длинныхъ черныхъ тавасгусскихъ лыжахъ. Въ спортсменской вязаной курткѣ и шапочкѣ она мелькала свѣтло-оранжевымъ пятномъ среди бѣлыхъ снѣговъ, неприступная и чуждая, манила и ускользала дальше. Холодная сдержанность ея задѣвала самолюбіе Красницкаго и рождала въ немъ упрямое желаніе сломить ледъ ея неприступности.

Однажды Тильда противъ обыкновенія поѣхала вслѣдъ за

Красницкимъ. Онъ огибалъ на уклонъ перелѣсокъ, когда неожиданно за его спиной раздался веселый смѣхъ и громкій крикъ:

— Микко, пейве!..

Русское имя Красницкаго «Михаилъ» было передѣлано въ финнское «Микко».

Красницкій обернулся. Тильда, раскраснѣвшаяся отъ мороза и бѣга, запрокинувъ назадъ голову, смотрѣла на него ласково вызывающими глазами. Видъ у нея былъ необычно возбужденный и слегка кокетливый. Солнечные лучи, падая сбоку, золотомъ сквозили въ завиткахъ волосъ, выбившихся изъ-подъ шапочки.

— Здравствуй, Тильда!..—отвѣтилъ по-русски Красницкій, обрадованный встрѣчей и намѣренно не скрывая своего пріятнаго изумленія.

Они покатились вмѣстѣ. Тильда свободно отталкивалась длинными бамбуковыми палками и быстро скользила по насту. Красницкій съ трудомъ поспѣвалъ за ней, проваливался въ снѣгъ. Чувствовалъ близость упругаго и сильнаго разгоряченнаго тѣла, любовался ея красивыми гибкими движеніями и недоумѣвалъ, чѣмъ вызвана эта перемѣна къ нему.

— Послушай, Тильда...—спросилъ онъ, догоняя.—Почему ты сторонишься меня?..

— Микко такъ думаетъ?..—задерживая ходъ, отвѣтила она вопросомъ.

— Да...

— Напрасно, Микко!.. Думай хорошо о Тильдѣ!.. — загадочно сказала она, попадая въ нѣжный тонъ и сразу устанавливая неясную близость...

— Да?—ища отзвука на всколыхнувшееся сладкое чувство, произнесъ Красницкій и невольно подался ближе къ ней.

Замедлили ходъ. Въ ласковой голубизнѣ дня плыли впередъ, почти касаясь другъ друга.

— Тильда!.. Могла бы ты удѣлять мнѣ больше времени?.. Я хочу заняться финнскимъ языкомъ... Согласна помочь мнѣ?..— заговорилъ Красницкій, и волнующее выраженіе его голоса было болѣе значительнымъ и глубокимъ,—чѣмъ слова...

— Микко говоритъ серьезно, или шутитъ?..

— Да, серьезно...

— Финнскій языкъ—очень трудный языкъ... Труднѣе, чѣмъ шведскій!..

Сказала и неожиданно отъѣхала впередъ, скрывая свое лицо

отъ Красницкаго. Обогнула перелѣсокъ, поднялась на увалъ и тамъ, около обрызганнаго мелкой серебряной пылью можжевеловаго куста, остановилась.

Красницкій догонялъ, стараясь попасть лыжами въ ея слѣдъ.

— Микко!.. Поѣдемъ вмѣстѣ на «Сурманъ Калліо»?..—предложила Тильда съ оттѣнкомъ не то тихой грусти, не то созерцательнаго раздумья, — когда Красницкій поднялся на увалъ.

— Что такое «Сурманъ Калліо»?..

— По-русски—это «Камень смерти», — нѣтъ, лучше— «Скала смерти»... Какъ тамъ хорошо!.. Микко,—каждый житель нашего прихода былъ на «Сурманъ Калліо»!..

— Поѣдемъ, Тильда!..

— Йелле!.. Йелле! — вскрикнула Тильда и свернула въ лѣсъ.

Катились по просѣкѣ, гуськомъ, слѣдъ въ слѣдъ, — Тильда, впереди, Красницкій сзади. Снѣгъ, осыпанный кое-гдѣ хвоями, мхомъ и мелкими сучьями съ деревьевъ, былъ скованъ морозцемъ послѣ недавней оттепели, и лыжи скользили легко. Въ четкихъ просвѣтахъ круглились карликовые кусты можжевельника, бѣлыми лапами раскидывались вѣтви елей, и въ нихъ какъ въ паникадилахъ, висли синія тѣни.

Тропа круто забирала вправо и терялась надъ обрывомъ.

Тильда остановилась.

— Вотъ здѣсь «Сурманъ Калліо»!

Она спрыгнула съ лыжъ и подбѣжала къ большому гранитному камню, который замыкалъ прямой отвѣсной стѣной устье глубокаго оврага. Такіе овраги, или «балки», Красницкій встрѣчалъ на югѣ Россіи, но тамъ онѣ казались ему обычными, а здѣсь притягивала дикая угрюмость и красота того, что́ онъ видѣлъ. На вершинѣ камня лѣпилась одинокая охлестанная вѣтрами сосенка. Узловатые корни ея были мѣстами обнажены, и на нихъ бахромой висѣли тонкія ледяныя сосульки. Съ южной стороны камень обтаялъ, покрытый пестрыми узорами сѣро-зеленыхъ и коричневыхъ мховъ. Въ глубокихъ трещинахъ плотными слоистыми завалами лежалъ снѣгъ.

Красницкій подошелъ къ краю обрыва. Внизу далекимъ свинцовымъ оконцемъ темнѣлъ родникъ, отъ котораго извивался незамерзающій ключъ. На днѣ оврага росли только искривленныя мелкія березки, пригнувшіяся къ землѣ, какъ бы придавленныя сверху... А на противоположной сторонѣ въ нѣсколько ярусовъ поднимались статныя крѣпкія ели, и по гребню оврага

такъ отчетливо выдѣлялись въ синевѣ ихъ темные рѣзные зубцы.

Тильда стояла въ раздумьи, точно въ полуснѣ,—въ душѣ ея совершалась напряженная сложная работа.

Красницкій вывелъ дѣвушку изъ оцѣпенѣлости:

— Скажи, — почему этотъ камень называется «Скалой смерти»?

Тильда вздрогнула и странно сжалась.

— Микко хочетъ знать?.. Хорошо... Это было давно... Одинъ пойка (парень) измѣнилъ дѣвушкѣ, которая его любила... И вотъ дѣвушка встала на этотъ камень и бросилась внизъ... Видишь ту березку?.. Тамъ она разбилась!.. О-о!..

Красницкому стало жутко. Мелькнуло подозрѣніе, что Тильда сама переживаетъ подобную же драму и не спроста привела его сюда. И отъ этого дѣвушка стала сразу ближе ему и дороже. Онъ участливо, чтобъ не оттолкнуть рѣзкостью, взялъ ее за руку и настойчивымъ убѣждающимъ голосомъ сказалъ:

— Развѣ не было другого пойки, чтобъ дѣвушка могла забыть свое горе и полюбить вновь?..

Тильда подняла съ гордостью голову, и глаза ея строго обожгли Красницкаго мгновенными стальными огоньками.

— Среди *финнскихъ* поекъ не было!.. Онъ былъ самый красивый, самый умный и самый богатый!..

— Ну, а среди шведскихъ поекъ?.. среди русскихъ?..—настойчиво продолжалъ Красницкій, не выпуская ея руки...— Развѣ она не могла найти?..

Лицо Тильды свѣтло и загадочно преобразилось. Въ углахъ губъ мелькнула рѣшимость:

— Не знаю... Можетъ быть, и были!..

Она порывисто выдернула руку и побѣжала къ лыжамъ. Мужскими размашистыми шагами быстро помчалась.

«Она разсказывала о себѣ!.. Она любитъ и страдаетъ!..» метнулось въ умѣ Красницкаго. Стараясь не потерять ея слѣда,— чтобъ не сбиться съ дороги, онъ одинъ возвратился домой.

Тильда во время занятій съ Красницкимъ по-прежнему держалась замкнуто и отдаленно. Но онъ чутьемъ угадывалъ, что подъ маской внѣшняго спокойствія она скрываетъ душевныя мученія. И это притягивало его къ ней.

Съ весной начались работы въ огородѣ и въ полѣ. Уроки Тильды по необходимости прекратились, и Красницкій почти не

видѣлся съ ней. Изслѣдованіе по «теоріи цѣнности» застряло на первой главѣ,—не хватало нужныхъ книгъ, и Красницкій цѣлыми днями бродилъ по берегу рѣки Сестры или въ лѣсу.

Ночь на Ивана Купала—чтимый народомъ праздникъ. Красницкій слышалъ, что послѣ собранія въ рабочемъ домѣ молодежь начнетъ веселиться: будетъ зажжена кокка, и откроются танцы. На фермѣ задолго готовились къ празднику.

Наканунѣ Красницкій отправился въ лѣсъ, общее предпраздничное настроеніе заражало его,—хотѣлось набрать зелени и цвѣтовъ, чтобъ украсить назавтра комнату.

Было еще рано. Сѣрыя голосистыя зарянки не успѣли кончить свою утреннюю раскатистую перекличку. Прыгая по вѣткамъ, тенькали и свистали синички,—самки съ желтозелеными брюшками и самцы съ пышными черными галстуками на груди. Ломая съ шумомъ сухіе сучья, шарахнулся въ сторону глухарь.

Пахло сосной, березовыми молодыми листьями, ржавой сыростью торфяниковъ и грибами. Красницкій шелъ въ медленномъ раздумьи. Однообразіе одинокой жизни уже наводило унылую скуку, и онъ размышлялъ о томъ, какъ выйти изъ томительнаго бездѣйствія.

Подъ ногами зыбко и мягко опускался бархатистый кукушкинъ ленъ... Сухо шелестили сизые мхи. «Вотъ и вся моя жизнь, сегодня, завтра и послѣ-завтра—какъ прозябаніе этихъ мховъ», думалъ Красницкій. А когда конецъ?

Шумъ неподалеку привлекъ его вниманіе.

«Тильда!..»

Менѣе всего онъ разсчитывалъ встрѣтить ее здѣсь.

Она сидѣла на развилинѣ стараго обомшалаго пня, уткнувъ лицо въ круглыя дѣвичьи, обнаженныя до локтей, руки и, повидимому, плакала. Красницкій подошелъ къ ней,—она не слышала.

На землѣ около пня стояла берестовая корзина, полная блѣдно-сиреневыхъ цвѣтовъ,—остролистыхъ и толстокожихъ змѣевиковъ, какіе растутъ по болотамъ.

— Тильда!..—осторожно окликнулъ Красницкій...

Она испуганно откинула руки. Въ голубой прозрачности глазъ и на золотистыхъ красивыхъ длинныхъ рѣсницахъ еще стыли слезы.

— Тильда, милая!.. Что̀ съ тобой?..—спросилъ Красницкій, проникаясь жалостью къ ней...

Она молчала. Въ лицѣ—было смятеніе и неловкость, что вотъ посторонній человѣкъ видѣлъ ея слезы.

Теперь Красницкій замѣтилъ, что въ красно-зеленомъ передникѣ Тильды лежали грудкой свѣжіе сочные корешки, похожіе на человѣческую руку съ разставленными пальцами. Онъ зналъ ихъ: это были корешки змѣевиковъ. И около пня кругомъ были разбросаны продолговатые стебли и оборванныя чашечки цвѣтовъ.

— Что́ ты здѣсь дѣлаешь?..—повторилъ онъ, наклоняясь къ дѣвушкѣ.

Участливая нѣжность и неподдѣльное состраданіе его тронули Тильду. Она довѣрчиво, по-дѣтски, заколебалась.

— Микко никому ничего не скажетъ?..

— Можно ли объ этомъ спрашивать, Тильда?..

— Тогда слушай, Микко,—таинственно начала дѣвушка, касаясь рукой его плеча.—Я утромъ гадала... И вотъ эти корни обѣщаютъ мнѣ скоро большое несчастье...

Зрачки ея глазъ широко и тревожно расширились...

— Только и всего, Тильда?..—облегченно и успокоительно сказалъ Красницкій.—Ну, какъ же можно, Тильда, волновать себя изъ-за такихъ пустяковъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Микко!.. Это правда!..—убѣжденно возразила дѣвушка.—Цвѣты обѣщаютъ мнѣ худо... Можетъ быть, смерть... Помнишь, мы были вмѣстѣ у Сурманъ Калліо?.. Уже тогда черная могила звала меня къ себѣ...

— Тильда, какъ можешь ты объ этомъ думать?..

— Это правда, Микко, правда!..

— Развѣ цвѣтамъ извѣстно твое будущее,—твоя судьба?..

— Такъ, Микко!.. Такъ!.. Всѣ дѣвушки гадаютъ, и никого цвѣты не обманули...

— Ну, хорошо!..—приходя къ новому внезапному рѣшенію, чтобъ разсѣять мрачныя мысли Тильды, сказалъ Красницкій.—Хочешь, я погадаю, и цвѣты пообѣщаютъ тебѣ только хорошее?..

— Ты умѣешь гадать?..—оживленно и съ надеждой спросила Тильда.

— Да, умѣю...—обрадованный той легкостью, съ какой дѣвушка повѣрила его словамъ, отвѣтилъ Красницкій.—Дай мнѣ корешки!..

— Хорошо...

Красницкій взялъ въ руку нѣсколько влажныхъ и холодныхъ корешковъ.

— Теперь закрой глаза и думай о томъ, что тебя ожидаетъ... Думаешь?..

— Думаю, Микко!..

— Возьми наудачу съ закрытыми глазами одинъ изъ корешковъ и переложи его изъ руки въ руку три раза.

Дѣвушка послушно повиновалась.

— Открой глаза!..

— Вотъ видишь?..—съ преувеличенной радостью воскликнулъ Красницкій.—Цвѣты обѣщаютъ тебѣ счастье!.. Посмотри на эти тонкія желтыя жилки... Онѣ сулятъ богатство... А эти два вмѣстѣ сросшіеся пальца?.. Они означаютъ, что ты будешь любима и... выйдешь замужъ...

Тильда просвѣтлѣла:

— Микко гадаетъ хорошо... Но—вѣрно ли?..

— Вѣрно, Тильда!..

— Спасибо, Микко...

Дѣвушка крѣпко пожала руку Красницкаго, взяла корзину съ цвѣтами и взволнованно пошла по лѣсу. Красницкій слѣдовалъ за ней.

— Микко!.. Хочешь завтра посмотрѣть кокку?..—спросила Тильда, когда они уже приближались къ дому.

Въ ея голосѣ Красницкій уловилъ нотки обѣщающей близости, болѣе нѣжной, чѣмъ простая дружба...

— Если только это можно...—отвѣтилъ онъ.

— Можно!.. Мы будемъ, Микко, *вмѣстѣ!..*—значительно сказала Тильда.

Красницкій провелъ ночь въ волненіи... Завтра на праздникѣ будетъ—«онъ», тотъ самый пойка, который до сихъ поръ владѣлъ душою Тильды. Тильда ничего не сказала объ этомъ, но и безъ словъ было ясно, что завтра должно произойти важное рѣшающее событіе въ его и въ ея жизни.

«Онъ—самый красивый, самый умный и самый богатый»... Красницкій вспоминалъ эти слова Тильды. Если—такъ, то можно ли разсчитывать, что она богатому и красивому соплеменнику предпочтетъ его, чуждаго бѣднаго изгнанника...

«Какъ странно!.. Ждалъ ли онъ, что когда-нибудь выступитъ соперникомъ пойки?»

Съ утра Красницкій вышелъ на дворъ, въ надеждѣ—не встрѣтитъ ли гдѣ Тильду. Но ея не было. Работникъ, наряженный по-праздничному и оберегая свой костюмъ, отгонялъ палкой козла, который лѣзъ къ нему играть. Анна въ платочкѣ, при-

крывающемъ лысину, суетилась у крыльца, привязывая къ периламъ кудрявыя свѣже-срубленныя березки. На огородахъ, перерѣзанныхъ на подобіе шахматной доски канавами для стока воды, старикъ Арвелъ въ вязаной рубахѣ съ неизмѣннымъ шерстянымъ галстукомъ подъ шеей осматривалъ посадки.

Досадливо Красницкій возвратился въ мансардъ.

Тильда появилась на фермѣ только послѣ вечерняго кофе. Серебряный поясъ на ея голубомъ платьѣ и уборъ изъ лентъ въ волосахъ, спускавшихся волнами на плечи, были ей такъ къ лицу. Красницкій съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее, и она напоминала ему одну изъ старинныхъ сказочныхъ фей, рисуемыхъ на картинахъ.

— Микко,—уже пора въ народный домъ!..—позвала она.

— Гдѣ ты была, Тильда?..

— Тебѣ было скучно безъ меня?..

— Да...

— Я сидѣла на рѣкѣ... Сожгла свои цвѣты и потопила въ волнахъ вчерашнія слезы... Ихъ больше не будетъ... О, какъ хорошо, Микко!

Она, возбужденная и сіяющая, смѣялась и красиво выпрямила станъ, точно стряхивая съ себя тяжесть.

Красницкому ея смѣхъ показался неестественнымъ,—навинчивающимся, какъ спираль—вокругъ чего-то, спрятаннаго у нея внутри, но онъ промолчалъ и только внимательно, съ состраданіемъ и тревогой слѣдилъ за ней.

Также чрезмѣрно много говорила она дорогой, разспрашивала о Россіи, о томъ, какъ онъ, Микко, проводилъ Ивановы праздники, и не хотѣла вѣрить, что день этотъ проходитъ въ русскихъ городахъ незамѣтно.

«Что съ ней?..»—искалъ безуспѣшно разгадки Красницкій.

Пробираясь черезъ толпу въ большомъ и свѣтломъ залѣ народнаго дома, Тильда гордо и съ преувеличеннымъ выраженіемъ счастья на лицѣ громко сказала по-русски, такъ что всѣ обратили вниманіе:

— Микко!.. Проходи впередъ къ сценѣ... Йелле!..

Красницкій услышалъ любопытный несдержанный гулъ:

— Русскій... русскій!..

Тильда весело и непринужденно здоровалась съ знакомыми. Красницкій, подъ пристальными, разсматривающими его взглядами чувствовалъ себя въ положеніи диковиннаго звѣря. Онъ никогда не любилъ выставляться напоказъ и теперь испытывалъ неловкость. И особенно неловко стало послѣ того, какъ онъ вспом-

нилъ, что уже нѣсколько мѣсяцовъ не подстригалъ своей бороды, и она торчала подъ самыми ушами нелѣпыми черными бачками.

Тильда намѣренно подчеркивала въ глазахъ всѣхъ свое расположеніе къ нему, держала себя съ такой предупредительностью, какая бываетъ между близкими, между женихомъ и невѣстой. Но по неуловимымъ движеніямъ ея лица Красницкій скорѣе угадывалъ, чѣмъ видѣлъ, что она сторожко прислушивается къ пестрому говору толпы и кого-то въ ней ищетъ... «Кого?.. Конечно, *его*!..» Рядомъ группа молодежи, парней и дѣвушекъ, съ дѣловымъ, озабоченнымъ видомъ вполголоса разсуждала о чемъ-то,—парни терпѣливо и медлительно дѣлали старательныя вычисленія карандашами въ маленькихъ кожаныхъ записныхъ книжкахъ. Одна изъ дѣвушекъ, ближе стоявшая къ Тильдѣ, спросила, осматривая Красницкаго:

— Тильда,—ты будешь сегодня пѣть?..

— О, да... Буду пѣть!.. Хочу много—много пѣть!..

Тильда засмѣялась, поправила на груди концы спустившихся лентъ и повернулась къ Красницкому:

— Ты любишь пѣніе, Микко?..

— Если хорошее пѣніе, то да!..

— Для тебя я стану хорошо пѣть, Микко!..—игриво отвѣтила по-русски Тильда. И по лихорадочному трепету, пробѣжавшему вдругъ въ ея лицѣ, Красницкій понялъ, что она нашла въ толпѣ «*его*». Не измѣнивъ позы и глядя черезъ плечо Красницкаго, Тильда продолжала:

— Тебѣ удобно, Микко?.. Какъ тебѣ нравится здѣсь?..

Красницкій уже немного освоился съ обстановкой народнаго дома.

— Для русскаго здѣсь много любопытнаго!—сказалъ онъ.—Напримѣръ, вотъ эти красныя плато съ вышитыми надписями, или портретъ Маркса!.. Жаль, что я не былъ здѣсь раньше... Вообще нехорошо, что я такъ далекъ отъ вашей жизни!..

— Послушайте, сударыня Арвелъ...—громко и вызывающе прервалъ ихъ бесѣду насмѣшливый, слегка скандирующій голосъ, раздавшійся съ той стороны, куда смотрѣла Тильда.—Не кажется ли вамъ, что слѣдовало бы испросить разрѣшенія раньше, чѣмъ приводить на собранія постороннихъ?..

Въ залѣ все затихло... Тильда поблѣднѣла, потомъ вспыхнула густыми, пунцовыми пятнами. Но не потерялась, а съ находчивостью, на какую способна обиженная женская любовь, отвѣтила, сохраняя достоинство:

Региональный фонд Московской обл. библиотеки

— У кого разрѣшенія?.. Ужъ не у васъ ли, херра Хазе?.. Съ какихъ это поръ финнскіе дома закрыли свои двери для добрыхъ гостей?..

— Правильно!.. — подтвердилъ рядомъ чей-то женскій голосъ.

По стремительной силѣ и напряженности, съ какой говорила Тильда, для Красницкаго стало ясно, что въ сущности идетъ не споръ о его правѣ присутствовать на собраніи, а борьба когда-то любившихъ другъ друга, а можетъ быть любящихъ и теперь,—женщины и мужчины. Это—«*онъ*»!..—мелькнуло въ сознаніи. «Самый красивый» изъ поекъ!

Хазе стоялъ, запрокинувъ выжидающе голову и самоувѣренно заложивъ одну руку за широкій поясъ. На немъ была національная бархатная безрукавка поверхъ яркой шелковой рубахи, желтые штаны и шелковые тѣлеснаго цвѣта чулки до колѣнъ. «Есть въ этихъ кругло-румяныхъ щекахъ и тонкихъ усикахъ надъ пухлыми губами что-то вульгарное, сладкое, картиночное!..»—непріязненно подумалъ Красницкій, всматриваясь въ его лицо.

Менѣе насмѣшливо, но съ прежней рѣзкостью, Хазе продолжалъ:

— Развѣ сударыня Арвелъ не знаетъ, что сегодня исключительное собраніе?.. Обсуждается вопросъ о сочувствіи Уоттинену!..

Тильда гнѣвно, черезъ головы жадно насторожившихся слушателей, крикнула:

— Херра Хазе!.. Вы, кажется, считаете себя соціалистомъ?.. Почему же вы позволяете себѣ оскорблять гостя?.. Стыдитесь!.. Русскій Микко вашъ товарищъ,—соціалистъ!..

Отповѣдь ея вызвала одобреніе. Хазе растерялся. Красницкій, оправившійся отъ перваго смущенія, рѣшилъ воспользоваться сочувственнымъ настроеніемъ толпы.

На ломаномъ финнскомъ языкѣ онъ сказалъ, стараясь придать голосу спокойную четкость:

— Прошу собравшихся гражданъ простить, если я причинилъ тревогу!.. Но завѣряю, что я принадлежу къ той части русскаго общества, которая проникнута самыми лучшими чувствами къ финскому народу...

Далѣе Красницкій хотѣлъ подтвердить, что онъ дѣйствительно соціалистъ, но спохватился, сдѣлалъ короткую паузу и сказалъ только:

— Желаю свѣтлаго будущаго странѣ!..

Тильда посмотрѣла на него долгимъ, благодарнымъ и торжествующимъ взглядомъ. Потомъ нагнулась къ сосѣдкѣ и стала что-то вполголоса говорить. Та утвердительно кивнула головой и зааплодировала Красницкому:

— Спасибо, русскій!..

Тогда часть толпы—какъ по сигналу—подхватила:

— Спасибо!.. Хазе, довольно!.. Хазе, прекрати свои рѣчи!..

Радушный пріемъ въ народномъ домѣ, оказанный финами, не могъ уничтожить въ душѣ Красницкаго того мутнаго, тяжелаго осадка, который остался послѣ выходки Хазе. И чувство одиночества и отчужденности не покидало его весь вечеръ.

На лѣсной полянѣ, вокругъ которой зеленымъ кругомъ смыкался старый ельникъ, горѣлъ костеръ. Пламя изъ смоляной бочки кучно и жарко поднималось, какъ багрово-черная копна. Ребятишки, забравшіеся на деревья, походили на большихъ странныхъ птицъ. Пѣли хоромъ и танцовали, — пойки и дѣвушки.

Все это было красиво и ново для Красницкаго, но не захватывало... Далекими и чуждыми казались кружащіяся въ хороводѣ пары, а пѣсни ихъ холодными и беззвучными...

«Что же это такое?..—пугаясь своего собственнаго безразличія, спрашивалъ себя онъ...—Неужели я такъ отвыкъ отъ людей, такъ омертвѣлъ въ своемъ уединеніи, вдали отъ настоящей жизни?.. А можетъ быть, это отголоски старой неврастеніи?.. Или дѣйствительно въ ихъ весельи, въ ихъ пѣсняхъ и танцахъ, нѣтъ огня, страсти, захвата?»

«Или просто я не понимаю ихъ, они мнѣ чужды?..»

Красницкій дѣлалъ усилія и принуждалъ себя къ внимательности, чтобъ лучше видѣть и слушать... На деревянной возвышающейся площадкѣ хоръ поекъ пропѣлъ... За нимъ пропѣлъ хоръ дѣвушекъ подъ управленіемъ регента, размѣренно махающаго по воздуху рукой съ камертономъ... Опять мужской хоръ...—«Какая сдержанность въ уныніи и въ радости!..—думалъ Красницкій.—Какіе однообразные мотивы!.. Зачѣмъ эта площадка?.. Зачѣмъ регентъ?.. Зачѣмъ—размѣренность, сковывающая,—какъ цѣпи?.. И почему во всѣхъ пѣсняхъ повторяется о Суоме, о родинѣ?.. Можетъ быть—случайно?..»

Красницкому стало еще тоскливѣй... «Суоме!..» Это напомнило Россію... И теплая волна колыхнулась около самаго сердца... «И тамъ лѣса, и тамъ костры, парубки и дѣвчата,

хороводы по зорямъ, пѣсни, пляски!.. Развѣ же сравнить пѣсни *здѣсь* и пѣсни съ трепакомъ—*тамъ*?.. Россія!..»

Онъ до боли въ пальцахъ сжалъ руками голову.

Тильда въ короткіе промежутки между пѣніемъ и танцами приходила... Задавала нѣсколько поспѣшныхъ вопросовъ и уходила на подмостки. Красницкій видѣлъ ее—какъ въ туманѣ—и отвѣчалъ первое, что̀ попадалось на умъ, думая о другомъ...

Она задержалась дольше... Возбужденная, счастливая, стала она рядомъ съ нимъ. Ласково заглянула въ глаза.

— Что съ тобой, Микко̀?..

— Ничего...

— Ты скучаешь?..

— Не знаю...

Она нѣжно коснулась рукой его плеча. Легко пахнула пьянящимъ запахомъ ландышей. Красницкій слабо оживился.

— Микко, пойдемъ со мною танцовать!..

— Нѣтъ, Тильда... Я же не знаю финскихъ танцевъ...

— А какіе ты знаешь?..

— Я, Тильда, не танцую совсѣмъ...

— Можетъ быть, ты покажешь русскій танецъ?.. Я очень хочу...

— Нѣтъ, нѣтъ, Тильда!..

Больше она не повторила просьбы и ушла, не разсердившись.

Красницкій смотрѣлъ, какъ танцуютъ... «Опять размѣренная сдержанность движеній, точно каждый изъ танцующихъ не веселится, а занятъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей! Только Тильда выдѣляется счастливымъ и гордымъ лицомъ!»..

«Вотъ показать бы имъ, какъ пляшутъ у насъ трепака!».. подумалъ онъ. И улыбнулся, мысленно нарисовавъ себѣ, какъ онъ, Красницкій, вдругъ сталъ бы плясать трепака... Что сказалъ бы Валетка и товарищи?.. Что же особеннаго?.. Вѣдь плясалъ же онъ когда-то на студенческихъ вечеринкахъ... И Красницкій почти пожалѣлъ, что Тильда не настояла на своемъ.

«Вотъ—Люся другая!.. Та, навѣрное, уговорила бы его и увела вмѣстѣ съ собой на площадку!..»

Тильда на этотъ разъ скоро вернулась. Озабоченно она сказала:

— Ну, не смотри же, Микко, такъ мрачно!.. Ты хочешь чего?..

— Не знаю...

— Чѣмъ мнѣ тебя повеселить?.. Хочешь, я спою?..

Красницкій молчалъ.

— Я стану пѣть для *тебя*, Микко!.. Слышишь,—для тебя?.. Хочешь?..

— Хорошо, Тильда...

Она въ нѣкоторомъ недоумѣніи оглядѣла его и пошла къ площадкѣ. Скоро распорядитель танцевъ объявилъ, что выступитъ съ пѣніемъ Арвелъ.

Толпа затихла, и Тильда звучнымъ контральто запѣла о страдающей дѣвушкѣ, для которой скоро настанутъ свѣтлые, счастливые дни... Они приближаются, и прошлое будетъ забыто... Въ прошломъ—боль и обиды, въ грядущемъ—радость и свѣтъ. Кто же эта дѣвушка?.. Кто?..

Красницкій не ожидалъ, что у Тильды такая полнота и сила голоса, и не столько голоса, сколько воодушевляющаго чувства. Такъ она непохожа на всѣхъ другихъ. Страданіе вдохновило ее, влило страсть въ звуки. Но, когда она пѣла о свѣтломъ грядущемъ, почему-то въ ея словахъ слышалась тоска. «Прошлое скоро будетъ забыто!..» Скоро ли? Рыдающіе звуки пѣсни говорили только о томъ, какъ жадно хотѣлось бы забыть его...

Не одинъ Красницкій былъ взволнованъ. Пѣніе Тильды увлекло всѣхъ. Слушающіе вкладывали въ ея слова иной смыслъ, иныя чувства, и думали, что Тильда поетъ о родинѣ, Суоми. И, когда она кончила и чрезъ разступающуюся толпу быстро направилась къ Красницкому, ее провожалъ шумъ возгласовъ и рукоплесканій.

— Сколько сладкой боли въ твоемъ пѣніи, Тильда!..—сказалъ Красницкій, встрѣчая ее. Она молча кивнула головой, и глаза ея влажно туманились отъ еще не прошедшаго чувства, которое переполняло ее тамъ, на подмосткахъ...

Сторожъ лѣсныхъ болотъ, хромой и скрюченный съ дѣтства рахитомъ, старикъ Саволайненъ заигралъ на скрипкѣ и приглашалъ къ танцамъ.

Къ Тильдѣ подошло нѣсколько подругъ съ просьбой повторить пѣніе. И внезапно изъ-за ихъ спинъ вдругъ появился Хазе. Онъ шелъ съ легкимъ наклономъ впередъ и одна рука его была протянута—какъ будто для пожатія. Тильда отшатнулась,—ей показалось, что рука Хазе протянута къ ней. Но Хазе не смущаясь остановился и, скользнувъ взглядомъ по Тильдѣ, обратился къ Красницкому ровнымъ, твердымъ голосомъ:

— Товарищъ русскій!.. Извиняюсь передъ вами за то, что произошло въ народномъ домѣ... Я былъ неправъ!..

Красницкій не успѣлъ даже отвѣтить. Въ мгновеніе Тильда подалась впередъ и заслонила его отъ Хазе.

Вся она кипѣла непримиримой ненавистью и съ порывистой стремительностью заговорила:

— Нѣтъ, Микко!... Нѣтъ!.. Микко не долженъ протягивать руки!.. Пойдемъ!..

Круто повернувшись къ Хазе, она уже не видѣла, какъ онъ удивленно поднялъ плечи и отвелъ руку въ сторону, словно и не думалъ протягивать ее для пожатія. Не слышала, какъ онъ что-то сказалъ, и увлекла Красницкаго. Красницкій безотчетно повиновался.

Оба быстро вышли изъ толпы и очутились передъ лѣсомъ. Тильда бурно дышала. На ходу она прижималась упругимъ, разгоряченнымъ тѣломъ къ Красницкому, близко, по-товарищески:

— Микко!.. Спасибо тебѣ!.. Милый Микко!..

Въ бѣлизнѣ прозрачной сѣверной ночи высился лѣсъ и синѣли широкія просѣки. Отчетливо въ тишинѣ доносился издали шумъ толпы. На верхушкахъ деревьевъ красными лезвеями дрожали отблески отъ кокки и зыбко ходили дымчатыя тѣни.

Тильда увлекала впередъ, по просѣкѣ.

— Дальше, милый Микко!.. Дальше!..

На серединѣ просѣки она остановилась.

— Нѣтъ,—лучше сядемъ здѣсь!.. Такъ мнѣ хорошо съ тобой, Микко!.. Такъ хорошо!..

Оба сѣли въ круглоголовыхъ сухихъ кустахъ вереска, тихо шелетящихъ и холодныхъ.

— Такъ хорошо, Микко!.. Ты мнѣ нравишься...—въ полузабытьи сказала она.

Онъ бережно обнялъ ее, какъ большого ребенка, и привлекъ къ себѣ. Она не противилась. Положила голову на его грудь. Устало опустила рѣсницы. Въ полусвѣтѣ ея лицо напоминало изваяніе, и только томныя, жаркія губы чуть шевелились. Такъ она грезила. Красницкій нагнулся и поцѣловалъ ее въ полуоткрытый, влажный ротъ. Она сладко улыбнулась и, отрывая свои губы, слабо сказала:

— Не надо, Микко!.. Послѣ!..

Потомъ вдругъ встала и—отряхая грезы—сказала съ рѣшимостью:

— Милый Микко!.. Не надо!.. Проводи меня домой...

Красницкій искалъ встрѣчъ съ Тильдой наединѣ, неясность отношеній мучила его. Но дѣвушка стыдливо замыкалась въ себѣ и избѣгала всего, что́ могло бы дальше сблизить обоихъ.

Косили траву на топкихъ, сырыхъ крутосклонахъ, по разлужьямъ и на лѣсныхъ полянахъ. Пойки и дѣвушки ходили молчаливыми и озабоченными группами. Работали безъ пѣсенъ, и только мѣрный, отчетливый звонъ косъ плылъ въ тишинѣ надъ угрюмыми просторами. Ровно въ шесть часовъ утра выѣзжали изъ домовъ на прочныхъ, кованныхъ желѣзомъ, телѣгахъ и къ семи, усталые и мирно-довольные, возвращались съ работы.

Красницкій вмѣстѣ съ Тильдой сгребалъ въ копны широкіе волнистые ряды сочной травы и скошенныхъ цвѣтовъ. Поодаль на пригоркѣ старикъ Арвелъ и работникъ уже откосились и завтракали, разложивъ на пестрой груботканой скатерти хлѣбъ съ масломъ и сыромъ и наливая въ бѣлыя глиняныя чашки квашеное молоко изъ деревянныхъ круглыхъ двудонниковъ.

Тильда, повязанная ситцевымъ платочкомъ, чтобъ не запылить волосъ, разгорѣлась отъ работы и отъ волненія.—Красницкій уже второй день сопровождалъ ее въ поле, и она, дружески и по-женски примиренно, была полна неизвѣстнаго ожиданія.

Дометавъ послѣднюю копну, она, отдыхая, прислонилась къ березовому стояку для сушки травы и задумчиво поправляла выбившіеся изъ-подъ платка волосы.

Красницкій съ граблями въ рукѣ приблизился къ ней. Просто и внезапно спросилъ со свойственной ему прямотой:

— Тильда!.. Пошла бы ты за меня замужъ?..

Тильда замѣшалась и опустила глаза...

— Ты молчишь—значитъ, ты согласна?...—наклоняясь къ ней и порабощая ея волю своей настойчивостью, продолжалъ онъ...

— Микко!.. Что же я могу сказать?..

Она подняла голову.

— Твоя мать, кажется, сердится на меня?..

— Да...

— Почему?..

— Дѣвушки пожаловались ей, что я вела себя нехорошо на коккѣ... Она осудила меня...

— А твой отецъ... Согласился бы онъ выдать тебя за меня замужъ?..

— Нѣтъ, Микко...

— Почему же?..

— Отецъ выдастъ Тильду только за богатаго... Микко же ничего не имѣетъ...

— Вотъ какъ!..—пристально всматриваясь въ дѣвушку и слѣдя за выраженіемъ ея лица, воскликнулъ Красницкій.—Но развѣ у Тильды нѣтъ своей воли, чтобъ распорядиться собою... Развѣ она не можетъ ослушаться отца и матери?..

Тильда долго и отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ!.. Микко—русскій!.. Отецъ и родные не захотятъ тогда видѣть Тильду, и ей плохо будетъ одной!

«Да, она права!..—подумалъ Красницкій. —Что можетъ дать ей бракъ съ изгнанникомъ русскимъ, кромѣ одиночества и враждебнаго отношенія сородичей... Можно ли требовать отъ нея такой непосильной жертвы?..»

— Ну, хорошо!..—послѣ минутнаго раздумья заговорилъ онъ, упорно продолжая искать какого-нибудь выхода.—А если бы вдругъ Микко оказался богатымъ... Если онъ женится, то поѣдетъ въ Випури (Выборгъ) и тамъ заработаетъ 400—500 марокъ въ мѣсяцъ... Микко—инженеръ!.. Ему дадутъ хорошее мѣсто на заводѣ... Что скажетъ тогда твой отецъ?.. Согласится?

Тильда съ выраженіемъ радостной нерѣшительности колебалась. Молча нагнулась къ землѣ и подняла упавшія грабли.

— Ты поговоришь съ своимъ отцомъ?..—продолжалъ Красницкій.

— Пойдемъ, Микко, завтракать... Уже пора!..—вдругъ круто перемѣнила разговоръ Тильда.

По праздникамъ женщины ходили въ ближній лѣсъ за морошкой, мамурой и черникой. Старикъ Арвелъ въ садикѣ около дома угощалъ сосѣдей легкимъ пѣнистымъ пивомъ, тягучимъ и сладковатымъ, какъ сусло. Работникъ въ праздничномъ черномъ картузѣ кружился по накатанной дорогѣ на старомъ дешевомъ велосипедѣ,—учился ѣздить. Рыжая собака съ лаемъ забѣгала впереди его.

Красницкій, въ ожиданіи нужныхъ матеріаловъ для работы, томительно проводилъ дни.

Тильда окружала его внимательной, по-женски нѣжной, заботливостью: навѣсила на окнахъ прозрачныя тюлевыя занавѣски и принесла вазоны съ зацвѣтающими геранями и молодыми миртами. Въ мягкихъ, успокоенныхъ движеніяхъ ея Красницкій улавливалъ какую-то внутреннюю перемѣну. Но по-прежнему она не давала отвѣта на то главное, о чемъ настойчиво онъ спрашивалъ во время послѣдняго разговора на сѣнокосѣ.

Только недѣли черезъ двѣ послѣ того заявился къ нему старикъ Арвелъ. Справившись, не занятъ ли чѣмъ-нибудь Красницкій, онъ положилъ на конецъ стола глиняную потухшую трубку и сѣлъ въ креслѣ, выставивъ мозолистыя съ фіолетовыми узлами жилъ руки. Сѣдѣющая, давно небритая борода его торчала зеленой щетиной изъ-подъ самой шеи.

— Господинъ Микко говоритъ, что онъ инженеръ?.. Э-эге!.. Очень радъ!.. Хорошая земля родитъ овесъ и хлѣбныя зерна, а на плохой не растутъ даже поганые грибы...

Красницкій понялъ, что старикъ склоняется къ благопріятному для него и Тильды рѣшенію.

— Почему же господинъ Микко не воздѣлываетъ своей доброй земли?.. А?.. Почему онъ сидитъ здѣсь и не поѣдетъ въ Випури?.

— Еще не пришло время!..—отвѣтилъ Красницкій.

— А когда оно придетъ?.. Хе-хе!..

Старикъ вопросительно поднялъ на желтый морщинистый лобъ выцвѣтшіе клочки бровей.

— Густавъ Арвелъ хозяинъ въ дому и отецъ своей дочери!.. сказалъ Красницкій, вызывая собесѣдника на рѣшительный отвѣтъ.—Отъ него зависитъ, нужно ли, чтобы Микко ѣхалъ въ Випури!..

Старикъ взялъ трубку и съ озабоченнымъ, раздумывающимъ видомъ сталъ ее раскуривать.

— Такъ, такъ!.. Густавъ Арвелъ ничего не имѣетъ противъ... Только ему нужно сперва посмотрѣть... Пусть господинъ Микко сперва съѣздитъ въ Випури!.. Нужно посмотрѣть, сколько сотенъ марокъ онъ заработаетъ!.. Хе-хе!..

Красницкому было непріятно все,—и мелкій, разсыпающійся смѣхъ старика, и его длинный табачный носъ на шафранномъ лицѣ, напоминающій клювъ хищной птицы, и угодливая предупредительность, съ какою онъ обращался къ нему, какъ къ будущему зятю.

Замѣтивъ недобрыя тѣни въ его глазахъ, Арвелъ поднялся съ кресла, и, пыхая трубкой, похлопалъ его по плечу:

— Ничего, русскій, ничего!.. Когда я женился на Аннѣ, то во всемъ околоткѣ на десятки километровъ не было другого шведа, кромѣ меня... Тильда—хорошая дѣвушка... Можетъ быть, Микко думаетъ, что у нея нѣтъ жениховъ?.. Еще какіе есть!.. Не скажу, чтобъ Андрей Пелконенъ, который къ ней сватается, былъ совсѣмъ изъ бѣдной семьи... Хе-хе!.. Только Тильда своенравная дѣвушка и ни за кого не хочетъ идти замужъ...

Въ дверяхъ передъ лѣстницей Арвелъ оглянулся и одобрительно повторилъ:

— Ничего, Микко!.. ничего!.. Если поможетъ Богъ, то у Тильды найдется пять десятинъ добраго лѣсу, гдѣ можно поставить большую дачу для обоихъ!.. Дачу—какъ у бароновъ!..

По его уходѣ Красницкій, вопреки ожиданіямъ, не почувствовалъ никакого облегченія отъ того, что мучительный вопросъ о бракѣ съ Тильдой, наконецъ, разрѣшенъ: Напротивъ, въ душѣ поднялась тупая, гнетущая тоска,—хлынули воспоминанія о Россіи, о прошлой жизни.

Отдаваясь потребности подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ настроеніемъ, онъ сѣлъ за столъ и на большомъ листѣ почтовой бумаги, на какихъ обыкновенно посылалъ статьи въ редакцію, началъ писать. Писалъ лихорадочно, со спѣшностью, хватая обрывки заполняющихъ все его существо мыслей, вынимая жестоко, съ болью изъ души слова и безъ пощады терзая самъ себя каждой новой строчкой.

«Дорогой Валетка!.. Можешь удивляться, а если хочешь, то и осуждать меня... Кажется, мое временное прозябаніе въ этой глуши скоро превратится въ постоянное... Порываю послѣднюю нить, связывающую меня съ Россіей,—женюсь на финкѣ и превращаюсь въ благонамѣреннаго и степеннаго гражданина Суоми.

На-дняхъ отправлюсь въ Выборгъ,—Виипури,—какъ здѣсь говорятъ,—буду искать работы по той спеціальности, какую готовили мнѣ родители: мѣста химика на заводѣ. А въ будущемъ—мой нареченный тесть обѣщаетъ мнѣ въ видѣ свадебнаго подарка землю для баронской виллы...

Видишь, какъ все хорошо!.. Ты, пожалуй, скажешь: чѣмъ же я лучше Тальмы, Понтія, или Немилова, пристроившихся тепленько?.. Да,—ты правъ!.. Впрочемъ, ко мнѣ отнесись снисходительнѣй. У меня есть нѣсколько смягчающихъ вину обстоятельствъ.

Ну, скажи мнѣ по совѣсти?.. Что другое могу дѣлать я здѣсь въ глуши, въ одиночествѣ?.. Куда приложить свои силы?.. Даже книгъ нѣтъ,—не говорю уже о людяхъ... А что дальше?.. Возвратъ въ Россію—невозможенъ... Прозябать такъ, какъ прозябаю я, немыслимо... У меня хватитъ выносливости на годъ, на два, на три... А потомъ?.. Что потомъ?.. Вѣдь рано или поздно передо мной встанетъ вопросъ, какъ приспособиться къ жизни той страны, того народа, къ которому я пришелъ чужакомъ, изгнанникомъ?..

Если бъ ты зналъ, какъ жаль мнѣ пропадающихъ знаній и силъ!.. Никогда и нигдѣ не совершу я того, что̀ могъ бы совершить тамъ у себя, на родинѣ!.. Помнишь, какъ мы мечтали?..

Э-эхъ, Валетка!..

Ты спросишь, кто она... Не все ли равно?.. Она—простолюдинка, вѣритъ въ гаданья и, кажется... соціалистка... Впрочемъ, здѣсь всѣ лавочники считаютъ себя соціалъ-демократами и ходятъ съ партійными значками, хотя старательно огораживаютъ заборами даже пустыя поля.. Не нравится мнѣ это мѣщанство!

Она—непосредственная и добрая натура... Вотъ пока все, что могу сказать...

Съ чего у насъ началось?.. Мы были вмѣстѣ въ лѣсу около «Скалы смерти»—«Сурманъ Калліо».. Какъ сейчасъ помню... Я смотрѣлъ внизъ съ обрыва,—она около прислонилась къ березкѣ... Мнѣ показалось, что она страдаетъ и близка даже къ самоубійству... Вотъ это страданіе ея и тронуло меня, покорило!..

Ты когда-то смѣялся, что мы, русскіе интеллигенты, обязательно ищемъ въ своихъ поступкахъ оправдывающаго смысла... Смѣйся и надо мной! Но это было такъ!.. Вначалѣ я просто и искренно хотѣлъ помочь бѣдной дѣвушкѣ... Хотя—не скрою—она нравилась мнѣ...

... А потомъ я уже просто по теченію отдался власти несущихъ меня въ неизвѣстность обстоятельствъ...

По теченію!.. Какъ ненавидѣлъ я прежде это слово!..

Ненавижу и теперь... Но какой же иной выходъ для меня?.. Въ послѣднее время меня угнетаетъ мертвое равнодушіе ко всему, что̀ вокругъ... Тупость и пустота... Разъ нѣтъ главнаго, что̀ составляло когда-то основу всей моей жизни, разъ потеряна родина, то не все ли равно — куда мнѣ пристать?.. Быть инженеромъ, превратиться въ фермера, — безразлично... Главное въ томъ, что окружающее не можетъ зажечь, вдохновить меня, заставить жертвовать собой такъ—ка̀къ въ Россіи...

Я сознаю, что я неправъ... Развѣ для соціалиста не является родиной весь міръ?.. Но я не могу... Не знаю,—можетъ быть, я надломился въ скитаніяхъ?.. Можетъ быть, виноваты условія и характеръ той страны, гдѣ я живу?.. Не скрою отъ тебя... Осѣсть въ Финляндіи, чтобы сливаться съ ея народомъ, для меня тяжело. Думаю, что во Франціи, въ Англіи или Америкѣ мнѣ было бы легче... Почему?.. Не потому ли, что размахъ жизни тамъ болѣе широкъ, чѣмъ здѣсь?.. Или потому, что мою душу, безалаберную русскую душу, привыкшую мятежно бросаться изъ одной крайности въ другую, отталкиваетъ эта царящая во-

кругъ сдержанная холодность, размѣренность—разсчитанная культурность. О-о!.. Здѣсь нѣтъ даже такихъ солнечныхъ, палящихъ зноемъ дней, какъ у насъ, — нѣтъ широкихъ далей, нѣтъ бурныхъ грозъ, нѣтъ вообще кипѣнія жизни...

Милый, милый Валетка!.. Хотѣлось бы когда-нибудь встрѣтиться,—но за послѣднее время я потерялъ на это всякія надежды и махнулъ рукой.

Твой К.»

Письмо осталось неотправленнымъ. Перечтя его на другой день, Красницкій нашелъ въ немъ много ненужнаго, а главное неконспиративнаго, и изорвалъ почтовый листокъ, выбросивъ клочки за окно.

Потомъ пришли другія важныя событія.

Первую вѣсть о войнѣ Россіи съ Германіей Красницкій услышалъ отъ работника, ѣздившаго съ Арвеломъ въ ближній поселокъ. И хотя Красницкій былъ подготовленъ газетами къ этой новости, тѣмъ не менѣе онъ былъ весь потрясенъ. Мысли закружились въ неудержимомъ, бѣшеномъ вихрѣ:

«Война!.. Вѣдь это значитъ, что тамъ, въ Россіи, забились теперь тысячи пламенныхъ родниковъ жизни!.. Какой великій сдвигъ происходитъ тамъ?.. Кто знаетъ, что̀ онъ таитъ въ себѣ?..»

Конецъ унынію и бездѣйствію!..

Тоска, какую переживаютъ всѣ эмигранты, охватила его. И ожили старыя надежды...

«Война!.. Можетъ быть, она несетъ ему, Красницкому, освобожденіе?.. Во всякомъ случаѣ, тамъ, въ Россіи,—жизнь,—закипѣвшая работа,—общественный интересъ!..

А здѣсь?..

Добровольная гибельная ссылка!.. Нѣтъ, какъ я могъ мириться съ такимъ заточеніемъ?..—удивлялся самъ себѣ Красницкій...—Какъ мнѣ могла придти въ голову мысль—основаться здѣсь навсегда, жениться на Тильдѣ?..

Безуміе!.. Слѣпое безуміе!..»

Въ нетерпѣливомъ волненіи онъ отправился въ горницу, чтобъ увидѣть и разспросить о подробностяхъ старика Арвела, только-что бывшаго въ поселкѣ. Арвелъ послѣ дороги успѣлъ умыться, надѣлъ бѣлую чистую домашнюю рубаху и пилъ кофе. При видѣ Красницкаго онъ кивнулъ головой и задвигалъ привѣтливо сивыми клочками бровей.

— А-а, Микко!.. Добрый день!..

— Спасибо,—добрый день!..—торопливо бросилъ Красницкій.—Скажите, Арвелъ,—вы не слышали новости, что между Россіей и Германіей объявлена война?

Старикъ хлебнулъ нѣсколько глотковъ, поставилъ на блюдце стаканъ и вытеръ губы лежащимъ на столѣ полотенцемъ:

— Не знаю, Микко!.. Я еще не получалъ газетъ...

— А что говорятъ ваши сосѣди въ поселкѣ?..

— Говорятъ, что война... Значитъ, это вѣрно... Разумѣется, война...—пѣвучимъ голосомъ отвѣчалъ онъ.

Медлительность Арвела уже начинала раздражать Красницкаго. Онъ повысилъ голосъ:

— Неужели жъ васъ не интересуетъ такое міровое событіе—какъ война?.. Вы не заѣхали даже за газетами...

Старикъ повернулъ голову, посмотрѣлъ круглыми, удивленными глазами и отвѣтилъ сердито, но вѣжливо:

— О, нѣтъ!.. Очень интересуетъ... Но газеты—въ лавкѣ, и у меня не было свободнаго времени заѣхать за ними..

— Ну, хорошо!..—началъ Красницкій послѣ паузы.—Тогда прошу васъ, Арвелъ... Дайте мнѣ лошадь до Выборга...

Старикъ оживился и привсталъ со скамьи.

— До Випури?.. Развѣ господинъ Микко рѣшилъ искать мѣсто инженера?..

— Пошли вы къ чорту съ своимъ инженерствомъ!..—вспылилъ возмущенно Красницкій.—Неужели вы не понимаете, что̀ теперь происходитъ, что̀ значитъ для меня война?

Старикъ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

— Послушайте, Арвелъ!..—смягчая тонъ, какъ будто стыдясь своей рѣзкости, заговорилъ снова Красницкій — Я такъ взволнованъ извѣстіемъ и прошу меня извинить... Можете вы дать мнѣ лошадь до Выборга?..

— Мнѣ нужно знать, для чего вамъ ѣхать въ Випури!..—рѣшительно сказалъ старикъ...

— Для чего?.. Да просто я хочу узнать, что̀ дѣлается...—отвѣтилъ Красницкій, испытывая новый приступъ раздраженія.

— О, нѣтъ!.. У меня сегодня нѣтъ свободной лошади!..—заявилъ старикъ.

Красницкій круто повернулся, чтобъ идти на верхъ, а Арвелъ покачалъ головой ему въ слѣдъ и повторилъ:

— Завтра, когда я кончу работу, вы получите лошадь,—а сегодня свободной лошади нѣтъ!..

*

Въ мансардѣ Красницкій остановился посреди комнаты и нервно стиснулъ руки, хрустя пальцами:

— Проклятая неволя!.. Какъ звѣрь въ клѣткѣ, — или въ тюрьмѣ!..

На подоконникѣ краснѣли любовно - установленныя Тильдой расцвѣтшія герани. Занавѣски были старательно подобраны къ косякамъ голубой ленточкой... И съ комода, почти касаясь концами до полу и сверкая бѣлизной, спускалось расшитое кружевными узорами полотенце.

Нѣтъ!.. Бѣжать скорѣе отъ всего этого,—бѣжать отъ гераней, занавѣсокъ и кружевныхъ узоровъ!.. Туда, въ Россію!..

— Что бы ни ожидало его, тамъ лучше!.. Пусть даже тюрьма!..

— А можетъ быть, и свобода?..

Онъ сѣлъ за столъ и облокотилъ голову, ничего не видя и не слыша, погруженный въ мысли... Такъ онъ сидѣлъ часъ, или два.

Очнулся онъ отъ легкаго и нѣжнаго прикосновенія:

— Микко!..

— Тильда, ты?..—безучастно, какъ сквозь тяжелый сонъ, спросилъ онъ, нисколько не удивляясь ея появленію...

Дѣвушка встревоженно наклонилась къ нему...

— Что съ тобой, Микко? Почему ты такой?...

Она бережно провела рукой по его волосамъ.

Ласка разбудила его...

— Ничего, Тильда!.. Успокойся!..

— Правда ли, что Микко оставляетъ васъ?

Красницкій съ болью смотрѣлъ въ ея глубокіе, потемнѣвшіе глаза.

— Что же ты, Микко, молчишь?.. Если правда, то говори ее!..

Мучительные изломы обозначились въ углахъ его губъ.

— Не знаю, Тильда!.. Можетъ быть!..

— Развѣ Микко идетъ воевать?..—измѣнившимся, дрогнувшимъ голосомъ спросила дѣвушка.

— Нѣтъ...

— Зачѣмъ же тогда покидать насъ?... Микко самъ говорилъ, что ему нельзя въ Россію... Или теперь стало можно?

— Нѣтъ, Тильда... Нельзя и теперь...

— Стало быть, Микко разлюбилъ меня?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Тильда!..—съ неодолимымъ страданіемъ воскликнулъ Красницкій.—Тильда, милая!.. Я не могу тебѣ объяснить... Ты все равно не поймешь...

Дѣвушка глубоко вздохнула и блѣдная, держа руку на корсажѣ около сердца, тихо вышла изъ комнаты.

Красницкій взялъ съ собой только удочки, чтобъ не навлекать подозрѣній. Пройдя риги съ красными крышами и унылыя сѣрыя бревенчатыя сѣносушилки, разбросанныя въ лугахъ, онъ выбралъ мѣсто на крутомъ поворотѣ рѣки, гдѣ за омутомъ начиналась отмель и вода бурлила, перекатываясь черезъ зеленые обомшалые камни.

Подъ сухой расщепленной бурями ольхой онъ поставилъ ведерко и сталъ слѣдить не столько за поплавкомъ, сколько за движеніемъ пограничной стражи.

«Сегодня!.. Если бѣжать, то надо сдѣлать это сегодня!.. Тильда рѣшилась на что-то необычное!.. Завтра мнѣ будетъ труднѣе выбраться на волю!..

— Возвратиться въ Россію?.. Можетъ быть... новыя страданія?.. Что же?.. Пусть такъ!.. Жизнь — тамъ!.. Здѣсь же— пытка и смерть!..»

Солдатъ-пограничникъ въ сѣрой шинели съ винтовкой на плечѣ мирно и неторопливо шагалъ на противоположномъ берегу. Противъ Красницкаго онъ остановился, любопытно послѣдилъ за поплавками и сказалъ:

— Бачите, яка щучина у того мисочку грае?..

Красницкій притворился, что ничего не понимаетъ, и дѣланнымъ, не своимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Э юммера!.. (Не понимаю).

Солдатъ постоялъ еще немного, обшарилъ глазами берегъ и тихо двинулся дальше.

Когда же онъ исчезъ изъ виду, Красницкій подтянулъ до колѣнъ голенища своихъ охотничьихъ сапогъ, прыгнулъ въ воду, перешелъ вбродъ рѣку и быстро скрылся въ густыхъ поросляхъ мелкаго березняка.

Ал. Богдановъ.

* * *

Въ ритмъ дождю такъ медленно, такъ плавно
Я иду тропинкою лѣсною.
Тянутся причудливо-забавно
Полосы межъ небомъ и землею.

Будто ткетъ серебряныя нити
Въ небѣ кто-то ласковый и мудрый.
Тише, тише, листья, не шумите,
Завтра будетъ радостное утро.

Нити станутъ яркимъ ожерельемъ,
И повиснутъ на цвѣтахъ, на травахъ.
Солнце вспыхнетъ молодымъ весельемъ,
Громче птицы запоютъ въ дубравахъ.

Екатерина Бунге.

ЕЩЕ СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ.

(По поводу статьи: „Косвенные налоги на фабрики“, напечатанной въ „Вѣстникѣ пром.“ 1860 г. № 2-й [1]).

Читая въ иностранныхъ газетахъ разсказы о случаяхъ и видахъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, мы, русскіе, приходимъ всегда въ столь сильное негодованіе, что сторонній зритель можетъ подумать, что насъ кровно обидѣли. Не говоря уже о торговлѣ неграми, о несносномъ положеніи послѣднихъ въ Южныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, нѣтъ, даже обыденное притѣсненіе фабрикантомъ-капиталистомъ пролетарія-работника производитъ въ насъ благородное волненіе крови и непривычную суматоху мыслей. И это я говорю не о нынѣшнемъ днѣ, когда мы сдѣлались... тово, и когда у насъ на этотъ счетъ образовались понятія... тово, но о днѣ вчерашнемъ, когда между нами не слишкомъ-то много было сочувственниковъ тому порядку

---

[1]) Это произведеніе М. Е. Салтыкова принадлежитъ къ числу найденныхъ въ архивѣ М. М. Стасюлевича и частью уже напечатанныхъ въ „Вѣстн. Евр.“ (см. май 1914 г.). Въ свое время, т.-е. въ 1860 г. оно не появилось въ печати, вѣроятно, по препятствіямъ цензурнымъ, на что указываетъ собственноручная надпись М. Е. на оригиналѣ: „Если статья напечатается, то просятъ отпечатать особо 25 оттисковъ“;—а сверху этого написано другой рукой: „не одобряется“. Что касается до заголовка, то надо имѣть въ виду, что въ „Современникѣ“ было напечатано произведеніе М. Е., озаглавленное: „Скрежетъ зубовный“.

„Вѣстникъ промышленности“—ежемѣсячный журналъ, выходилъ въ Москвѣ съ 1858 по 1861 г. подъ ред. Ѳ. В. Чижова и И. К. Бабста. Ѳ. В. Чижовъ (1811—1877)—финансистъ и писатель, одинъ изъ представителей крупной промышленности, оживленіе которой совпало съ эпохой русскаго возрожденія послѣ 1854 г. Чижовъ видѣлъ въ поднятіи русской промышленности патріотическое дѣло и былъ однимъ изъ горячихъ защитниковъ покровительства отечественной промышленности. Теоретикъ торговаго движенія, Чижовъ и практически оказался однимъ изъ піонеровъ въ дѣлѣ осуществленія различнаго рода промышленныхъ предпріятій въ крупномъ масштабѣ. Главнымъ препятствіемъ дѣлу промышленнаго развитія Чижовъ считалъ существованіе крѣпостного права, противъ котораго онъ помѣщалъ статьи въ своемъ журналѣ. И. К. Бабстъ (1824—1881)—извѣстный профессоръ казанскаго, а потомъ московскаго университета.

Статья г. „Проѣзжаго“ (псевдонимъ), вызвавшая печатаемое нынѣ возраженіе М. Е. Салтыкова, появилась въ № 2 „Вѣстника Промышлен-

вещей, который въ настоящее время выражается нами словомъ «вово». Развѣ ужъ какой-нибудь по истинѣ заиндевѣвшій патріархъ, слушая или читая подобные разсказы, воскликнетъ бывало: «ишь шельма». Или «ахъ ты бестія», но воскликнетъ такимъ голосомъ, который даетъ сразу понять, что подъ «шельмой» слѣдуетъ разумѣть «голубчика», и что говорящій всей своей преисподней сочувствуетъ глаголемому «бестіи».

Поэтому нельзя не взирать безъ сожалѣнія на тѣ рѣдкіе случаи, когда мы отказываемся отъ привычной намъ опрятности въ словахъ, ежели не въ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Подобный поразительный случай, къ величайшему удивленію, встрѣтился недавно на страницахъ «Вѣстника Промышленности» (Февраль 1860 года), въ статьѣ подъ названіемъ: «Косвенные налоги съ фабрикъ» по поводу нѣкоего чудовищнаго дѣла, случившагося въ городѣ Нововласьевскѣ.

Любезные обыватели разныхъ концовъ Россіи любятъ посвящать свободные отъ отдохновенія часы литературнымъ потугамъ разнаго рода, результатомъ которыхъ бываетъ сообщеніе публикѣ нѣкоторыхъ узловатыхъ и шишковатыхъ дѣлъ. Стремленіе похвальное, и я отнюдь не намѣренъ порицать его, ибо самъ былъ неоднократнымъ свидѣтелемъ того, какъ лѣзли глаза на лобъ у нѣкоторыхъ администраторовъ при напоминаніи о замаранныхъ ихъ хвостахъ. Конечно, литературнымъ этимъ опытамъ мѣшаетъ то, что въ нихъ всегда присутствуетъ какое-то странное балагурство à la половой или à la гостинодворецъ. Но и это опять не бѣда, если принять въ соображеніе, что мы вообще народъ не словесный, и что недалеко еще то время, когда, кромѣ «папы» да «мамы», мы и словъ другихъ произносить не смѣли. Тѣмъ не менѣе, не отыскивалось еще такого

ности", стр. 76—96. Она имѣетъ видъ корреспонденціи, написанной въ беллетристической формѣ, съ діалогами, отступленіями, и пр. Всѣ имена—городовъ и лицъ—явно вымышлены, не названы по фамиліямъ только губернаторъ и вице-губернаторъ, которые во всей статьѣ стоятъ въ тѣни; они, въ изображеніи автора,—единственныя въ губерніи лица, не берущія взятокъ, но зато являющіяся маріонетками въ рукахъ „берущихъ" губернскихъ чиновниковъ. Послѣднія слова помѣщаемой статьи М. Е. Салтыкова свидѣтельствуютъ, что этимъ вице-губернаторомъ былъ онъ—Салтыковъ. Статья „Проѣзжаго" написана съ явной симпатіей къ исправнику и въ особенности къ фабрикантамъ, ставшимъ жертвами изобрѣтательнаго Лисички, и заканчивается слѣдующими нравоучительными строками, идущими отъ имени анонимнаго автора:

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ",—думалъ я не разъ, припоминая себѣ всю эту продѣлку. Развитіе промышленности, процвѣтаніе фабрикъ, толки о движеніи впередъ!—все это до тѣхъ поръ останется въ желаніяхъ, въ мечтахъ и на бумагѣ, пока будетъ существовать возможность такихъ продѣлокъ.

Эпиграфомъ къ статьѣ взяты слова: „Не бойся суда, а бойся судьи".

Ред.

пишущаго ироя, который взялся бы публично защищать аферу, основанную на человѣческомъ мясѣ, и столь же публично клеветать на тѣхъ, которые сію неприличную аферу называли принадлежащимъ ей именемъ.

Въ статьѣ «Косвенные налоги на фабрики» разсказывается дѣло, положительно и близко мнѣ извѣстное во всѣхъ его гадкихъ подробностяхъ. Разсказывается оно слѣдующимъ образомъ. Въ городѣ Нововласьевскѣ,—нѣкоторые добродѣтельные фабриканты задумали облагодѣтельствовать своихъ ближнихъ. Въ этихъ мысляхъ они начали, благословясь, выкупать на волю у сосѣднихъ помѣщиковъ мужичковъ и приглашать ихъ къ себѣ на фабрику, гдѣ «судя по тому, что всякая 12-ти-лѣтняя дѣвочка зарабатываетъ отъ трехъ до пяти руб. въ мѣсяцъ, то сколько же должны получать совершеннолѣтніе». Гдѣ «директоръ не брезгуетъ русскимъ народомъ» (вотъ-то достоинство особаго рода), гдѣ «вникаютъ въ бытъ рабочихъ людей и помогаютъ имъ въ нуждахъ». Шутка сказать: ѣшь, пей и веселись. Тѣмъ не менѣе подобно тому, какъ невиннаго ребенка, довѣрчиво купающагося въ волнахъ Нила, стережетъ изъ-за камышей крокодилъ, такъ и благодѣтельныхъ купцовъ стерегли, среди ихъ невинныхъ занятій, не одинъ, а два крокодила: нѣкто Безчленный, и нѣкто Лисичка. Виноватъ, въ разсказѣ есть еще третій крокодилъ: Эмансипація. Этотъ послѣдній крокодилъ, я думаю, былъ даже поважнѣе первыхъ двухъ, потому, что безъ него ни Безчленный, ни Лисичка, будь они семи пядей во лбу, пороха бы не выдумали. И посмотрите, какъ все просто сдѣлалось. Безчленному и Лисичкѣ понадобились деньги—ну, разумѣется, къ кому же и обратиться, какъ не къ благодѣтелямъ рода человѣческаго. Однако «фабриканты, зная образъ жизни просившихъ, отказали».

...Не говоря худого слова, Безчленный и Лисичка призвали простодушныхъ мужичковъ, да вдругъ и объявили имъ: вы, дескать, вольные... или нѣтъ: вы, дескать, *и безъ того* будете вольные. Неизвѣстно, что померещилось нашимъ мужичкамъ, но они внезапно вообразили, что была между фабрикантомъ и помѣщиками какая-то темная стачка—«взяли, да и подали просьбу, что ихъ приписали къ Нововласьевскому мѣщанскому обществу безъ согласія». Здѣсь является четвертый крокодилъ—губернаторъ, который назначаетъ слѣдствіе, и, наконецъ, пятый крокодилъ—чиновникъ особыхъ порученій, который производитъ слѣдствіе. Этотъ послѣдній описанъ особенно уморительнымъ образомъ. «Онъ долженъ быть польскій жидъ, помѣсь съ альбиносомъ, глаза—бѣлые, съ кровавыми оттѣнками, и таращитъ ихъ, какъ корова,

которую ведутъ на бойню; носъ крючкомъ» и т. д. Увы; мы, русскіе, не можемъ обойтись безъ наружнаго остроумія. Если кто-нибудь сдѣлалъ не по-нашему, то, навѣрное, у него или глаза коровьи, или носъ крючкомъ. Это не нами заведено, не нами и кончится: въ этомъ состоитъ нашъ насущный обывательскій юморъ. Разумѣется, этотъ г. Помѣсь дѣйствуетъ самымъ гнуснымъ образомъ: съ перваго же раза требуетъ у фабриканта тридцать тысячъ цѣлковенькихъ (ахъ, если бы зналъ ты, злосчастный Помѣсь, о своихъ неумѣренныхъ требованіяхъ! Съ какимъ бы удовольствіемъ съѣхалъ бы ты хоть ну, хоть на одну тысячку), застращиваетъ людей (т.-е. тѣхъ же самыхъ, которые возбудили все дѣло), сажаетъ безъ всякой причины въ острогъ некоего незнакомца Самознаева, единственно потому, что ему такъ отъ начальства приказано [1]), и къ довершенію всего (о глупый дуракъ!) разсказываетъ о своихъ подвигахъ всѣмъ и каждому, въ томъ числѣ и ему, Проѣзжему. Разумѣется, изъ всего этого выходитъ нѣчто чудовищное, ибо невинность страждетъ, а порокъ и злодѣйство торжествуютъ. Итакъ, вотъ какъ опасно, милыя дѣти, купаться въ Нилѣ благодѣяній.

Разсказъ, сверхъ того, украшенъ разными эпизодами. Во-первыхъ, является городничій Банинъ, оторванный, по несправедливости начальства, отъ тучныхъ пажитей Нововласьевска и брошенный на безплодныя скалы Горогорска. Этотъ Банинъ имѣетъ мутные отъ слезъ глаза и, подобно Пояркову Печерскаго, поющему подъ тѣнью деревъ «блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ», безпрестанно бормочетъ себѣ подъ носъ: «не бойся суда, а бойся судьи». Сверхъ того, онъ обливаетъ слезами и безпрестанно цѣлуетъ часы, нечаянно подаренные ему растроганными нововласьевцами. Этотъ городничій—прелесть. Во-вторыхъ, является губернаторъ, который купаетъ въ теплой водѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Въ-третьихъ, вся обстановка наивна и поэтична до крайности: дѣйствующія лица безпрестанно проходятъ по водочкѣ, закусываютъ груздочками, слушаютъ какихъ-то пѣвицъ [«Мои споютъ тебѣ что-нибудь», говоритъ нѣкто г. Немиловъ. Кто эти мои? Я подозрѣваю, что эти «мои»—тѣ самыя существа, которыхъ въ шутливомъ русскомъ тонѣ называютъ «канарейками» и за излиш-

[1]) Впрочемъ, изъ той же статьи явствуетъ, что это же начальство, которое приказывало (не зная и не предвидя, какъ разовьется дѣло) посадить Самознаева, по разсмотрѣніи слѣдствія, выпустило его изъ острога. Вотъ и подите съ этакой логикой. Впрочемъ, тутъ же прибавляется, что выпустилъ его младшій секретарь губернскаго правленія (такой и должности-то нѣтъ), но объ этомъ дальше.

нее разведеніе которыхъ, люди подобные г. Немилову (а отчего же и не самъ Немиловъ), попадаютъ подъ опеку] и выпиваютъ цѣлыя партіи шампанскаго...

И вотъ, можете себѣ представить, что дѣло происходило совершенно иначе, нежели разсказываетъ г. Проѣзжій.

Благоразумный читатель, еще при чтеніи самой статьи Проѣзжаго, почувствуетъ, что есть въ ней что-то неладное, какъ-будто шитое живыми нитками. Откуда и съ чего, напримѣръ, эта внезапная злоба противъ благодѣтельныхъ фабрикантовъ со стороны такъ называемыхъ губернскихъ властей. Можетъ ли существовать на свѣтѣ такая губернія, гдѣ губернаторъ занимается только купаніемъ дѣтей своихъ, и вице-губернаторъ послушенъ не совѣсти своей, а приказаніямъ какого-то младшаго секретаря губернскаго правленія. Возможны ли, наконецъ, городничіе, обливающіе слезами подаренные имъ часы. Все это такого рода вопросы, которые могутъ смутить и не слишкомъ дальновиднаго читателя, но не смутили Проѣзжаго, который, повидимому, совершенно доволенъ самимъ собой.

Я не хочу брать на себя защиту человѣка, именуемаго помѣсью жида съ альбиносомъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ взять деньги съ добрыхъ фабрикантовъ, можетъ быть, и не хотѣлъ — это тайна между нимъ и фабрикантами. Но что онъ не взялъ денегъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и явствуетъ изъ самаго простого изложенія обстоятельствъ этого дѣла. Постараюсь быть краткимъ.

Въ апрѣлѣ 1858 года нѣкоторые вольноотпущенные отъ помѣщиковъ Нововласьевскаго и сосѣдняго съ нимъ уѣзда (назовемъ его хоть Сараевскимъ) принесли жалобу мѣстному начальнику губерніи (кстати замѣтимъ, что какъ губернаторъ, такъ и вице-губернаторъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ разсказѣ Проѣзжаго, были только-что опредѣлены къ своимъ должностямъ и не имѣли никакого понятія о благодѣтельныхъ фабрикантахъ) на контору фабрики братьевъ Х. въ томъ, что послѣдняя, противъ ихъ желанія, причисляетъ ихъ къ Нововласьевскому мѣщанскому обществу, при чемъ часть жалобщиковъ оглашала и то, что самое увольненіе ихъ отъ помѣщиковъ произошло безъ ихъ согласія, а по принужденію и посредствомъ угрозъ. На первый же спросъ слѣдователя вольноотпущенные крестьяне и дворовые люди показали: а) что помѣщики прислали ихъ на фабрику для заработковъ и приказывали повиноваться директору фабрики, какъ самимъ себѣ, стращая, въ противномъ случаѣ, солдатствомъ; б) что нѣкоторымъ изъ нихъ, во время переговоровъ, помѣщики ихъ

давали какія-то бумаги для подписанія, но какія—имъ неизвѣстно; в) что о томъ, что они вольные, они узнали только по случаю производства 10-й народной переписи, когда ихъ стали приписывать къ Нововласьевскому мѣщанскому обществу; г) что отъ имени ихъ заключены съ конторою фабрики какіе-то контракты на зажитіе денегъ, внесенныхъ за нихъ фабрикантами, но они контрактовъ этихъ лично не заключали и о заключеніи ихъ никого не просили, и д) что содержаніе имъ выдается на фабрикѣ скудное, директоръ фабрики притѣсняетъ ихъ, а мѣстный городничій (тотъ самый, который обливаетъ слезами подаренные часы) жестоко ихъ наказываетъ по первому требованію фабричнаго управленія. Въ доказательство жестокаго обращенія на фабрикѣ, одинъ изъ крестьянъ привелъ 18-го іюня 1858 года къ слѣдователю своего двѣнадцатилѣтняго сына и по свидѣтельству медика оказалось: на рукѣ у него красная полоса въ два вершка длиной и полвершка шириной, очевидно, происшедшая отъ удара ремнемъ. Изъ собранныхъ слѣдователемъ свѣдѣній отъ фабричной конторы и мѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ видно, что фабрика братьевъ Х. съ половины 1857 г. (о, эмансипація) по февраль 1858 года выкупила на волю 66 человѣкъ помѣщичьихъ крестьянъ, и притомъ въ большинствѣ случаевъ не по одиночкѣ, а партіями, такъ напримѣръ: у одного помѣщика выкуплено 31 человѣкъ. Прошенія, при которыхъ были явлены отпускныя въ уѣздный судъ, въ большинствѣ случаевъ, писаны и подписаны за крестьянъ, какъ за безграмотныхъ, посторонними лицами; въ полученіи отпускныхъ расписывались тоже постороннія лица. Большею частью подписчикомъ является тотъ самый Самознаевъ, о которомъ упоминается въ статьѣ Проѣзжаго. Были при этомъ такіе случаи (и нерѣдко), что при явкѣ отпускной расписывалось, за неумѣніемъ грамотѣ, постороннее лицо, а при полученіи (чрезъ нѣсколько, впрочемъ, мѣсяцевъ) расписывался самъ получившій свободу. Изъ разсчетныхъ книжекъ выкупленныхъ крестьянъ не видно, какая имъ производится ежемѣсячная плата, хотя въ каждой изъ нихъ есть особая страница съ заголовкомъ: «поряженъ въ работу на годъ съ платою въ мѣсяцъ». Вообще, изъ этихъ книжекъ можно извлечь только свѣдѣніе о той суммѣ, которую крестьянинъ долженъ заработать и о томъ, сколько именно зачтено фабрикантомъ изъ заработной платы на погашеніе долга. Въ этомъ отношеніи есть указанія весьма любопытныя. Такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ (назовемъ его хоть Константиномъ Трифоновымъ), обязанный съ женой и братомъ заработать 600 руб. сер., въ теченіе

полугода уменьшилъ свой долгъ на 32 руб. 15 к., но изъ этого числа вычтено конторою фабрики штрафныхъ и на лекарство 17 руб. 55 к., такъ что Трифоновымъ погашено долга въ сущности только 14 руб. 60 к. Если предположимъ, что онъ и впредь будетъ такимъ же образомъ дѣйствовать, то годовую его заработку слѣдуетъ считать въ 29 руб. 20 к.; спрашивается теперь, во сколько лѣтъ это несчастное семейство освободится отъ тяготѣющей надъ нимъ кабалы? Но возьмемъ болѣе благопріятный примѣръ: крестьянина Михаила Евстафьева. Крестьянинъ этотъ, съ братомъ и двумя женщинами, обязанный заработать также 600 руб., въ шесть мѣсяцевъ заработалъ 42 руб. 25 к., изъ которыхъ вычтено 5 руб. 85 к. Если семья эта и впредь будетъ дѣйствовать столь же успѣшно, то ежегодное погашеніе его долга будетъ выражаться суммою 72 руб. 80 к., и, слѣдовательно, она освободится отъ кабалы лишь въ теченіе восьми съ половиною лѣтъ. Но идемъ дальше. Крестьяне показали, что отъ имени ихъ заключены контракты, содержаніе которыхъ имъ неизвѣстно; слѣдователь пожелалъ познакомиться съ этимъ содержаніемъ—что можетъ быть естественнѣе. Контракты эти заключались въ слѣдующемъ: *во-первыхъ*, отъ крестьянъ, принадлежавшихъ одному и тому же помѣщику и привезенныхъ на фабрику въ одной и той же партіи, всегда писался одинъ контрактъ; *во-вторыхъ*, крестьяне обязывались заработать внесенную за нихъ сумму въ теченіе 4-хъ лѣтъ «или болѣе или менѣе» (тогда какъ законъ положительно воспрещаетъ заключать контракты на зажитіе рабочими денегъ болѣе, нежели на четыре года); *въ-третьихъ, предоставляли управленію фабрики право исправлять ихъ полицейскими мѣрами*, и, въ-четвертыхъ, ручались другъ по другѣ относительно непремѣнной заработки внесенныхъ денегъ, такъ что если бы кто изъ нихъ умеръ, не заработавши своей части, то часть эта падала бы на остальныхъ. (Любопытно знать, если бы, напримѣръ, изъ пяти человѣкъ, заключившихъ контрактъ, четверо въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ умерли, то обязанъ ли былъ бы пятый, оставшійся въ живыхъ, контрагентъ заживать внесенныя за всѣхъ деньги, и сколько времени потребовалось бы, чтобы достичь этой цѣли? Въ этомъ случаѣ люди, употребившіе свой досугъ на составленіе контрактовъ, дѣлали не только противозаконное, но, по мнѣнію моему, даже просто глупое дѣло). При этомъ весьма важно слѣдующее: 1) что въ большей части случаевъ контракты подписаны за крестьянъ, по безграмотству ихъ, посторонними людьми, тогда какъ между крестьянами многіе грамотѣ знаютъ, и 2) что контракты писаны отъ имени кре-

стьянъ, какъ вольноотпущенныхъ, тогда какъ по дѣлу доказано, что, во время заключенія контрактовъ, отпускныя контрагентовъ не только не были выданы имъ, но даже не были явлены въ судѣ.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи нѣкоторыхъ темныхъ обстоятельствъ этого дѣла оказались слѣдующія диковинныя вещи. Нѣкоторые крестьяне не были даже въ Нововласьевскѣ въ тотъ день, когда, по документамъ уѣзднаго суда, они значатся бывшими въ судѣ для явки отпускныхъ, и этотъ фактъ основанъ не на голословномъ показаніи самихъ крестьянъ, а на неоспоримыхъ доказательствахъ, какъ напримѣръ: на свидѣтельствѣ книгъ фабричной конторы, по которымъ значится, что крестьяне тѣ не были въ тотъ день на работѣ; на присяжныхъ показаніяхъ крестьянъ той деревни, гдѣ отпущенники въ то время находились и т. д. Но еще поразительнѣе то обстоятельство, что нѣкоторые крестьяне значатся явившими *лично* свои отпускныя не въ Нововласьевскомъ, а въ Сараевскомъ уѣздномъ судѣ, въ тотъ самый день, когда они, по книгамъ фабричной конторы, числятся наличными работниками. Что крестьяне были отправляемы изъ деревень на фабрику не добровольно, это доказывается слѣдующими фактами: а) присяжными показаніями односельцевъ крестьянъ Г. У., которые засвидѣтельствовали, что означенныхъ отпущенныхъ на волю крестьянъ увозили въ г. Нововласьевъ насильно, и что они горько плакали, разставаясь съ родной деревней; б) нѣкоторая г-жа З. дала директору фабрики подписку въ томъ, что за выданную дѣвкѣ Устиньѣ вольную получила 250 руб. и *ручалась*, что дѣвка та взнесенныя за нее деньги заработаетъ, если же почему-либо не въ состояніи будетъ выработать, то обязывалась дѣвку Устинью взять обратно и поставить вмѣсто нея другую, подобную же [1]): она же, г-жа З., посылая къ директору отпускную Устиньи, особымъ письмомъ убѣдительно просила не выдавать ея Устиньѣ въ руки, а въ случаѣ незаработка ею денегъ, прислать отпускную обратно къ ней, помѣщицѣ; в) нѣкто Г. В. просилъ директора фабрики прислать ему денегъ, обѣщаясь выслать за это на фабрику еще «дѣвокъ», «отъ которыхъ для него больше выгодъ, нежели отъ мужчинъ»; г) нѣкто Г. Н. (отчего же и не Немиловъ), отдавая въ заработки на фабрику своего крестьянина за 300 рублей, въ восторгѣ отъ своей сдѣлки, передаетъ конторѣ свои права надъ

---

[1]) Осмѣлитесь ли вы, г. Проѣзжій, утверждать послѣ этого, что крестьяне *дѣйствительно* получили свободу, и знали объ этомъ, когда отъ усмотрѣнія фабрикантовъ зависѣло, во всякую минуту дня и ночи, *свободную* Устинью обратить вновь въ крѣпостное состояніе, а на мѣсто ея вызвать изъ мрака Лукерью, Акулину и т. д.

упомянутымъ крестьяниномъ (можно ли передавать кому-либо какія-либо, а тѣмъ болѣе «свои» права надъ *свободнымъ* человѣкомъ, г. Проѣзжій) и даже—гдѣ, дескать, наше не пропадало,—обѣщаетъ въ помощь къ упомянутому крестьянину прислать еще двухъ «дѣвокъ»; д) нѣкоторая г-жа П., заслышавъ въ своемъ отдаленіи (совсѣмъ въ другомъ уѣздѣ; говорите послѣ этого, что добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ) о благодѣтельности фабрикантовъ Х., пожелала также вкусить отъ плода благотворительности; но, должно быть, она мало была знакома съ аферистами Нововласьевскаго уѣзда, и потому, не смущаясь эмансипаціей, разочла только, что весьма должно быть выгодно, вмѣсто полученія съ крестьянъ оброка по 10 рублей съ души, отдать ихъ на фабрику цѣлымъ обществомъ, съ тѣмъ, чтобы контора вычитала въ пользу ея у каждаго изъ нихъ изъ заработанныхъ денегъ по 2 рубля серебромъ въ мѣсяцъ; для этого она вызвала крестьянъ въ свою усадьбу (за нѣсколько верстъ отъ деревни) и объявила, что такъ и такъ, друзья мои, въ деревню вамъ возвращаться незачѣмъ, а ступайте-ка вы прямо отсюда въ Нововласьевскъ. Къ прискорбію, крестьяне отошли нѣсколько верстъ и разбѣжались, а сдѣлка ограничилась тѣмъ, что г-жа П. получила въ задатокъ отъ фабрикантовъ полтораста рублей; и е) самъ директоръ фабрики, англичанинъ, отвѣчалъ слѣдователю, что мысль объ этой мерзостной операціи истекла не отъ крестьянъ, а отъ владѣльцевъ, которые неоднократно его о томъ упрашивали. Въ предупрежденіе же могущаго быть возраженія, вродѣ того, что директоръ фабрики англичанинъ и не зналъ по-русски ничего, кромѣ «сейчасъ» и «будилька пива», считаю долгомъ заявить здѣсь, что директоръ отвѣчалъ по-англійски и вопросы ему были предлагаемы тоже по-англійски, бывшимъ при слѣдователѣ переводчикомъ, преподавателемъ англійскаго языка при губернской гимназіи.

Вотъ голый остовъ той драмы, которой узелъ завязался въ одномъ изъ трактировъ города Нововласьевска. Прибавьте къ этому, что весь цвѣтъ какъ служащихъ, такъ и выгнанныхъ изъ службы подъячихъ принималъ въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, и вы получите полное понятіе о всей обстановкѣ.

Но есть и отдѣльные темные пункты въ этой драмѣ, а именно: 1) отреченіе фабрикантовъ отъ права на дальнѣйшій вычетъ изъ заработной платы отпущенниковъ; 2) о страданіяхъ и гоненіяхъ, невинно понесенныхъ городничимъ Банинымъ, и 3) о неправильномъ заключеніи въ тюрьму крестьянина Самознаева. Постараюсь разъяснить и эти эпизоды.

1. Вы говорите, г. Проѣзжій, что губернаторъ обѣщалъ фабрикантамъ прекратить дѣло, если они согласятся оставить свою денежную претензію на крестьянахъ. Не знаю, обѣщалъ ли губернаторъ что-либо подобное или нѣтъ, но и вы, г. Проѣзжій, и сами фабриканты должны знать, что губернаторъ не полновластный паша, который, по усмотрѣнію своему, можетъ начинать и кончать дѣла. Губернаторъ не могъ и не имѣлъ права прекратить дѣло, во-первыхъ, потому, что о прекращеніи его просила лишь одна изъ участвующихъ сторонъ, во-вторыхъ, потому, что прекращенію этому противятся законъ и общественная совѣсть, приказывающіе обнаруживать и преслѣдовать *уголовныя преступленія*, хотя бы они были совершены не только устроителями бумагопрядильныхъ фабрикъ, но и самимъ Аркрайтомъ, и въ-третьихъ, наконецъ, потому, что въ дѣлѣ этомъ открывались *безчисленные подлоги и преступленія со стороны должностныхъ лицъ*, и притомъ такіе, которые не могутъ быть терпимы не только въ благоустроенномъ, но даже и въ разстроенномъ государствѣ. Довольно ли этихъ основаній. Но вы, быть можетъ, не удовлетворитесь этимъ, и спросите меня: зачѣмъ же фабрикантамъ было соваться впередъ съ пожертвованіемъ ихъ денежныхъ претензій на отпущенниковъ, если они не имѣли положительнаго обѣщанія, что дѣло этимъ будетъ прекращено. На это могу вамъ отвѣчать, что мысль о пожертвованіи могла быть внушена, во-первыхъ, присущимъ всѣмъ русскимъ фабрикантамъ убѣжденіемъ, что деньгами они могутъ поразить и привести въ параличное состояніе мыслительныя способности всякаго человѣка, а, во-вторыхъ, желаніемъ смягчить свое нечистое участіе въ нечистомъ дѣлѣ въ глазахъ будущихъ судей своихъ.

II. Хотя вы, г. Проѣзжій, утверждаете, что городничій Банинъ пострадалъ напрасно, но это совершенно не вѣрно. Понятія о долгѣ бываютъ разныя; можетъ быть, г. Банинъ дѣйствительно думалъ и былъ убѣжденъ, что обязанность городничаго состоитъ только въ томъ, чтобы угождать фабрикантамъ г. Нововласьевска, но это убѣжденіе крайне ложно, ибо городничему не мѣшаетъ иногда думать и о тѣхъ, которые находятся *подъ* фабрикантами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи съ его стороны было замѣчено крайнее забвеніе обязанностей, потому что не только жалобщики, но и полицейскіе служители подъ присягой показали, что Банинъ, принуждая отпущенниковъ приписаться къ Нововласьевскому мѣщанскому обществу, сѣкъ ихъ жестоко (доходя до 80 ударовъ розгами), сажалъ ихъ въ арестантскую, и притомъ не давалъ ни пить, ни ѣсть. Конечно,

здѣсь дѣйствовалъ не столько самъ Банинъ, сколько управленіе фабрики, надъ нимъ тяготѣвшее, но разборъ побужденій и прочихъ больше или меньше смягчающихъ вину обстоятельствъ входитъ уже въ кругъ обязанностей судебнаго мѣста, а не административной власти, которая могла оказать лишь одно снисхожденіе г. Банину, а именно, не удаляя его вовсе отъ службы, перевести въ другой городъ, гдѣ не можетъ существовать подобнаго рода столкновеній.

III. Самознаевъ былъ заключенъ слѣдователемъ въ тюрьму, какъ человѣкъ завѣдомо-фальшиво подписавшійся на актахъ за людей грамотныхъ, изъ которыхъ притомъ нѣкоторые находились въ то время въ отлучкѣ. Однако жъ, губернское правленіе, при разсмотрѣніи слѣдствія, обсуждая, между прочимъ, и дѣйствія слѣдователя относительно пресѣченія Самознаеву способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія, нашло, что дѣйствія эти не только преждевременны, но и пристрастны, ибо, по заключенію слѣдователя, Самознаевъ является какъ-бы главнымъ обвиняемымъ въ дѣлѣ лицомъ, между тѣмъ какъ, по всѣмъ раскрытымъ обстоятельствамъ, оказывается, что онъ былъ лишь орудіемъ другихъ, болѣе виновныхъ лицъ. Поэтому губернское правленіе и сдѣлало распоряженіе о немедленномъ освобожденіи Самознаева изъ-подъ стражи.

Спрашивается, къ какимъ заключеніямъ можно прійти въ виду всѣхъ разсказанныхъ выше фактовъ и дѣйствій? А вотъ къ какимъ.

Г. Проѣзжій утверждаетъ, что жалоба не была бы возбуждена крестьянами, если бъ не замѣшались здѣсь внушенія злонамѣренныхъ людей. Не бывши на мѣстѣ и не имѣя свѣдѣній о закулисной или, лучше сказать, о сплетнической сторонѣ этого дѣла, я, конечно, не могу положительно удостовѣрить, собственнымъ ли движеніемъ крестьяне подали жалобу на дѣйствія фабричнаго управленія, или по чьему-нибудь внушенію, но знаю, что у насъ вообще всякое жалующееся лицо охотно называютъ ябедникомъ. Можетъ быть, и дѣйствительно нашелся человѣкъ, который взялъ на себя трудъ объяснить крестьянамъ, что нѣтъ такого закона, который бы разрѣшалъ отдавать людей въ кабалу на неопредѣленное время. Если онъ сдѣлалъ это, руководствуясь единственно побужденіями правды и добра,—тѣмъ болѣе чести для него; если же къ этому примѣшивалось чувство мести или другое какое-нибудь неблаговидное побужденіе, то это относится лишь къ личности внушителя, но ни на волосъ не умаляетъ важности самаго факта. При обсужденіи какого-либо дѣла, мы вообще любимъ заниматься болѣе околичностями,

нежели самымъ дѣломъ; въ обществѣ безпрестанно приходится слышать возгласы, вродѣ слѣдующаго: «да, если бъ не такой-то, то все было бы тихо и смирно». При чемъ «такому-то» посылаются иногда весьма сильные эпитеты. Намъ хотѣлось бы обдѣлывать наши дѣлишки въ веселіи сердца своего; мы желали бы, чтобы вокругъ насъ царствовало милое безмолвіе, которымъ грады и веси цвѣтутъ. Пора, однако жъ, намъ разувѣрить себя и приготовиться къ иному порядку вещей. Пора отвыкнуть отъ мысли о старинныхъ «дѣлишкахъ», или же, если не можемъ отвыкнуть, то стараться обдѣлывать ихъ такъ, чтобы иголки подъ насъ подточить было нельзя. Для насъ въ этомъ дѣлѣ важно не то, кто внушилъ и почему внушилъ крестьянамъ жаловаться, но важно самое дѣло. Вы, быть можетъ, скажете, г. Проѣзжій, что крестьяне очень хорошо знали сами о происходившей между помѣщиками и фабрикантами стачкѣ. На это могу только замѣтить, что справедливость предположенія вашего болѣе, нежели сомнительна. Ежели бъ крестьяне знали, а главное, если бы принимали добровольное участіе въ стачкѣ, то къ чему было бы управленію фабрики поднимать на ноги весь этотъ арсеналъ подлоговъ и угрозъ [1]). И притомъ мало ли что допускается людьми по невѣдѣнію правъ своихъ, и неужели, ежели права эти, на нѣкоторое время находившіяся подъ спудомъ, были впослѣдствіи, хотя бы даже и случайно, обнаружены, то обиженный долженъ быть лишенъ возможности протестовать противъ попранія ихъ потому только, что онъ самъ, невѣдѣніемъ своимъ, допустилъ это попраніе? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Если человѣкъ, у котораго отняли вершокъ земли, можетъ отыскивать этотъ вершокъ въ теченіе десяти лѣтъ, то тѣмъ болѣе сохраняетъ право искать тотъ, у котораго отняли лучшее благо жизни—его свободу. Но вмѣсто того, чтобы обвинять крестьянъ въ какомъ-то лукавствѣ и недостаткѣ рыцарства, не лучше ли поискать другую, болѣе естественную причину ихъ молчанія до апрѣля 1858 года. Я, напримѣръ, болѣе склоненъ думать, что крестьяне ни во время производства стачки, ни долго послѣ нея, дѣйствительно не знали о своей свободѣ [2]), а были, напротивъ

---

[1]) Замѣчательно, что нѣкоторые крестьяне, которыхъ отпускныя уѣздный судъ не успѣлъ своевременно утвердить (не потому ли, что не было надлежащаго хожденія.), бывъ, впослѣдствіи времени (т.-е. тогда, когда уже пошелъ по городу говоръ?) призваны въ присутствіе суда къ подтвердительному допросу, отказались отъ полученія свободы, и такимъ образомъ, отпускныя ихъ остались недѣйствительными.

[2]) Возраженіе, что нѣкоторые крестьяне сами подписывались подъ разными документами, не можетъ быть принято за основательное. Одно уже то, что одни и тѣ же лица подъ одними документами подписались

того, убѣждены, что они, просто на просто отданы въ кабалу на фабрику, чтобъ заработать выданныя за ихъ трудъ впередъ деньги, и что этимъ не прекращалось ихъ крѣпостное состояніе. Что открыло имъ глаза? Случайное ли обстоятельство, заключавшееся въ 10-й народной переписи, или зародившіеся въ городѣ слухи, или же чье-нибудь непосредственное внушеніе— до этого намъ нѣтъ дѣла. Но намъ кажется страннымъ, почему крестьяне, если бъ они дѣйствительно знали о свободѣ, дожидались именно апрѣля мѣсяца, а не жаловались ранѣе, тогда какъ многіе изъ нихъ были въ этомъ положеніи уже около года.

Проѣзжій съ умиленіемъ говоритъ о пріятномъ содержаніи рабочаго класса на фабрикѣ, о томъ, какъ вникаютъ въ его нужды и даже не брезгуютъ имъ. Однако, дѣло показываетъ совершенно противное. Оно говоритъ, что содержаніе (по крайней мѣрѣ отпущенникамъ) давалось самое скудное, а именно, не болѣе какъ отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ на взрослаго человѣка, что, при дороговизнѣ жизни въ Нововласьевскѣ, очевидно недостаточно. Кромѣ того, въ отношеніяхъ фабричнаго управленія къ этимъ людямъ царствовалъ полный произволъ, тѣмъ болѣе, преступный, что послѣдніе не могли, подобно свободнымъ работникамъ, выбирать между работой на фабрикѣ или работой на сторонѣ. Да и въ жестокомъ обращеніи недостатка не было, и полиція (не говоря уже о домашнихъ средствахъ исправленія) во всякое время со всеусердіемъ повергала посильныя средства свои къ услугамъ фабрикантовъ. Замѣчательно то, что одинъ изъ надзирателей, спрошенный о причинѣ удара ремнемъ, полученнаго упомянутымъ выше мальчикомъ, отвѣчалъ, что онъ смотритель, а потому и считаетъ себя въ правѣ бить ремнемъ нерадивыхъ. Можно себѣ представить, что за кагалъ должна представлять изъ себя фабрика, управляемая посредствомъ ремней. Вотъ вамъ и свободный трудъ, претворяемый, по манію благодѣтельныхъ фабрикантовъ, въ каторгу.

Проѣзжій лишь слегка говоритъ о помѣщикахъ, принимавшихъ участіе въ этой операціи, но изъ тона всей статьи видно,

---

сами, а подъ другими просили будто бы подписаться за себя другихъ (и при томъ почти всегда одно и то же лицо, кассира фабрики, Самознаева), доказываетъ, какъ мало вѣроятія можно дать упомянутому возраженію, и какъ, напротивъ того, естественно дѣлается показаніе грамотныхъ крестьянъ, что въ то время какъ привели ихъ въ Нововласьевскъ, имъ *дѣйствительно* давали подписывать какія-то бумаги, не объявляя о содержаніи ихъ. Не знаешь, чему удивляться въ этомъ дѣлѣ: нахальству ли подлоговъ, или неумѣнію, неловкости, съ которыми они сдѣланы.

что они возбуждаютъ его полное сочувствіе. Напротивъ того, всѣ факты, добытые слѣдствіемъ, доказываютъ, что участіе это было основано единственно на корыстныхъ побужденіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже положительно знали, что предпринимаютъ дѣло недозволенное закономъ, и въ слѣдствіи есть, напримѣръ, подписка г. У. въ полученіи отъ фабричной конторы денегъ, въ которой онъ дѣлаетъ такого рода оговорку: *если уѣздный судъ встрѣтитъ препятствіе къ утвержденію отпускныхъ*, то деньги обязуюсь возвратить. Спрашивается, какія препятствія могъ встрѣтить судъ, если бы люди шли на сдѣлку добровольно. И къ чему такая зоркая предусмотрительность, если дѣло шло о чемъ-либо дѣйствительно законномъ. Но уѣздный судъ не встрѣтилъ препятствій и деньги могли быть удержаны г. У. безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Итакъ, не филантропія и любовь къ ближнимъ служили основнымъ мотивомъ этой трактирной симфоніи, а... Повѣрите ли вы мнѣ, г. Проѣзжій, если я вамъ скажу, что мотивъ этотъ лежалъ все въ ней же, все въ этой эмансипаціи, которая произвела такой переполохъ въ нашихъ умственныхъ отправленіяхъ. Любезные обыватели наши разсчитали недурно: «не сегодня, такъ завтра наступаетъ эмансипація, сказали они себѣ, а при новыхъ условіяхъ крѣпостной человѣкъ есть только лишнее бревно въ глазу, поди еще, да надѣляй его землею, да и сосѣдство это безобразное останется. А между тѣмъ фабрика предлагаетъ отъ 200 до 300 р. за ревизскую душу совершенно голую, да не брезгуетъ при томъ и неревизскими—сѣмъ-ко воспользуюсь: и земля будетъ моя и деньги будутъ хорошія». И начали, такимъ образомъ, по-маленьку заранѣе разрѣшать трудную проблему примѣненія свободнаго труда къ русскому сельскому хозяйству.

Фабрикантовъ X Проѣзжій положительно называетъ людьми благодѣтельными. Но обращаюсь къ общественной совѣсти, можно ли, безъ грѣха, назвать благодѣяніемъ такое дѣйствіе, которое закабаляетъ на неопредѣленное время и трудъ, и свободу, и человѣка. Пусть разсудитъ это дѣло благосмыслящій читатель, къ которому обращаются настоящія строки, а я больше препираться объ этомъ не стану, тѣмъ болѣе что уже изъ самаго изложенія дѣла видно, что въ веденіи всей этой «механики» преимущественное участіе принимало фабричное управленіе, стараніями и хожденіями котораго и приведена она къ вожделѣнному концу. Но зачеркнувъ слова «благодѣтельные люди» изъ статьи вашей, вы, быть можетъ, скажете, г. Проѣзжій, что

все-таки на поступокъ фабрикантовъ нельзя смотрѣть слишкомъ строго на томъ основаніи, что дѣла подобнаго рода дѣлались прежде на каждомъ шагу и не считались въ общественномъ мнѣніи ни безнравственными, ни преступными, и что, слѣдовательно, фабриканты, живя подъ вліяніемъ ходячихъ понятій о нравственности, могли и не подозрѣвать, что дѣлаютъ дурное дѣло. На это отвѣчу вамъ двумя примѣрами. Въ Вятской губерніи существуетъ татарская деревня Агрызь, которой жители поголовно занимаются конокрадствомъ и отнюдь не могутъ понять, что въ этомъ могутъ находить дурного другіе. Слѣдуетъ ли оставлять этихъ конокрадовъ безнаказанными? Другой примѣръ. Въ извѣстномъ мірѣ злостное банкротство считается не безчестнымъ поступкомъ, а ловкою аферою—слѣдуетъ ли оставлять злостныхъ банкротовъ спокойно наслаждаться плодами мошенничества своего? Идя по этой покатости, мы можемъ дойти, наконецъ, до нелѣпаго, до смѣшенія всѣхъ понятій; мы станемъ, напримѣръ, утверждать, что подлецовъ слѣдуетъ окружать ореоломъ славы, а честныхъ людей вѣшать. Но успокойтесь, г. Проѣзжій, даже подобное снисходительное толкованіе дѣйствій фабрикантовъ не можетъ имѣть мѣста въ настоящемъ случаѣ. Можетъ быть, и дѣйствительно, руководствуясь правилами ходячей нравственности, съ перваго раза они и могли, подобно татарамъ деревни Агрызь, принять предлагаемую имъ аферу за обыкновенное будничное дѣло, но впослѣдствіи, когда дѣло пошло по судамъ, когда для успѣха его потребовались подлоги, неужели не было времени одуматься?

Я кончилъ, но не могу не прибавить нѣсколькихъ словъ въ защиту вице-губернатора, который выставленъ Проѣзжимъ чѣмъ-то вродѣ шута, изъ котораго дѣлаетъ все, что хочетъ миѳическій младшій секретарь губернскаго правленія. Вице-губернаторъ этотъ мнѣ очень близокъ, и я смѣю увѣрить Проѣзжаго, что не только младшій секретарь, но и весь губернскій синклитъ не заставитъ его сдѣлать что-либо противное его убѣжденію.

Если вы, г. Проѣзжій, знаете еще какія-нибудь дѣла, касающіяся этого вице-губернатора, то потрудитесь сообщить. Я готовъ отвѣчать.

М. Салтыковъ.

23 февраля 1860.
Рязань.

ВЪ УМИРАЮЩЕМЪ САДУ.

Еще не скоро сѣрый трауръ осени
И листья всѣ почти надъ головой,
Но ужъ пронизаны въ саду насквозь они
Прощальной краской густо огневой.

Во время сбора дѣдомъ не замѣчены,
На тонкихъ вѣткахъ яблока два-три
Висятъ, синицей шустрой изувѣчены,
Какъ налитые медомъ пузыри.

И тамъ и тутъ въ травѣ на жесткомъ щавелѣ
Бѣлѣетъ пряжа пухлыхъ паутинъ,
И чьи-то ручки утромъ обезглавили
Послѣдній кустъ пунцовыхъ георгинъ.

Чего-то жду, согнувшись на диванчикѣ,—
Улыбки солнечной, свиданья иль письма?..
А вкругъ меня пуховки-одуванчики,
Какъ преждевременная бѣлая зима...

Алексѣй Липецкій.

НЕПОСЛАННЫЯ ЗАПИСКИ.

Я умираю, Николай, а ты даже не знаешь объ этомъ.

Но я не позову тебя, чтобъ хоть взглянуть на тебя въ послѣдній разъ, я знаю, что этого нельзя себѣ позволить.

Ты узнаешь о моей смерти потомъ, когда получишь эти записки—потому-что я собираюсь совершить это преступленіе: послать ихъ тебѣ...

Я знаю, это будетъ ужасно: получить ихъ теперь, когда ты счастливъ, любишь и любимъ и давно забылъ меня—но пойми и прости меня: я не могу умереть молча, это слишкомъ страшно...

Я, можетъ быть, и не пошлю ихъ, но я не могу не писать тебѣ, когда всѣ мои мысли устремлены къ тебѣ, когда я едва удерживаюсь, чтобъ не звать тебя, не умолять пріѣхать!.. Я не могу—руки сами тянутся къ перу, къ бумагѣ...

Вѣдь у меня никого нѣтъ, мнѣ не съ кѣмъ слова сказать — я могу только думать и вспоминать—и все о тебѣ.

Лежу я теперь въ крестьянской избѣ, въ томъ самомъ селѣ, гдѣ была учительницей цѣлыхъ шесть лѣтъ.

Недавно я оставила занятія—умираю совсѣмъ—и теперь прислали новаго учителя, а меня перевели къ одному крестьянину. Платятъ ему за меня четыре рубля въ мѣсяцъ то священникъ, то учитель, а то и даромъ живу...

Горько мнѣ становится и стыдно, какъ подумаю, что я ни съ того, ни съ сего сѣла чужимъ людямъ на шею—такъ стыдно, что въ глаза имъ не могу смотрѣть, говорить съ ними не могу и, когда хозяева дома—я стараюсь лежать какъ можно тише, чтобъ они и не вспомнили обо мнѣ.

Больше всего я боюсь, чтобъ не вошелъ кто изъ нихъ и не началъ безконечныхъ разговоровъ о моихъ похоронахъ, о томъ, гдѣ взять денегъ, о начальствѣ, у котораго слѣдуетъ попросить—и т. д., и т. д.

Наслушалась я...

Я не обвиняю ихъ, нѣтъ у меня противъ нихъ злобы и не можетъ быть: вижу, какъ отнимаютъ у родныхъ дѣтей послѣднее яичко, послѣднюю ложечку молока—и несутъ мнѣ, больному, чужому для нихъ человѣку. У сна и отдыха урываютъ минутку, чтобъ забѣжать поговорить, развлечь, поплакать надо мной...

А я!.. Я не могу даже говорить съ ними—слишкомъ изболѣлось у меня сердце...

Простится ли мнѣ, что я столько брала у этихъ людей—и ничего имъ не дала?

У самой ничего не было...

Ахъ, не надо, не надо думать объ этомъ всемъ — вѣдь скоро, скоро освобожу всѣхъ—я вѣдь и не очень стѣсняю ихъ: изба эта весной и лѣтомъ все равно стоитъ пустая, аппетита у меня никакого—я почти ничего не ѣмъ, уходъ за мной тоже невеликъ...

Что это, я, кажется, хочу обмануть себя?

Боже, какое мученіе!..

Но что я сдѣлаю? Послала прошеніе инспектору о какомъ-нибудь пособіи—отвѣта нѣтъ—да я и не жду... Довольно объ этомъ.

...Итакъ, когда хозяева дома, я лежу у себя тихо-тихо—зато, когда всѣ уходятъ изъ дому, я передвигаюсь къ окну и смотрю—смотрю... Теперь весна, конецъ марта, и солнышко такъ славно свѣтитъ! Еще недавно меня кидало въ дрожь при одномъ взглядѣ на эти унылыя, рябыя поля: полоска снѣга—и черной, какъ бархатъ, земли, опять полоска бѣлая—и опять черная—б-р-р-р... Теперь снѣгъ почти сошелъ, и кое-гдѣ зеленѣютъ озими. Это несравненно пріятнѣе для глаза.

Подъ окномъ у меня только-что вспаханный огородъ, а между огородомъ и окномъ оставлена нетронутой узенькая полоска земли, и на ней посажено нѣсколько цвѣточковъ. Люблю я растенія. Сейчасъ меня одинаково привлекаютъ—и большіе, сильные ростки піона, и первые кудрявые листочки мяты, и даже жесткіе побѣги молодой крапивы—ко всему, что́ живетъ, со страстной нѣжностью протягиваются мои руки—я бы хотѣла погладить даже крапиву...

Но сама я жить не хочу—я знаю, что мнѣ жить не надо, что смерть приходитъ во́-время: какъ и чѣмъ я бы жила дальше?

До этого дня я дожила только воспоминаніями о тебѣ, Коля...

Не сердись, что я пишу къ тебѣ на ты—мы никогда не говорили другъ другу «ты»: мы не были настолько близки, но за эти долгіе годы разлуки я такъ въ мысляхъ сроднилась съ тобой, такъ привыкла обращаться къ тебѣ со словами: ты, Коля, Колечка—что иначе я и писать не смогу.

Прости.

Помнишь ли, Коля, какъ мы съ тобой встрѣтились?

Это было въ Москвѣ, зимой, шесть лѣтъ тому назадъ. Я была на первомъ курсѣ, ты—на второмъ.

Меня послали къ тебѣ по партійному дѣлу. Вошла я во дворъ, отыскала направо отъ воротъ оконце надъ самой землей и постучала въ него.

Ты выбѣжалъ навстрѣчу—оживленный, разгоряченный чѣмъ-то, съ яркими глазами... Ты остановился внизу лѣстницы и смотрѣлъ на меня такъ радостно!

Ты тогда былъ такъ красивъ, что я тоже остановилась на лѣстницѣ и заглядѣлась на тебя—и ты смотрѣлъ на меня... потомъ разсмѣялся, протянулъ руку и ловко свелъ меня съ лѣстницы.

— Я къ вамъ по дѣлу,—успѣла я сказать передъ дверью.

— А у меня какъ-разъ гости! Вамъ придется подождать, пока уберутся—вы ничего не имѣете противъ?

— Ничего. Я не занята.

— И чудесно!

Мы вошли въ твою жалкую семирублевую конурку, гдѣ не было ничего, кромѣ сломанной походной кровати, двухъ хромоногихъ стульевъ и шаткаго столика, но гдѣ бывало всегда всѣмъ такъ уютно и тепло.

Гости оказались знакомыми студентами и курсистками.

Была тамъ и Оленька.

Она тоже въ томъ году поступила на курсы, но помышляла о нихъ мало—больше ей приходилось заниматься разными мелкими порученіями всевозможныхъ партій. Хотя ни къ какой партіи она не принадлежала, но порученія сыпались отовсюду, и она ихъ выполняла—безропотно и аккуратно, никогда ни о чемъ не спрашивая—изъ деликатности.

Разъ, помню, ею завладѣли анархисты—бѣдняжка боялась ихъ и втихомолку бѣгала ко мнѣ спрашивать: чѣмъ отличаются анархисты отъ простыхъ воровъ и грабителей?—но по своей чрезмѣрной вѣжливости всегда соглашалась съ ними въ спорахъ и безпрекословно уступала имъ свою комнату и прятала литературу.

Я сильно подозрѣваю, что, попроси ее объ этомъ какіе-нибудь «двуглавовцы»—она бы согласилась, и все съ той же любезной улыбкой...

Воспитанная была дѣвица!

Настоящая генеральская дочка! И одѣвалась она всегда какъ-то ужъ очень воспитанно и изящно—особенно для нашихъ салоновъ.

Съ тобой она познакомилась тоже въ тотъ день...

Въ твоей комнаткѣ было тѣсно и шумно. Говорили о какомъ-то разсказѣ Муйжеля, или Бунина, который вы прочли безъ меня и немедленно подняли по поводу его ужасный крикъ.

Рѣчь тамъ шла, помнится, о какомъ-то «чумазомъ», или «кухаркиномъ сынѣ», который все тянулся «кверху», къ жизни красивой и богатой, словомъ—барской—и получилъ, разумѣется, въ концѣ концовъ, отъ баръ щелчокъ по носу и назиданіе: «сверчокъ, знай свой шестокъ!»

Всѣ твои гости поразились глубиной замысла и принялись-было оплакивать горькую участь героя, но ты какъ-разъ передъ моимъ приходомъ началъ громовую рѣчь и противъ героя, и противъ его сочувственниковъ.

Ты притащилъ мнѣ какой-то табуретъ, а самъ продолжалъ говорить.

Ты думаешь, я забыла твои слова?—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ...

Зато ты ихъ забылъ.

Прости, что я напоминаю ихъ тебѣ *теперь*...

— Да что же это, чортъ возьми—ты всегда любилъ сильно выражаться—за направленіе такое въ литературѣ и въ жизни—да, видно, и въ жизни, разъ вы всѣ расхныкались надъ этимъ ничтожествомъ! Да гдѣ это видано, чтобъ мы, кухаркины дѣти,—тянулись къ герцогамъ! Чтобъ мы, видѣвшіе такую нищету, такой предѣлъ человѣческаго существованія—стали день и ночь мечтать о вылощенныхъ паркетахъ, золотыхъ рамахъ, бѣлоснѣжныхъ скатертяхъ, уставленныхъ дорогими яствами! И это называется: мечтать о красивой жизни? Эту сытую кабанью жизнь мы назовемъ красивой?!

Господа, господа! Стоило намъ учиться, стоило нашимъ родителямъ голодать, не досыпать ночей, стараться вывести дѣтокъ въ люди—чтобъ мы въ концѣ концовъ вышли въ свиньи!

— Не всѣ же герцоги свиньи!—пробовалъ протестовать кто-то.

— Всѣ!—рѣшилъ ты, стукнувъ по столу ладонью. Поднялся шумъ—одни вступились за герцоговъ, другіе за золотыя рамы—ты одинъ стоялъ за нашу жизнь, жизнь кухаркиныхъ дѣтей, отстаивалъ ея красоту.

— Развѣ наша жизнь не лучше?—кричалъ ты и, забывая все на свѣтѣ, продолжалъ:

— Развѣ моя жизнь не красива? Я провелъ много ночей въ поляхъ и садахъ—засыпая, я видѣлъ надъ собой мѣсяцъ и звѣзды, слышалъ пѣніе соловья; я провелъ много дней въ работѣ, отъ которой болѣли всѣ кости и всѣ мускулы, но духъ радовался и сердце билось отъ восторга, я пировалъ много разъ подъ деревьями, на зеленой травѣ—я ѣлъ хлѣбъ, добытый мною, огурцы, выращенные мною—и увѣряю васъ: ни одинъ герцогъ не ѣдалъ ничего болѣе вкуснаго!

Вамъ мало красоты?—Извольте больше: я исходилъ пѣшкомъ все побережье Крыма и много ущелій Кавказа, а что́ я тамъ видалъ—не видать вашимъ герцогамъ, какъ своихъ ушей—развѣ во снѣ!

Ты долго еще говорилъ, и всѣ подъ конецъ слушали, какъ зачарованные—слушали и смотрѣли на тебя, потому что ты, сынъ труда и нищеты, былъ въ ту минуту прекраснѣе всѣхъ герцоговъ на свѣтѣ!

Старенькая косоворотка плотно прилегала къ широкимъ могучимъ плечамъ, и ты походилъ на статую...

Долго еще спорили—Ольга, по обыкновенію, молчала—наконецъ кто-то замѣтилъ, что всѣмъ хочется ѣсть. Ты былъ такъ негостепріименъ въ тотъ день, что не далъ намъ даже чаю —потомъ оказалось, что у тебя было всего шесть копеекъ.

Всѣ заторопились, хотѣли увести и насъ, но мы задержались изъ-за дѣла.

Передавъ, что́ было нужно, и условясь насчетъ слѣдующей явки, я стала собираться домой.

— И я пройдусь съ вами—заявилъ ты—вечеръ такой чудесный!

Изъ твоего оконца виднѣлся клочекъ неба, и на немъ дрожала первая крупная звѣзда. Пока ты пряталъ свои бумаги, искалъ шапку—я стояла и смотрѣла на эту звѣзду. Хорошо мнѣ было у тебя...

— Скажите, отчего вы все время молчали?—спросилъ неожиданно ты.

— Я... какъ-то не могу говорить, когда много людей...— созналась я и по обыкновенію покраснѣла.

— Да? Такъ скажите хоть теперь, что́ вы объ этомъ всемъ думаете? Мнѣ казалось...

— Ахъ!—вырвалось у меня невольно—я никогда, никогда не забуду вашихъ словъ!—и я не забыла ихъ.

Ты подошелъ ближе и смотрѣлъ мнѣ въ глаза—у тебя была привычка всегда близко смотрѣть собесѣднику въ глаза.

Я сильно волновалась, когда говорила:

— Не забуду потому, что это я въ первый разъ въ жизни вижу, чтобы человѣкъ думалъ и чувствовалъ до такой степени одинаково со мной!

Ты обрадовался.

— Да? А они! Охъ, какъ они всѣ меня бѣсили! Я не могу понять, откуда у нихъ берутся такіе вкусы, такія стремленія?

Какъ они могутъ, напримѣръ, влюбляться въ разныхъ герцогинь, въ бѣлоручекъ проклятыхъ!—Я, если полюблю—твои глаза опять загорѣлись—такъ полюблю непремѣнно равную себѣ!

Ты говорилъ серіозно, поучительно поднявши палецъ кверху.

— Равную во всемъ: въ происхожденіи, имуществѣ, общественномъ положеніи — взглядахъ, убѣжденіяхъ, даже въ красотѣ—даже въ лѣтахъ и въ ростѣ! — со смѣхомъ заключилъ ты.

Я тоже смѣялась, но и смущена была не мало: слишкомъ явно всѣ эти условія подходили ко мнѣ—и слишкомъ выразительно ты при этомъ глядѣлъ мнѣ въ глаза...

Я совсѣмъ сконфузилась и пошла къ двери.

Ты вышелъ вмѣстѣ со мной и—о неслыханная любезность со стороны товарища,—проводилъ меня до самаго дома.

Всю дорогу мы оживленно болтали и смѣялись, а при прощаньи ты выпросилъ у меня одну копейку взаймы, такъ какъ тебѣ необходимо было послать какое-то письмо, а у тебя было всего шесть копеекъ—не хватало на марку. Я чуть не на колѣняхъ умолила тебя взять полтинникъ, а на другой день ты получилъ за урокъ и принесъ мнѣ долгъ.

Съ тѣхъ поръ мы видѣлись каждый день.

А черезъ два мѣсяца ты сказалъ, что любишь меня—любишь въ первый разъ—и навсегда...

Мы какъ-то подошли другъ къ другу съ перваго взгляда—мы такъ всегда вѣрили, что предназначены другъ для друга!..

Нѣтъ, я не могу продолжать, не могу писать подробно...

Хорошо ли я сдѣлала, что начала эти записки?

Воспоминанія разожгли меня, взволновали—а сейчасъ стало такъ невыносимо тяжело и больно...

И я такъ устала, какъ будто исписала цѣлые томы, а не нѣсколько страничекъ — и смерть приблизилась на нѣсколько шаговъ—я чувствую.

Но не писать я не могу—не могу, хоть и знаю, что дѣлаю плохо, и мучаюсь этимъ... Будь, что будетъ.

Въ крайнемъ случаѣ—не пошлю.

Дальше.

Только не надо больше вспоминать ни о чемъ хорошемъ, радостномъ—отъ этого еще тяжелѣе...

Да, впрочемъ, ничего радостнаго больше и не было—дальше пошли тяжелыя времена.

Только и было отрады въ моей жизни, что это полугодіе, которое я провела на курсахъ, съ тобой...

Ахъ, зачѣмъ я такъ мало тогда видѣлась съ тобой, зачѣмъ не старалась какъ можно больше наговориться съ тобой, наглядѣться на тебя—такъ, чтобы хватило на всю жизнь!..

Къ веснѣ тебя посадили на три года въ тюрьму, а я принуждена была уѣхать оттуда и поступить въ сельскую школу учительницей. Продолжать учиться на курсахъ не было никакой возможности: помощи я не ждала ниоткуда, а за полгода успѣла убѣдиться, что такимъ, какъ я, не прожить въ большомъ городѣ одними уроками: робость, застѣнчивость, боязнь кого-либо обидѣть, толкнуть, неувѣренность въ себѣ—вообще, всѣ качества, какими я обладала тогда, въ девятнадцать лѣтъ—оказались мало пригодными тамъ, гдѣ по одному объявленію сбѣгалось пятьдесятъ человѣкъ, жаждущихъ работы...

Я уѣхала учительницей въ эти самыя Жабинцы, гдѣ прослужила шесть лѣтъ и гдѣ меня на-дняхъ похоронятъ.

Передъ отъѣздомъ я долго стояла передъ тюрьмой и смотрѣла на окна...

Тяжко мнѣ было. Не тогда ли повернулось колесо моей судьбы?—Слишкомъ тяжело было на сердцѣ...

Потомъ я долго и горячо умоляла Ольгу не забывать тебя,

не оставлять, передавать что-нибудь хоть изрѣдка, справляться время отъ времени, не нужно ли тебѣ чего-нибудь.

Оля—добрая была дѣвушка, она обѣщала мнѣ все это—и сдержала обѣщаніе: она очень любила меня.

Итакъ, я пріѣхала въ село Жабинцы.

Сначала все шло хорошо. Дѣтей я любила безъ памяти, старалась достать и показать имъ все, что́ могла, и когда они привѣтствовали какой-нибудь нехитрый опытъ, или картинку дѣтскаго кинематографа оглушительнымъ визгомъ восторга—сердце мое трепетало, казалось, что я нашла свое призваніе, свое мѣсто на этомъ свѣтѣ, что мнѣ больше ничего не нужно—кромѣ тебя, о тебѣ только болѣло мое сердце—но и тутъ не покидала меня надежда. Оля изрѣдка передавала вѣсточки отъ тебя—что ты здоровъ, чувствуешь себя прекрасно, настроенъ бодро—и вмѣсто скорби въ душѣ моей понемногу водворялись мечты...

Скоро онѣ овладѣли мной до того, что я не могла спать—я все мечтала о томъ, какъ тебя выпустятъ весной, въ апрѣлѣ, и ты тотчасъ пріѣдешь ко мнѣ, хоть на мѣсяцъ—отдохнуть послѣ тюрьмы.

Я представляла себѣ, какая это будетъ дивная весна, какъ я поведу тебя въ лѣсъ, покажу мой любимый оврагъ, ручей, скалу...

А главное—какъ я буду лелѣять тебя, выхаживать послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Я могла часами думать о томъ, какъ ты вырвешься изъ тюрьмы—и сейчасъ же на поѣздъ.

Пріѣдешь замученный—грязный, оборванный, голодный—я тебѣ приготовлю теплую ванну, дамъ все чистенькое: бѣлье, платье, причешу твои волосы, положу тебя на свою мягкую, чистую постельку—потому что ты не сможешь держаться на ногахъ—потомъ зажарю великолѣпную яичницу (ты обожалъ яичницу), придвину къ постели, столикъ, и мы будемъ оба ѣсть и смѣяться—а въ комнаткѣ моей будетъ такъ чисто и тепло, какъ бываетъ только на Святой вечеръ—полъ только-что вымытъ, на столѣ бѣлая скатерть и самоварчикъ шумитъ... шумитъ...

Ахъ, Коля, Коля!..

Хорошо мнѣ жилось первые годы въ Жабинцахъ: любимая работа—и мечты о тебѣ...

Но это продолжалось недолго—только пока я была слишкомъ молода и наивна...

Дальше пошло иначе.

Началось съ того, что однажды во время урока упалъ въ обморокъ ученикъ. Отнесли его въ комнату, дали отлежаться. Разспросила я учениковъ, оказалось—застарѣлый голодъ.

Не ново это было для меня, случалось и прежде, но какъ-то, по молодости лѣтъ, что ли, не производило такого впечатлѣнія—ну, помогала, чѣмъ могла, накладывала на ветхій расползавшійся кафтанъ новую заплату—и возвращалась въ свои эмпиреи.

На этотъ разъ — не то: взяло меня за сердце... Да какъ пораздумала я надъ тѣмъ, какъ я голоднымъ дѣтямъ разные фокусы показываю, да учить грамматику заставляю—и въ краску меня ударило. Все это показалось мнѣ какой-то пошлой, лживой игрой...

Это началось года четыре тому назадъ, а съ тѣхъ поръ я успѣла дойти до того, что стала считать свое дѣло, свое пребываніе въ деревнѣ, вообще свое существованіе на этомъ свѣтѣ—не только безполезнымъ для народа, или для чего бы тамъ ни было—но *вреднымъ*.

Я не стану разсказывать тебѣ, какъ я до этого дошла—ты не поймешь меня, Коля. Какъ можетъ тотъ, кто не знаетъ горькаго одиночества, у кого каждая морщинка на лбу заботливо разглаживается дорогой рукой — понять того, кто былъ предоставленъ на съѣденіе самому себѣ и могъ безпрепятственно день и ночь развивать какую угодно больную мысль, доводить ее до чудовищныхъ размѣровъ—и не имѣть возможности даже подѣлиться ею съ кѣмъ-нибудь.

Я, пожалуй, и дѣлилась—съ крестьянами, которые всегда горячо поддерживали мою идею, по-своему развивали ее все дальше и дальше...—и я почему-то чувствовала себя еще болѣе одинокой.

Думается мнѣ, что если бъ я была болѣе образованной, все это было бы иначе: я бы чувствовала болѣе твердую почву подъ ногами. Вотъ если бы мнѣ кончить какихъ-нибудь два факультета, да консерваторію въ придачу—не пропала бы я и въ Жабинцахъ и даже въ Вовкотрубахъ (говорятъ, есть такое село неподалеку), а такъ!..

Меня убило мое одиночество.

И отчего я всю жизнь была такъ страшно одинока?

Вотъ вопросъ, на который мнѣ бы хотѣлось отвѣтить хоть теперь, въ послѣдніе дни.

Когда была жива моя бабушка, она сказала мнѣ однажды, отчего: оттого, что я безприданница.

Тогда этотъ отвѣтъ сразу и надолго привелъ меня въ самое веселое настроеніе, но теперь—увы, Коля, я сама начинаю думать, что это такъ. Не возмущайся и не думай, что я уже окончательно выжила изъ ума—я имѣю основанія такъ говорить.

Постараюсь говорить объективно.

Мы, безприданницы, дочери почтовыхъ чиновниковъ, швейцаровъ, кухарокъ—поступаемъ въ гимназіи, какъ и вы, ихъ сыновья.

Учимся мы наравнѣ съ вами, бѣгаемъ по урокамъ, дотягиваемъ пополамъ съ бѣдой до аттестата—и до свиданья: въ то время, какъ вы, сыновья, почти всѣ попадаете въ университеты—нами, дочерьми, начинаютъ перешвыриваться, какъ чѣмъ-то совершенно негоднымъ и ненужнымъ и подъ конецъ затыкаютъ нами всѣ дыры и щели на Руси, куда вы и не заглядываете—начиная съ церковно-приходскихъ школъ и кончая дѣтскими нашихъ же подругъ, которыя нанимаютъ насъ въ бонны за десять рублей въ мѣсяцъ, чуть ли не со стиркой.

Не думай, что я говорю такъ потому, что презираю какой бы то ни было трудъ—я могу и помойныя ямы чистить, когда это нужно—я хочу только сказать, что на этомъ распутьи обыкновенно мы разстаемся съ вами, и здѣсь обыкновенно обрываются первыя протянувшіяся между нами паутинки любви, дружбы, простого обмѣна мыслей, знакомствъ — и вы идете дальше, къ свѣту—мы возвращаемся назадъ, во мракъ.

Но это не такъ страшно: это все когда-нибудь измѣнится, уже мѣняется на моихъ глазахъ. Но дальше я буду говорить о томъ, чему измѣниться трудно.

Положимъ, нѣкоторыя изъ насъ попали на курсы, какъ я, напримѣръ. Мы ослѣплены: мы не смѣли и мечтать о томъ, что и намъ позволено будетъ коснуться знанія, мы съ увлеченіемъ работаемъ — намъ кажется, что больше въ жизни намъ ничего не нужно—мы и не замѣчаемъ, какъ мы несчастны, какъ одиноки — несчастны потому, что у насъ нѣтъ того, безъ чего не можетъ обойтись послѣдній нищій: нѣтъ любви, дружбы, часто простого знакомства—ибо гдѣ могутъ быть наши возлюбленные, наши друзья и просто собесѣдники—какъ не среди васъ, людей одного съ нами происхожденія, образованія, воспитанія—и, казалось бы, однихъ взглядовъ и стремленій?

Но вы отъ насъ бѣжите. Между нами и вами встаетъ то, что ты, Коля, такъ красиво громилъ тогда, въ первый день нашего знакомства: встаетъ ваше неудержимое стремленіе къ «гер-

цогинямъ» — къ дочерямъ помѣщиковъ, генераловъ, богатыхъ купцовъ, богатыхъ инженеровъ, адвокатовъ—словомъ, къ дѣвицамъ «съ приданымъ», хотя бы въ видѣ утонченнаго воспитанія, изящныхъ манеръ, воздушныхъ платьевъ и чувствительныхъ сердецъ—словно вы нарочно стряпаете себѣ идеалы женщинъ по рецептамъ парижскихъ романовъ прошлаго столѣтія!..

Васъ влечетъ именно къ такимъ женщинамъ. Васъ привлекаютъ ихъ выхоленныя души. Многія изъ насъ не уступаютъ имъ въ умѣ, въ образованіи, въ красотѣ, но все это для васъ—ничто. Даже красота васъ не привлекаетъ, если къ ней не приложены аттрибуты герцогинь: выправка, умѣніе одѣться, причесаться, выбрать духи. Что̀ для васъ наши измученныя, хмурыя лица, согнутыя фигуры, темныя платья и грубые башмаки—въ сравненіи съ ихъ розовыми, сытыми личиками, стянутыми фигурками и душистыми нарядами! Что для васъ наши усталыя, часто озлобленныя неудачами, огрубѣлыя въ непосильной борьбѣ, души—въ сравненіи съ ихъ безоблачными, мирными и кроткими душами, всегда полными милосердія и любви къ ближнему—какъ и приличествуетъ хорошо воспитаннымъ дѣвицамъ.

Говорятъ даже, что онѣ больше способны на подвиги самопожертвованія и любви, чѣмъ мы—и знаешь, почему говорятъ? Потому, что гдѣ-нибудь на войнѣ, холерѣ, тифѣ, если встрѣтятъ «герцогиню»—непремѣнно закричатъ: «Святая! мученица! подвижница!»—а если встрѣтятъ одну изъ насъ, такъ скажутъ: «Вотъ, какъ ей отлично удалось устроиться: сорокъ рублей на всемъ готовомъ! Порадовался бы покойный отецъ за свою дочку—ему такіе оклады и во снѣ не снились!».

А вѣдь какъ часто своей жаждой «подвиговъ» эти барышни отбиваютъ у насъ послѣдній кусокъ хлѣба — на что́ имъ эти сорокъ рублей, которыми оплачиваются подвиги и безъ которыхъ намъ приходится умирать съ голоду?

Что́, Коля, не ожидалъ отъ меня такихъ рѣчей?

Ахъ!.. Что я дѣлаю, что я говорю, что я думаю подчасъ—я сама себя не узнаю! Такъ все это несправедливо, мелко, гадко—фу!.. Хорошо, что ты меня не увидишь больше—не увидишь такой...

Но, что̀ же, надо продолжать, надо договаривать до конца... Такъ я хочу сказать, что только къ нимъ, къ герцогинямъ, вы стремитесь, только ихъ считаете достойными себя, среди нихъ ищете и женъ, и друзей, и собесѣдницъ.

И вы не только мечтаете о нихъ—вашимъ мечтамъ ничего не сто́итъ сбыться.

Студента вездѣ принимаютъ охотно и такъ какъ, говорятъ, среди герцоговъ трудно встрѣтить что-нибудь путное, то ихъ дамы—кстати скажу: дѣвицы очень часто неглупыя и порядочныя—нерѣдко предпочитаютъ нашего брата, студента изъ «кухаркиныхъ сыновей».

Иногда налаживается дружба, иногда завязывается романъ, бываютъ и браки.

А мы остаемся—одинокія, никому не нужныя, съ одной работой, безъ любви, безъ дружбы, безъ простыхъ знакомыхъ.

Ты, наконецъ, удивишься, что я, говоря о друзьяхъ, о знакомыхъ, о собесѣдникахъ—имѣю въ виду однихъ мужчинъ?

Ахъ, Коля, Коля! Не нами началось, не нами и кончится то, что для насъ интереснѣе друзья и собесѣдники другого пола, что съ ними намъ какъ-то не такъ скучно—разнообразія больше, сходства меньше, а черезъ это обманъ мыслей живѣй и самыя мысли ярче и острѣй. И если бы пришлось прожить всю жизнь съ людьми одного пола — скучной и неполной показалась бы жизнь! Развѣ, если съ головой уйти въ какую-нибудь идею, или работу, но не всякому это удается.

Такъ было—такъ и будетъ...

Итакъ—мы остаемся однѣ.

Осталась одна и я: тогда, весной, о которой я столько мечтала, я не дождалась тебя—ты, когда вышелъ изъ тюрьмы, прислалъ мнѣ открытку... Потомъ, въ отвѣтъ на мое письмо, написалъ нѣсколько строкъ — натянутыхъ, напряженныхъ, непріятныхъ...

А черезъ двѣ недѣли ты обвѣнчался съ Ольгой и уѣхалъ къ ней, въ ея имѣніе...

Позавидовала я ей тогда... Позавидовала всему, за что ты ее полюбилъ, всему ея «приданому»: ея мягкости, манерамъ, изяществу, ея добротѣ — особенно ея добротѣ, о которой ты такъ много говорилъ.

И знаешь, когда еще я искренно позавидовала ея добротѣ.

Шли мы какъ-то съ ней по базару и увидѣли полудохлаго щенка.

Люблю я животныхъ и жалѣю ихъ больше, чѣмъ людей. Много перемучилась я въ дѣтствѣ, когда постоянно притаскивала домой тощихъ жалкихъ котятъ, а меня били за это и приказывали утопить, или отнести обратно...

Увидѣла я этого щенка, горло у меня сжалось, я поскорѣй отвернулась и прошла дальше. А Ольга остановилась, взяла щенка на руки, начала гладить, приговаривать.

— Что вы съ нимъ сдѣлаете?—спросила я.

— Какъ что? Скоро я ѣду домой, въ имѣніе, возьму его туда отвезу.

Замолчала я и пошла дальше. И такъ мнѣ стало больно и горько, что я не могла, какъ она, взять этого щеночка на руки, приласкать его, согрѣть, накормить—не могла: чѣмъ бы я его кормила? Возлѣ меня и воробей не прокормился бы... Да и знала ли я, гдѣ буду черезъ недѣлю?..

Потомъ Оля мнѣ разсказывала, что щенокъ живетъ въ имѣніи, очень выросъ и похорошѣлъ—и *любитъ ее* безъ памяти, необыкновенно!..

И опять кольнуло меня въ сердце...

А то, Коля, какъ ты ее полюбилъ—вспомни.

Ты сидѣлъ въ тюрьмѣ, всѣ твои разъѣхались, тебя оставили—Ольга одна ходила къ тебѣ цѣлыхъ три года; старалась угадать, что̀ тебѣ было нужно, приносила тебѣ апельсины, конфеты, цвѣты—она, вѣдь, добрая—а я въ это время билась вдали, какъ птица въ клѣткѣ, плакала по ночамъ и ломала голову надъ тѣмъ, какъ бы хоть разъ съѣздить туда, гдѣ ты, постоять подъ стѣнами тюрьмы, поглядѣть на рѣшетки...

И не удалось...

А если бы я жила тамъ!.. Я бы обѣды сама варила и носила тебѣ, Колечка, я бы голодала по недѣлямъ, чтобъ купить тебѣ букетикъ цвѣтовъ, порадовать тебя хоть чѣмъ-нибудь, мое солнышко, моя единая радость!..

Боже мой, Боже мой, что̀ это я пишу?!

Впрочемъ, давно видно, что послать нельзя...

Такъ-то, Коля: ты полюбилъ ее за доброту—и я завидую ея добротѣ—что̀ тутъ страннаго?

Только все это мнѣ напомнило обычную поговорку крестьянъ:

— Богатый и Царство Небесное получитъ...

И хоть бы я знала, что ты дѣйствительно счастливъ, хоть бы она любила тебя—мнѣ бы легче было, я бы могла радоваться твоему счастью, а то вѣдь она не любила тебя, Коля!

О, если можно назвать любовью жалость—жалость самую

позорную, жалость къ нищему, жалость, доходящую до того, что женщина отдаетъ не только свои заботы, конфеты и апельсины, но и себя—если это любовь, то Ольга любитъ тебя...

Она ничего не знала и потому писала мнѣ нѣсколько разъ послѣ вашей свадьбы (хоть я и не отвѣчала ей), вѣдь когда-то она меня очень любила—и я къ ней хорошо относилась, пока она не начала упорно предлагать мнѣ свои старыя платья и башмаки...

Многое мнѣ открыли эти письма—прежде всего твою глубокую, безграничную любовь къ ней. Ты отдался ей весь, безъ возврата и сожалѣній, на всю жизнь—а она...

Она призналась, что «немножко» разочаровалась въ тебѣ, что изъ всѣхъ ея близкихъ (а у нея ихъ 27)—ты, «пожалуй», самый неинтересный и скучный—наконецъ, что она уѣхала отъ тебя къ подругѣ погостить «мѣсяца на два», и ты ей пишешь каждый день, иногда на шестнадцати листахъ, а она едва можетъ собраться отвѣтить открыткой на третье-четвертое письмо — она искренно удивлялась, какъ можно писать такъ много—и о чемъ?

Я не знаю, что́ было въ этихъ твоихъ письмахъ, но въ ихъ изобиліи сказалась вся твоя неукротимая душа: жажда брать отъ чувства, отъ жизни какъ можно больше—и давать много.

Охъ, слишкомъ много ты даешь жизни, Коля—стоитъ ли? А особенно той, для кого ты, «пожалуй, самый неинтересный человѣкъ» изъ ея друзей.

И неужели это можетъ быть правдой? Неужели у этихъ герцогинь дѣйствительно много такихъ людей, какъ ты? Можетъ быть... Вѣдь всѣ лучшіе изъ васъ такъ стремятся къ нимъ!..

А для меня, Коля, ты былъ чѣмъ-то изумительнымъ, непостижимымъ! Я никогда не смѣла и мечтать встрѣтиться въ жизни съ человѣкомъ, подобнымъ тебѣ—слышишь? не смѣла мечтать!..

И она имѣетъ такихъ много, а у меня нѣтъ даже щенка, который бы меня любилъ...

Да... бездонная пропасть между мной и Ольгой.

Но почему нѣтъ ея между тобой и ею?

Какой между вами мостъ?

Я этого не могу постичь.

И вотъ, вы связаны на всю жизнь: ты прикованъ къ ней любовью, она къ тебѣ — старыми традиціями... такъ и проживете—вѣроятно, хорошо, мирно—и долго... долго...

Ну, мнѣ пора кончать. Устала... Сидѣть не могу. Вчера и

сегодня шла горломъ кровь. Дышать не могу. Температура выше 39-ти. Въ груди клокочетъ. Доживу ли до завтра?

Боже, какъ впала моя грудь, какъ исхудало лицо, руки... какъ потемнѣли... А когда-то красавицей звали!.. Теперь всему этому мѣсто только въ могилѣ.

А хорошо распорядилась судьба, что убираетъ меня отсюда во̀-время; во что бы я превратилась дальше?—Въ старую, изсохшую дѣву—безъ искры любви къ людямъ, безъ вѣры въ свое дѣло—съ одной лишь злобой противъ всѣхъ и завистью ко всѣмъ...—Охъ, страшный образъ!.. Пусть онъ сгинетъ. Пусть его не будетъ!..

Его не будетъ—я могу быть спокойна.

Ахъ, хоть разъ бы увидѣть тебя!.. Хоть разъ...

Но тебя не будетъ—никого, никого не будетъ со мной въ этотъ послѣдній страшный часъ, никто не будетъ держать моей руки въ своихъ, никто не заслонитъ собой ужасный призракъ смерти!..

П. Б.

ИЗЪ КНИГИ ОТЧАЯНЬЯ.

1.

Сѣрое небо на землю
Въ даляхъ безцвѣтныхъ легло.
Стынущимъ сердцемъ пріемлю
Косность, молчанье и зло.

И не хочу я молиться,
И о быломъ позабылъ,
Духъ мой трепещетъ, какъ птица
Взмахами сломанныхъ крылъ.

2.

Какъ больно очнуться обманутымъ.
Сѣрѣетъ безсолнечный день
И кажется нудно-растянутымъ,
И пѣть и печалиться лѣнь.

Томишься тоской обезсиленный,
Сомнѣньемъ охваченный весь.
А думы, какъ злобные филины,
Все тянутъ унылую пѣснь.

Къ чему трепетанья и возгласы?
Къ чему расцвѣтать и любить?
Вцѣпиться бы яростно въ волосы
И биться о землю и выть.

И выть, чтобы сердце кровавое
Въ звѣриной тоскѣ изошло,
Чтобъ острой смертельной отравою
Безплодную душу сожгло.

Когда же вечерняя улица
Затихнетъ и станетъ темно,—
Къ Невѣ подойти, насутулиться
И кануть на черное дно...

3.

Господи, Господи, что-жъ это будетъ?
Смерть обезцѣнила жизнь и мечту.
Страшно оставшимся плакать на грудѣ
Рухнувшихъ зданій, взывать въ пустоту...

Кто оправдается, спроситъ, отвѣтитъ?
Что обольститъ обезличенный духъ?
Были мы прежде, какъ шумныя дѣти,
Бредъ нашей вѣры остылъ и потухъ.

Блещутъ багровыя чьи-то зѣницы,
Злобно привѣтствуя ужасъ и смерть.
Что́ же осталось? Безстрастно склониться
И не считать невозвратныхъ потерь?

Или, не вѣря зарѣ отдаленной,
Душу повергнуть въ унынье и тьму?
Или проклясть навсегда изступленно
Все, чѣмъ мы жили, молились чему?..

Дмитрій Цензоръ.

РАЗСКАЗЪ ТИХАГО ЧЕЛОВѢКА.

Охъ, ужъ и не знаю, люди добрые, разсказывать ли вамъ эту исторію; боюсь, не повѣрите вы мнѣ. Вѣкъ нашъ жесткій, положительный, каждый о себѣ да о своихъ больше думаетъ, а я разсказываю вамъ о такихъ чудесахъ, какъ совершенно чужой человѣкъ другого на всю жизнь обезпечилъ и устроилъ.

Вотъ и проговорился нечаянно... Всегда у меня этакъ: если что меня трогаетъ, не могу, чтобы другимъ не разсказать. Сколько ужъ разъ надо мной смѣялись родные и знакомые. А по-моему, что за бѣда, если мнѣ хочется въ красоту человѣческую вѣрить. Иной разъ и ошибешься, а зато человѣка до сихъ поръ люблю.

Ну, ужъ слушайте... Можетъ, и изъ васъ какой-нибудь разочарованный опять къ вѣрѣ воротится.

Только прошу васъ: съ довѣріемъ къ словамъ моимъ слушайте. А я самымъ святымъ для меня клянусь, что разсказываю вамъ чистую правду.

I.

Въ то время плохо мы жили... то-есть, не плохо, а бѣдно. Давалась отцу казенная квартира, да жалованье небольшое. Въ большихъ-то чинахъ даютъ и квартиру большую и хорошую, а отецъ маленькимъ чиновникомъ былъ—и дали ему всего три комнаты съ кухней. А семьи шесть человѣкъ: отецъ съ матерью, три сына, дочь-невѣста, ужъ взрослая, такъ что и нэ совсѣмъ удобно было ей спать въ проходной комнатѣ, въ столовой, гдѣ проходили мы, мальчики, и гости наши, товарищи.

Ну, да на такую мелочь ни мы, ни она и вниманія не обращали. Бывало, провожаешь товарища, только скажешь ему:

— Ты ужъ отвернись, какъ по столовой пойдешь. Сестра спать легла.

А онъ, словно недовольно, отвѣтитъ:

— Знаю, знаю, не въ первый разъ! Я закрою глаза, а ты меня за руку веди.

Такъ и сдѣлаемъ. И никогда, никто не сплутуетъ, честно идетъ съ закрытыми глазами, хоть и были среди нашихъ товарищей парнишки испорченные, что и въ карты играли, и въ водкѣ очень даже вкусъ понимали, и съ дѣвицами погуливали.

Вотъ такъ и жили,—бѣдно, но дружно, съ любовью другъ къ другу. Конечно, гдѣ бѣдность, тамъ иной разъ и взгрустнется иной разъ и раздражишься, обидишь несправедливымъ словомъ близкаго. Ну, что мы, мальчики, иногда получимъ шлепокъ отъ матери или крикнетъ она на насъ,—такъ это понятно. Извѣстно всѣмъ, сыновей имѣвшимъ, какой это несносный народъ. Бывало, скажетъ мать:

— Вы потише сидите, у отца спѣшная работа, ему спокойствіе нужно. А то напутаетъ что, а потомъ отъ начальника выговоръ.

Мы на это хоромъ отвѣтимъ, и твердо такъ отвѣтимъ:

— Хорошо, мамочка, хорошо. Вотъ только уроки выучимъ— и спать ляжемъ.

А на мѣсто того, чтобы спать, уляжемся, да начнемъ исторіи смѣшныя разсказывать. Сначала рты зажимаемъ, одѣяломъ смѣхъ глушимъ, но потомъ не выдержимъ—и давай кататься на постели да по полу, и ужъ тутъ смѣхъ-то во всю молодую глотку. Бывало, отецъ войдетъ, остановится на порогѣ, посмотритъ, это, своими близорукими глазами и скажетъ ласково:

— Спите, ребятки, спите. Вамъ завтра силы на ученье нужны а мнѣ сейчасъ работать нужно. Вы мнѣ мѣшаете, да и мать, разбудите.

Послѣ этого мы всегда смирнехонько уляжемся, и уже больше отъ насъ никому безпокойства нѣтъ. Но чаще къ намъ мать на шумъ нашъ заглядывала,—и уже тогда иначе насъ унимала: кого подзатыльникомъ, кого шлепкомъ, кого словомъ браннымъ угоститъ.

Ну да это понятно и простительно: мальчишки,—что мы понимали? Какъ теперь вспоминаю, еще удивляюсь, какъ намъ больше не влетало за наши продѣлки, проказы и неразуміе.

Но съ болью душевной, съ жалостью вспоминаю я вспышки гнѣва, потоки несправедливыхъ, обидныхъ словъ, которые иногда мать моя на отца изливала. Вотъ гдѣ ужасъ-то бѣдности! Разстроится отъ жизни, полной всякихъ лишеній, урѣзковъ, отказовъ, вспомнитъ, что ея бывшія подруги одна за милліонеромъ

замужемъ, другая на сценѣ громадные заработки имѣетъ, третья тамъ хоть безъ излишества, но и безъ отказовъ живетъ,—вспомнитъ, перевернется въ ней сердце, и начнетъ отцу несправедливыя слова говорить, жизнью своей загубленной попрекать. И намъ попадетъ, и мы тогда для нея не любимыя нѣжно дѣти, а несносная и ненавистная тяжесть на ея шеѣ.

И вы думаете, правда это все, что она говорила въ такія минуты?—То-есть, вотъ ни на столечко не правда, ни на полстолечко. Ну, конечно, ходили въ заплатанномъ и починенномъ, какіе-такіе театры бываютъ—и понятія почти-что не имѣли (этихъ, нынѣшнихъ-то, электрическихъ театровъ, еще и въ поминѣ не было), обѣдали не досыта, а зато гдѣ, у кого бывало такое веселье хорошее по вечерамъ, когда отецъ, если у него не было вечернихъ занятій, читалъ намъ вслухъ занятныя исторіи, а мы съ открытыми ртами впивали каждое его слово. И гдѣ такъ нѣжно заботились, какъ отецъ и мать другъ о другѣ и о насъ.

Бывало, заработаетъ отецъ лишнюю пятерку, такъ непремѣнно рубль-другой истратитъ на пріятное матери: она цвѣты любила, такъ онъ розу тамъ или гіацинтъ принесетъ. Мать это будто бы сердится, а глаза такъ и сіяютъ. Не выдержитъ,—да среди упрековъ вдругъ какъ прижметъ его голову къ груди, какъ поцѣлуетъ!.. Даже мы, мальчишки, поймемъ, что это за поцѣлуй, даже у насъ въ горлѣ защиплетъ.

Зато и мать, какъ, бывало, выгадаетъ на чемъ-нибудь пятиалтынный или двугривенный, непремѣнно купитъ для отца кусочекъ сыру полушвейцарскаго, изъ хорошихъ сортовъ. Онъ его ужасъ какъ любилъ, всякой снѣди и подороже предпочиталъ. Принесетъ мать эти полфунта, да и положитъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ подъ полотенце. И будто не хочется ей вставать, попроситъ отца передать ей кусочекъ хлѣба.

— Передай мнѣ, Петенька, хлѣба. Вонъ около тебя стоитъ.

Отецъ откинетъ полотенце,—глядь, лежитъ что-то въ пергаментной бумагѣ. Конечно, сейчасъ догадается, въ чемъ дѣло, головой покачаетъ и скажетъ:

— Опять, Галочка, на баловство потратилась. Лучше бы ребятишкамъ пряниковъ купила. Они какъ за послѣднее время стараются...

Мать на это непремѣнно такъ отвѣтитъ:

— Чего ихъ, баловниковъ, баловать. И такъ отъ здоровья веселья достаточно.

И мы ужъ знаемъ, какое удовольствіе отцу отъ этого по-

дарка, и ни за какія деньги, ни за какія упрашиванія,—ни за что не согласимся взять отъ него даже маленькаго кусочка. Понимали, стало быть, любили, а какія подчасъ огорченія доставляли. Конечно, по неразумію, по молодости, а теперь-то все-таки больно, какъ вспомнишь.

Вотъ такъ и жили—полегоньку да понемножку. Многаго не хватало, на многое только ахали да вздыхали: «вотъ бы и намъ такое же»,—ну, тамъ платье парадное, коньки, игрушку какую-нибудь занятную. А отецъ съ матерью больше всего о томъ сокрушались, какъ бы имъ такъ исхитриться—перевернуться, чтобы намъ настоящее образованіе дать. Хоть и понимали, что не всякому же гимназію да университетъ кончать, что и другимъ путемъ, безъ высшаго диплома, можно хлѣбъ зарабатывать, но ужъ такъ какъ-то хотѣлось обоимъ насъ черезъ высшее образованіе провести, а сестрѣ Валентинѣ музыкальное образованіе дать—способности у нея хорошія были и слухъ удивительный. Мать еще туда-сюда, не очень за это стояла, потому сама была безъ особеннаго образованія, а отецъ и высшаго понюхалъ, курса два историческаго факультета прошелъ. Да только случилось что-то съ нимъ,—то ли родители перестали деньги на ученье посылать, а одинъ справиться не могъ, то ли исторія какая вышла, и пришлось ему неволей университетъ бросить,—точно не знаю. Никогда онъ самъ объ этомъ не говорилъ, только вздохнетъ иногда, да скажетъ намъ:

— Глупы вы, ребятки, и я глупымъ былъ. Въ молодости все простымъ и понятнымъ кажется, на многое дерзаешь со смѣлымъ сердцемъ, а послѣ-то, какъ повзрослѣй станешь, видишь, что совсѣмъ неразумнымъ младенцемъ былъ. Это ужъ такой законъ природы, что молодому существу надо глупымъ быть.

А мы стоимъ около него—и смѣшно намъ себѣ представить, что и отецъ когда-то такимъ же мальчикомъ былъ и проказилъ не хуже нашего. Онъ посмотритъ-посмотритъ на наши ухмыляющіяся физіономіи, самъ улыбнется, махнетъ рукой и скажетъ:

— Будетъ ужъ философствовать, все равно не поймете еще. Тащите-ка книжку свою, это понятнѣе будетъ...

И вѣрно, что понятнѣе, потому что отецъ для чтенія намъ вслухъ самъ хорошія книжки выбиралъ и читалъ такъ, что и заправскому актеру не всегда прочесть.

Словомъ, славно мы жили. Вы и сами, я думаю, теперь видите, что славно. И жить бы намъ этакъ всю жизнь, развѣ-

что болѣзнь какая или несчастье съ кѣмъ произошло бы. Но на тринадцатомъ году моей жизни случилось въ семьѣ нашей чрезвычайное обстоятельство, все какъ есть у насъ измѣнившее.

II.

Вотъ въ чемъ обстоятельство это заключалось. Забылъ я сказать вамъ (я вѣдь не разсказчикъ какой, не писатель,—не могу всю нашу жизнь представить подробно и въ порядкѣ), забылъ сказать, что у отца моего была одна страсть, изъ-за которой много ему отъ матери попадало: любилъ онъ театръ до страсти и хоть ходить-то туда почти не приходилось, но зато онъ самъ любилъ иногда пописывать для него драму тамъ, пьесу какую-нибудь серьезную, а иногда и комедію легкую изобразитъ.

Мать наша, видя, какъ онъ иной разъ за полночь сидитъ, да перомъ по бумагѣ бѣгаетъ, не выдержитъ, скажетъ ему:

— Ложился бы ты, Петенька, спать. Только керосинъ даромъ жжешь и нервы себѣ разстраиваешь.

А это правда, кровью сердца своего, можно сказать, писалъ онъ. Весь въ работу уйдетъ, не видитъ ничего и не слышитъ, пока не выльется у него на бумагѣ то, что душу томитъ и жжетъ. И плакалъ часто,—то-есть не то, чтобы правда плакалъ, а что-то часто за платкомъ лазилъ и лицо вытиралъ.

Такъ вотъ онъ на слова матери, которыя его отъ грезъ его оторвали, повернется къ ней и скажетъ, — просительно такъ, хорошо скажетъ:

— Прости ужъ, Галочка, что мѣшаю тебѣ... Не могу я сейчасъ бросить, не очистился еще отъ образовъ, что душу мучаютъ. Одна вѣдь у меня въ жизни радость-то, такъ ты ужъ не сердись, что не могу я ей противостоять...

А если мать все-таки ворчитъ на него, то онъ ей еще жалостливѣе скажетъ:

— Я вѣдь рѣдко, Галочка, безпокою тебя... Ужъ когда совсѣмъ не въ моготу больше терпѣть.

Мать тутъ ужъ не выдерживаетъ. Повернется къ нему и съ укоромъ, съ упрекомъ скажетъ:

— Не меня ты безпокоишь, неразумный человѣкъ, а свою жизнь съ обоихъ концовъ жжешь. Днемъ минуты свободной отъ работы и отъ думъ не знаешь, такъ и ночью себѣ покоя не даешь.

И самъ отецъ понималъ, конечно, что много онъ здоровья у себя отнималъ этими ночными волненіями, но, должно быть,

ужъ ничего съ собой подѣлать не могъ, разъ не щадилъ себя, и жену свою, нѣжно-любимую, огорчалъ. Говорили мнѣ люди образованные и понимающіе, что это—какъ пѣсня: попробуй кто-нибудь ее въ груди удержать, когда она наружу рвется. Лучше и не пробовать,—не удастся! Хоть муками за это грози, смертью лютой,—все равно запоетъ ее человѣкъ или народъ весь, если она на волю просится. И въ исторіи, говорили мнѣ, сколько тому примѣровъ было.

И много такихъ пѣсенъ, выношенныхъ и выстраданныхъ, у отца записано было. Хранилъ онъ ихъ у себя въ ящикѣ, такъ, какъ набросалъ ихъ торопливой рукой,—на обрывкахъ да на кусочкахъ бумаги. По-настоящему не переписывалъ никогда,—на хорошую бумагу потратиться жалѣлъ. Да и вообще цѣны большой не придавалъ своимъ писаніямъ и никому ихъ не читалъ.

Помню, мать разъ какъ-то ему сказала:

— Ну, что ты все пишешь да прячешь, пишешь да прячешь. Прочелъ бы кому. Можетъ, что и хорошее найдется, и деньги за то заработать можешь.

А онъ покраснѣлъ, потупился, да тихо такъ матери и говоритъ:

— Не искушай ты меня, Галочка. Я вѣдь для себя пишу, душу свою облегчаю. Чтобы для другихъ писать, талантъ надо имѣть, а то обманъ одинъ выйдетъ, и никому отъ того никакой ни пользы, ни удовольствія не произойдетъ. А я—что же—такой же обыкновенный человѣкъ, какъ и всѣ.

Тутъ совсѣмъ онъ законфузился, совсѣмъ, какъ маковъ цвѣтъ, сталъ, и говоритъ:

— А чтобы ты сама убѣдилась, что нечего мнѣ на счетъ себя обольщаться, я тебѣ сейчасъ прочту одну поэмку. Только ужъ, чтобы ни одной душѣ не было извѣстно, и ребятишки пусть спать отправляются.

И ужъ что тамъ было,—не знаю. Отвели насъ въ комнату нашу и велѣли съ головой одѣялами накрыться. Я-то тогда маленькій былъ и въ духотѣ подъодѣяльной скоро спать захотѣлъ, и заснулъ, а братья потомъ разсказывали, что долго слышали отцовскій тихій голосъ, а потомъ замолкъ онъ, и словно заплакалъ кто-то, и словно поцѣловались они.

Думаю я, что съ этого вечера и началъ отецъ читать матери свои произведенія. И она ужъ иначе стала относиться къ его писательству. Не корила больше, что по ночамъ сидитъ, пишетъ, и даже при насъ иногда отцу скажетъ:

— Попробовалъ бы ты, Петенька, куда-нибудь толкнуться.

Мало ли журналовъ и газетъ во всей Россіи издается, можетъ, и возьмутъ гдѣ-нибудь.

Но отецъ на это никогда не отзывался. Даже, какъ будто, хмуро посмотритъ и на насъ взглядомъ поведетъ,—помолчи, дескать, передъ ними-то.

И все-таки не ушелъ отецъ отъ судьбы своей. Я такъ полагаю, что кому что̀ предназначено, ужъ тотъ никакъ отъ этого убѣжать не можетъ. Какъ ни увиливай, какъ ни старайся,—все равно будешь ты трубочистомъ, хотя бы и въ мильонахъ родился, или тамъ писателемъ, хоть и грамоту плохо знаешь. У каждаго человѣка своя звѣзда свѣтитъ, только мы по нашей ограниченности и глупости человѣческой не всегда ее сразу увидѣть можемъ. Иногда и поздно увидимъ, ужъ когда умирать собираемся, а все-таки и въ послѣднюю минуту поймемъ, на что̀ и къ чему насъ судьба предназначила. Плоды отъ посѣва не всегда созрѣть могутъ—тяжела и трудна юдоль-то земная—а ростки непремѣнно зелень и свѣжесть свою покажутъ. Только вотъ разсмотрѣть ихъ не всегда человѣкъ можетъ.

Дѣло такъ было. Сталъ отецъ задумываться. Всѣмъ это видно ясно, даже знакомые наши спрашивали мать: «Что это съ Петромъ Александровичемъ стало, какой-то задумчивый ходитъ». А мать и отвѣтить ничего не могла, почему да отчего. Самъ онъ ей ничего не говорилъ, а спрашивать и допытываться другъ у друга у нихъ не въ обычаѣ было. Разъ навсегда порѣшили между собой, что не будутъ пытать другого вопросами; стало быть, не пришло еще время съ другимъ подѣлиться своими сомнѣніями и думами, коли молчитъ, а какъ придетъ время—самъ скажетъ. И крѣпко эту линію соблюдали.

Ну, а намъ, семейнымъ, яснѣе, чѣмъ постороннимъ, видно было, что обдумываетъ что-то отецъ, готовится къ чему-то. И вотъ какъ теперь помню, въ Покровъ, утрешкомъ, ушелъ отецъ, не сказавши куда. Только, пальто одѣвая, матери сказалъ, чтобы къ обѣду не дожидались, что онъ опоздать можетъ. И, видимо, волновался онъ, все на часы поглядывалъ и мѣста себѣ не находилъ: то къ намъ зайдетъ, постоитъ минуту, посмотритъ разсѣянно, какъ мы уроки приготовляемъ, то на кухнѣ очутится и тамъ постоитъ у окна, выводя что-то пальцами на запотѣвшемъ стеклѣ. Наконецъ, вытащилъ въ послѣдній разъ часы, поглядѣлъ, вздохнулъ—и пошелъ пальто одѣвать.

Думаю, догадывалась мать, за какимъ онъ дѣломъ собирался. Но только она и виду не подала. Ушла, какъ выпустила его, опять на кухню и занялась по-прежнему своимъ пирогомъ.

И мы тихонько за своими уроками сидѣли: въ училищѣ учитель новый назначенъ былъ и по неопытности своей уроки намъ задавалъ препочтенные.

Часа эдакъ черезъ два—мы уже за столъ садились—позвонилъ кто-то. Сильно такъ колокольчикъ дернулъ, такъ и затрепыхался онъ. Мы-то всѣ либо чернымъ ходомъ ходили, либо, если съ параднаго, осторожно звонили,—что даромъ-то тревожить. Мать и говоритъ:

— Кого это Богъ несетъ? Поди-ка, Паша, отвори. Да спроси черезъ дверь-то, кого, молъ, надо.

Пошелъ я. Ключемъ верчу, будто не ладится дѣло, а самъ спрашиваю:

— Вамъ кого надо? Это квартира Стрекалова.

И каково же было мое удивленіе, когда ясно услышалъ отцовскій голосъ:

— Это я, сынокъ. Отвори скорѣй. Хорошія вѣсти принесъ.

И голосъ у него такой бодрый, веселый. Точь-въ-точь мы такъ же говорили, когда отмѣтку хорошую изъ училища къ воскресенью приносили.

Открылъ я. Онъ мимо меня,—прямо къ вѣшалкѣ. Скинулъ пальто, меня за плечи обхватилъ, поцѣловалъ крѣпко, и ни минутки не медля пошли мы рядышкомъ въ комнату, гдѣ обѣдали. Тутъ онъ руку съ моего плеча снялъ и подошелъ къ матери. А она глядитъ на него и понять не можетъ, отчего онъ такой радостный. Но онъ томить не сталъ, сразу разсказывать началъ, только на свое мѣсто сѣлъ. А мать на него и мы всѣ во всѣ глаза смотримъ.

— Вотъ, Галочка, и вы, ребятки, послушайте, какую я вамъ штуку разскажу. Обдумывалъ я послѣ твоихъ рѣчей, Галочка, не попробовать ли мнѣ одну свою пьеску въ театръ снести. Ты знаешь, строго я къ себѣ отношусь, и, если бы не твои уговоры, никогда не рѣшился бы на это.

А тутъ ты все: «попробуй, да попробуй», я и призадумался. Можетъ, и правда есть въ моихъ писаніяхъ что-нибудь хорошее, отъ чего и другіе люди пользу и удовольствіе получить могутъ. Думалъ, думалъ, да и порѣшилъ взять драмку мою,—помнишь, Галочка, что́ тебѣ понравилась, «Правда жизни» называется и дать писарю нашему переписать. Обѣщалъ ему рублевку за это, если постарается да хорошенько перепишетъ, да велѣлъ языкъ за зубами держать, чтобы никому, не дай Богъ, не проговорился. Сдѣлалъ онъ, хорошо переписалъ, на совѣсть,—аккуратно и красиво.—Ну, какъ я получилъ ее, такую красивенькую, да

прочелъ еще разъ, мнѣ и самому показалось, что есть въ ней смыслъ, и правда есть. Вотъ я вечеркомъ, недѣлю тому назадъ, и снесъ ее къ Некрасову въ театръ. Боялся я, какъ шелъ туда, что примутъ меня неласково,—куда, молъ, суешься, у насъ писатели все извѣстные ставятся. Ну, и правда, сухо меня встрѣтили, прохладно. Этотъ управляющій-то рукопись повертѣлъ, полистовалъ, да этакъ небрежно говоритъ: «Зайдите черезъ недѣльку, посмотримъ тамъ, а только не могу васъ обнадежить, потому у насъ и такъ много пьесъ въ виду имѣется къ постановкѣ». Я-было ужъ и уходить собрался, тѣмъ болѣе, вижу—некогда ему, все приходятъ къ нему и спрашиваютъ о разныхъ дѣлахъ. Но только замѣшкался что-то, а онъ, видя, что я еще здѣсь нахожусь, меня и спрашиваетъ: «И что же это ваша первая вещь, или уже пробовали писать?» Я ему и разсказалъ, что у меня много написано, да только лежитъ все это такъ, безъ движенія. Вижу, онъ заинтересовался, да и спрашиваетъ, потому я это такъ дѣлаю. Ну, тутъ разговоръ у насъ вышелъ, съ полчаса съ нимъ бесѣдовали. Разсказалъ я ему, что и въ университетѣ былъ, сказалъ, какъ теперь жить приходится.

Разсказываетъ отецъ, а самъ весь такъ и свѣтится. Видно, что пріятно ему было со внимательнымъ человѣкомъ поговорить. И мы всѣ его слушаемъ и его радости радуемся. И мать рада, всѣ видимъ, что рада, но, какъ хозяйка хорошая, не могла она видѣть, что стынетъ разлитый по тарелкамъ супъ и пирогъ (ахъ, вкусные пироги умѣла наша мать дѣлать!). Поэтому остановила она отца, ласковенько такъ и осторожно, и говоритъ:

— Простынетъ все, Петенька. Ты скушай супъ-то сперва, а со вторымъ можно и погодить. И вы, дѣти, ѣшьте скорѣй.

Мы это скоро съ супомъ и съ пирогомъ управились, а отецъ глотнулъ нѣсколько ложекъ, да кусокъ пирога проглотилъ,—и опять за разсказъ принялся. Видно, ужъ очень сердце въ немъ затронуто было.

— Словомъ, разстались съ нимъ ужъ по-другому, чѣмъ встрѣтились. Словно знакомаго, проводилъ до двери, руку пожалъ и сказалъ, что обязательно черезъ недѣлю прочтутъ и отвѣтъ дадутъ. И чтобы я не волновался: если понравится пьеса, ее непремѣнно возьмутъ и разыграютъ. Ну, а я съ того дня въ волненіи находился. Во-первыхъ, боязно, что другіе люди читать и судить будутъ, а потомъ и отъ тебя совѣстно, Галочка, что ничего тебѣ не говорю, словно тайну отъ тебя какую нехорошую скрываю. А все-таки порѣшилъ до ихъ отвѣта ничего тебѣ не разсказывать: коли выйдетъ дѣло, прямо тебѣ радость

мою открою, а коли не выйдетъ, такъ пусть ужъ я одинъ за самонадѣянность свою буду наказанъ. Такъ и сдѣлалъ. И чѣмъ ближе къ сроку, тѣмъ больше меня лихорадка бьетъ. Видѣла, небось, сама, что́ со мной сегодня дѣлалось... Ужъ какъ пришелъ я въ театръ, какъ управляющему велѣлъ доложить,—ничего не помню. Вышелъ онъ ко мнѣ, руки протянуты, такъ и идетъ. А какъ подошелъ, схватилъ обѣими руками мою руку и жметъ крѣпко, крѣпко. «Поздравляю васъ», говоритъ, «вы написали очень хорошую пьесу, искреннюю, правдивую. Должно-быть, сердцемъ ее перечувствовали. Ну, есть въ ней кое-какіе недостатки, нѣкоторыя мѣста поправить надо, но это уже мы сами сдѣлаемъ, пьесу вашу непремѣнно сыграемъ и даже скоро поставимъ». Говоритъ все это, а я стою, какъ очумѣлый, и даже радости моей выразить не могу. Ну, все-таки оправился, въ себя пришелъ и его поблагодарилъ за доброе отношеніе. А потомъ пошли къ Некрасову и подписали съ нимъ условіе, что, молъ, такая-то пьеса, написанная такимъ-то, принята къ постановкѣ въ театрѣ Некрасова и автору будетъ платиться такая-то сумма со сбора.

Остановился тутъ отецъ, передышку дѣлаетъ. Мы это со своихъ мѣстъ повскакали, его окружили и радость свою всячески выражаемъ: въ ладоши бьемъ, бѣгаемъ, кричимъ. А мать только смотритъ на него взоромъ гордымъ и счастливымъ, да руку его схватила, пожимаетъ крѣпко.

И ему, видно, хорошо. Тоже орломъ такимъ гордымъ вокругъ посматриваетъ, и глаза такіе довольные, веселые, словно свѣтъ изъ нихъ льется.

Побѣсились мы, попрыгали, потомъ ужъ какъ мать на насъ прикрикнула, на мѣсто усѣлись, но и тутъ смирно не сидимъ, и отца за рукавъ теребимъ, и все пристаемъ, чтобы онъ намъ пьесу свою разсказалъ. А онъ на это намъ такъ отвѣчаетъ:

— Погодите, ребятки, разсказывать не буду, а вотъ, погодя немного, поведу васъ всѣхъ въ театръ. Тамъ и увидите, какую пьесу вашъ отецъ написалъ... Пашу же, пожалуй, дома оставимъ, малъ онъ еще въ театрѣ бывать, соскучится.

Ужасно я тогда испугался, что отецъ меня и вправду за маленькаго считаетъ и съ собой не возьметъ. Хоть и было мнѣ всего 12 лѣтъ, но мальчикъ я былъ здоровый и рослый, и книгъ всякихъ перечиталъ предостаточно. Очень даже образованнымъ мальчикомъ былъ и весьма этимъ гордился. Теперь, конечно, ужъ гордиться нечѣмъ, совсѣмъ отъ чтенія отсталъ, только газетой и пробавляешься. Ну, да и обвинять меня за

это нельзя: до чтенія ли, когда цѣлый день до вечера съ чертежами возишься (чертежникъ я по ремеслу-то, въ конторѣ господина Фликке работаю).

Какъ увидали отецъ съ матерью, что я отъ огорченія заплачу сейчасъ, стали меня утѣшать, что это только такъ, въ шутку, отецъ сказалъ да я самъ ужъ понялъ, что меня только подразнить хотѣли.

И стали мы ждать этого радостнаго дня, когда увидимъ представленнымъ отцовское твореніе. Онъ и самъ все дни считалъ и волновался изрядно. Хотѣлось ему на репетиціи походить, да трудно это устроить-то было: репетиціи днемъ играютъ, а онъ въ это время въ своей канцеляріи за работой сидитъ, а въ воскресные дни, когда свободенъ онъ, спектакли утренніе ставились. Такъ и не пришлось бы ему ни разу на репетиціяхъ побывать, да случилось, что въ одинъ изъ праздниковъ, нельзя было почему-то спектакля дать. День неприсутственный; отецъ и побѣжалъ въ театръ. Вернулся этакъ часа въ четыре, довольный такой.

— Ну, дѣтки, кажется, не будутъ вашего отца въ газетахъ ругать,—хорошо пьеса идетъ, видно, нравится актерамъ. Сердцемъ играютъ, а это какъ знакъ добрый, и зрители тронуты будутъ.

Театръ нашъ—Некрасова—славился въ то время. И актеры хорошіе были, и ставили пьесы старательно. Теперь поди забыли о немъ, а тогда даже изъ другихъ городовъ пріѣзжали посмотрѣть.

Не буду вамъ длинно разсказывать, какъ день этотъ торжественный прошелъ. Все было такъ, какъ только въ сказкѣ бываетъ. Сидѣли мы, птенцы, въ ложѣ и слушали во всѣ уши и смотрѣли во всѣ глаза. Ну, конечно, по молодости своей не все поняли, но это неважно намъ было. Главное, мы понимали, что не каждый можетъ вотъ такъ, какъ отецъ, написать, и гордились отцомъ ужасно. А когда стали его вызывать, и вышелъ онъ на сцену, сконфуженный совсѣмъ, и кланяться публикѣ началъ, тутъ мы ужъ совсѣмъ разсудокъ потеряли и такъ отцу «браво» кричать стали, что мать не знала, какъ и унять-то насъ.

Хорошее времячко пришло тогда. Отецъ счастливый и гордый ходитъ, а мать на него чуть не молится. Писать опять много сталъ, но уже не по-прежнему, въ одиночку, а все съ матерью совѣтуется. Насъ въ нашу комнату отправятъ, а сами сидятъ до поздняго часу и все о написанномъ разговариваютъ.

Деньги тоже лишнія завелись. Не такъ чтобы очень много, а такъ рублей 400, а можетъ и всѣ полтысячи заработалъ отецъ своей пьесой. Мало это нашимъ роднымъ казалось, но съ нихъ и спрашивать нечего,—люди не очень образованные, откуда имъ знать? Это такъ, со стороны кажется, что писатель непремѣнно громадные дивиденды получаетъ. На дѣлѣ совсѣмъ другое выходитъ. Оно, конечно, за пьесу-то и черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти вашимъ наслѣдникамъ платить процентъ обязаны, но вѣдь разсудить нужно, сколько этого проценту наберется. Такъ пустяки!..

Конечно, и за эти полтысячи спасибо надо сказать,—много они нашей семьѣ помощи оказали. И обулись на нихъ, и одѣлись, и по хозяйству многое подкупили.

Черезъ годъ и другую пьесу отецъ написалъ, и опять у Некрасова ее поставили. И еще лучше пьеса вышла, очень въ газетахъ хвалили ее, и въ театрѣ опять отца много разъ вызывали. И вскорѣ послѣ перваго представленія и произошелъ тотъ удивительный случай, который всю жизнь нашу перевернулъ.

III.

Какъ теперь помню, въ субботу это было, двѣнадцатаго ноября. По случаю субботы, отецъ раньше изъ присутствія пришелъ, и въ пять часовъ мы уже за обѣдъ сѣли. И только-что супъ на столъ мать поставила, какъ слышимъ, стучитъ кто-то на кухнѣ. Побѣжалъ я, а это почтальонъ отцу письмо принесъ. Вернулся, отдалъ. Отецъ на конвертъ смотритъ и понять не можетъ, отъ кого оно. Рука незнакомая, и конвертъ изъ хорошей бумаги сдѣланъ, красивый такой, и духами отъ него отличными пахнетъ.

Ничего не придумавши, взрѣзалъ онъ ножичкомъ конвертъ и читать сталъ, про себя сначала. И видно, что хорошее ему пишутъ и пріятное, потому что улыбается онъ, письмо-то читая. А какъ кончилъ, матери и говоритъ:

— Зовутъ меня въ одинъ домъ придти, познакомиться хотятъ, и чтобъ я прочелъ имъ что-нибудь изъ вещей своихъ. А еще пишутъ, что пьесы мои обѣ имъ очень понравились, и что большія надежды на меня возлагаютъ. Вотъ сама прочти.

Взяла мать письмо, читаетъ и на отца радостно поглядываетъ. Потомъ опять бережно его въ конвертъ уложила. Говоритъ отцу:

— Вотъ и знакомства у тебя заведутся. Навѣрное, всякія важныя лица тамъ будутъ. Толкъ большой можетъ получиться.

А отецъ отвѣчаетъ:

— Да я еще не знаю, пойду ли. Конечно, пріятно письмо такое получить, ну, а на показъ идти—это другой разговоръ. Не люблю я изъ себя дурака изображать, котораго поглазѣть пришли.

Мать головой качаетъ.

— Глупый ты, Петенька, и непрактическій человѣкъ. Тебѣ честь такую оказываютъ, разговоровъ можешь наслушаться интересныхъ и людей другихъ посмотрѣть. Тебѣ же потомъ на пользу окажется, описать ихъ сможешь. А то сидишь день-деньской на службѣ, а послѣ въ стѣнахъ-то нашихъ,—многому тутъ не научишься.

Но отецъ не сразу сдался.

— Я, Галочка, еще много могу сказать, что отъ прежней жизни въ памяти осталось. Много въ ней хорошаго было, молодость была, радость чистая. И дома мнѣ хорошо, потому что люблю я всѣхъ васъ, и ничего другого не надобно мнѣ. А у этихъ толстосумовъ-меценатовъ ни правды, ни чистоты нѣтъ. Отъ сытой жизни развлеченій себѣ ищутъ.

Однако, недолго противился. Умѣла мать на него дѣйствовать. И тутъ разумные резоны представила, что не къ чему бирюкомъ себя такимъ оказывать,—не съѣдятъ его и не испортятъ за одинъ вечеръ. Согласился онъ съ ней и въ воскресенье пошелъ къ той дамѣ, отъ которой приглашеніе было.

Какъ и что́ тамъ было, — сказать не сумѣю, потому что ничего отецъ намъ не разсказывалъ и на наши разспросы шутками разными отвѣчалъ. Матери-то, конечно, все разсказалъ, но только и она намъ ничего не передала.

И вотъ, дня этакъ черезъ три послѣ того воскресенья, часовъ въ семь, звонокъ съ параднаго послышался. Отецъ самъ дверь открылъ,—мы-то въ своей комнатѣ уроки готовили, — и слышимъ, что удивился отецъ, даже испуганнымъ голосомъ какимъ-то воскликнулъ, не то «Дарья Петровна», не то «Марья Петровна», а потомъ въ столовую бросился и убирать что-то сталъ.

А въ передней смѣхъ послышался, и женскій голосъ явственно такъ проговорилъ:

— Что жъ вы меня одну въ потемкахъ-то оставили, Петръ Александровичъ. Куда и вѣшать, не знаю. Или ужъ и принимать меня не хотите?

Бросился отецъ назадъ въ прихожую, чуть столика подорогѣ не опрокинулъ и, слышно, извиняется, что такимъ невѣ-

жей себя показалъ. А мы изъ своей комнаты выбѣжали, въ дверяхъ прихожей стоимъ и посѣтительницу нашу разглядываемъ. Дама настоящая, и одѣта по-богатому, а лицо измученное такое, даромъ, что въ ту минуту весело ей отъ этой суматохи было и улыбалась она, на насъ и на отца глядя.

Прикрикнулъ-было отецъ на насъ, чтобъ мы назадъ къ себѣ въ комнату отправлялись, но она ласково такъ его за рукавъ тронула и говоритъ:—До сихъ поръ я васъ за добраго и дѣтей любящаго человѣка считала, Петръ Александровичъ, а вы хотите мнѣ другое доказать. Оставьте въ покоѣ вашу молодежь, имъ вѣдь интересно на новаго человѣка посмотрѣть.

— Да я ничего,—пусть познакомятся,—а только не люблю я, когда они, какъ дикари, на человѣка уставятся. Вотъ, позвольте вамъ мою четверку представить: Михаилъ, Сергѣй, Павелъ и дочь Валентина. Да ея здѣсь нѣтъ. Вѣрно, въ столовой насъ дожидается. И позвольте васъ просить пройти туда. Сейчасъ и самоваръ намъ дадутъ.

Мы вѣжливенько разступились, и гостья наша прошла въ ту комнату, которую отецъ столовой назвалъ (а она у насъ и за столовую, и за кабинетъ, даже за спальную служила). Мать ужъ самоваръ кипящій подала, чай завариваетъ. Представилъ ихъ отецъ другъ другу.

Сѣла гостья за столомъ, съ родителями о разныхъ предметахъ разговариваетъ. И лицо при этомъ по-прежнему грустное.

Поговорили они этакъ съ полчаса (насъ въ комнату нашу назадъ отправили, ну да сквозь дверь намъ все-равно слышно было хорошо), и зашелъ у нихъ разговоръ про писателей разныхъ, кому какъ жить приходилось, и какъ они жизнь разную въ писаніяхъ своихъ описывали. Гостья (Марьей Петровной ее звали) вздохнула тутъ и говоритъ:

— Очень печально, если хорошій писатель да въ кускѣ хлѣба нуждаться долженъ. Приходится ему тогда наспѣхъ работать, чтобы себя и семью свою прокормить. И описываетъ онъ не то, къ чему его сердце лежитъ, а за что ему больше заплатятъ. Нѣтъ худшаго проклятія для человѣка съ талантомъ, какъ работа по нуждѣ.

— Вѣрно вы говорите, Марья Петровна,—мать отвѣчаетъ:—но зато бѣднякъ жизнь свою описывать можетъ, страданія свои, и другіе люди хорошему изъ этого научатся. А богатый да обезпеченный про блажь всякую разсказывать будетъ. Ему страданія и не вѣдомы вовсе.

Усмѣхнулась Марья Петровна.

— Это хоть и вѣрно,—говоритъ,—да не совсѣмъ. Талантъ еще нуженъ. У кого есть онъ, тотъ въ чужой душѣ, какъ въ своей собственной, прочтетъ, что́ тамъ написано. Пускай и богатый, а страданія, которыя отъ бѣдности, лучше бѣдняка понимаетъ и разсказать о нихъ можетъ. А ужъ кто изъ-за нужды работать долженъ, тому и талантъ не поможетъ, потому что выбирать ему нельзя,—пиши только, чтобы денегъ тебѣ побольше дали.

Отецъ тутъ голосъ подалъ. Говоритъ:

— Это вы вѣрно, Марья Петровна. Но только если вы на мой счетъ думаете, что я, чтобы денегъ подработать, пьесы свои написалъ, то ошибаетесь вы. Бѣдно живемъ мы, но никогда не писалъ я, чтобы бѣдность свою украсить. Для себя писалъ я, чтобы сердце свое отводить, и не думалъ о томъ, чтобы деньги получать за это. Это вотъ жена меня все подговаривала,—попробуй да попробуй. Вышелъ толкъ изъ этого, ну, и радъ я, а ужъ на заказъ писать никогда не стану.

Марья Петровна бережно такъ возражаетъ:

— Потому и нравятся мнѣ и всѣмъ пьесы ваши, что писали вы ихъ, какъ вамъ чувство ваше и сердце подсказывали. И никогда не думала я, что вы въ угоду кому-нибудь дѣлали это. А только скорблю я, что вамъ жить такъ приходится. Будь вы обезпеченный человѣкъ, вы вѣдь все время могли бы писанію отдавать. И вамъ хорошо бы было, и людямъ много хорошихъ часовъ доставили бы.

Вздохнула мать.

— На это ужъ разсчитывать не приходится, Марья Петровна. Служба хоть и не Богъ вѣсть какой интересъ представляетъ, а все же и жалованье даетъ, и квартиру, и чины. Послѣ и пенсію получать будемъ. А пьесы... нельзя на нихъ полагаться: иная много дастъ, а другая и ничего, только время съ ней потеряешь.

Вздохнула и Марья Петровна.

— Знаю, знаю,—говоритъ,—что плохо отъ литературы кормиться, а кто съ семьей—и совсѣмъ страшно. Еще одному голодать ничего, а какъ любимыхъ-то на это обречь? Потому и говорю, что больно мнѣ на васъ смотрѣть, Петръ Александровичъ. Большая душа у васъ, и талантъ большой, и жизнь вы хорошо знаете, а пробьетесь ли еще къ богатству и къ славѣ—вопросъ еще. Часто она, слава-то, тогда приходитъ, когда человѣку ужъ ничего и не нужно.

И грустные тутъ всѣ стали. Молча сидятъ. Потомъ, слышно, говоритъ гостья:

— Нагнала я на васъ печаль. Вы простите меня и не вѣрьте опасеніямъ моимъ. Такая ужъ я печальная на бѣломъ свѣтѣ живу, и другимъ не радость, а огорченіе доставляю.

Должно быть, тутъ на часы посмотрѣла и заторопилась вдругъ.

— Засидѣлась я у васъ, а время ужъ за восемь, —домой скорѣй надо. Ну, прощайте! Вы заходите ко мнѣ, Петръ Александровичъ, и жену приводите. Я вамъ напишу, какъ опять ко мнѣ соберутся.

Уговаривали ее отецъ съ матерью еще посидѣть, но только она не согласилась, простилась со всѣми (и насъ изъ нашей комнаты вызвали), одѣлась и попросила, чтобы за извозчикомъ ей послали. И, пока Аннушка наша за нимъ ходила, стояла въ прихожей и старалась шутками своими и видомъ веселымъ заставить забыть печальныя свои рѣчи.

Такъ и уѣхала, улыбаясь и всего хорошаго намъ желая.

IV.

Не буду уже вамъ разсказывать, какое знакомство, хорошее и близкое, завязалось у отца съ Марьей Петровной. И такъ затянулся мой разсказъ, устали вы слушать рѣчи мои простыя, а главное еще впереди.

Часто захаживалъ отецъ къ Игнатьевымъ, часто и Марья Петровна у насъ бывала. Иногда и мать съ отцомъ ходила, но только рѣдко: гости тамъ такіе собирались, что чувствовала она себя передъ ними дурочкой и необразованной, а это вѣдь всякому непріятно. Да и съ Марьей Петровной онѣ не очень ладили: на словахъ, какъ будто, все хорошо и гладко, а внутри, должно-быть, не очень доброе чувство другъ къ другу жило, и не могли онѣ его побороть, хоть, можетъ, и хотѣлось имъ этого, чтобы любимаго и уважаемаго человѣка не огорчать.

А отецъ... кто знаетъ, видѣлъ ли онъ скрытую непріязнь эту... Теперь-то я думаю, что не могъ онъ, какъ человѣкъ съ сердцемъ чуткимъ, не видѣть. Но ничѣмъ онъ пониманія своего не обнаружилъ и всячески старался, чтобъ сблизились между собой эти двѣ женщины.

Марья Петровна много для отца сдѣлать старалась. У ней обширныя знакомства были,—такъ, она со многими вліятельными

людьми отца познакомила, и черезъ нихъ отецъ въ печать нѣсколько своихъ разсказовъ устроилъ. Но только не хвалили ихъ такъ, какъ пьесы; должно быть, не было у отца таланта къ этому. Я-то мало въ этихъ дѣлахъ понимаю, но люди образованные мнѣ говорили, что если у тебя талантъ, такъ это не значитъ еще, что ты все описать можешь хорошо. Для всего своя спеціальность нужна, навыкъ свой. Все равно, какъ стеклодувъ-бутылочникъ не можетъ оконныхъ стеколъ или тамъ хрустальной посуды дѣлать, такъ и писатель, который пьесы пишетъ, не всегда простые разсказы писать можетъ.

Все-таки съ писаніемъ дѣло у отца не плохо шло. Марья Петровна не разъ рѣчь о томъ заводила, чтобы оставить ему службу свою нелюбимую и нудную, и писательствомъ только заняться. Говорила, что, молъ, у него теперь знакомствъ много хорошихъ, и что можетъ онъ большой извѣстности добиться и деньги большія зарабатывать, если ужъ только о писаніяхъ думать будетъ, а не будетъ еще службой разсѣиваться и огорчаться.

Но отецъ хоть и вѣрилъ Марьѣ Петровнѣ, хоть и видѣлъ, что теперь ему и вправду легко себѣ дорогу пробить, но не могъ на шагъ такой рѣшиться. Нелегкое дѣло—въ 40 лѣтъ на новую дорогу выходить. Не то, чтобы заблудиться отецъ боялся, а на припасы свои не очень разсчитывалъ; какъ выйдутъ—чѣмъ семью прокармливать? Боялся, что останется ни при чемъ—и со службой кончено будетъ (кому же охота, любимой работы попробовавъ, опять ненавистный хомутъ одѣвать), и писательство уже не въ радость и отдыхъ будетъ, а такимъ же трудомъ подневольнымъ,—крѣпко рѣчи Марьи Петровны ему запомнились. И не вѣрилъ онъ ей, что не страшна ему уже теперь участь писателя-ремесленника, что имя уже у него славное есть.

Да, правду сказать, и мать много тому способствовала, чтобы не отклонялся онъ съ того пути, по которому до сихъ поръ шелъ. Пришлось мнѣ разъ разговоръ ихъ подслушать. И по тому, какъ говорили они, по горячности ихней, понялъ я, что вопросъ этотъ для нихъ большую важность имѣлъ. Мать ему тѣ резоны приводила, что плохо ли, хорошо ли, но жили до сихъ поръ довольно ладно, и дѣтей по-своему хорошо образовывали. А какъ почувствуютъ они, что отецъ ихъ извѣстнымъ сталъ, носъ начнутъ задирать, да баловства всякаго требовать. А для этого, молъ, средствъ можетъ не оказаться. И выйдутъ они—ни павы, ни вороны, ни работники, а лежебоки и лѣнтяи, и поправить уже нельзя будетъ, и отвѣтъ Богу за это онъ долженъ будетъ дать.

И смутили, надо полагать, отца рѣчи такія. Не захотѣлъ онъ со службой своей разстаться и по-прежнему вечера только писаніямъ отдавалъ. Ну, правда, теперь у него досуга вечерняго не въ примѣръ больше стало, потому что ту работу, что раньше онъ изъ канцеляріи бралъ и самъ дѣлалъ, теперь онъ давалъ другому чиновнику за плату дѣлать, а самъ только просматривалъ.

И жили мы почти такъ, какъ и прежде. Только, что не урѣзывали себя по-прежнему, кой-какія вольности допускали, ѣли получше да посытнѣй, развлеченія себѣ позволяли. Да еще— надо правду сказать—не такъ дружно, словно, отецъ съ матерью жили. Словно, завелась между ними какая-то несогласность, и часто у нихъ бесѣды ихъ не то, что ссорой кончались, а такъ— неудовольствіемъ противъ другого.

И вотъ съ нѣкотораго времени стали мы замѣчать, что отецъ опять задумываться началъ, какъ въ то время, когда надумалъ первую свою пьесу къ Некрасову снести. Тоже, словно, обдумываетъ что-то и рѣшиться не можетъ, и мучится этимъ колебаніемъ своемъ.

Видимъ мы все это, и мать видитъ, а спросить не хочетъ. Это ужъ самое крѣпкое условіе у нихъ было, чтобы не допытываться.

И дождались рѣшенія и отгадки, да такой отгадки, что и во снѣ намъ дѣла такого не снилось.

Въ маѣ это происходило. Погода на удивленіе стояла— тепло, ясно, тихо, зеленью свѣжей пахло, и весело листочки ея и травинки жизни своей радовались. Гдѣ тутъ дома усидѣть? Насъ только утромъ рано да вечеромъ поздно дома и видали. Благо ученье кончилось и экзаменовъ ни у кого не было (мы недурно, все-таки, учились, несмотря на лѣнтяйство свое), мы все время дневное на волѣ проводили: и въ городѣ съ каждымъ уголкомъ зеленымъ знакомы были, и въ окрестностяхъ любую рѣчку и лѣсъ съ закрытыми глазами найти могли.

И затѣяно у насъ было въ воскресенье большое путешествіе. Товарищи придти хотѣли, запасы съѣстного заготовили. Ну, словомъ, цѣлая экспедиція снаряжалась, въ родѣ какъ у Майнъ-Рида описано, которымъ мы всѣ очень увлекались.

Но только утромъ, увидя, какъ мы послѣднія приготовленія дѣлаемъ и припасы наши и снаряженіе увязываемъ, отецъ и говоритъ:

— А вы, ребятишки, сегодня дома посидите. Успѣете косточки молодыя потѣшить—на диво погода стоитъ. Сегодня я

васъ свезу такую штуку поглядѣть, что только ротъ отъ удивленія разинете.

Заинтересовало это насъ, ну все-таки и прогулки нашей жаль—очень ужъ мы къ ней готовились. Миша и говоритъ:

— А нельзя ли, папа, до другого дня отложить? Сегодня у насъ великій походъ назначенъ, товарищи скоро соберутся.

Сережа тоже свое слово вставилъ:

— Компрачикосы,—говоритъ,—могутъ захватить лучшія мѣста для поселеній, и храбрый народъ ирокезовъ принужденъ будетъ остаться на старомъ пепелищѣ, гдѣ нѣтъ уже ни дичи, ни пастбищъ. Да и его воинскій духъ жаждетъ великихъ битвъ, чтобы не угасала доблесть его предковъ.

Усмѣхнулся отецъ, говоритъ:

— Ну, за нѣсколько дней не угаснетъ ваша доблесть, храбрые и доблестные ирокезы, и эти негодные компрачикосы не успѣютъ занять всѣ лучшія мѣста. А вы ужъ сдѣлайте такое удовольствіе вашему престарѣлому отцу, не могущему сражаться вмѣстѣ съ вами, и отдайте себя въ его распоряженіе. Повѣрьте, что покажу вамъ что-то интересное. Можетъ, такія благодатныя мѣста для вашихъ вигвамовъ, что вы ужъ больше и искать другихъ не захотите, и останутся съ носомъ ваши компрачикосы.

Это ужъ намъ понравилось и очень заинтересовало. Захлопали мы въ ладоши, отца привѣтствуемъ, что пойдетъ вмѣстѣ съ нами на поиски лучшихъ мѣстъ. А онъ все улыбается—радостный такой. Потомъ говоритъ:

— Вы пойдите, мать предупредите, чтобъ обѣдъ намъ позднѣе дали, часовъ этакъ въ шесть, а сейчасъ перекусимъ что-нибудь, да всѣ вмѣстѣ и отправимся.

Мать изъ кухни пришла, словамъ нашимъ не повѣря, и стала у отца спрашивать, что онъ такое затѣялъ, и почему перемѣна съ обѣдомъ выходитъ. Но и ей ничего онъ не сказалъ, шуткой тоже какой-то отдѣлался, и торопить началъ, чтобъ готовились всѣ, платье какое получше одѣли. Мы-было предложили для продовольствія свой пемиканъ и копченый медвѣжій окорокъ, но отецъ сказалъ, что этого ничего не нужно, что мы поѣдемъ въ мѣста, гдѣ попадаются жилища бѣлолицыхъ дьяволовъ, и гдѣ насъ могутъ пріютить и обогрѣть. И матери сказалъ, что не нужно брать бутербродовъ и яицъ крутыхъ.

Страшно мы заинтересованы были, забыли совсѣмъ про свою экспедицію и живехонько собрались и готовы были къ выступленію. Мать тоже интересовалась, куда это повезетъ насъ

отецъ, и захлопоталась со своимъ туалетомъ. Изъ-за этого и задержка вышла: было у нея хорошее платье, выходное, парадное, но только теплое слишкомъ, зимнее, въ майскій теплый чудесный день неловко было его одѣть, да и жарко. Вотъ она и захлопоталась, чтобы смастерить себѣ нарядъ, и приличный, и удобный. Но хоть и мастерица была на такія дѣла, а все-таки на лишній часъ задержала наше выступленіе.

Мы уже давно отъ нетерпѣнія мѣста себѣ не находили, даже поссориться успѣли и подраться. Наконецъ вышла мать въ юбкѣ хорошей и въ кофточкѣ старенькой, которую она на скорую руку передѣлала и кружевами пріукрасила. Сейчасъ же за столъ сѣли и наспѣхъ, насильно, кое-какъ закусили. Одѣли фуражки и на дворъ вышли—родителей подождать, пока они окна и двери запирали (прислуга съ утра мужа больного навѣстить отпросилась).

V.

На улицу вышли, отецъ и говоритъ:

— Поищите-ка извозчиковъ, ребятки. Двухъ надо на всю нашу компанію. Нанимайте на Садовую, къ вокзалу. По полтинѣ дать придется, путь не близкій.

Мы-было сейчасъ же бѣжать пустились, но мать насъ остановила:

— И на конкѣ доѣхать можемъ, Петенька. Что зря деньги-то бросать? Развѣ спѣшка какая, развѣ на поѣздъ опоздаемъ?

Улыбнулся отецъ. Съ утра онъ все думамъ своимъ, тому, что одинъ изъ насъ всѣхъ зналъ, улыбался,—ласково такъ, душевно. Отвѣчаетъ матери:

— На поѣздъ хоть и не опоздаемъ, а хочу я все-таки на извозчикѣ для скорости и для удовольствія поѣхать. Не перечь ужъ, Галочка. Скоро узнаешь, отчего это я такой веселый сегодня.

Покорилась мать, ничего больше не сказала противъ. Скоро подъѣхали мы на двухъ извозчикахъ—одинъ хорошій попался, совсѣмъ точно лихачъ, только-что шинъ нѣтъ, а другой поплоше. Разсѣлись на нихъ—отецъ и мать Валентину взяли, а мы трое на другомъ, который похуже. И ѣдемъ за ними слѣдомъ, чтобы изъ виду ихъ не потерять. Но дѣло плохо шло—совсѣмъ слабая лошаденка у нашего извозчика была, и отставали мы поминутно. Отецъ ужъ, чтобы и вправду не растеряться, велѣлъ остановиться

и, когда мы поравнялись съ нимъ, сказалъ намъ, чтобы ѣхали, на нихъ не глядя, на Садовую и спросили бы тамъ домъ Бабаева, а они у воротъ ждать насъ будутъ.

Потеряли мы ихъ скоро изъ виду и одни ѣхали. А какъ близко были отъ вокзала, стали спрашивать, гдѣ домъ Бабаева. Сначала не знали городовые, и только послѣдній, что почти у самаго вокзала стоитъ, показалъ намъ. А мы и сами видимъ, что доѣхали, потому что у воротъ стоятъ наши и знаки намъ дѣлаютъ.

Сошли мы. Отпустилъ отецъ извозчиковъ и говоритъ намъ:

— Пойдемте теперь. Привезъ я васъ въ одно семейство, просили очень, чтобы познакомилъ я васъ съ ними.

А у насъ у всѣхъ и лица вытянулись. Хоть и не были мы дикарями, напротивъ, очень даже общество любили, но вѣдь это же совсѣмъ иное дѣло было. Съ своими и побѣгать можно, и подраться, и штуки разныя, а тутъ сиди смирно въ новыхъ костюмчикахъ, да слушай скучные взрослыхъ разговоры. И мать головой качаетъ, и даже тихая наша Валентина недовольно отцу замѣтила:

— Ужъ лучше бы я съ подругой въ Кунцево уѣхала, чѣмъ въ душныхъ комнатахъ сидѣть да серьезные разговоры слушать.

Но отецъ ничуть этимъ всеобщимъ неудовольствіемъ смущенъ не былъ. Все такъ же улыбается, все такой же веселый и таинственный. Подхватилъ мать подъ руку и потянулъ за собой на горку (на возвышеніи дома въ этой мѣстности стоятъ, и садикъ непремѣнно къ тротуару спускается—точно замокъ какой сверху на васъ смотритъ). И мы, печальные и недовольные, за ними поплелись.

Поднялись къ домику двухъэтажному, чистенькому, бѣленькому. Видно, бѣлили его недавно—такъ и блеститъ онъ на весеннемъ солнышкѣ. Позвонилъ отецъ. Глядитъ на лица наши хмурыя, не выдержалъ, засмѣялся.

— Лимоны кислые!—говоритъ,—какъ я васъ такими чучелами знакомымъ моимъ представлю? Неловко мнѣ. Одно развѣ, что дома ихъ не окажется,—денекъ-то больно хорошъ. Ну, тогда погуляемъ у нихъ въ саду—чудесный тамъ садъ сзади дома—и домой отправимся.

А намъ досадно ужъ очень. Даже улыбнуться ни у кого силы не хватило.

Отворили намъ. Старушка, ростомъ маленькая, съ лицомъ привѣтливымъ.

— Здравствуйте, няня,—отецъ говоритъ,—пріѣхали господъ вашихъ навѣстить. Дома ли они?

— Нѣтъ, сударь,—няня отвѣчаетъ,—съ утра еще уѣхали, и сама не знаю, куда. Ничего не сказали.

— Эка досада какая!—отецъ говоритъ.—Вы, няня, будьте добренькая, позвольте намъ въ прохладѣ въ комнатѣ посидѣть. Запарило насъ солнышко весеннее.

Привѣтливо улыбнулась старушка, отъ двери отодвинулась, проходъ намъ даетъ.

— Войдите, войдите, гости дорогіе. Мнѣ и господа, какъ уѣзжали, приказать изволили, чтобы васъ принять, какъ слѣдуетъ, да угостить.

Удивленно мать на нее поглядѣла.

— Какъ?—спрашиваетъ,—развѣ господа ваши ждали, что мы пріѣдемъ?

— Не то, чтобы навѣрное это имъ извѣстно было,—няня отвѣчаетъ,—а какъ давно они Петра Александровича съ вами, сударыня, и съ дѣтками поджидали, то и предположили, не сегодня ли пожалуете. А остаться дома имъ никакъ нельзя было—вытребовали ихъ куда-то.

Вошли мы въ прихожую. Чистенько тамъ, свѣтло. Фуражки и шляпы свои на пустую вѣшалку повѣсили, и повела насъ няня въ столовую. А тамъ къ чаю ужъ накрыто, словно ждутъ кого-то.

Мать и спрашиваетъ:

— А вы, няня, должно быть, загодя все для господъ приготовили?

— Такъ точно, сударыня,—няня отвѣчаетъ,—не люблю я горячку пороть. Свободна я сейчасъ—все и заготовила. Даже самоваръ во всякую минуту подать могу.

Улыбнулась мать.

— Вы настоящая няня, какъ въ старину только бывали. Теперь съ огнемъ такихъ не найдешь... А велика ли семья у господъ-то вашихъ?

Няня этакъ бочкомъ на насъ, присмирѣвшихъ, поглядѣла и говоритъ:

— Семья небольшая, сударыня, не то, что въ прежнія времена: баринъ съ барыней да дѣтокъ четверо.

— Какъ у насъ,—мать говоритъ,—наши всѣ тутъ, больше никого нѣтъ у насъ, няня.

Отецъ, который по комнатѣ похаживалъ и въ разговоръ не вступалъ, сказалъ тутъ:

— А что, няня, нельзя ли намъ домъ вашъ осмотрѣть? Рѣдко мы гдѣ бываемъ, ребятишкамъ моимъ занятно будетъ.

— Милости просимъ, Петръ Александровичъ, батюшка,—

няня отвѣчаетъ.—Тайности у насъ ни отъ кого нѣтъ, а господа рады будутъ, что не поскучали вы, пока у нихъ находились.

Мать это сначала не хотѣла-было безъ хозяевъ по комнатамъ ходить,—что́, молъ, они подумаютъ?—но няня такъ ласково ей сказала, что ничего въ этомъ дурного они не увидятъ, что сдалась мать скоро, и повела насъ няня въ другія комнаты.

Хорошъ домикъ былъ! Вездѣ чистота, свѣтъ, воздухъ свѣжій и запахомъ хорошимъ изъ сада напоенный. Мебель удобная, свѣженькая, словно ее только-что изъ магазина принесли. Няня впереди идетъ, все объясняетъ. До спальни дошли,—прямо домикъ кукольный, вся такъ и сверкаетъ бѣлизной бѣлья своего. А потомъ привела насъ няня въ дѣтскую, гдѣ сыновья хозяйскіе спятъ, и уроки готовятъ, и играютъ. Тутъ намъ такъ понравилось, что и уходить не хотѣли. Миша меня въ бокъ толкнулъ и тихонько на ухо прошепталъ:

— Кабы намъ вигвамъ такой! Небось, всѣ компрачикосы съ зависти бы лопнули.

Мать на все съ удовольствіемъ смотрѣла, но видно было, что грустно ей все-таки: раза два вздохнула тяжело, а при видѣ спальни прекрасной совсѣмъ невеселый у нея видъ сталъ, и грустно такъ отцу сказала:

— А, Петенька, какъ люди-то живутъ! Вотъ бы намъ такую комнату. А-то такъ и помрешь, ничего хорошаго не увидя.

Отецъ на эти слова ласковенько такъ ее за плечи обнялъ и молвилъ:

— Погоди немного, Галочка, можетъ, и я когда-нибудь разбогатѣю и домъ такой устрою. Вѣдь я теперь писатель, можетъ мнѣ большая удача улыбнуться.

Кухню осмотрѣли,—ну и кухня! Я думалъ раньше, что подобныя только въ сказкахъ бываютъ. И вездѣ это полочки разныя, чуланчики съ запасами и съ провизіей, а ужъ посуды всякой—прямо глаза устаютъ смотрѣть.

Увидѣла мать прелесть такую—и совсѣмъ расчувствовалась. Начала представлять себѣ, какъ хорошо на просторѣ такомъ работать, не то что въ нашей дрянной кухонкѣ, гдѣ, какъ ни старайся, чистоты не соблюдешь. А нянюшка на нее поглядываетъ, да одобрительно головой покачиваетъ: увидала, значитъ, что хорошая передъ ней хозяйка стоитъ.

На послѣдяхъ привела насъ няня старая въ кабинетъ. Тоже хороша комната была. Просторная, свѣтлая, столъ стоитъ съ бумагами и съ приборомъ письменнымъ, диванъ широкій турецкій, а по стѣнамъ—шкапы съ книгами стоятъ, картины развѣшаны.

Какъ въ кабинетъ вошли, няня и говоритъ намъ:

— Оставимте тутъ папашеньку съ маменькой—устали они, поди, ходить-то. А я васъ пока въ садъ сведу; хорошъ садикъ у насъ.

И ушли мы съ няней. И гуляли, пока не крикнулъ насъ отецъ. А какъ вернулись, узнали, что важное дѣло за это время произошло. Много спустя разсказала намъ мать, какъ все это случилось, и запалъ ея разсказъ мнѣ крѣпко въ сердце, такъ что запомнилъ я его на всю свою жизнь, и вамъ сейчасъ почти-что въ слово перескажу.

Вотъ какъ дѣло было.

Какъ остались они вдвоемъ въ кабинетѣ, стала мать грустной, и начала отцу сожалѣніе высказывать, что никогда имъ такъ хорошо жить не придется. Отецъ ее утѣшалъ, за плечи обнялъ, и ходили они такъ по комнатѣ, своими думами завѣтными обмѣниваясь. Еще сказала ему мать, что страннымъ ей кажется, какъ это можно въ такой чистотѣ домъ содержать. Какъ ни береги вещи, все время свое возьметъ и печать свою наложитъ. А здѣсь, на что̀ ни поглядишь, все новешенькое, словно только-что изъ магазина принесли.

Усмѣхнулся отецъ и говоритъ:

— Такъ это и есть, Галочка. Недавно они купили домъ этотъ, и всю новую обстановку для него купили. Оттого и блеститъ все, какъ новое. И бѣлье, и посуда кухонная и столовая, и книги,—все только-что куплено, и мѣсяца, поди, не прошло. И звали насъ, чтобы мы ихъ съ новосельемъ поздравили, на уютъ ихъ порадовались.

Вздохнула мать.

— Что жъ,—говоритъ, — чужому-то счастью радоваться. Злой ты, Петенька, и нехорошій. Разбередилъ ты во мнѣ сердце и зависть въ немъ поселилъ. Не завидовала я, какъ у Марьи Петровны бывала, потому что видѣла, что богатство тамъ большое, но зато и несчастья много. А тутъ сразу видно, что съ любовью, со счастьемъ люди живутъ, и богатства шалаго вовсе нѣтъ. И мы бы могли при удачѣ такой домикъ завести. Да только напрасна мечта эта. То и обидно мнѣ, что возможна она, все-таки никогда ей не сбыться.

Такъ разговаривая, подошли они къ столу письменному. Взглянулъ на него отецъ и вдругъ удивленные у него глаза стали. Оставилъ руку матери, взялъ какой-то конвертъ со стола и говоритъ:

— Вотъ чудеса-то! Смотри, Галочка, тебѣ письмо писано—Галинѣ Александровнѣ Стрекаловой. Удивительно, какъ запомнили имя твое: я разъ какъ-то и назвалъ-то его.

Поглядѣла мать на письмо, на отца взглянула. Стоитъ онъ серьезный, письмо ей протянулъ. И показалось матери, что дрожитъ у него что-то на лицѣ и въ глазахъ, словно радуется онъ чему-то, но не хочетъ до времени радость эту открыть.

Глядитъ мать на конвертъ и глазамъ своимъ не вѣритъ. Точно, ей письмо адресовано, а о чемъ писать ей могутъ люди совсѣмъ незнакомые, представить себѣ не можетъ. Стоитъ, вертитъ конвертъ, а раскрыть не рѣшается.

Подалъ ей отецъ ножичекъ маленькій, что́ со стола взялъ, и проситъ ее взрѣзать конвертъ. Покачала мать головой, взяла ножичекъ и конвертъ вскрыла. Читать письмо начала и, какъ дошла до послѣдней буквы, вскрикнула тихо, и дурно ей сдѣлалось—едва подхватить ее отецъ успѣлъ.

А въ письмѣ вотъ что было написано (это ужъ я вамъ буква въ букву передаю, потому что списалъ его послѣ смерти отца, и до сихъ поръ копія эта у меня сохраняется):

«Милая Галина Александровна, знаю я, что вы не очень хорошо ко мнѣ относитесь, думаете, что Петръ Александровичъ ко мнѣ нѣжныя чувства питаетъ, а можетъ и хуже еще что думаете. Но Богомъ распятымъ клянусь, что чисты мы оба передъ вами, и чистыми руками и безгрѣшнымъ сердцемъ дѣлаю я то, къ чему меня побуждаетъ моя вѣчная благодарность къ Петру Александровичу.

«Несчастна я въ жизни моей, и бракъ несчастенъ мой. И готова была я руки на себя наложить, чтобы другимъ свѣтъ яснаго Божьяго солнышка не затемнять и въ печаль не вводить. Совсѣмъ близка была къ этому. Но послалъ мнѣ Богъ радость и счастіе великое: увидала я въ театрѣ пьесу П. А. И словно открылись глаза мои. Стала я думать и передумывать—и отошелъ отъ меня дьяволъ мой мрачный. А черезъ годъ поглядѣла я вторую пьесу—и совсѣмъ легко стало мнѣ. Поняла я, что есть на свѣтѣ не одно только горе и не одна печаль, есть и радость, и для радости созданъ человѣкъ, а не для горя.

«И порѣшила я въ сердцѣ своемъ сдѣлать для П. А. такое, чтобы могъ онъ весь таланту своему отдаться, и чтобы за дѣтей своихъ и за жену не было бы у него безпокойства. Долго не соглашался П. А. принять даръ мой, все думалъ, что тяжелая это жертва, а не радостная, все боялся, что люди осудятъ его. Но послалъ мнѣ Господь такія слова, что убѣдился онъ наконецъ и далъ свое согласіе.

«Богата я, но только не мое это, а мужа. А что было у меня,—съ радостью, съ гордостью великой отдаю я П. А., чтобы развернулся широко его даръ на пользу людямъ страдающимъ.

«Этотъ домъ, гдѣ вы сейчасъ находитесь, со всей обстановкой, съ садомъ и постройками, все это, съ любовью нами выбранное, передаю въ вѣчную собственность Петру Александровичу. Кромѣ того внесено мною въ банкъ на его имя 50 тысячъ рублей, чтобы могъ онъ работать и жить, не заботясь о завтрашнемъ днѣ.

«Примите этотъ даръ мой, Галина Александровна, и не огорчайте вашего мужа отказомъ отъ него.

«Завтра я уѣзжаю навсегда изъ этого города и только издали буду радоваться на успѣхи П. А. и на счастливую жизнь его. Марья Игнатьева».

Вотъ и конченъ разсказъ мой немудреный, государи мои. То-есть, не то, что немудреный,—дѣло въ немъ дивное описано,—а словами немудреными. Настоящій писатель такъ бы муки женщины этой и радость воскресенія описалъ, что заплакали бы всѣ, кто читалъ. А я человѣкъ простой, мало ученый, таланта во мнѣ никакого нѣтъ. Да и занятъ я очень по службѣ-то, некогда мнѣ о такихъ вещахъ думать. И то вотъ съ вами заговорился, работу задержалъ. Непремѣнно завтра отъ хозяина выговоръ будетъ.

Но если вы хотите знать, почему же это я такой неудачникъ вышелъ, когда все мнѣ въ изобиліи преподнесено было, такъ на это я вотъ что вамъ скажу: самъ я виноватъ передъ собой оказался. Закружилъ мнѣ голову достатокъ нашъ, неожиданно къ намъ пришедшій. Учиться не хотѣлъ, все гулянками да костюмами занимался. И отецъ ничего со мной подѣлать не могъ, а какъ умеръ онъ вскорѣ отъ какой-то болѣзни мудреной, то и вовсе я отъ рукъ материнскихъ отбился, и такъ съ четырмя классами гимназіи и остался.

А оба брата мои и сестра въ настоящіе люди вышли: Михаилъ—докторъ хорошій, а Сергѣй инженеромъ большія деньги зарабатываетъ, Валентина пьяницкой сдѣлалась, свои концерты даетъ. И всѣ по разнымъ городамъ живемъ, рѣдко я ихъ вижу.

Такъ что вы Марью Петровну не осуждайте. Большое она дѣло сдѣлала. И не ея вина, что я такимъ неудачникомъ вышелъ.

Вотъ и все. И еще разъ прошу: извините меня, тихаго и маленькаго человѣка.

Игорь Арнольди.

ЭЛЕГІЯ.

Былъ зимній балъ, огни и музыка,
И дождь цвѣтовъ со всѣхъ сторонъ.
Но предъ твоей душою раненой
Все протекало, словно сонъ:
Какъ заблудившаяся дѣвочка,
Ты проходила межъ колоннъ.

* * *

Струились вальсы переливные,
Томясь и плача, и звеня.
Ты танцовала, какъ безумная,
И все смотрѣла на меня...
О, вечеръ, сотканный изъ радости,
Изъ боли, блеска и огня!

* * *

Потомъ, спокойная и блѣдная,
Но вся въ любви и вся въ тоскѣ,
Неслась въ саняхъ, по снѣгу звонкому.
Прильнувъ щекой къ моей щекѣ,
И двѣ гвоздики темно-алыя
Дрожали въ маленькой рукѣ.

* * *

Ты знала, дѣвочка печальная,
Что я мечтой—въ иныхъ краяхъ,
Что не къ тебѣ душа прикована,—
И долго медлила въ дверяхъ,
И плакала у темной лѣстницы,
На жесткихъ сѣрыхъ ступеняхъ...

* * *

Что могъ сказать тебѣ я, чистая,
Чѣмъ могъ утѣшить горечь мукъ?
Я только гладилъ пальцы тонкіе
Похолодѣвшихъ милыхъ рукъ
И чувствовалъ, какъ сердце падаетъ
Въ глухой и безысходный кругъ.

* * *

Молчали улицы пустынныя.
Блѣднѣла ночь. Сѣрѣлъ разсвѣтъ.
О, сказка утренняго сумрака,
Волшебный и печальный бредъ!
О, заблудившаяся дѣвочка
Въ шестнадцать съ половиной лѣтъ!

Г. Вяткинъ.

МАСОНСТВО ВО ВРЕМЕНА ЕКАТЕРИНЫ.

(Къ исторіи нѣмецкаго вліянія въ Россіи).

За послѣдніе годы у насъ не мало занимались масонствомъ. Этому содѣйствовали частью слухи о его возрожденіи въ предѣлахъ Имперіи, частью привлеченіе новыхъ матеріаловъ къ изученію его прошлаго. Для исторіи русскихъ масоновъ, послѣ выхода въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Лонгинова, «Новиковъ и Шварцъ» и матеріаловъ, отпечатанныхъ Пыпинымъ въ «Вѣстн. Евр.», едва-ли кто сдѣлалъ больше В. Семевскаго. Въ статьяхъ, появившихся въ журналѣ «Минувшіе Годы», нашъ извѣстный изслѣдователь мимоходомъ поднялъ вопросъ о томъ, откуда занесена была въ Россію масонская организація,—видѣть ли въ ней продуктъ французскаго или нѣмецкаго вліянія. Нѣкоторыя данныя, сообщенныя Семевскимъ, проливаютъ прямой свѣтъ на этотъ вопросъ. Оказывается, что въ серединѣ царствованія Александра I изъ двадцати пяти ложъ, числившихся въ Союзѣ Астрея, восемь работало на нѣмецкомъ языкѣ, четыре на французскомъ, одна на польскомъ и всего пять на русскомъ. Нѣкоторыя ложи работали на двухъ языкахъ, двѣ — на трехъ. Въ Союзѣ Великой Провинціальной ложи, въ которой записано было десять ложъ, всего три работали на русскомъ языкѣ [1]).

Если, такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ треть дѣйствовавшихъ въ Россіи ложъ придерживалась еще въ царствованіе Александра I нѣмецкаго языка, то невольно напрашивается вопросъ: не обязаны ли мы Германіи появленіемъ у насъ масонства и не сыграла ли оно извѣстной роли въ созданіи нѣмецкаго вліянія на русскую интеллигенцію? Изданная Академіей Наукъ «Переписка масоновъ XVIII вѣка» даетъ новые

[1]) См. „Декабристы-масоны", „Минувшіе Годы" № 3, стр. 127 и 128

матеріалы для рѣшенія этого вопроса. Ею проливается яркій свѣтъ не только на внутреннюю организацію русскаго масонства, но и на господствующее въ немъ направленіе. Изъ частнаго обмѣна писемъ между его вожаками и заграничными агентами мы узнаемъ, какова была важнѣйшая изъ преслѣдуемыхъ масонами задачъ, какъ относились они къ различнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ временемъ, въ которое они жили, на чьей сторонѣ лежали ихъ симпатіи, кого они считали союзниками и кого врагами, каково было отношеніе къ нимъ правительственной власти, чѣмъ вызывалось это отношеніе и какую роль сыграло Екатерининское масонство въ исторіи нашего общественнаго развитія.

Всѣ эти вопросы сами по себѣ настолько интересны, что мы считаемъ полезнымъ, хотя бы въ короткомъ очеркѣ, использовать предлагаемый намъ новый матеріалъ, имѣя въ частности въ виду изучить одну изъ формъ, въ которыхъ проявилось нѣмецкое вліяніе въ Россіи. За нѣсколько лѣтъ до воздѣйствія на нашу мысль германской философіи въ лицѣ сперва Шеллинга, а затѣмъ Гегеля, и несравненно въ слабѣйшей степени Канта, германская культура, черезъ посредство масонскихъ ложъ, стала оказывать замѣтное вліяніе на нашу, не только въ смыслѣ распространенія у насъ идей нѣмецкихъ мистиковъ, но и въ формѣ дѣятельнаго отпора ранѣе сильному при дворѣ Екатерины вліянію французской просвѣтительной философіи. Вопреки долго державшемуся мнѣнію, русское масонство XVIII вѣка не только не выступило съ проповѣдью освободительныхъ идей, но совершенно отказалось отъ какихъ-либо заботъ о нашемъ общественномъ и политическомъ обновленіи. Извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ къ западному масонству примкнулъ цѣлый рядъ религіозно-нравственныхъ союзовъ, какъ-то: розенкрейцерство, мартинизмъ, иллюминатство. Нѣкоторые изъ этихъ союзовъ имѣли и опредѣленный политическій отпечатокъ. Розенкрейцерство, какъ мы увидимъ, одно время играло значительную роль при прусскомъ дворѣ и отличалось направленіемъ далеко не либеральнымъ. Иллюминатство также имѣло своей родиной Германію и далеко не съ самаго начала получило ту яркую политическую окраску, которая заставила нѣкоторыя нѣмецкія правительства, въ томъ числѣ баварское, принять мѣры къ его искорененію.

Долгое время ходившее представленіе о томъ, что на съѣздѣ иллюминатовъ въ Вильгельмсбадѣ рѣшена была участь Людовика XVI за нѣсколько лѣтъ до революціи, принадлежитъ, по всей вѣроятности, къ числу тѣхъ же историческихъ легендъ, что

и не менѣе распространенная версія—будто Людовикъ XVI былъ убитъ въ отмщеніе за то, что его предкомъ Филиппомъ IV Красивымъ подвергнутъ былъ той же участи послѣдній генералъ ордена тампліеровъ, завѣты которыхъ якобы унаслѣдованы были масонствомъ. Но что глава иллюминатовъ Вейсгауптъ сумѣлъ придать своей сектѣ революціонное направленіе—этого, сколько мнѣ извѣстно, не отрицаетъ никто. Въ моемъ «Происхожденіи современной демократіи», говоря о связи масонства съ революціоннымъ переворотомъ во Франціи, я указываю между прочимъ на то, что руководящіе принципы революціи: «свобода, равенство и братство» были по природѣ своей началами, ранѣе принятыми французскими масонами. Но это справедливо, разумѣется, въ примѣненіи далеко не ко всѣмъ ложамъ. Масонство во Францію внесено было якобитами, сторонниками низвергнутой въ 1688 г. династіи Стюартовъ. Отъ якобитовъ трудно было ожидать либеральныхъ, а тѣмъ болѣе радикальныхъ пристрастій. Такъ называемый шотландскій ритуалъ (rite écossais) и въ позднѣйшее время не принималъ на себя роли иниціатора въ примиреніи масонства съ измѣнчивымъ духомъ времени. Не отъ него вышли предложенія не считать обязательной вѣру въ «Великаго мастера міра» (Бога) или провозглашеніе принципа равенства расъ, въ частности, негровъ съ бѣлыми. Общепризнанность масоновъ шотландскаго ритуала на протяженіи всего міра несомнѣнно стоитъ въ связи съ ихъ косностью,—отсутствіемъ разрыва ихъ съ вѣковыми традиціями. Этотъ шотландскій толкъ былъ, повидимому, господствующимъ и въ Россіи. Если такой убѣжденный католикъ, какъ Чаадаевъ, въ молодости принадлежалъ къ масонамъ, то, очевидно, это возможно было лишь подъ условіемъ, чтобы масонство не носило того антихристіанскаго характера, который съ большими преувеличеніями приписываютъ ему въ наши дни его многочисленные враги справа. Но и въ Россіи уже со временъ Екатерины проводили различіе между чистымъ масонствомъ и масонствомъ, видоизмѣненнымъ примѣсью къ нему розенкрейцерства и мартинизма. Спрошенный о своей принадлежности къ масонамъ, Чаадаевъ въ царствованіе Николая I употребляетъ еще выраженіе «чистое масонство», къ которому онъ самъ причисляетъ себя, въ отличіе отъ болѣе передовыхъ его теченій, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго. Послѣдніе восторжествовали одно время при Александрѣ I, и въ числѣ причинъ, побудившихъ Чаадаева предпринять путешествіе за границу, какъ можно догадаться изъ нѣкоторыхъ недоговоренныхъ имъ словъ, былъ именно разрывъ его

съ этимъ революціонно-настроеннымъ масонствомъ. Такого масонства въ начальный періодъ его исторіи въ Россіи не было.

Г. Барсковъ, предпосылающій изданной имъ перепискѣ масоновъ XVIII в. обширное вступленіе, также, повидимому, склоняется къ той мысли, что масоны въ Россіи на первыхъ порахъ далеки были отъ всякаго либеральнаго, а тѣмъ болѣе радикальнаго прозелитизма. О мартинистахъ впервые заходитъ въ Россіи рѣчь, какъ о преслѣдуемой сектѣ, въ 1790 г. въ связи съ дѣломъ Радищева. Авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» обвиняемъ былъ «въ разсѣиваніи заразы французской, въ порожденіи въ людяхъ отвращенія къ начальству»; такъ выражалась о немъ императрица прибавляя: «Авторъ—мартинистъ». Радищевъ принадлежалъ къ кружку Кутузова, за которымъ, какъ и за его друзьями, полиція стала слѣдить еще въ началѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка. Переписку ихъ вскрывали, и въ копіяхъ она поступала въ руки правительства. О Радищевѣ императрица писала 7 іюля 1790 г. по прочтеніи его книги: «Бунтовщикъ хуже Пугачева». А въ примѣчаніяхъ на его книгу, составленныхъ тою же Екатериной, говорится: «Сочинитель цѣлитъ на французскій нынѣшній развратный примѣръ. Онъ наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ. У него предположенія, уничтожающія законъ, и совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена. Онъ же едва-ли не мартинистъ или чего подобное... исповѣдуетъ мартинистовъ ученіе и прочихъ теософовъ... По всей книгѣ видно, что сочинителемъ христіанское ученіе мало почитаемо... (это) совершенный деистъ... [у него] размышленія не сходственныя православному ученію, умствованіе взятое изъ разныхъ полумудрецовъ сего вѣка, какъ-то Руссо, аббе Рейналя и тому ипохондрику подобное» [1]). Но Радищевъ, вся вина котораго сводилась къ протесту противъ крѣпостного права, не представлялъ собою господствующаго типа въ масонствѣ, какъ не представлялъ его и Кутузовъ, другъ Радищева, который съ 1787 г. жилъ въ Берлинѣ, въ качествѣ уполномоченнаго московскихъ масоновъ. Отецъ знаменитаго декабриста Пестель, какъ извѣстно, былъ уполномоченъ княземъ Прозоровскимъ внимательно слѣдить за перепиской мнимыхъ мартинистовъ и такъ какъ въ числѣ ихъ былъ его собственный служащій Бурнашевъ, то онъ призывалъ его не разъ для толкованія тѣхъ, какъ онъ выражается, «экивоковъ», какіе содержала перлюстрируемая имъ

---

[1]) См. Барсковъ. Стр. XII.

переписка. И Кутузовъ, и Радищевъ были масонами раньше проникновенія въ Россію болѣе радикальныхъ толковъ. Радищевъ, въ частности, посѣщалъ собранія петербургской ложи «Уранія» еще въ началѣ 70-хъ годовъ. Изъ донесеній Прозоровскаго императрицѣ, какъ и изъ письма его къ Шешковскому, можно заключить, что переписка мнимыхъ мартинистовъ, а въ дѣйствительности просто масоновъ, показалась ему заключающей въ себѣ революціонные замыслы. «Вся работа ихъ клонилась, пишетъ онъ, къ благополучію людей, т.-е. къ равенству». Прозоровскій настаиваетъ на той мысли, что они сдѣлались особенно опасными съ тѣхъ поръ, какъ образовалась секта розенкрейцеровъ. Съ этого времени они стали мѣшаться въ дѣла государственныя. Онъ обвиняетъ ихъ также въ намѣреніи подчинить государственное управленіе новой, ими созданной церкви, соединить всѣ народы и законы, вообще въ намѣреніи завести республику. Прозоровскій, говоря о нихъ, пишетъ: «Они считаютъ Христа своимъ начальникомъ и дѣйствуютъ его именемъ, а это значитъ: гдѣ Христосъ управляетъ или они его вдохновеніемъ, то тутъ другого правительства быть не можетъ».

Екатерина придала большое значеніе книгѣ Радищева отчасти потому, что книга эта вышла не во-время, вслѣдъ за возстаніемъ Пугачева, вызваннымъ или во всякомъ случаѣ поддержаннымъ недовольствомъ крестьянъ крѣпостнымъ правомъ. Протестъ противъ его дальнѣйшаго существованія императрица слышала годами ранѣе изъ устъ Дидро, и онъ, конечно, не могъ показаться для нея новшествомъ. Въ числѣ мемуаровъ, поданныхъ на конкурсъ въ Вольно-экономическое общество, у занятыхъ проектами наилучшаго устройства быта русскихъ хлѣбопашцевъ, были и такіе, въ которыхъ говорилось о преимуществѣ свободнаго состоянія. Отправивъ Радищева въ ссылку, Екатерина поспѣшила смягчить его участь, приказала снять съ него цѣпи, въ которыя онъ былъ закованъ. Дѣйствительная причина, по которой всему дѣлу о «мартинистахъ» придано было такое большое значеніе, какъ выясняетъ между прочимъ г. Барсковъ, лежала въ томъ, что ихъ обвиняли въ привлеченіи въ свою среду наслѣдника престола—Павла Петровича, чѣмъ, разумѣется, Екатерина, озабоченная мыслью имѣть своимъ преемникомъ внука Александра, была испугана. Но Павелъ Петровичъ представилъ свои объясненія и въ нихъ рѣшительно отрицалъ принадлежность къ какому-либо тайному обществу, и Екатерина естественно успокоилась. Появившееся у насъ еще въ 60-хъ годахъ масонство

англо-шотландскаго толка вовсе не преслѣдовалось. Нѣмецкое масонство въ лицѣ барона Рейхеля направило въ Россію своего члена съ цѣлью сломить «абсолютизмъ англичанъ», т.-е. ихъ рѣшительное господство въ масонскомъ движеніи. Тогда какъ англо-шотландскими ложами управлялъ Елагинъ, нѣмецкими завѣдывалъ Рейхель. Въ 1776 г. удалось объединить елагинскія и рейхелевскія ложи. Тѣ и другія были поставлены съ общаго ихъ согласія подъ власть выбраннаго «намѣстнаго мастера», графа Никиты Панина. Послѣдній поручилъ кн. Куракину, посланному императрицей въ Стокгольмъ съ извѣщеніемъ о бракѣ Павла Петровича съ великой княжной Маріей Ѳедоровной, добиться отъ шведскаго гроссмейстера посвященія его въ высшій градусъ масонства. Гроссмейстеромъ въ Швеціи былъ братъ короля Густава III, Карлъ, герцогъ зюдерманландскій. Куракинъ передалъ свое главенство кн. Гагарину. Когда послѣднимъ открытъ былъ новый капитулъ, не всѣ масоны примкнули къ нему. Многіе остались на сторонѣ Рейхеля. Онъ высказывался противъ шведской системы такъ называемаго строгаго наблюденія, обвиняя ее въ томъ, что она насквозь проникнута политикой. Новиковъ разсказываетъ, что, будучи однажды у Рейхеля, онъ со слезами сталъ просить его дать ему такой признакъ, по которому онъ могъ бы безошибочно отличить истинное масонство отъ ложнаго. Рейхель, пишетъ Новиковъ, также со слезами сказалъ: «всякое масонство, имѣющее политическіе виды— есть ложное. И ежели ты примѣтишь хотя тѣнь политическихъ видовъ и растверживаніе словъ «равенства и вольности», то почитай его ложнымъ». Новиковъ говоритъ, что съ этого времени онъ сталъ сторониться шведскаго строгаго наблюденія. Розенкрейцерство, которое впервые заявило о себѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1757 г., а затѣмъ распространилось въ Прагѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, встрѣтило съ самаго начала противодѣйствіе со стороны вожаковъ французскаго вольнодумчества, со стороны Вольтера, Гельвеція и энциклопедистовъ. Розенкрейцерство занесено было къ намъ Шварцемъ, извѣстнымъ сотрудникомъ Новикова и дѣдомъ или прадѣдомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія. Русскіе масоны, насколько они держались шведскаго строгаго наблюденія, подчинены были ранѣе шведскому же руководительству, образуя вмѣстѣ съ Швеціей такъ называемую седьмую провинцію «всемірнаго масонства». Шварцъ добился освобожденія русскихъ масоновъ отъ шведскаго руководительства и признанія ихъ самостоятельной провинціей. Все это воспослѣдовало въ 1782 г., когда закончилъ свои труды масонскій конвентъ въ Вильгельмсбадѣ. Во главѣ русскаго ма-

сонства въ Москвѣ поставленъ былъ графъ З. Г. Чернышовъ, заступившій мѣсто князя В. М. Долгорукова-Крымскаго, московскаго главнокомандующаго.

Еще при немъ масонами сдѣлались его правитель канцеляріи С. И. Гамалѣя и генералъ-адъютантъ И. П. Тургеневъ. Оба они были не только масонами, но и розенкрейцерами. Къ числу членовъ того же общества принадлежали: служившіе въ судѣ Лопухинъ и кн. Енгалычевъ, два университетскихъ профессора—уже упомянутый Шварцъ и Чеботаревъ, и попечитель или кураторъ университета М. М. Херасковъ. Они-то и образовали такъ называемое «Дружеское общество», душою котораго были Шварцъ и имъ привлеченный Новиковъ. Новое теченіе въ области масонства шло, такимъ образомъ, изъ Берлина и Берлиномъ же инспирирована была, повидимому, попытка вовлечь Павла Петровича ко вступленію въ ряды масоновъ. Главнокомандующій въ Москвѣ Брюсъ, враждебно относясь къ масонамъ и, въ частности, къ розенкрейцерамъ, приложилъ стараніе къ тому, чтобы усилить въ Екатеринѣ II, посѣтившей Первопрестольную лѣтомъ 1785 г., ея нерасположеніе къ «мартинистамъ». Г. Барсковъ полагаетъ, что на Екатерину въ этомъ отношеніи могли повліять также мѣры, принятыя въ Баваріи курфюрстомъ Карломъ-Теодоромъ въ 1784 г. противъ «иллюминатовъ», которыхъ многіе смѣшивали съ мартинистами, такъ какъ тѣ и другіе одинаково назывались масонами. 7 октября 1785 г. предписано было графу Брюсу и архіепископу Платону произвести ревизію частныхъ школъ и училищъ въ Москвѣ. Императрица желала искоренить при обученіи юношества Закону Божію «суевѣріе, развращеніе и обманъ». Эти слова относились ею къ мартинистамъ. Въ томъ же году баронъ Шредеръ, заступившій, за смертью Шварца, мѣсто руководителя и инструктора масоновъ, отправленъ былъ вскорѣ послѣ съѣзда въ Вильгельмсбадѣ изъ Берлина въ Москву, откуда онъ былъ родомъ. Его дневникъ, отпечатанный въ сборникѣ, изданномъ Барсковымъ, разсказываетъ, что его предупреждали противъ разоблаченія русскимъ масонамъ тайнъ высшихъ степеней, говоря, что «русскимъ вѣрить не слѣдуетъ, такъ какъ это нація перемѣнчивая въ родѣ французовъ, къ тому же мягкая и испорченная, да къ тому же ненавидящая нѣмцевъ» [1]).

Изъ этихъ немногихъ данныхъ легко придти къ тому выводу, что масонство, занесенное къ намъ, какъ и во Францію,

---

[1]) Барсковъ, стр. 223.

въ формѣ англо-шотландскихъ ложъ и на первыхъ порахъ довольствовавшееся одной высокой нравственной проповѣдью, далекой отъ политики, подъ вліяніемъ Германіи принимаетъ характеръ политическій, преслѣдуетъ цѣль вовлечь въ свои сѣти цесаревича Павла Петровича и безъ того дружившаго съ наслѣдникомъ прусскаго престола. Такъ какъ отъ этого преобразованнаго въ нѣмецкомъ духѣ масонства посланъ былъ въ Берлинъ Кутузовъ для ближайшаго ознакомленія съ тайнами розенкрейцерства и въ его перепискѣ найдены были доказательства близости его къ Радищеву и частаго общенія съ прусскими властями, то явилось подозрѣніе, не намѣрена ли Пруссія использовать русское масонство для заговора противъ императрицы, поддерживавшей притязанія Вѣнскаго двора. Этимъ въ концѣ концовъ объясняется то безпокойство, какое Екатерина II обнаружила къ раскрытію мнимаго заговора масоновъ противъ Россіи, и, въ частности, противъ ея самой. А между тѣмъ на допросѣ Новиковъ показывалъ, что Кутузову передъ его отъѣздомъ въ Берлинъ дано наставленіе слѣдующаго рода: «ежели онъ хотя малѣйше примѣтитъ, что связь нашу орденскую захотятъ употребить къ политическимъ видамъ, то чтобы тотчасъ изъ Берлина выѣхалъ» [1]).

Изъ того обстоятельства, что розенкрейцеры по смерти Фридриха Великаго стали у власти, взяли въ свои руки прусскаго короля и государство и вмѣсто поощренія свободы совѣсти и печати приняли суровыя мѣры къ подавленію безбожія и такъ называемой «безнравственности просвѣтителей», трудно вывести, что розенкрейцерство въ Россіи стало бы союзникомъ политическаго обновленія государства въ томъ случаѣ, если бы мѣры, принятыя противъ него императрицей Екатериной, не пріостановили его роста. «Не французской революціей, пишетъ историкъ Фелиппсонъ, а розенкрейцерами вызвана была реакція въ Пруссіи». Читая переписку Кутузова съ его друзьями, постоянно встрѣчаешься съ нападками на вольнодумцевъ, революціонеровъ, новыхъ каннибаловъ XVIII вѣка. «Кое-что въ этихъ благонамѣренныхъ рѣчахъ,—пишетъ г. Барсковъ,—объясняется, конечно, страхомъ перлюстраціи; но нѣтъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что Кутузовъ и его корреспонденты сами по себѣ, независимо отъ этихъ опасеній, искренно любили и горячо защищали старый порядокъ» [2]). Будучи свидѣтелями реакціи, охватившей Пруссію со времени вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма II,

---

[1]) Барсковъ, стр. XXXIV.
[2]) Барсковъ, XXXVII.

приблизившаго къ себѣ розенкрейцеровъ, Кутузовъ продолжаетъ тѣмъ не менѣе ставить высоко «берлинскихъ братьевъ». Книга «О заблужденіяхъ и истинѣ», написанная Сенъ-Мартэномъ, которою увлекались русскіе масоны за границей, по отзыву Вольтера, нѣчто неимовѣрно-абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое. Это написано было въ 1775 г., вскорѣ послѣ выхода самой этой книги. А вотъ что пятнадцать лѣтъ спустя писалъ русскій масонъ Лопухинъ своему корреспонденту въ Берлинѣ, розенкрейцеру Кутузову. «Я думаю, что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ анти-христіанскихъ вольнодумцевъ много способствовали нынѣшнему юродствованію Франціи» (письмо 14 окт. 1790 г.). Два года спустя Кутузовъ, въ свою очередь, говоря о происходившемъ во Франціи въ письмѣ къ А. А. Плещееву, между прочимъ, говоритъ: «Монархи веселились сочиненіями Вольтера, Гельвеція и тому подобныхъ, ласками награждали ихъ, не вѣдая, что по русской пословицѣ согрѣвали змѣю въ своей пазухѣ». (Мартъ 1792 г. Барсковъ, стр. 196). Въ томъ же мѣсяцѣ въ письмѣ къ г-жѣ Плещеевой онъ прибавлялъ: «Несчастная Франція! сія прекрасная земля приносится въ жертву ложной философіи и нѣсколькимъ вскруженнымъ головамъ. Дай, Боже! чтобы сей плачевный примѣръ открылъ глаза монархамъ и показалъ бы имъ ясно, что христіанская религія есть единственное основаніе народнаго благосостоянія и ихъ собственной законной власти». Въ апрѣлѣ того же года въ письмѣ къ кн. Трубецкому Кутузовъ говоритъ: «Изъ гнѣзда просвѣщенія (Парижа), справедливѣе же сказать, изъ гнѣзда цареубійцъ, ядомѣшателей, грабителей, разбойниковъ, разосланы повсюду апостолы, снабженные акватофаною и прочими орудіями, взирая на которыя, думаю, и самъ адъ ужаснется. Сіи апостолы для достиженія своей скверной цѣли стараются перехватывать всякія письма и разсѣваютъ повсюду раздоръ и несогласіе... По многимъ обстоятельствамъ заключаю я, что въ семъ заговорѣ противъ святости и порядка не послѣднюю роль играютъ иллюминаты, которыхъ, какъ я знаю, и въ нашемъ отечествѣ есть не мало. Блюдитесь, друзья мои, отъ сихъ изверговъ и употребите всѣ ваши способности къ обнаруженію ихъ. Наипаче остерегайтесь, чтобы они не вкрались въ среду васъ; избѣгайте ихъ, какъ язвы. Вамъ извѣстно, что истинный свободный каменщикъ долженъ быть непримиримымъ врагомъ всякаго возмущенія противъ законной власти и общественнаго блага» [1]).

---

[1]) Ibid. 200.

Кутузовъ ошибался, говоря, что въ Россіи имѣются иллюминаты. Лопухинъ, живя въ Москвѣ, отрицалъ ихъ существованіе въ средѣ русскихъ масоновъ. «Здѣсь иллюминатовъ нѣтъ, слава Богу, писалъ онъ изъ Москвы 7 ноября 1790 г. Въ Москвѣ можно увѣрительно сказать, что нѣтъ. Я давно навѣдываюсь, дабы остеречь отъ ихъ знакомства своихъ пріятелей, особливо масоновъ» [1]). Эта ненависть и боязнь революціи побуждаютъ масоновъ помѣшать путешествію въ Парижъ двухъ студентовъ медиковъ—Колокольникова и Невзорова. Они стремились въ него для завершенія своего образованія. «Кромѣ моего совѣта, пишетъ Лопухинъ Кутузову, они сами собою, мерзя онымъ мятежничествомъ, удаляются подверженныхъ тому мѣстъ. Они отправились для практики въ медицинѣ въ Швейцарію, куда проѣдутъ, не захватывая Франціи и Брабанта, гдѣ, они пишутъ, еще болѣе мятежный духъ царствуетъ» (стр. 50). Къ самому Радищеву розенкрейцеръ Кутузовъ, несмотря на старую дружбу, относится съ строгой критикой. Въ письмѣ къ Голенищевой Кутузовой онъ пишетъ: «признаюсь, что большую часть его положеній касательно религіи и государственнаго правленія, нашелъ я совершенно противоположной моей системѣ. Я напомнилъ ему слова Колхида, который, приготовляясь говорить правду, требовалъ Ахиллесова покровительства, присовокупляя: «смѣлъ поступокъ тѣхъ, которые, ставъ слишкомъ мудрыми, позволяютъ себѣ указывать монарху, въ чемъ лежитъ его заблужденіе. Будьте увѣрены, что Всемогущій въ концѣ концовъ отомститъ имъ за это». По мнѣнію Кутузова, Радищевъ коснулся нѣкоторыхъ пунктовъ, «которые не подлежатъ литературѣ» (стр. 66).

Какое, спрашивается, основаніе считать занесенное изъ Германіи розенкрейцерство своего рода революціоннымъ бродиломъ, отъ котораго будто бы избавило Россію «недреманное око» начальства? Пропагандистами идеи освобожденія при Екатеринѣ были, несомнѣнно, не нѣмцы, а французы: Вольтеръ, Дидро и тѣ изъ русскихъ писателей, которые, какъ, напр., Сумароковъ, испытали на себѣ ихъ вліяніе. Обновленію русскихъ политическихъ порядковъ могъ содѣйствовать также до нѣкоторой степени Монтескье, настолько, насколько Екатерина, по собственному ея выраженію, «обобрала президента парламента въ Бордо» (письмо къ Гримму). Что же касается до масоновъ, то ихъ дѣятельность сказалась въ обнародованіи ряда нравственно-христіанскихъ трактатовъ, въ ознакомленіи русскаго общества съ иностранной

---

[1]) Ibid, стр. 27.

литературой и съ матеріалами русской исторіи, благодаря неусыпному труду Новикова и издаваемой имъ «Виѳліоѳикѣ». Были и между масонами истинно добрые люди, какъ тотъ московскій купецъ, который въ голодный годъ распорядился доброй частью своего состоянія, чтобы прокормить голодающихъ Первопрестольной. Встрѣчались между масонами и такіе люди, какъ Лопухинъ, который въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ о готовности отпустить крестьянъ на волю, прибавляя, «не даромъ же я слыву за мартиниста». Это, однако, не дѣлало его «сторонникомъ свободолюбія»; отсутствіе же послѣдняго не мѣшало быть масономъ. Въ письмѣ къ Кутузову отъ 7 ноября онъ, между прочимъ, пишетъ: «Я слыву очень мартинистомъ [хотя не знаю и не вѣдаю, что есть мартиниство]. Отъ природы очень не любостяжателенъ и охотно соглашусь не имѣть ни одного крѣпостного. Но при томъ молю и желаю, чтобы никогда въ отечество наше не проникъ тотъ духъ мощнаго свободолюбія, который сокрушаетъ многія въ Европѣ страны и который по мнѣнію моему вездѣ губителенъ... Хотя теперь я не бываю въ ложахъ, коихъ нынѣ у насъ нѣтъ, но навсегда привязанъ къ истинному масонству, которое мнѣ ни въ чемъ добромъ не можетъ помѣшать, будучи наукою добра». Говоря о доносчикахъ, обвинявшихъ масоновъ въ томъ, что они «охотники до безначалія», Лопухинъ не безъ ироніи пишетъ: «Кричатъ: вѣрность, любовь къ общему благу. Полноте! Хуторишки свои, чины, да жалованіе на умѣ. А кабы спросить этихъ молодцевъ хорошенько, что такое вѣрность, любовь, благо, такъ бы въ пень стали». Преслѣдованіе Радищева, какъ мартиниста, встрѣчаетъ со стороны Лопухина замѣчаніе: «не сдѣлалъ бы онъ сего, ежели бы онъ былъ тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ» (стр. 15). «Въ Москвѣ о немъ говорятъ, что онъ мартинистъ, а все смѣшивая и мартинистовъ, и иллюминатовъ, и масоновъ. Рады на нихъ горы взвалить. А я не знаю, былъ ли онъ когда и масонъ... Ежели онъ имѣлъ несчастіе между иллюминатовъ попасть, то поступокъ его могъ оттуда произойти. Увѣряю только, что поступокъ Радищева основанъ на анти-христіанствѣ, которое совсѣмъ противно истинному масонству».

Не одного Радищева заподазривали въ принадлежности къ мартинистамъ. Въ томъ же обвиняли и Карамзина. Онъ одно время, дѣйствительно, состоялъ въ сношеніяхъ съ масонами, и разрывъ съ ними, повидимому, былъ причиной той его поѣздки за границу, которой мы обязаны появленіемъ «Писемъ русскаго путешественника». Лопухинъ пишетъ Кутузову 3-го фе-

враля 1791 г. «Главнокомандующій Москвы Прозоровскій ложно говоритъ, что Карамзинъ—ученикъ Новикова и на его иждивеніе посланъ былъ въ чужіе края, мартинистъ и пр. Можно ли такъ думать,—замѣчаетъ Лопухинъ,—читая журналъ Карамзина, который совсѣмъ анти того, что разумѣютъ мартинизмомъ». Кутузовъ, по всей вѣроятности, движимый желаніемъ обѣлиться, очень настаиваетъ въ своихъ письмахъ на своей собственной благонадежности. «Вы знаете мои правила, пишетъ онъ Н. Н. Трубецкому; извѣстно Вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я никогда не престану твердить, что критика настоящаго правленія есть недозволительное дѣло и нимало не принадлежитъ къ литературѣ» (письмо отъ 1 ноября 1790 г.). «Я ненавижу возмутительныхъ гражданъ, заявляетъ онъ въ почти одновременномъ письмѣ къ Лопухину. Они суть враги отечества, и слѣдовательно—мои. Признаюсь, я люблю вольность. Сердце мое трепещетъ отъ радости при словѣ семъ. Но при всемъ томъ увѣренъ, что истинная вольность состоитъ въ повиновеніи законамъ» (мысль, какъ извѣстно, не чуждая и Монтескье).

Преслѣдованія масоновъ, какъ мартинистовъ, повидимому, стали падать къ февралю 1790 г. Трубецкой пишетъ Кутузову 13 февр. 1791 г.: «Кажется, что рожденный воображеніемъ многихъ, а наипаче нынѣшняго начальника Москвы (князя А. А. Прозоровскаго) фантомъ мартинистства зачинаетъ исчезать» (стр. 92).

Можно было бы привести еще много другихъ мѣстъ изъ переписки масоновъ временъ Екатерины съ цѣлью показать, какъ далеки они были отъ увлеченія свободолюбіемъ. Дѣятели Франціи въ ихъ глазахъ—«пустословы». Большая часть «нынѣшнихъ остроумцевъ», пишетъ Кутузовъ, «суть проповѣдники богини Цирцеи». «Хлѣвы ея довольно уже наполнены». Кутузовъ «математически» увѣренъ, что истинный христіанинъ не уподобится никогда Мирабо. Самъ Карамзинъ, котораго онъ обозначаетъ именемъ «англійскаго путешественника Рамзея», кажется ему человѣкомъ неодобрительнымъ. «Путешествіе произвело въ немъ великую перемѣну въ разсужденіи прежнихъ друзей его, пишетъ Кутузовъ. Можетъ быть, и въ немъ произошла французская революція. Желалъ бы знать, въ чемъ состоитъ его журналъ. Если догадки мои справедливы, то отечество наше изображается имъ не въ весьма выгодномъ видѣ. Но тѣмъ пріятнѣе описаны прочія государства. Думаю, что и сама Курляндія, въ сравненіи съ Россіей, представляется ему обѣтованной землей. Сіе есть свойство нашихъ молодыхъ писателей превозносить похвалами то, чего они

не знаютъ, и хулить то, чего познать они не стараются. Боюсь, чтобы онъ не надѣлалъ себѣ враговъ своими писаніями, не принеся никому ни малѣйшей пользы» (стр. 100).

Трубецкой еще рѣзче отзывается о Карамзинѣ, называя его «дерзновеннымъ» и «дуракомъ». Дерзновеннымъ же онъ считаетъ его потому, что въ столь юномъ возрастѣ Карамзинъ возомнилъ о себѣ, какъ о писателѣ. «Разговоры мои, пишетъ онъ, касательно до безумнаго предпріятія каждаго неопытнаго молодого человѣка, чтобы исправлять писаніями своими родъ человѣческій, ему (Карамзину) не понравились. Онъ своимъ журналомъ объявилъ себя въ глазахъ публики дерзновеннымъ и между нами сказать дуракомъ. Я его дерзновеннымъ называю потому, что онъ, бывъ еще почти ребенокъ, дерзнулъ на предпріятіе предложить свое сочиненіе публикѣ и вздумалъ, что онъ уже авторъ и что онъ въ числѣ великихъ писателей въ нашемъ отечествѣ и даже осмѣлился рецентію дѣлать на Кадма. Но что касается до самого его сочиненія, то въ ономъ никакой дерзости нѣтъ, а есть много глупости и скуки для читателя». Переписка масоновъ, изданная Академіей наукъ, покрываетъ собою цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ отъ 1780 по 1792 г. Я не нашелъ въ ней ни единаго мѣста, которое бы доказывало ихъ сочувственное отношеніе къ освободительному движенію, охватившему Францію и по ея примѣру сосѣднія съ нею страны. Я обязанъ, впрочемъ, сдѣлать одну оговорку: Кутузовъ, жившій въ Берлинѣ съ порученіемъ отъ братьевъ проникнуться тайнами высшихъ степеней масонства, возмущенный постояннымъ вскрытіемъ его корреспонденціи, однажды пишетъ главѣ русскихъ масоновъ Трубецкому, что полезно было бы въ отношеніи тайны писемъ принять тѣ же мѣры, какія приняты во Франціи и грозятъ уголовными карами лицамъ, позволяющимъ себѣ вскрывать чужую корреспонденцію. За этимъ исключеніемъ, мы только и читаемъ всевозможныя обвиненія по адресу «вольнодумцевъ, называющихъ себя просвѣтителями» [1]).

Масоновъ, пребывающихъ за границей, противъ революціонеровъ возстановляетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что одинъ изъ нихъ, Мерсье, въ своемъ Tableau de Paris поднялъ на смѣхъ близкую къ масонамъ секту мартинистовъ. «Нынѣшній вѣкъ наполненъ множествомъ Донъ кишотовъ всякаго рода, пишетъ

---

[1]) „Я не смѣю говорить откровенно, пишетъ Кутузовъ изъ Берлина отъ 12 апрѣля 1791 г., ибо письма подвержены любопытству подлецовъ, жаждущихъ читать; нѣтъ еще у насъ святого закона, установленнаго нынѣ во Франціи: министръ, обличенный, что онъ повелѣлъ распечатывать письма, наказывается сосланіемъ на галеры, а исполняющіе его приказанія осуждаются къ столбу“ (стр. 115).

Кутузовъ Трубецкому 1 марта 1791 г. Источникъ баснословія, (т.-е. басни, сочиненной на масоновъ и поддерживаемой и распространяемой московскимъ губернаторомъ Прозоровскимъ, «градодержателемъ», какъ называетъ его Кутузовъ), никто другой, какъ Мерсье. Онъ первый составилъ (т.-е. сочинилъ) сію секту въ книгѣ своей Tableau de Paris. Однако же сей авторъ описалъ ихъ яко добросердечныхъ и миролюбивыхъ сумасбродовъ, ни съ которой стороны не опасныхъ ни правленію, ни частнымъ сочленамъ общества. Основаніемъ сей секты положилъ онъ извѣстную книгу Des erreurs et de la verité и сочинителемъ оной назначилъ онъ какого-то Сенъ-Мартэнъ. Въ бытность мою въ Парижѣ я прилагалъ всевозможные труды сыскать сего Сенъ-Мартэнъ, но тщетно; никто его не знаетъ. Теперь остается сказать два слова о послѣдователяхъ сей книги. Кто суть оные—истинно не знаю. Читаютъ и читали ее многіе. Я мало читалъ оную. Нашелъ однако же мѣста ясныя и сіи мнѣ казались истинными и важными. Но вообще не разумѣлъ оную. Но слѣдуетъ ли изъ сего, что книга сія безумна? Странная логика! Но по нещастію (sic) она теперь господствуетъ между господами просвѣтителями. Кратко сказать—каждая земля имѣетъ нынѣ своихъ мартинистовъ, а сіи суть не что иное, какъ люди, старающіеся, уединясь отъ шумныхъ и безполезныхъ бесѣдъ, приводить въ совершенство свойства, Творцомъ въ нихъ впечатлѣнныя, и презря мечтательность и суету, приближаются къ цѣли истиннаго человѣка» [1]).

Кутузовъ, такимъ образомъ, относится къ мартинистамъ съ явнымъ сочувствіемъ. «Отрицай Бога,—пишетъ онъ,—обманывай

---

[1]) Издатель корреспонденціи русскихъ масоновъ, г. Барсковъ, считаетъ мартинистовъ послѣдователями Сенъ-Мартэна. Поступая такъ, онъ дѣлаетъ ту же ошибку, въ какую впадаетъ большинство лицъ, незнакомыхъ съ исторіей западнаго мистицизма. Ее дѣлалъ и философъ Шеллингъ до своей встрѣчи съ кн. Одоевскимъ, какъ можно судить изъ ихъ бесѣды, текстъ которой сохранился въ бумагахъ Одоевскаго. Вотъ что мы читаемъ тамъ. Шеллингъ: „До сихъ поръ существуетъ много послѣдователей Сенъ-Мартэна подъ именемъ мартинистовъ"; Одоевскій: „Извините, если не ошибаюсь, этимъ именемъ называютъ послѣдователей Мартинеца де Паскваледъ, учителя Сенъ-Мартэна, отъ котораго Сенъ-Мартэнъ отдѣлился, почитая опасными его теургическія матеріальныя операціи". Шеллингъ: „Вы мнѣ открываете фактъ, совершенно для меня новый... До сихъ поръ я смѣшивалъ Сенъ-Мартэна съ Мартинецомъ (смотри Сакулинъ: „В. Ѳ. Одоевскій—мыслитель и писатель", томъ I, стр. 386).

Сенъ-Мартэнъ называетъ Martinez de Pasqualles португальскаго мистика: „Mon premier éducateur. Oeuvres posthumes", томъ I, стр. 11 и 12. Замѣтка номеръ 73 въ „Portrait historique et philosophique de M-r de S-t Martin fait par lui-même". Смотри Сакулинъ, стр. 377, томъ I.

Лопухинъ, знавшій сочиненія Сенъ-Мартэна, могъ поэтому не имѣть представленія о мартинистахъ и разспрашивать о нихъ жившаго въ Берлинѣ Кутузова.

искусно, шути остроумно, разоряй своего ближняго, клевещи и злословь, совращай юныхъ безопытныхъ дѣвицъ, и будешь въ глазахъ шумящихъ вѣтренниковъ добрымъ и безопаснымъ гражданиномъ. Но воздерживайся отъ всѣхъ сихъ добрыхъ качествъ, непремѣнно заслужишь имя мартиниста или преопаснѣйшаго человѣка въ обществѣ».

Если въ Парижѣ Мерсье—виновникъ дурной славы, составившейся о мартинистахъ, то въ Берлинѣ всѣ, кто не согласенъ со «здѣшнимъ Церберомъ», какъ пишетъ Кутузовъ, т.-е. съ тремя руководителями общественнаго мнѣнія: Николаи, Бистра и Гедике—«суть, по мнѣнію сихъ мнимыхъ просвѣтителей, или дураки, или обманщики». Кутузовъ объясняетъ нападки на мартинистовъ происками просвѣтителей, подъ которыми разумѣетъ ревнителей свободомыслящей философіи.

«Всѣ они враги христіанства. Будетъ время,—пишетъ онъ,—ежели оно уже не настало, въ которое монархи откроютъ очи свои и узрятъ, что они пригнетали истинныхъ своихъ друзей, узрятъ, что наушники суть змѣи, которыхъ они согрѣвали за пазухою» [1]).

Сообщеніе Кутузова о мартинистахъ вызвано было откровеннымъ вопросомъ Трубецкого и Лопухина: Да кто такіе эти мартинисты, о которыхъ такъ много говорятъ. 29 января 1791 г. Трубецкой писалъ Кутузову: «Другъ мой! прошу тебя, чтобы ты удовольствовалъ мое любопытство и, бывъ въ чужихъ краяхъ, освѣдомился обстоятельно о сихъ мартинистахъ, которые и подлинно, сказываютъ, существуютъ въ чужихъ краяхъ. Я очень любопытенъ объ ихъ системѣ и ихъ намѣреніи и причинѣ наименованія ихъ мартинистами, ибо многіе знакомые Сенъ-Мартэна, котораго почитали ихъ начальникомъ и учредителемъ, увѣряли доподлинно, что онъ къ нимъ не принадлежитъ и ничего о нихъ не знаетъ; слѣдовательно, и имя свое имъ дать не могъ. Описанія же о нихъ, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ печатныхъ книгахъ, представляютъ ихъ болѣе дураками, нежели злодѣями» [2]).

Изъ этого обмѣна мыслей между вожаками русскаго масонства и ихъ заграничными агентами мудрено притти къ другому заключенію, кромѣ того, что Екатерининскія ложи остались чужды тѣмъ новымъ сектамъ, которыя въ годы, предшествовавшіе революціи, примкнули къ масонству и наложили на него

---

[1]) Ibid., стр. 98.
[2]) Ibid., стр. 85.

несвойственный ему отпечатокъ движенія революціоннаго, столько же въ государствѣ, сколько и въ церкви. Члены бретонскаго комитета, изъ котораго вышли, какъ я показалъ это въ моемъ «Происхожденіи современной демократіи», иниціаторы обращенія генеральныхъ штатовъ въ учредительное собраніе, принадлежали къ другому кругу понятій и стремленій, чѣмъ Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ, Трубецкой и дѣйствовавшіе заодно съ ними масоны обѣихъ нашихъ столицъ. Принадлежа къ ложамъ, французскіе дѣятели въ то же время были сторонниками освободительныхъ идей, тѣхъ самыхъ идей, противъ которыхъ направлены нападки русскихъ масоновъ. Въ этомъ отношеніи между послѣдними господствуетъ полное единодушіе. Лопухинъ горько жалуется на то, что клеветникъ Прозоровскій видитъ въ участіи масоновъ въ помощи голодающимъ доказательство ихъ принадлежности къ мартинистамъ. «Чему удивляться, пишетъ онъ, что помощь бѣднымъ и добросердечное съ людьми обращеніе кажутся подозрительными для того человѣка, который говоритъ, что человѣколюбіе и состраданіе къ ближнему свойственно токмо монахамъ и мартинистамъ, которые и здѣсь существуютъ токмо въ бредящей головѣ его» [1]). Лопухинъ такъ мало настроенъ къ критикѣ правительственныхъ дѣйствій, что въ его перепискѣ встрѣчается даже упрекъ по адресу Радищева. «Ежели подданный и сынъ отечества, пишетъ онъ, почитаетъ за долгъ представить истину своему государю, то онъ долженъ сіе сдѣлать лицу его непосредственно и тайно, въ любви и благоговѣніи и, какъ я увѣренъ, приметъ сіе всегда Екатерина, а не разсѣяніемъ книги, могущей возмутить покой общественный» (стр. 90). «Что онъ, Радищевъ, преступникъ, пишетъ въ свою очередь Трубецкой, то я сіе утвердить могу по нѣкоторымъ фрагментамъ, которые мнѣ пересказывали изъ его книги, и увѣряю тебя, мой другъ, что вездѣ, кромѣ какъ подъ правленіемъ толико милосердой Матери нашей, онъ бы за преступленіе потерялъ голову на эшафотѣ; даже бы и при самомъ владѣніи Елисаветы (Петровны) онъ бы истязанъ былъ въ тайной (канцеляріи), ибо онъ не только разрывалъ въ книгѣ своей всѣ союзы общества, но и священную Особу Царскую не пощадилъ». Самъ Трубецкой питаетъ свою мысль одними благоговѣйными чтеніями; онъ любитъ книги Бэма, интересуется перепиской Фенелона съ мадамъ де Гюйонъ, а его корреспондентъ Кутузовъ соболѣзнуетъ о томъ, что мы мало читаемъ великую

---

[1]) Ibid., стр. 89.

книгу Mystère de la Croix, которая вмѣстѣ съ сочиненіемъ Ѳомы Кемпійскаго «Подражаніе Христу» были бы «довольно сильны удержать насъ непрестанно на пути истины» (стр. 102, 103 и 92). Случайно только приходится Трубецкому заглянуть въ французскія газеты, да и то въ уравновѣшенный Mercure de France. Ежели онъ знакомится съ болѣе радикальными теченіями, то только по рецензіямъ, напечатаннымъ въ этомъ же журналѣ: «На этихъ дняхъ, пишетъ онъ Кутузову, видѣлъ я въ Mercure de France рецензію на новый журналъ подъ именемъ Bouche de fer (разумѣется хорошо извѣстное изданіе Клода Фошэ, своего рода соціальнаго реформатора, вышедшаго изъ рядовъ масонства и сыгравшаго, какъ извѣстно, нѣкоторую роль въ событіяхъ 1789 и слѣдующихъ годовъ). Вотъ на какія мысли приводитъ одно знакомство съ этою «рецентіей» того изъ русскихъ масоновъ, который, послѣ смерти Шварца, принялъ до нѣкоторой степени роль руководителя московскими ложами. «Признаться надобно, что нынѣшній свѣтъ производитъ во всѣхъ отношеніяхъ много страннаго и вздорнаго, и что таковое сочиненіе, какъ этотъ журналъ, не мудрено, что произведетъ подозрѣніе на масоновъ, ибо издатели онаго, приписывая себѣ основаніе мерзкой революціи во Франціи и украшая свое сочиненіе мистическимъ стилемъ, выдаютъ себя за масоновъ. Боже, прости имъ, что они дерзаютъ имя института, основаннаго на исправленіи нравственнаго человѣка и на вспомоществованіи ближнимъ, употреблять во зло и дѣлать его подозрительнымъ, да и не только подозрительнымъ, но таковымъ, что едва-ли уже можно здравомыслящему человѣку не стыдиться называться этимъ только по внутреннему своему учрежденію почтеннымъ именемъ, т. е. строителемъ на основаніи слова Божія своего моральнаго совершенства, на которое всѣ іероглифы сего почтеннаго ордена указываютъ, но которые нынѣ обращаются злыми человѣками во зло, а глупыми осмѣиваются и почитаются за вздоръ. Вотъ, мой другъ, что производятъ такъ называемые просвѣтители рода человѣческаго, которыми исполнена теперь Европа и которые хуже стали іезуитовъ, Равальяковъ и имъ подобныхъ, которые всѣ, какъ мнѣ кажется, суть орудія сатаны... О, Господи, Спаситель мой, обличи сихъ изверговъ и не даждь чрезъ нихъ распространяться церкви твоего врага, антихриста! Сіе есть молитва, исторгнувшаяся изъ глубины моего сердца отъ смотрѣнія на всѣ мерзости, писанныя въ вышеупомянутомъ журналѣ, и на то, что дѣлается во Франціи. О, другъ мой, колико силенъ дьяволъ! Онъ приготовлялъ чрезъ такъ наз. философовъ умы французовъ

къ низверженію съ себя религіи и, когда ему сіе удалось, то онъ ослѣпилъ ихъ умъ къ низверженію власти царской, а теперь употребляетъ сущее суевѣріе, подъ краскою и подъ именемъ христіанства, чтобъ утвердить попутное безначаліе, въ которомъ, понеже нѣтъ ничего иного, кромѣ безпорядка, онъ можетъ утверждать престолъ свой и гнать истинное Христово ученіе, которое основано на повиновеніи Богу, царямъ, яко его орудіямъ, по словамъ Христовымъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей. О, Господи, утверди престолъ твой въ сердцахъ нашихъ... и даждь человѣкамъ увидѣть, что, кто не точно христіанинъ, тотъ не можетъ быть ни добрый гражданинъ, ни вѣрный подданный, ни добродѣтельный другъ царя, отечества и человѣковъ; словомъ, что суевѣріе и невѣріе суть два основанія пагубы царствъ и всего человѣческаго рода» [1]).

Правъ былъ Трубецкой, заявляя въ одномъ изъ своихъ писемъ Кутузову: «Мы съ тобой, мой другъ, въ политическія дѣла государей и государствъ не входимъ и, вѣдая, что всякая власть есть отъ Бога, мы повинуемся оной безъ роптанія, повинуясь чрезъ то власти нашего Бога и Спасителя, который сіе повиновеніе предписалъ своимъ ученикамъ и который Самъ сказалъ: отдавайте Божье Богу, а Кесарево—Кесарю».

Но, быть можетъ, отказавшись отъ всякаго новаторства въ области политики, масоны временъ Екатерины II преслѣдовали какіе-нибудь замыслы противъ православія? И на этотъ счетъ въ напечатанной корреспонденціи нѣтъ никакихъ указаній. Правда, Шварцъ, Рейхель и баронъ Шредеръ не были православными. Но ничто не доказываетъ того, чтобы они принимали какія-либо мѣры для проповѣди въ Россіи инославныхъ исповѣданій. Бумаги, взятыя у Новикова и его друзей, князь Прозоровскій посылалъ императрицѣ, которая, какъ видно изъ ея словъ Храповицкому, вынесла изъ нихъ убѣжденіе, что «всѣхъ мартинистовъ обманывалъ бывшій въ ея службѣ поручикъ Шредеръ». Екатерина сообщила, что видѣла его завѣщаніе, но такъ какъ баронъ Шредеръ умеръ въ 1797 г., т.-е. послѣ смерти Екатерины, то можно думать, что подъ завѣщаніемъ императрица разумѣла дневникъ Шредера отъ 1785 г., отпечатанный въ томѣ, изданномъ Барсковымъ. Этотъ дневникъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ, доказываетъ намъ, что православіе не только не вызывало нападокъ со стороны русскихъ масоновъ, но, наоборотъ, сдѣлалось предме-

---

[1]) Ibid., 104, 105.

томъ ихъ особеннаго интереса на томъ основаніи, что, по мнѣнію лица, сыгравшаго значительную роль въ развитіи нашего масонства, Вельнера, въ русской церкви всего болѣе удержались древніе обряды, почему и предполагалось, что русскіе обряды всего болѣе сходны съ масонскими. Что касается до Шварца, то его личность находитъ разную оцѣнку и у современниковъ. Но нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы въ его задачу входило обращеніе русскихъ въ иную вѣру. Современники сообщаютъ, что въ концѣ своей жизни Шварцъ мечталъ о томъ, чтобы самому сдѣлаться гернгутеромъ, т.-е. членомъ той секты, которая еще нынѣ распространена въ нѣкоторыхъ частяхъ Шварцвальда и ведетъ свое начало отъ анабаптистовъ мирнаго толка, ничего не имѣющихъ общаго съ лейденскими братьями. Болѣе вѣроятно, что и Шварцъ, и бар. Шредеръ пытались связать воедино русскихъ масоновъ съ нѣмецкими, такъ что русскіе вольные каменщики, не исключая и Новикова, обязаны были посылать свои отчеты въ Берлинъ пребывавшему тамъ бар. Шредеру. Это породило тренія, испортило отношеніе Шредера къ Новикову, о чемъ можно найти указаніе и въ перепискѣ. Ни единымъ словомъ не проскальзываетъ въ ней, однако, мысль о томъ, что эти недоразумѣнія вызваны были протестантскимъ прозелитизмомъ. Вѣроятно, что дѣло не обходилось безъ нѣкотораго шарлатанства во вкусѣ Каліостро. Есть слѣды того, что Шредеръ собирался лѣчить Шварца отъ болѣзни съ помощью какого-то особеннаго фильтра, настолько сильнаго, что предписанной Шредеромъ дозы было бы достаточно, чтобы убить Шварца. Въ бесѣдѣ съ императрицей о масонахъ Храповицкій выслушалъ изъ ея устъ обвиненіе масоновъ въ томъ, что они призывали чертей; доказательство этого найдено было будто бы въ бумагахъ Новикова: «Я,—записалъ Храповицкій,—отражалъ эту нелѣпость, дивился легковѣрію и сказалъ, что видѣлъ только Каліостро». Послѣ Рейхеля руководительство масонами перешло къ Елагину, чистокровному русскому, котораго, разумѣется, уже всего менѣе можно было заподозрить въ какихъ-либо замыслахъ противъ православія. Это былъ человѣкъ весьма образованный, одинъ изъ первыхъ у насъ, кто обстоятельно познакомился съ нѣмецкой философіей и въ этомъ отношеніи оказалъ немалое вліяніе на русскихъ шеллингіанцевъ. О томъ, что руководительство отъ Рейхеля перешло къ Елагину, мы знаемъ изъ письма Рейхеля Кутузову, отпечатаннаго въ сборникѣ Барскова. Трубецкой называетъ Рейхеля своимъ благодѣтелемъ и, узнавши о его кончинѣ въ 1791 г., проситъ Кутузова сообщить подробности о ней и бар. Шредеру (стр. 169), который былъ агентомъ русскихъ ма-

соновъ въ Берлинѣ и имѣлъ какія-то несогласія съ Рейхелемъ [1]).

Что всего болѣе смущало власти, озабоченныя раскрытіемъ мнимаго заговора русскихъ вольныхъ каменщиковъ, было, по всей вѣроятности, то обстоятельство, что они своихъ писемъ не подписывали изъ опасенія, что тайна корреспонденціи будетъ нарушена. Они обозначали другъ друга вымышленными именами. Такъ, Шварцъ слылъ подъ именемъ Горгонусъ, Шредеръ—Сацердоса, Трубецкой—Поректуса, Новиковъ—Коловіана, Лопухинъ—Кила [2]).

Г. Барсковъ приводитъ отзывъ о Шварцѣ Елагина. По словамъ его, Шварцъ заразилъ масонское братство суевѣрной и корыстолюбивой системой. «Собравъ великую сумму съ московскихъ братьевъ, онъ ѣздилъ за границу и привезъ оттуда множество ничего не значущихъ грамотъ и актовъ». «По возвращеніи Шварца изъ-за границы, пишетъ неизвѣстный авторъ, измѣнился духъ московскаго масонства. До тѣхъ поръ толковали только о распространеніи религіознаго чувства. Все же остальное, сколько-нибудь соотвѣтствовавшее формѣ ордена, хотя и допускалось, но не составляло главной задачи. Теперь же братьямъ стали назначать разныя послушанія, умерщвленіе плоти, посты, молитвы и тому подобное; клятвы, суевѣрья, чудеса вошли въ ежедневный случай». Анонимный авторъ подтверждаетъ и другое свидѣтельство Елагина о сборѣ большихъ суммъ въ пользу ордена. Г. Барсковъ приводитъ отзывъ и А. С. Пушкина о тѣхъ екатерининскихъ масонахъ, съ которыми ему пришлось встрѣчаться въ молодости. «Мы еще застали нѣсколькихъ стариковъ, пишетъ онъ, принадлежавшихъ къ мартинистамъ,—этому полуполитическому, полурелигіозному обществу—странная смѣсь мистической набожности и философскаго вольнодумства. Безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія отличали ихъ отъ поколѣнія, къ которому они принадлежали... Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ, но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франмасонскихъ ужинахъ» [3]).

---

[1]) Трубецкой въ одномъ изъ своихъ писемъ Кутузову пишетъ: „Боже, дай, чтобы бар. Шредеръ покаялся въ томъ письмѣ, которое онъ писалъ другу моему Рейхелю“. (Ibid. S. 136).

[2]) Ibid., 134—5.

[3]) Пушкинъ, т. V, стр. 337.

Ручаться за то, чтобы въ своей перепискѣ, зная, кому она можетъ попасть въ руки, русскіе масоны говорили о себѣ одну только истину, разумѣется, трудно. Но изъ того обстоятельства, что (какъ справедливо доказываетъ г-нъ Барсковъ) Лопухинъ, вопрошавшій Кутузова о мартинистахъ, самъ читалъ книгу Сенъ-Мартэна, еще нельзя заключить, чтобы они въ дѣйствительности были мартинистами, а тѣмъ менѣе, чтобы они сочувствовали тому направленію, какое мартинизмъ принялъ на Западѣ. То обстоятельство, что Шварцъ передъ смертью говорилъ о розенкрейцерахъ, иначе обозначаемыхъ терминомъ «златорозоваго креста»: «это дьявольскій орденъ», разумѣется, также не даетъ права считать духовнаго вождя русскихъ масоновъ за приверженца радикально-настроенныхъ ложъ. Болѣе несомнѣнно то, что онъ озабоченъ былъ мыслью подчинить русское масонство руководительству изъ Берлина; но это, разумѣется, нимало не доказываетъ его протестантскаго прозелитизма. Возможны были политическіе виды, расчетъ на сближеніе Россіи съ Пруссіей, но все это стоитъ весьма далеко отъ возможности приписать русскимъ масонамъ какое-либо намѣреніе мѣнять вѣру русскаго народа.

Максимъ Ковалевскій.

ЖОРЖЪ-ЖАКЪ ДАНТОНЪ.

Біографическій очеркъ.

Дантонъ у насъ извѣстенъ гораздо менѣе, чѣмъ Мирабо. О великомъ трибунѣ перваго періода революціи, какъ-никакъ, кромѣ общихъ исторій эпохи, есть кое-что переведенное и даже написанное по-русски, да и большіе труды о немъ, оставшіеся не переведенными (Ломени, Альфреда Штерна), своевременно отмѣчались въ нашей періодической печати. Другое дѣло — Дантонъ, съ которымъ русскому читателю приходится знакомиться только по общимъ трудамъ по исторіи революціи. Литература о Дантонѣ, менѣе, кстати сказать, обширная, нежели о Мирабо, тоже осталась внѣ круга интересовъ нашей не только общей, но и спеціальной печати. Я не помню, наприм., ни одной русской статьи о работахъ д-ра Робине, главнаго изслѣдователя о Дантонѣ, автора такихъ работъ, какъ его біографія (Mémoir esur la vie de Danton, 1865), «Дантонъ, какъ государственный человѣкъ» (1889), «Процессъ дантонистовъ» (1879) и др. Изъ большихъ исторій революціи у насъ остался не переведеннымъ краснорѣчивый трудъ Мишле, большого, какъ извѣстно, поклонника Дантона, да и та часть «Происхожденія современной Франціи» Тэна, въ которой находится яркая характеристика этого государственнаго дѣятеля, не была переведена по-русски. Выходъ въ свѣтъ, въ 1914 г., книги Луи Маделена (Madelin), посвященной цѣликомъ Дантону, представляетъ прекрасный случай нѣсколько пополнить отмѣченный пробѣлъ предлагаемымъ краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности этого знаменитаго дѣятеля революціи.

О самой книгѣ Маделена я скажу здѣсь очень немного, начавъ съ указанія на то, что авторъ далеко не новичокъ въ исторіи французской революціи, которой въ 1912 г. онъ посвятилъ небольшую книжку, встрѣченную со стороны критики по-

хвалами (между прочимъ, такого спеціалиста, какъ Оларъ). Какъ «La Révolution» Маделена составляетъ одинъ изъ томовъ изданія «Histoire de France racontée à tous», такъ и его «Danton» входитъ въ составъ серіи «Figures du passé», въ которой, напр., появилась и книга Барту (Bartou) о Мирабо. Внѣшній видъ книги Маделена, заключающей въ себѣ около двадцати печатныхъ листовъ, указываетъ на то, что предназначается она для большой публики: въ ней нѣтъ подстрочныхъ примѣчаній, а есть только списокъ источниковъ и пособій (среди первыхъ указаны и архивныя), коими пользовался авторъ; къ тексту приложено нѣсколько рисунковъ и т. п. Это, однако, не лишаетъ книгу Маделена научнаго характера. Французская критика уже высказалась объ этой біографіи Дантона, и даже очень строгій ко всѣмъ, занимающимся исторіей революціи, Альберъ Матьезъ заключаетъ свою статью о ней указаніемъ на то, что эту книгу будутъ читать, что она заслуживаетъ того [1]). И въ своей книгѣ о революціи, и въ трудѣ о Дантонѣ авторъ стремится къ безпристрастію, относясь съ большимъ уваженіемъ къ такимъ «лѣвымъ» историкамъ, какъ Оларъ или Матьезъ, хотя по симпатіямъ самъ стоитъ ближе къ болѣе умѣреннымъ въ родѣ Сореля. Характерно, что Матьезъ, какъ робеспьеристъ, не очень долюбливающій Дантона, въ одномъ мѣстѣ своей рецензіи упрекаетъ Маделена въ увлеченіи д-ромъ Робине, а въ другомъ находитъ его бо́льшимъ «дантонистомъ», чѣмъ самъ Оларъ.

Кстати, изъ только-что сказаннаго видно, что до сихъ поръ личность и роль Дантона представляютъ собою предметъ несогласія, какъ и во времена Мишле и Луи Блана. Главная причина этого—въ самой личности Дантона съ ея двойственностью, съ ея противорѣчіями. На эту сторону дѣла указываетъ и самъ Маделенъ въ слѣдующихъ словахъ на послѣдней страницѣ книги: «онъ не оставилъ послѣ себя впечатлѣнія высокой души (d'une belle âme). Но онъ также не производитъ впечатлѣнія души низкой. Несмотря на печальныя черты, изъ которыхъ мы ничего не скрыли, иногда онъ производитъ впечатлѣніе души довольно возвышенной (assez haute). Обстоятельства сдѣлали изъ него бунтаря (un révolté), но въ немъ былъ матеріалъ для другой роли».

---

[1]) Annales révolutionnaires; juillet—septembre 1914, стр. 571—575. Занимаясь за послѣднее время исторіей парижскихъ секцій, я имѣлъ не разъ случай отмѣчать въ книгѣ мѣста, представляющія интересъ и съ этой стороны.

I.

Дантону не было полныхъ тридцати пяти лѣтъ, когда 5 апрѣля 1794 года онъ сложилъ свою голову на эшафотѣ гильотины, не было, значитъ, и тридцати лѣтъ, когда началась революція, въ которой, на первыхъ же порахъ, онъ принялъ самое дѣятельное участіе и началъ играть замѣтную роль. Человѣкъ громаднаго роста и массивнаго тѣлосложенія, съ некрасивымъ, но энергичнымъ лицомъ, принимавшимъ нерѣдко свирѣпый видъ, съ сильными и широкими жестами, съ необычайно громкимъ голосомъ, онъ невольно обращалъ на себя вниманіе всѣхъ, кто его видѣлъ и слышалъ, и импонировалъ толпѣ. Къ тому же онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова, и его краснорѣчіе, страстное и бурное, образное, дѣйствовавшее на чувства слушателей, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало роли революціоннаго трибуна.

Еще дѣдъ Дантона былъ земледѣльцемъ въ окрестностяхъ Арсисъ-сюръ-Объ въ Шампани, но отецъ уже переселился въ городъ и сдѣлался мелкимъ чиновникомъ, выгодно потомъ женившись и дослужившись до должности прокурора. Знаменитый Дантонъ былъ однимъ изъ четырехъ дѣтей, происшедшихъ отъ брака его отца, и въ самый же день своего рожденія, 26 октября 1759 г., былъ крещенъ, получивъ имя Жоржа-Жака. Овдовѣвъ въ 1762 г., мать его вышла замужъ за другого. Уже въ раннемъ дѣтствѣ будущій народный трибунъ обнаружилъ большую необузданность нрава, за что ему приходилось дорого расплачиваться. Однажды бросившійся на него быкъ разорвалъ ему верхнюю губу, и маленькій Жоржъ-Жакъ сталъ воевать со всѣми быками, дразня ихъ, и вышелъ изъ этой борьбы съ перешибленною другимъ быкомъ переносицей. Слѣды обоихъ приключеній остались у него на всю жизнь, съ прибавкою слѣдовъ отъ оспы. Отданный десяти лѣтъ въ школу, Дантонъ, какъ гласитъ преданіе, получилъ тамъ за свою строптивость прозвище «Antisupérieur». Вообще онъ съ трудомъ подчинялся школьной дисциплинѣ и заслужилъ репутацію лѣнтяя, хотя со страстью предавался чтенію книгъ, не входившихъ въ число учебныхъ пособій. Въ ряду авторовъ, съ которыми онъ познакомился еще до вступленія въ жизнь, были и Рабле, и Монтэнь, и Монтескье, и Руссо, и Дидро и т. д. Молодой Дантонъ даже выучился по-англійски и по-итальянски и могъ читать Шекспира и Данте,—случай, для

того времени очень рѣдкій и тѣмъ болѣе свидѣтельствующій о большихъ умственныхъ способностяхъ молодого человѣка.

Изъ всѣхъ карьеръ, открывавшихся передъ Дантономъ по окончанія имъ курса въ коллежѣ, болѣе другихъ привлекала его адвокатура. Въ 1780 г., двадцатилѣтнимъ юношей, онъ переселился въ Парижъ и устроился на первыхъ порахъ писцомъ у одного прокурора, начавшаго впослѣдствіи поручать ему и веденіе мелкихъ дѣлъ, пока онъ не получилъ по экзамену право выступать въ судѣ самостоятельно. Дѣла, однако, къ нему не шли, и только за два года до революціи Дантонъ устроился, женившись на дочери одного содержателя кафе, получилъ за нею приданое и купилъ себѣ мѣсто адвоката при королевскомъ совѣтѣ административной юстиціи (avocat ès-conseils). Должность была трудная и отвѣтственная, требовавшая большихъ знаній, опытности и находчивости. Поселился Дантонъ послѣ этого въ приходѣ Сенъ-Сюльписъ, гдѣ и открылъ свою контору (cabinet), принявъ для своей фамиліи аристократическое начертаніе д'Антонъ. Легенда, еще повторенная Тэномъ, будто Дантонъ былъ «адвокатомъ безъ дѣлъ», въ настоящее время опровергнута: наоборотъ, дѣлъ у него было довольно, и онъ большею частью ихъ выигрывалъ [1]). У него были и наемные клерки, изъ которыхъ впослѣдствіи двоихъ онъ сдѣлалъ министрами.

Первое революціонное выступленіе Дантона относится къ кануну похода парижанъ на Бастилію: 13 іюля онъ говорилъ зажигательную рѣчь народу въ монастырѣ кордельеровъ, центрѣ одного изъ дистриктовъ, на которые дѣлился Парижъ. Въ самомъ движеніи 14 іюля Дантонъ не участвовалъ, но въ ночь съ 15 на 16 число онъ сдѣлалъ попытку съ толпою «кордельеровъ», жителей своего дистрикта, насильно овладѣть охраною Бастиліи. Съ этого момента кордельерскій дистриктъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ центровъ революціоннаго движенія въ Парижѣ. Отсюда вышелъ призывъ идти на Версаль въ первыхъ числахъ октября, въ видѣ «манифеста», авторомъ котораго былъ Дантонъ. Когда Людовикъ XVI вынужденъ былъ переселиться въ Парижъ, «кордельеры» послали къ нему депутацію съ Дантономъ во главѣ и съ порученіемъ поздравить короля по случаю пріѣзда въ столицу.

Въ 1789 г. парижскіе дистрикты, каковыхъ было шестьдесятъ, обнаруживали стремленіе сдѣлаться какъ бы автономными

---

[1]) Это установилъ *A. Fribourg* въ своемъ изданіи рѣчей Дантона (1910).

общинами, какъ потомъ и секціи, въ слѣдующемъ году, въ числѣ сорока восьми, замѣнившія собою дистрикты [1]). Однимъ изъ самыхъ рьяныхъ дистриктовъ, возстававшихъ противъ «муниципальнаго деспотизма» образовавшейся послѣ 14 іюля городской думы, былъ кордельерскій, въ которомъ Дантонъ сдѣлался предсѣдателемъ. Общее собраніе дистрикта принимало одно постановленіе за другимъ самаго общаго содержанія, и подъ каждымъ стояла подпись д'Антона. Въ городѣ уже прямо говорили о кордельерской республикѣ, и она даже выбила жетонъ, на которомъ стояло и имя Дантона: «sous la présidence de Georges Jacques Danton». Подъ покровительствомъ Дантона Маратъ печаталъ свой неистовый «Другъ народа», по указаніямъ Дантона писалъ свои статьи вдохновляемый имъ Камилль Демуленъ. На территоріи дистрикта жило не мало и другихъ дѣятелей начавшейся революціи, или, по крайней мѣрѣ, къ кордельерамъ тяготѣли многіе изъ нихъ. Назовемъ, кромѣ Марата и Демулена, такихъ, какъ поэтъ Фабръ-д'Эглантинъ, мясникъ Лежандръ, адвокатъ Бильо (Billaud), секретарь Дантона, будущій прокуроръ коммуны Манюэль, актеръ Колло-д'Эрбуа, знаменитый Шометтъ и т. п. Отсюда, изъ этого революціоннаго центра, Дантонъ велъ борьбу противъ Ратуши, гдѣ царили мэръ Байльи и генералъ Лафайетъ, не остававшіеся въ долгу ни передъ несноснымъ дистриктомъ, ни передъ его предсѣдателемъ. И въ чемъ только не обвиняли Дантона: если для однихъ онъ былъ просто сумасшедшимъ, другіе видѣли въ немъ провокатора на службѣ то герцога Орлеанскаго, то Англіи, то королевскаго двора, то Мирабо, однимъ словомъ, кого-угодно. Кордельерскій дистриктъ готовъ былъ оказывать даже прямое сопротивленіе властямъ, какъ это было съ дѣломъ ареста Марата въ октябрѣ 1789 г.: кордельеры просто его не выдали посланнымъ за нимъ солдатамъ. Не меньшую удачу имѣлъ и приказъ объ арестѣ самого Дантона, который въ 1790 г. былъ, напротивъ, выбранъ въ муниципальный совѣтъ. Въ судьбѣ своего предсѣдателя дистриктъ заинтересовалъ какъ остальные дистрикты, такъ и само учредительное собраніе, и писанія на тему защиты свободы отъ тираніи, которыя по этому случаю публиковались, выходили изъ-подъ пера самого Дантона. Только два дистрикта высказались противъ кордельеровъ, находя, что нельзя не повиноваться постановленіямъ судебной власти, другіе отвѣтили неопредѣленно, но тридцать

---

[1]) См. мою книгу „Парижскія секціи временъ французской революціи" (1911).

очень рѣшительно высказались за протестъ кордельеровъ. Результатъ былъ тотъ, что Дантона перестали безпокоить. Дѣломъ занялось само Національное собраніе. «Дѣло д'Антона, писалъ о немъ депутатъ-докладчикъ, сдѣлалось дѣломъ всего Парижа. Его несчастье стало какъ бы общимъ несчастьемъ». Собраніе отложило рѣшеніе на неопредѣленный срокъ, и Дантонъ вышелъ побѣдителемъ изъ своего конфликта съ муниципальною властью. Этотъ эпизодъ только сплотилъ кордельеровъ вокругъ Дантона. Когда лѣтомъ 1790 г. Національное собраніе уничтожило 60 дистриктовъ и замѣнило ихъ 48 секціями (не безъ задней мысли сломить непокорный духъ дистриктовъ), это не устранило той организаціи, какую придали себѣ кордельеры подъ руководствомъ Дантона. Изъ кордельерскаго дистрикта съ дистриктомъ Saint-André—des Arcs образовалась секція Французскаго театра (какъ назывался теперешній Одеонъ), а общее собраніе кордельеровъ преобразовалось въ клубъ, называвшій себя «Обществомъ правъ человѣка» [1]).

Послѣ побѣды Дантона подъ Байльи, лѣтомъ и осенью 1790 г., въ дѣятельности главы кордельеровъ наступило нѣкоторое затишье. Выбранный, какъ мы видѣли, въ коммуну (муниципальный совѣтъ), онъ какъ-то присмирѣлъ, даже стушевался, по крайней мѣрѣ, въ самой коммунѣ. Во время выборовъ мэра изъ 14 т. голосовъ онъ получилъ только 49, а когда его снова выбрали въ коммуну отъ секціи Французскаго театра, изъ остальныхъ 47 секцій, которыя должны были контролировать выборы, 42 высказались за его исключеніе въ виду неблагопріятныхъ слуховъ на счетъ его подкупности. Дантонъ, повидимому, не протестовалъ. Это вообще былъ больше человѣкъ внезапныхъ порывовъ, чѣмъ непрерывной планомѣрной работы. Даже въ протоколахъ основаннаго имъ, Дантономъ, клуба,—правда далеко не вполнѣ сохранившихся,—его имя не встрѣчается. На нѣкоторое время онъ совершенно ушелъ въ свою адвокатскую практику и въ жизнь частнаго человѣка среди многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, охотно посѣщавшихъ гостепріимнаго, веселаго и ласковаго, «превосходнаго», какъ его звали, «господина Дантона».

Но вдругъ онъ, котораго уже начинали забывать, появился совершенно неожиданно въ ноябрѣ 1790 г. 20 числа этого мѣсяца. Національное собраніе отвергло предложеніе одного

---

[1]) Для исторіи кордельерскаго клуба много дѣлаетъ *Albert Mathiez* (Le club des Cordeliers), между прочимъ издающій его документы.

члена потребовать отставки всѣхъ министровъ, какъ ретроградовъ. Это вызвало сильное движеніе въ секціяхъ. Одна изъ нихъ, Mauconseil, скоро сдѣлавшаяся вожакомъ остальныхъ, предложила имъ возбудить передъ Національнымъ собраніемъ обвиненіе противъ министерства. Тѣ согласились и выбрали комиссаровъ, которые должны были выработать текстъ обращенія къ собранію. Байльи согласился стать во главѣ депутаціи, но каково было его неудовольствіе, когда лицомъ, уполномоченнымъ секціями говорить передъ собраніемъ, оказался Дантонъ. 10 декабря онъ и выступилъ съ очень рѣзкою рѣчью, требовавшею удаленія министровъ, не пользующихся общественнымъ довѣріемъ. Министры черезъ нѣсколько дней сами подали въ отставку.

Послѣ этого успѣха Дантонъ какъ бы снова почувствовалъ вкусъ къ общественной дѣятельности и сталъ въ январѣ 1791 г. добиваться избранія въ члены департаментской администраціи. Добиться этого ему удалось послѣ ряда проваловъ на баллотировкѣ. Собраніе выборщиковъ состояло изъ умѣренныхъ монархистовъ, и вопросъ, какъ это случилось, что Дантонъ былъ все-таки избранъ, допускаетъ только предположительное рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что ему на сей разъ покровительствовалъ вліятельный Мирабо не то потому, что разсчитывалъ его подкупить, не то какъ врага и ему самому непріятнаго Лафайета. Какъ бы то ни было, товарищами Дантона въ «Департаментѣ» оказались умѣренные дворяне и буржуа, и, принимая избраніе, онъ писалъ: «я не обману надеждъ тѣхъ, которые не считали меня неспособнымъ соединить съ порывами пламеннаго патріотизма духъ необходимой умѣренности, чтобы вкусить отъ плодовъ нашей благополучной революціи». Письмо это до крайности удивило департаментскихъ администраторовъ, и, чувствуя себя въ одиночествѣ въ новомъ собраніи, Дантонъ скоро къ нему охладѣлъ и пересталъ въ немъ появляться, мало вообще расположенный къ будничной работѣ. Якобинскій клубъ былъ для него болѣе привлекательной ареной, гдѣ, какъ и въ секціонныхъ собраніяхъ, онъ давалъ волю своему темпераменту, громилъ королевскій дворъ, требовалъ замѣны Національнаго собранія новымъ, нападалъ на всѣхъ «модерантистовъ», начиная съ Сійеса и кончая Лафайетомъ. Съ послѣднимъ у него вышелъ новый конфликтъ. Дантонъ со своимъ кордельерскимъ батальономъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые не позволили, 18 апрѣля 1791 г., Людовику XVI выѣхать изъ Парижа въ Сенъ-Клу, а Лафайетъ поспѣшилъ на мѣсто происшествія, чтобы защитить короля. Дѣло не ограничилось перебранкой между ними: въ своей секціи Дантонъ обвинялъ Лафайета въ намѣреніи стрѣлять въ народъ, но

Лафайетъ заставилъ его потомъ въ «Департаментѣ» формально и письменно отказаться отъ этого обвиненія.

Попытка бѣгства, сдѣланная Людовикомъ XVI въ іюнѣ 1791 г., дала поводъ для цѣлаго ряда выступленій Дантона передъ народною толпою около Тюйлери, въ клубахъ, въ секціи Французскаго театра. Въ своихъ страстныхъ рѣчахъ онъ указывалъ на измѣну правителей («tous vos chefs sont des traîtres»), въ особенности же Лафайета, на опасный заговоръ противъ націи, но въ его рѣчахъ не было ни слова о республикѣ, о которой уже начинали поговаривать у кордельеровъ. Среди многихъ французовъ эпохи былъ въ ходу, такъ сказать, республиканизмъ по Плутарху, чисто теоретическій и платоническій, и такимъ именно отвлеченнымъ республиканизмомъ отличался Дантонъ, который въ эти тревожные дни продолжалъ стоять на общей многимъ французамъ эпохи точкѣ зрѣнія демократической (въ нѣсколько буржуазномъ пониманіи) республики. Другое дѣло—вопросъ о личности короля: Людовикъ XVI могъ быть замѣненъ другимъ лицомъ. Если, напр., Оларъ не допускаетъ, чтобы Дантонъ думалъ въ эту минуту о герцогѣ Орлеанскомъ, то Маделенъ, наоборотъ, считаетъ это весьма вѣроятнымъ. Вопросъ, по моему мнѣнію, остается открытымъ. Достовѣрно лишь то, что у кордельеровъ уже начали говорить о республикѣ, что за республику высказался Маратъ и что имъ потребована была диктатура, при чемъ въ диктаторы онъ предлагалъ съ своей стороны не кого иного, какъ Дантона. Что орлеанистская интрига сильно работала въ эти дни, тоже хорошо извѣстно, и по ея поводу ходила пѣсенка, въ которой Дантону приписывалась подготовка секцій.—Это обращеніе къ имени Дантона въ критическую минуту, переживавшуюся Франціей, очень характерно для тогдашняго настроенія парижанъ: одни думали о диктатурѣ Дантона, другіе полагали, что Дантонъ можетъ расчистить путь для герцога Орлеанскаго. Самъ онъ, повидимому, былъ очень далекъ отъ мысли о власти. Во всякомъ случаѣ онъ былъ противъ возстановленія Людовика XVI. «Кто это предложилъ бы сдѣлать, восклицалъ онъ, тотъ былъ бы въ моихъ глазахъ или дуракомъ, или измѣнникомъ!.. Пусть Національное собраніе трепещетъ! Нація, возрождающаяся къ свободѣ, подобна Геркулесу, который сокрушилъ змѣй, хотѣвшихъ его задушить. Она совершитъ еще двѣнадцать подвиговъ и раздавитъ всѣхъ своихъ враговъ». Въ населеніи Парижа наиболѣе популярнымъ лозунгомъ было требованіе низложенія Людовика XVI, и уже раздавались голоса въ пользу республики. Текстъ пе-

тиціи, которую народъ приглашался подписывать 17 іюля на Марсовомъ полѣ, въ концѣ концовъ, получилъ прямо республиканскій характеръ, и это, повидимому, было причиной того, что ни самъ Дантонъ, ни его присные (кромѣ Лежандра) не присоединились къ манифестантамъ на Марсовомъ полѣ, хотя это, однако, не спасло Дантона отъ обвиненія въ подстрекательствѣ по случаю одной изъ его рѣчей, вызванныхъ бѣгствомъ короля. Въ началѣ августа былъ даже изданъ приказъ объ арестѣ Дантона, но онъ предпочелъ оставить Парижъ и уѣхать сначала въ родной Арсисъ, а потомъ въ Англію.

Біографъ—панегиристъ Дантона, д-ръ Робине, сдѣлалъ изъ этой его поѣздки въ Англію своего рода политическое событіе, значенія котораго она не имѣла, и даже посвятилъ ей цѣлую книгу. Притомъ отсутствіе Дантона было кратковременнымъ, и въ началѣ сентября, къ выборамъ въ Законодательное собраніе, онъ былъ уже снова въ Парижѣ. Его горячимъ желаніемъ было попасть въ число депутатовъ, но кандидатура его ни въ Парижѣ, ни въ Марсели, гдѣ тоже ставилась, не имѣла успѣха. Эта неудача такъ подѣйствовала на Дантона, что онъ опять ушелъ въ себя, уединился, пересталъ показываться въ якобинскомъ и кордельерскомъ клубахъ, не выступалъ, и какъ адвокатъ, въ судѣ. Это удаленіе отъ дѣлъ продолжалось три мѣсяца, пока совершенно неожиданно для себя онъ не былъ избранъ 1.162 голосами противъ 654 на должность замѣстителя прокурора-синдика парижской коммуны при прокурорѣ Манюэлѣ, одномъ изъ его присныхъ, и новомъ мэрѣ Петіонѣ. Дантонъ былъ очень польщенъ этимъ избраніемъ и въ своей рѣчи при вступленіи въ должность, 20 января 1792 г., далъ волю своимъ благожелательнымъ чувствамъ, своему желанію понравиться тѣмъ людямъ, которые его раньше отвергали, и потребности оправдаться отъ взведенныхъ на него навѣтовъ. Его, въ этой рѣчи, радовало, что онъ «съ Тарпейской скалы перешелъ на Капитолій», и, не отказываясь отъ защиты дѣла «святой революціи» до послѣднихъ силъ своихъ, обѣщалъ «снискать уваженіе благонамѣренныхъ людей, тоже желающихъ свободы, но боящихся ея бурь». Конечно, соглашался онъ, онъ готовъ былъ идти на крайности, чтобы не быть слабымъ, но если онъ покровительствовалъ «одержимымъ» во имя свободы (намекъ на Марата), то лишь съ цѣлью держать въ страхѣ «измѣнниковъ, покровительствующихъ ехиднамъ аристократіи». Цѣлью его, единственною цѣлью будетъ поддерживать дѣйствующую конституцію, принятую королемъ и желанную для народа. Пусть, прибавилъ онъ, конституціонная монархія про-

длится во Франціи больше вѣковъ, чѣмъ просуществовала деспотическая королевская власть»!— «Я, сказалъ онъ еще, громко стану требовать смерти для того, кто поднялъ бы клятвопреступную руку противъ конституціи, будетъ ли это мой братъ, мой другъ, мой собственный сынъ». Рѣчь Дантона произвела сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, которые устроили ему шумную овацію: на этой рѣчи отразилось то оптимистическое настроеніе, которое царило во всей Франціи послѣ введенія конституціи 1791 года. Заявленія Дантона въ зиму 1791—1792 г. были вообще проникнуты конституціонною лойяльностью и стремленіемъ къ законности. Такая сдержанность мало, однако, гармонировала съ бурнымъ характеромъ замѣстителя прокурора, и уже съ марта 1792 г. время отъ времени въ своихъ рѣчахъ въ якобинскомъ клубѣ Дантонъ сталъ возвращаться къ прежнему страстному тону, къ прежней крикливой фразеологіи. Безъ этого возвращенія къ тому, что́ не безъ основанія принималось многими за простую демагогію, Дантонъ стоялъ бы на министерской чредѣ. Одинъ изъ жирондистскихъ лидеровъ, Бриссо, находился съ Дантономъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, и его имя прямо называли въ числѣ будущихъ министровъ, но какъ-разъ рѣзкія выступленія Дантона не позволили включить его имя въ списокъ министерства, получившаго названіе жирондистскаго. Робеспьеръ, уже тогда завидовавшій Дантону, очень боялся перспективы видѣть его въ числѣ министровъ, и между обоими началось сближеніе съ отдаленіемъ Дантона отъ Бриссо. Къ двору онъ и раньше не былъ расположенъ, а тутъ еще изъ-за пустяковъ, въ сущности, онъ разссорился съ лафайетовскимъ большинствомъ генеральнаго совѣта коммуны, на которое сталъ смотрѣть тѣми же глазами, какъ и на дворъ. Все рѣзче и рѣзче дѣлались его нападки въ якобинскомъ клубѣ противъ Лафайета, котораго требовалъ лишить главнаго начальства надъ арміей, и т. д. Чтобы добиться удаленія Лафайета, Дантонъ хотѣлъ поднять парижскія секціи, которыя должны были послать въ Законодательное собраніе депутацію къ требованіемъ отставки генерала. Въ возстаніи 20 іюня 1792 г. Дантонъ, впрочемъ, не принималъ участія, но за то оно ему показало, какимъ способомъ можетъ быть совершена новая революція. Менѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ 20 іюня, эта революція произошла, и Дантонъ очутился въ роли министра юстиціи.

II.

Уже упоминавшійся мною критикъ книги Маделена, проф. Матьезъ, находитъ, что ея авторъ сильно преувеличилъ роль Дантона въ переворотѣ 10 августа, положившемъ конецъ монархіи во Франціи. Къ страницамъ книги, касающимся этого вопроса, онъ дѣлаетъ нѣсколько поправокъ, но какъ бы ни были онѣ справедливы, общая выдающаяся роль Дантона,—какъ, конечно, не единственнаго дѣятеля революціи 10 августа,—не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ событіи, какъ и обо всемъ времени съ 20 іюня до самаго почти конца 1792 г., есть капитальный трудъ, въ 1.200 страницъ, проф. Брэша (Braesch), въ которомъ очень подробно разсказывается, что́ происходило въ Парижѣ во второй половинѣ 1792 г. и какую роль въ событіяхъ играли какъ цѣлыя общественныя группы, такъ и отдѣльныя лица [1]). Книга эта отнюдь не опровергаетъ общій выводъ Маделена, который основывается на взглядахъ, высказывавшихся еще современниками событія. Дантонъ вдвойнѣ подготовилъ этотъ переворотъ, во-первыхъ, способствуя секціонному движенію, его произведшему, во-вторыхъ, непосредственнымъ участіемъ въ самомъ предпріятіи въ ночь съ 9 на 10 августа.

Извѣстно, что за допущеніе безпорядковъ 20 іюня мэръ Петіонъ чуть-было не поплатился своимъ мѣстомъ. У Законодательнаго собранія вынудили возвращеніе должности мэру, уже получившему отставку, и въ агитаціи, которая этому предшествовала, видную роль сыгралъ Дантонъ. Секція Французскаго театра пустила въ ходъ мысль, уже ранѣе высказанную Дантономъ, о необходимости единовременнаго и солидарнаго соединенія секцій, и Петіонъ созвалъ въ Ратушѣ центральное бюро для сношеній между всѣми секціями Парижа. Здѣсь не мѣсто разсказывать объ этомъ секціонномъ движеніи, предшествовавшемъ революціи 10 августа и подробно изслѣдованномъ въ книгѣ Брэша [2]). Отмѣчу только, что дантоновская секція одна изъ первыхъ пригласила въ свои собранія всѣхъ гражданъ, а не однихъ только активныхъ, какъ полагалось по закону, и потребовала передачи въ ея завѣдованіе артиллерійскаго парка

---

1) *Fr. Braesch.* La Commune du dix août. 1911. Объ этой книгѣ см. въ моихъ „Парижскихъ секціяхъ“ и въ первой серіи моихъ „Бѣглыхъ замѣтокъ по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи“.

2) См. о немъ въ моей статьѣ „Политическія выступленія парижскихъ секцій въ эпоху французской революціи“ (*Рус. Бог.* за 1912 г.).

на Новомъ Мосту, ведшемъ изъ секціи къ Тюйлерійскому дворцу. Равнымъ образомъ, Дантонъ же настаивалъ на томъ, чтобы «федераты» изъ всей Франціи не покидали Парижа послѣ своего участія въ празднованіи третьей годовщины взятія Бастиліи. Однако, 5 августа онъ внезапно уѣхалъ въ родной городъ по семейнымъ дѣламъ,—одна изъ обычныхъ неожиданностей въ поведеніи Дантона,—и вернулся въ Парижъ только утромъ 9 числа, наканунѣ переворота, въ которомъ онъ и сыгралъ свою роль. Ратушей завладѣли делегаты секцій и образовали революціонную коммуну; король былъ взятъ подъ стражу, и Законодательное собраніе, рѣшивъ передать судьбы Франціи Національному конвенту, вручило исполнительную власть совѣту изъ выбранныхъ имъ министровъ, постановивъ предоставить въ немъ первое мѣсто тому, кто получитъ наибольшее количество голосовъ. Изъ 285 голосовъ 222 было подано за Дантона: большинство «законодателей» хотѣло дать полное удовлетвореніе парижской массѣ, въ которой къ этому времени популярность Дантона достигла своего апогея, да и его одного только считали способнымъ справиться съ этою массой.

Въ Законодательномъ собраніи Дантона, когда онъ туда явился, встрѣтили апплодисменты и съ депутатскихъ мѣстъ, и съ переполненныхъ трибунъ для публики. «Граждане,—сказалъ новый министръ собранію,—французская нація, утомленная деспотизмомъ, совершила революцію. Въ своемъ излишнемъ великодушіи, однако, она вошла въ сдѣлку со своими тираннами, но опытъ ей скоро показалъ, что отъ ея прежнихъ притѣснителей ей нельзя ждать ничего хорошаго. Она должна вступить въ свои права. Но всегда и въ особенности въ отдѣльныхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ начинается дѣйствіе правосудія, народной мести не должно быть мѣста (là doivent cesser les vengeances populaires). Я беру на себя передъ Національнымъ собраніемъ обязательство охранять людей, находящихся передо мною: я пойду впереди ихъ и я за нихъ отвѣчаю». Черезъ недѣлю Дантонъ обратился съ циркуляромъ къ судамъ, представлявшимъ собою настоящую апологію «достопамятнаго, святого и тысячу разъ счастливаго возстанія 10 августа». Дѣло представлено въ этомъ оффиціальномъ истолкованіи событія такъ: въ Тюйлерійскомъ дворцѣ образовался обширный заговоръ, но въ самый моментъ, когда его стали приводить въ исполненіе, «мужество федератовъ 83 департаментовъ и 48 секцій столицы» спасло націю. «На томъ мѣстѣ, сказано далѣе въ этомъ документѣ, на томъ мѣстѣ,... на которое я пришелъ че-

резъ брешь Тюйлерійскаго дворца, вы будете во мнѣ постоянно и неизмѣнно видѣть прежняго же предсѣдателя той самой секціи Французскаго театра, которая такъ сильно содѣйствовала революціи 14 іюля 1789 г. подъ именемъ Кордельерскаго дистрикта, и революціи 10 августа 1792 г. подъ именемъ Марсельской секціи. Суды найдутъ во мнѣ все того же человѣка, всѣ мысли котораго направлены къ одной и той же цѣли—къ политической и индивидуальной свободѣ, къ охранѣ законовъ, общественнаго спокойствія, единства 83 департаментовъ, величія государства, благосостоянія французскаго народа и къ равенству, но не невозможному равенству имуществъ, а равенству правъ и счастья». Дальше въ циркулярѣ суды предостерегались относительно «инцивизма», примѣры котораго подавали нѣкоторые изъ нихъ (между прочимъ, судъ VI парижскаго округа, въ свое время приказавшій арестовать Дантона), и приглашались «направить противъ измѣнниковъ и враговъ отечества мечъ закона, который хотѣли видѣть въ ихъ рукахъ направленнымъ противъ апостоловъ свободы. Пусть начнется правосудіе трибуналовъ, и тогда прекратится правосудіе народа».

Занявъ постъ министра юстиціи, Дантонъ чувствовалъ себя больше «министромъ революціи». Вмѣстѣ съ нимъ въ министерство юстиціи и въ роли начальниковъ канцелярій, секретарей, вошли такіе кордельерскіе друзья Дантона, какъ Фабръ, Демуленъ и др. Одни судебные дѣятели были отставлены, а при назначеніи новыхъ прямо рекомендовалось избѣгать «людей, пачкавшихся наукой правосудія», ибо «люди, сдѣлавшіе своимъ ремесломъ судить людей, то же самое, что и жрецы: тѣ и другіе вѣчно обманывали народъ». Какъ «le premier élu» и по своему личному характеру, Дантонъ игралъ первенствующую роль въ министерствѣ. Точно рожденный для того, чтобы повелѣвать, онъ чувствовалъ себя въ своей стихіи и притомъ не только по отношенію къ своимъ товарищамъ, но и по отношенію къ Законодательному собранію, доживавшему послѣдніе дни.

Не нужно забывать, среди какихъ обстоятельствъ Дантонъ принялъ на себя управленіе Франціей. Въ странѣ царила анархія; черезъ восточную границу вторгалось иностранное войско; въ арміи былъ разладъ, финансы совершенно разстроены. Вышло какъ-то такъ, что другіе министры сразу же отдали въ руки Дантона все: и вліяніе на общественное мнѣніе, и веденіе войны, и дипломатическіе переговоры. Только черезъ нѣсколько дней послѣ переворота министры стали собираться не у Дан-

тона, въ зданіи министерства юстиціи, а въ Тюйльерійскомъ дворцѣ, и постановили предсѣдательствовать по очереди, каждый—одну недѣлю, но эта внѣшняя перемѣна не коснулась существа вещей. Изъ-подъ пера одного Дантона вышла правительственная прокламація къ народу, въ которой говорилось о военной опасности, грозившей самому Парижу, съ такою прибавкою: «среди васъ есть измѣнники, безъ которыхъ война скоро кончилась бы». Опять-таки Дантону было поручено освѣдомить Національное собраніе относительно мѣръ, принятыхъ совѣтомъ министровъ, и это тогда онъ впервые сказалъ то, что́ впослѣдствіи вылилось въ его знаменитую фразу о необходимости «дерзать» для того, чтобы побѣдить (слова его рѣчи 2 сентября: «pour vaincre il nous faut de l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace»). Національное собраніе тоже безусловно подчинялось руководимому Дантономъ министерству. Въ провинціи на министра юстиціи смотрѣли, какъ на универсальнаго въ своемъ родѣ министра, и къ нему одному обращались мѣстныя власти, какъ къ прямому своему начальнику.

Нужно было, дѣйствительно, обладать недюжинными правительственными способностями не только для того, чтобы подчинить себѣ и своихъ товарищей, и представителей народа, но сразу же установить и немедленно же начать съ твердостью проводить въ жизнь нѣкоторый общій планъ спасенія отечества. Съ внѣшнимъ врагомъ надо было бороться до конца, не отчаяваясь ни при какихъ неудачахъ, а чтобы побѣдить, нужно было соединить подъ своего рода диктатурой революціонной партіи всѣ патріотическіе элементы, не исключая вчерашнихъ монархистовъ, которыхъ нужно было успокоить относительно ихъ собственности, не доводя вмѣстѣ съ тѣмъ до отчаянія и духовенство. Между собраніемъ, исполнительнымъ совѣтомъ и парижской коммуной должна была быть установлена полная солидарность. На войнѣ генераламъ должна была быть предоставлена полная свобода дѣйствій, и оказываемо довѣріе даже людямъ нѣсколько подозрительнымъ въ расчетѣ на ихъ патріотическую лояльность. Наконецъ, имѣлось въ виду ловкими дипломатическими переговорами разъединить Пруссію, какъ «естественнаго друга», отъ Австріи, этого «наслѣдственнаго врага», а главное—добиться союза съ Англіей. Съ другой стороны, однако, надлежало не упускать изъ виду внутреннихъ враговъ, и тутъ Дантонъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ всѣхъ революціонныхъ элементовъ, не останавливался передъ самыми

крайними мѣрами, какъ массовые аресты и кары для острастки.

Въ концѣ августа и въ началѣ сентября положеніе дѣлъ на войнѣ было таково, что черезъ недѣлю можно было опасаться появленія нѣмцевъ и эмигрантовъ въ самомъ Парижѣ. Въ Національномъ собраніи и въ отдѣльныхъ министерствахъ общимъ лозунгомъ было: «вонъ изъ Парижа»! Одинъ Дантонъ не потерялъ присутствія духа. «Франція въ Парижѣ», объявилъ онъ. «Роланъ, Роланъ,—говорилъ Дантонъ своему товарищу по исполнительному совѣту,—остерегись говорить о бѣгствѣ, побойся, какъ бы не услышалъ тебя народъ». Для Дантона остаться въ Парижѣ нужно было потому, что Парижъ сдѣлалъ революцію, и онъ же былъ призванъ ее упрочить. Желаніе жирондистовъ перенести правительственный центръ въ направленіи Луары казалось ему очень подозрительнымъ; притомъ же ему было извѣстно, что на западѣ готовилось роялистическое возстаніе. Въ эти дни Дантонъ проявилъ необычайную энергію. Въ Національномъ собраніи онъ требовалъ чрезвычайнаго набора войскъ, потому что, какъ выразился онъ, «только національной конвульсіей можно было бы прогнать деспотовъ».—«Когда, говорилъ онъ еще, корабль терпитъ крушеніе, экипажъ бросаетъ въ море все, что увеличиваетъ опасность. Точно такъ же все, что можетъ вредить націи, должно быть выброшено изъ ея нѣдръ, и все, что можетъ быть ей полезно, должно быть передано муниципалитетамъ подъ условіемъ вознагражденія собственниковъ». И онъ потребовалъ, чтобы собраніе дало право и поставило въ обязанность муниципалитетамъ собрать всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, одѣть и обуть ихъ, снабдить всѣмъ необходимымъ и отправить на границы. На восточную окраину государства Дантонъ послалъ комиссаровъ съ широкими полномочіями, и когда на нѣкоторыхъ изъ этихъ комиссаровъ стали жаловаться Дантону, какъ на очень грубыхъ людей, онъ закричалъ: «а вы, что же, думали, что мы къ вамъ отправимъ барышенъ»! Эти комиссары, среди которыхъ были и кордельерскіе друзья Дантона, были самыми послушными агентами его власти и въ провинціи.

Внутри Парижа Дантона очень безпокоили тренія, начавшіяся между собраніемъ и коммуною [1]). Послѣдняя, образовавшись въ ночь на 10 августа, была его роднымъ дѣтищемъ, и въ ней онъ видѣлъ наилучшее орудіе для проведенія въ жизнь

---

[1]) Подробности у Брэша (см. выше) и въ книгѣ *Lacombe* „La commune révolutionnaire", оставшейся неизвѣстною Маделену.

своихъ мѣропріятій. Дантонъ старался убѣдить собраніе, чтобы оно было помягче по отношенію къ коммунѣ, а коммунѣ внушить нѣкоторую умѣренность, что́, конечно, было трудно, особенно въ виду того, что самъ же онъ въ одной изъ рѣчей далъ знаменитый лозунгъ попугать роялистовъ (il faut faire peur aux royalistes).

Коммуна и нѣкоторыя секціи скоро, на самомъ дѣлѣ, и «попугали роялистовъ» ужасною бойнею, которую устроили въ первыхъ числахъ сентября, когда отъ руки остервенѣлыхъ убійцъ въ тюрьмахъ Парижа погибла масса народа, въ томъ числѣ много стариковъ, женщинъ и дѣтей. Извѣстно, что отношеніе Дантона къ «сентябрскимъ убійствамъ» занимало многихъ историковъ. Были ли эти убійства прямо вызваны Дантономъ, или онъ только ихъ предвидѣлъ и, предвидя, не то думалъ ихъ предупредить, не то считалъ невозможнымъ остановить, или, быть можетъ, самъ ихъ допустилъ? Аресты родственниковъ эмигрантовъ и нѣкоторыхъ священниковъ, равно какъ домашніе обыски у подозрительныхъ были сдѣланы во второй половинѣ августа по иниціативѣ самого Дантона,—это не подлежитъ сомнѣнію,—но, думаютъ нѣкоторые, этими мѣрами «легальнаго террора» Дантонъ предполагалъ удовлетворить людей, желавшихъ наказанія измѣнниковъ. Въ одномъ его заявленіи, которое не предназначалось для публики, мы находимъ мысль о томъ, что для предупрежденія рѣзни, быть можетъ, народу слѣдовало бы бросить нѣсколько головъ, при чемъ имѣлись въ виду швейцарцы, стрѣлявшіе въ народъ 10 августа: безъ этого, по его мнѣнію, народъ былъ бы, пожалуй, доведенъ до того, что самъ начнетъ расправляться (sera réduit à faire justice lui même). Ради этого онъ даже торопилъ судей постановлять приговоры. Мѣра эта, однако, не успокаивала народъ, а, наоборотъ, еще больше разжигала страсти, тѣмъ болѣе, что въ томъ же направленіи дѣйствовали рѣчи самого Дантона. Для приведенія въ дѣйствіе «народнаго правосудія» въ коммунѣ образовался особый комитетъ, о которомъ говорили вслухъ. Дантонъ, во всякомъ случаѣ, не помѣшалъ ему дѣйствовать и ограничился только тѣмъ, что лично спасъ нѣсколькихъ человѣкъ отъ смерти. Послѣ сентябрьскихъ убійствъ, съ другой стороны, Дантонъ тоже не выразилъ своего негодованія по поводу того, что́ произошло, и не принялъ никакихъ мѣръ для того, чтобы наказать убійцъ. Среди противорѣчивыхъ мнѣній современниковъ о поведеніи Дантона въ эти дни, кажется, наиболѣе близкимъ къ истинѣ будетъ принять, что Дантонъ не участвовалъ въ подготовкѣ массовыхъ убійствъ начала сентября, но предвидѣлъ ихъ возможность и по тѣмъ или

другимъ соображеніямъ не пожелалъ ихъ предупредить, и что когда ужасное дѣло кончилось, онъ не только не прибѣгъ къ репрессіямъ, но даже помѣшалъ, чтобы таковыя были. Мало того, есть указанія на то, что онъ непрочь былъ, чтобы ему приписали эти ужасы или, по крайней мѣрѣ, думали, что онъ ихъ одобряетъ. Коммуна, во всякомъ случаѣ, шла дальше Дантона, и когда въ ней возникъ планъ во вторую очередь расправиться по-сентябрьски и съ жирондистами, онъ этому помѣшалъ.

Организуя національную защиту, Дантонъ полагался не на одну силу оружія, но и на дипломатію. Реалистъ въ политикѣ до мозга костей, онъ плохо вѣрилъ «въ войну противъ всѣхъ деспотовъ» и принималъ только войну «съ вѣнскимъ тиранномъ». Его мечтою было отвлечь Пруссію отъ союза съ Австріей и привлечь на сторону Франціи Англію. Съ прусскимъ королемъ онъ вступилъ въ переговоры, равно какъ завязывалъ сношенія въ Англіи. Конечно, на этомъ пути его встрѣчали большія трудности, но его настойчивость отъ этого нисколько не уменьшалась.

Между тѣмъ подошло время выборовъ въ Національный конвентъ. Маратъ пропагандировалъ для Парижа кандидатуру Робеспьера, Дантона и нѣкоторыхъ членовъ коммуны, но и мысли не допускалъ, чтобы выборъ могъ пасть на кого-либо ихъ жирондистовъ. Самъ Дантонъ не былъ такъ исключителенъ и соглашался на кандидатуру Петіона, обвинявшагося Маратомъ въ «бриссотизмѣ». Въ Парижѣ Дантонъ оказался выбраннымъ блестяще: 638 голосами изъ 700; самъ Робеспьеръ собралъ только 338 голосовъ. Съ Дантономъ прошли также и наиболѣе видные изъ членовъ его министерскаго «кабинета». Такъ какъ собравшійся 21 сентября Конвентъ сразу не назначилъ ему преемника на министерскомъ посту, Дантонъ продолжалъ его занимать еще около трехъ недѣль. Въ это время дѣла французовъ на войнѣ пошли лучше, непріятель очистилъ территорію, и тогда, 11 октября, Дантонъ подалъ въ отставку.

Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что, не принявъ никакого участія въ обсужденіи Конвентомъ вопроса о монархіи и республикѣ, Дантонъ тогда произнесъ рѣчь, въ которой защищалъ право собственности. Онъ хотѣлъ, именно, успокоить добрыхъ гражданъ, «которые могли бы подумать, что горячіе друзья свободы способны нанести вредъ общественному порядку, сдѣлавъ преувеличенные выводы изъ своихъ принциповъ», и предложилъ объявить, что «всѣ виды собственности поземельной, индивидуальной и индустріальной будутъ сохранены на

вѣчныя времена». Въ это время у него было уже довольно округленное состояніе, увеличившееся благодаря цѣлому ряду семейныхъ покупокъ. (Оставляемъ пока въ сторонѣ вопросъ о состояніи Дантона, привлекшій къ себѣ въ послѣднее время вниманіе проф. Матьеза). Въ Конвентѣ онъ сразу занялъ вліятельное положеніе, выбранный, между прочимъ, въ конституціонный и дипломатическій комитеты, какъ позднѣе, когда образовался комитетъ общественнаго спасенія, онъ былъ выбранъ и въ этотъ послѣдній. У него было свое отношеніе ко многимъ тогдашнимъ политическимъ вопросамъ. Въ сентябрѣ 1792 г. у него не было ни малѣйшаго желанія укрѣпить республику пролитіемъ королевской крови, и онъ даже обѣщалъ спасти Людовика XVI. Повидимому, Дантонъ не считалъ республику во Франціи особенно прочнымъ дѣломъ и, быть можетъ, поэтому испугался, когда Манюель предложилъ-было отдать вопросъ о республикѣ на всеобщее голосованіе. Вмѣстѣ съ этимъ казнь короля не могла не казаться ему опасной, какъ вызовъ монархической Европѣ. Прежняя мысль объ единеніи всѣхъ патріотовъ снова стала руководить его дѣйствіями, чѣмъ и объясняются и его желаніе сблизиться съ Жирондой, и его стремленіе не нарушать религіозный миръ «скоропалительнымъ проведеніемъ философскихъ принциповъ, которые лично ему дороги, но для которыхъ народъ, въ особенности народъ деревенскій, еще не созрѣлъ», и его забота о томъ, чтобы собственники не тревожились. Совершенно новое поведеніе Дантона снискало ему большое расположеніе въ правой и въ центрѣ Конвента, вожди жирондистовъ видѣли во всемъ этомъ одно лицемѣріе. Своей задачей они ставили разоблачить этого «интригана», это «чудовище». На выборахъ въ Конвентъ Парижъ отвергъ жирондистовъ, которые чувствовали себя по этому случаю обиженными и соединяли свою обиду съ крайнимъ нерасположеніемъ къ избраннику Парижа.

Отчетъ въ своемъ управленіи, который Дантонъ долженъ былъ представить Конвенту, послужилъ жирондистамъ поводомъ сдѣлать нападеніе на Дантона, поставивъ вопросъ, куда дѣвались такія-то и такія-то суммы, полученныя исполнительнымъ совѣтомъ отъ Законодательнаго собранія. У Дантона былъ прекрасный аргументъ: у правительства были секретные расходы, о которыхъ не приходится говорить во всеуслышаніе; но онъ не сразу прибѣгъ къ этому аргументу, и пока онъ молчалъ, создалось убѣжденіе, что онъ клалъ казенныя деньги въ свой карманъ откуда одинъ шагъ былъ до обвиненія въ расхищеніи цѣ-

лыхъ милліоновъ. Вопросъ создалъ Дантону массу непріятностей, задѣлъ его за живое. Травлею, которой его подвергали жирондисты, сумѣли воспользоваться якобинцы. Въ тотъ самый день, какъ изъ клуба былъ исключенъ жирондистъ Бриссо, Дантонъ былъ выбранъ предсѣдателемъ клуба. Нападки на него въ Конвентѣ съ постоянными криками по его адресу: «les comptes» заставили его броситься въ объятія лѣвой и сблизиться съ Маратомъ и Робеспьеромъ.

III.

Постоянныя нападки Жиронды то на одного, то на другого изъ нихъ заставили всѣхъ сплотиться въ одинъ блокъ. Въ сущности, Дантонъ не любилъ Робеспьера и пользовался такимъ же нерасположеніемъ къ себѣ съ его стороны, но ихъ соединяли одни и тѣ же враги. Примирительная роль, которую собирался сыграть Дантонъ, не удалась, и первымъ отъ этого приходилось пострадать королю. Одинъ изъ Ламетовъ (Теодоръ) обратился къ Дантону съ просьбою спасти Людовика. «Что вы можете,—чего хотите?»—спросилъ его собесѣдникъ. «Вы спрашиваете меня, что я могу, — отвѣчалъ Дантонъ. Что я могу, я не знаю; въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся, что въ состояніи сказать о завтрашнемъ днѣ самый популярный человѣкъ? Я буду откровененъ. Не будучи убѣжденъ въ томъ, чтобы король не заслуживалъ никакого упрека, я нахожу справедливымъ, я считаю правильнымъ избавить его изъ того положенія, въ какомъ онъ теперь. Я пойду на рискъ при малѣйшемъ шансѣ на успѣхъ, но если я потеряю всякую надежду, я вамъ объявляю, я, не желая лишиться въ одно время съ нимъ своей головы, буду среди тѣхъ, которые его осудятъ».—«Къ чему, сказалъ Ламетъ, вы прибавили послѣднія слова»?—«Чтобы быть искреннимъ»,—отвѣтилъ Дантонъ. Быть можетъ, онъ думалъ тогда о совмѣстномъ дѣйствіи съ жирондистами, но тѣ его отвергали, а идти рука-объ-руку съ Робеспьеромъ и Маратомъ значило всячески подчеркивать свой цивизмъ, придавая ему рѣзкую и свирѣпую окраску. Правая до самаго послѣдняго момента надѣялась тѣмъ не менѣе, что Дантонъ будетъ не за казнь Людовика.

Какъ это не разъ дѣлалъ Дантонъ, онъ и теперь, огорченный своею неудачею въ дѣлѣ сближенія съ Жирондой, покинулъ Парижъ, тѣмъ болѣе, что ему было интересно на мѣстѣ познакомиться съ

тѣмъ, что дѣлалось въ только-что завоеванной Бельгіи. Населеніе этой страны просило, чтобы за нимъ была сохранена независимость, что соотвѣтствовало и торжественному отказу самой революціи, еще въ 1790 г., отъ какихъ бы то ни было завоеваній. Но Дантонъ до своей поѣздки въ Бельгію уже говорилъ о необходимости присоединенія Женевы, буде оно понадобится, о присоединеніи Савойи. Бельгія тоже должна была быть присоединена: Дантонъ первый заговорилъ о томъ, что сама природа опредѣлила границы Франціи (разумѣя, конечно, Рейнъ), и на мѣстѣ сталъ работать въ пользу присоединенія Бельгіи къ Франціи. Во время процесса короля онъ оставался внѣ Парижа, куда возвратился только къ голосованію, да и то показался въ Конвентѣ не сразу по пріѣздѣ. Вопросъ о виновности короля былъ рѣшенъ безъ Дантона, и безъ него же была отвергнута апелляція къ народу, посредствомъ которой короля думали спасти противники его казни. 16 января 1793 г. рѣшался вопросъ о наказаніи, и Дантонъ вотировалъ смерть, «не желая, какъ онъ мотивировалъ подачу своего мнѣнія, быть въ толпѣ государственныхъ людей (жирондистовъ), которые не знаютъ, что съ тиранами не договариваются и что королей поражаютъ только въ голову».

Черезъ десять дней послѣ казни Людовика XVI Дантонъ произнесъ по внѣшней политикѣ рѣчь, имѣвшую громадное значеніе. Въ этой рѣчи онъ объявилъ, что границами республики должны быть Рейнъ и Альпы. Это была цѣлая политическая программа, правда, не новая, если вспомнить стремленія старой монархіи, но которая опредѣлила собою все направленіе внѣшней политики Франціи съ 1793 г. Конвентъ декретировалъ присоединеніе Бельгіи и отправилъ Дантона въ объявленную присоединенной страну. Началась «якобинизація» этой католической и буржуазной области въ отвѣтъ на сопротивленіе, оказанное большею частью населенія французамъ, «якобинизація», въ которой Дантонъ ничѣмъ не сдерживалъ свой страстный темпераментъ и свою властную волю. Какъ будто подъ вліяніемъ казни короля Дантонъ пустился здѣсь, что называется, во всѣ тяжкія. Онъ и прежде любилъ чувственныя удовольствія, а теперь его кутежи приняли колоссальные размѣры, и уже совсѣмъ новою чертою явилась какая-то дикая кровожадность.

Въ отсутствіе Дантона жена его скончалась, въ чемъ нѣкоторые якобинцы готовы были обвинять жирондистовъ. Огорченный потерею жены, онъ ни разу не показался въ Конвентѣ и опять уѣхалъ въ Бельгію, откуда, однако, очень скоро возвратился въ Парижъ. Въ припадкѣ крайняго возбужденія онъ

произнесъ въ Конвентѣ 8 марта рѣчь о необходимости гражданамъ «летѣть въ Бельгію». Конвентъ принялъ предложеніе и послалъ по всѣмъ секціямъ своихъ комиссаровъ пропагандировать помощь Бельгіи. 10 марта Дантономъ были произнесены двѣ рѣчи, одна о войнѣ съ Англіей, которая не могла равнодушно смотрѣть на то, какъ Франція овладѣвала Бельгіей, другая—объ учрежденіи революціонаго суда. Первая рѣчь противъ Англіи, жестоко обманувшей надежды Дантона, вызвала бурный восторгъ Конвента. Во второй онъ говорилъ о необходимости «серьезныхъ мѣръ противъ внутреннихъ враговъ, которые издѣваются надъ народомъ».—«Отнимите ихъ,—воскликнулъ онъ, у народной мести».—«Сентябрь!» крикнулъ кто-то въ залѣ. «Да,—возразилъ Дантонъ,—тогдашнихъ убійствъ не было бы, если бы былъ правильный судъ: будемъ же страшны, чтобы избавить народъ отъ необходимости быть страшнымъ». Революціонный судъ былъ учрежденъ, тотъ самый судъ, который отправилъ Дантона на эшафотъ черезъ какой-нибудь годъ съ небольшимъ [1]).

Другимъ важнымъ требованіемъ Дантона было созданіе сильнаго правительства, такого, какимъ былъ исполнительный совѣтъ осени 1792 г., въ которомъ самъ онъ игралъ столь важную роль. Средствомъ для этого казалась ему отмѣна постановленія Учредительнаго собранія, запрещавшаго депутатамъ быть министрами. Подобно Мирабо, предлагавшему исключить его изъ пользованія такимъ правомъ, лишь бы было возможнымъ министерство изъ депутатовъ, и Дантонъ «клялся отечествомъ», что онъ никогда не занялъ бы самъ мѣста въ министерствѣ. Едва-ли клятва была искренней, но нужно было во всякомъ случаѣ имѣть большую смѣлость защищать принципъ такого министерства, бывшій весьма непопулярнымъ, вдобавокъ еще, при чуть не общемъ подозрѣніи, что Дантонъ стремится къ диктатурѣ. Въ извѣстіяхъ о засѣданіяхъ Конвента мы, то и дѣло, встрѣчаемся съ такими возгласами по адресу Дантона, какъ напоминаніе, что онъ, пока что, еще не король, или указаніе на то, что онъ ведетъ себя такъ, какъ будто бы былъ королемъ. За Дантона не пошла сама Гора, такъ что ему пришлось снять свое предложеніе. Въ Конвентѣ была особая «комиссія защиты», въ которой большинство принадлежало жирондистамъ, но были и сторонники Дантона. Измѣна Дюмурье послѣ пораженія при Нервинденѣ внесла новый поводъ для раздора между жирондистами и дантонистами, такъ какъ первые стали обвинять вождя вторыхъ въ соучастіи съ

[1]) Новѣйшій трудъ объ этомъ судѣ (еще не оконченный): *Seligman*, La justice pendant la révolution.

генераломъ, измѣнившимъ родинѣ. Когда были еще только первые признаки того, что Дюмурье готовъ былъ отдѣлиться отъ Конвента, Дантонъ его защищалъ, какъ талантливаго полководца, «потерявшаго голову, къ сожалѣнію, въ политикѣ», но дѣло онъ считалъ поправимымъ, ради чего самъ на короткое время съѣздилъ къ Дюмурье. Одного этого было довольно для обвиненія въ соучастіи, такъ что даже стали поговаривать объ арестѣ Дантона, какъ фактѣ, имѣющемъ быть не сегодня-завтра. Впрочемъ, въ томъ же обвинялись своими противниками и сами жирондисты. Даже при такихъ обстоятельствахъ Дантонъ не терялъ надежды на возможность соглашенія съ жирондистами, несмотря на то, что противъ этого были и салонъ г-жи Роланъ, и Робеспьеръ. Дантонъ настаивалъ на забвеніи прошлаго ради согласнаго дѣйствія въ будущемъ. На свиданіи, нарочно устроенномъ для окончательнаго рѣшенія, Гюаде рѣзко заявилъ Дантону, что все онъ готовъ забыть, рѣшительно все, но только не сентябрьскихъ убійцъ и ихъ сообщниковъ. «Война, прибавилъ Гюаде,—война, и пусть одинъ изъ насъ погибнетъ!» Дантонъ схватилъ его за руку и, пристально взглянувъ на него, сказалъ: «Гюаде, Гюаде, ты хочешь войны, тебѣ будетъ смерть!» 25 марта Конвентъ по иниціативѣ Робеспьера, поддержанной Дантономъ, замѣнилъ комиссію защиты съ ея жирондистскимъ большинствомъ новымъ учрежденіемъ—знаменитымъ комитетомъ общественнаго спасенія, въ которомъ жирондисты очутились въ меньшинствѣ и изъ котораго потомъ и совсѣмъ были устранены.

Мечта Дантона о сильномъ правительствѣ при общей солидарности партій, главнымъ образомъ, въ союзѣ съ Жирондою, разлетѣлась, какъ дымъ. Жирондисты стали смотрѣть теперь на Дантона, какъ на главнаго виновника затѣянной противъ нихъ интриги и рѣшились ему мстить. Обвиненіе въ сообщничествѣ съ Дюмурье казалось имъ превосходнымъ для этого средствомъ: генералъ хотѣлъ-де разогнать Конвентъ и возстановить монархію, а Дантонъ было его агентомъ въ Парижѣ, какъ Делакруа другимъ въ Бельгіи, на двухъ концахъ соединительной нити. Произошло бурное засѣданіе 1 апрѣля, въ которомъ одинъ членъ прямо съ трибуны бросилъ въ лицо Дантону обвиненіе, что онъ стремится сдѣлаться королемъ [1]). Дантонъ молчалъ, и только

---

[1]) Обвиненіе въ роялизмѣ было однимъ изъ обычныхъ пріемовъ партійной борьбы. 9 термидора II года подобное обвиненіе было пущено въ ходъ противъ Робеспьера. По моему убѣжденію, и весь роялизмъ 13 вандемьера IV года былъ такою же баснею. См. мою работу „Борьба парижскихъ секцій противъ декретовъ 5 и 13 фрюктидора“ (1914).

его выразительное лицо говорило о томъ, что онъ былъ полонъ гнѣва и презрѣнія. Конвентъ уже декретировалъ назначеніе слѣдственной комиссіи, когда обвиняемый, какъ ужаленный, вскочилъ съ своего мѣста и бросился на трибуну. Правая, однако, не дала ему говорить: пусть онъ объясняется передъ слѣдственной комиссіей, и Дантонъ уже хотѣлъ сойти съ трибуны, когда Гора зашумѣла и стала требовать, чтобы онъ говорилъ. «Вы, закричалъ тогда Дантонъ, хотите умертвить патріотовъ, но народъ не дастся въ обманъ! Вы будете раздавлены Горой»! И, обращаясь къ мѣстамъ, занятымъ монтаньярами, онъ прибавилъ: «я долженъ отдать вамъ справедливость, какъ истиннымъ друзьямъ спасенія народа, граждане, сидящіе на этой Горѣ: вы лучше видѣли вещи, чѣмъ я». Гора разразилась цѣлой бурей рукоплесканій. «Я долго думалъ, продолжалъ Дантонъ, что при всей стремительности моего характера, я долженъ былъ смягчать средства, какими меня надѣлила природа, и въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какія я былъ поставленъ, держаться умѣренности, которую, мнѣ казалось, предписывали мнѣ обстоятельства. Вы обвиняли меня въ слабости, и вы были правы: я признаю это передъ лицомъ всей Франціи». Въ длинной затѣмъ рѣчи, прерывавшейся апплодисментами лѣвой, шумомъ и гамомъ съ правой стороны, онъ оправдывалъ свое прежнее поведеніе. Теперь онъ считалъ для себя позволеннымъ «выйти изъ границъ терпѣнія» и перейти въ наступленіе, разъ на него напали тѣ самые люди, которые должны были бы поздравлять себя съ тѣмъ, что онъ былъ такъ остороженъ и осмотрителенъ. «Чтобы я хотѣлъ короля! кричалъ онъ,—да вѣдь если бы Дюмурье хотѣлъ короля, то только по подстрекательству этихъ самыхъ жирондистовъ, которые вѣчно съ нимъ возились! Да, они одни, только они—соучастники заговора, и это они меня обвиняютъ. Хорошо же! Я вижу, что не можетъ быть больше мира между Горой, патріотами и презрѣнными людьми, которые клеветали на насъ по всей Франціи... А я... я укрѣпился въ цитадели разума и выйду изъ нея съ пушкою истины, чтобы превратить въ пыль всѣхъ моихъ враговъ». Монтаньяры окружили Дантона, обнимали, поздравляли, съ тріумфомъ отвели на его мѣсто.

На слѣдующій день Дантонъ громилъ своихъ враговъ въ якобинскомъ клубѣ и требовалъ возвращенія въ Парижъ всѣхъ монтаньярскихъ депутатовъ, разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ, ибо всѣ патріоты должны были примкнуть къ Горѣ для спасенія республики и «очистки Конвента отъ разныхъ презрѣнныхъ

интригановъ». Дня черезъ два онъ требовалъ въ Конвентѣ, чтобы революціонный судъ началъ дѣйствовать, «дабы можно было избѣжать кровавыхъ сценъ, которыя произошли бы отъ народнаго мщенія». Еще одинъ день, и изъ комитета общественнаго спасенія были устранены всѣ жирондисты, чтобы «не мѣшали работать», и комитетъ этотъ на дѣлѣ сталъ комитетомъ Дантона, какъ позднѣе (въ іюлѣ) сдѣлался комитетомъ Робеспьера. Жиронда попробовала-было предать Марата революціонному суду, но тотъ его оправдалъ, что дало поводъ Дантону привѣтствовать, какъ праздникъ, возвращеніе обвиненнаго врагами депутата въ лоно Конвента.

Началась столь хорошо описанная историками борьба монтаньяровъ и жирондистовъ. Послѣдніе имѣли временный успѣхъ, когда выбрали, по ихъ предложенію, извѣстную «комиссію двѣнадцати», принявшую нѣкоторыя мѣры противъ коммуны, которая стояла на сторонѣ Горы и уже готовила ударъ Жирондѣ. 29 мая Дантонъ со своего мѣста грозилъ парижскими секціями, которыя сумѣютъ заставить изчезнуть «презрѣнныхъ умѣренныхъ» съ ихъ минутнымъ успѣхомъ. Какъ и въ сентябрьскіе дни 1792 г., онъ видѣлъ приготовленія къ нападенію, но на сей разъ печальная судьба готовилась жирондистамъ, ибо они по требованію народа должны были быть исключены изъ Конвента. Не безъ нѣкотораго безпокойства ожидалъ онъ неминуемаго событія, которое должно было окончиться переходомъ власти къ самымъ крайнимъ монтаньярамъ. 30 мая онъ сдѣлалъ еще одну, послѣднюю попытку примиренія. Въ этотъ день Бареръ читалъ въ Конвентѣ докладъ объ общемъ положеніи, но никто не зналъ (да и послѣ обнаружилось это не скоро), что мѣсто въ докладѣ, призывавшее къ единенію, было написано Дантономъ: «пусть пылкіе люди поостерегутся оттолкнуть отъ своихъ рядовъ тѣхъ, у кого душа не такъ сильно стремится къ свободѣ, но которые не менѣе ихъ ее любятъ! Отложимъ наши личныя распри до введенія конституціи».

Но было уже поздно остановить движеніе секцій. Повидимому, Дантонъ думалъ, что все дѣло 31 мая, когда народная толпа произвела свое давленіе на Конвентъ, ограничится уничтоженіемъ «комиссіи двѣнадцати». Дѣло, однако, приняло болѣе серьезный характеръ, и 2 іюня жирондисты оказались исключенными изъ Конвента. Впрочемъ, и теперь Дантонъ не ожидалъ, что многіе изъ нихъ будутъ заключены въ тюрьму и даже преданы смерти. 7 іюня онъ предложилъ-было гарантировать ихъ безопасность выдачею имъ заложниковъ, но, сожалѣя потомъ объ ихъ

судьбѣ, онъ не сдѣлалъ, однако, ровно ничего для того, чтобы ее предотвратить.

Выбранный 6 апрѣля въ комитетъ общественнаго спасенія, переизбранный 10 мая и 10 іюня, будучи только однимъ изъ девяти его членовъ, Дантонъ занялъ въ немъ такое же выдающееся положеніе, какимъ пользовался въ прежнемъ исполнительномъ совѣтѣ. Возвращаясь къ власти, онъ съ самаго же начала формулировалъ свою правительственную программу — «побѣдить непріятеля, возстановить внутри страны порядокъ и создать хорошую конституцію». Дантонъ взялъ въ свое спеціальное завѣдованіе внѣшнюю политику, весною же 1793 г. положеніе Франціи было еще худшимъ, чѣмъ осенью предыдущаго года. Онъ все еще предполагалъ, что удастся разъединить Пруссію и Австрію и даже отвлечь отъ войны Англію, хотя та уже также была въ числѣ враговъ Франціи. Главнымъ его планомъ, однако, теперь было заручиться дружбою второстепенныхъ государствъ: Швеціи, Даніи, Венеціи и Порты, а для этого—да и вообще для всей Европы—нужно было выставить свое миролюбіе. Дантонъ заговорилъ такимъ тономъ, что Робеспьеръ, который еще не былъ тогда въ комитетѣ, встревожился, а клубы и коммуна стали слѣдить за поведеніемъ Дантона не безъ нѣкоторой подозрительности. Еще 13 апрѣля Робеспьеръ потребовалъ въ Конвентѣ назначенія «смертной казни негодяямъ, которые предложили бы вступить въ переговоры съ врагами республики». Дантонъ не рискнулъ перечить, но сумѣлъ добиться отъ Конвента декларацiи, что онъ никоимъ образомъ не станетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ: это былъ молчаливый отказъ отъ недавней политики революціонной пропаганды. Затѣмъ Дантонъ отправилъ цѣлый рядъ дипломатическихъ миссій почти во всѣ второстепенныя государства, не исключая нѣмецкихъ, какъ Баварія, Саксонія, Вюртембергъ, съ успокоительными завѣреніями и даже иногда съ предложеніями союза, а подъ рукой и съ порученіемъ добиваться разрыва между Австріей и Пруссіей. Дантонъ уже предвкушалъ торжество своей политики надъ лигою королей: такъ хорошо налаживались дипломатическіе переговоры, ведшіеся его агентами, которые, кстати сказать, большею частью или по своему происхожденію, или по своимъ мнѣніямъ должны были бы быть въ высшей степени подозрительными клубамъ. Теперь во всей дѣятельности Дантона на первомъ планѣ стояли безопасность, величіе и слава отечества. Пламенный патріотизмъ его рѣчей на эту тему подогрѣвалъ его популярность, для поддержанія которой онъ не побрезговалъ, впрочемъ, и поздравленіемъ парижанъ съ ихъ подвигомъ 31 мая.

Конечно, трудно судить, какіе результаты имѣла бы внѣшняя политика Дантона, удержись онъ у власти, но во внутреннихъ дѣлахъ, несомнѣнно, при Дантонѣ не было многаго изъ того, что потомъ дѣлалось при Робеспьерѣ. Ни жирондистамъ, ни Маріи-Антуанетѣ не грозила смерть, пока Дантонъ оставался у власти. Къ нему, притомъ, въ это время вернулось благодушное настроеніе, которое не исключалось его свирѣпостью въ другія минуты. Въ началѣ іюня онъ вступилъ во второй бракъ. Онъ былъ безъ ума влюбленъ въ молоденькую жену, настоявшую на томъ, чтобы онъ, атеистъ, вѣнчался съ нею въ церкви, для чего, кажется, ему даже пришлось быть на исповѣди у священника. Друзья и сторонники Робеспьера стали жаловаться, что онъ ихъ забываетъ, не ходитъ въ клубъ. Опять на него напала нѣкоторая лѣнь, а между тѣмъ къ прежней работѣ по иностранной политикѣ 29 іюня прибавился порученный ему надзоръ за военнымъ вѣдомствомъ,—новое увеличеніе власти и вліянія. Маратъ, уже отходившій тогда отъ Дантона, негодовалъ на «комитетъ общественной гибели», въ которомъ Дантонъ также началъ рѣже появляться, не ставъ даже защищаться въ Конвентѣ, когда на него тамъ напали за бездѣятельность. При обновленіи состава комитета общественной безопасности 10 іюля Дантонъ уже въ него не попалъ, да и изъ дантонистовъ въ немъ осталось теперь только двое; зато въ составъ его вошли два робеспьериста, Кутонъ и Сенъ-Жюстъ, за которыми вошелъ и ихъ вождь, самъ «неподкупный» Максимиліанъ.

IV.

Это паденіе Дантона произошло какъ-то неожиданно. Свою позицію онъ сдалъ, не сдѣлавъ попытки ее защищать. Правда, онъ пришелъ въ якобинскій клубъ, опровергъ въ немъ клеветы, которыя были на него возведены, и добился успѣха, благодаря которому скоро былъ выбранъ въ предсѣдатели Конвента 161 голосами изъ 186 подававшихъ голоса. Въ Конвентѣ онъ снова потребовалъ учрежденія сильнаго правительства, вооруженнаго дѣйствительными средствами, безъ которыхъ поэтому «ничего, какъ онъ выразился, и не дѣлаютъ». Онъ опять сослался при этомъ на примѣръ исполнительнаго совѣта 1792 г. «Когда, сказалъ онъ, въ прошломъ году въ этомъ совѣтѣ я одинъ взялъ на свою отвѣтственность средства, бывшія необходимыми для великаго толчка, для того, чтобы сдвинуть націю къ границамъ, я гово-

рилъ себѣ: пусть на меня клевещутъ, я это предвижу, мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Хотя бы имя мое пострадало, я спасу свободу... И, прибавилъ онъ, поддерживая свое предложеніе, я объявляю, что никогда самъ не приму участія въ комитетѣ; клянусь въ этомъ свободой отечества». Предложеніе Дантона превратить комитетъ общественнаго спасенія въ настоящее временное правительство тѣмъ не менѣе не прошло. Робеспьеръ видѣлъ въ такой перемѣнѣ только простую ловушку.

Впрочемъ, по внѣшности между Дантономъ и Робеспьеромъ установились наилучшія отношенія. Робеспьеръ даже публично защищалъ Дантона противъ эбертистовъ, обвинявшихъ его въ покушеніи на народное верховенство своимъ предложеніемъ учредить «диктаторіальный комитетъ», чтобы лучше завладѣть милліонами денегъ. Задѣтый за живое, Дантонъ въ августѣ 1793 г. опять бросился въ демагогію, чтобы зажать рты шайкѣ Эбера. Въ одномъ изъ своихъ выступленій онъ предложилъ обложить «богатыхъ эгоистовъ». Въ началѣ сентября онъ говорилъ о необходимости образованія секціонной арміи. Онъ потребовалъ, кромѣ того, чтобы революціонный трибуналъ былъ раздѣленъ на достаточное количество отдѣленій, дабы «каждый день хоть одинъ аристократъ, одинъ злодѣй платился головой за свои преступленія». Опять ему апплодировали, опять устраивали ему оваціи. Когда онъ однажды произнесъ новую рѣчь о необходимости снабженія комитета хорошими «политическими средствами», одинъ членъ Конвента воскликнулъ: «у Дантона революціонная голова; онъ одинъ можетъ исполнить свою идею; я предлагаю противъ него самого включить его въ составъ комитета»! Предложенію апплодировали, и оно было принято, но черезъ два дня, сославшись на свою клятву, Дантонъ отказался. Борьба противъ вліянія Робеспьера мало его привлекала. «Я не пойду ни въ какой комитетъ, громко заявилъ онъ, но буду пришпоривать всѣ» (je serai l'éperon de tous).

И вдругъ послѣ всѣхъ этихъ рѣчей Дантонъ опять словно куда-то провалился. Съ 13 сентября до 22 ноября онъ не произнесъ ни одной рѣчи. Онъ заболѣлъ или только сказался больнымъ, усталый отъ людей, по его характерному признанію. Въ собственномъ клубѣ Дантона, у старыхъ его кордельеровъ, его подозрѣвали въ стремленіи къ диктатурѣ. Эберъ даже прямо повернулъ противъ него его когда-то ему вѣрный клубъ, какъ противъ «модерантиста». Противъ королевы былъ возбужденъ процессъ, въ которомъ Дантонъ видѣлъ помѣху въ дѣлѣ переговоровъ съ иностранными державами. Судъ надъ генераломъ Кю-

стиномъ казался ему тоже опаснымъ прецедентомъ по отношенію къ генераламъ, которые перестанутъ побѣждать. Особенно близко къ сердцу принялъ онъ судьбу жирондистовъ. «Я не могу спасти ихъ», говорилъ онъ одному изъ министровъ, и на глазахъ его выступили слезы, свидѣтельствовавшія о томъ, что нервы его дѣйствительно были не въ порядкѣ. Пролежавъ нѣкоторое время въ постели, Дантонъ переселился въ окрестности Парижа, сначала въ Шуази, потомъ въ Севръ, гдѣ всячески избѣгалъ людей. Наконецъ 21 вандемьера (13 октября) онъ взялъ у Конвента отпускъ для поправленія здоровья и уѣхалъ въ родной городъ. Опять онъ впалъ въ какую-то прострацію. «Дантонъ спитъ,—сказалъ онъ однажды другу, посѣтившему его въ Севрѣ,—но онъ еще проснется». Дѣйствительно, Дантонъ погрузился осенью 1793 г. въ какой-то сонъ.

На родинѣ онъ предался полному отдыху, развлекаясь охотой, рыбной ловлей, своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Единственнымъ болѣе серьезнымъ его занятіемъ была прикупка новыхъ участковъ земли. Въ теченіе шести недѣль, говорятъ, онъ не бралъ въ руки газетъ и раздражался, когда заводили съ нимъ рѣчь о политикѣ. Какъ-то одинъ знакомый принесъ ему «пріятную новость»: жирондисты сложили свои головы. Глаза Дантона наполнились слезами. «Хороша пріятная новость!»—Но вѣдь они были бунтовщиками.—«Бунтовщики! съ горечью въ голосѣ возразилъ Дантонъ. Но развѣ мы не всѣ такіе же бунтовщики? Мы въ такой же мѣрѣ заслуживаемъ смертной казни, какъ и они. Ихъ судьба постигнетъ всѣхъ насъ, однихъ за другими». Съ крайнею неохотою оставилъ Дантонъ свой провинціальный уголокъ, когда парижскіе друзья написали ему, чтобы онъ немедленно возвратился, потому что Робеспьеръ со своими противъ него что-то замышляетъ. Въ Парижѣ кто-то распространилъ слухъ, что Дантонъ эмигрировалъ въ Швейцарію, но слухъ этотъ скоро былъ опровергнутъ появленіемъ самого Дантона.

Трибунъ возвратился въ столицу съ твердымъ рѣшеніемъ «раздавить» Робеспьера, который былъ теперь настоящимъ господиномъ положенія. Терроръ дѣйствовалъ во всю. Погибла на эшафотѣ королева, погибли многіе жирондисты, Филиппъ Орлеанскій, Байльи, и т. д., а съ ними и масса простыхъ смертныхъ, среди нихъ женщинъ, стариковъ, даже дѣтей. Около Робеспьера уже говорили о необходимости вслѣдъ за «бриссотинцами» послать на эшафотъ членовъ другихъ «факцій». Дантонъ былъ въ ихъ числѣ, этотъ, въ глазахъ его враговъ, претендентъ на

регентство при Людовикѣ XVII, подкупленный врагами Франціи. Какъ-то онъ сказалъ Робеспьеру, что такое положеніе не можетъ продолжаться, такъ какъ противно французскому характеру, и что пора открыть тюрьмы, и это дало поводъ Робеспьеру обвинять Дантона въ стремленіи къ контръ-революціи.

Кромѣ Робеспьера, противъ Дантона агитировалъ Эберъ, иниціаторъ «дехристіанизаціи» Франціи и сторонникъ коммунистическихъ идей, тогда какъ Дантонъ былъ противъ и того, и другого. По иниціативѣ Дантона Демуленъ даже основалъ періодическій органъ, «Старый Кордельеръ», для противодѣйствія Эберу. Робеспьеръ былъ тоже врагомъ Эбера, но слишкомъ все понималъ иначе, чѣмъ Дантонъ, дабы могъ идти съ послѣднимъ рука объ руку.

Въ глазахъ Дантона Робеспьеръ, съ которымъ онъ одно время дружилъ, былъ «педантомъ», «евнухомъ», полнымъ «ослиныхъ глупостей (ânneries) и т. п., но онъ долго вѣрилъ въ его дружбу. Пока предстояла борьба съ Эберомъ, Робеспьеръ не раскрывалъ картъ своей игры противъ Дантона, который и на трибунѣ началъ борьбу противъ дехристіанизаціи съ ея «религіозными маскарадами» и «процессіями жрецовъ невѣрія», даже противъ только отдѣленія церкви отъ государства. Но въ то же время Дантонъ высказывался,—не безъ оговорокъ, впрочемъ,—и противъ террора: пусть терроръ «поражаетъ только дѣйствительныхъ враговъ республики, ибо народъ не хочетъ, чтобы всякій, кто родился безъ революціоннаго пыла, въ силу одного этого считался виновнымъ». Полемика съ эбертистами была выгодна Робеспьеру, и какъ ни непріятна была ему проповѣдь противъ террора, сильно задѣвавшая и эбертистовъ, онъ продолжалъ защищать Дантона, между прочимъ, и въ якобинскомъ клубѣ. Демуленъ, отличавшійся вообще наивностью, проводя въ «Старомъ Кордельерѣ» дантоновскую идею замиренія и милосердія, даже вообразилъ, что и Робеспьеръ сдѣлался сторонникомъ этой идеи. Успѣхъ «Стараго Кордельера», вдохновителя котораго публика угадывала въ лицѣ Дантона, былъ огромный, да и Дантонъ все чаще и чаще появлялся теперь на трибунѣ. Это обезпокоило не на шутку подозрительнаго и завистливаго Робеспьера, а Дантонъ, довѣрчивый, безпечный, постоянно возвращался къ своей старой мысли, что не нужно ссориться въ виду врага, что всѣ эти распри даже не могутъ убить хоть бы одного пруссака». «Пожертвуемъ, повторялъ онъ, нашими частными несогласіями и будемъ заниматься только общимъ дѣломъ».

Робеспьеръ, не нападая пока на самого Дантона, компро-

меттировалъ его въ общественномъ мнѣніи, дѣйствуя противъ близкихъ его друзей, раскрывая ихъ разныя болѣе или менѣе некрасивыя дѣла, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и приказывая ихъ арестовывать. Демуленъ былъ въ числѣ такихъ друзей Дантона. Зрѣлище всего, что́ происходило,—крайне удручало Дантона, и онъ опять ослабѣлъ, опустилъ руки. «Какъ ни соблазнительна власть,—говорилъ онъ въ минуты душевной усталости,—стоитъ ли она тѣхъ усилій для ея достиженія, которыя я вижу вокругъ себя?.. Все заставляетъ меня такъ ненавидѣть настоящее, что я порою жалѣю то время, когда весь мой недѣльный заработокъ основывался на бутылкѣ чернилъ». Въ перерывѣ между двумя рѣзко неврастеническими состояніями онъ тѣмъ не менѣе выступалъ съ проповѣдью новой политики, въ которой, опираясь на свой былой революціонный авторитетъ, взывалъ къ умѣренности, къ исправленію сдѣланныхъ ошибокъ, къ избѣжанію новыхъ. Общій упадокъ силъ оратора сказывался, однако, въ его голосѣ, сдѣлавшемся менѣе громкимъ. Вступая въ словесныя битвы со своими противниками, онъ не щадилъ ихъ и произносилъ всякія угрозы, но ничего не дѣлалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, себя обезопасить отъ враговъ. На всѣ предупрежденія друзей, что ему грозитъ арестъ, онъ отвѣчалъ неизмѣннымъ «не посмѣютъ». Онъ даже продолжалъ думать, что съ Робеспьеромъ можно будетъ столковаться. Въ январѣ 1794 года у обоихъ былъ разговоръ. Дантонъ сказалъ, что въ террорѣ, къ сожалѣнію, рядомъ съ виновнымъ гибнетъ и невинный. «Кто вамъ это наговорилъ,—спросилъ Робеспьеръ,—чтобы гибли невинные?» Дантонъ, удивленный этимъ возраженіемъ, обратился къ одному свидѣтелю разговора: «какъ тебѣ это понравится, никто невинно не погибъ!»—и тотчасъ же удалился.

27 февраля 1794 г. (8 вантоза) Сенъ-Жюстъ прочиталъ въ Конвентѣ свой докладъ о зловредныхъ «факціяхъ». Виновными противъ республики оказывались, между прочимъ, всѣ жалѣвшіе заключенныхъ, всѣ не желавшіе террора,—слова, которыми докладчикъ мѣтилъ въ Дантона, который и послѣ этого, напр., въ якобинскомъ клубѣ взывалъ къ «единенію, согласію, единодушію». Докладъ Сенъ Жюста былъ только прелюдіей къ обвинительнымъ актамъ. Первымъ изъ представителей «факцій» палъ Эберъ со своими сторонниками. За пять дней до его казни, бывшей 5 жерминаля (26 марта), произошла послѣдняя встрѣча Дантона съ Робеспьеромъ за обѣдомъ у одного изъ общихъ друзей. Дантонъ умолялъ Робеспьера забыть взаимныя непріятности, чтобы думать только объ отечествѣ, его нуждахъ, опасностяхъ, и говорилъ очень горячо. Робеспьеръ слушалъ съ холоднымъ равнодушіемъ и въ отвѣтъ ки-

нулъ только одну фразу: «съ твоими принципами, съ твоею моралью, пожалуй, никогда не найдутся виновные, которыхъ слѣдовало бы наказать».—«А ты,—спросилъ Дантонъ,—развѣ ты не былъ бы радъ, если бы не было кого наказывать?» По словамъ одного свидѣтеля, Дантонъ даже заплакалъ отъ досады. Въ это время у себя дома Робеспьеръ уже подбиралъ и сортировалъ свои замѣтки, которыя должны были послужить матеріаломъ для взятаго на себя Сенъ-Жюстомъ обвинительнаго акта противъ Дантона. Чего-чего только не было въ этихъ замѣткахъ—и дружба съ Мирабо и съ Ламетами въ 1790 и 1791 г.г., и спасеніе отъ смерти нѣкоторыхъ лицъ въ сентябрѣ 1792 г., и нежеланіе идти противъ жирондистовъ, и намѣреніе оказать содѣйствіе прусскому королю, и отсутствіе уваженія къ добродѣтели, и участіе въ заговорѣ Дюмурье съ Филиппомъ Эгалите, и желаніе быть «терпимымъ примирителемъ въ Конвентѣ», и подача голоса за казнь короля лишь подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, и недавнее предложеніе амнистіи для всѣхъ виновныхъ, все-все, что только могла сохранить память изъ прошлаго Дантона или на его счетъ сочиняла клевета враговъ. На основаніи этого матеріала Сентъ-Жюстъ составилъ свой обвинительный актъ. Дантонъ, не задолго передъ этимъ имѣвшій необычайный успѣхъ въ засѣданіи якобинскаго клуба, считалъ себя внѣ опасности и отказывался предпринимать что-либо, когда ему это совѣтовали друзья, выдвигая послѣднимъ аргументомъ то соображеніе, что если на то пошло, «лучше быть гильотинированнымъ, нежели гильотинировать». Опять онъ перестаетъ являться въ засѣданія, опять постоянно отлучается изъ Парижа, отправляется наслаждаться весеннею природою въ Севръ. Друзьямъ онъ кажется въ это время не то больнымъ, не то утомленнымъ, и они слышатъ отъ него такія рѣчи: «опять нужно было бы проливать кровь; съ меня ея довольно; я достаточно ея пролилъ, когда это считалъ полезнымъ», или еще: «бѣжать, но развѣ уносятъ отечество на подошвахъ своихъ башмаковъ?» А главное—онъ не вѣрилъ въ опасность: «они не посмѣютъ. Видите мою голову? Развѣ она не крѣпко сидитъ на этихъ плечахъ? И зачѣмъ они стали бы меня губить? На кой чортъ? Ради чего?» 30 марта (9 жерминаля) вечеромъ на соединенномъ засѣданіи комитетовъ общественнаго спасенія и общей безопасности, по докладу Сенъ-Жюста, было рѣшено немедленно же арестовать Дантона и его друзей. При арестѣ онъ не сопротивлялся и успокаивалъ плачущую жену словами: «они не посмѣютъ». Весь городъ при вѣсти объ этомъ пришелъ въ сильное возбужденіе, ни на сколько не давая вѣры тому, будто арестованные готови-

лись возстановить монархію. Въ Конвентѣ, бывшемъ, въ сущности, больше за Дантона, нежели на сторонѣ Робеспьера, Лежандръ предложилъ-было призвать арестованныхъ и выслушать ихъ, но появленіе Робеспьера, обладавшаго какимъ-то даромъ гипнотизировать собраніе, на трибунѣ, гдѣ онъ сталъ возражать противъ столь неслыханной привилегіи «прогнившему идолу», повернуло ходъ дѣла не въ пользу Дантона и его сторонниковъ, объявленныхъ со стороны Робеспьера «послѣдними партизанами роялизма». Кончилось все тѣмъ, что никто не осмѣлился возражать противъ декрета о преданіи Дантона, Демулена и другихъ революціонному суду.

Въ Люксембургской тюрьмѣ сидѣла масса обвинявшихся въ разныхъ преступленіяхъ. «Господа,—сказалъ имъ Дантонъ, я расчитывалъ въ скоромъ времени освободить васъ отсюда, но, къ счастью, вотъ и я самъ запертъ вмѣстѣ съ вами: право, не знаю, чѣмъ все кончится». Все время затѣмъ онъ шутилъ, но по временамъ шутки его были очень горькія. «Въ революціяхъ власть остается за наибольшими злодѣями. Лучше быть бѣднымъ рыбакомъ, нежели управлять людьми. Сволочь! Вѣдь, когда меня повезутъ, они будутъ кричать: да здравствуетъ республика!»

Извѣстно, какъ дѣйствовалъ революціонный судъ. Судьи были простыми исполнителями чужой воли, рискуя своими головами въ случаѣ неповиновенія. Составъ присяжныхъ былъ подобранный, а адвокатовъ или не полагалось, или ихъ не слушали. Судилось заразъ 36 человѣкъ, обвинявшихся въ преступленіяхъ, не имѣвшихъ ничего между собою общаго, Дантонъ и его сторонники—въ намѣреніи возстановить королевскую власть, остальные—кто въ чемъ. Когда предсѣдатель вызвалъ Дантона и спросили о мѣстѣ его жительства, онъ отвѣчалъ извѣстной напыщенной фразой: «скоро моимъ жилищемъ будетъ ничто (le Néant), а мое имя въ Пантеонѣ исторіи, и народъ будетъ почитать мою голову, да, мою отрубленную голову». Очень скоро онъ сталъ раздражаться, особенно, когда увидѣлъ четырехъ человѣкъ комитета общественной безопасности, сѣвшихъ сзади судей, чтобы наблюдать за поведеніемъ какъ ихъ, такъ и присяжныхъ. Когда на другой день (процессъ длился три дня) предсѣдатель призвалъ Дантона къ порядку, тотъ закричалъ громкимъ голосомъ: «а я призываю тебя къ стыду!» Предсѣдатель зазвонилъ и сказалъ: «развѣ ты не слышишь моего звонка?», на что Дантонъ бросилъ ему такія слова: «человѣкъ, защищающій свою жизнь, смѣется надъ звонкомъ и рычитъ». Къ сожалѣнію, защитительная рѣчь Дантона дошла до насъ не въ полномъ видѣ,

лишь въ отрывкахъ, а онъ возлагалъ на нее большія надежды, такъ какъ былъ убѣжденъ, что опровергнетъ своихъ обвинителей и потомъ «вымолитъ имъ прощеніе у французскаго народа». Мы знаемъ, все-таки, довольно много изъ того, что онъ отвѣчалъ на отдѣльныя обвиненія. «Мой голосъ, столько разъ раздававшійся за дѣло моего народа, чтобы защищать его интересы, легко опровергнетъ клевету (о возстановленіи королевской власти)... Я послужилъ довольно, и жизнь мнѣ стала въ тягость. Пусть придутъ комиссары Конвента, чтобы выслушать мое разоблаченіе на счетъ системы диктатуры... Я продавался! Я! Человѣкъ моего закала не имѣетъ цѣны... Сенъ-Жюстъ заплатитъ потомству за клевету, пущенную тобой противъ лучшаго друга народа, противъ самаго страстнаго защитника... Наша слава несомнѣнна, но народъ разорветъ въ клочки нашихъ враговъ, когда насъ болѣе не будетъ». Слова его, какъ тяжелые удары, падали на судей и присяжныхъ, публика шумѣла, рукоплескала. Положеніе становилось щекотливымъ, и чуть не сами присяжные думали, что дѣло кончится оправданіемъ за полною недоказанностью обвиненія, но по предписанію свыше, предсѣдатель на третій день поспѣшилъ объявить пренія законченными. «Какъ! закричалъ Дантонъ: они даже не начинались. Вы не прочли ни одного документа, не вызвали ни одного свидѣтеля!» Протестъ обвиняемыхъ повлекъ насильственное удаленіе ихъ изъ залы. Въ комнату присяжныхъ вошли предсѣдатель и публичный обвинитель, показали имъ какой-то секретный документъ и настояли на осужденіи.

Послѣ приговора Дантонъ хотѣлъ «остаться Дантономъ», разсыпался въ шуткахъ, утѣшалъ товарищей, сохранивъ присутствіе духа до конца. Когда колесница, на которой везли осужденныхъ на казнь, проѣзжала мимо квартиры Робеспьера, Дантонъ закричалъ: «ты скоро послѣдуешь за мною!» Когда палачъ не далъ одному изъ осужденныхъ обнять Дантона, послѣдній крикнулъ: «дуракъ! развѣ ты можешь помѣшать нашимъ головамъ поцѣловаться въ корзинѣ?» Положить свою голову подъ ножъ гильотины ему пришлось послѣднему, когда эшафотъ уже былъ залитъ кровью его товарищей. Послышалось что-то въ родѣ рыданія сопровождавшаго обращеніе къ женѣ, которую больше ему было не видно, но онъ скоро овладѣлъ собою: «постой, Дантонъ, крѣпись», закричалъ онъ, а «ты, прибавилъ онъ, обращаясь къ палачу, ты покажешь голову мою народу, она этого стоитъ». Черезъ минуту эта голова скатилась въ корзину.

V.

Предсказаніе Дантона исполнилось: его имя попало въ Пантеонъ исторіи. Но въ этомъ самомъ Пантеонѣ его разно судили и отводили ему также разныя мѣста. Какъ и при жизни, онъ имѣлъ и въ Пантеонѣ исторіи защитниковъ и поклонниковъ (Мишле, Оларъ, Робине и др.), имѣлъ и обвинителей, если не сказать прямо враговъ (Луи Бланъ, Матьезъ и др.). До сихъ поръ историки великой революціи раздѣляются въ своихъ приговорахъ о такихъ личностяхъ, какъ Дантонъ и Робеспьеръ, и берутъ то сторону одного, то другого. Но дѣло не въ нравственномъ судѣ и не въ политической оцѣнкѣ, дѣло въ пониманіи психики человѣка, въ опредѣленіи его исторической роли.

Общему вопросу о роли личности въ исторіи здѣсь, конечно, нѣтъ мѣста. Никто, однако, не станетъ спорить, что отдѣльныя слагаемыя, образующія общую сумму общественнаго «дѣланія», далеко не равновелики и очень разнородны. Дантонъ былъ одно изъ самыхъ крупныхъ слагаемыхъ въ общей суммѣ французской революціи и притомъ имѣвшимъ значеніе не въ областяхъ законодательства, публицистики, экономики или военнаго дѣла, а въ политикѣ, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ. Французская революція выставила цѣлый рядъ политическихъ дѣятелей, изъ которыхъ одни глубже и шире понимали то, что́ вокругъ нихъ происходило, другіе, наоборотъ, все понимали болѣе поверхностно и слишкомъ узко,не столько научаясь у самой жизни,у ея опыта, сколько съ какихъ-либо предвзятыхъ точекъ зрѣнія, не всегда оправдывавшихся исторіей. Дантонъ былъ, несомнѣнно, одинъ изъ немногихъ государственныхъ людей революціонной Франціи, отличавшихся наибольшею проницательностью, умѣвшихъ и глубоко, и широко понимать событія. Въ этомъ отношеніи у него было много общаго съ Мирабо. Одинъ изъ признаковъ такихъ государственныхъ умовъ, какъ Мирабо или Дантонъ, это—умѣніе импонировать людямъ, вести ихъ за собою, становиться во главѣ движеній и указывать на болѣе или менѣе вѣрные пути, сопровождалось ли это успѣхомъ или нѣтъ, и лишь бы источникомъ ихъ вліянія не былъ сектантскій педантизмъ чисто доктринерскаго пошиба, какимъ отличался Робеспьеръ, эта менѣе крупная фигура, чѣмъ Мирабо и Дантонъ, хотя ни тому ни другому не удавалось то, что́ удалось Робеспьеру. Разумѣется, удача или неудача политическаго дѣятеля только въ извѣстной мѣрѣ зависитъ отъ его личныхъ свойствъ, и наприм., въ характерѣ Дантона лежала довольно значи-

тельная причина его неудачи, но самая важная сторона дѣла— въ томъ, какъ складываются независимо отъ дѣятеля окружающія обстоятельства. Внѣшнимъ успѣхомъ или неуспѣхомъ нельзя мѣрить пригодность или негодность человѣка къ извѣстной роли, вѣрность или невѣрность поставленной цѣли и выбранныхъ для достиженія ихъ средствъ. Историки революціи признаютъ въ Дантонѣ одного изъ самыхъ крупныхъ ея дѣятелей, которому по плечу были трудныя задачи, требовавшія разрѣшенія, и который не обманывалъ ожиданія довѣрявшихся ему людей. Однимъ изъ общихъ мѣстъ исторіографіи французской революціи является утвержденіе, что въ 1792 г. Дантонъ спасъ Францію и что въ 1793—1794 г.г. одинъ могъ направить революцію въ надлежащее русло. Когда историки ставятъ вопросъ, что было бы, если бы было то-то и то-то или не было того-то и того-то, они, конечно, вступаютъ на путь гаданій, но въ методологическомъ отношеніи и такія гаданія могутъ приносить пользу: если бы Франція пошла по пути, который ей указывалъ Дантонъ, результаты были бы такіе-то и такіе,—пріемъ, которымъ удобно пользоваться при опредѣленіи дѣйствительнаго значенія человѣка.

Но это пріемъ, употребленіе котораго выходитъ за предѣлы біографіи отдѣльнаго лица: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ соціологической проблемой, очень сложной и, быть можетъ, не всегда съ достаточнымъ количествомъ необходимыхъ данныхъ для ея рѣшенія. Въ задачу нашего очерка не входило анализировать тогдашнее состояніе всѣхъ общественныхъ силъ Франціи, да и событій революціи мы коснулись лишь постольку, поскольку они играли роль въ біографіи Дантона и поскольку отношеніе къ нимъ Дантона характеризуетъ его недюжинную личность.

Личность, дѣйствительно, была недюжинная, притомъ донельзя сложная и въ своей необычайной сложности исполненная противорѣчій. Это не значитъ, чтобы тутъ было какое-либо раздвоеніе между частной и общественною жизнью, нерѣдко вообще наблюдаемое. И тамъ, и здѣсь онъ былъ одинаковъ, но и здѣсь, и тамъ онъ былъ сегодня такой, а завтра иной. Въ Дантонѣ не было цѣльности натуры, но въ немъ и не происходило внутренней борьбы, и какъ-то было такъ, что въ немъ, незамѣтно для него самого, побѣждали то его страстный темпераментъ, проявлявшійся тоже порывами, то политическая дальновидность, то внутреннія побужденія, то сила внѣшнихъ обстоятельствъ, то глубокій патріотизмъ, то чисто личные мотивы. Физически атлетъ, психически чистѣйшій сангвиникъ, онъ былъ

весь жизнь, весь движеніе, но по временамъ онъ уставалъ, все ему какъ-будто надоѣдало, и онъ искалъ отдыха до новаго прилива силъ, до новой жажды двигаться, говорить, бороться, командовать,—свойство, заключавшее въ себѣ одну изъ причинъ его неудачъ. Современники звали его Атлантомъ, Титаномъ, Геркулесомъ, имѣя въ виду его корпуленцію, Стенторомъ по его зычному голосу. Въ немъ было много физической энергіи, требовавшей шума, удовольствій, внѣшней роскоши, и энергіи психической, энергіи ума и энергіи воли, того, что онъ самъ называлъ: своимъ дерзаніемъ, «audace». Онъ любилъ жизнь, былъ веселаго, открытаго нрава, любилъ хорошую компанію, выражался всегда откровенно и часто грубо до цинизма и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ хорошимъ семьяниномъ, любилъ оказывать одолженія друзьямъ, не умѣлъ отказывать никому въ просьбахъ, съ которыми къ нему только обращались. Сосѣди Дантона по кварталу называли его «превосходнымъ г. Дантономъ». «Ненависть, по его собственнымъ словамъ, была чужда его природѣ», и этому можно повѣрить.

Этотъ жовіальный адвокатъ, любезный со своими кліентами, съ головы до ногъ bon-vivant, былъ типичнымъ французскимъ буржуа, прикупавшимъ по кусочкамъ землю, создавшимъ себѣ комфортабельную обстановку, но въ то же время съ замашками гранъ-сеньера, швырявшаго деньги направо и налѣво, когда онѣ у него были, свои ли, казенныя ли, все равно. Выше было уже отмѣчено, что у Дантона даже былъ своеобразный культъ собственности, если не священной, то, по крайней мѣрѣ, вѣчной. И этотъ типичный буржуа создалъ себѣ карьеру въ роли демагога, страстнаго оратора уличной толпы, настоящаго революціонера по темпераменту, то—и тутъ противорѣчіе!—возбуждавшаго народное мщеніе, то проповѣдовавшаго великодушное забвеніе взаимныхъ обидъ и милосердіе.

Я не буду касаться вопроса о подкупности Дантона, чему въ книгѣ Маделена посвящены цѣлыя страницы (47—48, 67 и слѣд., особенно 123 и слѣд.), потому что на это потребовалось-бы много мѣста. Отъ нѣкоторыхъ обвиненій Дантона въ этомъ отношеніи нашъ біографъ его защищаетъ, въ другихъ случаяхъ считаетъ нужнымъ оправдать (если Дантонъ бралъ деньги отъ короля, то вѣдь это было обычнымъ дѣломъ и не считалось зазорнымъ), въ третьихъ случаяхъ и для Маделена не все кажется благополучнымъ. Во всякомъ разѣ эта широкая натура совсѣмъ не напоминаетъ вульгарнаго мошенника, и если въ эпоху своего величія Дантонъ по временамъ плохо различалъ между своими и

казенными деньгами, то и по общей своей безалаберности, и потому, что очень ужъ много было у него падкихъ на деньги друзей.

Интереснѣе другое: чѣмъ была жива эта страстная, мятущаяся душа? Дантонъ не былъ человѣкомъ теоріи, принциповъ, которые онъ часто считалъ за простые предразсудки. Человѣкъ во многихъ отношеніяхъ чисто личный, онъ въ то же время страстно любилъ отечество, свою «прекрасную Францію», передъ благомъ которой должны были стушеваться, какъ онъ искренне думалъ, всѣ частные и групповые интересы, всѣ партійныя распри. Онъ отдавалъ себя цѣликомъ служенію отечеству, но и тутъ были противорѣчія между страстными призывами къ мщенію во имя этого отечества и проповѣдью необходимости единенія ради того же отечества, между насильственнымъ образомъ дѣйствій и попытками умиротворенія и исправленія надѣланныхъ золъ. Систематическій терроръ Робеспьера претилъ Дантону. Въ порывѣ страсти онъ самъ былъ готовъ уничтожить, раздавить, сокрушить, но онъ былъ далекъ отъ холоднаго террора, возведеннаго на степень политическаго догмата. По временамъ душа его смягчалась, въ голосѣ звучали прямо нѣжныя ноты, когда онъ говорилъ о необходимости мира и согласія, но въ этомъ не было слащавой сентиментальности Робеспьера, представлявшей собою казовую сторону его фанатическаго педантизма. У Дантона все шло изнутри, отъ сердца, и менѣе всего что-либо дѣлалось у него по расчету. Весь порывъ, по временамъ, какъ мы видѣли, падавшій и смѣнявшійся какой-то прострацiей [1]), Дантонъ чувствовалъ мало склонности да и былъ совсѣмъ неспособенъ къ продолжительному, безустанному, непрерывному достиженію, требовалось ли это въ работѣ, или въ борьбѣ. Особенно не по его вкусу было долго питать злобу, подводить мины, вести контръ-атаки, строить планы сложной интриги.

Страстный патріотъ и горячій поклонникъ французской революціи, онъ отожествлялъ въ своихъ мысляхъ Францію и революцію, но онъ мало заботился о выработкѣ какой-либо опредѣленной политической доктрины. Онъ былъ, въ концѣ концовъ, республиканецъ, но главнымъ образомъ потому, что Франція была республикой. Хорошо оцѣнивая положеніе, онъ, быть можетъ, плохо вѣрилъ въ прочность республики и не отказался бы отъ монархіи,

---

[1]) Я бы сказалъ даже—неврастеніей.

лишь бы она признала новую Францію, Францію революціи, призванной осчастливить народъ. Счастье народа въ нѣсколько расплывчатомъ пониманіи, не отдѣлимое отъ величія и славы Франціи, было тѣмъ, чѣмъ жива была душа Дантона, что̀ диктовало ему наиболѣе сильныя его рѣчи.

И какъ ораторъ, Дантонъ былъ столь же непосредственень, какъ и во всемъ, въ своихъ мысляхъ и въ своихъ поступкахъ, такъ же безпорядоченъ и неуравновѣшенъ. Своею рѣчью, въ которой заключалась великая сила, рѣчью, въ которой съ непосредственностью порыва соединились образность, мѣткія словечки, счастливые обороты, онъ сразу приковывалъ къ ея предмету вниманіе слушателей, но порой эта рѣчь превращалась въ сплошныя длинноты, въ безпрестанныя повторенія одного и того же другими и даже тѣми же словами, въ плохо построенныя и нерѣдко просто непонятныя разсужденія. И въ своемъ краснорѣчіи онъ былъ неровенъ. Случалось также, что конецъ рѣчи мало гармонированъ съ ея началомъ: слишкомъ импульсивный, слишкомъ поддававшійся минутнымъ настроеніямъ, очень зависѣвшій отъ того, какъ его встрѣчали или какъ слушали, Дантонъ, бывало, начиналъ въ самомъ рѣзкомъ, воинственномъ тонѣ, а кончалъ призывомъ къ умѣренности и благоразумію. Такимъ образомъ, и здѣсь проявлялась все та же неустойчивость, перемѣнчивость революціонера.

Нѣсколько общихъ идей, однако, господствовало во всемъ его поведеніи, не отвлеченныхъ идей, которыя его, по преимуществу практика и реалиста, мало интересовали, а скорѣе нѣкоторыхъ директивъ, имѣвшихъ, притомъ, болѣе или менѣе оппортунистическій характеръ. Какъ-то мало вяжется съ общимъ представленіемъ о Дантонѣ-революціонерѣ Дантонъ-оппортунистъ, а между тѣмъ и это было такъ. Дантонъ былъ противникомъ тѣхъ, которые нападали на принципъ вѣчной собственности, противникомъ тѣхъ, которые хотѣли отнять у народа религію, утѣшительницу въ бѣдахъ и опору морали, противникомъ какъ религіозныхъ преслѣдованій, такъ и отдѣленія церкви отъ государства, противникомъ террора и т. п. Онъ и въ другихъ людяхъ готовъ былъ видѣть если не наличность такого же, какое было у него самого, настроенія, то, по крайней мѣрѣ, способность и возможность имъ проникнуться. Въ этомъ отношеніи, онъ такой проницательный и трезвый практикъ, ошибался, измѣряя другихъ своимъ аршиномъ, и эта ошибка вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, что̀ мѣшало ему, какъ государственному человѣку, была тоже причиною его неуспѣха.

А между тѣмъ положеніе Франціи было таково, что отъ государственнаго человѣка, бравшаго на себя трудную задачу вывести націю на настоящую дорогу, требовалась бо̀льшая послѣдовательность, настойчивость и, прибавлю, политическая ловкость. Какъ ни были велики умственныя способности и велика энергія Дантона, въ концѣ концовъ, онъ самъ спассовалъ передъ этой задачей и далъ побѣдить себя человѣку, гораздо болѣе посредственному, но въ своей посредственности болѣе цѣльному.

Н. Карѣевъ.

СЛУЧАЙНОСТЬ.

(The morals of Marcus Ordeyne).

Романъ Уильяма Локка.

(Продолженіе) [1]).

XI.

Іюля 19-го. Кэмпси, Н. Б.—Вотъ куда я забрался, убѣгая отъ назойливыхъ родственниковъ,—въ шотландскую деревушку, пріютившуюся среди болотъ, въ пяти миляхъ отъ станціи желѣзной дороги. Здѣсь меня ужъ не розыщетъ тетушка Джессика.

Послѣ разговора съ Паскуале я провелъ тревожную ночь. Мнѣ мерещились во снѣ пиратскія яхты, на кормѣ которыхъ черепъ и скрещенныя кости причудливо перемѣшивались съ обручальными кольцами и любовными узлами. Я проснулся съ полнымъ убѣжденіемъ, что, пока въ англійскихъ водахъ останется хоть одно судно, я не могу чувствовать себя въ Лондонѣ въ безопасности. И рѣшилъ бѣжать. Но куда?

Поистинѣ, боги были благосклонны ко мнѣ. Первое же письмо, которое я распечаталъ въ этотъ день, было отъ стараго Симона Макъ-Кватти, моего теперешняго хозяина и крестнаго отца моей матери—единственнаго человѣка, который былъ намъ другомъ въ минувшіе трудные дни. Онъ писалъ, что онъ дряхлъ и немощенъ и смерть давно подстерегаетъ его на болотѣ, но, прежде чѣмъ закрыть глаза навѣки, ему хотѣлось бы еще разъ увидать мальчика Сюзанны. Я могу пріѣхать, когда хочу—достаточно будетъ предупредить его телеграммой. Я послалъ

---

[1]) См. августъ, стр. 192.

Стенсона отправить телеграмму о томъ, что я выѣзжаю сегодня же, въ два часа дня, и, одновременно съ этимъ, любезную записочку тетѣ Джессикѣ, выражающую сожалѣніе о томъ, что я не могу, къ сожалѣнію, воспользоваться ея милымъ приглашеніемъ, такъ какъ меня вызываютъ въ Шотландію по дѣлу на неопредѣленный срокъ.

Мой старый другъ—пасторъ въ шотландской киркѣ; онъ пятьдесятъ лѣтъ прожилъ въ этомъ домѣ, рукой подать отъ его будущей могилы, такъ что перемѣна мѣста жительства ничего не будетъ стоить ему. Онъ будетъ спать вѣчнымъ сномъ у подножья своихъ любимыхъ холмовъ, и вѣчно вокругъ него будетъ разстилаться розовое болото, и во снѣ онъ будетъ вдыхать запахъ вереска и дрока. Онъ—немножко язычникъ, этотъ милый старикъ, даромъ, что онъ кальвинистъ и обучаетъ ребятъ катехизису. Меня не удивило бы, если бъ это онъ оказался героемъ разсказа о пасторѣ, который молился «за бѣднаго Дьявола». Въ тотъ день, когда онъ впервые вошелъ въ пасторатъ, онъ посадилъ у крыльца молодой дубокъ, и дерево росло и старилось вмѣстѣ съ нимъ, и старикъ любилъ его, какъ одушевленное существо. Не мало препирательствъ велъ онъ съ нимъ о разныхъ догматахъ религіи, и въ минуты сомнѣній оно утѣшало его, ласково шелестя листами и шепча: «Не огорчайся, Макъ-Кватти, Господь Богъ во всякомъ случаѣ пойметъ тебя». Онъ увѣряетъ, что эту фразу однажды онъ слышалъ совершенно явственно, и я подозрѣваю, что въ глубинѣ души онъ вѣритъ, что и деревья, и ручьи надѣлены всѣ даромъ рѣчи и умѣютъ говорить съ тѣми, кто ихъ умѣетъ слушать.

Онъ—очень образованный и остроумный человѣкъ, и рѣчь его (даже на старости лѣтъ) отличается дорической сжатостью и мужественностью, которая дѣлаетъ его общество такимъ же бодрящимъ, какъ живительный воздухъ лѣса. А какъ мало людей, надѣленныхъ этимъ даромъ поддерживать и бодрить другихъ! Въ сущности, я и не знаю ни одного такого, кромѣ старика Макъ-Кватти—даже обидно, что здѣсь его таланты пропадаютъ даромъ. Однажды, онъ выкопалъ въ Кэмпси поэта-самородка и дотого вселилъ въ него увѣренность въ своемъ талантѣ, что тотъ даже переселился въ Эдинбургъ. Къ сожалѣнію, бѣдный юноша два года пилъ безъ просыпу и умеръ отъ запоя, такъ что увѣщанія Макъ-Кватти на этотъ разъ пропали даромъ. Но какую пользу могъ бы принести онъ, напримѣръ, Санди Макъ-Грату, старостѣ его кирки. Въ это воскресенье онъ столкнулся на узенькомъ мостикѣ съ старымъ козломъ, и ни

одинъ ни за что не хотѣлъ уступить дороги другому. Они стояли и сердито косились другъ на друга, а я смотрѣлъ на нихъ и думалъ: если бъ Санди одѣть въ козлиную шкуру, а козла въ черную куртку, даже ихъ родныя матери не замѣтили бы подмѣна. Однако, мой хозяинъ увѣряетъ, будто я сужу, какъ южанинъ, а на дѣлѣ шотландскій мужикъ, когда онъ не пьянъ, очень интеллигентенъ и всегда готовъ къ богословскому диспуту.

— Только я, все-таки, предпочитаю разговаривать съ моимъ дубомъ. Онъ не возмущается и не вспыхиваетъ, какъ порохъ, когда при немъ проповѣдуютъ какую-нибудь ересь.

Я охотно прогостилъ бы все лѣто у моего стараго друга. Повидимому, только забравшись въ такую глушь, можно видѣть оттуда свѣтскую жизнь въ надлежащей перспективѣ и надлежащихъ пропорціяхъ. Отсюда видно, какую важную или неважную въ мірозданіи роль играетъ мечта муравья о трехъ миллиметрахъ земли и изобиліи травяныхъ вшей въ сравненіи съ вожделѣніями англійскаго пахаря. Отсюда легко отвести надлежащее мѣсто южно-африканскому милліонеру Санди Макъ-Грату и козлу и каждаго увидѣть въ надлежащемъ фокусѣ. Даже цѣнность *Исторіи Морали Ренессанса* здѣсь легко свести къ подлиннымъ размѣрамъ. Изъ продолжительнаго пребыванія здѣсь я могъ бы извлечь несчетныя благодѣянія, но новыя обязанности и отвѣтственность, принятыя мною на себя, призываютъ меня обратно въ Лондонъ съ его атмосферой, полной оптическихъ обмановъ. Проживи я здѣсь пятьдесятъ лѣтъ, я замѣтилъ бы, что и Карлотта—лишь малая песчинка въ вихрѣ одухотворенной пыли, которой суждено развѣяться по вѣтру. Но такъ какъ за пять дней я, увы! еще не успѣлъ дойти до этой мудрости, то я до нелѣпости тревожусь за нее и спѣшу разорвать тріумвиратъ—миссъ Григгсъ Стенсонъ и Антуанетта—которому я ввѣрилъ на время своего отсутствія бразды правленія.

Мѣсяцъ тому назадъ, при такихъ же обстоятельствахъ, я плакался бы на судьбу и клялъ бы Карлотту отъ кончиковъ ея розовыхъ пальчиковъ до ореола ея золотисто-бронзовыхъ волосъ. Но теперь я благосклоннѣе отношусь къ Карлоттѣ и живо интересуюсь ея духовнымъ развитіемъ.

Внутренній голосъ, насмѣшливый, ироническій внутренній голосъ, съ которымъ не поспоришь, твердитъ мнѣ, что я лицемѣръ, что интересъ къ духовному развитію Карлотты не болѣе, какъ звонкая, красивая и утѣшительная фраза, изъ тѣхъ, какими во всѣ времена убаюкивали себя философы, имѣвшіе на своемъ попеченіи молодыхъ дѣвушекъ.

— Не все ли тебѣ равно, есть ли у нея душа,—допытывается этотъ голосъ,—разъ она умѣетъ мило болтать за обѣдомъ и играть съ тобой въ криббеджъ послѣ обѣда?

И въ самомъ дѣлѣ: не все ли мнѣ равно?

Іюля 21-го. Она пріѣхала на вокзалъ встрѣтить меня. Завидѣвъ мое лицо въ окнѣ вагона, она бросила Стенсона и побѣжала мнѣ навстрѣчу по платформѣ, словно маленькій ручной звѣрекъ и, когда я вышелъ, повисла у меня на шеѣ, ластясь ко мнѣ и прыгая отъ радости.

— Такъ вы рады, что я вернулся домой, Карлотта?—спрашивалъ я по дорогѣ домой.

Она потерлась объ меня, словно котенокъ, и заворковала:

— О, да-а. Безъ васъ мнѣ день былъ ночью.

— Пожалуйста, безъ этихъ вашихъ восточныхъ преувеличеній!—сказалъ я. Но, все же, мнѣ пріятно было это слышать, и бархатныя нотки въ ея голосѣ, какъ музыка, ласкали мое сердце.

— Я люблю милаго сиръ Маркоса.

Я обнялъ ее одной рукой, какъ ребенка.

— Умница Карлотта! Хорошая дѣвочка!—А впрочемъ, я еще не знаю, были ли вы тутъ умницею безъ меня.

— О, да. Антуанетта учила меня стряпать, и я научилась дѣлать рисовый пуддингъ. Это такъ интересно—стряпать. Мнѣ и запахъ кухни нравится. Но только я обожглась. Вотъ поглядите.

Она сняла перчатку и показала мнѣ красный слѣдъ обжога на рукѣ. Я поцѣловалъ его, чтобъ залѣчить, и она радостно засмѣялась, видимо, счастливая моею лаской. И я тоже чувствовалъ себя счастливымъ. Что-то новое, яркое, молодое, вошло въ мою жизнь. Стенсонъ—образцовый слуга, но до сихъ поръ его безстрастное лицо и корректный поклонъ, встрѣчавшіе меня на лондонскихъ вокзалахъ по возвращеніи откуда-нибудь, хоть и приносили съ собой впечатлѣніе домашняго комфорта, нельзя сказать, чтобъ очень радовали меня. Встрѣча же, устроенная мнѣ Карлоттой, дала мнѣ неизвѣданную радость. Мой домъ мнѣ кажется теперь совсѣмъ другимъ. Переодѣваясь къ обѣду, я съ удовольствіемъ думалъ, что теперь я не буду уныло сидѣть одинъ за столомъ, что со мной будетъ моя прелестная маленькая волшебница.

Іюля 22-го. Оказывается, однако, поведеніе маленькой волшебницы за это время было далеко не безупречнымъ. Миссъ Григгсъ доложила мнѣ, что въ мое отсутствіе Карлотта усиленно

душилась, а это въ нашемъ домашнемъ быту считается однимъ изъ самыхъ крупныхъ преступленій. Mulier bene olet dum nihil olet. Однажды, когда она при мнѣ нарушила этотъ запретъ и явилась въ гостиную надушенная иланг-иланг-омъ, я послалъ ее наверхъ переодѣться съ ногъ до головы, взять ванну и не показываться мнѣ на глаза, пока Антуанетта не удостовѣритъ, что она ничѣмъ не пахнетъ. Помню, Антуанетта возразила мнѣ: «Ахъ, мосье, это же невозможно, милый ангелъ пахнетъ весенними цвѣтами, *de son naturel*». Это правда, и потому душиться крѣпкими духами для нея двойное преступленіе.

— Есть и болѣе серьезные проступки,—сообщила миссъ Григгсъ.

— Не могу себѣ представить болѣе серьезнаго проступка, какъ сдѣлать себя непріятной ближнему,—строго замѣтилъ я.

— Кромѣ какъ стараться быть ему *слишкомъ* пріятной,— колко вставила миссъ Григгсъ.

— То-есть? Что это значитъ?

— А то, что Карлотта потихоньку кокетничаетъ съ молодымъ человѣкомъ, который приходитъ сюда за заказомъ отъ зеленщика.

— Хорошо еще, что не изъ мясной,—пробормоталъ я.

Миссъ Григгсъ хихикнула, какъ дура, словно я шутилъ. Но при видѣ моего строгаго лица сдержалась и повѣдала мнѣ ужасающія вещи. Она поймала Карлотту посылающей этому юношѣ воздушные поцѣлуи. Она видѣла также, какъ онъ сунулъ въ руку Карлоттѣ сложенную треугольникомъ записочку, и Карлотта наотрѣзъ отказалась отдать ей это.

— Какъ же поступаютъ въ наше время съ молодыми лэди, которыя флиртуютъ съ зеленщиками? Во времена Ренессанса ихъ можно было просто высѣчь. Мудрая Маргарита Наваррская здорово колотила свою дочь, Жанну д'Альбрехтъ, и за менѣе важные проступки. Тогда такую флиртовщицу можно было отправить въ монастырь, гдѣ ей приходилось жить въ одной кельѣ съ крысами, или же пригласить на веселый ужинъ, на которомъ главнымъ аттракціономъ былъ зажареный зеленщикъ. Но теперь—что-же вы посовѣтуете мнѣ сдѣлать съ ней?

У этой глупой женщины совсѣмъ нѣтъ воображенія—она ничего не сумѣла посовѣтовать. Предоставила придумывать кары мнѣ. Быть можетъ, тутъ предупредительныя мѣры были бы полезнѣй наказаній. И, притомъ, откуда же мнѣ знать, какія наказанія практикуются въ учебныхъ заведеніяхъ для молодыхъ дѣвицъ? Бертомъ въ своей «Анатоміи» рекомендуетъ пускать

кровь за ухомъ. И, помнится, цитируетъ при этомъ Гиппократа, или кого-то другого, разсказывающаго, будто одну благородную дѣвицу излѣчили отъ склонности къ кокетству тѣмъ, что на три недѣли привязали ей на спину свинцовую доску съ дырочками. Все это я сообщилъ миссъ Григгсъ, но она отозвалась весьма неуважительно объ Отцѣ медицины.

— Онъ совѣтуетъ также—не помню сейчасъ, отъ этой ли болѣзни, или отъ какой другой—натирать подошвы ногъ жиромъ сурка, а зубы сѣрою изъ ушей собаки, и очень хвалитъ припарки изъ нагрѣтыхъ козлиныхъ легкихъ, прикладываемыя къ темени. Мнѣ жаль, что всѣ эти способы лѣченія теперь вышли изъ моды—въ нихъ столько раблезіанизма. Вмѣсто того, чтобы лѣчить по дѣдовскимъ рецептамъ, мы теперь глотаемъ безвкусныя пилюли, не дающія ровно никакихъ ощущеній, а даже добрые старые горчишники отошли въ область прошлаго.

— Но, все-таки, какъ же быть съ Карлоттой?—тревожно перебила меня миссъ Григгсъ.

Какъ это по-женски—перебить человѣка, когда онъ только собрался поговорить на интересующую его тему! Я вздохнулъ и кротко отвѣтилъ:

— Пришлите мнѣ сюда Карлотту.

Еще одно рабочее утро пропало. Я только-что вписалъ въ свою тетрадку анекдотъ, который такъ забавно разсказываетъ Маккіавелли о Зенобіи дель Пино—нѣчто въ родѣ адмирала Бинга начала пятнадцатаго вѣка — какъ его заперли въ башню и не давали ему ѣсть ничего, кромѣ бумаги, разрисованной змѣями, какъ онъ черезъ нѣсколько дней и померъ съ голоду. У меня вертѣлась на кончикѣ пера остроумнѣйшая эпиграмма по поводу юмора Ренессанса, но какъ разъ въ это время вошла миссъ Григгсъ съ своей нелѣпой болтовней, и та плоскость, которую я написалъ послѣ, совсѣмъ не выражала моей первоначальной мысли.

Карлотта вошла и направилась черезъ комнату, прямо къ моему письменному столу, не спуская съ меня огромныхъ темныхъ глазъ и руки, какъ институтка, сложивъ за спиною. Воплощенная невинность съ картины Греза. Не вѣрилось мнѣ, что она способна на такую чудовищную гадость.

— Извѣстно вамъ, зачѣмъ я васъ позвалъ сюда?—строго освѣдомился я.

Она кивнула головой.

— Такъ это правда, что вы завели любовныя шашни съ юношей изъ зеленной?

Она опять кивнула головой. Я почувствовалъ приливъ ненависти къ этому юношѣ изъ зеленной—ощущеніе страшно унизительное, никогда не испытанное мною раньше. Я видѣлъ одинъ разъ этого парня—плотный, рыжій, весь въ веснушкахъ, вульгарный до послѣдней степени.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Онъ началъ объясняться мнѣ въ любви.

— Мерзавецъ!

— А что такое *мерзавецъ*?

— Я васъ позвалъ сюда не для того, чтобъ заниматься съ вами филологіей. Неужели вы не понимаете, что такое ваше поведеніе въ высшей степени неприлично?

— Ну вотъ, теперь вы разсердились на меня!

— Да. Я адски золъ на васъ.

И это была правда. Я ожидалъ, что она расплачется—ничего подобнаго: она только смотрѣла на меня съ раздражающею кротостью. На ней была красная блузка и сѣрая юбка и все тѣ же вызывающія ярко-красныя туфельки на высокихъ каблучкахъ. Ко мнѣ начинало возвращаться мое прежнее недовѣріе и предубѣжденіе противъ нея. Съ такой наружностью нельзя быть добродѣтельной.

— Какъ вамъ не стыдно!—говорилъ я.—Я очень снисходителенъ къ вамъ и многое прощаю вамъ за ваше невѣдѣніе западныхъ обычаевъ, но нѣтъ такого края, гдѣ бы молодой дѣвушкѣ изъ порядочнаго дома разрѣшалось кокетничать съ рыжимъ уродомъ, приказчикомъ изъ лавки.

— Онъ приносилъ мнѣ финики и засахаренные фрукты...

— Которые онъ кралъ у своего хозяина. Вотъ я доведу объ этомъ до свѣдѣнія полиціи, такъ вашего молодого человѣка упекутъ въ тюрьму; а, если вы и дальше будете принимать въ подарокъ краденое, васъ тоже посадятъ въ тюрьму, и я буду въ восторгѣ.

Карлотта все съ тѣмъ же смиреннымъ выраженіемъ въ лицѣ вытащила изъ кармана юбки засаленный клочекъ бумаги.

— Онъ пишетъ стихи, посвященные мнѣ,—объявила она, протягивая мнѣ трехугольникомъ сложенную бумажку.

Я брезгливо взялъ ее двумя пальцами и пробѣжалъ стихи. Много я читалъ за свою жизнь плохихъ стиховъ—я иной разъ въ клубѣ послѣ чая просматриваю современныхъ поэтовъ—но не могъ себѣ представить, чтобы по-англійски можно было написать такую скверность. Это былъ прямо-таки наборъ словъ. Только въ первыхъ двухъ строкахъ и заключалась кое-какая мысль.

«Ты милая дѣвочка и красотка такая,
«Что я о твоемъ личикѣ буду мечтать, умирая».

Несчастный! онъ думаетъ, что это стихи. Я изорвалъ въ клочки грязную бумажонку и швернулъ ее въ сорную корзину.

— Тюрьма, — сказалъ я, — была бы для него слишкомъ роскошною наградой. Въ истинно-цивилизованной странѣ такого поэта побили бы камнями и повѣсили.

— Да, онъ чертовски распущенъ, — спокойно согласилась Карлотта.

— Боже милостивый! этотъ мужикъ научилъ васъ еще и ругательнымъ словамъ. Если вы осмѣлитесь еще разъ произнести это гадкое слово, я строго накажу васъ. Какъ его зовутъ, этого негодяя?

— Паскуале.

— Паскуале?!

— Да. Ему очень нравится, когда я говорю: «чертовски». Ахъ, вы думаете — тотъ? Нѣтъ, онъ слишкомъ глупъ. Онъ ничему не можетъ научить. Его зовутъ Тимкинсъ. Я только поиграла съ нимъ. Онъ такой смѣшной! Увѣряетъ, будто покончитъ съ собой—ну, и пускай его: мнѣ ни капельки не жалко.

— Оставимъ Тимкинса. Вы лучше разскажите мнѣ о Паскуале. Когда же это онъ успѣлъ васъ научить такимъ гадкимъ словамъ?

Карлотта чуть-чуть покраснѣла и потупилась, словно разглядывая свои туфельки.

— Я пошла гулять и случайно встрѣтила его, и онъ проводилъ меня домой. Это было нехорошо?

— Что бы сказалъ на это милѣйшій Хамди Эффенди?

Какъ истая женщина, она уклонилась отъ отвѣта.

— Я надѣюсь, что Хамди умеръ. Какъ вы думаете?

— А я надѣюсь, что нѣтъ. Потому что, если вы будете такъ дурно вести себя, я отправлю васъ опять къ нему.

Она незамѣтно придвинулась ко мнѣ совсѣмъ близко, такъ что, говоря это, я видѣлъ передъ собой ея лицо. Ласково обняла меня одной рукой и, нагнувшись ко мнѣ, сказала:

— Я буду хорошая—очень хорошая.

— Придется, а не то...—началъ-было я, закидывая голову назадъ.

Должно быть, она уловила мягкія нотки въ моемъ голосѣ, ибо тутъ произошло нѣчто, о чемъ мнѣ какъ-то неловко даже разсказать. Другую руку она мнѣ подсунула подъ подбородокъ, сплела обѣ вмѣстѣ и, когда я очутился такимъ образомъ въ плѣну,

нагнулась и поцѣловала меня, и прижалась щекой къ моей щекѣ.

Я до сихъ поръ ощущаю это теплое, невыразимо нѣжное прикосновеніе, хотя она ужъ нѣсколько часовъ, какъ легла спать.

Только какое-нибудь ископаемое могло бы оттолкнуть ее. У нея губы — точно розовые лепестки. Дыханіе ея ароматно, какъ запахъ свѣже-скошеннаго сѣна. Волосы ея, коснувшіеся моего лба, пахли фіалками.

Я послалъ ее внизъ, къ миссъ Григгсъ. Она выбѣжала изъ комнаты, весело смѣясь. И ея безстыдное кокетство, и грубыя слова — все ей было прощено. Хуже того: она открыла способъ, какъ добиваться прощенія и въ будущемъ. Колдунья почувствовала свою колдовскую силу и, разъ восторжествовавъ надо мной, конечно, не задумается, при первомъ же удобномъ случаѣ, продѣлать это снова. Я безвозвратно погибъ въ своемъ и въ ея мнѣніи, упалъ съ своего пьедестала, и мнѣ не подняться. Отнынѣ она будетъ смотрѣть на меня не снизу вверхъ, а сверху внизъ, съ добродушнымъ снисхожденіемъ — я сталъ для нея тѣмъ же Тимкинсомъ.

Какое идіотство было съ моей стороны вернуть ей поцѣлуй!..

Послѣ того я не видалъ ея. Завтракалъ въ клубѣ, а затѣмъ нанесъ визитъ м-съ Ральфъ Ордайнъ и кузинѣ Розаліи въ ихъ Кенсингтонскомъ домѣ, куда никогда не заглядываетъ солнце.

Встрѣтили меня не очень-то привѣтливо. Розалія протянула мнѣ какую-то безжизненную руку и при первомъ удобномъ предлогѣ удалилась, оставивъ меня tête-à-tête съ своей мамашей, которая вела холодный разговоръ о наступившихъ теплыхъ дняхъ. Даже чай показался мнѣ холоднѣй обыкновеннаго, если только это возможно.

Послѣ этого я, какъ было условлено, встрѣтился въ Кенсингтонскихъ садахъ съ Юдиѳью и проводилъ ее домой. По дорогѣ я разсказалъ ей, какъ меня сухо приняли.

— Дорогой мой,—возразила она (терпѣть не могу этого обращенія; у Юдиѳи за этимъ всегда слѣдуетъ что-нибудь непріятное)—дорогой мой, я не сомнѣваюсь, что въ Лондонѣ теперь вы пользуетесь далеко не завидной репутаціей. Предполагается, что вы завели себѣ нѣчто въ родѣ Соломонова гарема—

безъ его женъ, которыя, все же, служили нѣкоторымъ противовѣсомъ—и ваши благочестивые родственники, естественно, шокированы.

Я сказалъ, что это возмутительно. Юдиѳь возразила, что вина моя.

— Но что же я могъ бы сдѣлать?

— Поселите ее гдѣ-нибудь за городомъ, въ хорошей семьѣ, какъ это и слѣдовало бы сдѣлать съ самаго начала. Я не очень строга въ такихъ вещахъ, но даже я нахожу въ высшей степени неприличнымъ, что вы, холостой человѣкъ, поселили ее у себя.

— Дорогая моя, но, вѣдь, у меня живетъ Антуанетта.

Юдиѳь издала какой-то странный звукъ, несомнѣнно, выражавшій недовѣріе.

— И Стенсонъ. Достаточно взглянуть на Стенсона, чтобы не сомнѣваться въ безупречной порядочности его господина.

— Нѣтъ, съ вами невозможно разговаривать. Вы всякаго выведете изъ терпѣнія.

Съ Юдиѳью безнадежно говорить о Карлоттѣ. Больше я этого никогда не сдѣлаю.

Мы посидѣли немного подъ деревьями, бесѣдуя о болѣе безразличныхъ вещахъ. Юдиѳи нравится ея новое занятіе. Утро она проводитъ, зарывшись въ книги и папки съ документами въ Британскомъ Музеѣ, а вечеромъ разбирается въ добытыхъ свѣдѣніяхъ. Виллоуби чрезвычайно доволенъ ею.

— А теперь я вамъ разскажу что-то такое, что вамъ пріятно будетъ услышать,—говорила она.—Какъ бы вы думали: кто былъ у меня вчера съ визитомъ? — М-ссъ Виллоуби. Ея мужъ приглашаетъ меня провести августъ и сентябрь у нихъ въ имѣніи, въ Сѣверномъ Валлисѣ, и помочь ему въ работѣ надъ его новой книгой—вы понимаете, въ качествѣ секретаря. Я сказала, что нигдѣ не бываю и никуда не ѣзжу въ гости. Надо вамъ знать, что мы съ ней встрѣтились въ первый разъ въ жизни. Она положила мнѣ руку на плечо, такъ ласково, и говоритъ: «Я знаю, милая,—потому я и пріѣхала сама просить васъ, въ качествѣ посла Гарольда». Ну, развѣ это не прелестно съ ея стороны?

Она подняла на меня глаза, полные слезъ.

— Маркусъ, милый, вѣдь я же не дурная женщина?

— Голубка моя,—сказалъ я, глубоко растроганный,—вы лучшая изъ женщинъ. М-ссъ Виллоуби не оказала вамъ никакой милости, но для себя сдѣлала многое—завоевала безцѣнную привилегію вашей дружбы.

— Ахъ!—вздохнула Юдиѳь,—мужчинѣ не понять, что̀ это значитъ для меня.

Право, мужчины не такъ ужъ глупы, какъ любятъ представлять себѣ ихъ женщины. Я превосходно понимаю, что̀ значитъ для Юдиѳи приглашеніе м-ссъ Виллоуби. Женщины, повидимому, находятъ какое-то болѣзненное удовлетвореніе, воображая, будто имъ присуща особая таинственная сѣть эмоцій и душевныхъ побужденій, недоступныхъ болѣе грубому сознанію мужчины.

Женщина любитъ чувствовать себя непонятной — въ глубинѣ души это для нея—большое утѣшеніе. Даже въ томъ случаѣ, если у нея есть мужъ, котораго она любитъ и любима имъ, и если она убѣждена, что различіе пола не мѣшаетъ ему понять ее и оцѣнить, она всегда прячетъ отъ него какой-нибудь маленькій уголокъ своей души, который для него, потому только, что онъ мужчина, навсегда останется закрытымъ. Интеллигентный мужчина, если онъ только дастъ себѣ трудъ вдуматься, безъ труда сумѣетъ понять и разгадать то, что̀, по существу, есть только иная точка зрѣнія; ибо то, что̀ женщины видятъ съ этой своей спеціальной точки зрѣнія, онѣ высказываютъ такъ же откровенно и безцеремонно, какъ двухлѣтнее дитя. Я раньше признавался, что не могу понять Юдиѳи — т.-е. той путаницы противорѣчій, изъ которой состоитъ ея ego,—но это только потому, что до сихъ поръ я не давалъ себѣ труда подвергнуть ее спеціальному микроскопическому анализу. Такой научный анализъ, думается мнѣ, былъ бы большой нескромностью и неучтивостью по отношенію ко всякой знакомой дамѣ, тѣмъ болѣе къ женщинѣ, къ которой я искренно привязанъ. Для порядочнаго человѣка, у котораго умъ не направленъ дурно, такъ же неудобно, по-моему, вычислять точные размѣры умственныхъ способностей женщины-друга, какъ и размышлять о тѣхъ частяхъ ея физической оболочки, которыя она скрываетъ подъ одеждой. Прелесть общенія между людьми въ значительной степени обусловливается неопредѣленностью, недоговоренностью, умышленнымъ нежеланіемъ вдумываться, заинтересовывающимъ предположеніемъ, что въ человѣкѣ скрыто больше, чѣмъ мы съумѣли разглядѣть простымъ, или духовнымъ глазомъ. Но, повторяю, это—сознательное нежеланіе присматриваться слишкомъ близко. Мы превосходно знаемъ, что у молодой женщины, которая намъ нравится, подъ платьемъ скрытъ не хвостъ сирены, а обыкновеннѣйшая пара ногъ. И знаемъ, что, если эта женщина прошла черезъ извѣстныя переживанія, какое бы выраженіе она ни при-

давала своему лицу, подъ какою бы маской ни прятала его,— въ ея душѣ это должно было отложиться извѣстными градаціями чувствъ и настроеній. И потому мнѣ дико слышать отъ Юдиѳи, что я, будто бы, не могу понять, почему для нея такъ цѣнно приглашеніе и визитъ м-ссъ Виллоуби.

Я обстоятельно развилъ эту тему въ бесѣдѣ съ Юдиѳью въ Кенсингтонскихъ садахъ и потомъ, когда мы, черезъ Гайдъ-Паркъ, шли къ Мраморной Аркѣ. Она слушала съ большимъ вниманіемъ и, когда я кончилъ, посмотрѣла на меня какъ будто съ жалостью, хотя улыбка скользила по ея губамъ.

— Мой милый Маркусъ, всякому мужчинѣ, даже и очень скромному, присуще колоссальное тщеславіе—воображать, будто онъ чудесно знаетъ женщинъ. Какъ *другіе* мужчины—это ужъ ихъ дѣло, но у *него* своя, непогрѣшимая теорія относительно женщинъ. А мы, женщины, въ душѣ посмѣиваемся надъ вами, мой добрый другъ, ибо, чѣмъ подробнѣй вы излагаете свои теоріи, тѣмъ больше выдаете свое великолѣпное, артистическое невѣжество. О, Маркусъ! подумать только: — *Вы* въ роли знатока женской психологіи!

— Почему же нѣтъ? нельзя ли объяснить.

— Потому что вы милое, невозможное, очаровательное существо, носящее имя Маркуса Ордайна.

Это было страшно мило сказано. Но, поистинѣ, всякая женщина — «Вѣчный филистеръ», какъ говоритъ Матью Арнольдъ. Ея главная отличительная черта—та, что ее невозможно убѣдить. Я только понапрасну тратилъ время.

XII.

Августа 3-го. Этрета на Нижней Сенѣ.—Сегодня утромъ на террасѣ Казино я примѣтилъ молодого человѣка, который, поймавъ мой взглядъ, посмотрѣлъ на меня какъ-то особенно и прошелъ мимо. Его лицо, хотя и незнакомое мнѣ, что-то мнѣ напоминало. Но что̀ именно? Этотъ безцѣльный вопросъ вертѣлся у меня въ головѣ нѣсколько часовъ. Наконецъ во время представленія въ театрѣ я хлопнулъ себя по колѣну и выговорилъ вслухъ:

— Есть!

— Что̀ такое?—испуганно вскинулась Карлотта.

— Муха,—отвѣтилъ я. Карлотта разсмѣялась и нагнулась посмотрѣть на жертву. Я строго замѣтилъ ей, что въ театрѣ

нужно смотрѣть на сцену. Муха, докучное жужжанье которой мнѣ удалось остановить, была метафорическая.

Молодой человѣкъ былъ тотъ самый, который какъ-то въ Гайдъ-Паркѣ указалъ на меня своему спутнику, завѣривъ его, что я—буйный помѣшанный и опасенъ, какъ бѣшеная собака. Съ того момента, какъ эта фраза была произнесена, и до того, какъ я въ театрѣ хлопнулъ себя по колѣну, я и не вспоминалъ ни разу этихъ словъ. А теперь они не выходятъ у меня изъ головы. Хорошо, что я сейчасъ не въ поѣздѣ—я все время слышалъ бы ихъ въ стукѣ вагонныхъ колесъ. А теперь мнѣ ихъ твердитъ прибой и шепотъ валуновъ по берегу. И я все время спрашиваю себя: почему же именно «бѣшеная собака». Если я и помѣшанъ, мое помѣшательство, во всякомъ случаѣ, тихое, меланхолическое. Я не кидаюсь на жизнь яростно, съ пѣною у рта.

Мнѣ думается, это идіотское сравненіе—лишь результатъ того неумѣнья выражаться, которое такъ свойственно полу-образованной великобританской молодежи.

Однакожъ, вдумываясь въ свое теперешнее положеніе, я самъ иной разъ сомнѣваюсь, въ порядкѣ ли мои мозги. Вотъ уже мѣсяцъ я живу въ этомъ маленькомъ, не слишкомъ модномъ французскомъ курортѣ, на берегу моря, вдали отъ своихъ книгъ, отъ привычныхъ удобствъ и привычнаго склада жизни, и съ такимъ интересомъ предаюсь самымъ пустымъ забавамъ, какъ-будто въ мірѣ нѣтъ другихъ занятій, болѣе достойныхъ вниманія разумнаго человѣка. И это длится ровно мѣсяцъ, по календарю.

Въ угоду Карлоттѣ я ношу бѣлыя панталоны, розовую сорочку и матросскую шапочку, по телеграфу выписанныя изъ Лондона отъ моего портного. Въ первый разъ, какъ я вышелъ изъ дому въ этомъ нелѣпомъ костюмѣ, мнѣ совѣстно было попасться на глаза жандарму, и я не посмѣлъ войти въ Казино, а спрятался межъ рыбачьими лодками на берегу. Карлотта, однако же, пришла въ восторгъ и увѣряетъ, что въ этомъ костюмѣ я «очень хорошенькій». Теперь я уже равнодушно прохожу мимо каменнаго жандарма, такъ какъ вижу, что и другіе идіоты одѣты въ томъ же родѣ. Но развѣ, годъ тому назадъ, могло бы мнѣ хотя во снѣ присниться, что я брожу по пляжу моднаго курорта въ бѣлыхъ панталонахъ, розовой сорочкѣ и матросской шапочкѣ? Навѣрно, нѣтъ. Все это—признаки умопомѣшательства—тихаго, или буйнаго—не все ли, въ сущности, равно?

Главная причина тому, что я увезъ Карлотту изъ Лондона—

Паскуале, который началъ бывать у насъ слишкомъ часто, слишкомъ подружился съ моей дѣвочкой. Она слишкомъ много говорила о немъ. Она находится въ томъ впечатлительномъ возрастѣ, когда молодая женщина легко становится жертвой обольщенія такого обаятельнаго существа, какъ Паскуале. Если бъ еще я могъ видѣть въ немъ подходящаго жениха для Карлотты — тогда другое дѣло. Я бы ничего не имѣлъ противъ. Я далъ бы имъ свое родительское благословеніе. Но я знаю Ренессансъ и знаю Паскуале. Карлотта для него—только новое ощущеніе,—а новыя ощущенія—это все, что важно въ жизни для этого восхитительнаго шалопая. А я вовсе не хочу, чтобы ея сердечко было разбито волкомъ изъ эпохи *Чинквеченто* въ костюмѣ отъ Пуля. Ибо, если даже и нѣтъ души, сердце-то, все же, надо думать, у нея имѣется. Относительно души, я все еще въ сомнѣніи. Какъ бы то ни было, я рѣшилъ изъять Карлотту изъ-подъ вліянія Паскуале, перемѣстить ее въ другую обстановку и позволить ей больше бывать въ обществѣ и женщинъ, и мужчинъ,—это должно разсѣять ее и, несомнѣнно, благодѣтельно воздѣйствовать на ея умъ.

Я замѣчаю, что мысли мои все время заняты Карлоттой. Что-жъ, это, во всякомъ случаѣ, не хуже, чѣмъ собирать почтовыя марки, играть въ гольфъ или же стать фотографомъ-любителемъ.

Въ этой деревушкѣ на берегу моря я провелъ пріятный мѣсяцъ. Берегъ крутой, скалистый, а деревушка расположена у самаго входа въ ущелье. Бухта, всего лишь въ четверть мили шириной, съ обоихъ концовъ замыкается выдвинутой въ море стѣной утеса, вырѣзанной естественной аркой. Половина берега занято рыбачьими хижинами и лодками, или просмоленными Ноевыми ковчегами, въ которыхъ рыбаки держатъ свои сѣти. Другая половина неожиданно приподнята въ естественную же плотину, или террасу, на которой выросло довольно примитивное Казино, а подъ террасой тянутся купальни. Мы живемъ въ безукоризненно чистомъ французскомъ отелѣ. Въ немъ нѣтъ ковровъ на лѣстницахъ, но, если кто-нибудь пройдетъ по лѣстницѣ въ грязныхъ сапогахъ, моментально изъ коморки подъ лѣстницей появляется неутомимая служанка съ горячей водой и щеткой и, улыбаясь, смываетъ слѣди его прохода. Карлотта и Антуанетта помѣщаются рядомъ въ главномъ зданіи. Я живу во флигелѣ, сплю въ маленькой, опрятной, съ голыми стѣнами комнаткѣ съ балкономъ, выходящимъ на море и Ноевы ковчеги. Сегодня утромъ, лежа въ постели, я видѣлъ на горизонтѣ нашъ ламаншскій флотъ.

Антуанетта пребываетъ въ непрерывномъ восторгѣ отъ сознанія, что она на родинѣ, во Франціи. Карлотта увѣряетъ, будто блаженная улыбка не покидаетъ ея широкаго румянаго лица даже во время сна. Она однажды заглянула въ ея комнату и видѣла... Добрая душа безъ умолку болтаетъ по-французски, набивая себѣ уши звуками родного языка, какъ курица набиваетъ себѣ зобъ зерномъ. Она перезнакомилась здѣсь со всѣми прачками, рыбачками, *маршандками*, прислужницами при купальняхъ и служанками, я въ дружбѣ со всѣмъ мужскимъ мѣстнымъ населеніемъ курорта. Когда мы всѣ втроемъ гуляемъ вмѣстѣ, ей на каждомъ шагу улыбаются и кланяются. Сперва я думалъ, что всѣ эти поклоны и улыбки относятся ко мнѣ. Но скоро былъ выведенъ изъ заблужденія. Все это предназначается Антуанеттѣ. Она любитъ показывать своимъ друзьямъ мою питомицу и словно хвастается ею. Однажды я засталъ ее перечисляющей передъ восторженной аудиторіей физическія совершенства Карлотты—и притомъ, въ ея присутствіи — самымъ безцеремоннымъ образомъ. Но часъ ея торжества—это часъ купанья, когда она провожаетъ Карлотту изъ ея кабинки къ водѣ и снимаетъ съ нея пеньюаръ и *экспадрильи* [1]), но, прежде чѣмъ показать ее фешенебельному Этрета, предварительно озирается вокругъ, какъ бы говоря: «Приготовьтесь, всѣ вы, мужчины и женщины, узрѣть богиню, которую я вамъ сейчасъ открою». Карлотта, несомнѣнно, обольстительна въ купальномъ костюмѣ, и этотъ моментъ—моментъ торжества ея красоты. Всѣ гурьбой бѣгутъ смотрѣть на нее, а я, сидя на складномъ стулѣ въ своихъ бѣлыхъ панталонахъ, розовой сорочкѣ и матросской шапочкѣ, съ папироской въ зубахъ, не могу подавить въ себѣ горделиваго удовольствія владѣльца. И не дѣлаю ей выговоровъ за то, что она мокрыми пальчиками посылаетъ мнѣ изъ воды воздушные поцѣлуи, и даже не сержусь, когда она кладетъ ножку на мое обтянутое бѣлымъ полотномъ колѣно, чтобъ показать мнѣ, какъ она порѣзала себѣ камешкомъ розовую ступню.

Поведеніе ея все время безупречно. Я представилъ ей двухъ-трехъ молодыхъ людей, которые танцуютъ съ ней въ Казино и гуляютъ по террасѣ взадъ и впередъ передъ обѣдомъ. Но запретилъ, подъ страхомъ немедленнаго возвращенія въ Лондонъ и вѣчной моей немилости, упоминать хоть словомъ о гаремѣ въ Александреттѣ. Молодежь всегда готова все истолковать въ дурную сторону. Она—обыкновенная англійская барышня, сирота (что

---

[1]) Купальныя туфли.

совершенно вѣрно), я же—ея опекунъ. Разумѣется, она и на этихъ юношей смотритъ умоляющими глазами и тянетъ ихъ за рукавъ, или за фалды, чтобъ обратить на что-нибудь ихъ вниманіе, и, вообще, не въ мѣру фамильярничаетъ съ ними; это ужъ—ея природныя особенности и измѣнить ихъ такъ же невозможно, какъ измѣнить форму ея тѣла. Карлотта прирожденная кокетка. Она сама влюблена въ себя и убѣждена, что всѣ мужчины влюблены въ нее. Я видѣлъ, какъ сегодня утромъ она наигрывала пальчиками какую-то мелодію на плечѣ стараго купальщика, который велъ ее въ воду, и видѣлъ, какъ смягчилось его обвѣтренное, красное лицо. По-своему, по-дѣтски, она способна кокетничать и со сборщикомъ налоговъ, и съ тряпичникомъ, и съ архіепископомъ Кентерберійскимъ. Но ничего грубо неприличнаго она не дѣлаетъ; я для нея—господинъ и повелитель, и она исполняетъ мои требованія, по мѣрѣ возможности.

Гдѣ бы она ни была, я всегда по близости, и для меня такая радость—видѣть это счастливое, сіяющее личико, чувствовать, какъ она опирается на мою руку, и слышать воркующій голосокъ, который говоритъ мнѣ:

— Вы такой добрый, такой добрый! Мнѣ хотѣлось бы поцѣловать васъ.

Но цѣловать себя я ей не позволю. Нѣтъ, нѣтъ, никогда больше—достаточно одного раза.

— Сиръ Маркосъ, пойдемте къ маленькимъ лошадкамъ?

Она пристрастилась къ petits chevaux. Я урезониваю ее, объясняю ей, какая это дурная страсть—игра. Она смѣется. Я пытаюсь взять другимъ. — И къ чему это?.. У васъ и денегъ даже нѣтъ.

— О-о! Ну, дайте мнѣ немножко—всего два франка.

— Ни одного не дамъ. Вчера вы проиграли.

— А сегодня выиграю. Мнѣ хочется вамъ подарить одну вещицу, которую я видѣла въ витринѣ. Такую красивенькую...— И я чувствую, какъ маленькая ручка прокрадывается въ карманъ визитки, гдѣ я ношу серебро, спеціально для этой цѣли, какъ иные любители лошадей носятъ въ карманѣ сахаръ для любимаго пони, и тотчасъ же взвивается на воздухъ съ крикомъ радости и торжества. А затѣмъ Карлотта беретъ меня подъ руку и ведетъ съ вечерней прохлады въ жаркую, душную комнатку, гдѣ люди толпятся около девяти вертящихся лошадокъ.

— Я поставлю на № 5. Я всегда ставлю на № 5. Это такая милая, чистенькая, хорошенькая, бѣленькая лошадка.

Она ставитъ два франка, напряженно, съ волненіемъ ждетъ, что будетъ, выигрываетъ и бѣжитъ ко мнѣ, зажимая въ рукѣ 16 франковъ.

— Смотрите, выиграла! Я говорила, что я выиграю.

— Ну, и отлично. Выиграли и пойдемъ отсюда.

Но она съ гримаской отворачивается и, прежде чѣмъ я успѣваю удержать ее, снова бѣжитъ къ столу и снова ставитъ на № 5. Черезъ двадцать минутъ у нея уже ничего нѣтъ, и она возвращается ко мнѣ совершенно убитая, дотого опечаленная, что даже не пытается пошарить еще въ карманѣ визитки. Я увожу ее отъ «маленькихъ лошадокъ» и гренадиновымъ сиропомъ съ содовой водой возвращаю хорошее настроеніе. Соломинокъ она не признаетъ. Облокачивается локтями на мраморный столикъ, держитъ стаканъ обѣими руками и прихлебываетъ съ наслажденіемъ, маленькими глотками.

А я, Маркусъ Ордайнъ, сорокалѣтній философъ, сижу и няньчусь съ ней, и чувствую себя очень довольнымъ. Бѣшеная собака не можетъ быть довольной. Я рѣшительно утверждаю, что этотъ юнецъ самый безмозглый изъ всей своей породы. Въ общемъ, я очень снисходителенъ къ глупцамъ, но, если этотъ будетъ лѣзть мнѣ на глаза, кончится тѣмъ, что я исколочу его.

Послѣ *déjeuner* мы вскарабкались на верхушку западнаго утеса и улеглись на густой сухой травѣ. Былъ ли на землѣ еще когда-нибудь такой чудесный день, весь бирюзовый и алмазный. Даже воздухъ казался прозрачно-голубымъ. Подъ нами дремала на солнцѣ крохотная маленькая деревушка; въ ней почти не замѣтно было признаковъ жизни, кромѣ темныхъ пятнышекъ—рыбачекъ, склоненныхъ надъ бѣлыми полосками—бѣльемъ, разложеннымъ на берегу для просушки. Волны лѣниво набѣгали на берегъ, вдругъ мѣняя цвѣтъ, изъ ультрамариноваго на перисто-бѣлый. Въ бухтѣ, на лазури водъ кой-гдѣ бѣлѣли паруса. Вокругъ, на вершинахъ скалъ, зеленѣли пастбища и луга, а дальше сжатыя поля, окаймленныя деревьями. Мы оба лежали на спинѣ, между землей и моремъ и чувствовали себя какъ бы единственными обитателями міра. Я лѣниво развертывалъ карамельки, снимая съ нихъ прилипшія бумажки, а Карлотта одну за другой съѣдала ихъ.

Мало-по-малу меня стала одолѣвать дремота, и я самъ не

замѣтилъ, какъ уснулъ. Мнѣ было невыразимо пріятно и удобно. Мнѣ снилось, что я лежу на ложѣ изъ мягкихъ мховъ и фіалокъ, и я во снѣ дивился, откуда тутъ могли взяться мохъ и фіалки. Потомъ проснулся—и увидалъ, что голова моя лежитъ на колѣняхъ у Карлотты, въ тѣни ея краснаго зонтика, а сама Карлотта сидитъ на солнцѣ, съ непокрытой головой, и блаженно улыбается. Я испуганно рванулся, сконфузившись своей неприличной позы; она разсмѣялась и удержала меня за плечи.

— Нѣтъ, нѣтъ. Лежите. Вы такой хорошенькій, когда вы спите. И это такъ пріятно. Я сама положила вашу голову къ себѣ на колѣни, чтобъ вамъ было удобнѣе. Вы такъ крѣпко уснули, что даже не слышали.

— Это было возмутительно неучтиво съ моей стороны. Я смиренно прошу у васъ прощенія, Карлотта.

— О, я не сержусь,—смѣялась она. Потомъ, не снимая рукъ съ плечъ моихъ, вытянула ноги и приняла болѣе удобную для себя позу.

— Ну, вотъ. Теперь я буду изображать изъ себя хорошую турецкую жену.—Она свернула вѣеромъ французскую газету, которую я, какъ водится, купилъ съ тѣмъ, чтобы не прочесть ея, и принялась обмахивать меня.

— Аиша всегда дѣлала такъ для Хамди. И при этомъ Аиша разсказывала ему сказки. Но мой господинъ не любитъ сказочекъ своей рабыни.

— Нѣтъ, не люблю,—рѣшительно подтвердилъ я.

Я много слышалъ объ Аишѣ, хорошенькомъ звѣркѣ, который, повидимому, сумѣлъ совершенно околпачить своего супруга, и началъ презирать Хамди-Эффенди.

— По-вашему, онѣ неприличны, да?—засмѣялась она.— Ну, хорошо, тогда я вамъ спою турецкую пѣсенку, которой вы не поймете.

— А пѣсня-то приличная?

— *Kimbilir*—кто знаетъ?

И она запѣла что-то тягучее, унылое, гортанное—и вдругъ оборвала.

— Нѣтъ, это слишкомъ глупо. Какъ и турецкія пляски. Ахъ, въ этой Александреттѣ все такъ глупо! Иногда мнѣ кажется, что я никогда въ жизни не была въ Александреттѣ,— не видала ни Аиши, ни Хамди—что я всегда жила у васъ и съ вами.

Дѣйствительно, въ послѣднее время она рѣдко вспоминаетъ о своей гаремной жизни, болтаетъ больше о разныхъ мелкихъ собы-

тіяхъ дня, и теперь у насъ съ ней уже накопился запасъ общихъ интересовъ. Живетъ она исключительно настоящимъ; прошлое стало для нея смутнымъ сномъ. Курьезнѣе всего, что ея положеніе въ моемъ домѣ и ея отношеніе ко мнѣ кажутся ей вполнѣ естественными. Она—точно бродячій котенокъ, котораго пріютила добрая семья: никакихъ обязательствъ по отношенію къ этой семьѣ она не признаетъ и глубоко убѣждена, что весь міръ созданъ исключительно ради ея удобства. Какъ-то я спросилъ ее: что̀ бы она сдѣлала, если бъ я тогда оставилъ ее на скамьѣ въ саду на набережной Темзы и ушелъ? Она пожала плечами и отвѣтила, какъ въ первый разъ, что она или умерла бы съ голоду, или нашелся бы другой добрый господинъ, который бы позаботился о ней.

— Вы думаете, въ Лондонѣ такъ и ходятъ по всѣмъ улицамъ добрые господа въ поискахъ бездомныхъ дѣвочекъ, которыхъ надо пріютить?

— Хорошенькихъ дѣвушекъ любятъ всѣ мужчины—отвѣтила она, и между нами поднялся старый споръ.

Но сегодня ни у кого изъ насъ не было охоты спорить. День былъ слишкомъ хорошъ. Я лежалъ на спинѣ, положивъ голову на колѣни Карлотты, глядя въ глубокую лазурь небесъ и—странное ощущеніе!—чувствовалъ себя положительно счастливымъ. До сихъ поръ мое отношеніе къ жизни было отрицательное. Я не столько стремился къ ней, сколько бѣжалъ отъ нея. И не пилъ жадными глотками изъ чаши жизни, такъ какъ не испытывалъ жажды. Для меня всего интереснѣй было оставаться зрителемъ жизненной игры. Даже Юдиѳью я интересовался какъ-то отвлеченно. Подобно Фаусту, я могъ сказать сатанѣ:

Werd'ich zum Augenblicke sagen,
Verweile dich—du bist so schön...

— Тогда бери меня и дѣлай со мной все, что̀ хочешь.

Но еще ни разу въ жизни у меня не являлось ни малѣйшаго желанія обратиться къ мгновенью съ такою просьбой: «остановись, помедли—ты прекрасно». Ни разу—до этого дня, когда чары теплаго лѣтняго дня и бирюзоваго неба соединились съ чарами едва расцвѣтшаго весенняго цвѣтка.

— У васъ—постойте—три, четыре, пять—ой, какое множество сѣдыхъ волосъ!—говорила Карлотта, перебирая пальчиками мои волосы.

— У иныхъ и въ двадцать лѣтъ бываютъ сѣдые волосы.

— А у меня нѣту!

— Вамъ и двадцати лѣтъ еще не исполнилось, Карлотта.

— А вы думаете: послѣ двадцати и будутъ? Какой ужасъ! Тогда я никому не буду нужна, никто не будетъ любить меня.

— А я-то какъ же? Развѣ я такъ ужъ всѣмъ противенъ?

— О, вы. Вы—другое дѣло. Вы—мужчина. Мужчинѣ это идетъ. Сѣдины придаютъ ему видъ мудрости, и жена его говоритъ: «Смотрите, у моего мужа сѣдые волосы. Онъ мудръ. Если я не буду хорошая, онъ прибьетъ меня. И потому я должна слушаться его».

— А жена не убѣжитъ отъ него съ какимъ-нибудь двадцатилѣтнимъ повѣсой?

— О нѣ-тъ! *Такой* гадкой она не будетъ.

— Я радъ, что вы сознаніе супружескаго долга считаете элементомъ, неотъемлемо присущимъ женской натурѣ. Это хорошо. Но предположимъ, что она влюбится въ этого двадцатилѣтняго повѣсу—какъ же тогда?

— Это мужчины влюбляются, — наставительно отвѣтила она.— Женщины же влюбляются только въ сказкахъ—въ турецкихъ сказкахъ. А въ жизни онѣ любятъ своихъ мужей.

— Вы изумляете меня.

— Да-а?

— А вотъ въ Англіи мужчина сперва старается добиться любви женщины, а потомъ ужъ женится на ней.

— Какъ же она можетъ его полюбить, когда онъ ей не мужъ?

Вопросъ могъ поставить въ тупикъ кого угодно.

— Ужъ я тамъ не знаю, какъ она можетъ, а только любитъ.

— Значитъ, прежде чѣмъ выйти замужъ въ Англіи, я должна полюбить мужчину? Да я тогда умру безъ мужа.

— Не думаю.

— Надо будетъ поскорѣй начать,—засмѣялась Карлотта.

И, вся изогнувшись, какъ змѣйка, она повернула ко мнѣ свое личико, нагнулась совсѣмъ близко надо мной.

— Не полюбить ли мнѣ сиръ Маркоса? Но какъ же я узнаю, что я влюблена?

— Узнаете по тому, что вамъ будетъ казаться въ высшей степени неловкимъ бесѣдовать объ этомъ съ вашимъ покорнымъ слугой.

— Значитъ, когда дѣвушка влюблена, она не должна говорить объ этомъ?

— Нѣтъ, она прячетъ это чувство глубоко въ своемъ сердцѣ, и оно точитъ ея бархатныя щечки, какъ червякъ точитъ вѣнчикъ цвѣтка.

— Но тогда, значитъ, она становится уродомъ?

— Вотъ именно. Когда вы посмотрите на себя въ зеркало и увидите, что вы стали уродомъ, это будетъ значить, что вы влюблены.

— Но если я стану уродомъ, вы сами меня не захотите,— возразила она,—такъ что не стоитъ и влюбляться въ васъ.

— Вы, оказывается, способны разсуждать логичнѣй, чѣмъ я думалъ.

— А что это такое: разсуждать логично?

— Это—антисептическое средство для истребленія бациллъ безразсудства и укрѣпленія истиннаго счастья.

— Не понимаю.

— Я былъ бы крайне изумленъ, если бъ вы поняли,—смѣялся я.

— А вамъ хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь женился на мнѣ и увезъ меня отъ васъ?—спросила Карлотта, послѣ долгаго раздумья.

— Я такъ и жду,—со вздохомъ сказалъ я,—что въ одинъ прекрасный день, и скоро, какой-нибудь игрушечный рыцарь подкатитъ къ нашему замку на извозчикѣ и увезетъ съ собой мою принцессу.

— И вамъ будетъ жалко?

— Душа моя, зачѣмъ говорить о такихъ грустныхъ вещахъ въ такой чудесный день?

— Вы предпочли бы, чтобъ я и дальше продолжала разыгрывать роль вашей турецкой жены?

— Ну, разумѣется, это много пріятнѣе.

Увы! День этотъ миновалъ. Только я взмолился къ летучему мгновенью: «Помедли! Погоди!».. какъ оно со смѣхомъ взмахнуло крылышками и умчалось въ вѣчность.

Гдѣ-то, совсѣмъ близко отъ насъ, въ травѣ пронзительно трещала цикада. Я лѣниво раздвинулъ руками траву въ поискахъ шумнаго непрошеннаго гостя, и мнѣ посчастливилось найти его. Я кивнулъ Карлоттѣ, та тихонько подползла ко мнѣ, и мы, сблизивъ головы, затаивъ дыханіе, слѣдили вмѣстѣ за курьезнѣйшей маленькой любовной драмой. Наша цикада—самецъ—стоялъ на заднихъ ножкахъ, весь вытянувшись въ струнку, разма-

хивая усиками; станъ его, словно затянутый въ кольчугу, поминутно вздрагивалъ отъ наплыва страстныхъ чувствъ. Передъ нимъ, на стебелькѣ травы сидѣла маленькая коричневая Джульетта—очень скромная и сдержанная маленькая Джульетта, но, все же, видимо, съ большимъ интересомъ прислушивающаяся къ серенадѣ своего Ромео. Пока онъ пѣлъ, она все время раскачивалась на стеблѣ, склонивъ головку на бокъ, словно не зная, сойти ей съ своего балкона, или остаться на мѣстѣ. Когда онъ останавливался—а останавливался онъ довольно часто, ибо, повидимому, былъ робокъ и застѣнчивъ,—она снимала ножку съ лѣстницы и ждала, вначалѣ терпѣливо, затѣмъ съ явной скукой и недоумѣніемъ. Мессеръ Ромео, весь трепеща, дѣлалъ прыжокъ впередъ; Джульетта вздрагивала, видимо волнуясь. Самъ смущенный своей дерзостью, онъ останавливался и отскакивалъ назадъ—Джульетта всѣмъ своимъ видомъ выражала разочарованіе. Кончилось тѣмъ, что вдали громко и призывно закричалъ другой самецъ, и Джульетта, безъ всякихъ предупрежденій, даже не кивнувъ своему Ромео, взмахнула крылышками и порхнула къ нему, оставивъ безутѣшнаго маленькаго Ромео одинокимъ и несчастнымъ. Онъ вскрикнулъ какъ-то сипло и фальшиво и упалъ къ подножью стебелька, на которой сидѣла его невѣрная возлюбленная.

Карлотта весело расхохоталась и захлопала въ ладоши.

— Какъ я рада!

Я возмутился.

— Нѣтъ, какая безсовѣстная! Онъ тутъ распинается, влюбленъ безъ памяти, поетъ ей серенады, а она, потому только, что на сцену появился горланъ, у котораго голосъ позвончѣе, бросаетъ для него бѣдняжку безъ всякой жалости. У нея сердца нѣтъ, и я убѣжденъ, что она плохо кончитъ.

— А зачѣмъ же онъ такой дуракъ?—возразила моя мудрая дѣвица, и въ темныхъ глазахъ ея загорѣлись искорки смѣха.—Если онъ хотѣлъ ее, надо было самому къ ней туда полѣзть и взять ее.

— Этого онъ не рѣшался сдѣлать, потому что онъ—джентльменъ, деликатный, съ утонченными чувствами.

— *Гу*...—засмѣялась Карлотта.—Просто онъ глупъ. И по дѣломъ ему. Ей надоѣло ждать.

— Такъ, по-вашему, бракъ непремѣнно надо совершать увозомъ.

Я объяснилъ ей, что это значитъ, и разсказалъ про обычай татарскихъ племенъ.

— Да,—сказала Карлотта.—Это разумно. И, должно быть,

очень занятно—для дѣвушки. А всѣ эти ваши—какъ это у васъ называется?—ухаживанья, сватовство—только потеря времени. Мнѣ нравится, когда все быстро, быстро, одно за другимъ, или ужъ...

— Что: *или*?

— Ничего не дѣлать, а только лежать на солнышкѣ, вотъ какъ сегодня.

— Да,—мечтательно выговорилъ я, снова укладываясь рядомъ съ нею.—Вотъ какъ сегодня.

Сижу у окна и гляжу на полоску берега, на рыбачьи лодки, вытянутыя на берегъ, на сѣти, развѣшенныя для просушки; все это слабо маячитъ въ звѣздномъ свѣтѣ; подъ окномъ внизу ритмически вздыхаетъ прибой, и въ шумѣ его мнѣ чудится все та же фраза, весь вечеръ жужжавшая въ моихъ ушахъ.

Но въ чемъ же мое безуміе?—Въ томъ ли, что я наполняю свою душу созданной Господомъ чистѣйшей красотой земли, небесъ и моря? Въ томъ ли, что сердце мое тѣшится чистѣйшею усладой интимнаго общенія съ свѣжей и благоуханной юностью?—Въ томъ ли, что я живу мечтой, не оскверненной ни единой нечистой мыслью?..

Въ томъ ли, что я снова чувствую себя молодымъ?

Взялъ сегодня читать на сонъ грядущій изъ летучей Библіотеки «*La Dame de Monsoreau*»; буду осушать десятками бутылки съ отцомъ Горанфло, скакать съ рискованными порученіями вмѣстѣ съ Шико, царемъ шутовъ, и весело бродить съ храбрымъ Бюсси и Генрихомъ IV. Да будутъ благословенны великіе боги, пославшіе усталымъ людямъ Дюма!

XIII.

Сентября 30-го. Съ Антуанеттой творится что-то неладное. Обѣдъ, поданный ею сегодня вечеромъ, былъ совершенно несъѣдобенъ. И съ Стенсономъ, тоже, повидимому, не все ладно: онъ сегодня вздумалъ разыгрывать свои похоронные напѣвы на концертино въ то время, когда я былъ дома—этого я не терплю. Даже съ котомъ что-то неладно. Онъ бродитъ по дому, словно безпріютная душа, и все обнюхиваетъ. Сегодня вечеромъ онъ до-

шелъ до такой наглости, что прыгнулъ на обѣденный столъ, уставился на меня своимъ единственнымъ глазомъ, выражавшимъ столько унынія, сколько иной не выразитъ и двумя, и душу раздирающимъ голосомъ замяукалъ мнѣ прямо въ лицо. И домъ мой тоже сталъ какой-то странный: перья не пишутъ, книги не читаются, кажутся скучными, какъ высохшія кости въ склепѣ; а рукопись моей «Исторіи Морали Ренессанса» стоитъ на моемъ письменномъ столѣ, какъ запыленный памятникъ тщеты всѣхъ человѣческихъ усилій. Что-то неладное творится съ ея авторомъ.

Неладное творится и съ Юдиѳью, которая только-что вернулась отъ Виллоуби, прогостивъ у нихъ два мѣсяца. Я былъ у нея сегодня вечеромъ и нашелъ ее какой-то странной, неуравновѣшенной, склонной противорѣчить. Она допытывалась, почему я грустный. Я отвѣчалъ, что осень на дворѣ, моросить холодный дождикъ—при такихъ обстоятельствахъ можно ли быть веселымъ?

— Въ этой комнатѣ,—возразила Юдиѳь,—ярко горитъ огонь, всѣ шторы спущены, и осень здѣсь не чувствуется, кромѣ какъ въ нашихъ сердцахъ.

— Почему именно въ сердцахъ?

— Какъ вы несносны съ вашимъ вѣчнымъ требованіемъ точныхъ отвѣтовъ! Какъ мнѣ жаль, что я не католичка!

— Почему?

— Могла бы въ монастырь пойти.

— Чѣмъ въ монастырь, поѣзжайте-ка вы лучше къ Дельфинѣ Карреръ.

— Я только два дня тому вернулась, и вы уже спѣшите снова избавиться отъ меня!—вскричала она, съ обычной женской нелогичностью.

— Я хочу только, чтобы вы были счастливы и довольны, милая Юдиѳь.

— Гм...

Ея туфелька, какъ всегда, болтавшаяся на кончикѣ ноги, упала на полъ. Клянусь, я какъ-то не замѣтилъ этого—я думалъ о другомъ.

— Вы даже туфли мнѣ не подняли!

—Тысячу извиненій!—воскликнулъ я, кидаясь къ туфлѣ. Но Юдиѳь уже предупредила меня. Мы оба смотрѣли въ огонь и ничего не говорили. Такъ какъ Юдиѳь жаловалась на усталость, я ушелъ отъ нея рано.

Спустившись внизъ, я замѣтилъ, что оставилъ зонтикъ, снова поднялся по лѣстницѣ и позвонилъ. Немного погодя, я

сквозь зеркальное стекло разглядѣлъ ея фигуру, приближавшуюся къ двери, но, прежде чѣмъ отворить, она погасила свѣтъ.

— Маркусъ!—дрожащимъ голосомъ воскликнула она, и въ полутьмѣ глаза ея блестѣли, какъ будто послѣ слезъ.—Вы вернулись?!

— Да! за зонтикомъ.

Она посмотрѣла на меня, засмѣялась, схватила руками за шею, круто повернулась, сунула мнѣ въ руки зонтикъ, почти вытолкала меня на лѣстницу и захлопнула у меня передъ носомъ дверь. Растерянный и недоумѣвающій, я спустился внизъ. Что̀ такое съ Юдиѳью? Сегодня вечеромъ она объявила мнѣ, что всѣ мужчины жестоки. Я—мужчина, слѣдовательно, и я жестокъ. Силлогизмъ построенъ безукоризненно. Но въ чемъ же я жестокъ къ ней?

Я пошелъ домой. Когда человѣкъ угнетенъ, нѣтъ ничего болѣе утѣшительнаго для него, какъ прогуляться по Лондону подъ проливнымъ дождемъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, получается полная гармонія: и на душѣ, и вокругъ, то же безпредѣльное уныніе, васъ не раздражаетъ дѣланная веселость ближнихъ. Намокшая вселенная подстать вашему настроенію. Это хорошо, когда неладное творится не только съ тобой однимъ, но и со всѣмъ окружающимъ міромъ.

Я промокъ до нитки и поспѣшилъ переодѣться въ халатъ и туфли. На письменномъ столѣ меня ждало письмо, надписанное круглымъ дѣтскимъ почеркомъ—отъ Карлотты, которая вотъ ужъ двѣ недѣли гоститъ въ Корнуэльсѣ, у Макъ Муррэевъ. Удивительно долго тянутся для меня эти двѣ недѣли! Словно глупый школьникъ, я считаю дни до ея возвращенія—до послѣзавтра.

Письмо начинается такъ: «*Сиръ Маркосъ дорогой*». Въ шутку мы условились, что она такъ и будетъ называть меня: «Маркосъ», а не «Маркусъ»; не обычное же расположеніе словъ—ея собственная выдумка:—«Сиръ Маркосъ, дорогой, м-ссъ Макъ Муррей спрашиваетъ, не разрѣшите ли вы мнѣ погостить у нея еще недѣльку. Она хочетъ обучить меня хорошимъ манерамъ. Говоритъ, что я шокирую здѣсь главнаго попа—ахъ, вспомнила: у васъ его зовутъ викаріемъ—тѣмъ, что пошла гулять безъ шляпки съ другимъ маленькимъ попикомъ, молоденькимъ, хорошенькимъ; а когда пошелъ дождь, я надѣла его шляпу, а навстрѣчу намъ какъ разъ идетъ викарій. Но я не флиртую съ

маленькимъ попикомъ. О нѣтъ! Я сказала ему, чтобъ онъ не ухаживалъ за мной, какъ тотъ молодой человѣкъ изъ зеленной. И еще сказала ему, что, если онъ будетъ писать стихи, вы его поколотите. Такъ что, какъ видите, я была умница. Ахъ, миленькій сиръ Маркосъ, мнѣ очень хочется поскорѣй домой, но м-ссъ Макъ Муррей проситъ, чтобъ я еще погостила у нея. А у нея скоро будетъ ребеночекъ, и мнѣ здѣсь очень хорошо и весело — м-ръ Муррей говоритъ такія смѣшныя вещи и смѣшитъ меня. Но я больше всѣхъ люблю своего миленькаго сиръ Маркоса. Передайте Антуанеттѣ и Полифему (одноглазому коту) отъ меня два нѣжныхъ поцѣлуя. А третій—для сиръ Маркоса, отъ его

Карлотты».

Могъ ли я отказать ей? Но, все же, мнѣ хотѣлось бы, чтобъ она поскорѣй вернулась.

Октября 1-го. Всю ночь не спалъ. А сегодня весь день не работалъ. Ренессансъ отодвинулся куда-то вглубь вѣковъ, въ Ледниковую эпоху, которая, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія ея человѣческихъ типовъ, ни мало меня не интересуетъ. Я пошелъ искать пріюта въ клубѣ.—Съ какихъ поръ старый, скромный университетскій клубъ сталъ обителью тревоги? За завтракомъ ко мнѣ подсѣлъ профессоръ Понтингъ,—противное, самоувѣренное существо—и началъ разсуждать о политической экономіи и о гольфѣ. Я учтиво обнаружилъ полное невѣдѣніе по обоимъ этимъ важнымъ вопросамъ. Онъ началъ увѣрять меня, что, если бъ я занялся одной и сталъ играть въ другую, это очень способствовало бы моему физическому и умственному оздоровленію,—при чемъ выпячивалъ узкую, вдавленную грудь и силился придать лицу выраженіе интеллигентности. Боюсь, что Понтингъ, подобно большинству здѣшнихъ завсегдатаевъ, *изучаетъ* гольфъ и *играетъ* въ политическую экономію. Въ хорошемъ настроеніи я добродушно выношу всѣ глупости, которыя изрекаетъ Понтингъ. Но сегодня его хвастливые разсказы о своихъ побѣдахъ въ этой глупой игрѣ только раздражали меня, а его дурацкія экономическія теоріи портили мнѣ аппетитъ.

Бродя уныло по Пиккадилли, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ моей унылою кузиною Розали въ платьѣ нестерпимо унылаго цвѣта. Она торопливо кивнула мнѣ головкой и хотѣла пройти мимо, но я остановилъ ее. Ея блѣдное лицо приняло какое-то

жалкое, растерянное выраженіе, а въ безцвѣтныхъ глазахъ засвѣтился страхъ. Это меня обозлило.

— Почему вы бѣжите отъ меня, какъ отъ чумы?

Она пролепетала что-то въ родѣ того, что она вовсе не бѣжитъ отъ меня, а просто торопится.

— Не вѣрю,—сказалъ я.—Вамъ наговорили про меня, что я дурной, развратный человѣкъ, который продѣлываетъ невообразимыя гадости, и вы, какъ хорошая дѣвочка и паинька, боитесь разговаривать со мной. Ну, такъ передайте отъ меня тѣмъ, кто наплелъ вамъ это, вмѣстѣ съ поклономъ, что они глупые и злые люди и говорятъ неправду.

Я приподнялъ шляпу и отошелъ, оставивъ Розали въ растерянности и недоумѣніи. Золъ я былъ невыразимо, хоть и понималъ, конечно, всю нелѣпость моей злости. Разумѣется, за такое отношеніе ко мнѣ кузины мнѣ слѣдуетъ поблагодарить тетушку Джессику. Настроеніе у меня было боевое, и я рѣшилъ нанести ей визитъ. Взялъ извозчика и черезъ двадцать минутъ сидѣлъ уже въ ея гостиной. Тетушка была одна дома; ея дочери разъѣхались на дачи, по знакомымъ. Приняли меня очень сухо. Я выразилъ надежду, что прогулка въ яхтѣ была пріятной.

— Чрезвычайно пріятной,—подтвердила тетушка.

— Надѣюсь, Дора здорова?—освѣдомился я, сдерживая улыбку.

— Вполнѣ, благодарю васъ.

Такъ какъ я не любитель staccato въ разговорѣ, я учтиво замолчалъ, предоставляя тетушкѣ возобновить бесѣду.

— Меня немножко удивляетъ, Маркусъ,—прорвалась она, наконецъ,—что вы спрашиваете о Дорѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Можно узнать, почему?

— Могу я говорить прямо?

— Пожалуйста! Прошу васъ.

— Мнѣ разсказывали, какъ вы проводили время въ Этрета съ вашей подопечной.

— Ну такъ что же?

— *Sapienti Sat.*

— И вы поспѣшили увѣдомить м-ссъ Ральфъ и Розали о томъ, какъ я отдыхаю лѣтомъ, и дали имъ понять, что я—чудовище разврата. Чрезвычайно вамъ обязанъ. Я только-что встрѣтилъ Розали на улицѣ, и она отшатнулась отъ меня, словно отъ воплощенія первороднаго грѣха.

— Не сомнѣваюсь, что для ея невинной души вы таковы и есть.

Снисходительная усмѣшка, которой тетушка прежде встрѣчала мои чудаческія выходки, исчезла; выраженіе лица ея было жестко и сурово.

— Очень радъ, что у меня такіе добрые и снисходительные родственники.

— Я—свѣтская женщина и снисходительна ко многому,—возразила тетушка,—но я нахожу, что когда такими вещами тычутъ въ глаза свѣту, онѣ становятся безнравственны.

Я всталъ.—Значитъ, такъ: грѣшите тайно, сколько вамъ угодно, но стыдъ вамъ и позоръ, если это получитъ огласку?

Тетушка наклонила голову въ знакъ согласія.

— А я вотъ старался, какъ умѣлъ, дѣлать добро и тайно, и явно, и естественно, краснѣю отъ негодованія, когда люди называютъ это постыднымъ.

Я пристально смотрѣлъ въ глаза тетушкѣ и видѣлъ, что она ни чуточки не вѣритъ мнѣ. Ей-богу, если бъ я сумѣлъ неопровержимо показать свою невинность, эта женщина была бы искренно разочарована.

— Прощайте,—сказалъ я.

Она холодно пожала мнѣ руку и повернулась, чтобы позвонить. Но мигъ спустя—я вѣрю, что подъ вліяніемъ добраго чувства—нагнала меня у двери.

— Я знаю, Маркусъ, что вы чудакъ и Донъ-Кихотъ. Надѣюсь, что вы не поступите опрометчиво.

— Что вы подразумѣваете подъ этимъ?—спросилъ я, чувствуя, что дошелъ до бѣлаго каленія.

— Я надѣюсь, что вы не станете поправлять своей—ошибки женитьбой на... на этой молодой особѣ.

— Чтобъ попытаться сдѣлать изъ нея честную женщину—да, вы это подразумѣвали?

— Да.

Тутъ въ меня точно бѣсъ вселился, и гнѣвъ, тревога и желаніе—все сразу закипѣло въ котлѣ, въ который превратилось мое сердце. Въ результатѣ котелъ взорвался. Я, стиснувъ кулаки, шагнулъ впередъ—тетушка въ ужасѣ отпрянула.

— Клянусь Господомъ,—крикнулъ я,— я отдалъ бы жизнь и душу за то, чтобы жениться на ней!

И выбѣжалъ изъ дома тетушки, спотыкаясь, какъ слѣпой.

Ну, вотъ и прорвалось наружу то, о чемъ я не смѣлъ даже мечтать. Сказать, что я люблю Карлотту—это все равно, что назвать фонтаномъ Ніагару. Я жажду ея каждой каплей крови моего сердца и моего мозга. Образъ ея неотступно стоитъ передъ моими глазами. Мнѣ чудится ароматъ ея волосъ, въ ушахъ моихъ звучатъ воркующія нотки ея голоса; я закрываю глаза—и чувствую на своихъ щекахъ розовые лепестки ея губъ, любуюсь чарующей граціей каждаго ея движенія.

Я не могу жить безъ нея. До нея домъ мой былъ унылый, неуютный, нежилой. Отнынѣ, если она уйдетъ, и жизнь моя безъ нея будетъ такой же пустыней. Всѣ эти двѣ недѣли сердце мое тосковало по ней, и я не понималъ этого. Теперь я знаю. Я стою на балконѣ и протягиваю руки къ югу, гдѣ живетъ *она*, и мнѣ хочется крикнуть громко, послать ей туда страстный призывъ. Нѣтъ такого безумія, котораго я не совершилъ бы для нея. Вотъ сейчасъ я, дѣйствительно, любому сумасшедшему могу дать тридцать очковъ впередъ...

Два часа ночи. Спать пора. Снимаю съ полки Эпиктета, способнаго вылить холодный душъ на самый распаленный мозгъ. И сразу натыкаюсь на такую утѣшительную апофеегму: «Неравна борьба между прелестной дѣвушкой и начинающимъ философомъ». Онъ издѣвается надо мной, этотъ холоднокровный педагогъ. Не удержался и швырнулъ книгу въ уголъ. А, въ сущности, онъ правъ. Я—начинающій философъ, и никакая броня, въ которую я пытаюсь облечь мой разумъ, не спасетъ меня отъ Карлотты. Гдѣ же мнѣ бороться съ ней! Положеніе мое безнадежно.

Но ради Бога! какое же это безуміе? А, можетъ быть, наоборотъ, никогда еще я не разсуждалъ такъ здраво. Сорокъ лѣтъ я жилъ, какъ автоматъ, и вдругъ проснулся и почувствовалъ себя мужчиной. Мнѣ все равно, сонъ это, или явь, но я снова молодъ. Ко мнѣ вернулась пылкая, ликующая юность. Мнѣ снова двадцать лѣтъ. Вѣдь я не жилъ вовсе—значитъ, и состариться не могъ. Жизнь преобразилась для меня въ музыку въ «Invitationà la Danse» Вебера. Я начинаю громко хохотать. Полифемъ, который смотритъ на меня своимъ единственнымъ глазомъ съ того уголка на диванѣ, гдѣ любитъ сидѣть Карлотта, спрыгиваетъ на полъ и начинаетъ скакать по комнатѣ, причудливо выгибать спину. Что, старина, и ты затанцовалъ? Эта музыка дѣйствуетъ и на тебя? Ну, что-жъ, проведемъ ночь вдвоемъ. Къ чорту сонъ,

Спустимся въ погребъ, разыщемъ тамъ бутылку Поммери и выпьемъ за Жизнь и Юность, и Любовь, за Радость Жизни.

Полифемъ мурлычетъ отъ удовольствія и трется объ меня. Въ темнотѣ погреба единственный глазъ его сверкаетъ, какъ звѣзда, и его мурлыканье становится захлебывающе громкимъ. Я глажу его по спинѣ—изъ-подъ моей руки вылетаетъ цѣлый фейерверкъ искръ. Мы на цыпочкахъ поднимаемся по лѣстницѣ, я несу бутылку шампанскаго и кружку молока—надо же устроить пиръ и Полифему; такъ какъ я забылъ захватить блюдечко, ты будешь пить, о Полифемъ, какъ никогда еще не пилъ котъ—съ драгоцѣнной тарелки съ гербомъ Эсте ди Феррара—надъ которой смѣялось личико Лукреціи Борджіа, когда міръ былъ еще молодъ. Жалко, что коты не пьютъ шампанскаго. Я бы напоилъ тебя сегодня до-пьяна. Мы оба пьемъ, и вкусное лаканье кошачьяго языка сопровождаетъ басовою ноткой звонкую струю Поммери, льющуюся въ бокалъ съ содовой водой.

Дивная влага братья Поммери. Вы, торгующіе этимъ райскимъ молокомъ,—я, какъ Омаръ, дивлюсь, какъ вы можете продавать такую драгоцѣнность и что̀ можно купить на деньги, вырученныя за нее, хотя бы вполовину такого драгоцѣннаго. Автомобили для м-ссъ Поммери и пирожныя для малютокъ Грено? Мнѣ не хочется васъ представлять себѣ обыкновенными смертными въ шелковыхъ цилиндрахъ, съ зонтиками и прочими пороками, присущими респектабельности. Вы для меня благодѣтельные полубоги, винные Касторъ и Поллуксъ, миѳическія существа, добывшія гдѣ-то въ небывалой солнечной странѣ жидкое золото радости жизни и приносящія его людямъ.

Черкнуть нѣсколько словъ вотъ на этомъ телеграфномъ бланкѣ—и завтра же вечеромъ она будетъ здѣсь. Но нѣтъ. Что такое недѣля? Съ свинцовыми гирями на ногахъ—это вѣчность, но для того, кто чувствуетъ за спиной крылья — это единый мигъ. Притомъ же, мнѣ надо привыкнуть къ своей молодости. Я долженъ научиться ея безумію, постигнуть азбуку ея мудрости. Мы будемъ совѣтоваться съ тобою, Полифемъ, какъ превратить эти комнаты, пыльныя отъ истлѣвшихъ мыслей, въ вѣнчальный покой, свѣтлый и благоухающій. Выпьемъ снова за ея колдовскія чары. Эта душистая пѣна на моихъ губахъ—это ея дыханіе, дистиллированное Небесными Близнецами. Какъ бишь я давеча сказалъ тетушкѣ? «Я отдалъ бы душу и жизнь за то, чтобы жениться на ней». Это все равно, что купить ее за одинъ фартингъ. Я отдалъ бы всю вселенную въ кабалу за одинъ ея поцѣлуй.

Я поднимаю Полифема за переднія лапки, а заднія болтаются въ воздухѣ. Это не мѣшаетъ ему продолжать облизываться и смотрѣть на меня сардонически. Онъ ужасно равнодушенъ, этотъ Полифемъ—это иной разъ удручаетъ меня—но я съумѣю разогрѣть его.

— Пойми, Полифемъ—восклицаю *я*,—никого я не боюсь, ни человѣка, ни дьявола!

«Que je suis grand ici! mon amour de feu
Va de pair cette nuit avec celui de Dieu!»

Ты можешь возразить мнѣ, что нельзя такъ и сказать стихи, что въ первой строчкѣ не хватаетъ слога, и что Трибуле говорилъ: «colère» вмѣсто «*amour*». Ты всегда былъ сухимъ, пыльнымъ педантомъ. А я говорю: «*amour*»—*любовь*—ты слышишь? Ты не понимаешь?—ну, такъ я тебѣ переведу.

Сегодня я великъ. Любовь моя—огонь
И въ эту ночь она равна Боговъ желаньямъ.

Да-съ, вотъ я поэтомъ сталъ, стихи началъ писать—и не перестану изъ-за того, что ты царапаешь мнѣ руки когтями заднихъ лапъ.

Ну, будетъ. Лакай себѣ свое молоко, а я буду пить шампанское. Его запахъ похожъ на запахъ гіацинта. Это открытіе. Волосы Карлотты пахнутъ фіалками, но ея обнаженныя юныя руки, когда она обвила ихъ вокругъ моей шеи, пахли гіацинтами, et sa peau—on dirait du satin. Сама Карлотта сидитъ въ этомъ винѣ—Карлотта съ ея юностью, ея смѣхомъ, ея чарующею красотой, и я пью за Карлотту.

Quo me rapis Bacche plenum tui?

Въ такую страну грезъ, мой одноглазый другъ, куда я раньше не заглядывалъ. Ты зѣваешь? Тебѣ скучно? Я брызнулъ остатками вина изъ моего бокала въ разинутую пасть кота. Онъ отскочилъ, фыркая и отплевываясь, а я откинулся на спинку кресла въ приступѣ неудержимаго смѣха.

Октября 2-го.

Весь день у меня мучительно болѣла голова. Я проснулся въ шесть утра, замѣтилъ, что я уснулъ въ креслѣ, и, дрожа отъ холода, поплелся въ спальню. Оказывается, Поммери и Грено совсѣмъ не полубоги, а просто торговцы, поставляющіе алкоголь такой крѣпости, что выпить одному цѣлую пинту его, въ обществѣ одноглазаго кота, въ два часа ночи, вовсе не полезно для здоровья.

Но я не каюсь. Если вчера это было безуміе—тѣмъ лучше Я пересталъ бороться съ неизбѣжнымъ, ибо неизбѣжное для меня—радость и вѣнецъ моихъ мечтаній. Ибо и въ трезвомъ видѣ я люблю *ее* безпредѣльно.

Октября 6-го.

Завтра *она* вернется. Мы съ Антуанеттой устраиваемъ ей торжественную встрѣчу. Добрая душа украсила весь домъ цвѣтами и, не дожидаясь, пока это сдѣлаетъ Стенсонъ, сама отполировала мебель, корешки переплетовъ, серебро, повѣсила чистыя занавѣси и всюду скребла и терла дотого, что я боюсь сидѣть, боюсь ходить—какъ бы не запятнать безупречной чистоты всего окружающаго.

— Вы одно только упустили изъ виду, Антуанетта,—насмѣшливо замѣтилъ я: — забыли усыпать ступени крыльца лепестками розъ.

— Я готова устлать ихъ своимъ тѣломъ, чтобы милый ангелъ прошелъ по немъ,—отвѣтила Антуанетта.

— Ну, *это* не очень-то похоже на розовые лепестки.

Антуанетта разсмѣялась.—А сами-то вы, баринъ? Ужъ молчали бы! Небось, сами купили новыя портьеры въ барышнину комнату и новый туалетный столикъ и весь туалетный приборъ серебряный, и щеточки, и гребни, словно для какой-нибудь принцессы. А пуховичекъ розовый атласный. *Regardez moi ça!* Monsieur теперь ужъ не имѣетъ права говорить, что я одна балую нашего ангельчика.

— Monsieur будетъ говорить то, что ему угодно,—возразилъ я, не найдя лучшаго отвѣта.

— Monsieur, конечно, въ своемъ правѣ,—почтительно согласилась Антуанетта, но глаза ея лукаво и краснорѣчиво улыбались.

Неужели эта хитрая старуха догадалась? Можетъ быть, я, дѣйствительно, нѣсколько пересолилъ въ своихъ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Карлотты, превративъ нижнюю гостиную въ дамскій будуаръ? Всю эту недѣлю у меня было хлопотъ по горло. Ну, такъ что-же? Еще нѣсколько дней, и я скажу ей: «Антуанетта, скоро у насъ въ домѣ будетъ свадьба».

Какъ бы она только на радостяхъ не заключила меня въ свои обширныя объятія.

XIV.

Октября 7-го. На перронѣ Паддингтонскаго вокзала я неожиданно наткнулся на Себастіана Паскуале, лѣниво прохаживавшагося по платформѣ. Съ конца іюля я не видалъ его и не слыхалъ о немъ, и думалъ, что онъ, по обыкновенію, странствуетъ по свѣту. Онъ радостно кинулся ко мнѣ навстрѣчу, протягивая мнѣ обѣ руки, по иностранному обычаю.

— Милый старый Ордайнъ! могъ ли я ожидать встрѣтиться съ вами здѣсь! Какимъ вѣтромъ васъ занесло на Паддингтонскій вокзалъ?

— Я жду Карлотту. Она должна пріѣхать съ плимутскимъ экспрессомъ.

— Прелестную Карлотту? Какъ она поживаетъ? Что она дѣлала въ Плимутѣ?

Я началъ объяснять. Посерединѣ фразы онъ вдругъ вытащилъ часы.

— Чортъ возьми! Мнѣ надо перейти на другую платформу, а не то я пропущу свой поѣздъ въ Илингъ. Я такъ бродилъ здѣсь, чтобы убить время. Я, знаете, люблю смотрѣть, какъ подходитъ поѣздъ—дымъ, огонь, свистки, шумъ, грохотъ—подкатываетъ какое-то чудовище въ дыму и копоти, и вдругъ, метаморфоза: гладкіе съ виду бока его превращаются въ пасти, изрыгающія людей. Словно врата Гадеса. Кстати, это недурное олицетвореніе — современнаго Гадеса. Теперь, вѣдь, черезъ Стиксъ переброшенъ желѣзнодорожный мостъ, и у Харона золотой галунъ на шапкѣ, и эта платформа, можетъ быть, и есть платформа осужденныхъ грѣшниковъ.

— Вы забываете, что на эту платформу сейчасъ выйдетъ Карлотта.

Онъ тряхнулъ головой и расхохотался, какъ мальчишка.

— Ну, хорошо, тогда будемъ считать, что эта станція прибытія желѣзной дороги, соединяющей Землю съ Гадесомъ и Олимпомъ. А мнѣ надо на боковую вѣтку, въ Илингъ—на свиданіе съ очаровательнѣйшей герцогиней—о, настоящей герцогиней, смѣю васъ увѣрить.

— Я и не сомнѣвался въ этомъ.

Стенсонъ, котораго я взялъ съ собой, чтобы онъ получилъ багажъ Карлотты, подошелъ ко мнѣ и дотронулся до шляпы.

— Поѣздъ уже вышелъ со станціи, сэръ.

Паскуале снова взглянулъ на часы и протянулъ мнѣ руку.

— Ну, мнѣ пора. Очень жалѣю, что не могу встрѣтить нашей красавицы. Я скоро забѣгу къ вамъ, а пока—прошу засвидѣтельствовать ей мое почтеніе. Я, знаете, все это время не былъ въ Лондонѣ—только вчера вернулся.

Онъ послалъ мнѣ привѣтъ рукой и убѣжалъ. Прибытіе поѣзда, шумные восторги Карлотты, радость чувствовать ее снова около себя и слушать ея милую болтовню, веселый вечеръ, проведенный въ ея обществѣ,—все это вытѣснило изъ моей головы Паскуале. А, все же, странно, что мы столкнулись съ нимъ на Паддингтонскомъ вокзалѣ...

На площадкѣ лѣстницы мы разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы переодѣться къ обѣду. Черезъ минуту ко мнѣ постучались въ дверь. Я отворилъ и увидалъ Карлотту съ сіяющимъ лицомъ, серебряной головной щеткой въ одной рукѣ и ручнымъ зеркальцемъ въ другой.

— Сиръ Маркосъ, миленькій мой, дорогонькій! Это вы мнѣ? Все мнѣ?

— Нѣтъ. Это Антуанеттѣ.

— О-о!..

Она засмѣялась, за руку втащила меня въ свою комнату и затворила дверь.

— Это все такъ красиво, *такъ* красиво, что я умру, если не поцѣлую васъ!

— Ну, умирать вы, во всякомъ случаѣ, не должны,—засмѣялся я—и на этотъ разъ ужъ не отталкивалъ ея. Но это была ласка ребенка; вокругъ шеи моей обвились дѣтскія ручки—я внутреннимъ чутьемъ, болью сердца почувствовалъ это, и подавилъ въ себѣ страстное желаніе прижать ее къ своей груди.

— Ну, вотъ,—сказалъ я, когда она вырвалась и отбѣжала снова къ туалету, выдвигая одинъ за другимъ ящички, въ которыхъ лежали разныя бездѣлушки, купленныя мною ей въ подарокъ.—Теперь вы не умрете отъ тоски. Но я боюсь, какъ бы вы не умерли отъ голода. Черезъ четверть часа извольте быть готовы.

Она сошла къ обѣду въ низко вырѣзанномъ платьѣ, въ ожерельѣ и шитой жемчугомъ повязкѣ, какъ истый ребенокъ, не выпуская изъ рукъ зеркальца въ серебряной оправѣ. Я думаю, она, и ложась спать, положила его себѣ подъ подушку, какъ дѣти кладутъ куклу. И ужъ, конечно, держала его весь вечеръ подъ рукою и поминутно глядѣлась въ него, безцеремонно лю-

буясь собой, какъ мачеха въ сказкѣ. Одинъ разъ, показывая мнѣ «восхитительную» бирюзовую подвѣску у себя на шеѣ, она пригнулась ко мнѣ совсѣмъ близко и, для того, чтобъ моимъ «близорукимъ» глазамъ было легче разглядѣть ее, соскользнула ко мнѣ на колѣни (она почему-то убѣждена, что я безъ очковъ ничего не вижу). У нея розовая кожа, очень теплаго оттѣнка, который такъ идетъ къ ея темно-бронзовымъ волосамъ—словно отсвѣтъ пламени упалъ на ея обнаженную шею и руки. И кожа ея—теперь я убѣдился въ этомъ — пахнетъ гіацинтами. Можетъ ли быть что-нибудь соблазнительнѣе для мужчины? У меня задрожали пальцы, когда я, берясь за бирюзу, нечаянно коснулся ея шейки — но она не смутилась этимъ, нѣтъ, — она смотрѣла въ зеркало.

— Отъ бирюзы кожа кажется такой бѣлой!—восхищалась она. — Въ Буде была одна дѣвушка, у которой было золотое ожерелье,—а шея костлявая—всѣ косточки можно пересчитать. Я рада, что я не костлявая. Я вся мягкая—вотъ, попробуйте.

Она взяла мои пальцы и прижала кончики ихъ къ своей упругой юной шейкѣ чуть пониже горла.

— Да,—выговорилъ я вдругъ охрипшимъ голосомъ,—здѣсь вашей бирюзѣ удобно и покойно. Вотъ, я поцѣлую ее, чтобъ она принесла вамъ счастье.

Она заворковала отъ удовольствія.—Не думаю, чтобы кто-нибудь цѣловалъ ожерелье дѣвушки изъ Буде. Она была слишкомъ тоща. И черезчуръ стара—ей, навѣрно, было уже тридцать лѣтъ. А теперь, — объявила она, приподнимая бирюзу,—поцѣлуйте и мѣстечко, на которомъ она будетъ лежать.

Я заглянулъ въ ея глаза. Замѣтивъ, что я колеблюсь, они приняли умоляющее выраженіе.

— О-о!—укоризненно протянула она.

Я знаю, что я дуракъ. Знаю, что Паскуале осыпалъ бы меня градомъ насмѣшекъ. Знаю, что мнѣ стоило протянуть руку, чтобы взять всю эту прелесть себѣ—и навсегда. Если бъ я не любилъ ея такъ страстно, я бы слегка, шутливо, коснулся губами этой нѣжной шейки. Но цѣловать шутя, когда въ груди безумное желанье—это было бы оскорбленіемъ.

Я приподнялъ ее и поставилъ на полъ. Потомъ и самъ всталъ, смущенно засмѣявшись, отвернулся.

— Нѣтъ, душа моя, *такъ это* не дѣлается!

Карлотта, думая, что я шучу, разсмѣялась еще звончѣй меня.

— А *какъ же* это дѣлается?

Я взялъ ея руку и поцѣловалъ, съ низкимъ поклономъ, какъ это дѣлали въ восемнадцатомъ столѣтіи.

— Вотъ какъ!

— О-о! Какъ это скучно!—Карлотта поймала Полифема и зарылась лицомъ въ его мягкую шерсть.—Вотъ какъ бы я хотѣла, чтобы меня цѣловали.

— Тотъ, кого вы полюбите, дорогая, несомнѣнно, такъ и будетъ цѣловать васъ.

Она сдѣлала гримаску.

— Такъ долго ждать?—какъ это скучно!

— Зачѣмъ же долго ждать? — Я снова взялъ ея ручки; голосъ мой зазвучалъ серьезно и торжественно. — Развѣ вы не можете полюбить, отдать любимому все свое сердце, все самое нѣжное и ласковое, что есть въ вашей душѣ?

— Я бы вышла за любого хорошаго человѣка, если бъ вы отдали меня ему.

— Вамъ безразлично, за кого? За кого угодно?

— Ну, разумѣется!

— И всякій, кто захотѣлъ бы жениться на васъ, могъ бы цѣловать васъ, какъ вы давеча цѣловали Полифема?

— О-о! надо, чтобъ онъ былъ хорошій — не такой, какъ Мустафа.

Я со вздохомъ отвернулся и закурилъ папироску; Карлотта же свернулась клубочкомъ на диванѣ, любуясь въ зеркальцѣ собой и своимъ ожерельемъ. Черезъ минуту она уже разговаривала съ котомъ, который прыгнулъ къ ней на колѣни и, выгибая спину, терся объ нее.

Мнѣ было грустно, но отъ счастья видѣть ее, отъ счастья сознавать, что я уже не одинокъ, это скоро прошло. Мы весь вечеръ смѣялись, оба.

Но вотъ теперь, когда я сижу одинъ за своимъ письменнымъ столомъ, у меня такая пустота въ душѣ—я чувствую себя, какъ человѣкъ, который, изголодавшись, надѣялся найти въ извѣстномъ мѣстѣ пищу — и, словно въ насмѣшку надъ его голодомъ, не нашелъ ничего, кромѣ пирожныхъ.

Октября 14-го. Прошла недѣля. Почти все свое время и всѣ силы я употреблялъ на то, чтобы завоевать ея любовь.

Или, въ конечномъ счетѣ, она — только ребенокъ, и моя страстная любовь къ ней представляетъ собой что-то чудовищное?

Какъ же мнѣ быть? Жизнь становится для меня мукой. Услать ее—я изведусь безъ нея. Оставить—это значитъ подливать масла въ огонь. Она, какъ ребенокъ, ластится ко мнѣ, и

это сводитъ меня съ ума. Отталкивать ее было бы грубо — она любитъ, чтобъ ее ласкали; она не можетъ говорить со мною безъ того, чтобъ не дотронуться до меня, не прислониться къ моему плечу или рукѣ, и я все время чувствую ея физическую близость. Все это она дѣлаетъ наивно, съ дѣтской ловкостью, какъ будто я для нея не мужчина. Мнѣ всего лучше съ ней, когда мы на людяхъ, въ ресторанѣ, въ театрѣ, на прогулкѣ, гдѣ моя радость при видѣ ея радости не омрачается ничѣмъ.

Я позволилъ ей брать уроки музыки у нѣмца Штюра, который неподалеку. Быть можетъ, музыка будетъ содѣйствовать развитію въ ней нѣжныхъ чувствъ.

Октября 21-го. Въ угоду ей я пріучилъ себя къ частымъ выѣздамъ, къ уличной жизни, которая раньше была мнѣ ненавистна. Паскуале былъ у насъ уже три раза. Вчера онъ устроилъ въ честь Карлотты званый обѣдъ въ Континенталѣ. Дамы, съ которыми она познакомилась на этомъ обѣдѣ, пригласили ее бывать у нихъ. Нужно же ей какое-нибудь общество, а вывозить ее некому, кромѣ меня. Всѣ эти дамы—изъ богатой буржуазіи, которая тянется за аристократіей и напускаетъ на себя свѣтское легкомысліе, пряча подъ нимъ отсутствіе ума и, въ основѣ, буржуазнѣйшую респектабельность. Несмотря на блестящее остроуміе Паскуале и восторгъ Карлотты, мнѣ было скучно, и я былъ нѣмъ, какъ рыба—это общество не для меня.

Работа моя стоитъ, я живу одной Карлоттой. Боюсь, что я и вправду немного свихнулся.

Послѣ возвращенія Карлотты я всего раза два видѣлся съ Юдиѳью. Сегодня навѣстилъ ее. Она несчастна. Хотя я не признавался ей въ своей измѣнѣ, она женскимъ чутьемъ, навѣрное, ужъ разгадала мою тайну. Наши съ ней отношенія чужды глубокихъ эмоцій. Въ основѣ ихъ лежитъ самая искренняя дружба, скрашенная налетомъ сантиментализма. И, тѣмъ не менѣе, Юдиѳь безумно ревнуетъ меня къ Карлоттѣ. Ея самолюбіе очень задѣто. Она держитъ себя такъ, какъ будто я поступилъ съ ней по-скотски. Милая Юдиѳь, ничего гнуснаго я не сдѣлалъ—я только почувствовалъ себя мужчиной. Мнѣ чудится ея отвѣтъ: «Это одно и то же!». Нѣтъ, не одно и то же. За всю свою жизнь, душа моя! я еще ни разу не любилъ, какъ надлежитъ мужчинѣ любить женщину—теперь, когда я полюбилъ, я не скрываю этого и, слѣдовательно, винить меня въ обманѣ ужъ никакъ нельзя. Въ свое время я откровенно поговорю съ Юдиѳью о своей новой любви, но сейчасъ—какъ я могу сказать ей? Могу ли я кому-нибудь сказать объ этомъ?

Я иной разъ себѣ представляю, что я, какъ Панургъ, прихожу за совѣтомъ къ другу Пантагрюэлю.—«Я люблю Карлотту и хочу жениться на ней».—«Такъ женись на ней!» говоритъ Пантагрюэль. «Но она меня не любитъ!» «Тогда не женись!»—«Да нѣтъ же, она готова выйти за меня, хоть завтра, и все равно, церковнымъ бракомъ, или только гражданскимъ».—«Mariez vous doncques de par Dieu!»—отвѣчаетъ Пантагрюэль.—«Но я былъ бы послѣднимъ негодяемъ, если бъ воспользовался ея невинностью и ея готовностью повиноваться мнѣ».—«Въ такомъ случаѣ не женись».—«Но я не могу жить безъ нея»,—съ отчаяніемъ говоритъ Панургъ. «Я словно околдованъ. Если я не женюсь на ней, я погибну отъ нераздѣленной страсти».—«Ахъ, ты, Господи! такъ женись скорѣй, и баста». Но отъ совѣтовъ Пантагрюэля мнѣ ничуть не легче: я только выставилъ напоказъ свое безуміе передъ насмѣшникомъ.

Октября 23-го. Я начинаю находить, что молодой человѣкъ, сравнившій меня съ бѣшеной собакой—чрезвычайно проницателенъ. Подъ меланхолической кротостью моей натуры онъ угадалъ скрытую наклонность къ собачьему бѣшенству. Разумное существо неспособно къ такой нелѣпой сосредоточенности на одной мысли, къ такой страстной изступленности, нарастающей день ото дня.

Надо будетъ посовѣтоваться съ спеціалистомъ-психіатромъ.

Октября 25-го. Сегодня подъ вечеръ пошелъ къ Юдиѳи, больше для того, чтобъ доказать ей вѣрность моей дружбы, чѣмъ ради попытки найти утѣшеніе въ ея обществѣ. За чаемъ мы бесѣдовали о погодѣ и книгахъ и объ ея статистической работѣ. Было скучно, но неловкости не чувствовалось. Въ комнату вползли сѣрыя сумерки, и разговоръ нашъ оборвался. Помолчавъ, она спросила, не глядя на меня:

— Когда мы опять проведемъ вечеръ вмѣстѣ?

— Когда хотите, милая Юдиѳь.

— Завтра?

— Боюсь, что завтра не смогу.

— Что же вы такого особеннаго дѣлаете завтра?

— Я обѣщалъ Карлоттѣ свести ее въ Ампиръ.

— Ахъ, вотъ какъ!—И Юдиѳь опять умолкла, а мнѣ стало не по себѣ.

— Отчего вы не пригласите, Маркусъ, и меня? Это было очень мило съ вашей стороны.

— Пригласить васъ идти въ театръ со мною и съ Карлоттой?

— Почему же нѣтъ?

— Я спросилъ, потому что удивился. Мнѣ казалось, вы не любите Карлотты?

— Почему же? Мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ ней ближе. Всѣ, кѣмъ вы интересуетесь, естественно, интересуютъ и меня.

— Въ такомъ случаѣ мы оба будемъ страшно рады, если вы поѣдете съ нами.

— Я такъ давно не проводила вечера въ пріятномъ обществѣ.

— Мы сперва пообѣдаемъ гдѣ-нибудь, а послѣ театра будемъ ужинать, все, что полагается для веселаго вечера. Toute la lyre. И вамъ будетъ предложено ваше любимое клико.

— Это будетъ восхитительно! — любезно поблагодарила Юдиѳь.

Сегодня весь день она была со мной учтива и любезна, но очень сдержанна, словно съ простымъ знакомымъ. Быть можетъ, она примирилась съ неизбѣжнымъ, и эта просьба взять ее съ собой въ театръ—милый способъ дать мнѣ это понять. Мнѣ хотѣлось бы такъ думать, но это какъ-то не вяжется съ ея обычной нелогичностью и съ тѣмъ, что она называетъ своимъ «темпераментомъ». Я озадаченъ.

Ея прощальная улыбка повѣяла на меня холодомъ—передо мною была маска, а не лицо женщины, и, во всякомъ случаѣ, не лицо Юдиѳи. Я не жду большого веселья отъ завтрашняго вечера.

По совѣту Карлотты, я написалъ Паскуале и пригласилъ его провести вечеръ съ нами. Его живость и его остроуміе должны придать нашему вечеру хотя бы видъ веселости, которую Карлотта приметъ за чистую монету.

Въ послѣднее время мнѣ часто вспоминается безнадежная страсть Альфонсо Великодушнаго Неаполитанскаго, которую описываетъ папа Пій II въ своихъ «Комментаріяхъ»;—я уже начинаю болѣзненно интересоваться неудачными привязанностями другихъ людей и проводить аналогіи. Если они смогли пережить эту муку, почему же я не смогу? Но Альфонсо вздыхалъ по Лукреціи д'Аланья, прекрасной ледяной статуѣ, которая любила его; я же жажду южной красавицы съ горячей кровью, которую я могу взять хоть сейчасъ, но которая такъ же мало любитъ меня, какъ вонъ того полисмена на углу, который прикладываетъ руку къ козырьку фуражки, когда она проходитъ

мимо. Не могу я взять ее такой. Что-то сильнѣе моей страсти ставитъ между нами адамантовую стѣну, прозрачную, но несокрушимую. Я люблю ее душой и тѣломъ, и моя душа жаждетъ ея души, которую Творецъ забылъ вложить въ ея очаровательное тѣло.

Сегодня вечеромъ пришло письмо отъ издателя «Quarterly Rewiew». Ему доставило бы большое удовольствіе, если бъ я прислалъ ему статью о Ренессансѣ, взявъ темой попытки русскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ авторовъ обѣлить семейство Борджіа. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я бы счелъ такое предложеніе очень лестнымъ для себя. Но теперь—что̀ мнѣ Борджіа, запятнанные, или обѣленные и ихъ преступныя дѣянія? И не все ли мнѣ равно, что въ клубѣ три человѣка будутъ дремать надъ моей статьей, доказывающей, что эта милая семья была преступной, но безвинной? Все это тлѣнъ и суета, и мнѣ совсѣмъ не до того.

Скрипнула дверь. Оборачиваюсь. На порогѣ стоитъ Карлотта въ наскоро накинутомъ на себя ночномъ халатикѣ, открытомъ спереди, съ распущенными волосами, падающими до таліи, босая; розовые пальчики выглядываютъ изъ-подъ халатика.

— Охъ, сиръ Маркосъ, миленькій! я сейчасъ *такъ* испугалась!

Я встаю. Она бѣжитъ ко мнѣ и хватаетъ меня за фалды.

— Въ чемъ дѣло?

— У меня въ постели мышь!

Полифемъ спасъ положеніе—соскочилъ съ дивана и началъ тереться объ ея ноги.

— Возьмите кота и велите ему изловить мышь. И сейчасъ же уходите обратно въ свою спальню.

Должно быть, мой тонъ былъ грубый, такъ какъ она съ укоромъ подняла на меня свои прелестные глаза.

— Вотъ вамъ котъ—берите его и уходите,—повторилъ я.—Вы не должны являться сюда въ такомъ видѣ.

— А я думала, что мнѣ это очень къ лицу,—сказала Карлотта, подходя ближе.

Я снова сѣлъ за письменный столъ и взялъ въ руки перо.

— Вы словно гурія, изгнанная изъ Рая за дурное поведеніе!

Она разсмѣялась своимъ особеннымъ, воркующимъ смѣхомъ.
— *Гу!* Сиръ Маркоса шокируетъ мое поведеніе!
И убѣжала, прижимая къ своему лицу мордочку Полифема.

Да что же это, наконецъ? Или дьяволъ, на старости лѣтъ, перепуталъ вѣка и принимаетъ меня за средневѣкового святого?— за какого-нибудь Пафнутія, котораго соблазняли прелестницы? Легенда гласитъ, что онъ, чтобы спастись, сжегъ себѣ руку; искусительница упала мертвой. Онъ помолился надъ ней, и она ожила и сдѣлалась монахиней. Нѣтъ, мессеръ Діаволо, я вамъ не Пафнутій. Я не желаю стать калѣкой и вовсе не хочу, чтобы Карлотта упала мертвой, такъ какъ не умѣю молиться и оживлять молитвой. Я самый обыкновенный смертный, который отъ постоянныхъ искушеній одурѣлъ до того, что онъ ужъ самъ не знаетъ, что онъ такое говоритъ и пишетъ.

Я не суевѣренъ, но сегодня у меня такое чувство, какъ будто меня ждетъ несчастье. Брожу по комнатѣ и мѣста себѣ не нахожу отъ тревоги. На каминной доскѣ три фотографіи въ серебряныхъ рамкахъ: Юдиѳь, Карлотта, Паскуале. Сегодня эти фотографіи какъ будто издѣваются надо мной. Осенній вѣтеръ завываетъ въ верхушкахъ деревьевъ, какъ легіонъ погибшихъ душъ. Быть можетъ, это самъ мессеръ Діаволо мчится по воздуху, съ издѣвкой щелкая бичемъ?

Октября 26-го. Я зналъ, что-нибудь должно случиться. Мессеръ Діаволо не скачетъ даромъ мимо оконъ людей, которыхъ онъ хочетъ помучить, не вызываетъ безъ причины насмѣшливыхъ улыбокъ на лицахъ фотографическихъ портретовъ.

Мы обѣдали въ Трокадеро. Карлотта любитъ за обѣдомъ музыку, запахи духовъ, ослѣпительно-яркій свѣтъ, весь этотъ шумъ и суету, напоминающіе вавилонское столпотвореніе. Иначе я выбралъ бы иного типа ресторанъ, гдѣ лакеи ходятъ неслышной поступью, гдѣ свѣтъ не ярокъ и ничто, кромѣ тихой дружеской бесѣды, не отвлекаетъ вашего вниманія отъ тѣхъ прелестей, которыя вамъ подаютъ. А въ этихъ шумныхъ, залитыхъ свѣтомъ дворцахъ вкусовыя ощущенія не доходятъ до мозга, и вы ѣдите, не замѣчая, что̀ вамъ даютъ ѣсть, словно собака. Но Карлотта не придаетъ этому значенія. Въ девятнадцать лѣтъ, быть можетъ, и для меня это было неважно. Да и сегодня тоже, такъ какъ мысли мои были заняты другимъ, и обѣдъ у самого Лукулла показался бы мнѣ безвкуснымъ.

Каждый разъ, какъ я взглядывалъ на Юдиѳь, у меня больно

сжималось сердце. Давно уже я не видалъ ее такой молодой, такой свѣжей, плѣняющей такою хрупкою красотой. На ней было васильковаго цвѣта платье, отъ котораго еще темнѣй казались ея фіалковые глаза. Голубая бабочка, запутавшаяся въ спѣломъ льнѣ ея волосъ, дополняла эту цвѣтную гамму. Щеки ея были чуть-чуть подрумянены, съ большимъ искусствомъ. Платье сшито изъ какой-то невѣсомой матеріи—если не ошибаюсь, она зовется шиффономъ—и покрывало ея груди и руки, словно морская пѣна. Она казалась воздушною Ундиной, морскимъ цвѣткомъ, сотканнымъ изъ морской пѣны. Я мало знаю женщинъ, хотя кое-что и узналъ о нихъ въ эти послѣдніе мучительные мѣсяцы, но я знаю, что на этотъ прелестный, воздушный нарядъ было положено много заботъ и вложена въ него послѣдняя надежда. Трудно было представить себѣ болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ между этими двумя женщинами, и этотъ контрастъ Юдиѳь еще подчеркнула умышленно. Я зналъ, что это—вызовъ, пытка, придуманная ею для себя самой; и мнѣ было больно знать это, словно я былъ Дафаномъ, или Абирамомъ, наложившимъ святотатственную руку на Ковчегъ Завѣта (клянусь небомъ! Душа женщины—святыня), и мнѣ хотѣлось, чтобы земля разверзлась и поглотила меня.

Мы сидѣли за столомъ посерединѣ большой залы—я предлагалъ сѣсть на балконѣ, въ тихомъ уголкѣ, подальше отъ оркестра, но Карлоттѣ это не по вкусу—сидѣли, какъ всѣ прочіе, и говорили, по крайней мѣрѣ вначалѣ, о пустякахъ. Въ эпоху Террора обѣды въ Консьержери тоже всегда начинались съ обсужденія новоизобрѣтеннаго средства отъ мигрени, или же моднаго покроя *панье*. Неожиданно Паскуале, разговаривавшій съ Юдиѳью о путешествіяхъ, обратился ко мнѣ:

— Вы не помните, Ордайнъ, въ которомъ году я вернулся изъ Абиссиніи?

— Нѣтъ, не помню! Помню только, что вы подарили мнѣ уродство, которое виситъ у меня въ корридорѣ и которое вы назвали *дульчимеромъ*.

— Gage d'amour?—улыбнулась Юдиѳь.

Паскуале засмѣялся и лихо закрутилъ усы.

— Мнѣ преподнесла это одна дѣвица, и потому я называлъ это дульчимеромъ, но дѣвица эта не пѣла о Горѣ Абора. Никакъ не могу вспомнить, въ которомъ же это было году.

— Я думаю, въ 1894-мъ,—спокойно вставила Юдиѳь.

Паскуале, всего полчаса тому назадъ представленный Юдиѳи

и раньше не подозрѣвавшій объ ея существованіи, изумленно взглянулъ на нее.

— Вы, кажется, не ошибаетесь. Да-да, дѣйствительно, въ 1894-мъ. Но откуда же вы-то знаете?

— Отъ нашего милаго сэръ Маркуса. Благодаря ему, вы для меня—старый знакомый. Я могу хоть сейчасъ составить маленькій списокъ всѣхъ вашихъ приключеній—т. е. не всѣхъ, конечно—только тѣхъ, которыя мнѣ извѣстны, но, во всякомъ случаѣ, съ точными датами. Такъ ужъ у меня голова устроена, что я запоминаю эти вещи.

— Вотъ именно!—вскричалъ я, радуясь случаю перемѣнить разговоръ.—Если вамъ хочется о чемъ-нибудь забыть, не говорите этого м-ссъ Менсуорингъ. Факты—ея страсть. Она пишетъ удивительныя статьи, съ цифровыми таблицами, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, и печатаетъ ихъ въ популярныхъ журналахъ за подписью статистика Виллоуби. Да будетъ вамъ извѣстно, что вы имѣете передъ собой геніальную женщину-статистика.

Но хитрый итальянецъ Паскуале слушалъ меня однимъ ухомъ. Я угадывалъ, какой выводъ онъ сдѣлаетъ изъ замѣчанія Юдиѳи, угадывалъ и что́ она хотѣла дать понять. Въ этотъ вечеръ всѣ мои чувствительные нервы, кажется, переселились изъ-подъ кожи на ея поверхность.

— Ордайнъ,—объявилъ онъ,—вы свинтусъ и поступили со мной по-свински...

— Гу!—закричала Карлотта, обрадовавшись, что разслышала понятное для себя въ разговорѣ.

— Почему вы тогда же, въ 1894-мъ, не представили меня м-ссъ Менсуорингъ? Нѣтъ, какъ вамъ это нравится!—я двадцать лѣтъ числюсь близкимъ другомъ изверга, и онъ за эти двадцать лѣтъ ни разу даже не упомянулъ о васъ.

— Сиръ Маркосъ говоритъ, что Паскуале шалопай,—наставительно замѣтила Карлотта, прихлебывая оранжадъ—противнѣйшій напитокъ, который она неизмѣнно спрашиваетъ за обѣдомъ.

Паскуале закинулъ назадъ свою красивую голову и весело расхохотался. Улыбнулась и Юдиѳь.

— Устами младенцевъ и пр.—выговорилъ я извиняющимся тономъ.

—Нѣтъ, серьезно,—продолжалъ Паскуале, обращаясь къ Юдиѳи,—я и не подозрѣвалъ, что у Ордайна есть такой близкій другъ.

Юдиѳь повернулась ко мнѣ и граціозно повела плечами.

— Какъ вамъ кажется, Маркусъ, мы—близкіе друзья?

— О, да-а!—неожиданно вмѣшалась Карлотта.—У м-ссъ Менсуорингъ въ спальнѣ стоитъ портретъ сиръ Маркоса, а у насъ въ гостиной—портретъ м-ссъ Менсуорингъ. Вы развѣ не замѣтили? Ну да, стоитъ. Вы, вѣрно, не узнали, Паскуале. М-ссъ Менсуорингъ сегодня такая хорошенькая. Гораздо лучше, чѣмъ на фотографіи. Да вы сегодня такая хорошенькая. Я бы предпочла поставить на каминъ для украшенія васъ самихъ, а не фотографію.

— Вы разрѣшите мнѣ присоединиться къ мнѣнію, высказанному Карлоттой?—сказалъ я, чтобъ загладить нескромность моей дѣвочки, такъ какъ отъ меня не укрылся внезапный блескъ въ глазахъ Паскуале и краска настоящаго румянца, выступившаго на щекахъ Юдиѳи. Она, явно, хотѣла показать, что у нея давнишнія права на меня, но приводить въ доказательство такія интимныя детали вовсе не соотвѣтствовало ея намѣренію.

— Очень признательна обоимъ вамъ, — промолвила Юдиѳь, граціозно наклоняя голову въ знакъ благодарности.— Но—она повернулась къ Паскуале,—мы уѣхали далеко отъ Абиссиніи.

— Къ камину сэръ Маркуса. Не остаться ли намъ здѣсь?..

—Тамъ мы всѣ трое,—пояснила Карлотта:—вы, я и м-ссъ Менсуорингъ. Мой портретъ самый большой, посерединѣ. Онъ увеличенный—вотъ такой огромный!—Съ обычной своей склонностью къ преувеличеніямъ она показала руками, какой.—Я снята въ этомъ самомъ платьѣ.

— М-ръ Паскуале и я тоже потребуемъ, чтобъ вы отдали увеличить портреты, Маркусъ,— сказала Юдиѳь,—иначе мы обидимся. Мы будемъ ревновать васъ. Это будетъ общая наша обида.

— Мы составимъ противъ васъ оборонительный союзъ!—засмѣялся Паскуале.

— Если хотите, даже наступательный.

Можетъ быть, яркій свѣтъ скользнулъ въ эту минуту по ихъ лицамъ, но мнѣ показалось, что они быстро переглянулись. Паскуале тотчасъ же обратился къ Карлоттѣ съ какимъ-то шутливымъ замѣчаніемъ, а Юдиѳь завела со мной разговоръ о нашей прежней жизни въ Римѣ. Потомъ, неожиданно оборвавъ на полуфразѣ, слегка подалась впередъ и чуть замѣтнымъ движеніемъ головы указала мнѣ на нашихъ спутниковъ. И тихо выговорила:

— Какая прелестная парочка! — вы не находите? Оба

молоды, красивы, живописны — это разрѣшило бы многіе вопросы.

Я оглянулся. Карлотта, облокотясь локтемъ на столъ и подбородкомъ на руку, слушала Паскуале, заглядывая ему въ глаза, какъ она это дѣлала со мной. Ея чувственный и въ то же время полудѣтскій ротикъ слегка раскрылся, словно призывая поцѣлуй.

— Сдѣлайте это, и я буду любить васъ!—разслышалъ я ея слова.

О, эти голубиныя воркующія нотки въ голосѣ, эти темные глаза, эти губы, созданныя для поцѣлуевъ! Безумная, отчаянная страсть сжигала мнѣ душу и мозгъ... я безумствовалъ, какъ влюбленный портной... Не знаю, что́ было ужаснѣе—этотъ мучительный приливъ ревности, или же презрѣніе къ себѣ, охватившее меня послѣ него... Какъ разъ въ этотъ моментъ музыка неожиданно оборвалась на высокой, рѣзкой нотѣ...

Изъ насъ четырехъ веселилась искренно одна Карлотта, не ощущавшая магнетическаго притяженія, которое связывало насъ троихъ. А мы всѣ трое ощущали его совершенно ясно. Я сознавалъ, что Юдиѳь читаетъ мои мысли, что Паскуале читаетъ мысли Юдиѳи, и отъ него къ ней идетъ словно электрическій токъ, передающій телеграмму... Лакей поставилъ передо мною куропатки. Паскуале быстро повернулся отъ Карлотты къ другой своей сосѣдкѣ.

— Не находите ли вы, что намъ слѣдуетъ выпить за здоровье Фауста?

— Фауста?—недоумѣвающе переспросила Юдиѳь.

— Нашего друга Фауста, сидящаго напротивъ меня. — Паскуале поднялъ бокалъ съ шампанскимъ.—Развѣ онъ не преобразился изъ пыльнаго книжнаго червя, роющагося въ своей библіотекѣ, въ молодого, веселаго кавалера, разгуливающаго по городу. Прежде, бывало, его не вытащить было изъ его кельи даже на самый скромный обѣдъ въ ресторанѣ, а теперь—разсказывалъ онъ вамъ, м-ссъ Менсуорингъ, какъ онъ кутилъ весь прошлый мѣсяцъ?

Юдиѳь улыбнулась. Кто же былъ его Мефистофелемъ? Вы?

— А что это такое: Мефистофель?—спросила Карлотта.

— Дьяволъ, который вернулъ молодость сэру Маркусу.

— О, такъ это я! — закричала Карлотта, хлопая въ ладоши.—Онъ пересталъ читать свои большія книги. Когда я только пріѣхала, я такъ боялась его! (Долженъ сказать, что она превосходно умѣла прятать свои страхи). Онъ былъ такой

умный, все читалъ, да писалъ; я думала: ему лѣтъ пятьдесятъ, не меньше. А теперь онъ совсѣмъ не смотритъ мудрецомъ, и третьяго дня сказалъ мнѣ, что со мной ему двадцать пять лѣтъ.

— Если у васъ и дальше пойдетъ тѣмъ же темпомъ,— очаровательно улыбаясь, замѣтила Юдиѳь,—черезъ годъ вы доведете его до того, что онъ будетъ ходить въ длинномъ платьицѣ и кормиться изъ рожка.

Карлотта нашла это очень забавнымъ и весело расхохоталась. Я тоже засмѣялся, изъ вѣжливости, горькой насмѣшкѣ Юдиѳи и хотѣлъ перевести разговоръ на другое, но Паскуале настаивалъ на своемъ тостѣ.

— Итакъ, за здоровье нашего дорогого друга, Фауста; дай Богъ, чтобъ онъ день ото дня становился моложе!

Мы чокнулись. Юдиѳь со вздохомъ поставила свой бокалъ на столъ.

— Это одно изъ многихъ преимуществъ мужчины. Когда мужчина продаетъ свою душу дьяволу, онъ, по крайней мѣрѣ, получаетъ надлежащую плату. Женщинѣ же платятъ векселями, по которымъ она ничего не получитъ, если вздумаетъ предъявить ихъ ко взысканію.

Я возражалъ. Иронія этого мучительно тягостнаго пиршества заключалась именно въ томъ, что необходимо было шутить и казаться веселымъ. Какая гнусность—эта наша цивилизація!

— Слыхали вы когда-нибудь о томъ, чтобъ женщина продала душу дьяволу и получила за это—молодость?—настойчиво продолжала Юдиѳь.

— Женщины систематически торгуются съ извозчиками,— возразилъ я;—точно также пытаются онѣ одурачить и дьявола, но онъ хитеръ—хитрѣе ихъ, и въ накладѣ остаются онѣ же.

— Боюсь,—замѣтилъ Паскуале,—что времена добросовѣстныхъ сдѣлокъ миновали. Теперь на рынкѣ душъ вездѣ обманъ, и вмѣсто подлинной души дьяволу достаются лишь старыя кости.

— Онъ говоритъ какія-то глупости, которыхъ я не понимаю,—жалобно сказала Карлотта, кладя мнѣ руку на плечо.

— А вы о чемъ больше всего любите говорить?—ласково обратилась къ ней Юдиѳь.

— О самой себѣ. Да и всѣ, вѣдь, такъ,—отвѣтила Карлотта.

Мы разсмѣялись и на время перестали говорить намеками. Но позднѣй, за кофе, подъ громъ оркестра, игравшаго новый американскій маршъ, пользуясь тѣмъ, что Паскуале и Карлотта

надъ чѣмъ-то потѣшались вмѣстѣ, Юдиѳь придвинулась ближе ко мнѣ.

— Маркусъ, вы не отвѣтили на мой вопросъ объ этихъ двухъ.

Дрожащими пальцами я закурилъ новую папироску.

— Онъ—не такой человѣкъ, которому можно было бы ввѣрить судьбу женщины.

— А она— развѣ такая женщина, которой мужчина можетъ ввѣрить счастье своей жизни?

— Богъ вѣсть,—процѣдилъ я сквозь зубы.

Не весело прошелъ для меня нашъ обѣдъ. Я не могъ дождаться, когда кончится этотъ вечеръ и Карлотта снова будетъ со мною дома, въ безопасности. Почему-то мнѣ жутко было везти ее въ Ампиръ.

Мы пріѣхали къ концу перваго балета. Карлотта, какъ только усѣлась на свое мѣсто впереди, у края ложи, тотчасъ же оперлась обоими локтями на перила и вся ушла въ созерцаніе происходившаго на сценѣ. Паскуале бесѣдовалъ съ Юдиѳью. Мнѣ захотѣлось побыть немного одному, и я пошелъ пройтись по корридору. Въ партерѣ зрители либо смотрѣли на сцену, по временамъ заглядывая въ партитуры, либо вовсе не смотрѣли и были заняты напитками, стоявшими передъ ними на маленькихъ мраморныхъ столикахъ. Вся эта зала, раззолоченная, ярко освѣщенная, пропитанная табачнымъ дымомъ и человѣческими запахами, показалась мнѣ вдругъ чѣмъ-то нереальнымъ, миражемъ, возникшимъ на мигъ на облакахъ. И я не могъ понять, зачѣмъ здѣсь *я*—существо изъ реальнаго, конкретнаго міра. На мигъ у меня шевельнулось безумное желаніе бѣжать отсюда, выйти на улицу и идти, идти безъ конца—совсѣмъ уйти изъ міра. Задумавшись, я шелъ по корридору и не замѣтилъ, какъ толкнулъ пожилого, толстаго восточнаго человѣка въ кресной фескѣ, съ длиннымъ носомъ и маленькими глазками, лукаво поблескивавшими на изрытомъ оспой лицѣ. Я разсыпался въ извиненіяхъ; онъ благодушно принялъ ихъ. Тутъ только я сообразилъ, что неучтиво и въ высшей степени нелѣпо было съ моей стороны бросить своихъ дамъ. Я возвратился въ ложу и сѣлъ возлѣ Юдиѳи.

— Какой плѣнительный вечеръ вы для меня устроили!— съ улыбкой молвила она.

— Кого же вы хотите плѣнить?—пошутилъ я.—Паскуале?

— Вы жестоки,—шепнула Юдиѳь, опуская рѣсницы.

Я сконфузился и покраснѣлъ—не слѣдовало говорить такъ, не подумавши.—«Простите!»—запинаясь, выговорилъ я. Юдиѳь

засмѣялась, но невеселымъ смѣхомъ. Я опять умолкъ. На сценѣ одна артистка смѣняла другую. Когда занавѣсъ опустился, Карлотта съ радостнымъ тихимъ вздохомъ откинулась на спинку кресла и весело кивнула мнѣ головкой.

— Вы помните,—повернулась она ко мнѣ,—какъ вы въ первый разъ привезли меня сюда? Я сказала, что хотѣла бы всегда жить здѣсь. Какая я была глупышка, правда?

Она снова повернулась къ сценѣ и, вдругъ, вскочила съ мѣста и отпрянула назадъ, съ дикимъ ужасомъ указывая пальцемъ на партеръ.

— Тамъ—внизу—Хамди—онъ видѣлъ меня.

Я бросился къ ней, обнялъ ее.

— Не можетъ быть, милая! Вамъ показалось.

Но Паскуале уже навелъ бинокль на партеръ.

— А вѣдь она права! Ей-богу! Я и въ аду изъ тысячи узналъ бы этого стараго мерзавца. Это онъ.

Я взялъ бинокль и первый же, кого я увидалъ въ партерѣ, былъ мой грузный восточный человѣкъ съ изрытымъ оспою лицомъ, обращеннымъ въ эту минуту къ нашей ложѣ. На этомъ лицѣ я ничего прочесть не могъ—оно было безстрастно.

— Это Хамди-эффенди—вѣрно,—подтвердилъ Паскуале.

Карлотта уцѣпилась за меня.

— Сиръ Маркосъ, миленькій, уведите меня отсюда, скорѣе уведите!—жалобно взмолилась она. Бѣдная дѣвочка была блѣдна и вся дрожала отъ страха. Я снова обнялъ ее.

— Не бойтесь, дорогая. Я не дамъ васъ въ обиду.

— Сиръ Маркосъ, миленькій, дорогой, увезите меня домой!

— Отлично! Ѣдемъ!—Я набросилъ на нее накидку и, извинившись передъ остальными, попросилъ ихъ оставаться.

— Мы всѣ уѣдемъ,—спокойно сказала Юдиѳь.

— И будемъ вашими тѣлохранителями, — пошутилъ Паскуале.

Вмѣстѣ съ Карлоттой, цѣплявшейся за мою руку, мы вышли изъ ложи, благополучно прошли по корридору и спустились съ лѣстницы. Но въ вестибюлѣ намъ отрѣзалъ отступленіе Хамди-эффенди, замѣтившій этотъ маневръ. Карлотта, при видѣ его, еще крѣпче уцѣпилась за меня.

— Извините, сударь, но я желалъ бы имѣть удовольствіе переговорить съ вами по поводу этой молодой лэди,—обратился ко мнѣ Хамди, очень учтиво, на отвратительнѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— Не вижу надобности,—сказалъ я.

— Извините, но эта молодая лэди — турецкая подданная и моя дочь. Мое имя—Хамди-эффенди, начальникъ полиціи въ Алеппо; мой адресъ въ Лондонѣ—Отель Метрополь.

— Очень радъ познакомиться. Я много слышалъ о васъ отъ мадемуазель,—но, такъ какъ ея родители оба были англичане, я полагаю, она не можетъ быть ни турецкой подданной, ни вашей дочерью.

— Но это мы увидимъ!—учтиво усмѣхнулся левантинецъ. Затѣмъ онъ по-турецки скороговоркой что-то сказалъ Карлоттѣ; та, вздрогнувъ, отвѣтила ему на томъ же языкѣ.

— Къ сожалѣнію, мадемуазелль не соглашается сопровождать меня,—съ улыбкой перевелъ онъ.—Такъ что, боюсь, придется увезти ее домой безъ ея согласія.

— Если вы это сдѣлаете, Хамди-эффенди,—сказалъ Паскуале спокойнымъ даже шутливымъ тономъ, но какъ-то особенно и очень некрасиво оскаливъ зубы,—я убью васъ, можете быть въ этомъ увѣрены.

Хамди повернулся къ нему съ вѣжливымъ поклономъ.

— А, мосье Паскуале—если не ошибаюсь? Я узналъ васъ.

— Еще бы вы меня не узнали!

— Я выручилъ васъ изъ тюрьмы.

— Я подкупилъ васъ.

— Ради Бога!—вскричала Юдиѳь,—вы говорите потише, иначе выйдетъ скандалъ.

Два-три человѣка уже поглядывали на насъ съ любопытствомъ; высокій комиссіонеръ подозрительно слѣдилъ за нами. Я крѣпче прижалъ къ себѣ руку Карлотты и увелъ ее за пальмы, возлѣ которыхъ мы стояли, чтобъ она не была на виду.

— Мадамъ права!—сказалъ Хамди.—Мы можемъ обсудить это маленькое дѣльце, какъ подобаетъ джентльменамъ.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ Паскуале, — даю вамъ честное слово джентльмена, что, если вы дотронетесь до этой молодой лэди, я убью васъ.

— Насколько я могу судить, не вы, а вотъ этотъ мосье,—грузный жирный турокъ граціозно сдѣлалъ ручкой по направленію ко мнѣ,—ограбилъ меня, похитивъ изъ моего дома его лучшее сокровище, но, можетъ быть,—онъ усмѣхнулся; я никогда не забуду этой уродливой усмѣшки, еще больше обезобразившей его рябое лицо съ носомъ въ видѣ картошки:—можетъ быть, мосье передалъ свои полномочія *вамъ*, такъ что теперь отвѣтственность лежитъ на *васъ*?

Я задыхался, не находя словъ. Паскуале придвинулся ко мнѣ.

— Держитесь, Ордайнъ!

— Милостивый государь—сказалъ я—эту юную лэди я нашелъ одинокой и брошенной на улицѣ. Она — моя жена и, слѣдовательно, британская подданная, такъ что вы можете убираться къ чорту съ вашими гнусными инсинуаціями, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Иначе убивать васъ мы будемъ оба,—поддержалъ Паскуале.

Хамди снова обмѣнялся съ Карлоттой нѣсколькими фразами на турецкомъ языкѣ, затѣмъ, улыбнулся намъ съ той же невозмутимой кротостью.

— *Au revoir, mesdames et messieurs.*

И съ учтивымъ поклономъ направился ко входу въ залу.

Карлотта неожиданно вырвалась отъ меня и схватила за руку Паскуале.—О, убейте его, убейте! убейте его!—зашептала она взволнованно и страстно.

Онъ тихонько высвободился и вынулъ портсигаръ.

— Едва-ли это нужно. Онъ и такъ скоро умретъ. — И, повернувшись ко мнѣ, онъ прибавилъ:—У него въ тѣлѣ нѣтъ ни одного органа здороваго. Притомъ же, мнѣ кажется, если ужъ надо убивать его, это—дѣло сэра Маркуса.

— Убивать его никто не собирается, — съ отвращеніемъ выговорилъ я,—и, пожалуйста, не говорите такъ противно о несчастномъ умирающемъ.

Я снова взялъ подъ руку Карлотту, которая, замѣтивъ, что я разсердился, испуганно подняла на меня глаза и сразу стала кроткой и послушной. И повернулся къ Юдиеи.

— Простите ли вы мнѣ?..

Но, при видѣ ея лица, не могъ докончить фразы. Бѣлое, какъ мраморъ, прорѣзанный тонкой алой полоской губъ, оно казалось страшной маской, и легкій слой румянъ на щекахъ выдѣлялся страшно рѣзко. И такимъ нелѣпымъ казалось ея платье, легкое, какъ пѣна лѣтняго прибоя, рядомъ съ этимъ застывшимъ ледянымъ лицомъ.

— Мнѣ нечего прощать,—сказала она и улыбнулась ледяной улыбкой.—Я пришла въ Варьете развлечься—въ развлеченіяхъ недостатка не было. Прощайте. Можетъ быть, м-ръ, Паскуале будетъ такъ любезенъ, что проводитъ меня до извозчика.

— Если позволите, я отвезу васъ домой,—сказалъ Паскуале.

Мы разстались, обмѣнявшись церемонными рукопожатіями, словно далекіе знакомые.

На обратномъ пути мы почти не разговаривали. Карлотта прильнула головой къ моему плечу и плакала—я не зналъ, почему, но, очевидно, она нуждалась въ утѣшеніи, и я цѣловалъ ея волосы и губы.

Когда мы пріѣхали домой, я придвинулъ диванъ къ огню—ночь была сырая и холодная, а Карлотта, какъ тропическое растеніе, боится холода—и сѣлъ съ ней рядомъ,

— Вы слышали, что я сказалъ Хамди-эффенди—что вы моя жена?

— Но, вѣдь, это же была ложь,—отвѣтила она съ обычной прямотой.

Мои ласки и заботы, сознаніе, что дома она въ безопасности, и чашка горячаго шоколада, приготовленная Антуанеттой, которая, удивившись нашему раннему возвращенію и видя своего ангельчика въ горѣ, поспѣшила предложить ей кулинарное утѣшеніе, уже вернули моей дѣвочкѣ ея обычную веселость. И Полифемъ такъ успокоительно мурлыкалъ у нея на колѣняхъ.

— Сегодня это была ложь, но черезъ нѣсколько дней это, надѣюсь, станетъ правдой.

— Вы хотите жениться на мнѣ?—Она вдругъ выпрямилась, изумленно, почти испуганно глядя на меня.

— Если *вы* согласны выйти за меня, Карлотта.

— Я поступлю, какъ мнѣ велитъ сиръ Маркосъ. Когда вы на мнѣ женитесь? завтра?

— Врядъ ли это возможно, моя дорогая. Но, во всякомъ случаѣ, времени я терять не буду. Когда вы станете моей женой, ни Хамди-эффенди, ни самъ султанъ турецкій не смогутъ взять васъ отъ меня. Никто не смѣетъ отнять жену англичанина у ея мужа.

— Хамди хитеръ, какъ дьяволъ.

— А мы перехитримъ его.

— Видѣли вы когда-нибудь такую уродину?

Я разсмѣялся; Карлотта согнала съ колѣнъ Полифема и угнѣздилась на моемъ плечѣ. Котъ посмотрѣлъ на насъ съ неудовольствіемъ, потомъ потянулся, какъ будто спрыгнулъ съ колѣнъ по своему желанію, и отошелъ съ достоинствомъ.

— Хамди похожъ заразъ и на свинью, и на слона, и на откормленнаго жирнаго индюка,—говорила Карлотта.

— Если бъ всѣ были красивы, мы разучились бы цѣнить красоту. И я даже не замѣчалъ бы, что моя Карлотта красавица.

Она оперлась руками объ мои колѣни и нагнулась ко мнѣ, глядя на меня сіяющими глазами.

— Вы, правда, находите меня красивой?

— Вы самая прелестная, самая плѣнительная женщина, какую я знаю.

— Ну вотъ! теперь я увѣрена, увѣрена, увѣрена!—радостно вскрикнула она.—Вы еще никогда мнѣ этого не говорили, сиръ Маркосъ, миленькій, и я должна поцѣловать васъ.

Я слегка отстранилъ ее, положивъ руки ей на плечи.

— Только при условіи, что вы обѣщаете выйти за меня замужъ.

— Ну, конечно!

Она сказала это такъ легко и просто, какъ будто я предложилъ ей пойти гулять. И опять у меня какъ-то странно защемило сердце. Въ своемъ запоздаломъ безуміи я часто воображалъ себѣ эту сцену: какъ я буду держать въ своихъ объятіяхъ мой роскошный цвѣтокъ, опьяненный его ароматомъ, и жгучими словами изливать ей мою страсть. Но боги судили иначе. Обручальный поцѣлуй квакерской дѣвушки не могъ бы быть чище и невиннѣй. И холодъ сковалъ огонь, разлившійся по моимъ жиламъ, и пѣсня страсти замерла на моихъ устахъ.

Кто она и что она—та, кого я люблю? Бывали дни, когда въ глубинѣ ея очей свѣтились колдовскія чары, когда, словно Венера въ своемъ волшебномъ гротѣ, она каждымъ изгибомъ своего тѣла опьяняла меня и томила, пока я не утратилъ всякой силы и способности сопротивляться ей. А сегодня, когда я сдѣлалъ рѣшительный шагъ, когда я прошу ее быть моей навѣки, она соглашается съ готовностью ничего не вѣдающаго ребенка и ставитъ между нами преградой свою невинность и невѣдѣніе. Когда же я сумѣю понять ея душу?

Какъ бы то ни было, jacta est alea. Событія сегодняшняго вечера ускорили то, что́ было суждено судьбой. Весьма возможно, что Хамди и такъ не въ правѣ былъ бы отнять у меня Карлотту, и бракъ нашъ вовсе не необходимъ для ея спасенія. Я плохо знаю международные законы, особенно по этой части—какъ бы то ни было, со мною она будетъ въ полной безопасности. Никакая земная сила не сможетъ вырвать ее у меня. Боже милосердый! При одной мысли, что она могла бы уйти изъ моей жизни, холодный потъ выступилъ у меня на лбу, какъ бы я сталъ жить безъ моего ребенка, моей капризницы, моей колдуньи?..

Сбывается моя завѣтная мечта. Мнѣ слѣдовало бы трепетать отъ радости, горѣть, какъ юноша, смѣяться, пѣть и безумствовать отъ любви. Чувствовать себя перенесеннымъ на седьмое небо, гдѣ кончаются всѣ волшебныя сказки.

А я, вмѣсто того, сижу у догорающаго огня, какъ и вчера, удрученный сознаніемъ трагедіи, которая разыгрывается изъ-за меня. Не одна только невинность Карлотты стала преградой между нами. Еще болѣе непреодолимою преградой стало между нами блѣдное лицо Юдиѳи.

Всю ночь я буду видѣть во снѣ это блѣдное лицо.

XVI.

Октября 27-го. Жизнь мнѣ опротивѣла. И это страшно непріятно. Сегодня Юдиѳь попрекнула меня тѣмъ, будто бы я никогда не жилъ. Я призналъ упрекъ справедливымъ и горько пожалѣлъ, что не живу, какъ прежде. Если жить—значитъ чувствовать свой разумъ растоптаннымъ и попраннымъ, сердце пылающимъ неудовлетворенной страстью, а душу томящейся угрызеніями—о, тогда я живу полной жизнью, но охотно предпочелъ бы этой жизни смерть и муки Чистилища. Люди иного типа привыкаютъ къ этому, какъ угорь привыкаетъ мѣнять кожу. Они говорятъ: «mea culpa!» «будь оно проклято!» или «Кизметъ!»—судьба—смотря по тому, какова у нихъ традиція, и, успокоенные, возвращаются къ обычнымъ своимъ занятіямъ и интересамъ. Я завидую имъ. Я же, войдя въ эту башню утонченныхъ пытокъ, вскрикиваю при первомъ нажимѣ тисковъ и лишаюсь чувствъ въ объятіяхъ желѣзной дѣвы.

Завидую я такимъ людямъ, какъ, напримѣръ, Цезарь Борджіа. Онъ способенъ былъ умертвить друга, соблазнить его вдову и ограбить сиротъ, все за одинъ лѣтній день, и затѣмъ преспокойно пойти домой ужинать; а послѣ ужина, послушавъ музыку, уснуть, какъ человѣкъ, вполнѣ заслужившій свой отдыхъ. Что такое представляютъ собой другіе люди, мои ближніе? Что я знаю о нихъ? Ничего! Они—загадка для меня, а, между тѣмъ, я пишу—или писалъ—соціологическій этюдъ самаго сложнаго, самаго утонченнаго поколѣнія, какое когда-либо существовало. Что же я за пустоголовый болванъ! Я ровно ничего не знаю. Я точно такъ же не могу объяснить себѣ, какъ можетъ этотъ двадцати-пятилѣтній Цезарь мирно спать послѣ всѣхъ своихъ злодѣяній, какъ не могу рѣшить, что́ было

раньше: курица, или яйцо. Я никого не убивалъ, не грабилъ и не соблазнялъ, никакихъ злодѣяній у меня нѣтъ на совѣсти— и, однако же, я вчера всю ночь не спалъ. И не знаю, буду ли спать сегодня. У меня такое чувство, какъ будто я обреченъ вѣка не спать и ощущать въ своей утробѣ крысу, которая грызетъ мои внутренности.

Такого несчастнаго лица, какъ у Юдиѳи, когда я зашелъ къ ней нынче утромъ, я въ жизнь свою не видывалъ. Вчерашняго обдуманнаго, тонкаго кокетства—ни слѣда; ни тѣни выработаннаго спокойствія, остроумія, веселости—словомъ, ни тѣни той Юдиѳи, которую я зналъ и привыкъ видѣть—передо мною была женщина съ измученными, безумными глазами, пытающаяся сломать ворота, навѣки преградившія ей путь.

— Я такъ и думала, что вы придете. Настолько у меня сохранилось вѣры въ васъ.

— Ваше лицо всю ночь стояло у меня передъ глазами. Я не могъ не прійти.

— Итакъ, конецъ всему?—беззвучно выговорила она.

— Нѣтъ!—сказалъ я.—Только переходъ отъ довольно неопредѣленныхъ отношеній къ самой искренней и честной дружбѣ, какую мужчина можетъ питать къ женщинѣ.

Она вздрогнула, зябко повела плечами и отвернулась.

— Ахъ, не говорите такъ: «Я не могу дать тебѣ хлѣба, но я дамъ тебѣ хорошенькій полированный камешекъ». Дружба. На что мнѣ ваша дружба?—что дѣлать съ нею такой женщинѣ, какъ я?

— Много ли больше этого я давалъ вамъ прежде?

— Одинъ Богъ знаетъ, что̀ вы мнѣ давали!—съ горечью вырвалось у нея. Она смотрѣла въ окно, на намокшую мостовую, на мелкій дождикъ, моросившій въ воздухѣ. Я подошелъ къ ней, дотронулся до ея руки.

— Ради самого Бога! Юдиѳь, скажите мнѣ, что же мнѣ дѣлать?

— Что сдѣлано, того не передѣлаешь!—сквозь зубы выговорила она.—Когда вы женитесь на ней?

И вкратцѣ объяснилъ ей положеніе вещей. Она долго, пристально смотрѣла на меня; потомъ снова стала смотрѣть въ окно, почти не слушая, что̀ я ей говорилъ.

— Я для того и пришелъ къ вамъ въ такой ранній часъ, чтобы объясниться съ вами на чистоту,—добавилъ я.

Она молчала. Я прошелся нѣсколько разъ по знакомой ком-

натѣ, связанной со столькими воспоминаніями. Рояль мы выбирали вмѣстѣ. Копію Боттичелли Тондо—Мадонну въ вѣнкѣ изъ галлереи Уффици—я подарилъ ей во Флоренціи. Въ погонѣ вотъ за этимъ чиппендэльскимъ шкафчикомъ мы избѣгали весь Лондонъ; на полкахъ книги, которыя мы читали и обсуждали вмѣстѣ, и книжки журналовъ, гдѣ печатались мои статьи. Безобразный японскій драконъ, милый сердцу Юдиѳи именно своимъ чудовищнымъ безобразіемъ, нерѣдко возмущавшимъ меня, ласково скалилъ зубы на меня съ камина. До этой минуты я никогда не чувствовалъ, до какой степени весь складъ моей жизни, всѣ мои привычки отразились на этой гостиной Юдиѳи. Еще разъ я сталъ возлѣ нея.

— Милая, я не могу совсѣмъ уйти отъ васъ,—сказалъ я ласково.—Частица меня останется въ этой комнатѣ.

Горькій смѣхъ всколыхнулъ ея грудь.

— Частица.—Неожиданно она повернулась ко мнѣ.—Да вы что—просто глупы, или только жестоки?

— Должно быть, глупъ,—сказалъ я.—Почему вы отказываетесь отъ моей дружбы? Вѣдь наши отношенія, въ сущности, и были только дружескими. Они не затрогивали въ насъ самаго глубокаго. Мы съ самаго начала условились, что оно такъ и будетъ. Слова «*я васъ люблю*» ни разу не были произнесены ни мной, ни вами. Мы добросовѣстно держались уговора. Теперь же, когда въ мою жизнь вошла любовь—Богу извѣстно, какъ я боролся съ нею!—Что же вы хотите, чтобъ я сдѣлалъ?

— А что же дѣлать *мнѣ*?—беззвучно выговорила Юдиѳь.

— Простить мнѣ, что я разбилъ прежнія наши отношенія, и повѣрить, что я сумѣю сдѣлать новыя пріятными для васъ.

Она не отвѣтила, застыла, словно каменная, у окна. Потомъ вздрогнула, перешла къ камину и усѣлась съ ногами въ мягкое низенькое кресло. Я остался у окна, озадаченный, тревожный, удрученный.

— Маркусъ,—тихо выговорила она, наконецъ. Я подошелъ къ ней. Она указала мнѣ на стулъ и, не глядя на меня, заговорила:

— Вы только-что сказали, что частица васъ есть въ этой комнатѣ. Не частица, а весь вы. Для меня все въ этой комнатѣ дышетъ вами. Гдѣ бы я ни была, вы вездѣ со мной. Для меня вы все—начало и конецъ. Я люблю васъ страстно, я умираю отъ любви къ вамъ. Я способна сильно чувствовать. Моя жизнь была разбита изъ-за того, что я увѣрила себя, будто люблю. Но, Богъ свидѣтель! Вы—единственный человѣкъ, котораго я любила.

Вы пришли ко мнѣ, какъ ангелъ-утѣшитель, когда я мучилась въ Чистилищѣ—и съ тѣхъ поръ стали моимъ небомъ, моимъ раемъ. Для васъ это была игра, но для меня...

Я упалъ передъ ней на колѣни. Каждое слово, которое она шептала, жгло меня раскаленнымъ желѣзомъ. Вчера я повѣрилъ тому, что̀ мнѣ сказало ея блѣдное лицо. Я перебралъ одно за другимъ все, что̀ мы пережили вмѣстѣ, и не нашелъ въ нашей совмѣстной жизни ничего, что̀ объясняло и оправдывало бы ея отчаяніе. Откуда же оно взялось? Мнѣ оно казалось нелѣпымъ, неправдоподобнымъ. А теперь невозможное стало неотразимой, убѣдительной дѣйствительностью.

Я упалъ передъ ней на колѣни.

— Не игра, Юдиѳь...

Она отстранила меня рукой, и слова замерли на моихъ устахъ. Что же я могъ бы ей сказать?

— Для васъ это было, если хотите, симпатія, влеченіе; для меня—чувство, которое связываетъ на всю жизнь. Должно быть, я тоже глупа. Вы никогда не говорили мнѣ, что любите меня, но я думала, что любима. Вы были не такой, какъ другіе мужчины, вы не знали, какъ они держатъ себя съ женщинами, а о женщинахъ, о страсти вы тоже ничего не знали—вы были такой сдержанный, интеллектуальный—на все смотрѣли съ своей особенной точки зрѣнія, такой своеобразной. Я сразу почувствовала, что вы цѣпей боитесь, что связывать васъ не слѣдуетъ. И предоставила вамъ полную свободу, никакихъ требованій къ вамъ не предъявляла—даже когда безумно жаждала вашей ласки. Я сдѣлала видъ, будто принимаю вашу точку зрѣнія на наши отношенія—у васъ, вѣдь, страсть морализировать по поводу всего, какъ будто вы не человѣкъ, живущій среди другихъ людей, а отвлеченный умъ, глядящій на все со стороны—и не сердилась на васъ. Только подтрунивала надъ вами иногда—но ласково, любя, чувствуя себя, все-таки, побѣдительницей. О, да! я была глупа—но когда же влюбленная женщина не глупа? Мнѣ казалось, что я вамъ даю все, въ чемъ вы нуждаетесь. И была довольна и спокойна. Всякое хотя бы крохотное проявленіе нѣжности съ вашей стороны я раздувала. Когда вы, бывало, потянете меня за ушко—у васъ есть эта манера—для меня это было больше, чѣмъ поцѣлуй другого. Я жила недѣлю однимъ вашимъ поцѣлуемъ. А для васъ этотъ поцѣлуй такъ же мало значилъ, какъ выкуренная вами папироска. О, Боже! пошли мнѣ смерть—*я не могу* этого пережить!

Она говорила медленно, беззвучнымъ, монотоннымъ голо-

сомъ, пристально глядя въ огонь. Я стоялъ на колѣняхъ возлѣ нея, бормоча какія-то банальныя оправданія и мучительно сознавая, что тамъ, гдѣ сердце женщины разбито, всѣ слова равно безсильны.

— А вы—неужто вы не знали, что я васъ люблю?—продолжала она тѣмъ же горькимъ шепотомъ.—За кого вы меня принимали? Я позволила вамъ взять для меня эту квартиру, принимала отъ васъ матеріальную поддержку—неужели же вы думаете, я взяла бы деньги у человѣка, если бъ не любила его? Мнѣ казалось, что любовь моя проявляется въ каждомъ шагѣ, въ тысячѣ вещей...

Огонь въ каминѣ готовъ былъ угаснуть; она нагнулась, чтобъ подбросить углей. Я машинально взялъ у нея изъ рукъ лопатку и сдѣлалъ вмѣсто нея это привычное дѣло. Долгое время никто изъ насъ не говорилъ. Юдиѳь осталась у камина; я отошелъ къ окну. Шарманка внизу играла омерзительную шансонетку, и каждая пронзительная нота, какъ молоткомъ, била по нервамъ. Смуглая, оборванная женщина, сопровождавшая шарманщика, по всей вѣроятности, жена его, улыбнулась мнѣ и сдѣлала ручкой. У нея былъ синякъ подъ глазомъ, должно быть, преподнесенный ей черномазымъ супругомъ, но улыбалась она весело, какъ истое дитя природы. Люди моего круга не наставляютъ женщинамъ фонарей подъ глазами, но это—только вопросъ нравовъ. Въ сущности, развѣ я поступилъ менѣе по-скотски, чѣмъ это животное съ шарманкой?..

Внезапный звукъ рыданій заставилъ меня обернуться. Юдиѳь горько плакала, припавъ головой къ спинкѣ кресла и закрывъ лицо руками. Я нагнулся и дотронулся до ея плеча.

— Юдиѳь!..

Она вскинулась и судорожно обвила руками мою шею.

— *Я не могу отдать ей тебя! Не могу! Не могу!*— выкрикивала она, какъ безумная.

Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ женщину потерявшей самообладаніе, выкрикивающей безсвязныя, растерянныя фразы въ безумьи страсти, и это было ужасно, какъ крики раненаго на смерть звѣря.

Виноватый, растерянный, не смѣя ей взглянуть въ глаза, я простился съ нею. Она уже успѣла овладѣть собой.

— Обѣщайте мнѣ одно, Маркусъ, окажите мнѣ эту маленькую милость,—выговорила она дрожащими губами, не отнимая

у меня холодной, какъ ледъ, руки.—Побудьте сегодня одинъ, не съ *нею*. Мнѣ слишкомъ больно будетъ представлять васъ *и ее* вмѣстѣ, счастливыми, влюбленными, послѣ того, что̀ я вамъ говорила. Я буду корчиться въ мукахъ отъ стыда и боли. Думайте сегодня только обо мнѣ—только сегодня. Надѣньте на одинъ день трауръ по умершей. Это все, чего я прошу у васъ.

— Я и безъ вашей просьбы поступилъ бы, какъ вы просите.

Я поцѣловалъ ея руку и вышелъ на улицу, спотыкаясь, какъ слѣпой. И, пройдя нѣсколько шаговъ, услыхалъ голосъ Паскуале.

— Вы отъ м-съ Менсуорингъ? А я какъ разъ иду къ ней—вернуть ей бинокль, который я, по разсѣянности, вчера захватилъ съ собой. Скажите, пожалуйста, какой номеръ ея дома? Она сказала мнѣ, а я забылъ. Забѣгалъ къ вамъ узнать, но уже не засталъ васъ.

— № 17,—машинально отвѣтилъ я.

— У васъ нехорошій видъ, мой добрый другъ,—сказалъ онъ.—Надѣюсь, вчерашній вечеръ не очень васъ разстроилъ. Вы знаете, вѣдь это онъ только такъ, пыль въ глаза пускаетъ, нашъ любезнѣйшій Хамди.

— По всей вѣроятности.

— Да и вы тоже. Я и не соображалъ, что вы такъ изобрѣтательны. Нашъ Хамди сразу присмирѣлъ.

— Да, конечно. Вчера онъ сразу присмирѣлъ.

— И по дѣломъ ему, старому вору. Это такая каналья, какого свѣтъ не создавалъ.

— Совершенно вѣрно—каналья, какихъ свѣтъ не создавалъ,—повторилъ я.

Паскуале тряхнулъ меня за плечо.

— Вы человѣкъ, или фонографъ? Послушайте, что̀ съ вами такое дѣлается?

Я смотрѣлъ на него и завидовалъ его смѣющемуся смуглому лицу, небрежной граціи всей его стройной фигуры подъ намокшимъ зонтикомъ, съ котораго лила вода, изящной, какъ у принца, въ превосходно сидѣвшемъ синемъ костюмѣ—онъ былъ безъ пальто, а мое было застегнуто наглухо, и въ безукоризненныхъ шведскихъ перчаткахъ.

— Что̀ съ вами такое?—весело допытывался онъ.

— Я не спалъ всю ночь, завтракъ былъ мнѣ не по вкусу, дождь идетъ—что̀ тутъ пріятнаго?

Не дожидаясь, пока я кончу, онъ неожиданно устремился на

другую сторону улицы. Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и, не спѣша, самъ перешелъ на ту сторону. И нашелъ его въ оживленной бесѣдѣ съ худенькой бѣдно одѣтой женщиной, поставившей возлѣ себя на грязный тротуаръ огромный узелъ, втрое больше ея самой. Она тяжело дышала и прижимала одну руку къ груди.

— И вы намѣрены всю дорогу нести это въ рукахъ до Южнаго Кенсингтона?—негодующе восклицалъ Паскуале.

— Да, сэръ.

— Такъ я вамъ говорю, что этого не будетъ. Этого я не позволю. Подержите-ка!

Онъ бросилъ ей свой зонтикъ, который она машинально схватила, иначе онъ надѣлся бы ей на голову. Изумленіе, вызванное въ ней этимъ запретомъ, превратилось въ полное недоумѣніе и растерянность, когда она увидала, что молодой изящный господинъ взялъ ея узелъ и зашагалъ по тротуару. Она повернула ко мнѣ испуганное лицо.

— Это—бѣлье.

Паскуале остановился, оглянулся и сдѣлалъ ей знакъ слѣдовать за нимъ. Она покорно двинулась, бережно сжимая въ рукѣ серебряную ручку зонтика; я машинально послѣдовалъ за ними, составляя эрьергардъ. Все это произошло такъ быстро, что я тоже растерялся. Немногіе прохожіе разѣвали рты при видѣ насъ. Какой-то увалень въ полосатомъ триповомъ костюмѣ позволилъ себѣ циничную шутку по нашему адресу. Паскуале положилъ свой узелъ и спросилъ его, злобно скрививъ губы:

— Тебѣ что—хочется поскорѣе попасть въ адъ?

— Нѣтъ,—крикнулъ мальчишка, навостряя лыжи.

— Это хорошо,—замѣтилъ Паскуале, снова берясь за узелъ. И шествіе наше двинулось дальше.

Къ счастью, насъ нагналъ извозчикъ. Паскуале свистнулъ ему, всунулъ въ карету узелъ и держалъ дверцу, пока вслѣдъ за узломъ не влѣзла туда испуганная и растерявшаяся женщина, такъ почтительно, какъ будто она была герцогиней.

— Такъ вы говорите, Ордайнъ—началъ онъ, когда извозчикъ, получивъ три шиллинга, отъѣхалъ: — Такъ вы говорите, что завтракъ сегодня вамъ пришелся не по вкусу?..

Какъ ни тяжело было у меня на сердцѣ, я разсмѣялся и ощутилъ приливъ любви къ этому милому юношѣ. Что-то сказочно-рыцарское было въ этомъ поступкѣ — великолѣпное презрѣніе къ условностямъ, забавнѣйшій авантюризмъ, умѣнье по-

разить неожиданностью и въ то же время божественное состраданіе... А его безцеремонное обращеніе ко мнѣ потомъ было очаровательно. За весь этотъ долгій и безотрадный день это была единственная искра утѣшенія.

Я сдержалъ обѣщаніе, данное Юдиѳи. Завтракалъ и обѣдалъ въ клубѣ и весь день просидѣлъ въ клубной библіотекѣ, силясь какъ-нибудь убить время. Я намѣревался посвятить все это утро хлопотамъ объ ускореніи нашей свадьбы. Но, послѣ сегодняшняго разговора съ Юдиѳью, у меня духу не хватило заняться этимъ. И я рѣшилъ отложить это до завтра. Этотъ день былъ для меня днемъ траура. Я одѣлся во вретище и посыпалъ пепломъ голову. За свою тяжкую вину—я наложилъ на себя кару. Я весь день не видалъ Карлотты. А сейчасъ она уже въ постели. Антуанетта сообщила мнѣ, что у нея жестоко разболѣлась голова, и она легла рано. Неудивительно.—Бѣдное дитя!

Я чуть-было не поддался искушенію самому заглянуть къ ней въ комнату и удостовѣриться, что она не больна. Головная боль можетъ быть предвѣстницей многихъ болѣзней. Но я вспомнилъ свое обѣщаніе и удержался. Своимъ воркующимъ голоскомъ она подозвала бы меня къ себѣ, и ея руки обвились бы вокругъ моей шеи, и я забылъ бы о Юдиѳи.

XVII.

Октября 23-го. Я поздно всталъ сегодня. И, когда сошелъ внизъ завтракать, узналъ, что Карлотта уже ушла брать урокъ музыки.

Я тотчасъ же поѣхалъ въ Темпль посовѣтоваться съ моимъ повѣреннымъ и поручить ему ходатайствовать о спеціальномъ разрѣшеніи для меня вступить въ бракъ съ Карлоттой безъ предъявленія ею документовъ, или дозволенія родителей.

Вернулся я около часу. Въ передней меня встрѣтилъ Стенсонъ.

— Прошу извиненія, сэръ Маркусъ, но мадемуазель еще не возвращалась.

Это было странно. Никогда еще она не засиживалась такъ долго на урокѣ музыки. Я встревожился, прождалъ около часа, потомъ не выдержалъ и самъ отправился къ герръ Штюру, жившему рукой подать отъ меня—пять минутъ ходьбы.

Меня ввели въ гостиную. Черезъ минуту вошелъ Штюръ, вытирая губы, видимо, оторванный отъ завтрака.

— Чѣмъ могу служить?

— Извините за безпокойство, господинъ Штюръ, но не будете ли вы такъ любезны сообщить мнѣ, когда отъ васъ сегодня ушла миссъ Карлотта?

— Миссъ Карлотта сегодня вовсе не была у меня.

— Но, вѣдь, сегодня у нея урокъ?

— Да, въ десять часовъ, но она не пришла. А въ одиннадцать у меня была уже другая ученица. Я самъ удивился. До сихъ поръ она не пропускала ни одного урока.

Я помчался домой, терзаясь страхомъ и надеждой, что ея смѣющееся личико выглянетъ изъ окна и разсѣетъ страхъ, леденившій мою душу.

Но Карлотты не было.

И весь этотъ ужасный день Карлотты не было.

И никогда больше ея не будетъ.

Я побывалъ въ полиціи.

— Что же, по-вашему, могло случиться?—спрашивали меня.

Слишкомъ ясно—*что*—до ужаса ясно. Всякій другой, кромѣ меня, заперъ бы ее на замокъ и поставилъ стражу возлѣ дома. Всякій другой, кромѣ меня, не спустилъ бы ея съ глазъ до тѣхъ поръ, пока не обвѣнчался бы съ ней и не убѣдился бы, что Хамди съ его клевретами отплылъ обратно въ Александрію.

— Что случилось? Похищеніе ея. Это же ясно. По дорогѣ на урокъ, ее схватили, втиснули въ закрытую карету, заткнули ей кляпомъ ротъ и увезли Богъ вѣсть куда. Похититель—гнуснѣйшій мерзавецъ—префектъ полиціи въ Алеппо. Его имя—Хамди-эффенди и остановился онъ въ Отелѣ Метрополь.

Полицейскій комиссаръ допрашивалъ меня. Я отвѣчалъ, самъ не зная, что я говорю. Передъ глазами моими стояла сцена похищенія. Глухая улица. Дожидающаяся карета. Моя красавица, дитя моего сердца, свѣжая и радостная, какъ цвѣтокъ, въ это хмурое утро, своей воздушной, легкой поступью идетъ по тротуару. И вдругъ—неожиданное нападеніе, борьба, быстро, мгновенно захлопнувшаяся дверца. Все это въ нѣсколько секундъ... У меня кружилась голова отъ яркости галлюцинаціи.

— Такъ вы говорите: онъ грозился увезти ее?—допытывался комиссаръ.

— Да и одинъ мой другъ даже пригрозилъ убить его. Дай Богъ, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе!

— Будьте осторожны, сэръ Маркусъ, — улыбнулся комис-

саръ.—Иначе, если произойдетъ убійство, васъ могутъ заподозрить въ соучастіи.

Не все ли мнѣ равно? Сейчасъ для меня въ цѣломъ мірѣ только одно важно:—вернуть радость и смыслъ моего существованія. Какъ зовутъ моего друга?—Себастіанъ Паскуале! Гдѣ онъ живетъ?—Да тутъ, по близости, на Сентъ-Джонсъ Вудъ-Родъ.

— Самое лучшее, что̀ вы можете сдѣлать, сэръ Маркусъ,—это прихватить м-ра Себастіана Паскуале и вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Скотландъ-Яръ. Умъ хорошо, а два лучше. Мы же, пока, наведемъ справки въ другихъ участкахъ и произведемъ разслѣдованіе на мѣстѣ.

Я поѣхалъ въ Сентъ-Джонсъ-Вудъ-Родъ и, къ великому своему огорченію, узналъ, что Паскуале уже недѣлю не живетъ здѣсь. И письма всѣ ему пересылаютъ въ его клубъ на Пиккадилли. Я покатилъ туда. Господи! какъ это люди ухитряются ужъ сколько тысячъ лѣтъ довольствоваться лошадью, какъ способомъ передвиженія? Не умѣю сказать, какъ я терзался медлительностью бѣга этой великолѣпной улитки. Я бурею ворвался въ клубъ.

— Нѣтъ, м-ръ Паскуале сегодня не былъ.—Нѣтъ, онъ здѣсь не живетъ. Адресъ?—нѣтъ, это противъ правилъ клуба—сообщать частные адреса членовъ.

— Но, вѣдь, дѣло идетъ о жизни и смерти!—вскричалъ я.

— По правдѣ сказать, сэръ,—вмѣшался представительный швейцаръ,—постоянный адресъ м-ра̀ Паскуале только одинъ—адресъ его банкира, и мы сами не знаемъ, гдѣ онъ въ настоящее время проживаетъ.

Я торопливо набросалъ нѣсколько строкъ.

«Хамди увезъ Карлотту. Я съ ума схожу. Если вы любите меня, помогите мнѣ. Боже, какая обида, что я не засталъ васъ!»

Оставивъ письмо швейцару, я потащился въ Скотландъ-Ярдъ. Извозчикъ, когда я началъ бранить его лошадь, жестоко обидѣлся и началъ увѣрять, что она полукровка и превосходнѣйшій рысакъ.

— Смотрите, мы всѣхъ обгоняемъ.

— Это потому, что всѣ стоятъ на мѣстѣ, или ползутъ черепашьимъ шагомъ.

Безъ сомнѣнія, онъ счелъ меня помѣшаннымъ. «Спятилъ, на старости лѣтъ». Эти слова, вмѣстѣ съ картиной лѣтняго солнечнаго дня, живо встали въ моей памяти, и сердце мое больно сжалось. Я внутренно молился: «Спаси душу мою отъ адскихъ мукъ, и мою радость изъ-подъ власти негодяя»...

Я серьезно думаю, что въ тотъ день у меня что-то повредилось въ головѣ.

Вотъ наконецъ и Скотландъ-Ярдъ. Я прошелъ нѣсколько безконечныхъ корридоровъ и очутился въ грязной комнатѣ, гдѣ учтивый чиновникъ, сидѣвшій за конторкой, въ теченіе получаса терзалъ меня на дыбѣ. Онъ требовалъ, чтобъ я подробно описалъ ему Карлотту—не образами и сравненіями, которые одни только могли дать понятіе объ ея прелести, но объективными терминами полицейской рапортички. Какъ она одѣта? Ну, разумѣется,—шляпка, жакетка, юбка, ботинки; перчатки—да, конечно, и перчатки; возможно, что и муфта тоже. Раздражаясь, что мнѣ приходится говорить о такихъ заурядныхъ деталяхъ, я подробно принялся описывать ее. Но Скотландъ-Ярду неинтересно было знать, что у нея красивые золотисто-бронзоваго цвѣта волосы, большіе темно-каріе глаза и пухлый алый ротикъ, что вся она—упоительная смѣсь Боттичелли съ чарами Венериной Горы, что въ ея голосѣ голубиныя, воркующія нотки—отъ меня требовали, чтобъ я сказалъ, какого цвѣта перья у нея на шляпкѣ и изъ какой матеріи сдѣлано ея платье, чтобъ я въ точности опредѣлилъ, какого она роста и какой носитъ номеръ перчатокъ и ботинокъ.

— Господи! Да откуда мнѣ это знать?—воскликнулъ я съ отчаяніемъ.

— Можетъ быть, кто-нибудь изъ вашихъ слугъ сможетъ дать всѣ эти необходимыя свѣдѣнія?—спросилъ вѣжливый чиновникъ.

Если бъ я потерялъ зонтикъ, а не человѣка,—онъ не могъ бы быть равнодушнѣе.

Тутъ произошло чудо. Въ то время, какъ я писалъ Стенсону, чтобъ онъ узналъ отъ Антуанетты всѣ подробности и немедленно же явился сюда, въ Скотландъ-Ярдъ, вошелъ полисменъ и сообщилъ мнѣ, что мой камердинеръ дожидается меня за дверью. У меня радостно забилось сердце. Можетъ быть, онъ выслѣдилъ, куда я шелъ, и явился извѣстить меня, что Карлотта въ безопасности? Но первый же взглядъ на лицо Стенсона убилъ во мнѣ надежду. Онъ, дѣйствительно, выслѣдилъ меня и явился сюда, лишь для того только, чтобы быть подъ рукою, если понадобятся какія-нибудь свѣдѣнія.

— Это большая вольность съ моей стороны, сэръ Маркусъ, и, если вы находите, что я неправильно понялъ свой долгъ, можете уволить меня, хоть сейчасъ же, но въ такихъ катастрофахъ важны детали, сэръ, которыя,—я это знаю по опыту—иной разъ подмѣчаютъ только слуги.

Навѣрное, гдѣ-нибудь существуетъ книга въ тысячу страницъ, подъ заглавіемъ: «Образцовый Слуга», въ которой предусмотрѣны всевозможныя случайности домашней жизни и которую этотъ удивительный Стенсонъ знаетъ наизусть. Свою цицероновскую фразу онъ произнесъ съ торжественностью маріонетки кукольнаго театра, которымъ мы всѣ такъ увлекались въ дѣтствѣ.

— Можете вы мнѣ сказать, какъ была одѣта молодая лэди?—началъ его допрашивать чиновникъ.

— Я счелъ своимъ долгомъ,—былъ отвѣтъ,—выяснить во всѣхъ деталяхъ, какъ была одѣта мадемуазель Карлотта, когда она сегодня утромъ вышла изъ дому.

Я отошелъ на задній планъ. Все вниманіе чиновника сосредоточилось на Стенсонѣ. Нѣсколько торопливыхъ вопросовъ выяснили все, что́ нужно было знать. Темно-красный токъ съ сѣрымъ крылышкомъ, юбка и жакетъ въ тонъ шляпкѣ, фасона зуавъ, обшитыя черной тесьмой; блузка темно-синяя, воротъ застегнутъ простенькой золотой брошкой (первый мой подарокъ—въ благодарность за который ручки ея впервые обвились вокругъ моей шеи); на шеѣ горжетка серебристой лисицы и такая же муфта; лакированные сапожки и коричневыя шведскія перчатки.

— Есть у нея какія-нибудь особыя примѣты?

— Бѣлый шрамъ на лѣвомъ вискѣ,—сказалъ Стенсонъ.

Боже милосердный! Этотъ человѣкъ изо-дня въ день пять мѣсяцевъ видѣлъ и любовался волшебной красотой Карлотты и ни одной характерной черты въ ней не примѣтилъ, кромѣ этого бѣлаго шарика—она ребенкомъ поскользнулась на мраморныхъ ступеняхъ и упала—единственнаго пятнышка, единственнаго недостатка, если это можно назвать недостаткомъ, въ ея лучезарной красотѣ.

— И еще у мадемуазель есть маленькая родинка за правымъ ухомъ,—сообщилъ Стенсонъ.

Лицо полицейскаго чиновника расплылось въ довольную улыбку. Онъ, видимо, былъ доволенъ свидѣтелемъ и относился къ нему съ большимъ уваженіемъ. Перо его такъ и летало по бумагѣ, жадно фиксируя полученныя данныя. Когда источникъ вдохновенія моего камердинера изсякъ, Стенсонъ повернулся ко мнѣ и, съ обычной своей невозмутимостью, почтительно освѣдомился:

— Какъ прикажете, сэръ Маркусъ, мнѣ домой идти, или я вамъ еще понадоблюсь?

Я сказалъ ему, чтобъ онъ шелъ домой. Онъ удалился.

Чиновникъ, весело ухмыляясь, объявилъ:—Теперь мы можемъ продолжать. Жаль, что вамъ не удалось разыскать м-ра Паскуале (прочелъ онъ, заглянувъ въ свои замѣтки). Онъ могъ бы оказать намъ большое содѣйствіе.—Онъ поднялся изъ-за стола.—Все-таки, я думаю, мы скоро выслѣдимъ юную лэди. Точное описаніе внѣшности и костюма—это, знаете, вещь незамѣнимая.

Онъ подалъ мнѣ заполненный имъ печатный бланкъ. Несмотря на свое горе, я чуть не засмѣялся надъ самомнѣніемъ этого человѣка, воображающаго, будто всѣ эти цифры и примѣты, одинаково подходящія къ пяти тысячамъ молодыхъ женщинъ въ Лондонѣ, могутъ дать понятіе о Карлоттѣ тому, кто не видалъ ея.

— Все это прекрасно,—сказалъ я,—но самое главное изловить во-время этого турецкаго дьявола.

— Вы можете быть спокойны: разслѣдованіе будетъ произведено возможно быстрое и полное.

— А мнѣ, пока, что дѣлать?

— Вамъ, сэръ Маркусъ, самое лучшее—пойти домой и предоставить все остальное намъ. Какъ только мы найдемъ самомалѣйшій слѣдъ—мы дадимъ вамъ знать.

Онъ учтиво поклонился. Черезъ двѣ минуты я уже брелъ по сѣрой, окутанной туманомъ улицѣ, какъ погибшая душа по берегу Флегетона. И мнѣ казалось, что никогда мнѣ не свѣтило солнце, что никогда я не увижу его больше. Такъ и буду все бродить безъ отдыха, пока не приду къ воротамъ вѣчности.

Какая-то рѣшетка бросилась мнѣ въ глаза. Колоссальная фигура, выдвинувшаяся изъ тумана, показалась мнѣ знакомой. Это былъ памятникъ сэру Бартлю Фрэру, а садъ, по которому я бродилъ, былъ садъ подъ террасой клуба націоналъ-либераловъ. Здѣсь я впервые встрѣтилъ Карлотту. Плачущія подъ дождемъ деревья сада, какъ будто, еще сохранили отголосокъ ея жалобныхъ словъ: «Можетъ быть, вы мнѣ скажете, что же мнѣ дѣлать?» Я напряженно вглядывался въ туманъ, силясь различить скамью, на которой мы тогда сидѣли, и въ клубахъ тумана моему затуманенному взору чудился призракъ Карлотты. Сердце мое мучительно ныло и сжималось острой болью при воспоминаніи, какъ я былъ суровъ съ ней въ это дивное майское утро.

Я завернулъ за уголъ Уайтхоллской площади и оглянулся внизъ, на опустѣвшій садъ. Скамьи были пусты, деревья обнажились, «птицы умолкли». Я поспѣшилъ перейти на ту сторону улицы...

Отель Метрополь. Огромныя двери раскрыты настежь, словно

приглашая войти въ нарядный, теплый вестибюль. Здѣсь остановился Дьяволъ, который отнялъ у меня то, что́ мнѣ дороже жизни. Съ минуту я стоялъ у подъѣзда, дрожа отъ ярости. Должно быть, на нѣсколько секундъ я потерялъ сознаніе, такъ какъ не помню, какъ я вошелъ, какъ поднялся по лѣстницѣ. Помню только, какъ стоялъ передъ конторкою *портье* и спрашивалъ, уѣхалъ ли Хамди-эффенди. Нѣтъ, еще не уѣхалъ. Кажется, даже дома. Мальчуганъ-разсыльный побѣжалъ разыскивать его съ моей визитной карточкой, скороговоркой назвавъ мнѣ нумеръ. Я ненавижу эти караванъ-сараи, гдѣ человѣкъ обозначается номеромъ, какъ въ тюрьмѣ. «Хорошо бы,—бормоталъ я про себя,—если бъ это была тюрьма, и этотъ нумеръ былъ нумеромъ камеры Хамди-эффенди!»

Какой-то худощавый господинъ поднялся съ кресла и, сжимая мою руку, разсыпался въ изъявленіяхъ удовольствія по поводу нашей встрѣчи: Я недоумѣнно уставился на него. Онъ напомнилъ мнѣ наше знакомство въ Этретà. Я съ трудомъ припомнилъ, кто это—американецъ, спеціалистъ по убранству комнатъ цвѣтами, ежедневно настойчиво рекомендовавшій мнѣ «ускорить темпъ жизни». Я пожалъ ему руку и освѣдомился о его здоровьи.

— О, я страшно поздоровѣлъ тамъ. Превосходно себя чувствую. Я всего лучше чувствую себя, когда у меня куча работы. Но въ этой милой, сонной старой Англіи люди не торопятся. У васъ, напримѣръ, люди два раза завтракаютъ. Въ Нью-Іоркѣ, если вы успѣете, въ промежутокъ между завтракомъ и обѣдомъ, проглотить въ трамваѣ облатку съ плазмономъ—и это уже хорошо.

Его высокій, визгливый фальцетъ безъ конца выкрикивалъ всѣ эти пошлости надъ самымъ моимъ ухомъ. Я отвѣчалъ односложно, наудачу. Надо было быть этимъ юнымъ, вѣчно спѣшащимъ, вѣчно гоняющимся за долларомъ американцемъ изъ Нью-Іорка, чтобъ не замѣтить, какую муку я переживаю.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы видались съ вами, угадайте, сколько разъ я переплылъ Атлантику?—Четыре раза!

Бѣдная, долготерпѣливая Атлантика!

— Что жъ вы о себѣ-то ничего не скажете? Какъ вы живете? Все за книгами и все такое прочее?

— Да, за книгами и все прочее.

Вернулся мальчуганъ и объявилъ, что Хамди сейчасъ выйдетъ ко мнѣ въ пріемную.

— А какъ поживаетъ очаровательная молодая лэди, ваша воспитанница, миссъ Карлотта?—допытывался мой мучитель.

— Да. Очаровательная молодая лэди. Вы, бывало, все угощали ее сладостями. Вы замѣтили, что пристрастіе къ засахаренным сливамъ развиваетъ ровность характера и въ то же время портитъ зубы? Вотъ почему у американокъ передніе зубы всегда такъ плохи.

Говорятъ, лисица прибѣгаетъ къ такимъ вывертамъ, чтобы сбить съ толку своихъ преслѣдователей. Юный американецъ, глубоко задѣтый въ своемъ патріотизмѣ, тотчасъ горячо вступился за своихъ соотечественницъ, доказывая, что краше ихъ нѣтъ женщинъ въ цѣломъ свѣтѣ. Я озирался, спрашивая себя, за которой изъ дверей, выходящихъ въ этотъ роскошный вестибюль, скрывается предметъ моей жгучей ненависти, а мой лѣтній знакомый продолжалъ трещать:

— Мнѣ кажется, вы чѣмъ-то озабочены, кого-то ждете?— неожиданно замѣтилъ онъ, обнаруживъ неожиданную проницательность.

— Одного знакомаго. Скучный человѣкъ! Я буду очень огорченъ, если онъ своимъ появленіемъ слишкомъ рано прерветъ нашъ интересный разговоръ.

— Въ это мгновеніе отворилась дверь лифта, и появился Хамди, словно чортъ въ балетѣ.

Онъ посмотрѣлъ на мою визитную карточку, посмотрѣлъ на меня и учтиво поклонился.

— Не знаю, кого я имѣю удовольствіе видѣть передъ собою, — выговорилъ онъ на отвратительномъ французскомъ языкѣ. — Чѣмъ я могу быть полезенъ сэръ Маркусу Ордайну?

— Что вы сдѣлали съ Карлоттой?—прошипѣлъ я, прожигая его взглядомъ.

Его гнусная, изуродованная оспой физіономія выразила полнѣйшее недоумѣніе.

— Съ Карлоттой?

— Да. Куда вы увезли ее?

— Скажите яснѣе, мосье. Такъ ли я понялъ васъ? Лэди Ордайнъ исчезла?

— Скажите мнѣ, что̀ вы съ ней сдѣлали, куда увезли ее?

Рябая физіономія расплылась въ сатанинскую усмѣшку— нѣтъ словъ, чтобы описать безобразія этого гнуснаго лица.

— Ну, знаете, мосье, меня удивляетъ, что вы пришли ко мнѣ. Если бы *я* похитилъ милэди, ужъ вамъ-то я, конечно, не сказалъ бы, гдѣ она находится. Какой же вы простакъ! Я часто слышалъ, что Англія—страна аркадской невинности, не

то, что моя грѣшная родина; теперь—онъ насмѣшливо пожалъ плечами:—теперь я убѣжденъ въ этомъ.

— Вамъ угодно шутить, Хамди-эффенди!—выкрикнулъ я, внѣ себя отъ гнѣва,—но въ англійской полиціи врядъ ли вы обрѣтете аркадскихъ пастушковъ.

— Ахъ, такъ вы уже и въ полицію обращались?—вкрадчиво замѣтилъ негодяй.—Въ этотъ вашъ—какъ бишь его:—Скотландъ-Плэсъ-Скотландъ.—Ну, да все равно—*n'importe*. Такъ они уже производятъ разслѣдованіе? Благодарю васъ за то, что вы такъ дружески предупредили меня.

— Предупредилъ!—вскричалъ я, задыхаясь отъ негодованія.

Онъ протянулъ по направленію ко мнѣ свою жирную, мягкую руку.

— Ахъ, такъ вы не съ тѣмъ пришли, чтобы предупредить меня. Въ такомъ случаѣ, мосье, боюсь, что вы совершили нескромность, которой вамъ не простятъ ваши друзья изъ Скотландъ-Ярда. Плохой бы изъ васъ вышелъ полицейскій. Я, вѣдь, профессіоналъ, такъ я могу судить.

Я шагнулъ впередъ. Онъ отступилъ назадъ, быстро оглянувшись на лифтъ, стоявшій пустымъ, съ раскрытыми дверями.

— Хамди-эффенди, клянусь Богомъ живымъ, если вы не вернете мнѣ моей жены!.

Я не договорилъ. Хамди быстро шагнулъ назадъ и, очутившись въ лифтѣ, сдѣлалъ знакъ лифтеру. Дверь захлопнулась, и я могъ только погрозить кулакомъ подошвамъ сапогъ Хамди, быстро исчезнувшимъ въ провалѣ лифта.

Помню, въ Италіи, я видѣлъ разъ, какъ кошка играла съ оглушенной паденіемъ летучей мышью, которую она поймала, въ то время, какъ та летѣла низко надъ землей. Пригнувшись, кошка ударяла ее лапкой, потомъ отпускала на минуту, потомъ опять прихлопывала и, отойдя назадъ, вся напруживалась, готовясь къ новому прыжку. И вдругъ летучая мышь неожиданно вертикально взвилась въ воздухъ.

Я смотрѣлъ на поднимавшійся кверху лифтъ съ такою же растерянностью и безсильной злобой, какъ та кошка. Это было нелѣпо до непостижимости. Въ мою трагедію это вносило элементъ какого-то дьявольскаго фарса. Я услыхалъ смѣхъ и, обернувшись, увидалъ американца, который перегнулся вдвое въ своемъ креслѣ, помирая со смѣху. Посрамленный, осмѣянный, я, не помня себя, выбѣжалъ на улицу...

Теперь я дома, сижу за своимъ письменнымъ столомъ, брожу по комнатѣ, по временамъ выхожу на балконъ и на холоду, на сырости жду сигнала съ темнаго, безмолвнаго шоссе. И проклинаю себя за свою глупость. Зачѣмъ я пошелъ туда, въ этотъ Отель Метрополь! Проклятый турокъ, зная, что я въ его рукахъ, вволю издѣвался надо мною, а я ничего не могъ съ нимъ сдѣлать... И Карлотта въ его власти. Я блѣднѣлъ отъ испуга, представляя себѣ ея страхъ. Она гдѣ-то спрятана, въ этомъ огромномъ городѣ, заперта на ключъ, и я не знаю, гдѣ она. Великій Боже! Что могло съ ней статься?..

Полиція должна найти ее. Лондонъ же не средневѣковая Италія, гдѣ женщину можно было схватить, зажать ей ротъ и увезти ее въ неприступную крѣпость, наперекоръ всѣмъ законамъ и правительствамъ. Я твержу себѣ, что она вернется ко мнѣ, *должна* вернуться, что наши англійскія учрежденія функціонируютъ исправно, что моя мука продлится день-два, не болѣе, что передо мной лежитъ на столѣ уже добытое разрѣшеніе вѣнчаться—что еще недѣля, и мы будемъ съ улыбкой вспоминать объ этомъ кошмарѣ и съ радостнымъ сердцемъ глядѣть впередъ, въ свѣтлое будущее.

Но сейчасъ я страшно одинокъ. «Одиночество, говоритъ Эпиктетъ, неизбѣжное слѣдствіе растерянности и безпомощности». А я растерянъ и безпомощенъ. У меня нѣтъ иныхъ совѣтчиковъ, кромѣ вотъ этихъ книгъ, но вся ученость, всѣ знанія, собранныя въ этихъ книгахъ, разставленныхъ на полкахъ, которыя тянутся отъ потолка до полу вдоль стѣнъ моего кабинета, не могутъ вложить въ мою голову ни единой крупицы практической мудрости. Если бъ хоть Паскуале былъ здѣсь!—онъ такой дѣятельный, такъ быстро соображаетъ и рѣшаетъ. А я вынужденъ былъ довѣриться лишенной воображенія машинѣ, которая взялась найти Карлотту при помощи бѣлаго шрама на ея вискѣ и родинки за ухомъ. Найдетъ ли?.. О, я очень одинокъ! Единственный другъ, къ которому я могъ бы пойти за совѣтомъ и утѣшеніемъ, м-ссъ Макъ Муррэй, все еще въ Будэ. Повидимому, у нея скоро долженъ родиться ребенокъ, и она останется въ Корнуэльсѣ до полнаго выздоровленія. Къ мужу ея—не говоря уже о томъ, что онъ до поздней ночи сидитъ въ своей редакціи—мнѣ не хочется обращаться. Онъ заговоритъ меня—это какая-то Ніагара, а не человѣкъ. Юдиѳь—къ ней теперь я не могу пойти. Антуанетта сегодня весь день проплакала, Стенсонъ очень почтительно и деликатно даетъ мнѣ понять, что онъ сочувствуетъ мнѣ,—но не могу же обращаться за совѣтомъ къ своимъ слугамъ. Я взялъ на руки одноглазаго

кота и зарылся лицомъ въ его шерсть—какъ это дѣлала Карлотта. «Вотъ какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобъ меня цѣловали!» Если бъ ты была здѣсь, дорогая, ненаглядная, о, какъ бы я цѣловалъ тебя!..

Я пошелъ наверхъ, посидѣлъ въ ея комнаткѣ. Антуанетта и сегодня приготовила ей постель, какъ всегда. Уголъ одѣяла отогнутъ, поперекъ кровати лежитъ ея ночная рубашка—воздушная, съ красными лентами. На полу у кровати знакомыя красныя туфельки на высокихъ каблучкахъ; черезъ спинку стула перекинутъ шелковый халатикъ; въ кувшинѣ на умывальникѣ приготовлена горячая вода—она еще не успѣла остыть. И я знаю, что эта глупая женщина тамъ наверху не можетъ сомкнуть глазъ—все ждетъ своего ангельчика. Я поцѣловалъ подушку, на которой еще вчера покоилась *ея* головка—она еще хранитъ запахъ *ея* волосъ—и спустился внизъ, унылый, съ комкомъ въ горлѣ.

Снова я сижу за письменнымъ столомъ и, чтобъ не сойти съ ума, записываю въ свой дневникъ все, что случилось [1]). Перечитываю написанное—и самъ себѣ не вѣрю, дотого это невѣроятно.

И вдругъ, звонокъ—оглушительный, коробящій нервы звонокъ у парадной двери.

Я бѣгу внизъ отворять. Это вѣсть о Карлоттѣ. Это сама Карлотта вернулась ко мнѣ. Мое сердце колотится отъ радости, словно хочетъ выскочить изъ груди. Вотъ, я сейчасъ отопру дверь—и Карлотта, смѣясь и плача, упадетъ ко мнѣ на грудь.

Отворяю.—Передо мною полицейскій въ штатскомъ платьѣ.

— Сэръ Маркусъ Ордайнъ?

— Да.

— Мы выслѣдили молодую лэди. Она уѣхала изъ Лондона сегодня, въ 2.20, съ континентальнымъ экспрессомъ съ вокзала Викторія, вмѣстѣ съ м-ромъ Себастіаномъ Паскуале.

Съ англ. пер. З. Журавская.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что послѣднія страницы я пишу уже post factum, въ Веронѣ, пополняя отрывочныя замѣтки въ своемъ дневникѣ.
Прим. авт.

ПЕРЕЖИТОЕ.

(Разсказъ врача о пребываніи на восточномъ фронтѣ).

I.

Скорѣй ребенокъ, чѣмъ воинъ, Васинька Золотцевъ, 15-лѣтній охотникъ, сидѣлъ на перекладинѣ въ окопѣ, на полголову выше вала. Въ рукахъ у него фуражка, къ которой онъ старался прикрѣпить проволокой козырекъ. Любилъ пофрантить юнецъ. Выступленія тѣмъ временемъ ждали съ напряженіемъ. И вдругъ—фи-и, фи-и... Подрядъ два выстрѣла со стороны нѣмцевъ. Шлепъ... Это не стало Васиньки. Упалъ онъ безъ звука, словно пенекъ подгнившій, простреленной грудью внизъ.

— Шилъ козырекъ, а вышелъ кувырокъ,—скаламбурилъ санитаръ Юхновъ, кладя коченѣющій трупикъ на задній край окопа.

И больше ни слова. Каламбуръ—Васинькина надгробная. И это еще роскошь: сотни, тысячи уходятъ изъ жизни безъ напутствія какого бы то ни было.

Въ этомъ—величіе войны.

Первый выстрѣлъ мнѣ пришлось пережить въ обществѣ упомянутаго санитара Юхнова. Кстати—фигура онъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣчательная. По его, напримѣръ, словамъ, провожали его, холостого, три жены, которымъ онъ оставилъ пятерыхъ ребятъ. На вопросъ, какъ это вышло, Юхновъ неизмѣнно отвѣчалъ короткимъ лошадинымъ: гы-ы... Огромной силой своей онъ равенъ былъ развѣ одесскому битюгу. Неряха и пентюхъ, какихъ не сыщешь, увалень, къ смерти безразличенъ на удивленье. Съ нимъ вотъ, съ этакою лошадью, я и пережилъ первый смертельный трепетъ. Поднимались на пригорокъ, въ виду котораго залегъ въ засадѣ батальонъ. Предполагалось, что батальону придется имѣть дѣло съ полкомъ нѣмцевъ,

а то и дивизіей, слѣдовательно, санитарный составъ долженъ быть пропорціонально увеличенъ. Принимая приказъ отправиться къ мѣсту стоянки батальона, я не подумалъ, на что̀ и куда я шелъ. И какъ новичекъ, а паче того, какъ благодушный россіянинъ, во всемъ положился на авось. Однако, благодушію моему насталъ конецъ послѣ первыхъ же словъ Юхнова о «дѣлѣ», въ которомъ мнѣ предстояло одновременно быть и операторомъ, и санитаромъ, и солдатомъ, и начальникомъ отряда въ случаѣ передвиженій батальона.

— Только ты, вашъ-бродь, не суйся. Легкіе, они сами приползутъ, а съ чижолыми мы (санитары) управимся.

И не успѣлъ я оформить сказанное Юхновымъ, какъ что-то свистящее и, казалось, длинное и острое начало низать воздухъ. Не знаю, для чего и съ какой цѣлью я досталъ бинокль. Началъ было искать поразившій меня свистъ въ воздухѣ, но Юхновъ во̀время притянулъ меня грудью къ землѣ.

— Нишкни. Это по насъ открыли... Переждемъ, а потомъ на ползунки.

Странно... Опасность, собственно, миновала, я лежалъ подъ прикрытіемъ небольшого бугорка, рядомъ съ такимъ опытнымъ человѣкомъ, какъ Юхновъ, между тѣмъ страхъ все крѣпче и плотнѣй жалъ и комкалъ меня. Казалось, что-то длинное и острое, что̀ со свистомъ низало воздухъ, теперь прокалывало мое тѣло; особенно реально это ощущеніе было въ спинѣ. Сколько минутъ мы отлеживались, что̀ говорилъ Юхновъ—припомнить не могъ, съ трудомъ опредѣляю и теперь время. Въ первыя же минуты послѣ выстрѣловъ, по словамъ Юхнова, я уснулъ. На его, полагаю, преусердное буженіе не реагировалъ ни словомъ, ни дѣйствіемъ. Проснулся потный, помню, обезсиленный. Первымъ ощущеніемъ была животная радость, все тѣло какъ бы пѣло: живъ, живъ, живъ...

Кое-какъ добрались до секретныхъ пикетовъ батальона. Окрикнули. Юхновъ сказалъ пароль. Пропустили. Идемъ какой-то котловиной или оврагомъ. И снова: фи-и, фи-и... Одна пуля вблизи меня сорвала большую вѣтку съ наполовину обитой березы. Въ этотъ разъ я только присѣлъ, инстинктивно пытаясь спрятаться. Мысль же не холодѣла и была почти ясна. Теперь полетъ пуль не казался остро-длинно-свистящимъ. Каждый залпъ былъ похожъ на быстро, низко несущуюся стайку маленькихъ и упругихъ металлическихъ пташекъ. Замѣтивъ, что я уже нѣсколько освоился съ пальбой, Юхновъ, осклабившись, сказалъ:

— Обойдешься, вашъ-бродь. По перву оно, конечно, торопно. А опосля... Я къ примѣру. Ты въ меня хошь полкомъ жарь, бровою не мигну. Накажи, Богъ—правда.

Это—атака. И вотъ стоя, въ серединѣ обвала, вы ясно представляете, что нѣтъ ни одного шанса за то, что изъ милліона кирпичей рушащагося дома одинъ-два, возможно десятокъ ихъ не размозжатъ вашу голову. Такова теорія, на практикѣ же, въ ту памятную ночь я, напримѣръ, искренно скорбѣлъ, что моя шашка такъ коротка и что я никакъ не могъ ею достать до нѣмца. И, разумѣется, о падающемъ на мою голову милліонѣ кирпичей не думалъ. Кто-то вихремъ пронесся на сѣроватой лошади съ металлическими жуткими выкриками: Ать! Ать! Ать! Солдаты вздрогнули, словно этотъ крикъ зарядилъ ихъ новымъ притокомъ силъ, принажали, вдались плечомъ въ нѣмецкую массу, ахнули и пошло—пошло. Столькихъ рукъ я даже во снѣ, во время кошмаровъ городскихъ не видѣлъ: руки, руки и руки. Будто отдѣльныя, самостоятельныя существа что-то лихорадочно творили надъ головами солдатъ.

И наконецъ знаменитый «чемоданъ».

Передъ тѣмъ, какъ шлепнуться ему, помню, съ обѣихъ сторонъ на короткій волшебный мигъ настала тишина. Казалось, даже оглянулись всѣ въ сторону его паденья. И вслѣдъ за этимъ мигомъ десятки, возможно сотни упали, опустились молча на колѣни. Взрыва, звука его я не могу передать, ибо не съ чѣмъ сравнить, не знаю образнаго слова, а, вѣрнѣе, звука этого и не было или его нельзя слышать. Стоялъ ровный, могучій гулъ, да летали въ воздухѣ сучья, комья земли и что-то липкое, тепловатое...

Вернулся я къ своимъ обязанностямъ врача какъ-то незамѣтно. Попался мнѣ на глаза солдатъ съ оторванной по локоть рукой. Страдалъ онъ невыносимо. Какъ врачъ же, я зналъ, чѣмъ и какъ быстро и безболѣзненно облегчить его страданія. Съ этого и началось. На свою стоянку я возвратился подъ утро съ десяткомъ «тяжелыхъ». Встрѣтилъ меня Юхновъ, и довольно своеобразно. Видя меня дранаго, испачканнаго и окровавленнаго, больше кровью чужой, нежели своей,—какой-то нѣмецъ все же удосужился царапнуть меня по лбу,—Юхновъ заулыбался привѣтливо, и я уже ждалъ похвалъ, какъ вдругъ:

— Этакъ и всякъ можетъ. А ты, вашъ-бродь, утерпи и останься при своемъ дѣлѣ. Не порядокъ такъ-то.

Слова Юхнова я понялъ и вполнѣ согласился съ нимъ, что утерпѣть и остаться большій подвигъ, нежели дѣтская царапина на лбу.

II.

Спалъ я послѣ вальпургіевой ночи ровно 17 часовъ, безъ сновидѣній и не мѣняя позы, мертвымъ сномъ. Очнулся въ санитарной матеріальной повозкѣ подъ Л. вечеромъ. Привѣтствовалъ меня все тотъ же, моя увеличенная первобытная тѣнь, Юхновъ.

— Въ городу тебѣ способнѣй, вашъ-бродь. Горячъ больно.

Ничего не понимаю. Разспрашиваю бѣгло о прошедшемъ. Узналъ. Нѣмцевъ сжали, гонятъ ихъ доняки и николаевцы. Нашихъ въ эту ночь упало тоже не мало, хотя ни одно знамя не выбито. Слѣдовательно, «сливки» не будетъ, убыль пополнятъ и снова за дѣло. Частности. Милаго, уважаемаго П. И. А. нѣтъ и не нашли. Земля тебѣ пухомъ, хорошій человѣкъ. Потерялся и младшій врачъ отряда. Изъ санитаровъ убыло 4 души; одного Сапожкова представятъ къ Георгію. По словамъ Юхнова, Сапожковъ «изъ самаго пекла» вынесъ батальоннаго, у котораго вмѣсто рукъ кровяная, тряпичная бахрома изъ мяса. Результатъ проклятаго «чемодана».

Ночью подъѣхали къ Л.

Сдали «тяжелыхъ», «легкихъ» распредѣлили по мѣстнымъ тыловымъ лазаретамъ. Сѣли за ѣду. Оговорюсь: поздній обѣдъ или ужинъ (какъ угодно) первая пища за 33 часа. И какимъ деликатессомъ показались макароны безъ соли и масла, не говоря уже о чаѣ, настоящемъ, горячемъ, хорошо прокипяченномъ и заваренномъ Кузнецовскомъ чаѣ.

Подъ утро позвали въ штабъ. Осмотрѣли меня, какъ ребенка, повернули вправо и влѣво, а одинъ старичекъ генералъ, котораго я съ большимъ бы удовольствіемъ назвалъ милымъ дѣдушкой, нежели его превосходительствомъ, ласково сказалъ:

— Только горячиться не слѣдуетъ, молодой человѣкъ. Война— подвигъ. Да. Но еще война и ремесло, дисциплина.

Съ приказомъ-рапортомъ въ рукахъ я оставилъ низкій деревянный домъ на окраинѣ Л. Прочиталъ и огорчился: предлагаютъ соединиться съ такимъ-то полевымъ лазаретомъ, стоящимъ въ центрѣ города. Иду, уныло опустивъ голову. Къ утру нашелъ. Бывшая городская больница, вполнѣ оборудованная, съ садомъ и заразными бараками во дворѣ. Вспомнилъ Петроградскую Петропавловскую больницу, рядомъ расположенный женскій медицинскій институтъ, потомъ жену, свое лепечущее молодое поколѣніе... И стало грустно, до боли тоскливо. Какъ они тамъ, что въ Петроградѣ, на Балтикѣ? Тысяча пугливыхъ вопросовъ, на которые отвѣта нѣтъ и не можетъ быть. Тоска.

Пришли на пунктъ, стоянку санитарнаго отряда.

Представился старшему врачу, его помощнику и студенту-охотнику. Санитары поднялись, отдали честь. Растерялся, не зная, какъ вести себя по отношенію къ нимъ. Выручилъ новый залпъ.

— Ишь нащупываютъ,—вскользь бросилъ старшій врачъ.— Ваше имя-отчество.

Я сказалъ.

— Курите? Вотъ отлично! Одну, нѣтъ, пару. Василь Василичъ, папиросы есть,—говорилъ онъ съ радостью ребенка своему помощнику.

Подѣлился, точнѣе—роздалъ всѣ папиросы, оставивъ себѣ штукъ пять... И опять Юхновъ съ его опекой:

— Здря, вашъ-бродь. Яны,—онъ указалъ на врача и помощника его,—обыкши, а ты по новости. Ссохнешь, не куримши.

И въ свою очередь попросилъ «однова смыкнуть».

Залпы и отдѣльная трескотня раздавались все ближе и ближе. Дождь. Начинало темнѣть. Поднялся вѣтеръ съ тыла.

— Плохо,—сказалъ по этому поводу старшій врачъ.—На слухъ теперь не узнаешь. Относить будетъ. Матвѣевъ, поди къ батальонному справиться, какъ тамъ.

Но Матвѣеву идти не пришлось. Къ санитарнымъ фургонамъ подходилъ офицеръ, пожилой, сгорбленный человѣкъ лѣтъ 35—40. Послѣ я узналъ, что это прапорщикъ, дальневосточныхъ газетъ фельетонистъ П. И. А.

— Скоро. У васъ какъ?—коротко спросилъ онъ, опускаясь на корточки къ курящимъ старшему врачу и его помощнику.

— Кажется, все. Ждемъ матеріалы. Да, П. И., познакомились. Нашего полку прибыло.

Я съ удовольствіемъ пожалъ руку П. И. А., сказавъ ему, что мы были раньше знакомы.

— Позвольте, позвольте. Да какъ же это,—взволнованно разспрашивалъ меня П. И. А.

Я напомнилъ ему двѣ харбинскія газеты, въ которыхъ и я кое-когда печаталъ свои маленькіе зеленые разсказы, потомъ Владивостокъ въ дни свободы, гдѣ П. И. А. былъ извѣстенъ больше за человѣка партійнаго, чѣмъ газетнаго. Къ нашей бесѣдѣ присоединились старшій врачъ, помощникъ его и студентъ-охотникъ. Вспомнили родныхъ и близкихъ. Вздохнули. Санитары придвинулись къ намъ и съ открытыми ртами слушали П. И. А., говорившаго о дняхъ свободы во Владивостокѣ. Незамѣтно воспоминанія перешли въ споръ. Старшій врачъ не соглашался со многими доводами П. И. А. На сцену выступили «измы», партіи и прочіе аксессуары интелли-

гентскихъ словопреній. И въ концѣ концовъ въ мокромъ логу Петроковской губерніи на полчаса водворилась атмосфера городскихъ гостиныхъ съ электричествомъ, стильными домами, теченіями и прогрессами—жеваной мочалой, отъ которой тошнитъ, и многіе, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, ушли добровольцами.

Споромъ увлеклись настолько, что вѣстового, посланнаго батальоннымъ за П. И. А., не сразу поняли.

— Однако,—удивлялся этому П. И. А.—А все же вы не правы, Андрей Михайловичъ,—говорилъ онъ, пожимая руку старшаго врача.—Только вотъ некогда, а то бы я двумя словами... Будьте здоровы, Василь Василичъ. Ну, а вы...

П. И. А. остановился передо мной, посмотрѣлъ прямо и глубоко въ мои глаза, потомъ молча поцѣловалъ меня.

— Богъ его знаетъ, что это за ночь будетъ,—какъ бы оправдывался онъ за свои поцѣлуи.—Можетъ... Впрочемъ, до радостнаго утра.

Да—это была ночь,—темная, жуткая съ порывистымъ мокрымъ вѣтромъ, съ грохотомъ орудійнымъ, пулеметной трескотней. На фонѣ всего этого—крики то злостные, то ободряющіе, а больше боли и проклятій.

Началось такъ.

Послѣ ухода П. И. А., вскорѣ еще разъ появился вѣстовой батальоннаго, передавшій старшему врачу мятый клочекъ бумажки. Прочитавъ его, Андрей Михайловичъ отозвалъ насъ троихъ—помощника своего, студента-охотника и меня.

— Черезъ часъ-два подойдутъ,—говорилъ онъ вполголоса.—Надо раздѣлиться и во всеоруженіи ждать.

Дальше Андрей Михайловичъ подробно пояснилъ желательное поведеніе каждой въ отдѣльности группы, способы наибыстрѣйшей помощи при легкихъ раненіяхъ. Упомянулъ объ экономіи перевязочныхъ средствъ, о пользованіи наркотиками и заключилъ, помню, съ грустью, какъ бы сожалѣя и извиняясь, объ общемъ отступленіи—періодѣ наибольшей работы и сообразительности медико-санитарнаго начальства.

— Да-съ, господа. А теперь позвольте руки.

Пожали руки, помолчали и начали готовиться къ раздѣлу имѣющихся въ отрядѣ перевязочныхъ матеріаловъ и медикаментовъ. Во время работы, исполняемой въ темнотѣ и на ощупь, ко мнѣ подошелъ лошадинообразный Юхновъ.

— Вашъ-бродь, слово скажу,—и онъ безцеремонно потянулъ

меня въ кусты.—Къ младшему отвели, а я къ тебѣ хочу. Попроси. Ты, какъ новый, какъ бы не сдурилъ чего. А я ужъ пробованный. Вѣрно, говорю.

Въ грубыхъ, сбивчивыхъ его словахъ я почувствовалъ ласку, участіе матери. И, право, не стыдно сознаться: въ тѣхъ темныхъ кустахъ въ присутствіи нелѣпаго Юхнова я тихонько, съ какою-то щемящей сладкой тоской заплакалъ. О чемъ, почему? Богъ вѣсть... Заплакалъ и горячо, ото всего сердца пожалъ руку Юхнова, который, вѣрнѣе всего, не понялъ моего истиннаго душевнаго состоянія.

— Господи, благослови — я увидѣлъ перваго нѣмца-врага, голубоглазаго, испуганнаго на смерть молодого человѣка. Лѣвое его ухо и лѣвая височная кость были прострѣлены. Попалъ онъ на мою стоянку вмѣстѣ съ нашими солдатами, тяжело ранеными при фланговыхъ атакахъ.

Дѣло обстояло такъ.

Пропустивъ нѣмцевъ котловинами версты на четыре впередъ до момента, когда головной ихъ конецъ соприкоснулся съ засадой у деревни Б., наши пошли «тихой» атакой. Съ противоположной стороны это же сдѣлали сибиряки. Рядомъ съ нами, слѣва къ тылу залегли москвичи, напротивъ опять сибиряки и такъ далѣе корридоромъ до деревни Б. О томъ, что въ засадѣ былъ не одинъ нашъ батальонъ, а 9 разныхъ полковъ—я узналъ на другой день. Нѣмцевъ, какъ говорили, былъ корпусъ. Шелъ онъ «кулакомъ»,—однако къ утру смяли его. Пораженію врага въ большой степени содѣйствовали сибиряки. Не люди, а какіе-то наземные человѣкообразные хищники. Особенно хороши они въ «тихихъ» атакахъ: точны, неустрашимы, одновременно поражаютъ штыкомъ и выстрѣломъ.

— Двинулись,—шепнулъ мнѣ на ухо Юхновъ.—Э-эхъ, пойдемъ чичасъ,—и, не договоривъ, онъ вздохнулъ.

Тихо, еле слышно раздавался трескъ ломанныхъ сучьевъ кустарника, межъ котораго пробирался нашъ батальонъ.

Моему разгоряченному воображенію еще казались слышными отдѣльныя слова, но этого не должно было быть: за лишній звукъ въ «тихой» иной разъ расплачивались сотнями жизней и проигрывали «мѣсто». Это я узналъ, положимъ, со временемъ, но въ тѣ минуты у меня галлюцинировали и слухъ, и зрѣніе. То мнѣ чудился выстрѣлъ, то стонъ раненаго, то видѣлъ я въ десяти шагахъ передъ собой идущихъ полуротами нѣмцевъ. А когда дѣйствительно раздался первый отдаленный выстрѣлъ, я его не слышалъ. А въ слѣ-

дующій мигъ поднялось нѣчто непередаваемое—сразу: пулеметный и ружейный огонь, неистовые, громоподобные раскатные крики атакующихъ, крики раненыхъ, и надъ всѣмъ дикое, животное ржаніе подбитыхъ лошадей, которое то относилось, то приближалось, смотря по вѣтру. Въ эти минуты ни распоряженій, ни какихъ-либо разумныхъ дѣйствій отъ меня, разумѣется, нечего было ждать. И, къ счастью, это понялъ мой тѣлохранитель Юхновъ. Не успѣлъ я осмотрѣться и свободнѣй вздохнуть, какъ по его командѣ всѣ 12 санитаровъ «перебѣжкой» пошли въ «сферу». Когда послѣдній изъ нихъ спустился подъ гору, я какъ бы очнулся, старался сообразить, гдѣ я, что́ со мной, почему вокругъ меня темь, вальпургіевы крики и смятенье. Не отвѣтивъ на вопросы, ринулся впередъ. Бѣжалъ прямо, не зная, есть ли тамъ нѣмцы или, вообще, люди. На бѣгу обнажилъ шашку. Почувствовалъ, что что-то заиграло внутри у меня, забилось и подошло восторженнымъ комочкомъ къ горлу. Нахлынула радость, сила несказанная, и я вдругъ закричалъ, навѣрное, громко, всѣмъ существомъ. И снова впередъ, къ нѣмцамъ, но не какъ врачъ, творящій подъ прикрытіемъ милосердія, а какъ воинъ, съ накрѣпко зажатымъ въ рукѣ эфесомъ шашки.

Случайно взглянулъ вверхъ и остолбенѣлъ. Казалось, у самаго неба летали горящія толстыя, пудовыя свѣчи, которыя еще такъ любятъ ставить купцы св. Николаю въ дни удачъ и покаянія. Уханья орудійнаго я не слышалъ, возможно, перекричавъ его, или батареи были слишкомъ далеко. Мелькнула мысль: можетъ, это и есть 42-сантиметровые, знаменитые «чемоданы». Рѣшилъ еще разъ взглянуть вверхъ, чтобы глубже запечатлѣть пресловутый гвоздь войны. Только-что поднялъ голову, какъ вблизи что-то зафыркало и затрещало, потомъ: пахъ!.. Вздрогнула земля, чавкнуло эхо, зашелестѣли падающія вѣтви, сбитыя разорвавшейся навѣсной фугасной шрапнелью. Я упалъ. Оттого ли, что разрывъ былъ недалеко и толчкомъ воздуха меня свалило или отъ испуга и неожиданности—не знаю. Главное—сознанье было ясно и свѣжо. Быстро поднялся и снова впередъ. А тамъ внизу неистовство. Первое, что я увидѣлъ, соскочивъ съ какого-то обрыва, это три солдата, сцѣпившіеся такъ плотно и крѣпко, что разорвать смертельный узелъ могла развѣ шрапнель, о которой въ ту минуту я уже не помнилъ. Потомъ взору моему представилась валящаяся и никакъ не могшая упасть стѣна, каждымъ своимъ квадратнымъ аршиномъ живущая самостоятельно, орущая, бьющая и падающая.

Представьте многоэтажный огромнѣйшій домъ, въ серединѣ котораго вы находитесь и который все время валится, разсыпаясь по кирпичу съ грохотомъ, со стукомъ и шумомъ непередаваемыми.

Зло ошибся: штабъ гарнизона города Л. Помѣшалъ. Долго не замѣчали. Что говорили—не слышалъ. Стоялъ на вытяжку, какъ солдатъ, и боролся съ усталостью. Потомъ стало какъ-то свободнѣй, легче душѣ и тѣлу, еще черезъ минуту Петропавловская больница, рядомъ съ нею женскій медицинскій институтъ, жена, молодое, лепечущее...

Оказалось, уснулъ стоя. Днемъ меня нашелъ Юхновъ, который буквально сталъ моей нянькой.

— И бѣлай ты, вашъ-бродь. Просился бы ты ко двору,—мягко говорилъ онъ, разглядывая меня.

Конечно, я протестовалъ.

Изъ разсказаннаго Юхновымъ узналъ, что онъ посланъ старшимъ врачемъ Андреемъ Михайловичемъ, найти меня живымъ или мертвымъ.

— Сказывали, чтобы и не являлся безъ тебя.

Покорно слѣдую за Юхновымъ.

Къ слову—я замѣтилъ, что къ охотникамъ, особенно къ интеллигентамъ-врачамъ и студентамъ, солдаты относятся не по закону и уставу, а по-человѣчески, участливо и тепло. Ихъ привычное «ты» мирной обстановки нисколько не обижаетъ, а скорѣе бодритъ и помогаетъ во-время придти въ себя.

Нѣмцы, какъ передалъ Юхновъ, прорвались въ двухъ мѣстахъ и подъ прикрытіемъ бомбардировки влились двумя арміями; наши рѣшили отойти къ самому городу. Бомбардировка города—психологическое воздѣйствіе на обывателей, приватно на солдатъ. Ошиблись, колбасники. Послушайте, что говоритъ черноземный Юхновъ.

— И-и сколько деньжищъ стравили за ночь-то. Сказывали, что кажный снарядъ десять красныхъ. А толку грошъ. Наши какъ окопались, такъ и ни чи-чиркъ. Дурбалай, право.

Впрочемъ, Юхновъ пристрастенъ, однобокъ въ оцѣнкѣ прошедшей ночи. Четверть восточнаго пригорода сожжена, что тоже учитывается рублями. Сколько убитыхъ и раненыхъ, пока неизвѣстно, но что много ихъ, это видно по вереницѣ санитарныхъ повозокъ.

На Андрея Михайловича, бывшаго въ самомъ центрѣ бомбардировки, ночь произвела тягостное непоправимое впечатлѣніе. Онъ воочію видѣлъ смерть, страшную и неразборчивую костлявую старуху, которая съ одинаковымъ равнодушіемъ косила малыхъ и старыхъ. Особенно его поразила слѣдующая картина. Вмѣстѣ съ Энскимъ эскадрономъ вернулась и лошадь начальника его, эсаула Щ—го, который былъ убитъ и остался въ сѣдлѣ, запутавшись въ

поводахъ, а ногами въ стременахъ. Съ закоченѣвшей фигурой эсаула лошадь шла за эскадрономъ часа три-четыре. Пробовали ловить—не дается. Пришлось пристрѣлить, когда извлекли изъ подъ ея трупа холодное тѣло всадника. Разсказывая объ этомъ, Андрей Михайловичъ блѣднѣлъ, волновался, и было видно, что онъ у грани къ помѣшательству. Впрочемъ, такое на-полугранное состояніе я наблюдалъ у многихъ начальствующихъ, коимъ по роду ихъ отвѣтственности и не такъ быстрой замѣняемости надлежитъ сохранять себя, дорожить собой. Съ солдатами дѣло обстоитъ лучше. Тѣ на войну смотрятъ просто—разъ попалъ въ дѣйствующую, значитъ, надо стрѣлять, убивать и ничѣмъ не смущаться. Ихъ случаемъ съ эсауломъ Щ—кимъ не проймешь, даже бомбардировка, а ранѣе атака двухъ армій слѣда не оставили. Наивны, какъ дѣти, и истинно-мужественны. Наибольшій ихъ врагъ, который способенъ смутить ихъ нелукавыя души—это досугъ, когда они начинаютъ калякать и вспоминать о полоскахъ овса да домашнихъ. Въ этихъ случаяхъ они мякнутъ, падаютъ духомъ. Остальное—временный голодъ, холодъ, переутомленіе, какъ съ гуся вода. Одна бѣда—убить могутъ. О смерти они, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми я говорилъ и по долгу службы имѣлъ общеніе, не думаютъ. Не боятся, или стараются не думать—нѣтъ: просто не приходитъ въ голову мысль о смерти. Оговариваюсь: имѣлъ я дѣло съ солдатами, уже много разъ побывавшими въ «сферѣ», такъ сказать, окуренными; о молодыхъ вновь прибывающихъ сказать ничего не могу.

— Странно,—началъ за вечернимъ чаемъ Андрей Михайловичъ; въ этотъ день мы не въ примѣръ прочимъ имѣли утренній чай, обѣдъ и вечерній.—Странно, говорю все это. Человѣкъ я не робкій, пустяковъ не боюсь, въ опасныя минуты не теряюсь. Судьба до сихъ поръ хранитъ, но какъ это тяжело, если бы вы знали. Провести два мѣсяца такой кампаніи безъ единой царапины. Временами прямо-таки жутко и, сознаюсь, начинаю куста бояться.

Андрей Михайловичъ говорилъ какъ разъ о томъ, о чемъ и раньше и позднѣе мнѣ приходилось не однажды слышать отъ чудомъ уцѣлѣвшихъ. Все слышанное по этому поводу сводится къ слѣдующему. Человѣкъ храбрый, выносливый и вполнѣ мужественный, котораго долго не ранятъ, въ концѣ концовъ начинаетъ бояться своего счастья, подозрѣвать костлявую старуху въ какихъ-то козняхъ. И мало-по-малу изъ храбреца дѣлается жалкій трусъ. Такого рода превращенія наблюдались и среди солдатъ, которые обычно свои сѣтованія заканчивали такъ:

— Это не къ добру, ежели все сухимъ изъ воды...

Но что поразило меня съ перваго же дня, такъ это цѣломудріе

языка солдатъ. Я лично не припомню ни одного браннаго слова, сказаннаго солдатомъ, а если и слышалъ брань, то къ стыду моему изъ устъ такихъ же интеллигентовъ войны, какъ и я: врачей, прапорщиковъ, охотниковъ-студентовъ, вчерашнихъ доцентовъ, учителей, марксистовъ и народниковъ. Отношеніе у извѣстныхъ мнѣ солдатъ къ войнѣ благоговѣйное, религіозное. Имя Христа въ ихъ рѣчахъ часто упоминается, оно отнюдь не всуе.

III.

Началось, опять началось.

Съ ранняго утра забухали полевыя гаубицы; по звуку выстрѣла я уже научился различать родъ орудія. Затрещали и пулеметы, казалось, совсѣмъ близко, въ верстѣ, не болѣе. Вышелъ изъ палатки, посмотрѣлъ въ ту сторону: сине-сѣро, туманъ, никого и ничего. Вернулся и спросилъ, почему такъ слышенъ пулеметъ. Отвѣтили: утромъ всегда обманчиво, а почему?—надо полагать, въ физикѣ извѣстно. Смутился и снова вонъ изъ палатки. Наткнулся на плачущаго Юхнова. Удивился. Разспрашивать боялся да и не зналъ, какъ къ этому приступить. Жду. Увидя меня, Юхновъ быстро отеръ слезы и сердито сказалъ мнѣ:

— Чего ходишь?.. Кокнутъ вотъ. Ты, вашъ-бродь, не изъ военныхъ. Правда. Анадысь съ мѣста убегъ, вчера тоже. Убьютъ тя. Попомни мое слово.

На этотъ выговоръ я отвѣтилъ, что, молъ, если и убьютъ, то вспоминать его слова мнѣ едва-ли удастся. Отвѣтъ понравился Юхнову. Помолчавъ, онъ пояснилъ мнѣ причину своихъ слезъ.

— И все бьютъ и бьютъ. А когда конецъ—не видно. Однѣхъ дитевъ сколько переколошматили за ночь. Нудно мнѣ, баринъ,— неожиданно съ надрывомъ, грустью въ голосѣ закончилъ Юхновъ.

Молчу, пораженный.

Господи, да неужели его устами говоритъ всечеловѣкъ! Неужели этотъ битюгъ одесскій одаренъ сердцемъ сострадания, душой отзывчивой и любвеобильной. Я прожилъ 32 года. Съ 13 живу самостоятельно, пробиваясь, какъ говорятъ, чрезъ угольное ушко. Мимо меня прошли милліоны людей, былъ я на всѣхъ ступеняхъ жизни, отъ низа до посильныхъ мнѣ верховъ и за все время ни одного слова, ни одной слезы, равной слезамъ Юхнова. Милый, славный битюгъ, если бы ты зналъ... О, если бы ты могъ понимать смыслъ своихъ словъ! Если бы было тебѣ дано оцѣнить слезы свои

за други, за страдающаго ближняго, слезы, подобныя Христовымъ въ часы Его Голгоѳы.

Готовъ былъ молиться, глядя на Юхнова.

Позднѣе рядъ однородныхъ съ юхновскими душевными проявленіями убѣдили меня, фактами убѣдили, что—война родитъ героевъ духа и плоти.

Пошелъ дождь.

Туманъ незамѣтно перешелъ въ такую же мутно-сѣро-синюю завѣсу дождя. Бухали гаубицы, но не такъ часто, какъ вчера, будто для очистки совѣсти. Съ началомъ дождя пулеметная и ружейная трескотня удалилась. Наступила относительная тишина.

Насъ было 18 человѣкъ: 3 врача и 15 санитаровъ, а работы на три-четыре такихъ комплекта. Однихъ «легкихъ» около двухсотъ, да «тяжелыхъ» человѣкъ 20—25, не считая контуженныхъ. Нужно было всѣхъ посмотрѣть, помочь по наличію имѣющихся подъ руками перевязочныхъ и др. средствъ, тяжелыхъ «порѣзать», что̀, кстати сказать, Андрей Михайловичъ дѣлалъ съ завиднымъ мастерствомъ; исполнивъ работы,—передать перевязанныхъ на эвакуаціонные пункты, которыхъ въ городѣ было пять и всѣ переполнены. Съ другой стороны — въ каждую минуту могли подвезти новыхъ раненыхъ, что̀ и было. Спѣшить, спѣшить... Незамѣтно насталъ день, то-есть—часъ-два по петроградскому времени, а мы все вяжемъ, моемъ, чистимъ и нервничаемъ больше больныхъ, такъ какъ перевязка на исходѣ, въ запасѣ же ни бинта, ни ваты, ни ксероформированной марли; промывающихъ веществъ тоже не хватало, инструментами пользовались сомнительной чистоты и въ каждомъ надрѣзѣ видѣли инфекціонныя зараженія. Тяжело отъ такой работы, пользы отъ нея не ждешь, а отказаться и сидѣть сложа руки преступленье, измѣна... Работали, не вѣря.

Вечеромъ меня и другого молодого врача П. приказали откомандировать въ распоряженіе старшаго врача... артиллерійской парковой бригады. Къ мѣсту и ѣхали, и шли, и мѣстами ползли. Добрались, кажется, въ полночь. Отыскали старшаго врача, передаемъ сопроводительный пакетъ. Пожали руки, послѣ чего вопросы по трафарету: были ли въ дѣлѣ, гдѣ работали, на что̀ больше способны въ данное время. Отвѣтили, ждемъ назначеній. Попалъ на пунктъ вблизи лѣвофланговой батареи, тщательно скрытой естественно и искусственно. Осмотрѣлъ будущихъ своихъ сотрудниковъ-санитаровъ; ихъ 8 душъ. Спросилъ о незначительномъ—отвѣтили неохотно. Молчимъ. Сижу и думаю:

Вошелъ. Назвалъ себя, попросилъ провести къ завѣдующему лазаретомъ профессору Г. Прочиталъ сопроводительную бумагу, разспросилъ, откуда я, гдѣ и съ кѣмъ работалъ раньше. Отвѣтивъ на всѣ вопросы, получилъ короткій дѣловой приказъ:

— На ранній осмотръ въ 4-ую палату.

Простился, иду по назначенію. И снова огорченія, снова испытаніе моему горячему нутру: палата оказалась съ заразными. Ругаюсь, хочу идти отказываться, да во́-время вспомнилъ слова милаго дѣдушки-старичка генерала:

— Война еще ремесло, дисциплина.

Снова адъ, еще горшій и страшный.

Прорвавшіеся на правомъ фронтѣ нѣмцы подошли къ Л. «форсомъ» и съ мѣста въ карьеръ начали жесточайшую бомбардировку города. Какъ передать о пережитомъ въ эту ночь, какими словами... Трудно, едва-ли есть такія мирныя краски, которыя полностью могли бы воспроизвести происшедшее. Начну съ частностей.

Выглянулъ изъ окна заразной палаты—прямо горитъ домъ, направо еще, за нимъ еще и еще. Инстинктивно, по городской привычкѣ бросаюсь къ двери, чтобы идти спасать. Но вспомнилъ, гдѣ я, и устыдился. Между тѣмъ, больные встревожены, приказаній не слушаютъ. Наиболѣе слабые духомъ трясутся, часть ихъ плачетъ простыми, безпомощными человѣческими слезами; сильнѣйшіе рвутся за дверь—куда, зачѣмъ—врядъ ли сами сознавали. У этихъ кровь воиновъ, ихъ манитъ опасность. Съ промежутками въ полминуты и меньше бухаютъ орудія, стекла дрожатъ, вмѣсто ночи какое-то вселенское пожарище. Но не жутко, отнюдь. Жду только своей очереди. А когда постараешься реальнѣй представить, что̀ будетъ, если одинъ изъ бризантныхъ снарядовъ попадетъ въ больницу, ежишься, чувствуешь, что по спинѣ снизу вверхъ ползутъ мурашки. Таковы физическія ощущенія; духъ же былъ бодръ.

— Бахъ,—совсѣмъ близко.

Солдаты соскочили съ коекъ и смотрятъ на меня остановившимися, испуганными глазами. Успокаиваю, прошу лежать.

Вбѣгаетъ сестра.

— Скорѣй, по одному на улицу.

Оказалось, больница уже горитъ. Загорѣлись деревянные бараки въ саду.

Выбѣгаю и я. Въ первую же минуту теряюсь въ тысячѣ помятыхъ солдатскихъ шинелей. Оглядываюсь — ни знакомыхъ, ни начальства. Рядомъ не то бредитъ, не то о чемъ-то проситъ

л—скій обыватель. Что̀ ему нужно? Хлѣба? Ѣсть? Такъ у меня нѣтъ, я ничтожный, маленькій врачишко, который не знаетъ, какъ распорядиться собой.

А орудія ухаютъ, громыхаетъ твердь и небо, все горитъ, все въ дыму, отовсюду слышатся тысячи безтолковыхъ голосовъ.

Сколько я былъ среди помятыхъ шинелей, какъ уцѣлѣлъ: въ одну изъ группъ попалъ снарядъ... Увидя вчерашнюю картину послѣ дѣйствія «чемодана», я бросился бѣжать, безжалостно расталкивая здоровыхъ и раненыхъ. Бѣжалъ долго, до потери силъ. Остановилъ меня офицеръ. Прошу указать стоянку С—скаго сводного батальона, къ санитарному отряду котораго я былъ первоначально откомандированъ. Поблагодаривъ за указанія, отправился на поиски. Жмусь къ забору. Во весь карьеръ несется пара лошадей съ зарядной повозкой. Одна изъ нихъ подранена, ошалѣла и тащитъ за собой тоже очумѣвшую вторую. На пути ихъ скачки стоны раздавленныхъ. Я ихъ вижу и до слезъ жалѣю, что со мной нѣтъ ни вершка бинта, ничего, кромѣ перочиннаго ножа. Стараюсь приспособиться. У встрѣчной сестры срываю фартукъ и повязку, чѣмъ поражаю ее не мало, потомъ мечусь около раздавленныхъ, кое-какъ стараясь облегчить ихъ тяжкія страданія. Остался въ памяти запасной—кажется, бѣлоруссъ, а можетъ быть, и литовецъ. Его прострѣленной лѣвой ноги очумѣвшая пара лошадей копытами раздробила кость и порвала ягодицу. Помочь нечѣмъ. Вижу, что раненія, собственно, не опасны, если бы должная и своевременная медицинская помощь. Вижу и сознаю, что это невозможно, больше даже—ясно представляю, что черезъ часъ-два у него начнется процессъ зараженія, а тамъ и мучительная агонія. Чуть не заплакалъ отъ горя.

Бѣгу дальше. На углу какихъ-то темныхъ и грязныхъ переулковъ пригорода заторъ. Масса съ одной и другой стороны. Съ противоположной напуганные обыватели со своимъ скарбомъ, съ моей рота-двѣ солдатъ съ офицеромъ во главѣ.

— Оттѣсни на панель,—кричитъ онъ надорваннымъ голосомъ.— Раздайся. Стрѣлять буду.

. . . . . .

Съ ужасомъ бѣгу отъ угла назадъ.

Грохотъ же орудійный все нарасталъ, теперь отдѣльные, частные выстрѣлы его слились въ одинъ общій, непрерывающійся чугунный гулъ. Вверху въ разныхъ направленіяхъ пудовыя горящія свѣчи-снаряды; внизу стонъ, крики, сумасшествіе.

Добрался до околицы.

Влетаю въ палатку, полагая, что это полевая операціонная.

— Вотъ насъ девять человѣкъ, брошенныхъ въ сырую яму Л—скаго перелѣсья со всѣхъ концовъ необъятной матери-Россіи. Сошлись мы ради великаго дѣла милосердія. И мы его творимъ. Но почему, дорогіе мои сотрудники, въ мирное время мы глухи къ страданіямъ брата, почему на родныхъ поляхъ не рискуемъ жизнью? Молчите, сѣрые! Ну, и Господь съ вами. Не я судья.

Пробую закурить. Что? Не успѣлъ я чиркнуть кремневой зажигалкой, какъ мои санитары угрожающе зашевелились.

— Вашъ-бродь, не полагается въ засадѣ. По уставу ежели...

Сконфузился. Бросилъ лучшій изъ наркотиковъ военнаго времени—папиросу. Замѣтивъ это, санитары опять неодобрительно переглянулись. Сконфуженъ вторично. Вижу, шансы мои, какъ начальника, падаютъ. Надо поднять. Какъ и чѣмъ—дѣло подскажетъ.

Въ бою, въ «сферѣ» я лишь пятыя сутки, но, кажется, прошли ужъ мѣсяцы, можетъ, годы: прострація времени. За этотъ малый срокъ изъ меня почти ужъ сформировался воинъ; нервы улеглись, духъ бодръ, а главное, все рѣже и рѣже вспоминаю Петропавловскую больницу, рядомъ женскій медицинскій институтъ, жену и...

— Что это? Откуда?

Въ четверть версты шириной ползетъ къ намъ блѣдно-синій свѣтъ. Растерялся. Санитары зашептали «прожекъ» и начали ползкомъ уходить подъ прикрытія. Ихъ примѣру послѣдовалъ и я. Легъ, казалось, удачно, укрывшись за скатомъ холмика. Однако, слышу порицанія, дальше полусовѣтъ, полуприказъ: засыпься. Понялъ не вдругъ, а когда, сообразивъ, началъ забрасываться землей и листьями, было уже поздно. Свѣтъ щупалъ меня, словно проклятый холодный блѣдно-синій сыщикъ. Хотѣлось спрятаться въ самого себя, жался я къ землѣ съ такимъ усиліемъ, что было больно грудную клѣтку. И вдругъ снова темь, а черезъ минуту:

— Бухъ!..

Перелетъ. Второй и третій выстрѣлъ тоже. Неужели я виноватъ? Холодѣю. Отвѣтить боялся, не могъ. Отвѣтственность была столь велика, что если сознаться въ оплошности, то въ ту же минуту лучше не жить.

Опять:

— Бу-ухъ...

Теперь недолетъ. Послѣдующіе выстрѣлы забирали все влѣво да влѣво.

— Слава Богу—нѣмцы потеряли прицѣлъ.

При вторичномъ «нащупываніи» даю себѣ слово зарыться, какъ кротъ. Свѣтало, по-прежнему моросилъ дождь.

Я все еще не могу успокоиться послѣ кошмара съ блѣдно-синимъ

сыщикомъ. Санитары дремали, сидя, полулежа. Лица ихъ сѣры, одежда скомкана и грязна. Выраженія никакого. Не герои, а задерганныя водовозныя клячи.

На батареѣ тоже ни звука.

Тишина.

Думъ не было, спать не хотѣлось — обуяло какое-то безлицее равнодушіе. Сижу болваномъ. Тьфу...

Около обѣда получилъ отъ старшаго врача коротенькую записку съ предложеніемъ отправиться къ засѣвшей въ засадѣ дозорной саперной полуротѣ, находящейся въ верстѣ отъ линіи нѣмецкихъ окоповъ. Въ концѣ посланія, карандашомъ NS: «идти слѣдуетъ, готовясь ко всему». И всколыхнула меня эта приписка, подбросила вверхъ, обдала радостью несказанной.

— Ребята,—кричу нахохлившимся санитарамъ.—Кто со мной къ дозору?

Молчатъ, переглядываются. Переждалъ мгновенье и было уже началъ падать духомъ, какъ поднимается одинъ санитаръ, другой, медленно и грузно третій.

— Что жъ... Ежели надо, мы съ полной готовностью.

— Передай старшему,—взволнованно говорю посланцу—что я и трое санитаровъ согласны.

IV.

Третій часъ полземъ, а дозора все нѣтъ и нѣтъ. Да и туда ли мы полземъ, куда слѣдуетъ. Вспомнилъ, сожалѣя, Юхнова: онъ бы нюхомъ учуялъ колбасниковъ. Подвигаемся наугадъ. Санитары мои изъ запасныхъ, народъ степенный и пожилой, необщительные и какіе-то бирюки. Не радуютъ они меня. Шинелька моя хоть выжми, полы мѣшаютъ; завязывалъ ихъ сзади—не помогаетъ, пробовалъ оторвать—не осилилъ. У меня и у санитаровъ на спинахъ въ миніатюрѣ хирургическая клиника: тутъ и перевязки, и медикаменты, и инструменты; даже костылей пару тащили.

Прошелъ, навѣрное, еще часъ. Приползли мы къ какому-то ручью не то рѣчонкѣ, чего, однако, на пути нашемъ не должно было быть. Кореньковъ, приземистый мужичокъ въ сборной аммуниціи, совѣтовалъ влѣво податься, я и остальные стояли за противное. У

меня компасъ и двѣ двухверстки, размокшихъ, въ темнотѣ совершенно безполезныхъ, такъ какъ огонь въ нашемъ положеніи вѣрнѣйшій шансъ за смерть. Взгрустнули малость. Сидимъ, словно древніе израильтяне на рѣкахъ вавилонскихъ; не достаетъ плача. Кругомъ, кромѣ шелеста отъ дождя—ни звука, темь такая, своей же протянутой руки не видишь. Что дѣлать? Плакать? Но... молчи, Кореньковъ. Напрягаю до боли слухъ; именно до боли. Да, шорохъ. Передохнули. Снова шорохъ и будто ближе. Замерли, остановили сердца. Опять. Санитары осторожно взяли въ руки винтовки, я обнажилъ шашку. Еще моментъ: голосъ, человѣческій заглушенный голосъ. Но чей? Русскій, вражескій? Богъ мой—нѣмцы! Кореньковъ, отстань! Умри, или... Соображаю: какимъ-то чудомъ мы заползли нѣмцамъ въ тылъ. Дѣлюсь догадкой съ санитарами. Крестятся. Перекрестился и я, невѣрующій, на этотъ разъ свято, призывая на помощь Господнюю волю. Сидимъ, притаивъ дыханье. Молчатъ и нѣмцы. Минута кажется вѣчностью, безконечнымъ рядомъ воспоминаній о дѣтствѣ, матери, юности, скитаньяхъ по безконечной печалями родинѣ, вплоть до Петропавловской больницы и женскаго медиц... Опять ты, Зоя? Не мѣсто и не время. И, Нинка? Уйдите, скройтесь! Слышите...

— Повернули?—ловлю шопотъ, въ то же время ощущая прикосновеніе губъ Кореньковa къ моему уху.

Отлегло, вздохнулъ свободнѣй.

— Двинемся, — спрашиваю, тоже коснувшись уха Кореньковa.

Молча полземъ обратно. Но куда ползти—вправо или влѣво? Вѣдь кругомъ ночь, мѣсто это для насъ незнакомое, каждый кустъ нашъ врагъ, за каждымъ бугромъ притаилась смерть. Господи, вразуми. Въ эту темную ночь, какъ никогда, я чувствовалъ Бога, не вѣрилъ, а чувствовалъ. Въ душѣ слезы, сердце рвется отъ тоски—чуетъ оно бѣду, близкую, неминуемую. Голова горитъ отъ напряженья, мысли въ ней бредовыя, отрывочныя. И ко всему—одолѣваетъ усталость, пришедшая вмѣстѣ съ безпомощностью; чувствую отдѣльно тяжесть рукъ, ногъ, головы. Скорѣй бы конецъ. Опустились въ какой-то обрывъ, съ мягкимъ и липкимъ дномъ. Ожгла догадка: можетъ, трясина? Нѣтъ, нѣтъ!—прочь отсюда. Обезумѣвъ, встаю на ноги и, ежеминутно спотыкаясь, бѣгу наперерѣзъ котловины. Сзади меня санитары, вѣроятно, побуждаемые къ бѣгству тѣмъ же чувствомъ страха. На гребнѣ, упавъ, вскрикиваетъ одинъ изъ нихъ. Поворачиваю къ нему. А Кореньковъ уже схватилъ его за горло и, видимо, душитъ изо всей силы, шипя ругательства за

неосторожность. Успокоившись, спрашиваю, въ чемъ дѣло. Въ отвѣтъ непонятный хрипъ. Повторяю вопросъ настойчивѣй, требовательно и чувствую, что мой голосъ также по-звѣриному шипитъ, какъ у Кореньковa. Изъ путаннаго отвѣта понялъ—надо взглянуть внизъ. Нагнулся и самъ крикнулъ. Такъ и застылъ, упавъ на что-то мягкое, ослизлое, бугрообразное. Съ остальными почти то же. Кажется, сходимъ съ ума. Кореньковъ бредитъ, санитаръ, упавшій на трупъ лошади, плачетъ, третій убѣжалъ—куда, что онъ найдетъ?..

Минутъ черезъ пять, понемногу пришли въ себя.

Первымъ дѣломъ Кореньковъ взялся изслѣдовать сѣдло и уздечку лошади, дабы опредѣлить, чья она: наша, нѣмецкая? Оказалось—вражеская. Какъ лежитъ?—головой впередъ нашего пути. Рѣшили, что нѣмцы остались сзади.

— Во имя Отца и Сына,—молитвенно, преклонивъ колѣни, шепталъ Кореньковъ, а вмѣстѣ съ нимъ я и второй санитаръ.

Посидѣли минуту молча.

Страхъ прошелъ, все мое существо погрузилось въ пустоту, невѣсомую, бездонную, отъ которой у меня закружилась голова и стошнило. О подвигѣ, на который вышелъ съ радостью, не было и помину: лишь бы выбраться, а тамъ...

— Тронулись, вашъ-бродь.

Какъ автоматъ, пошелъ вслѣдъ за Кореньковымъ. Шли полемъ, вспаханнымъ или изрытымъ снарядами. Впереди, справа и слѣва ни зги. Земля мокрая, липкая, каждый шагъ—поднятые полпуда. Такъ мы шли съ полчаса. Я лично безъ желанія встрѣтить дозорныхъ ли, нѣмцевъ ли. Дальше, какъ можно дальше отъ этой жуткой равнины, туда—къ свѣту у горизонта...

Передъ утромъ усталость взяла свое. Притаившись въ кустахъ отъ кажущихся нѣмцевъ, мы незамѣтно уснули. Разбудилъ холодъ. Небо, какъ и вчера, затянули сплошныя низкія мутно-сѣрыя облака. Временами пробѣгалъ вѣтеръ. Осмотрѣлся—кругомъ пахота, впереди, верстахъ въ пяти, лѣсъ. Гляжу на карты, опредѣляю свое мѣсто. По всѣмъ видимостямъ, мы заблудились. Дозоръ расположенъ какъ разъ въ той котловинѣ, изъ которой мы въ страхѣ бѣжали, убоявшись быть затянутыми трясиной. Лошадь же, которой мы повѣрили какъ компасу, могла пасть раньше. Нюхаю руку. Брр... Теперь я пони-

маю, почему меня тогда стошнило: отъ рукъ несетъ падалью. Подѣлился открытіемъ съ санитарами. Молчатъ. Совѣтуюсь, какъ дальше быть. Снова ни звука. Злюсь, приказываю идти за мной. Молча же, но подчиняются.

Стараюсь идти напрямикъ къ дозору.

Ни страха, ни тоски: ночь выѣла нутро, чувства и желанія. Огибаемъ лѣсокъ. Кореньковъ насторожился, я тоже весь вниманіе. Да, шагомъ идетъ конница и кажется числомъ больше разъѣзда. Прислушиваюсь вновь, стараясь разобрать, откуда и куда идетъ. Въ то же время чувствую, какъ поднимается фуражка на головѣ, спина въ холодномъ поту, сердце вотъ-вотъ вырвется. Быть бѣдѣ... Однако, овладѣваю собой. Молчу о предчувствіяхъ и предлагаю укрыться въ первыхъ же кустахъ. Засѣли, не дышемъ. Слышно ужъ фырканье лошадей. Вотъ мелькнулъ на поворотѣ крупъ лошади. Дальше... Протираю глаза. Не вѣрю: русская казацкая папаха на всадникѣ. Неужели живъ? Господи!.. Сердце прямо-таки колетъ въ груди отъ радостнаго біенія. Хочу крикнуть,—но не могу: слезы душатъ. Смотрю восторженный на Коренькова, а по моему лицу катятся слезы,—я ихъ глотаю—соленыя. Наконецъ, сорвался съ мѣста и бѣгу къ разъѣзду, но...

Въ полевомъ госпиталѣ, гдѣ я впервые очнулся, отъ врача, дѣлавшаго мнѣ перевязку, я узналъ, что раненъ я пятью пулями: въ ногу, въ тазъ, въ позвонокъ. Позднѣе подробности: сердце меня не обмануло,—то были нѣмцы, переодѣтые въ форму нашихъ донцовъ, за которыми по пятамъ шли саперы изъ дозора. Услыша выстрѣлы, которыми Кореньковъ и второй санитаръ—къ прискорбію, не знаю даже его имени—были убиты, а я раненъ, они дали по разъѣзду залпъ. Меня подобрали послѣ вторичнаго залпа; съ двухъ разъ саперы сняли семь душъ нѣмцевъ, подранивъ двоихъ, съ которыми я ѣхалъ въ одномъ санитарномъ поѣздѣ до М. По дорогѣ отъ нихъ я узналъ, что въ тотъ моментъ, какъ имъ отдали приказъ взять на изготовку, я, будто бы, съ визгомъ, какъ заяцъ, подпрыгнулъ и, повернувшись къ нимъ спиной, бросился-было бѣжать...

И вотъ теперь, когда все пережитое для меня далекій сонъ, правда, тяжелый, особенно воспоминаніями перваго выстрѣла, вальпургіевой ночи, бомбардировкой Л. и моего горя при видѣ изуро-

дованнаго солдата, взбѣсившейся парой лошадей, котловиной и падалью—я сейчасъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ вспоминаю нѣкоторыхъ лицъ, коихъ мѣсто, если не въ ряду мучениковъ, то на первыхъ же страницахъ о герояхъ, положившихъ животъ свой за други своя. Но кто мнѣ дорогъ, влился въ мое сердце каплей новой жизни—такъ это одесскій битюгъ, Юхновъ. Гдѣ ты, всечеловѣкъ? Живъ ли? Откликнись, приму, какъ лучшаго друга.

П. Кочевой.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

Да не пугается читатель: я не собираюсь говорить здѣсь о хлѣбной монополіи. О ней довольно много было уже сообщеній въ русской печати, да и самый вопросъ этотъ касается, въ концѣ концовъ, непосредственно лишь сферы обмѣна, лишь распредѣленія того, что́ уже есть. Но регулирующее вмѣшательство государственной власти пошло въ Германіи много дальше, въ самую область производства; вскрыло и намѣтило здѣсь тенденціи весьма интересныя, съ которыми не мѣшаетъ ознакомиться. Приводимое ниже сжатое изложеніе мѣръ, принятыхъ относительно удобренія, скота, рабочей силы, мертваго инвентаря, пропорціи посѣвовъ, наконецъ, самой земельной площади и организаціи хозяйства на ней—все это по приведеніи въ связь сливается въ общую картину довольно примѣчательнаго свойства.

Ближайшимъ поводомъ всѣхъ мѣропріятій служило стремленіе усилить продовольственную подготовку страны на случай, если война затянется и на второй годъ. Но многое останется и для мирнаго времени; останется постояннымъ и принципіальное значеніе совокупности принятыхъ мѣръ. Ниже мы увидимъ, какъ германская общественная мысль приводитъ все это въ связь съ потребностями страны въ мирное время, насколько онѣ могутъ быть предвидимы теперь. Здѣсь скрещиваются теоретическій интересъ съ интересной практикой; и если во многихъ отношеніяхъ война, можно думать, дастъ толчекъ теоретической мысли и интересу къ теоріи, то на одномъ изъ первыхъ мѣстъ будетъ, конечно, сельское хозяйство—основное занятіе рода человѣческаго.

Всѣмъ извѣстно, что Германія не производитъ внутри страны всего нужнаго ей продовольствія, ни для людей, ни для скота. Самымъ совершеннымъ подсчетомъ средствъ продовольствія остается пока сдѣланный 16 спеціалистами и опубликованный въ декабрѣ 1914 г. подсчетъ ряда берлинскихъ профессоровъ. Если перевести всю и всякую людскую пищу въ калоріи производимаго ею тепла, то, согласно этому подсчету, оказывается, что населеніе Германіи потребляетъ въ годъ около 90 милліардовъ калорій, а производится въ ней лишь три четверти этого количества; остальное ввозится изъ-за границы.

Недостаточные для покрытія всего потребленія размѣры собственнаго производства объясняются, естественно, не абсолютной невозможностью произвести больше, а наличностью различныхъ техническихъ и общественныхъ несовершенствъ. Созиданіе пищи для всей націи не направляется ею сознательно, даже не контролируется ею, а всецѣло предоставлено индивидуальному усмотрѣнію и силамъ сельскихъ хозяевъ. Не каждый изъ нихъ имѣетъ средства для технически совершенной постановки дѣла и ужъ во всякомъ случаѣ каждый изъ нихъ руководствуется соображеніями о собственной выгодѣ, а не объ удовлетвореніи продовольственныхъ потребностей Германіи. А эти два ряда соображеній нерѣдко вступаютъ въ конфликтъ, и такъ какъ рѣшеніе принадлежитъ не націи въ ея цѣломъ, а отдѣльному сельскому хозяину, то понятенъ приведенный выше фактъ.

Два примѣра. Ежегодно въ Германіи сельскіе хозяева производятъ въ два раза больше свеклы для производства сахара, чѣмъ сколько потребляетъ его страна. Ежегодно изъ Германіи вывозится за границу половина производимаго ею сахара—а вмѣсто того привозится изъ-за границы пшеница, часть которой свободно могла бы производиться въ самой странѣ на освобожденныхъ отъ излишней свеклы поляхъ. Или, напримѣръ, никѣмъ не регулируемое, въ Германіи крайне развилось свиноводство. Между тѣмъ въ формѣ свиного мяса человѣкъ получаетъ лишь 50% тѣхъ питательныхъ веществъ, которыя съѣла свинья, если перевести ихъ на калоріи. Вмѣсто корма для свиней, могло бы производиться вдвое болѣе пищи для людей, чѣмъ получаетъ теперь населеніе въ видѣ свиного мяса. Одно ужъ проводимое нынѣ принудительно въ Германіи въ жизнь сокращеніе свиноводства до трети мирнаго его размѣра прибавляетъ теперь, такимъ образомъ, нѣсколько милліардовъ калорій къ той суммѣ ихъ, которой Германія располагаетъ для людей въ результатѣ всего своего внутренняго производства.

Громадныя пространства, равныя въ своей совокупности всему

Шлезвигъ-Гольштейну, оставляются лежать въ видѣ пустырей и заболоченныхъ мѣстъ ихъ владѣльцами, ожидающими, пока поднятіе цѣнъ на землю вообще дастъ имъ возможность выгодно сбыть съ рукъ эти пространства,—либо владѣльцами, просто не имѣющими средствъ для культивированія, хотя бы и обѣщающаго окупиться. Еще большія пространства обрабатываются технически несовершенно, принося урожай гораздо меньшій обычнаго въ Германіи, и т. п. Въ итогѣ, уже и тѣхъ сравнительно недалеко идущихъ мѣръ, какія указаны упомянутыми 16 спеціалистами и какія теперь осуществляются, достаточно, по подсчету этихъ спеціалистовъ, чтобы на второй годъ войны Германія располагала уже 81 милліардомъ калорій (для прокорма населенія) изъ результатовъ собственнаго производства, т.-е. девятью десятыми нормальнаго количества. А если не ограничиться поверхностными мѣропріятіями, но подчинить сельское хозяйство вполнѣ цѣлямъ и усмотрѣнію общественнаго цѣлаго, то, по обоснованному мнѣнію занимавшихся этимъ вопросомъ лицъ, страна смогла бы прокормить собственными рессурсами населеніе, даже значительно превышающее нынѣшніе 70 милліоновъ.

Обстоятельства военнаго времени съ необходимостью повели къ *обслуживанію государственными силами* тѣхъ потребностей сельскаго хозяйства, съ какими предприниматели при данныхъ условіяхъ не могутъ справиться собственными средствами, и къ *принудительному приспособленію* его къ тѣмъ потребностямъ націи, какимъ сами сельскіе хозяева удовлетворять не желаютъ или не имѣютъ возможности.

II.

Процессъ земледѣльческаго производства въ нѣкоторомъ отношеніи начинается уже съ удобренія почвы. Чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ большее значеніе имѣетъ наличность искусственнаго удобренія. Значеніе его для Германіи легко оцѣнить, сопоставивъ съ сосѣдними странами достигнутую ею урожайность. По «Ежегоднику Герм. имп. на 1914 г.» средній сборъ съ гектара (около $^9/_{10}$ десятины) составлялъ въ 1913 г. въ двойныхъ центнерахъ (каждый дв. ц.—около шести пудовъ):

	Германія.	Франція.	Италія.	Австрія.	Венгрія.	Россія.
Пшеница . .	23,6	13,8	12,2	15,0	12,8	9,1
Рожь.	19,1	10,3	11,4	14,6	11,9	8,5
Ячмень. . . .	22,2	14,5	9,4	16,0	14,4	9,9
Овесъ.	21,9	12,9	12,5	13,0	11,7	9,4
Картофель. .	158,6	96,1	61,5	100,2	75,4	74,4

Отнимите у Германіи удобренія, которыхъ она ввозитъ ежегодно на сумму до четверти милліарда марокъ, и успѣшность ея земледѣлія понизится до чрезвычайности. Если и безъ того отсутствуетъ четверть обычнаго количества пищи, то съ паденіемъ земледѣлія наступилъ бы форменный голодъ, когда успѣли бы вполнѣ сказаться результаты прекращенія насыщенія земли потребными ей минеральными веществами.

По свойствамъ германской почвы рѣчь идетъ здѣсь, главнымъ образомъ, объ азотистыхъ удобреніяхъ—ихъ привозится на сумму до 200 милл. мар. (въ 1913 г. чилійской селитры на 172 м. м., кальц. селитры и кальц. азота на 9½ м. м., чилійскаго гуано на 5,3 м. м. и т. д.). Все это привозится, главнымъ образомъ, изъ Южной Америки, и потому война грозила въ этомъ отношеніи германскому сельскому хозяйству и продовольственному обезпеченію Германіи въ будущемъ очень чувствительными послѣдствіями.

«Наши ученые изъ песковъ Бранденбурга напекутъ намъ пирожки, если понадобится», — сказалъ генералъ Фалькенгаймъ въ газетномъ интервью по поводу англійскаго плана «выморить» Германію голодомъ (aushungern) и тѣмъ заставить ея населеніе сдаться безъ условій, каково бы ни было положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій. Теперь можно уже, повидимому, признать, что этотъ планъ не достигъ поставленной цѣли. Но что касается искусственныхъ азотистыхъ удобреній, то прекращеніе ихъ подвоза, дѣйствительно, могло бы сыграть крупную роль, если бы мѣра генерала Фалькенгайма не нашла себѣ подтвержденія въ практикѣ: если не изъ песка, то изъ воздуха добыли нѣмцамъ ихъ ученые то удобреніе, безъ котораго трудно бы стало, дѣйствительно, «печь пирожки».

Уже и до войны химія нашла способъ выдѣлять атмосферный азотъ и предоставлять его въ различныхъ соединеніяхъ промышленному потребленію. Однако, выдѣленіе азота изъ воздуха обходилось столь дорого, что было возможно въ фабричныхъ размѣрахъ лишь при наличности очень дешевой электрической энергіи. У норвежскихъ водопадовъ обосновалось, поэтому, первоначально производство азота изъ воздуха, въ довольно скромныхъ размѣрахъ.

Упорной работѣ германскихъ ученыхъ—сообщило германское правительство рейхстагу въ концѣ февраля ст. ст.—удалось внести такія усовершенствованія въ процессъ добыванія азотистыхъ соединеній изъ воздуха, что стала возможной фабричная постановка дѣла въ самой Германіи и массовое производство удобренія изъ неисчерпаемыхъ запасовъ воздуха съ продажею по цѣнамъ, не превышающимъ цѣнъ его до войны. Осуществить это дѣло въ нужныхъ для земледѣлія размѣрахъ взяло на себя правительство.

Какъ было опубликовано оффиціально въ началѣ марта н. ст., цѣной крупнѣйшихъ затратъ изъ имперской кассы, отчасти при финансовой поддержкѣ Пруссіи, правительство оборудовало уже обширнѣйшіе заводы для добычи азота изъ воздуха. Почти во всѣхъ своихъ монопольныхъ предпріятіяхъ, созданныхъ по случаю войны, германское правительство предоставляетъ извѣстную роль торгово-промышленнымъ элементамъ, имѣющимъ отношеніе къ дѣлу. Такъ и въ финансированіи и оборудованіи новыхъ заводовъ принялъ участіе «Союзъ берлинскихъ электрическихъ предпріятій» (въ техническихъ процессахъ по выдѣленію азота изъ воздуха большую роль играетъ электричество). Чтобы окупить вполнѣ сдѣланныя казной капитальныя затраты—на 7 лѣтъ, до 31 марта 1922 г. н. ст., вводится казенная азотная монополія, распространяющаяся на производство и торговлю какъ азотистымъ удобреніемъ, такъ и прочими азотистыми соединеніями. Распредѣленіе удобренія между потребителями будетъ происходить обычнымъ порядкомъ.

Снабженіе сельскаго хозяйства этимъ важнымъ вспомогательнымъ средствомъ производства, этимъ «смазочнымъ масломъ земледѣлія», централизуется, такимъ образомъ, въ рукахъ государства. Государство гарантируетъ достаточное его количество и болѣе дешевыя сравнительно съ временемъ до войны цѣны. Однимъ изъ побочныхъ результатовъ является устраненіе азотной зависимости Германіи отъ за-границы и улучшеніе ея торговаго баланса на тѣ сотни милліоновъ марокъ, что уходили до сихъ поръ ежегодно за азотъ за границу.

III.

Слѣдующимъ за удобреніемъ элементомъ сельскаго хозяйства въ нашемъ изложеніи является скотъ. Здѣсь правительству не приходилось создавать заново самого живого инвентаря, какъ это имѣло мѣсто съ удобреніемъ, и надо было только обезпечить его сохраненіе въ размѣрахъ, позволяющихъ продолжать въ неуменьшенномъ объемѣ веденіе хозяйства. Надо было опредѣлить, какой скотъ и въ какомъ количествѣ подлежитъ сохраненію, надо было правильно опредѣлить наличные запасы корма и создать замѣщеніе отсутствующихъ. Иначе сказать, приходилось самое скотоводство и прокормъ скота подвергнуть такому государственному регламентированію, при которомъ совокупность сельскихъ хозяевъ являлась бы фактически лишь агентомъ государства, точно выполняющимъ функціи, довѣренныя ему національнымъ цѣлымъ. Эта работа и выполнена въ общемъ весной 1915 г. въ Германіи—при чемъ надо замѣтить, эти «агенты» (сельскіе хо-

зяева) силой своего соціальнаго вліянія сумѣли обезпечить себѣ весьма высокое вознагражденіе за выполненіе предоставленныхъ имъ функцій. Но самый фактъ хозяйствованія не по своему неограниченному усмотрѣнію, а по планамъ государственнаго цѣлаго не теряетъ отъ этого значенія.

Первые мѣсяцы войны совершенно не отразились на германскомъ скотоводствѣ. По произведенной 1 декабря 1914 г. переписи и сравнительно съ переписью 1 декабря 1913 г., количество головъ оказалось (въ тысячахъ штукъ):

	Лошади.	Рогатый скотъ.	Свиньи.	Овцы.	Козы.
1913 г.	4.448	20.944	25.592	5.504	3.536
1914 „	3.423	21.818	25.340	5.448	3.534

Кажущееся уменьшеніе лошадей объясняется тѣмъ, что по свѣдѣніямъ нѣмецкой печати, какъ разъ милліонъ ихъ взятъ на войну, а всѣ реквизованныя военнымъ вѣдомствомъ животныя не включены въ перепись. Въ дальнѣйшемъ правительству приходилось считаться съ такими обстоятельствами. Во-первыхъ, надо было замѣстить недостатокъ упряжной силы, вытекавшій изъ отвлеченія 22% лошадей на военныя надобности; во-вторыхъ, надо было сохранить весь рогатый скотъ, ибо ростъ его въ Германіи совершается въ общемъ параллельно росту населенія (особенно если принять во вниманіе повышеніе вѣса и удойности) и не отличался въ послѣдніе годы такой стремительностью, какая давала бы возможность предполагать наличность большого его избытка. На 1 дек. 1912 г. числилось 20.182 тыс. гол. рог. скота, т.-е. сравнительно съ ростомъ населенія и т. д. нынѣшній избытокъ составляетъ лишь милл. головъ. Къ тому же часть этого скота должна была быть привлечена къ упряжнымъ работамъ, а въ жировыхъ питательныхъ веществахъ Германія испытываетъ особенно большой относительный недостатокъ (жировыхъ веществъ ввозится въ Германію ежегодно на нѣсколько сотъ милл. мар.—въ 1913 г. одного масла на 119 м. м., сала разнаго рода на 147 м. м. и т. д.)—потому молочное хозяйство должно всячески поддерживаться [1]). Къ тому же какъ свиньями покрывается

[1]) Одно время имперское правительство собиралось даже запретить приготовленіе излюбленной нѣмецкими дамами и барышнями „Schlagsahne“ (сбитыхъ сливокъ), чтобы воспрепятствовать расточенію матеріаловъ, могущихъ идти на выдѣлку масла. Въ декабрѣ въ имперскомъ министерствѣ внутр. дѣлъ состоялись совѣщанія объ этомъ съ участіемъ представителей кондитерскаго цеха и прочихъ заинтересованныхъ круговъ. Было высчитано, что въ одномъ лишь Gross-Berlin'ѣ изъ „расточаемыхъ барышнями и дамами состоятельной части общества сбитыхъ сливокъ“ могло бы быть

потребность въ мясѣ менѣе зажиточнаго населенія, такъ рогатый скотъ служитъ удовлетворенію спроса на мясо болѣе достаточной половины жителей Германіи. Правильное и равномѣрное удовлетвореніе этого спроса во времени подразумѣваетъ сохраненіе рогатаго скота въ полномъ объемѣ (считая телятъ и поросятъ, въ Германіи ежегодно закалывается $7^3/_4$ милл. головъ рогатаго скота и 24 милл. свиней).

Третьимъ моментомъ была несомнѣнная наличность избыточнаго количества свиней. Еще по переписи 2 дек. 1912 г. ихъ было всего 21.923 тыс., по переписи 2 іюня 1913 г. даже только 21.821 тыс. штукъ, а черезъ полтора года оказывается уже почти на 4 милл. больше (подъ вліяніемъ роста цѣнъ). Между тѣмъ потребленіе свиного мяса въ «многосвинныхъ» 1913 и 1914 г.г. осталось на той же высотѣ, что и въ «малосвинныхъ» 1911 и 1912 г.г. (около 24 милл. шт. въ годъ). Къ тому же свиньями питаются менѣе состоятельные круги, и въ примѣненіи къ нимъ правительству психологически легче было меньше считаться съ ихъ вкусами—напр., заготовить сразу на большой срокъ впередъ нужное имъ мясо и предоставить имъ заранѣе потреблять его въ консервированномъ видѣ, вмѣсто свѣжаго. Наконецъ, именно свиньи являются главнымъ конкуррентомъ человѣка, поѣдающимъ при отсутствіи другихъ припасовъ картофель, снятое молоко и т. п., и съ этой точки зрѣнія даже объ уменьшеніи именно ихъ числа должна была идти рѣчь. Кормовые запасы должны были быть въ первую голову обезпечены лошадямъ и рогатому скоту.

Наконецъ, четвертымъ обстоятельствомъ являлось то, что въ Германію ежегодно ввозилось въ мирное время 7 милл. тоннъ (свыше 400 милл. пудовъ) всякаго рода кормовыхъ средствъ для скота. Даже при уменьшеніи количества свиней была нужда, поэтому, въ увеличеніи производства кормовыхъ средствъ въ самой Германіи. Чтобы не нанести непоправимаго быстро удара германскому свиноводству, чтобы сохранить возможность полученія свиного мяса въ нужномъ населенію количествѣ и на второй годъ войны, надо было оставить теперь въ живыхъ и прокормить около трети наличнаго количества свиней. А при сохраненіи 8 милл. свиней (именно до этого количества обѣщалъ безотлагательно свести число свиней въ Германіи министръ сельскаго хозяйства въ засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага въ серединѣ марта н. ст.) недостача привоза ино-

изготогляемо 2.700 лишнихъ пудовъ масла въ мѣсяцъ. Но барышнямъ удалось все же отстоять неприкосновенность своей Schlagsahne—при дѣятельной поддержкѣ владѣльцевъ кондитерскихъ, ресторановъ и т. п. учрежденій.

страннаго корма не покрывалась однимъ сокращеніемъ туземнаго свиноводства. Отсюда лихорадочные поиски за суррогатами и за созданіемъ новыхъ кормовыхъ средствъ.

IV.

Задача замѣны рабочей силы взятыхъ на войну лошадей была рѣшена энергичными мѣрами правительства по распространенію механическихъ, дѣйствующихъ безъ лошадей, орудій обработки почвы, сбора урожая и т. д. Задача преимущественнаго обезпеченія кормовыми средствами прежде всего лошадей и рабочаго скота рѣшена была централизаціей кормовыхъ средствъ въ распоряженіи одного монопольнаго для всей имперіи учрежденія. Задача увеличенія количества кормовыхъ средствъ рѣшалась наиболѣе интересно, и именно здѣсь открылись самыя широкія перспективы.

Для упорядоченія снабженія земледѣлія потребными орудіями было заключено спеціальное соглашеніе между двумя центральными организаціями: «Военнымъ комитетомъ германской индустріи» (обнимающей и тяжелую и легкую индустріи) и «Германскимъ сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ» (центральнымъ представительнымъ учрежденіемъ германскихъ аграріевъ). Изъ опубликованнаго въ «Извѣстіяхъ» Kriegsausschuss'а текста соглашенія заимствую слѣдующіе пункты:

«1. Всѣ сельскіе хозяева въ продолженіе военнаго времени должны... не только не быть сдержанными въ снабженіи себя сельскохозяйственными машинами и орудіями... но, наоборотъ, продолжать его еще въ большей степени, чѣмъ въ мирное время, напримѣръ, при недостаткѣ въ упряжкахъ, снабжая себя моторными плугами и т. п.

«2.... Заказы во время войны будутъ исполняться по пониженнымъ цѣнамъ и при возможно благопріятныхъ условіяхъ расплаты, для чего имѣется въ виду далеко идущее предоставленіе кредита со стороны прусской центральной кооперативной кассы и Имперскаго банка.

3. При герм. сельскохоз. совѣтѣ учреждается «сел.-хоз. центральное бюро для индустріальныхъ заказовъ во время войны» съ задачей принять на себя посредничество между потребностями и спросомъ сельскаго хозяйства и центральнымъ промышленнымъ Kriegssausschuss'омъ и союзами отдѣльныхъ отраслей индустріи».

Предсѣдателемъ прусскаго ландтага графомъ Шверинымъ, являющимся одновременно и предсѣдателемъ герм. с.-х. совѣта,

было выпущено воззваніе съ провозглашеніемъ «патріотическимъ долгомъ» слѣдованія этому начинанію. Съ своей стороны правительство, кромѣ льготнаго кредита, ассигновало отдѣльнымъ провинціямъ значительныя суммы на закупку с.-х. машинъ и орудій. Какъ заявилъ 19 февр. н. ст. въ бюджетной комиссіи прусскаго ландтага прусскій министръ сельскаго хозяйства, на покупку однихъ только паровыхъ плуговъ для одной лишь Восточной Пруссіи правительствомъ предоставлено было два милліона марокъ. Какъ было констатировано на съѣздѣ германскихъ союзовъ работодателей 20 марта н. ст., крупные заказы сельскохозяйственныхъ машинъ сдѣлало за свой счетъ и военное вѣдомство (отчасти для сбора урожая и т. п. на иностранной территоріи). На этомъ же съѣздѣ установлено было оживленное производство для внутренняго рынка также уборочныхъ машинъ. Исключительно крупные доходы, притекающіе теперь въ земледѣліе вслѣдствіе чрезвычайнаго повышенія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, весьма облегчили предпринимателямъ закупку паровыхъ и т. п. машинъ. Въ итогѣ оказалось, что совсѣмъ не происходитъ сокращенія посѣвовъ, а состояніе ихъ почти совпадаетъ съ прошлогоднимъ въ тотъ же періодъ, почему и ожидается урожай такого же количества.

Для обезпеченія прокорма лошадей и рогатаго скота до осени, до новаго сбора, было проведено пять государственныхъ монополій: закономъ 11 февраля н. ст. на содержащій сахаръ кормъ, закономъ 13 февраля н. ст. на овесъ, закономъ 5 марта н. ст. на отруби, закономъ 12 марта н. ст. на ячмень и закономъ 31 марта н. ст. на цѣлыхъ 75 названій корма разнаго рода, объединяемыхъ обычно понятіемъ «Kraftfutter» (кукуруза, кормовые бобы, отбросы мельничнаго, сахарнаго, крахмальнаго, бродильнаго и др. производствъ, такъ называемые Oelküchen, рыбья и кровяная мука и т. д.). Послѣ этого остались нереквизованными только трава и солома.

Овесъ и ячмень были переданы въ распоряженіе имперской «Zentralstelle für Heeresverpflegung». Сахарный кормъ, отруби и Kraftfutter—получившему функціи центральнаго монопольнаго учрежденія «Союзу снабженія германскихъ сельскихъ хозяевъ (Bezugsvereinigung)». Оба центра не имѣютъ дѣла съ отдѣльными владѣльцами скота, но распредѣляютъ кормовые запасы исключительно между учрежденіями мѣстнаго самоуправленія (за отдѣленіемъ количества, нужнаго для надобностей военнаго вѣдомства), городскими и уѣздными. Дальнѣйшее распредѣленіе между отдѣльными владѣльцами скота находится уже въ совершенномъ вѣдѣніи мѣстныхъ самоуправленій. Мѣстныя самоуправленія продаютъ кормъ владѣльцамъ по себѣстоимости, а центральныя общеимперскія учрежденія продаютъ его мѣстнымъ самоуправленіямъ съ надбавкой 0,2% надъ

заготовительной стоимостью „за комиссію". Цѣна, по которой центральныя учрежденія секвестровали запасы у владѣльцевъ, опредѣлена закономъ (у каждаго владѣльца, торговца и т. д. было секвестровано лишь то количество, которое превышаетъ нужное для прокорма его собственнаго скота до осени, считая по установленнымъ нормамъ).

Общей чертой всѣхъ пяти монополій является то, что всѣ эти кормовые запасы онѣ обезпечиваютъ только для лошадей и рогатаго скота. Лишь изъ отрубей мѣстнымъ самоуправленіямъ разрѣшено отдѣлить 15% на свиней. Дѣло въ томъ, что отсутствіе 6,3 милл. тоннъ иностраннаго корма въ конечномъ итогѣ особенно ударило по лошадямъ и свиньямъ. Уступка свиньямъ части наличныхъ запасовъ, послужившихъ объектомъ этихъ пяти монополій, обозначала бы совсѣмъ безвыходное положеніе для крупнаго скота. Потому свиней до конца марта поддерживали, главнымъ образомъ, картофелемъ и снятымъ молокомъ. А во второй половинѣ марта, по настоянію рейхстага, правительство вызвало съ фронта большое количество призванныхъ ранѣе на военную службу мясниковъ и приступило къ массовому убою свиней. Дѣло въ томъ, что мясниками-бойцами служатъ обычно особенно крѣпкіе молодые люди, и потому неудивительно, что, напр., изъ членовъ германскаго профессіональнаго союза рабочихъ-мясниковъ было мобилизовано, по его счету, свыше 70% въ то время, какъ процентъ мобилизованныхъ среди членовъ другихъ профессіональныхъ союзовъ въ два съ лишнимъ раза ниже. Сначала предполагалось привлечь къ массовому убою свиней русскихъ военноплѣнныхъ («среди которыхъ, вѣрно, много скотоводовъ», писала одна крупная газета), но потомъ остановились на временномъ возвращеніи съ фронта собственныхъ мясниковъ, какъ болѣе привычныхъ къ этому дѣлу. Для прокорма оставленной въ живыхъ трети свиней приняты тогда же совсѣмъ особыя мѣры, не затрагивающія обычныхъ и наличныхъ кормовыхъ запасовъ.

При пожертвованіи свиньями и при благополучномъ состояніи вопроса о прокормѣ рогатаго скота дѣло свелось къ пропитанію лошадей. Послѣ секвестра овса выяснилось, что для всѣхъ 3,4 милл. лошадей (кромѣ лош. военнаго вѣдомства) на 200 дней до возможности начать кормить сборомъ новаго урожая оставалось тогда всего по 300 килогр. овса на лошадь. Потому правительство обязало мѣстныя самоуправленія выдавать владѣльцамъ на каждую лошадь, начиная съ 1 марта н. с., ровно по полтора кг. въ день (менѣе 4 русскихъ фунтовъ). Между тѣмъ въ мирное время на каждую лошадь приходилось ровно втрое болѣе овса. Такимъ образомъ, общій

его недостатокъ опредѣлился въ 2 милл. тоннъ, и его-то предстояло покрыть.

Первымъ источникомъ послужилъ сахаръ и сахарная свекла. Ежегодно 50% всего производимаго въ Германіи сахара вывозится за границу. Въ этомъ году вывозъ запрещенъ и учреждена «Reichsstelle», которая предписываетъ каждому сахарозаводчику употребленіе закупленной имъ свеклы и успѣвшаго быть уже выдѣланнымъ сырого сахара на переработку или въ сахаръ для людей, или въ сахарный кормъ для скота. Сахарный кормъ годится особенно для лошадей и свиней, ибо рогатый скотъ усвояетъ его на треть менѣе успѣшно, какъ сообщаетъ въ своемъ циркулярѣ прусскій министръ сельскаго хозяйства; приготовляется онъ сахарными заводами какъ непосредственно изъ свеклы, такъ и изъ сахара-сырца.

Согласно распоряженію правительства, Reichsstelle опредѣлила, что въ этомъ году 65% обычнаго свекло-сахарнаго производства посвящено будетъ изготовленію сахара для людей, т.-е. людское потребленіе его въ Германіи противъ обычнаго въ мирное время будетъ увеличено на 30% (для возмѣщенія хотя бы отчасти уменьшеннаго потребленія муки). Остальные 35% назначаются на изготовленіе спирта и корма для скота.

Сначала союзный совѣтъ ограничилъ—было на этотъ годъ производство спирта 60% обычнаго размѣра. Потомъ оказалось, что для военныхъ автомобилей можетъ не хватить бензина, и потому контингентъ спирта былъ опять повышенъ до 100%, но съ тѣмъ, чтобы спиртъ выкуривался не изъ картофеля и зерна, а изъ сахара. Въ послѣднемъ предъ войной отчетномъ году на выкурку спирта ушло въ Германіи 2.730 тыс. тоннъ картофеля и 366 тыс. тоннъ всякаго зерна. Половина этого количества успѣла быть выкурена и въ этомъ году, а для замѣны второй половины надо до 2.400 тыс. тоннъ свеклы. Между тѣмъ 35% отъ всего количества свеклы, пошедшаго на сахарное производство въ 1913 г., составляетъ 5.800 фр., значитъ, на кормовыя цѣли остается 3.400 тыс. тоннъ, которыя и могутъ быть доставлены скоту въ томъ или иномъ переработанномъ видѣ [1]). Эту именно часть передаетъ Reichsstelle «Союза снабженія», а онъ распредѣляетъ ужъ затѣмъ между мѣстными самоуправленіями.

---

[1]) Это составляетъ около 20% свеклы, идущей на выдѣлку сахара. Для продолженія обращенія этой доли на кормъ скоту и во второмъ сел.-хоз. году войны, союзный совѣтъ постановилъ, чтобы производители свеклы поставили сахарнымъ заводамъ въ 1915 году только 75% нормально-договореннаго количества.

По содержанію крахмала каждая тонна овса почти въ четыре раза превосходитъ тонну свеклы. Потому своимъ регулированіемъ сахарнаго производства правительству удалось замѣстить лишь нѣсколько менѣе 900 тыс. тоннъ овса изъ недостававшихъ 2 милл. Каждая лошадь получаетъ теперь въ дополненіе къ $1^1/_2$ кг. овса нѣсколько фунтовъ кормового сахара, согласно опубликованнымъ таблицамъ, смотря по тяжести работы.

Вторымъ источникомъ было регулированіе пивовареннаго производства. Союзный совѣтъ ограничилъ на этотъ годъ потребленіе ячменнаго солода для изготовленія пива 60% обычнаго количества, что дало экономію въ 520 тыс. тоннъ ячменнаго солода для всей Германіи. Это соотвѣтствуетъ покрытію еще 600 тыс. тоннъ недостававшаго овса.

Въ качествѣ третьей мѣры предписано было использованіе кухонныхъ отбросовъ въ городахъ. Этими отбросами должны были питаться коровы, а соотвѣтственное количество корма должно было быть передвинуто отъ нихъ лошадямъ. Въ Берлинѣ, Потсдамѣ, Гамбургѣ, Кельнѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Шарлоттенбургѣ и мн. др. городахъ дѣленіе отбросовъ въ каждой кухнѣ на подлежащую переработкѣ и на негодную часть и дальнѣйшая переработка ихъ въ коровій кормъ осуществлена еще въ декабрѣ 1914 г. Берлинъ, напр., раздѣленъ на 170 участковъ для собиранія отбросовъ особыми агентами и своза ихъ на соотвѣтственные заводы. Кухонными отбросами Берлина питается въ настоящее время 22 тыс. коровъ, удой и здоровье которыхъ, какъ пишутъ,—не потерпѣли отъ этого ущерба. Всего, согласно одному изъ циркуляровъ министерства сельскаго хозяйства, изъ кухонныхъ отбросовъ должно перерабатываться въ Германіи 250 тыс. тоннъ «Kraftfutter», что замѣщаетъ еще большее количество овса. При такомъ объемѣ собираніе и переработка кухонныхъ отбросовъ осуществлены, очевидно, лишь для трети населенія страны (именно въ среднихъ и крупныхъ городахъ).

Наконецъ, еще однимъ источникомъ послужило регулированіе государствомъ количества посѣвнаго матеріала. Такъ, напр., законъ о государственной монополіи на торговлю овсомъ 13 февр. н. ст. прямо предписалъ, чтобы на гектаръ высѣвалось 150 килограммовъ (около $9^1/_2$ пудовъ на десятину). Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по особенностямъ почвы и т. п., правительствамъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ разрѣшается въ отдѣльныхъ случаяхъ позволять повышеніе посѣвнаго матеріала до 200 кг. на гектаръ. Послѣ этого министръ сельскаго хозяйства предписалъ особымъ циркуляромъ содѣйствовать всячески тому, чтобы обычная въ Германіи средняя посадка картофеля въ 2.000 кг. на гектаръ была со-

кращена до 1.500 кг., что при $3^1/_2$ милл. гект. картофельной посадки въ Германіи дало бы экономіи, по подсчету министра, въ 1.750 тыс. тоннъ. Онъ даетъ всевозможныя указанія, какъ при такомъ количествѣ посѣвнаго матеріала достичь тѣхъ же результатовъ, и если, какъ можно думать, эта мѣра будетъ проведена хотя бы на половину въ жизнь, то освободившееся количество картофеля способно замѣстить 300 тыс. тоннъ овса. Согласно этому, закономъ 12 апрѣля н. ст., устанавливающимъ порядокъ секвестра картофеля у сельскихъ хозяевъ для обезпеченія питанія менѣе состоятельной половины городского населенія до осени, вводится правило, что не подлежитъ секвестру тотъ картофель, который нуженъ для прокорма упряжныхъ животныхъ владѣльца до осени въ дополненіе къ прочимъ запасамъ кормовыхъ средствъ для нихъ, какіе находятся въ его распоряженіи.

Такимъ образомъ, задача пополненія недостающаго количества кормовыхъ средствъ для крупнаго скота была въ общемъ рѣшена. При чемъ было создано еще въ крупныхъ размѣрахъ производство корма изъ кухонныхъ отбросовъ и сахара. Разъ организованная переработка кухонныхъ отбросовъ сохранится, вѣроятно, и на мирное время, уменьшая зависимость германскаго народнаго хозяйства отъ привозныхъ кормовъ и давая занятіе туземному рабочему населенію на оборудованныхъ для этого заводахъ. Что касается оставляемой въ живыхъ части свиней, то прокормъ ихъ весной, лѣтомъ и осенью обезпечивался устройствомъ свиныхъ пансіоновъ въ казенныхъ лѣсахъ и введеніемъ производства соломенной муки.

Площадь всѣхъ лѣсовъ Германіи составляетъ 14 милл. гектаровъ, въ томъ числѣ во владѣніи казны и мѣстныхъ самоуправленій 7 милл. (двѣ трети—казен.). Во второй половинѣ марта открыты безплатно всѣ казенные лѣса для поросныхъ свиней и для молодыхъ въ возрастѣ отъ 4 до 6 мѣсяцевъ. Ландратамъ поручено посодѣйствовать такому же открытію лѣсовъ частновладѣльческихъ и коммунальныхъ. Свиньи окрестныхъ владѣльцевъ будутъ просто ежедневно пригоняться въ лѣсъ. Болѣе далеко живущія свиньи будутъ доставлены въ лѣса желѣзной дорогой и размѣщены тамъ до ноября н. ст. въ устраиваемыхъ изъ казеннаго дерева пріютахъ подъ надзоромъ спеціальныхъ пастуховъ. Такъ какъ на каждую свинью придется почти по десятинѣ лѣса (а если будутъ предоставлены и частновладѣльческіе лѣса, то по двѣ), то серьезное значеніе этой мѣры не подлежитъ сомнѣнію. Въ дополненіе же введена соломенная мука.

Идея соломенной муки заключается въ такомъ размельченіи одеревенѣвшей клѣтчатки, чтобы сдѣлать ее переваримой и удобо-

усвояемой для животнаго организма. Многочисленные поставленные въ Германіи опыты показали, однако, полную непригодность этого рода пищи для человѣка, сравнительно весьма малую пригодность для крупнаго скота и удовлетворительность для свиней. Потому для корма послѣднихъ производство соломенной муки, раньше вовсе не существовавшее, начинаетъ пріобрѣтать теперь практическое значеніе.

Если указанными выше способами и средствами государство разрѣшило на этотъ годъ задачу сохраненія рабочаго и молочнаго скота, то къ слѣдующему году Германія разсчитываетъ вообще стать независимой отъ иностраннаго корма для своего скота. Уже и теперь земледѣліе сохранило свой скотъ (и, слѣдовательно, возможность существованія) лишь благодаря принятію на себя государствомъ доставки и распредѣленія корма (и лишь въ той мѣрѣ, въ какой это было опредѣлено государствомъ). На будущее время государству предлагается прямо взять въ свои руки производство всего недостающаго скоту корма, обычно доставляемаго изъ-за границы. Производство это должно явиться продолженіемъ азотной монополіи; для техническаго оборудованія его въ надлежащихъ размѣрахъ есть еще около года времени (считая использованіе осенняго урожая 1915 г.), и по сообщенію берлинскихъ газетъ, на эту тему происходили уже конференціи представителей имперскаго правительства, прусскаго министра сельскаго хозяйства, ученыхъ руководителей «Института основанныхъ на процессахъ броженія индустрій» и заинтересованныхъ лицъ.

Какъ сообщаетъ оффиціальное агентство Вольфа, названному Институту удалось приготовить «кормовыя дрожжи», содержащія 50% бѣлка въ усвояемой организмомъ формѣ, при чемъ главнымъ составнымъ элементомъ является атмосферный азотъ. Государство доставившее земледѣлію удобреніе изъ воздуха, должно теперь доставить ему изъ воздуха кормъ для рабочаго скота. Руководитель Института проф. М. Дельбрюкъ сообщаетъ въ «Berliner Tageblatt» отъ 4 апрѣля слѣдующія подробности о новомъ производствѣ.

Сахаръ соединяется съ неорганическимъ основаніемъ. Берется сахаръ и «удобряется» сѣрнокислымъ аммоніакомъ, каліемъ и магнезіей въ формѣ солей. Потомъ «сѣются» дрожжи, и все это подвергается дѣйствію сильнаго тока воздуха. Дрожжи поглощаютъ сахаръ вмѣстѣ съ «удобреніемъ», и въ итогѣ появляются «massenhaft» дрожжи, содержащія 50% бѣлка. Такимъ образомъ, изъ неорганическаго азота (аммоніакъ и воздухъ) непосредственно получается кормовой бѣлокъ. Сахара и калія въ Германіи сколько угодно, она вывозитъ обычно и то и другое, и легко можно произвести ихъ еще

болѣе. Любое количество аммоніака можно синтетически образовать, разъ есть на-лицо водородъ и азотъ и необходимыя фабричныя приспособленія. Послѣ азотной монополіи въ Германіи вообще не можетъ быть недостатка въ азотѣ. Для первоначальной фабрикаціи бѣлковыхъ кормовыхъ дрожжей, заявляетъ Дельбрюкъ, вполнѣ пригодны германскія фабрики прессованныхъ дрожжей, снабженныя нужными приспособленіями и бездѣйствующія наполовину по случаю войны. Кормовой искусственный бѣлокъ (Eiweiss), какъ сообщаетъ, далѣе, тотъ же директоръ Института, будетъ выпущенъ въ продажу въ формѣ прессованныхъ дрожжей по цѣнамъ, не превышающимъ цѣны привознаго русскаго кормового ячменя до войны. По питательнымъ свойствамъ бѣлковыя дрожжи вполнѣ пригодны для всякаго рода скота и представляютъ собой полную и достаточную замѣну ячменя, Oelkuchen и прочихъ подобныхъ кормовыхъ средствъ, привозившихся обычно въ количествѣ до 400 милл. пудовъ въ годъ изъ-за границы. Конечно, для постановки производства въ такихъ крупныхъ размѣрахъ нынѣшнія дрожжевыя фабрики уже недостаточны, и послѣ расширенія азотныхъ заводовъ (ибо такого примѣненія азота не имѣлось въ виду при оборудованіи азотнаго производства государствомъ)—надо будетъ устроить спеціальные заводы для производства новаго корма въ какихъ угодно размѣрахъ—оставался бы лишь надъ Германіей содержащій его воздухъ.

Пр. Дельбрюкъ отмѣчаетъ, что способность дрожжей до извѣстной степени «питаться» аммоніакомъ была извѣстна и раньше. Заслуга Института заключается въ томъ, что ему удалось превратить этотъ процессъ въ дѣйствительно фабричный, при чемъ вся операція продолжается только нѣсколько часовъ. «Журналъ Спиртовой Индустріи» сообщилъ въ своемъ послѣднемъ №, что при производствѣ кормовыхъ бѣлковыхъ дрожжей по методу Института 100 частей сахара и 52 части упомянутыхъ питательныхъ солей даютъ при обработкѣ атмосфернымъ воздухомъ всего 270 частей готоваго продукта въ прессованномъ видѣ. А при изготовленіи этихъ дрожжей для хлѣба изъ 100 частей сахара и 37,5 частей питательныхъ солей получается 160 частей хорошо упекающихся прессованныхъ дрожжей. Вся операція объявляется вышедшей уже изъ стадіи опытовъ, способной поставлять немедленно товаръ на рынокъ, и секретъ изготовленія бѣлка изъ неорганическихъ соединеній и сахара—открытымъ.

Пресса разныхъ направленій указываетъ теперь, что новое производство способно въ будущемъ поставить совсѣмъ на другія основанія снабженіе германскаго скота кормовыми средствами и вполнѣ уничтожить въ этомъ отношеніи зависимость Германіи отъ

за-границы. Заодно улучшился бы и торговый балансъ страны на тѣ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, что платитъ она теперь ежегодно за 400 милл. пудовъ иностраннаго корма (больше всего ввозилось его изъ Россіи). Указывается при этомъ, что все дѣло должно находиться въ рукахъ государства, которое должно ограничить производство лишь тѣмъ количествомъ, какое необходимо сверхъ корма, производимаго въ странѣ «естественнымъ путемъ», чтобы не подрывать отечественныхъ сельскихъ хозяевъ. «А если русскіе начнутъ продавать свой ячмень дешевле, чѣмъ они продавали раньше, и онъ станетъ дешевле нашихъ бѣлковыхъ дрожжей, мы сможемъ выписывать и его» (Berl. Tag.).

V.

Государственное попеченіе понадобилось и для снабженія земледѣлія нужнымъ количествомъ человѣческой рабочей силы. Предъ войной всѣхъ дѣятельныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ въ главномъ источникѣ своихъ доходовъ, было въ Германіи всего 5.100 тысячъ мужчинъ и 4.900 тысячъ женщинъ (всего сельскохозяйственнаго населенія было 19 милл. изъ 68 милл. жителей). Изъ десяти милліоновъ паръ рабочихъ рукъ теперь почти около полутора, и притомъ самыхъ крѣпкихъ, отвлечено войной. Къ этому прибавляется уменьшеніе числа пришлыхъ рабочихъ, ежегодно являвшихся на с.-х. работы изъ сосѣднихъ странъ. По отчету за 1913 г. ихъ было 412 тыс. чел., въ томъ числѣ 280 тыс. чел. изъ Россіи и 117 тыс. изъ Австро-Венгріи. Россійскіе, правда, задержаны въ Германіи въ очень значительномъ количествѣ при объявленіи войны лѣтомъ 1914 г., и должны тоже въ этомъ году исполнять всѣ требуемыя отъ нихъ с.-х. работы, какъ дѣлали это во второй половинѣ лѣта и прошлой осенью. Но количество австрійцевъ уменьшилось весьма значительно (для облегченія ихъ привлеченія разрѣшено австрійскимъ с.-х. рабочимъ переходить германскую границу безъ паспортовъ).

Для замѣны недостающихъ полутора милліоновъ государствомъ было использовано шесть источниковъ.

Болѣе полумилліона изъ военноплѣнныхъ назначено было для сельскохозяйственныхъ работъ на слѣдующихъ началахъ. Военноплѣнные отпускались только отрядами отъ 80 до 100 человѣкъ, и лишь съ особаго разрѣшенія меньшими группами, но не ниже 10 чел. въ каждой. Иначе сказать, воспользоваться рабочей силой военноплѣнныхъ солдатъ могли только помѣщики или тѣ деревни,

которыя осуществили рекомендуемый въ газетахъ коллективный наемъ плѣнныхъ. О помѣщеніи и продовольствіи плѣнныхъ, равно какъ и приставленной къ нимъ стражи, должны заботиться наниматели. Если мѣсто работы находится такъ близко отъ лагеря военноплѣнныхъ, что тѣ могутъ остаться тамъ жить и ежедневно являться на работу, то наниматель обязанъ платить военному министерству за помѣщеніе ежедневно 15 пфен. съ человѣка. Если же понадобится перевезти плѣнныхъ въ помѣстье совсѣмъ, то перевозка на счетъ нанимателя, считая по тарифу четвертаго класса жел. дор. За свою работу военноплѣнные получаютъ, сверхъ полнаго содержанія, еще денежное вознагражденіе. Размѣръ его предоставленъ усмотрѣнію нанимателя, но съ тѣмъ, чтобы плата составляла не менѣе $2^1/_2$ и не болѣе 10 пфен. за каждый часъ работы, т.-е. напр. при 12-часовомъ днѣ не свыше 60 коп. въ день сверхъ харчей (что́ значительно ниже обычной въ Германіи оплаты с.-х. труда взрослыхъ мужчинъ). Плата не должна выдаваться на руки, но военному начальству.

Второй источникъ—индустріальные безработные обоего пола, поскольку они происходятъ изъ деревни и знакомы были въ юности хотя бы нѣсколько съ сельскохозяйственными работами. Всѣхъ безработныхъ внѣ сельскаго хозяйства считается теперь около 650 тыс. чел., изъ нихъ, приблизительно, больше половины мужчинъ. Среди внѣ-сельскохозяйственныхъ рабочихъ насчитывается теперь въ Германіи около двухъ милліоновъ, порвавшихъ за послѣднія 20 лѣтъ съ сельскимъ хозяйствомъ и перешедшихъ въ другія отрасли. Если предположить, что среди промышленныхъ безработныхъ заключается такой же процентъ бывшихъ деревенскихъ, то это дало бы всего около 100 тыс. чел. Потому рѣшено было привлекать къ землед. работамъ вообще хуже оплачиваемые разряды городскихъ рабочихъ, поскольку они были когда-нибудь раньше сельскохозяйственными, съ тѣмъ, чтобы на ихъ городскихъ мѣстахъ ихъ замѣнили тѣ безработные, которые и понятія не имѣютъ о сельскомъ хозяйствѣ. Такая мѣра могла дать около полумилліона человѣкъ.

Для обезпеченія ея успѣха надо было увеличить привлекательность сел.-хоз. найма для ставшихъ уже горожанами бывшихъ с.-х. рабочихъ, во-первыхъ, и упорядочить распредѣленіе рабочей силы, въ частности, передвиженіе ея изъ города въ деревню, во-вторыхъ.

Профессіональныя и политическія рабочія организаціи условіемъ непротивленія своего агитаціи за временный переходъ части городскихъ рабочихъ въ деревню поставили отмѣну знаменитаго «Gesindeordnung». Согласно этому закону, доселѣ регулировавшему отношенія между с.-х. рабочими и ихъ нанимателями, с.-х. рабочіе

въ правовомъ отношеніи обставлены были весьма неприглядно. Законъ частью лишалъ, частью ограничивалъ въ правахъ на устройство стачекъ, союзовъ. Индустріальный рабочій современной Германіи, съ его довольно развитымъ чувствомъ личнаго и классоваго достоинства, не пошелъ бы при такихъ условіяхъ въ деревню.

Пошатнуть раньше это устарѣлое законодательство не удавалось, т. к. сельскохозяйственные рабочіе были слишкомъ разобщены, подавлены и некультурны, а энергичнаго и сильнаго индустріальнаго пролетаріата оно непосредственно не касалось и вызывало въ немъ, поэтому, лишь отвлеченное осужденіе, а не практическое противодѣйствіе. Теперь, послѣ совѣщаній съ генеральной комиссіей профессіональныхъ союзовъ и съ правленіемъ с.-д. партіи, правительство пошло на уступки и пріостановило на время войны дѣйствіе «Gesindeordnung», предоставивъ рѣшеніе окончательной участи этого закона будущему мирному времени съ его обѣщанной «новой оріентировкой» въ вопросахъ внутренней политики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ улучшены условія найма для городскихъ рабочихъ, возвращающихся временно къ земледѣлію. Сельскіе хозяева имѣютъ полную возможность повышать теперь заработную плату горожанамъ безъ уменьшенія обычныхъ своихъ доходовъ, ибо они выигрываютъ на платѣ военноплѣннымъ и на возросшей цѣнѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Для правильнаго же распредѣленія рабочихъ силъ вся Германія охвачена сѣтью союзовъ «общественнополезныхъ бюро по указанію труда», объединенныхъ центральнымъ бюро при имперскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Относительно проходящихъ чрезъ всѣ эти бюро рабочихъ выясняется, не изъ деревни ли они родомъ и не согласились ли бы они предоставить себя теперь въ распоряженіе сельскаго хозяйства. Передвиженіе въ деревню организовано напр. такъ. Въ Бранденбургской провинціи сел.-хоз. палата вступила въ соглашеніе съ с.-х. отдѣленіемъ союза учрежденій по указанію труда этой провинціи. Союзъ принялъ на себя обязательство доставлять лишь такихъ рабочихъ, которые когда-либо занимались сельскохозяйственными работами. Палата обязалась требовать рабочихъ лишь въ такомъ количествѣ и для тѣхъ сельскихъ хозяевъ, какъ это дѣйствительно требуется по состоянію наличности рабочихъ рукъ, и гарантировала, что всякій указанный союзомъ рабочій будетъ принятъ на мѣсто, какихъ бы онъ ни былъ убѣжденій, и т. п. Непосредственно помѣщикамъ, безъ посредничества и ручательства с.-х. палатъ или другихъ центральныхъ с.-х. обществъ, рабочіе не отпускаются. Для рабочихъ посредничество безплатно, равно про-

ѣздъ до мѣста работы на счетъ нанимателя; хозяинъ же платитъ союзу отъ 2 до 5 марокъ за доставленнаго человѣка, смотря по спеціальности (за холостого поденщика 2 марки, за горничную 5 м. и т. п.). Если не позже 14 дней послѣ начала работы рабочій броситъ службу, нарушивъ контрактъ (послѣ пріостановки «Gesindeordnung» онъ можетъ дѣлать это свободно)—союзъ возвращаетъ палатѣ полученное за посредничество вознагражденіе.

Меньше «церемоній» съ обычными природными сел.-хоз. рабочими, уже находящимися въ деревнѣ. Ихъ «влеченіе къ земледѣлію» поддерживается не столько уступками, сколько прикрѣпленіемъ къ сельскому хозяйству на основаніи военнаго положенія. Раньше эта мѣра принята была по отношенію къ русско-польскимъ пришлымъ рабочимъ, которые обязаны были остаться у указанныхъ имъ владѣльцевъ и работать на условіяхъ обычнаго вознагражденія, но безъ права перемѣны хозяина. Подобная отмѣна свободы передвиженія, свободы выбора профессіи и свободы оставленія должности введена и для нѣмецкихъ сел.-хоз. рабочихъ, напр. въ Баваріи съ средины марта н. ст., распоряженіями командующихъ военными округами.

Состоявшаяся въ концѣ марта въ Нюрнбергѣ конференція баварскихъ професс. союзовъ указала военному начальству, что тѣмъ самымъ сел.-хоз. рабочіе предоставляются всецѣло произволу своихъ нанимателей: всякая попытка оставить мѣсто подлежитъ наказанію до года тюрьмы, такъ что рабочій безсиленъ противиться попыткамъ ухудшить его положеніе — безъ письменнаго разрѣшенія прежняго нанимателя, никто не имѣетъ права нанять его. Протестъ союзовъ не имѣлъ послѣдствій, хотя выдвинутъ былъ проектъ оставить въ силѣ запрещеніе нынѣшнимъ сел.-хоз. рабочимъ мѣнять профессію, но разрѣшить имъ мѣнять свободно хозяина.

Совсѣмъ другой оборотъ, кстати, пріобрѣла единственная пока попытка перенести практику прикрѣпленія и на индустріальныхъ рабочихъ. Именно, военная власть издала въ Берлинѣ распоряженіе, воспрещающее рабочимъ металлическихъ заводовъ оставлять службу безъ письменнаго разрѣшенія заводоуправленія, а равно воспрещающее кому бы то ни было нанимать рабочаго-металлиста безъ предъявленія такого разрѣшенія отъ прежняго хозяина. Мотивировалось это необходимостью прекратить чрезвычайную текучесть состава рабочаго персонала металлическихъ заводовъ, усилившуюся подъ вліяніемъ военныхъ заказовъ, когда фирмы нуждаются въ рабочихъ, всякій изъ нихъ легко находитъ мѣсто и легко бросаетъ прежнюю должность при всякомъ неудовольствіи или разногласіи изъ-за условій труда.

Берлинскіе металлисты принадлежатъ къ числу наиболѣе культурныхъ и внушительно организованныхъ рабочихъ. Они объявили, что право быть недовольными, желать улучшенія условій труда и пользоваться благопріятной для этого обстановкой—ихъ неотъемлемое и естественное право. И стали бросать работу одинъ за другимъ—вмѣсто устойчивости состава получилось уменьшеніе его на нѣсколько тысячъ безъ всякой даже оффиціальной стачки. Военное министерство вступило тогда немедленно въ переговоры съ професс. союзами рабочихъ по металлу. Въ переговорахъ приняли участіе и представители всѣхъ заводоуправленій, и на время войны былъ подписанъ такой договоръ: образуется центральный комитетъ по увольненію рабочихъ изъ равнаго числа представителей хозяевъ и рабочихъ, выбираемыхъ союзами обѣихъ сторонъ; этому комитету принадлежитъ право выдавать увольнительныя свидѣтельства рабочимъ и воздѣйствовать на хозяевъ для устраненія разногласій съ рабочими на почвѣ условій труда и т. п.; женщины, а изъ мужчинъ не принадлежащіе къ военно-обязанному возрасту могутъ оставлять работу и мѣнять мѣсто безъ всякихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, регулированіе прикрѣпленія къ мѣсту отдано здѣсь наполовину въ руки самихъ рабочихъ организацій, что̀ гарантируетъ рабочихъ отъ притѣсненій (прикрѣпленіе къ профессіи вообще устранено).

Наоборотъ, для сел.-хоз. рабочихъ создано нѣсколько нормъ, смотря по ихъ роду: обычные сел.-хоз. рабочіе, закрѣпощенные пока мѣстами за нынѣшними хозяевами; горожане, возвращающіеся къ земледѣлію, которымъ предоставляется неограниченное право коалицій; военноплѣнные, работающіе подъ стражей и за пониженное вознагражденіе [1]); пришлые польско-русскіе рабочіе, задержанные въ качествѣ «гражданскихъ плѣнныхъ», но получающіе обычное вознагражденіе. Еще однимъ разрядомъ являются школьники. Въ сельскихъ мѣстностяхъ ученики старшихъ четырехъ и ученицы старшихъ трехъ классовъ на семь мѣсяцевъ, съ 1 апрѣля до 1 ноября н. ст., согласно предписанію министерства, освобождаются отъ ученья для полевыхъ работъ. Въ свободныя недѣли они должны, впрочемъ, посѣщать школы. Въ Германіи народная школа семиклассная, и потому это распоряженіе охватило лицъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Принимая во вниманіе только сельско-хозяйственное насе-

---

[1]) Плѣнные солдаты отпускаются лишь въ тѣ округи, гдѣ доказанъ недостатокъ мѣстныхъ рабочихъ силъ, и лишь въ количествѣ, не превышающемъ недостатка (чтобы нельзя было трудъ вольныхъ туземныхъ рабочихъ замѣнять дешевымъ трудомъ плѣнныхъ солдатъ).

леніе, такихъ учащихся насчитывается 800 тысячъ мальчиковъ и 600 тысячъ дѣвочекъ. Если считать, что четверо дѣтей или подростковъ способны замѣнить одного взрослаго рабочаго, то полное использованіе этого источника дало замѣщеніе еще около 300 тысячъ паръ взрослыхъ рабочихъ рукъ.

Важнымъ источникомъ является далѣе періодическій отпускъ изъ рядовъ арміи массъ солдатъ на тѣ краткіе періоды, когда сельское хозяйство требуетъ особенно напряженной работы. Напр., изъ напечатаннаго въ «Berliner Tageblatt» отъ 24 февраля н. ст. распоряженія командующаго войсками седьмого армейскаго округа видно, что изъ состава арміи были отпущены для производства весенняго сѣва на срокъ съ 13 марта по 5 апрѣля н. ст. (на 24 дня) *всѣ* сел.-хоз. рабочіе, помѣщики изъ числа рядовыхъ солдатъ, самостоятельные крестьяне, управляющіе экономіями и экономическіе служащіе. Не трудно вспомнить, что этотъ мѣсяцъ былъ какъ разъ мѣсяцемъ полнаго бездѣйствія германскихъ войскъ и на западномъ и на восточномъ фронтѣ. Даже на Карпаты помогать австрійцамъ въ районъ къ западу отъ Ужокскаго прохода, сколь ни опасно было тамъ положеніе австрійцевъ именно въ это время,—германскія войска, какъ видно изъ сообщеній въ газетахъ русскаго генеральнаго штаба, явились лишь послѣ истеченія этого срока. Такимъ путемъ и было обезпечено производство посѣва въ обычныхъ размѣрахъ мирнаго времени. Всѣ указанныя выше мѣры были лишь подсобными средствами, чтобы свести вызовъ солдатъ изъ-подъ знаменъ къ возможному минимуму.

Очевидно, къ весеннему сѣву всѣ описанныя выше мѣропріятія не были еще завершены организаціей, и германское правительство, не желая рисковать посѣвомъ, рѣшилось на столь радикальную мѣру. Для уменьшенія необходимости въ подобныхъ вызовахъ на будущее время потомъ, между прочимъ, набирали много сел.-хоз. работниковъ въ русской Польшѣ. Какъ извѣстно, многія помѣщичьи и крестьянскія хозяйства сильно пострадали, владѣльцы ихъ бѣжали въ Варшаву и дальше или вообще не могутъ продолжать хозяйства—нѣтъ лошадей, сгорѣли постройки и т. п. Потому при помощи спеціально открытыхъ для законтрактовыванія бюро изъ Польши удалось вывезть, какъ сообщаютъ нѣмецкія газеты, очень большое количество рабочихъ для надобностей германскаго сельскаго хозяйства.

Наоборотъ, во Франціи и Бельгіи сами нѣмецкіе солдаты, какъ видно изъ печатаемыхъ въ газетахъ «полевыхъ писемъ», при помощи закупленныхъ военнымъ вѣдомствомъ моторныхъ плуговъ, сѣялокъ и т. д., распахали и засѣяли довольно большія пространства, чтобы впослѣдствіи меньше требовать продовольственныхъ припасовъ съ

родины. Къ такимъ же «побочнымъ занятіямъ» обратились по призыву правительства и при его поддержкѣ многіе индустріальные и желѣзнодорожные рабочіе въ самой Германіи. Не оставляя своего главнаго занятія, въ свободное время силами своими и своей семьи они занялись на отведенныхъ имъ безплатно участкахъ огородничествомъ, засѣвая овощи и картофель. Напр., изъ 30 тысячъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ Эльберфельдскаго жел.-дор. округа цѣлыхъ 20 тысячъ взялись за это дѣло и воздѣлали, такимъ образомъ, сто тысячъ аровъ.

Въ общемъ и цѣломъ, если германскому сельскому хозяйству удалось вспахать и засѣять обычную по размѣрамъ площадь, — то лишь благодаря совокупности государственныхъ мѣропріятій, обезпечившихъ земледѣлію нужную ему рабочую силу. И въ этомъ отношеніи, какъ и въ вопросѣ съ прокормомъ скота и т. п., оно оказалось фактически какъ бы одной изъ отраслей государственнаго хозяйства, своеобразной лишь въ томъ отношеніи, что заботы выпадаютъ тутъ на долю государства, а доходы остаются въ рукахъ сельскихъ хозяевъ.

VI.

Государственное вмѣшательство не ограничилось областью удобренія, живого и мертваго инвентаря и рабочей силы. Оно охватило и основную предпосылку земледѣлія — самую землю. Государство поставило своей задачей увеличить пространство воздѣлываемыхъ полей и взяло съ этой цѣлью подъ контроль всѣхъ землевладѣльцевъ, перейдя въ концѣ-концовъ прямо къ общественному земледѣлію въ описанномъ ниже размѣрѣ.

Хронологически первымъ и самымъ скромнымъ изъ этого ряда мѣропріятій было усиленіе культивированія пустырей и болотистыхъ мѣстъ. Общая площадь ихъ, пригодная при культивированіи для сельскаго хозяйства, составляетъ въ Германіи около 2 милліоновъ гектаровъ. Между тѣмъ вся воздѣлываемая площадь охватываетъ здѣсь лишь 26 милл. гектаровъ. Обработка запущенныхъ или оставлявшихся доселѣ безъ вниманія 2 милл. могла бы сыграть большую роль въ увеличеніи продовольственныхъ запасовъ Германіи на второй годъ войны.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что обработка пустырей и осушенныхъ раіоновъ при надлежащемъ удобреніи, къ чему имѣется полная возможность, уже въ первый годъ даетъ вполнѣ приличные урожаи, которые затѣмъ еще возрастаютъ. Напр., г. Ганишъ, ди-

ректоръ вестергорнской экономіи (основанной на такой землѣ въ Люнебургскомъ раіонѣ), въ книгѣ своей «Германское сел. хозяйство при Вильгельмѣ Второмъ» разсказываетъ, что первые же средніе урожаи ржи составляли 300 кг. на моргенъ, овса 200 кг., кормовой свеклы 10 тыс. кг., картофеля 6 тыс. кг. и т. п. (что соотвѣтствуетъ на десятину около 84 пудовъ ржи, около 56 пудовъ овса и т. д.).

Между тѣмъ, нынѣшніе владѣльцы пустырей и нуждающихся въ осушеніи мѣстъ очень мало думаютъ объ ихъ культивированіи. Большая часть этихъ владѣльцевъ—крестьяне, часто не имѣющіе средствъ для подобныхъ работъ; но и вообще владѣльцы предпочитаютъ ждать, пока ростъ внутренней колонизаціи не подыметъ спросъ и на такіе участки настолько, чтобы выгодно стало продавать ихъ людямъ, готовымъ взять на себя трудъ и расходы культивированія, лишь бы «сѣсть на землю» самостоятельно. Воздѣлываніе подобнымъ піонеромъ хотя бы одного участка сейчасъ же подыметъ цѣну на всю окружающую Heide-или Moorland, и возможная выручка землевладѣльцевъ растетъ безъ всякихъ хлопотъ и затратъ съ ихъ стороны. Такъ, въ томъ же Люнебургскомъ раіонѣ за моргенъ подобной еще подлежащей культивированію земли 15 лѣтъ назадъ платили только 35 марокъ, а теперь платятъ 150, вчетверо больше (Ганишъ).

Въ виду такихъ обстоятельствъ, какъ только выяснился длительный характеръ войны, а именно 28 октября н. ст., союзный совѣтъ издалъ законодательное постановленіе объ организаціи принудительныхъ товариществъ для обработки пустырей и нуждающихся въ осушеніи участковъ. Согласно этому закону, правительства отдѣльныхъ германскихъ государствъ получили право декретировать образованіе товарищества для культивированія изъ всѣхъ владѣльцевъ подобныхъ участковъ каждаго раіона — совершенно безъ согласія и даже противъ согласія владѣльцевъ. Въ случаѣ надобности культивированіе можетъ производиться за счетъ подобнаго товарищества распоряженіемъ властей. Что касается до подобныхъ участковъ, принадлежащихъ государству, а также пригодныхъ для обработки площадей изъ состава казенныхъ лѣсничествъ, то ихъ предписано сдавать (тоже еще осенью 1914 г.) на особо льготныхъ условіяхъ тѣмъ, кто обяжется такъ приняться за дѣло, чтобы уже въ 1915 г. на нихъ появились рожь и картофель. Льготной сдачей этой воспользовались весьма многіе, какъ сообщило впослѣдствіи министерство.

Для облегченія культивированія государство ввело, затѣмъ, субсидіи, въ каждомъ раіонѣ въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями. Напр., въ округѣ Uelzen, какъ видно изъ объявленія мѣстнаго ландрата, приведеннаго въ Handelszeitung отъ 23 февраля н. ст., на каждый гектаръ подлежащей культивированію земли выдается

около 70 марокъ. Этого достаточно для покрытія тамъ около трехъ четвертей издержекъ, включая въ нихъ и расходъ на первое удобреніе. Подобная пропорція обычна и въ другихъ округахъ.

Наконецъ, въ качествѣ рабочей силы предоставлены были военноплѣнные, преимущественно русскіе, какъ наиболѣе пригодные, по мнѣнію нѣмцевъ, къ тяжелымъ землянымъ работамъ. Въ одномъ только округѣ Галле (часть Бранденб. провинціи) у образованнаго на основаніи закона 28 октября товарищества работало уже въ февралѣ 30 тысячъ русскихъ плѣнныхъ солдатъ. Государство приняло на себя здѣсь лишь треть всѣхъ расходовъ по меліораціи, а остальныя двѣ трети товарищество получило въ долгъ отъ провинціальной заемной кассы на льготныхъ условіяхъ. Всѣ издержки составляютъ 7 марокъ за моргенъ, а возрастаніе дохода оцѣнивается въ 35 марокъ.

Недалеко отъ Берлина, вдоль рѣки Гавель, приводится плѣнными въ порядокъ 50 тысячъ гектаровъ. Въ Помераніи, у рѣки Леба, 3 тысячи русскихъ осушили 7 тысячъ гектаровъ. Въ Шлезвигъ-Голштиніи и прилегающихъ раіонахъ этимъ дѣломъ занято 70 тысячъ русскихъ солдатъ и т. д. — Подобными сообщеніями все время пестрѣли газеты и спеціальные органы. Солдатамъ, занятымъ на этихъ работахъ, выдается, не въ примѣръ прочимъ плѣннымъ, почти по два фунта хлѣба въ день (750 граммовъ, въ томъ числѣ 20% припеченный картофель) и еще по 50 пфенниговъ на прокормъ человѣка въ день. Работой ихъ начальство и «товарищества довольны», и по даннымъ журнала «Soziale Praxis» каждый русскій солдатъ, работая по 6—7 часовъ въ день, при культивированіи болотистыхъ мѣстъ, обрабатываетъ въ среднемъ 100 квадратныхъ метровъ такъ безупречно, что лучше и желать нечего. Иначе сказать, каждый работникъ-солдатъ за каждые сто дней работы увеличиваетъ культурную площадь Германіи на одинъ гектаръ (почти на десятину). Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ году было засѣяно уже нѣсколько сотъ тысячъ гектаровъ вновь пріобщенной къ сельскохозяйственной площади земли, а къ осеннему сѣву должно было быть готово еще нѣсколько сотъ тысячъ.

Увеличеніе культурной площади, столь значительное и столь быстрое, остается, разумѣется, постояннымъ пріобрѣтеніемъ сельскаго хозяйства Германіи и для мирнаго времени, повышая ту долю ея продовольственнаго потребленія, какую она покрываетъ собственнымъ производствомъ.

Дѣло приведенія всей возможной сел.-хоз. площади страны въ культурный видъ осуществлялось, такимъ образомъ, въ Германіи прямымъ распоряженіемъ государственнаго цѣлаго, въ значи-

тельной степени за его счетъ и помощью предоставляемыхъ имъ рабочихъ силъ, притомъ принудительнымъ порядкомъ, безотносительно къ желанію или нежеланію частныхъ собственниковъ земли. Эта черта «неуваженія къ правамъ частной собственности», какъ характеризовала ее одна газета, вообще является отличительной въ мѣропріятіяхъ германскаго правительства относительно расширенія площади сельскаго хозяйства. И такъ какъ германское правительство отнюдь не отличается неуваженіемъ къ свободѣ воли германскихъ землевладѣльцевъ, то ясно,—оно принуждено было стать на этотъ путь только *полнымъ банкротствомъ режима частно-хозяйственнаго усмотрѣнія въ германскомъ земледѣліи*, режима, грозившаго превратиться при сохраненіи его въ неприкосновенности въ величайшую національную опасность при данныхъ условіяхъ. Понятно громадное значеніе для массъ населенія этого нагляднаго урока, преподаннаго подъ вліяніемъ войны ходомъ вещей въ столь грандіозномъ масштабѣ. Послѣдствія этого нагляднаго обученія, по всѣмъ видимостямъ, должны бы сильно сказаться въ Германіи въ эпоху, по заключеніи мира какъ вообще, такъ въ особенности въ примѣненіи къ сельскому хозяйству.

Слѣдующей хронологически мѣрой явилось привлеченіе къ земледѣлію въ качествѣ подсобнаго занятія индустріальныхъ рабочихъ, при чемъ площадью приложенія ихъ силъ должны были служить земли, хотя и не нуждающіяся въ меліораціи, но остававшіяся по разнымъ причинамъ невоздѣланными. Въ разсчетъ могли идти только участки, находящіеся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ жительства рабочихъ, при условіи предоставленія этихъ участковъ семьямъ рабочихъ безплатно—ибо для покупки могло не оказаться ни средствъ, ни желанія. Размѣръ такихъ участковъ долженъ былъ быть приноровленъ къ средней величинѣ рабочей семьи, чтобы силами дѣтей, жены и мужа въ свободное время могли быть осуществлены уходъ и присмотръ за участкомъ. Воздѣлываемыми растеніями должны были быть только овощи и картофель, такъ какъ въ городахъ и вблизи городовъ огородничество по экономическимъ причинамъ гораздо умѣстнѣе, чѣмъ посѣвъ зерновыхъ хлѣбовъ, и вообще пригоднѣе для хозяйства карликовыхъ размѣровъ. Наконецъ, организація всего дѣла предполагала, что какія-либо центральныя учрежденія должны взять на себя заботу о начальныхъ наиболѣе трудныхъ стадіяхъ работы,—распашка земли, удобреніе, можетъ быть, посѣвъ,—ибо у отдѣльной рабочей семьи нѣтъ ни времени, ни средствъ возиться со всѣмъ этимъ. Между тѣмъ милліоны карликовыхъ огородническихъ хозяйствъ, которыя могли бы быть созданы такимъ образомъ, въ своей совокупности могли бы дать до-

вольно много для повышенія продовольственныхъ запасовъ страны и для привлеченія рабочей силы къ нѣкоторой части сельско-хозяйственныхъ работъ. Потому пренебрегать этимъ дѣломъ не приходилось, и оно и было организовано на указанныхъ выше началахъ.

Главнымъ запасомъ свободныхъ земель для этой цѣли были незастроенные участки въ городахъ и около нихъ, равно какъ неиспользованныя полосы вдоль линій желѣзныхъ дорогъ, лежащія въ предѣлахъ полосы отчужденія. Размѣромъ каждаго образуемаго картофельно-огородническаго участка принято отъ 400 до 440 кв. метровъ (т.-е. до одной двадцать пятой десятины). Такой участокъ достаточенъ, чтобы обезпечить картофелемъ на годъ семью изъ четырехъ душъ (или соотвѣтственнымъ количествомъ овощей).

Полоса отчужденія желѣзныхъ дорогъ предназначена особенно подъ овощи, и здѣсь организаторомъ дѣла выступила непосредственно государственная власть. Циркуляръ министра путей сообщенія Брейтенбаха еще въ началѣ января предписалъ, чтобы желѣзнодорожныя управленія за свой счетъ немедленно обезпечили возможность поливки всѣхъ участковъ (заготовленіемъ рукавовъ, рытьемъ колодцевъ, проведеніемъ канавъ). Желѣзнодорожныя управленія должны были озаботиться также доставкой удобренія и распашкой за свой счетъ. Затѣмъ, участки должны были раздаваться желѣзнодорожному персоналу для посѣва преимущественно ранняго картофеля и раннихъ овощей, чтобы успѣть собрать въ 1915 г. нѣсколько урожаевъ. Плата должна браться только за сѣмена, если и сѣмена доставляются желѣзнодорожнымъ управленіемъ (во многихъ мѣстахъ сѣмена были закуплены профессіональными союзами желѣзнодорожниковъ при финансовой поддержкѣ управленій). Министръ рекомендуетъ награждать тѣхъ рабочихъ и служащихъ, которые достигнутъ наилучшихъ успѣховъ на своихъ участкахъ, ставя на видъ, что здѣсь патріотическій долгъ соединяется съ собственной выгодой: весь сборъ безъ всякой арендной платы достается взявшему участокъ рабочему.

Длина всѣхъ широко- и узко-колейныхъ и мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Германіи составляетъ около 70 тысячъ километровъ. Желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ въ Германіи почти 800 тысячъ. Судя по опубликованнымъ даннымъ отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ округовъ, участки были взяты двумя третями ихъ, т.-е. образовано около полумилліона участковъ, обезпечивающихъ картофелемъ (или соотвѣтственно овощами) до двухъ милліоновъ человѣкъ на годъ. Въ общей экономіи страны, гдѣ на счету каждый кусокъ, гдѣ хлѣбъ, мясо и картофель раздавались горожанамъ по кар-

точкамъ въ точно опредѣленномъ количествѣ,—и это имѣетъ значеніе, хотя бы дѣло шло лишь о 3% населенія.

Менѣе всеобщимъ было введеніе огородничества въ городахъ. Правда, оно было организовано въ большомъ количествѣ мѣстъ, но не было такого принудительнаго предписанія центральной власти, распространяющагося на всѣ города страны, какое было издано, напримѣръ, австрійскимъ правительствомъ ранней весной нынѣшняго же 1915 г. За всѣмъ тѣмъ и городское огородничество на незастроенныхъ участкахъ и т. п. приняло въ Германіи такіе размѣры, что обезпечило картофелемъ врядъ ли многимъ меньшее количество населенія, чѣмъ земледѣліе желѣзнодорожное.

Образцомъ для всѣхъ городовъ послужилъ здѣсь Берлинъ. «Въ первой половинѣ января н. ст.,—сообщалъ я уже въ другомъ мѣстѣ,—жители Берлина съ удивленіемъ увидѣли моторный плугъ, взрывающій дѣвственную почву «темпельгофскаго поля», окруженнаго многоэтажными громадами». То же происходило въ это время и на другихъ пригодныхъ по почвѣ для засѣва незастроенныхъ участкахъ во всѣхъ концахъ города. Всего оказалось ихъ столько, что могли быть образованы участки для 25 тысячъ рабочихъ семействъ.

При финансовой поддержкѣ министерства сельскаго хозяйства берлинскіе профессіональные рабочіе союзы, рабочій потребительскій кооперативъ Gross-Berlin'a, союзы домовладѣльцевъ и другія организаціи объединились въ «товарищество для обработки незастроенныхъ участковъ». Товарищество по уставу не имѣетъ права получать какую бы то ни было прибыль. Дирекція его состоитъ изъ трехъ лицъ: секретарь одного изъ «свободныхъ профессіональныхъ союзовъ» (с.-д.) Риттеръ, представитель берлинскаго рабочаго кооператива Ламмъ (тоже с.-д.) и представитель министерства д-ръ Гэпкеръ.

Подъ давленіемъ правительства домовладѣльцы Берлина и пригородовъ передали этому «товариществу» *безплатно* въ пользованіе до окончанія войны, но не менѣе чѣмъ на 1915-й годъ, всѣ принадлежащіе имъ незастроенные участки. То же сдѣлалъ городъ со своими большими площадями и т. п. Товарищество за свой счетъ разбило все это на участки, распахало ихъ, удобрило, пріобрѣло посѣвный матеріалъ и засѣяло. Все это было въ интересахъ дешевизны, быстроты и по указаннымъ выше соображеніямъ организовано, какъ крупное производство. По окончаніи посѣва каждый изъ участковъ сданъ одному изъ членовъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ Gross-Berlin'a. На обязанности рабочаго-арендатора лежитъ уходъ за участкомъ во время роста, удаленіе сорныхъ травъ и

сборъ урожая, поступающаго полностью въ его собственность. По оцѣнкѣ экспертовъ на участкѣ въ 440 кв. метровъ (около 100 кв. саж.) должно быть собрано 36 пудовъ картофеля въ среднемъ (почти всѣ участки предназначены подъ картофель).

За землю рабочій ничего не платитъ. Въ качествѣ аренды онъ платитъ «товариществу» только дѣйствительную сумму издержекъ по организаціи всего дѣла, удобренію, посадкѣ и т. д., приходящуюся по разсчету на 1 участокъ. Эта сумма опредѣлена въ 25 марокъ за участокъ; такъ что нѣмецкій фунтъ картофеля ($=1^1/_4$ русскаго фунта), если не считать собственнаго труда на присмотръ и уборку, будетъ обходиться рабочей семьѣ всего въ 2 пфеннига вмѣсто 10 пфенн., которые онъ стоилъ лѣтомъ на свободномъ берлинскомъ рынкѣ, и вмѣсто 6 пф., за какую цѣну продаетъ картофель менѣе состоятельной половинѣ населенія берлинская городская дума до осени. При этомъ $7^1/_2$ марокъ платилось впередъ, а остальную сумму рабочій-арендаторъ вносилъ по 50 пфен. въ недѣлю. Сдача участковъ и пріемъ платы производились профессіональными союзами и кооперативомъ.

Отобрать у законныхъ владѣльцевъ, да еще крупныхъ домовладѣльцевъ, ихъ участки безплатно на годъ и передать ихъ въ управленіе рабочимъ организаціямъ ради усиленія питанія ста тысячъ рабочаго населенія—этого берлинцы до войны, конечно, никогда не видѣли. Зато теперь у нихъ развивается желаніе видѣть подобное и въ будущемъ.

Одновременно съ организаціей посѣва на незастроенныхъ участкахъ объединены были въ «Kriegsausschuss für Gross-Berliner Laubenkolonisten» болѣе 12 тысячъ лицъ, тоже преимущественно изъ рабочей среды, получившихъ вблизи города участки для разведенія овощей. На окраинахъ многихъ германскихъ городовъ находятся такія «бесѣдочныя колоніи»: куча участковъ, каждый по 100—300 кв. метровъ съ легкимъ деревяннымъ лѣтнимъ домикомъ-бесѣдкой посрединѣ. Лучше зарабатывающіе рабочіе снимаютъ на очень льготныхъ условіяхъ на неопредѣленный срокъ у города такой участокъ, гдѣ возятся весной и лѣтомъ ихъ дѣти, а по воскресеньямъ и сами родители. Всего въ «Великоберлинѣ» 45 тысячъ такихъ колонистовъ. Вторую центральную организацію для нихъ образуетъ «Kriegsausschuss für Grünkost», также образовавшійся послѣ начала войны.

Всѣ эти участки предназначены были для усиленнаго разведенія овощей. Городской садъ отпустилъ безплатно полмилліона овощныхъ разсадъ; сверхъ того городъ ассигновалъ денежную субсидію. Оба центра безплатно руководили засѣвомъ, доставляли

удобреніе и сѣмена и т. п. Подобная же организація посѣва картофеля и овощей на незастроенныхъ участкахъ въ самомъ городѣ и на парцеллахъ Laubenkolonist'овъ возникла въ очень многихъ провинціальныхъ городахъ. Какъ и засѣвъ полосъ у желѣзныхъ дорогъ, какъ и культивированіе пустырей и болотъ,—все это имѣло цѣлью расширить площадь земледѣлія и огородничества, т.-е. касается въ концѣ-концовъ лишь небольшой части всей площади страны. Болѣе общее и всеобъемлющее значеніе и большій принципіальный интересъ имѣетъ за то мѣра, введенная закономъ 31 марта н. ст., какъ увѣнчаніе зданія мѣропріятій по подчиненію сельскаго хозяйства общенаціональнымъ цѣлямъ. При городскомъ и бесѣдочно-колонистскомъ огородничествѣ централизованная подготовка производства находитъ себѣ индивидуальное завершеніе. Мартовскій же законъ вводитъ въ извѣстныхъ случаяхъ на всемъ протяженіи Германіи общественную организацію производственнаго процесса во всемъ его объемѣ.

Сущность постановленія союзнаго совѣта отъ 31 марта н. ст. заключается въ слѣдующемъ. Всѣ сельскіе хозяева, землевладѣльцы и арендаторы, обязаны доставить въ кратчайшій срокъ мѣстной администраціи свѣдѣнія о своемъ полеводствѣ. Должно быть сообщено, всѣ ли находящіяся въ ихъ распоряженіи поля засѣиваются въ этомъ году и какая часть и гдѣ оставляется невоздѣланной по какимъ бы то ни было причинамъ. Если сельскій хозяинъ «не докажетъ возможности воздѣлыванія имъ» всѣхъ находящихся въ его распоряженіи полей или если прямо заявитъ, что не хочетъ или не можетъ засѣять той или иной части своей площади или всей ея,—то всѣ такіе участки немедля и принудительно изъемлются изъ его пользованія до конца 1915 г. и передаются на это время мѣстному самоуправленію. Вопросъ, должно ли и насколько мѣстное самоуправленіе вознаградить собственника за пользованіе его землей, согласно § 3 закона, рѣшается мѣстной администраціей. Вмѣстѣ съ землей къ мѣстному самоуправленію переходятъ отъ владѣльца постройки и прочія принадлежности сельскаго хозяйства. Владѣлецъ не имѣетъ права протестовать противъ того примѣненія, какое дастъ мѣстное самоуправленіе его землѣ и средствамъ производства.

На переданныхъ ему участкахъ мѣстное самоуправленіе обязано вести за свой счетъ сельское хоз. «по правиламъ упорядоченнаго хозяйства». При недовольствѣ рѣшеніемъ мѣстной администраціи обѣимъ сторонамъ предоставляется жаловаться высшей администраціи не позже 7 дней съ момента рѣшенія. Приговоръ высшей администраціи не подлежитъ обжалованію.

Подъ мѣстнымъ самоуправленіемъ законъ 31 марта разумѣетъ

не отдѣльную общину, а «Kommunalverband»—союзъ мелкихъ мѣстныхъ самоуправленій, соотвѣтствующій примѣрно русскому уѣздному земству. Такимъ образомъ, по этому закону земство получило въ свое прямое хозяйственное управленіе всѣ тѣ помѣщичьи и крестьянскія земли, владѣльцы которыхъ не могли или не желали обрабатывать ихъ въ нынѣшнемъ году за свой счетъ. Передъ нами коммунальное земледѣліе, какъ обязательная для всей Германіи мѣра, распространяющаяся на крупную площадь,—ибо въ этомъ году по понятнымъ причинамъ нашлось бы достаточно земли, оставшейся безъ обработки безъ такого предписанія.

Подобное вмѣшательство въ права частнаго собственника имѣетъ уже прецедентъ въ исторіи хозяйственныхъ мѣропріятій Германіи въ нынѣшнюю войну и кромѣ постановленія о принудительномъ культивированіи пустырей и болотъ. Именно баденское правительство издало минувшей же весной законъ, согласно которому необработанныя земли не только отбираются у землевладѣльца, но могутъ быть отобраны даже вовсе безъ вознагражденія, если онъ въ противность предписанію администраціи не примѣнитъ ихъ къ производству продовольственныхъ и кормовыхъ средствъ. Отобранныя земли тоже передаются мѣстному самоуправленію.

Побудительнымъ мотивомъ сначала баденскаго, а затѣмъ и общегерманскаго правительства была, разумѣется, не программная склонность къ муниципализаціи земледѣлія, а желаніе видѣть засѣянной возможно большую площадь [1]). Но средствомъ осуществленія пришлось избрать именно отдачу части земледѣлія въ общественное завѣдываніе, и опытъ массовой организаціи муниципальныхъ земледѣльческихъ фермъ не можетъ пройти, конечно, безслѣдно. Мысли рядового потребителя такая организація производства представляется естественнымъ завершеніемъ организаціи распредѣленія коммуной земледѣльческихъ продуктовъ. Такая организація стала теперь въ Германіи общимъ правиломъ. Житель какого-либо Вильмерсдорфа—моей берлинской резиденціи (пригородъ съ болѣе чѣмъ ста тыс. жит.)—получалъ все время хлѣбъ изъ булочной по карточкѣ, выданной ему городской думой; получалъ картофель по карточкѣ, выданной городской думой, при томъ непосредственно изъ городскихъ складовъ; получалъ мясо, не только по городской карточкѣ и изъ городской лавки, но еще и переработанное изъ свиньи

---

[1]) Для поощренія засѣва въ особенно пострадавшихъ частяхъ Восточной Пруссіи введена премія, въ размѣрѣ около 100 марокъ за каждый гектаръ. Съ этою цѣлью разрѣшено также восточно-прусскимъ бѣженцамъ, успѣвшимъ связать себя контрактами во внутренней Германіи, порвать ихъ немедленно.

распоряженіемъ и за счетъ города. Житель уѣзда получалъ соотвѣтственныя карточки отъ своего Kommunalverband'a, поскольку онъ не являлся сельскимъ хозяиномъ, имѣвшимъ достаточно продовольственныхъ запасовъ, и потому не включеннымъ въ кругъ попеченія мѣстнаго самоуправленія.

Сохраненія государственно-коммунальнаго монопольнаго распредѣленія хлѣба и послѣ окончанія войны требуютъ сейчасъ въ Германіи довольно разнообразныя силы—между прочимъ и консерваторы, и соціалъ-демократы; съ поляками это составляетъ уже около половины нынѣшняго состава рейхстага. Но если въ сферѣ обмѣна превратить хлѣбное дѣло въ отрасль коммунальнаго хозяйства, то по понятнымъ причинамъ усиливается тяготѣніе къ муниципальной организаціи и самого земледѣлія: зачѣмъ мѣстному самоуправленію дорого платить за хлѣбъ помѣщику, когда оно можетъ гораздо дешевле предоставить его потребителю-избирателю, организовавъ собственную земледѣльческую ферму и доставляя затѣмъ хлѣбъ населенію по заготовительной цѣнѣ. Нѣмецкіе города уже устраиваютъ, какъ постоянныя учрежденія, собственныя свиныя, молочныя, даже кроличьи и рыбныя фермы. Нѣтъ причинъ, разъ общественное вниманіе обратилось сюда и разъ выгоды ясны, не устраивать и земледѣльческихъ. То обстоятельство, что гдѣ оказались несостоятельными частные владѣльцы, тамъ спасеніе было найдено у общественнаго самоуправленія (законъ 31 марта и т. п.)—чрезвычайно усиливаетъ довѣріе къ хозяйственной пригодности органовъ самоуправленія, какъ организаторовъ сельскохозяйственнаго производства и обмѣна.

Въ итогѣ не только с.-д., но и самые обычные обывательскіе круги начинаютъ высказываться въ смыслѣ необходимости поставить земледѣліе въ такое же положеніе, въ какомъ находятся желѣзныя дороги и городскіе водопроводы. Такая соціально-благонамѣренная газета, какъ «Ostsee Zeitung», писала по поводу закона 31 марта н. ст., что коммунальное земледѣліе должно быть перенесено и въ мирную эпоху, какъ «прочное пріобрѣтеніе нѣмецкаго народа». Патріотическая газета не преминула подкрѣпить это и военно-политическими доводами: подобная организація будетъ наилучшей хозяйственной подготовкой ко всякой новой, возможной въ будущемъ войнѣ.

Что касается рабочихъ организацій, то онѣ выработали систему мѣропріятій, охватывающую весь рядъ, начиная отъ нынѣшняго положенія, продолжая переходными мѣрами и кончая полной организаціей производства продовольственныхъ средствъ мѣстными самоуправленіями. За подписями генеральной комиссіи германскихъ

профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и центральнаго правленія германской с.-д. партіи заявленіе это было передано въ качествѣ матеріала имперскому правительству. Для поддержки вообще продовольственныхъ требованій, выдвинутыхъ этой партіей, ей удалось организовать изъ всевозможныхъ организацій «Kriegsausschuss für Konsumenteninteressen». Въ этотъ комитетъ вошли представители профессіональныхъ и кооперативныхъ рабочихъ организацій разныхъ направленій (с.-д., центра, либер., польск.), организацій торгово-промышленныхъ служащихъ, желѣзнодорожниковъ, учителей, почтовыхъ и иныхъ чиновниковъ, всевозможныя женскія благотворительныя общества и т. д. Въ общемъ военный комитетъ представительства интересовъ потребителей объединилъ по его даннымъ до 7 милліоновъ потребляющихъ семействъ или около трети всего населенія Германіи. Понятно, голосъ этой новой мощной организаціи выслушивается правительствомъ предъ всякими серьезными мѣропріятіями въ области народнаго продовольствія, и, поскольку свидѣтельствуютъ многочисленныя, опубликованныя ею докладныя записки, она стоитъ на почвѣ предложеній упомянутаго выше заявленія ц. к. с.-д. партіи и ген. ком. проф. союзовъ. Заявленіе это,— кое-что изъ котораго дѣйствительно осуществлено уже правительствомъ, какъ видно изъ предшествующаго изложенія—распадается на восемь пунктовъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ программой, которая будетъ играть не малую роль въ жизни Германіи и послѣ войны, ибо іръ, какъ извѣстно, вступилъ въ историческую полосу высокихъ цѣнъ на продукты земледѣлія, и потому вопросу о его регулированіи обезпеченъ прочный и все возрастающій интересъ самыхъ широкихъ массъ потребителей. Потому позволю себѣ привести полностью заголовки всѣхъ пунктовъ этой продовольственной программы изъ Vorwärts'а № 34 за 1915 г. [1]):

«I. Мѣры для регулированія производства.

1. Организація сбора урожая и приведенія его въ могущее быть использованнымъ состояніе (Nutzbarmachung).

2. Установленіе обязанности сельскаго хозяина къ опредѣленнымъ родамъ производства. Немедленная обработка невоздѣланныхъ полей быстро растущими овощами и кормовыми средствами. Организація скотоводства и молочнаго производства.

II. Мѣры для обезпеченія средствами производства.

1. Поставка удобренія и посѣвнаго матеріала общественными учрежденіями и регулированіе ихъ примѣненія.

---

[1]) Заявленіе подано имперскому правительству еще 13 августа 1914 г. н. ст., потому начинаетъ съ переходныхъ мѣропріятій.

2. Поставка владѣльцамъ машинъ для интенсивнаго примѣненія союзами мѣстныхъ самоуправленій (Kommunalverbände).

3. Открытіе лѣсовъ и болотистыхъ районовъ для сбора хвороста и т. п. [1]).

III. Обезпеченіе рабочими силами.

1. Регулированіе найма.

2. Обезпеченіе минимальной заработной платы.

3. Отмѣна Gesindeordnung («устава о челяди») и исключительныхъ законовъ противъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

IV. Предписанія о примѣненіи продуктовъ. Исключеніе картофеля и пшеницы отъ изготовленія алкогольныхъ напитковъ. Регулированіе ограниченія производства пива, сахара, крахмала.

V. Обязательство сельскихъ хозяевъ продавать свои продукты общественнымъ учрежденіямъ (имперіи, отдѣльнымъ государствамъ, мѣстнымъ самоуправленіямъ).

VI. Установленіе обязательныхъ цѣнъ на средства производства и на продукты сельскаго хозяйства, для производителей и для торговыхъ посредниковъ.

VII. Производство жизненныхъ средствъ и регулированіе ихъ обращенія учрежденіями мѣстнаго самоуправленія.

VIII. Соотвѣтственное распространеніе этого также на рыболовство, лѣсное хозяйство, угольное производство и химическую индустрію».

VII.

Отчетъ мой былъ бы не полонъ, если бы не сказать хоть нѣсколько словъ о подготовкѣ къ сбору урожая 1915 г. и къ посѣву на 1916 г. Здѣсь имѣются въ виду прежде всего тѣ мѣры, какія были приняты осенью 1914 г., а затѣмъ — къ планомѣрному использованію результатовъ сбора 1915 г. Благодаря наличности уже хлѣбной монополіи, благодаря наладившемуся функціонированію аппарата распредѣленія важнѣйшихъ продовольственныхъ и кормовыхъ средствъ учрежденіями мѣстнаго самоуправленія, благодаря возможности заранѣе и съ самаго начала сельскохозяйственнаго года регулировать цѣны на продукты, благодаря, наконецъ, накопленному опыту, въ германскомъ обществѣ и въ печати распространено мнѣніе, что на этотъ разъ дѣло пойдетъ гораздо глаже, чѣмъ шло оно въ первый сельскохозяйственный годъ войны. Не

---

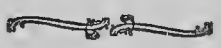
[1]) Плата за право сбора понижена до одной трети прежняго размѣра.

будутъ безплодно потеряны для зерновыхъ продуктовъ первые шесть мѣсяцевъ (хлѣбная монополія введена вѣдь только съ 1 февраля 1915 г., а война началась 1 августа нов. ст.), не будетъ расточена такая масса продовольственныхъ запасовъ свиньямъ, ибо количество ихъ теперь планомѣрно уменьшается, не будетъ вакханаліи съ цѣнами на муку, ибо организація перемола окончена уже сосредоточеніемъ въ рукахъ Kriegsgetreidegesellschaft (почему съ 1 мая нов. ст. понижаются таксы на хлѣбъ, въ Берлинѣ напр. до 21 пф. за нѣмецкій фунтъ въ качествѣ максимальной цѣны, то-есть 8 коп. за русскій фунтъ), можно будетъ поднять дневную порцію муки на человѣка съ 200 граммовъ до 300 (нѣкоторые высчитываютъ даже до 350), вообще, благодаря совокупности принятыхъ мѣръ, будетъ недоставать, какъ разсчитываютъ осторожные статистики, уже только 10% продовольственныхъ средствъ, а не 25%, какъ въ первый годъ.

Остается указать еще, что во всей исторіи государственнаго попеченія объ организаціи земледѣлія противники таможенныхъ пошлинъ видятъ лучшее свидѣтельство банкротства системы аграрнаго протекціонизма. Намъ всегда говорили, пишутъ они, что таможенныя пошлины на хлѣбъ необходимы для максимальнаго развитія отечественнаго сельскохозяйственнаго производства. Но пришла война, и оказалось, что у насъ праздно лежатъ невоздѣланныя пространства, превышающія въ общемъ цѣлую провинцію, что урожайность и техническое совершенство хозяйства не стоятъ во многихъ предпріятіяхъ на должной и возможной высотѣ, словомъ, что пошлины на хлѣбъ оказались такой же преміей за отсталость и невниманіе къ интересамъ общественнаго цѣлаго, какою являются часто пошлины индустріальныя. Отъ взятія изморомъ Германію спасли не таможенныя пошлины на хлѣбъ, а муниципальная организація потребленія, обезпеченія предпріятій средствами производства и отчасти самаго производства. Но развивать государственно-муниципальную организацію земледѣлія и обмѣна его продуктами съ успѣхомъ можно и безъ таможенныхъ пошлинъ, и потому сохраненіе ихъ не можетъ имѣть оправданіемъ доводы относительно національной безопасности.

М. Лурье.

Стокгольмъ.



ЛИТЕРАТУРА И МИЛИТАРИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ.

I.

Война не только вызвала на свѣтъ сотни новыхъ книгъ, но напомнила и о старыхъ, подчасъ настолько уже успѣвшихъ улетучиться изъ памяти современниковъ, что даже заглавія ихъ кажутся намъ новыми и чуждыми. Объ одной изъ такихъ книгъ напомнилъ намъ Бернардъ Шоу, бросившій въ лицо Англіи свой поразительный «Здравый смыслъ о войнѣ». Въ этомъ памфлетѣ, напечатанномъ какъ приложеніе къ «The New Statesman», Бернардъ Шоу спрашиваетъ, что̀ такое этотъ милитаризмъ, противъ котораго борется Англія? Милитаризмъ,—отвѣчаетъ Шоу,—это вѣра въ то, будто единственная настоящая сила, это—сила убивать и что провидѣніе всегда на сторонѣ большихъ батальоновъ. Сдѣлавъ это опредѣленіе, онъ старается доказать, что Англія тоже имѣла и имѣетъ своихъ милитаристовъ и, между прочимъ, напоминаетъ, что 44 или 45 лѣтъ тому назадъ въ Англіи появилась брошюра—«The Battle of Dorking» (битва при Доркингѣ), имѣвшая ту же цѣль и вызванная тѣмъ же настроеніемъ, какъ и сочиненіе генерала Фридриха фонъ-Бернгарди.

И вотъ, благодаря напоминанію Шоу, сочиненіе, вызвавшее въ свое время очень большой, всеевропейскій интересъ, а потомъ быстро впавшее въ забвеніе, вновь привлекло къ себѣ вниманіе читателя и сдѣлалось темою множества газетныхъ статей. «Битва при Доркингѣ», какъ и многія другія, ярко иллюстрирующія одну изъ составныхъ мыслей Бернарда Шоу, преимущественно должны быть интересны и для русскаго читателя съ точки зрѣнія болѣе правильныхъ сужденій вообще о причинахъ войнъ, которыя во многихъ случаяхъ вызываются извѣстными психическими настроеніями или, по крайней мѣрѣ, значительно подкрѣпляются ими.

Оставляя совершенно въ сторонѣ русско-германскую и франко-германскую стороны теперешней войны и останавливаясь только на англо-германской ея сторонѣ, нужно будетъ признать, что нѣкоторую долю вины за нее несутъ тѣ писатели и политическіе дѣятели, кото-

рые долгими годами ревностно подготовляли къ мысли о «неизбѣжности» и «необходимости» разрыва между ними. Въ современной психологіи хорошо извѣстенъ фактъ обратнаго воздѣйствія: не только извѣстное настроеніе души вызываетъ соотвѣтствующее расположеніе мускуловъ, но и движеніе мускуловъ вызываетъ соотвѣтствующее ему душевное состояніе. Такъ, радостное настроеніе сопровождается улыбкой не меньше, чѣмъ улыбка радостнымъ настроеніемъ. Искусственной улыбкой, сознательнымъ растягиваніемъ губъ можно изгнать гложущую насъ печаль, какъ и искусственнымъ воемъ и плачемъ мы можемъ нагнать на себя меланхолію. Когда въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ народу долбятъ о томъ, что ему грозитъ опасность отъ другого народа, и на основаніи этого изъ года въ годъ растутъ вооруженія, то мысль о неизбѣжности войны дѣлается навязчивой, превращается въ неискоренимое убѣжденіе и, наконецъ, пушки «сами начинаютъ стрѣлять», хотя бы такой конецъ шелъ даже въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, съ матеріальными, духовными и національными интересами народовъ. Мы не станемъ разслѣдовать, что̀ именно руководило лицами, усердно сѣявшими въ прошломъ смуту въ умахъ. Вѣроятно, были и такіе, которые глубоко вѣрили въ ими самими создаваемые призраки и вели свою опасную пропаганду вполнѣ искренно. Мы знаемъ, кто были главные выразители милитаризма въ Германіи. Кто теперь не слышалъ о Трейчке, Бернгарди, Мартинѣ и многихъ другихъ систематически возбуждавшихъ вражду и ненависть ко всѣмъ окружающимъ Германію народамъ. Среди очень отличныхъ отъ нихъ англійскихъ милитаристовъ попадались, однако, люди очень большого таланта и выдающагося общественнаго положенія,

II.

Объ одномъ изъ нихъ, какъ мы уже сказали, напомнилъ намъ Бернардъ Шоу. «Битва при Доркингѣ» — это небольшой разсказъ, напечатанный анонимно въ майской книжкѣ «Блеквудъ Магазинъ» за 1871 г. и, затѣмъ, вышедшій въ томъ же году отдѣльнымъ изданіемъ. Какъ потомъ оказалось, разсказъ былъ написанъ выдающимся офицеромъ, который одно время служилъ въ Индіи, а потомъ былъ директоромъ королевской военно-инженерной коллегіи, — сэромъ Джорджемъ Чеснеемъ, умершимъ въ 1895 г. въ чинѣ генерала. «Битва при Доркингѣ», строго говоря, только и состоитъ изъ описанія битвы. Вся фабула заключается въ томъ, что совершенно неподготовленная Англія была захвачена врасплохъ. Была объявлена война, при чемъ изъ разсказа не видно, кто именно объявилъ войну: Англія или ея противникъ. Черезъ недѣли двѣ послѣ объявленія

войны непріятель уже успѣлъ потопить весь англійскій флотъ и высадить огромную армію на англійскій берегъ. Армія эта двинулась къ Лондону; на пути, въ Доркингѣ, у цѣпи горъ, идущей параллельно южному берегу, она встрѣтила англійское войско, которое она быстро опрокинула и преслѣдовала до самаго Лондона. Вотъ и вся фабула. Разсказъ ведется отъ имени участника этой битвы, вспоминающаго будто то, что̀ происходило 50 лѣтъ назадъ.

Благодаря большому дарованію автора, эта простая, столь, казалось бы, лишенная беллетристическаго содержанія фабула производитъ и теперь на читателя чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Изображеніе похода и подробностей сраженія сдѣлано дотого ярко, что вы совершенно забываете, что читаете выдумку, а послѣдняя сцена, въ которой описывается хозяйничанье побѣдителей въ одномъ изъ домовъ окраины Лондона, куда забрелъ раненый авторъ, потрясаетъ своимъ драматизмомъ.

На всемъ протяженіи разсказа вовсе не упоминается національности непріятеля. Лишь въ концѣ разсказа приводится нѣсколько нѣмецкихъ фразъ, сказанныхъ офицерами изъ непріятельской арміи, и это, конечно, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ «Битвы» имѣлъ въ виду нѣмцевъ, какъ побѣдителей, и этого было также довольно, чтобы, напримѣръ, французскій переводчикъ вездѣ уже вмѣсто «непріятеля» говорилъ о «пруссакахъ».

«Битва при Доркингѣ» въ свое время имѣла очень шумный успѣхъ. Она была переведена, кромѣ французскаго, еще на нѣмецкій, голландскій, итальянскій и др. европейскіе языки, и вызвала въ самой Англіи и другихъ странахъ подражанія, рядъ полемическихъ статей и брошюръ. Трудно объяснить успѣхъ разсказа за границей, если не принять во вниманіе тогдашняго состоянія умовъ, сейчасъ же послѣ паденія Наполеона III и быстраго сокрушенія германцами Франціи, считавшейся до тѣхъ поръ могущественной имперіей. Но въ самой Англіи успѣхъ разсказа Чеснея вполнѣ понятенъ даже помимо его литературныхъ достоинствъ. Это именно одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, которые разсчитаны, главнымъ образомъ, на чувства читателя. Разсказъ возбуждалъ въ немъ чувства страха передъ возможностью непріятельскаго нашествія и покоренія Англіи. Чтобы сдѣлать нашествіе возможнымъ, авторъ беретъ такой моментъ, когда Англія не только не была подготовлена, но и переживала разныя невзгоды. Въ Индіи происходилъ мятежъ, съ Америкой были большіе нелады, и Англія должна была содержать армію въ Канадѣ. Въ Ирландіи феніанское движеніе грозило нападеніемъ со стороны ирландцевъ изъ Америки. И, что̀ еще хуже, флотъ былъ разсѣянъ по разнымъ кон-

цамъ свѣта, оставивъ берега Англіи почти на произволъ врага; объ арміи же въ самой Англіи и говорить не стоило. Она состояла всего изъ какихъ-то 5.000 человѣкъ, да и то многіе изъ нихъ были въ отпуску. Правда, въ виду грозившаго столкновенія, парламентъ разрѣшилъ вербовку новыхъ 50.000 человѣкъ, да жеребьевку въ милицію лишнихъ 55.500 человѣкъ. При этомъ, упоминая эту послѣднюю цифру, авторъ прибавляетъ: «не знаю, отчего не опредѣлили болѣе круглой цифры, но первый министръ сказалъ, что это—точное количество солдатъ, которое нужно для приведенія защиты страны въ совершенный порядокъ».

Нечего говорить, что, вступивъ въ войну при такихъ условіяхъ, Англія была побита не хуже Франціи, и авторъ, заканчивая свое описаніе разгрома, пережитаго Англіей и повлекшаго за собою полный упадокъ ея торговаго и колоніальнаго значенія, дѣлаетъ слѣдующее предостерегающее заключеніе:

«Въ концѣ концовъ наиболѣе горькая часть нашихъ размышленій состоитъ въ томъ, что вѣдь все это бѣдствіе и упадокъ было такъ легко предотвратить и что мы сами, своей близорукой безпечностью, навлекли ихъ на себя. Тутъ передъ нами, по ту сторону пролива, были написаны на стѣнѣ роковыя слова, но мы не хотѣли ихъ читать. Предостереженія нѣкоторыхъ тонули въ голосахъ многихъ. Власть изъ рукъ класса, привыкшаго къ управленію страной, къ встрѣчѣ политическихъ опасностей, изъ рукъ класса, выведшаго націю съ честью изъ прежнихъ затрудненій, начала переходить въ руки низшихъ классовъ, необразованныхъ, не подготовленныхъ къ должному использованію политическихъ правъ и управляемыхъ демагогіей; а тѣ немногіе, которые для своего поколѣнія могли считаться мудрецами, объявлялись алармистами или аристократами, ищущими лишь собственной пользы, когда они требуютъ лишнихъ расходовъ на вооруженіе. Богатые утопали въ праздности и роскоши, а бѣдные жалѣли денегъ на защиту страны. Политика обратилась въ погоню за голосами радикаловъ, и тѣ, которые должны бы были руководить народомъ, унижались до угодничества передъ господствовавшимъ эгоизмомъ. Подъ видомъ защиты свободы они поддерживали нападки на всѣхъ, кто предлагалъ установить обязательную повинность для защиты страны. Воистину нація созрѣла для упадка. Но когда подумаю, какъ мало требовалось твердости и самоотверженія, политическаго мужества и предусмотрительности, чтобы предохранить насъ отъ катастрофы, то чувствую, что наказаніе было дѣйствительно заслужено нами. Народъ, который былъ слишкомъ эгоистиченъ, чтобы защищать свою свободу, не былъ годенъ для сохраненія ея. Для васъ, внуки мои, отправляющіеся искать новаго

очага въ болѣе процвѣтающей странѣ, да послужитъ мой разсказъ урокомъ. Я самъ уже слишкомъ старъ, чтобы начать жизнь въ новой странѣ. И какъ ни тяжело и скверно было мое прошлое, мнѣ остается уже недолго ждать въ одиночествѣ времени, когда мои старыя кости лягутъ на отдыхъ въ землѣ, которую я такъ любилъ и честь и счастье которой я столько лѣтъ пережилъ».

Вотъ, какія требованія объ усиленіи вооруженій и даже о введеніи обязательной воинской повинности дѣлались въ Англіи въ той или другой формѣ еще 45 лѣтъ назадъ.

III.

Примѣръ Чеснея вызвалъ потомъ множество подражаній, останавливаться на которыхъ было бы безцѣльно. Большинство изъ нихъ никакихъ милитарныхъ цѣлей не преслѣдовали, а имѣли задачей чисто беллетристическія, но лишенныя художественнаго значенія, канули въ вѣчность, не оставивъ по себѣ никакого слѣда въ памяти читателя. Однако, двумъ-тремъ произведеніямъ удалось приковать къ себѣ вниманіе, какъ къ сочиненіямъ, призывавшимъ къ усиленію вооруженій и къ широкой военной подготовкѣ населенія на случай вторженія непріятельскаго дессантнаго войска. Это были «Великая война въ Англіи въ 1897 г.» Вильяма Лекью (Le Queux), изд. въ 1894 г., его-же «Нашествіе 1910 г.», вышедшее въ 1906 г. и, наконецъ, драма «Домъ англичанина», имѣвшая огромный успѣхъ на подмосткахъ лондонскихъ театровъ въ 1909 г. и написанная офицеромъ. Правда, сочиненія Лекью далеко не создали вокругъ себя того шума, какого удостоилась «Битва при Доркингѣ». Въ нихъ не было той простоты, искренности и поразительной сжатости, какими отличается разсказъ Чеснея. Лекью больше бьетъ на сенсаціонность, старается приноравливаться къ хорошо уже извѣстнымъ вкусамъ англійскаго читателя, любящаго романъ съ благополучнымъ концомъ, съ торжествомъ англійской мощи, англійской славы и пр. Но все-таки и у сочиненій Лекью есть много читателей и его милитарные романы должны были значительно повліять на распространеніе идеи объ угрозѣ нашествія—съ какой бы то ни было стороны. Въ «Великой войнѣ 1897 г.» предполагавшимися завоевателями, ворвавшимися въ Англію, были французы, а въ «Нашествіи 1910 г.» это были нѣмцы.

Въ предисловіи къ отдѣльному изданію «Великой войны», печатавшейся раньше въ еженедѣльномъ журналѣ «Answers», Лекью говоритъ о цѣли, которую онъ преслѣдовалъ своимъ романомъ:

«Если, — писалъ онъ, — многіе читатели несомнѣнно посмотрятъ на эту книгу, главнымъ образомъ, какъ на волнующій романъ, то, съ другой стороны, надѣюсь, что не малое число ихъ проникнется важностью урока, скрывающагося подъ нимъ, потому что французы смѣются надъ нами, русскіе думаютъ, что могутъ подражать намъ и день разсчета ежечасно надвигается».

«Россія и Франція, обѣ едва выдерживая тяжесть ихъ гигантскихъ армій,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же предисловія,—напрягаютъ теперь каждый нервъ для расширенія своихъ морскихъ силъ, готовясь къ быстрому нападенію на наши берега. На этотъ тревожный фактъ мы упорно не обращаемъ вниманія и притворяемся, будто эти франко-московитскія приготовленія только комичны для насъ. Такимъ образомъ, война со всѣми сопровождающими ее ужасами неизбѣжна, и театромъ войны будутъ прелестныя зеленыя поля Англіи, если у насъ не окажется достаточно сильнаго флота».

Но, конечно, Англія во всякомъ случаѣ выйдетъ побѣдительницей. Иначе романъ кончился бы слишкомъ мрачно и въ разрѣзъ со вкусомъ читателя. Согласно хорошо извѣстному въ Англіи беллетристическому рецепту, по которому сильно нагнанный страхъ долженъ быть въ большихъ дозахъ смѣшанъ съ удовлетвореніемъ національной гордости, «Великая война» начинается чуть ли не съ развала британской имперіи, французы высаживаются на англійскій берегъ съ юга, Гулль взятъ, Бирмингемъ и другіе города захвачены русскими, и когда уже совсѣмъ плохо приходится англичанамъ и дѣло доходитъ до штурма Лондона и апогея британскаго разгрома, военное счастье сразу поворачивается лицомъ къ Англіи. Правда, по разсказу автора, большую помощь оказываютъ ей Германія и Италія, но все-таки достигнутая побѣда описывается какъ чисто британская. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ, посвященныхъ описанію послѣдняго побѣдоноснаго сраженія, рѣшившаго судьбы войны.

«Послѣ этихъ трехъ дней безпрестанной рѣзни и кровопролитія Англія, наконецъ, вышла побѣдительницей!

«Въ этой окончательной борьбѣ за британскую свободу вторгнувшійся въ страну непріятель былъ сокрушенъ и сломленъ. Благодаря нашимъ храбрымъ солдатамъ-гражданамъ, непріятель, который въ теченіе нѣсколькихъ недѣль опустошалъ нашу красивую страну, какъ стаи голодныхъ волковъ, безпутно сжигая наши очаги и предавая смерти невинныхъ и беззащитныхъ, наконецъ встрѣтилъ должное возмездіе, и теперь своими холодными, окоченѣвшими трупами устилаетъ наши пастбища, пахотныя поля и рощи на много миль.

«Британія, наконецъ, покорила двѣ могущественныя націи, искавшія ея паденія при помощи ловкаго заговора».

Но тотъ же Вильямъ Лекью, замѣтивъ, что сѣять страхи противъ франко-русскаго нападенія не правильно и не столь популярно, какъ указывать на нѣмецкую опасность, спустя 12 лѣтъ послѣ изданія первой книги, написалъ вторую: «Нападеніе 1910 г.» (The invasion of 1910). Въ этой книгѣ нападающими уже являются нѣмцы. По фабулѣ вторая книга почти тожественна съ первой, разница лишь въ подробностяхъ и обстановкѣ. И тутъ сначала нѣмцы побѣждаютъ, берутъ Лондонъ, разбиваютъ флотъ, но потомъ колесо фортуны поворачивается: англичане въ Лондонѣ и другихъ городахъ объединяются въ лиги защиты отечества, нѣмецкія войска уничтожаются отдѣльными частями; нѣмецкій главнокомандующій въ Лондонѣ видитъ себя и свои войска окруженными враждебными силами и ищетъ возможности для мирныхъ переговоровъ. Однако, въ книгѣ «Нападеніе» побѣда для Англіи не такъ полна, какъ въ «Большой войнѣ». Германія все же выигрываетъ, она присоединяетъ Голландію и Данію, въ то время какъ Англія остается не съ чѣмъ, безъ контрибуціи отъ нѣмцевъ и безъ новыхъ захватовъ. И этотъ недостаточно блестящій конецъ войны для Англіи, очевидно, нарочно придуманъ Лекью, чтобы имѣть право прочесть этотъ маленькій урокъ на послѣдней страницѣ своей повѣсти.

«Озираясь на эту печальную для англичанъ страницу исторіи,—разсуждаетъ авторъ,—какой-нибудь будущій Ѳукидидъ признаетъ декретъ провидѣнія не совсѣмъ не заслуженнымъ. Британскую націю предостерегали отъ опасности, а она не обращала вниманія. Она имѣла передъ собою два урока въ первые годы двадцатаго вѣка: войну въ южной Африкѣ и дальневосточную. Она видѣла, что̀ значитъ быть плохо подготовленной, и все же пожалѣла денегъ на армію и флотъ... Нація вовсе не интересовалась военнымъ дѣломъ, а потомъ, въ часъ испытанія, она же возмущалась, что защита такъ слаба. Когда же успѣхъ былъ достигнутъ, то уже было слишкомъ поздно, и безъ большой британской арміи, способной продолжить войну въ странѣ непріятеля и, такимъ образомъ, заставить его подписать удовлетворительныя для Англіи условія мира, достигнутаго успѣха использовать въ полную мѣру уже нельзя было».

Неизмѣримо большее впечатлѣніе на умы англичанъ имѣла, однако, драма «Очагъ англичанина» (An Englishman's Home), успѣхъ которой пожалуй, далеко превзошелъ и литературный успѣхъ «Битвы при Доркингѣ». Что драма имѣла задачей пропаганду военной подготовленности націи, а не исключительно театраль-

ныя цѣли, видно уже изъ того, что авторъ ея выступилъ подъ псевдонимомъ «Патріотъ», а не подъ собственнымъ именемъ Джеральда Дюморьера. Но, конечно, и безъ подчеркиванія «патріотизма» ея автора, содержаніе драмы само по себѣ достаточно ясно выдвигаетъ главную сущность ея. Въ «Очагѣ англичанина» дается лишь какъ бы версія послѣднихъ страницъ «Битвы при Доркингѣ». Драматургъ рисуетъ не сраженія въ холмахъ Доркинга и не походы, а тотъ моментъ, когда высадившаяся внезапно на англійскій берегъ непріятельская армія уже занимаетъ «очагъ англичанина» и начинаетъ въ немъ хозяйничать. И авторъ «Очага», какъ и авторъ «Битвы», не называетъ прямо непріятеля нѣмцемъ. Непріятель въ пьесѣ «Очагъ» извѣстенъ подъ именемъ «Nearlander» (сосѣдъ или точнѣе: ближне-странецъ), а страна его «Nearland» (ближняя земля). Но подобно тому, какъ въ разсказѣ Чеснея подразумѣваемая Германія выдается нѣсколькими нѣмецкими фразами, такъ и въ драмѣ Дюморьера настоящая подразумѣваемая національность выступаетъ однимъ или двумя мелкими штрихами. Во всякомъ случаѣ, публика, ходившая на представленія «Очага», была уже отлично подготовлена и знала, что въ лицѣ ближне-странныхъ офицеровъ и солдатъ она имѣетъ дѣло не съ кѣмъ-либо другимъ, какъ съ нѣмецкимъ дессантомъ.

Сила и значеніе драмы Дюморьера, ея несомнѣнная убѣдительность состояла въ томъ, что въ ней было много искренности и правды помимо цѣлей пропаганды. Желая показать англичанамъ возможные плоды ихъ безпечности и ихъ недостаточной подготовленности къ защитѣ отъ внезапнаго нападенія, авторъ для лучшаго эффекта изобразилъ ту пустоту и легкомысліе, которыя господствуютъ въ буржуазныхъ семьяхъ, привыкшихъ къ лѣни и роскоши. Вмѣсто того, чтобы думать объ интересахъ родины и проводить свои досуги въ военныхъ упражненіяхъ, принимать участіе въ волонтерной арміи, учиться стрѣлять и защищаться, почти всѣ члены изображаемой имъ семьи заняты глупыми домашними играми, разгадываніемъ ребусовъ и футбольными или лошадиными состязаніями, на которыхъ они присутствуютъ лишь какъ безполезные зрители. Благодаря этому, когда гроза разражается и непріятель дѣйствительно неожиданно оказывается въ предѣлахъ Англіи, этотъ классъ людей теряется, ничего не знаетъ, что предпринимать въ защиту своего очага, и единственнымъ спасеніемъ является его небольшая регулярная армія, для которой онъ же раньше жалѣлъ денегъ. Самъ глава изображаемой семьи можетъ только гордо говорить о неприкосновенности его собственности и его личности, не умѣя защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и

хотя съ большимъ достоинствомъ, какъ подобаетъ гордому англичанину, но долженъ умереть отъ разстрѣла, направленнаго на него «ближне-странцами».

Таковы наиболѣе выдающіяся сочиненія изящной литературы въ Англіи, ставившія себѣ задачей не столько цѣли искусства, сколько обращеніе читателя въ человѣка, вѣрующаго въ опасности, въ угрозы извнѣ, въ необходимость быть наготовѣ.

Кромѣ этихъ повѣстей и драмъ, были, конечно, и другія, которыя смутно навѣвали на читателя мысли о неизбѣжности конфликта съ Германіей или другими государствами. Таковымъ, напримѣръ, былъ знаменитый романъ Уэльса «Война въ воздухѣ». Если читатель помнитъ, газетные плакаты, предвѣщавшіе «войну въ воздухѣ», совершенно не упоминаютъ Франціи, Россіи или другой страны, кромѣ Германіи, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ, Берлина и нѣмцевъ. Но каждому, познакомившемуся съ романомъ Уэльса, ясно, что въ немъ дѣло идетъ не о возбужденіи шовинизма, а скорѣе о безцѣльности и безуміи войнъ вообще. Вся мораль романа какъ бы резюмируется на послѣдней страницѣ его, въ нѣсколькихъ словахъ стараго Тома Смолвея, который на замѣчаніе мальчика, что пора бы было кончить войну, отвѣчаетъ: «Да ее и начинать не слѣдовало бы. Но люди были горды. Все имъ было ни по чемъ, всѣ они были переполнены спеси и тщеславія. Пожирали много мяса и много пили. Уступать—никогда! А послѣ уже никто уступокъ не просилъ. Никто, никто»... «Какъ хотите, но ее никогда и не слѣдовало начинать».

IV.

Публицистика англійская не только не отстала отъ беллетристики, но, какъ и можно было ожидать, значительно обогнала ее въ своемъ усердіи возбуждать международныя подозрѣнія и опасенія. Какъ на примѣрѣ, мы опять остановимся лишь на наиболѣе извѣстныхъ представителяхъ этого направленія.

Быть можетъ, наиболѣе типичнымъ изъ нихъ слѣдуетъ считать такъ называемаго соціалиста Роберта Блетчфорда. Этотъ очень талантливый журналистъ, бывшій солдатъ англійской арміи, въ 1909 г. напечаталъ рядъ статей въ самой шовинистической и безпринципной газеткѣ Англіи, въ лондонской «Ежедневной Почтѣ» («Daily Mail»), призывая къ усиленію вооруженій и къ введенію обязательной воинской повинности въ Англіи, при чемъ вполнѣ увѣренно говорилъ о германской угрозѣ. «Германцы,—писалъ онъ

23 дек. 1909 г.,—не намѣрены предупреждать о нападеніи. Они собираются атаковать внезапно. Раньше, чѣмъ будетъ посланъ ими ультиматумъ, они собираются сдѣлать то, что японцы сдѣлали въ Чемульпо и Портъ-Артурѣ, но еще въ болѣе обширныхъ размѣрахъ».

«Имперія въ опасности, а народъ этому не вѣритъ,—писалъ онъ въ томъ же «Daily Mail».—Его научили думать, что нѣмецкая угроза лишь пустое запугиванье вторженіемъ въ Англію, и онъ увѣренъ, что флотъ достаточно охраняетъ страну.

«Но вторженіе еще не самая великая опасность. Есть болѣе важная опасность», и это—захватъ всѣхъ англійскихъ колоній и превращеніе самой Великобританіи въ германскую колонію.

«Германія передаетъ свои судьбы въ руки воиновъ, мы оставляемъ ихъ въ рукахъ политическихъ дѣятелей. Германія дѣйствуетъ; мы говоримъ. Слова ничего не значатъ въ дѣлѣ крови и желѣза. Вооружись или сдавайся. Борись за имперію или теряй ее. Вотъ выборъ. Средняго пути для насъ нѣтъ».

Онъ выставилъ тогда же слѣдующія шесть требованій для спасенія Англіи отъ Германіи:

1. Немедленное вотированіе 50 милліоновъ фунт. стерл. для флота.

2. Немедленное принятіе закона объ обязательной воинской службѣ.

3. Принятіе закона (Блетчфордъ не указываетъ, можно ли подождать или тоже немедленно) объ элементарной военной подготовкѣ для всѣхъ школьниковъ старше десяти лѣтъ.

4. Немедленное учрежденіе генеральныхъ штабовъ для арміи и флота.

5. Большое увеличеніе ассигновокъ для развѣдочной (военнаго шпіонства) службы.

6. Оффиціальный призывъ ко всѣмъ хозяевамъ брать на службу преимущественно британцевъ, вмѣсто иностранцевъ.

Таковы были заповѣди Блетчфорда, заповѣди, которыя, къ счастью Англіи, были не совсѣмъ приняты во вниманіе и, какъ показалъ теперешній опытъ, Англія обходится безъ обязательной воинской повинности.

Но Блетчфордъ явился лишь наиболѣе популярнымъ истолкователемъ рѣчей и писаній другихъ англичанъ, болѣе авторитетныхъ и болѣе глубокихъ. Онъ, очевидно, хорошо ознакомился, напримѣръ, съ книгой «Будущій миръ англо-саксонцевъ» майора Стюарта Маррея, вышедшей въ 1905 г. и легшей какъ бы въ основу его статей въ «Clarion» и «Daily Mail».

Маррей вообще смотритъ на войну, какъ на вещь нормальную,

и вмѣстѣ съ Клаузевицемъ считаетъ ее лишь продолженіемъ политики. Миръ—это только временное затишье, лишь отдыхъ отъ военныхъ бурь, которыя составляютъ собою болѣе естественныя явленія, чѣмъ очень продолжительный миръ. На свѣтѣ все управляется силой, все—продуктъ силы, и самый миръ возможенъ лишь при обладаніи огромной силой. Нужно, поэтому, постоянно быть во всеоружіи, нужно всегда готовиться къ войнамъ, которыя неизбѣжны. «Миръ долженъ быть разсматриваемъ, какъ періодъ отдыха послѣ послѣдней войны и какъ періодъ приготовленій къ слѣдующей».

Маррей не вѣритъ въ международные договоры и говоритъ о нихъ съ тѣмъ-же презрѣніемъ, какъ и нынѣшній германскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ. «Въ нашей странѣ,—пишетъ этотъ англичанинъ въ вышеназванной своей книгѣ,—многіе, которымъ слѣдовало бы лучше знать дѣло, болтаютъ (prate) о международномъ правѣ, точно это была осязаемая сила, которая можетъ насъ охранять, если мы сами не будемъ охранять себя. Это все—идеалисты теоріи, вьющіе веревки изъ песку. Нельзя говорить болѣе ясно, что международное право охраняетъ только сильныхъ, и единственные законы, признаваемые великими державами, это—сила и удобство. Единственные вопросы, которые себѣ задаютъ практическіе государственные люди за границей, это: «Есть ли у насъ возможность сдѣлать то или другое?», а если да, то «удобно ли?»...

«Международные трактаты считаются обязательными лишь до тѣхъ поръ, пока взаимные интересы договаривающихся державъ остаются прежніе и пока возможно силою заставить эти державы исполнять взятыя на себя обязательства».

Не вѣря въ честность и слово народовъ, Маррей, само собою разумѣется, предвидитъ возможность внезапныхъ нападеній на Англію даже въ самое мирное время. Развѣ сама Англія,—говоритъ онъ,—не захватила въ 1807 г. датскій флотъ, не бомбардировала столицу дружественной страны и не забрала всю ея аммуницію, находясь съ нею въ полномъ мирѣ и не объявляя ей предварительно никакой войны?

Признавъ войны естественнымъ занятіемъ народовъ, онъ совѣтуетъ Англіи готовиться не только противъ Германіи, но и противъ Россіи и даже противъ Франціи. Никому, вѣдь, вѣрить нельзя. И если есть пангерманизмъ, которому слѣдуетъ противопоставить англо-саксонство, то также имѣются и панславянство, и панлатинизмъ, и «желтая опасность», которые тоже могутъ «внезапно нападать» и разными другими военными хитростями поражать недостаточно осторожную Англію.

Книга Маррея «Будущій миръ» сопровождалась коротенькимъ предисловіемъ лорда Робертса, недавно умершаго фельдмаршала Англіи. Но лордъ Робертсъ, какъ и извѣстный писатель по военной исторіи и международной политикѣ Спенсеръ Вилькинсонъ, нынѣ профессоръ въ Оксфордѣ, принадлежатъ къ типу болѣе, такъ сказать, гражданскаго милитаризма. Лордъ Робертсъ и Вилькинсонъ широко агитировали въ пользу лучшаго вооруженія народа; но ни тотъ, ни другой особенно не выдвигали Германіи, какъ будущаго противника на полѣ брани. Наоборотъ, было время, когда Спенсеръ Вилькинсонъ даже полагалъ, что наиболѣе естественнымъ союзникомъ Англіи является не кто иной, какъ Германія (см. его «The Nations's Awakening», 1896, стр. 125—128). Но и генералъ Робертсъ, и Вилькинсонъ настаивали, чтобы англійскій народъ былъ «готовъ» на всякій случай и что интересы Англіи требуютъ вмѣшательства ея въ континентальную политику Европы.

Главная мысль лорда Робертса, которую онъ съ поразительной для его возраста энергіей распространялъ за послѣднія десять лѣтъ на публичныхъ митингахъ и въ разныхъ собраніяхъ, состояла въ томъ, что необходимо ввести обязательную для всѣхъ военную подготовку. Онъ былъ противъ созданія и содержанія большихъ регулярныхъ армій, а предлагалъ вооружить, точнѣе сказать, приспособить къ ношенію оружія весь народъ.

«Говорятъ, что всеобщее обученіе военному дѣлу должно привести къ милитаризму и войнѣ,—заявилъ онъ въ рѣчи, произнесенной въ Ньюкэстлѣ 7 декабря 1905 г. Но мнѣ хотѣлось бы убѣдить васъ въ томъ, что результаты были бы какъ разъ противоположными. Нѣтъ болѣе вѣрнаго залога мира, какъ готовность къ войнѣ, и если бы каждый на нашемъ островѣ былъ готовъ выступить въ роли сильнаго и вооруженнаго человѣка, то миръ его родины былъ бы обезпеченъ».

Самъ лордъ Робертсъ не разъ высказывался въ томъ смыслѣ, что причинами войнъ служатъ не видимыя для всѣхъ пружины, а скрытыя, слѣпыя, стихійныя силы, экономическія, соціальныя, которыя трудно, даже невозможно контролировать. Но вотъ, какъ ясно мы всѣ теперь, конечно, видимъ, что на самомъ дѣлѣ совсѣмъ невѣрно, будто постоянныя и усиленныя вооруженія служатъ дѣлу мира.

С. И. Рапопортъ.

ПАТЕРЪ ЛУИСЪ КОЛОМА.

Одиннадцатаго іюня с. г. въ монастырѣ «отцовъ іезуитовъ», что на улицѣ Фердинанда Католическаго въ Мадридѣ, умеръ на 64 году монахъ-іезуитъ, патеръ Луисъ Колома (Luis Coloma), одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ, популярныхъ и даровитыхъ романистовъ испанской литературы, столь богатой крупными романистами.

Зола какъ-то разъ сказалъ, что испанская беллетристика занимаетъ третье мѣсто въ міровой литературѣ послѣ французской и русской. Зола вынесъ свое сужденіе о цѣнности испанской литературы, собственно говоря, на основаніи довольно поверхностнаго знанія ея. Онъ и русскую литературу зналъ только по двумъ-тремъ ея представителямъ, правда, самымъ великимъ, при чемъ онъ зналъ Достоевскаго больше по наслышкѣ, по отрывкамъ. И если бы въ настоящее время, при близкомъ, углубленномъ знакомствѣ съ тремя вышеназванными литературами пришлось бы вынести сужденіе объ ихъ сравнительной цѣнности — что само по себѣ довольно безплодно,— пришлось бы, пожалуй, дать другой отвѣтъ. Въ настоящее время ни русская, ни французская литература не стоятъ на той высотѣ, которую онѣ занимали въ концѣ прошлаго вѣка. Въ Россіи, какъ и во Франціи, «большая литература» принадлежитъ отчасти уже исторіи. Мы вошли въ полосу традицій и — эпигоновъ; въ Испаніи же еще не прошелъ вѣкъ творчества.

Всѣ тѣ мастера, которыми гордится испанская литература, которые дали ей право гражданства въ міровой литературѣ, еще живутъ, работаютъ и творятъ. Живъ еще Бенито Пересъ Гальдосъ, жива еще донья Эмилія Пардо-Басанъ, живы Бласко Ибаньесъ, Піо Бароха, Вальдесъ и др. Но главная суть не въ этомъ. Мы въ Россіи, а отчасти и во Франціи, не оттого только вступили въ полосу эпигоновъ, что замолкли, сошли въ могилу истинные художники-творцы, но больше еще оттого, что литература, какъ таковая, какъ художественное воспроизведеніе жизни, перестала играть первенствующую роль: не нею живетъ интеллигенція, и она перестала быть учительницей жизни. Значеніе Тургенева, Толстого, Достоевскаго, а также Зола, Флобера, Бальзака и Гонкуровъ было не только чисто-художественное, аристократическое, а также общественное, идейное. Толстой и Достоевскій были не только «artifices maximi», но и «magistri vitae», по нимъ учились, воспитывались. Беллетристика въ Россіи часто замѣняла соціологію и философію, точно такъ же,

какъ литературная критика Бѣлинскаго, Писарева или Михайловскаго была критика мысли, общества, быта.

И до тѣхъ поръ, пока литература замѣняла въ Россіи *все*, она и была *всѣмъ*, сокровищницей народнаго интеллекта. Оттого-то, напр., въ Германіи или въ Англіи литература играетъ второстепенную роль. Тамъ люди учатся, черпаютъ знанія и идеи не изъ беллетристики, тамъ художники не являются и учителями. Можетъ быть, эта преобладающая роль литературы возможна только или въ отсталой странѣ или въ странѣ, пресыщенной культурой, уставшей учиться и воспринимать. Во всякомъ случаѣ можно отмѣтить любопытное, парадоксальное явленіе: чѣмъ общая культурность страны сильнѣе, шире, тѣмъ меньшую роль играетъ въ ней литература. Интеллектъ какъ бы одолѣваетъ творческую фантазію.

Несмотря на старинную, богатую умственную жизнь, на ея великія традиціи, Испанія еще въ хвостѣ Европы. Она—трагическая страна. «Испанія», говоритъ Фулье въ своей «Психологіи народовъ Европы», «наглядный примѣръ народнаго самоубійства, надъ которымъ должны постоянно задумываться всѣ прочіе народы Европы». Еще безнадежнѣе, мрачнѣе смотрятъ на свою страну, на ея прошлое, настоящее и будущее сами испанцы. Самобичеваніе испанскаго интеллигента, въ родѣ знаменитаго Паскаля Ганивета, воистину полно трагизма. Ибо къ внѣшнимъ злоключеніямъ страны — къ ея утратѣ былого величія и значенія среди народовъ, ея обнищанія, ея изолированности, неустойчивости ея соціальнаго устройства, прибавляется внутренняя неустойчивость души, колебаніе между мрачнымъ мистицизмомъ и горячей чувствительностью, между ироніей, скептицизмомъ и необузданной фантазіей, однимъ словомъ — донкихотство націи. И испанская интеллигенція ищетъ путей къ возрожденію. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся испанскихъ писателей Мигуэль Унамона, ректоръ саламанкскаго университета, писалъ въ 1899 г. (въ «Vida Nueva»): «Испанія, рыцарская Испанія должна возродиться, подобно Донъ-Кихоту, въ вѣчномъ рыцарѣ Алонзо Добромъ, въ испанскомъ народѣ, который живетъ *подъ* исторіей... Испанская нація, раздавленная и надломленная, должна лечиться, лечиться, какъ ея герой, для того, чтобы умереть. Да, для того, чтобы умереть какъ нація и жить какъ народъ»... Такое сумеречное настроеніе создаетъ глубокій, мучительный самоанализъ, изощряетъ глазъ, слухъ, нервы, создаетъ искусство. Великая литература есть великая исповѣдь. Она замираетъ и чахнетъ, когда исповѣдь кончилась и начинаются будни самодовольства. Оттого мы и въ Россіи замѣчаемъ упадокъ литературы. Мы выходимъ изъ исповѣдальни, мы входимъ въ будни...

* * *

Имена такъ называемыхъ грандовъ новой испанской литературы достаточно извѣстны во всемъ мірѣ. Всякій читатель въ Россіи знакомъ съ романами Ибаньеса, Бароха, отчасти и Гальдоса и Пардо Басанъ. Однако, этими именами далеко не исчерпывается литературное богатство Испаніи. Болѣе того, всѣ названные писатели приблизительно одного и того же направленія, одной окраски. За исключеніемъ развѣ Пардо-Басанъ, всѣ испанскіе писатели, пользующіеся обще-европейской извѣстностью, принадлежатъ къ типу писателей-борцовъ, новаторовъ. Гальдосъ и Ибаньесъ—республиканцы и антиклерикалы. Романы и драмы Гальдоса — протестъ противъ черной Испаніи монаховъ и клира, противъ мертвой Испаніи. Знаменитые романы Гальдоса «Донья Перфекта», «Анхель Герра», его драма «Электра», въ сущности, относятся къ разряду протестующей литературы. Жизнь тамъ нѣсколько упрощена. Въ романѣ «Doña Perfecta» на сторонѣ либераловъ одна добродѣтель, на сторонѣ клерикаловъ всѣ смертные грѣхи. Насколько герой романа, либералъ-инженеръ Донъ Пепе прекрасенъ; настолько его врагъ и антиподъ, іезуитъ донъ-Пелитенсіаріо хитеръ, низокъ, жалокъ. И «зло» побѣждаетъ въ Испаніи. Это мораль Гальдоса. Оттого, говоритъ онъ, все такъ бѣдно и уныло въ этой, столь богато одаренной странѣ. Гальдосъ безъ сомнѣнія великій романистъ, можетъ быть, послѣ Бальзака, самый крупный и плодовитый, самый занимательный разсказчикъ европейской литературы. Такой же блестящій, интересный, захватывающій разсказчикъ Ибаньесъ; менѣе интересны, какъ фабулисты, Паласіо Вальдесъ, Піо Бароха или блестящій стилистъ Рамонъ де-Ванье-Инкланъ.

Однако, по-моему, самый сильный повѣствователь испанской литературы, мастеръ рѣзкихъ контуровъ и яркой характеристики, разсказчикъ по натурѣ, талантъ котораго пробивается сквозь мораль и тенденціи—это сравнительно мало извѣстный за предѣлами Испаніи, іезуитъ патеръ Луисъ Колома.

Онъ, собственно говоря, «homo unius libri», авторъ *одного* романа: «Мелочи». Всѣ остальные его труды носятъ историческій характеръ. За исключеніемъ своего вышеназваннаго большого романа, онъ выпустилъ еще сборникъ назидательныхъ, душеспасительныхъ разсказовъ, отъ которыхъ, несмотря на талантливость изложенія и мѣткость наблюденія, все-таки несетъ ладономъ. Но этотъ единственный его романъ сразу поднялъ его высоко, создалъ ему прочное положеніе въ испанской литературѣ, поставилъ его въ ряды первоклассныхъ представителей европейской литературы.

Внѣшній видъ книги не располагаетъ въ ея пользу, даже отпугиваетъ читателя, стоящаго вдали отъ іезуитовъ, монаховъ и т. п.

На обложкѣ написано: «Контора «Вѣстника Іисусова Сердца» въ Бильбао». Значитъ, чисто церковное, болѣе того, іезуитское издательство. Фирма, наврядъ ли способная привлечь свѣтскихъ читателей. Духовная, назидательная литература, конечно, вещь хорошая, но она не всякому по вкусу. Даже и не всякому вѣрующему испанскому католику. Какъ вообще литература съ опредѣленной тенденціей, она имѣетъ одно основное свойство—она черезчуръ знакома. Можно заранѣе, не раскрывая книги, съ математической точностью и безошибочностью предсказать, что̀ въ ней проповѣдуется. Именно, проповѣдуется, ибо этого рода литература—нѣсколько видоизмѣненная церковно-моральная проповѣдь. Даже искусство мистика-импрессіониста бельгійца Ж. К. Гюисманса или милаго итальянца Антонія Фогаццаро не спасаетъ ихъ романы отъ сравнительной тошнотворности. Религіозно-мистическіе идеалы безъ сомнѣнія очень цѣнные и важные, но они не укладываются въ форму романа, они противорѣчатъ существу искусства, недогматическаго, свободнаго, безстрастнаго.

О. Колома постарался еще усугубить это невыгодное для него первое впечатлѣніе своимъ введеніемъ. Онъ обращается къ «благочестивому и скромному читателю» и проситъ у него извиненія за то, что онъ вообще написалъ романъ, что онъ пустился въ такую опасную, опасную для спасенія души, авантюру. Но при этомъ онъ утѣшаетъ читателя: «хотя я кажусь романистомъ, я однако исключительно *миссіонеръ*, и какъ въ былыя времена монахи на любой публичной площади проповѣдывали свои рѣзкія истины всѣмъ тѣмъ, кто не желалъ итти въ храмъ, такъ и я опоясываю свои чресла и проповѣдую въ этой повѣсти ясныя и необходимыя истины въ соотвѣтствующей формѣ»... Все это введеніе написано такимъ слащавымъ, елейно-келейнымъ стилемъ, что можетъ хоть кого запутать и заставить закрыть книгу на первой же страницѣ. Лишь заключительныя слова введенія настраиваютъ торжественно. Отпуская «благочестиваго читателя», патеръ ему говоритъ: «Да благословитъ тебя Богъ; я же—сказавши то, что̀ я сказалъ и умолчавши о многомъ, возвращаюсь въ одиночество, изъ котораго я пришелъ».

Въ этихъ словахъ чуется настроеніе монастырской ограды, въ нихъ особенное, еле уловимое кокетство. Они подзадориваютъ даже «не благочестиваго» читателя, заинтересовываютъ его. Въ первой главѣ самого романа, въ вводной главѣ, монахъ еще не успѣлъ разоблачиться. Онъ не въ рясѣ, но еще въ подрясникѣ. Авторъ описываетъ выпускной экзаменъ въ одной изъ іезуитскихъ коллегій, замѣняющихъ и по сю пору въ Испаніи гимназіи и свѣтскія учебныя заведенія. Описаніе торжественно-умилительное. Отецъ-ректоръ школы

плачетъ, прощаясь съ дѣтьми, мальчикъ - медалистъ произноситъ длиннѣйшее, мистическое стихотвореніе набожнаго поэта Аларкола, посвященное «Virgen del Recuerdo Dolorida», Матери Всескорбящей, плачутъ матери и отцы, присутствующіе на выпускномъ экзаменѣ своихъ дѣтей, цѣлуютъ, обнимаютъ своихъ «angelitos», ибо на церковно-елейномъ языкѣ всѣ дѣти «ангелочки». Только одинъ мальчикъ-медалистъ, первый ученикъ школы и всеобщій любимецъ одинокъ. Его никто не встрѣчаетъ, никто не ласкаетъ, ему не съ кѣмъ дѣлить свои дѣтскія радости, хотя онъ вовсе не сирота. Онъ просто единственный сынъ одного изъ знатнѣйшихъ грандовъ Испаніи маркиза Фернандо Вильямелонъ и Парахуельаръ и его жены доньи Франсиски де Борха Солисъ и Горбеа, графини Альборносъ, маркизы Канальяльсоръ, троекратной грандессы Испаніи, извѣстной, однако, подъ менѣе грандіознымъ именемъ Курры (сокращеніе Франсиски) Альборносъ.

Преодолѣвъ трудности введенія и воздавши дань морали и благочестію, монахъ вдругъ распоясывается, сбрасываетъ и подрясникъ, и съ изумленной быстротой превращается въ подлиннаго художника-реалиста. Исчезаетъ монахъ, появляется—Зола, но Зола-сатирикъ, съ огромнымъ юморомъ и безъ эротизма.

Передъ нами аристократическій Мадридъ семидесятыхъ годовъ, промежутка между революціей 1868 года и реставраціей Бурбоновъ 1874 г. Страница патетической, странной испанской исторіи, ирраціональной и нелогичной. Послѣ изгнанія бурбонской династіи и промежуточнаго регентства маршала Серрано испанцы призвали на тронъ сына короля Италіи Виктора-Эммануила—герцога Аостскаго Амедея. Кортесы избрали его значительнымъ большинствомъ голосовъ (191 противъ 115). Новый король имѣлъ за собой парламентъ и страну и хотѣлъ править въ строго конституціонномъ, либеральномъ духѣ. Казалось, что при такихъ условіяхъ новой династіи, смѣнившей ненавистныхъ всей странѣ Бурбоновъ съ ихъ камарильей и іезуитами, долженъ былъ быть обезпеченъ полный успѣхъ. Но противъ нея и противъ всей страны возстала испанская аристократія, реакціонная до мозга костей. Она раздѣлилась на двѣ группы—карлистовъ и альфонсистовъ. Карлисты были изчерна черные, фанатики абсолютизма и теократіи, иначе говоря, монаховластія; альфонсисты, т.-е. приверженцы Бурбоновъ, отличались въ нѣкоторыхъ несущественныхъ пунктахъ отъ карлистовъ. Они, правда, внѣшнимъ образомъ принимали конституціонный строй, но во всемъ остальномъ ихъ «чернота» не знала предѣловъ. Альфонсисты, къ которымъ принадлежалъ въ молодости, будучи еще аристократомъ-міряниномъ и донъ Луисъ Колома, представляли собою сливки испанской

аристократіи, относились свысока къ новой, савойской династіи, сторонились ея и работали въ пользу реставраціи бурбоновъ. Въ эту среду, близкую, ему знакомую, вводитъ насъ бывшій альфонсистъ, патеръ Колома...

Центръ этой заговорческой аристократіи—салонъ Курры Альборносъ. Тамъ сходятся всѣ нити «реставраторовъ», тамъ даются пароли и рѣшается планъ дѣйствій. Душой всего движенія сама Курра, хотя она въ сущности лишь орудіе въ рукахъ настоящаго главы партіи, «респектабельнаго» маркиза Бутронъ,—красящаго бороду и бьющаго свою жену,—ех-министра при бурбонской династіи и претендента на постъ премьера при реставрированной династіи. Салонъ Курры—очагъ «здоровыхъ» идей, оплотъ алтаря и трона. Но каковы же эти хранители традицій Фердинанда Католическаго и Изабеллы? Начнемъ съ мужа Курры—маркиза Вильямелонъ. «21 іюня 1842 г.», разсказываетъ авторъ, «Фердинандъ VII, влачившій за собою ноги больше изъ-за подагры, чѣмъ изъ-за преклоннаго возраста, и Марія Христіана въ полномъ блескѣ своей красоты, вынули изъ купели въ церкви Святѣйшей Троицы младенца, который былъ нареченъ: Фернандо, Христіанъ, Рабустіанъ, Карлосъ, Луисъ Гонсага, Альфонсо Свят. Троицы, Анаклетъ, Викентій. Это былъ отпрыскъ рода маркизовъ Вильямелонъ, грандовъ Испаніи. «Этотъ младенецъ съ девятью именами, послѣдній крестникъ короля Фернандо въ этой юдоли слезъ», былъ отмѣченъ матерью-природой: онъ родился съ зубами, и не только съ двумя зубами, какъ Генрихъ IV или Мирабо, но со всѣми тридцатью двумя зубами. Въ двадцать лѣтъ молодой Фернандо вступилъ въ полное владѣніе имуществомъ и титулами, опредѣлился въ военную академію и на двадцать седьмомъ году рѣшилъ завоевать себѣ безсмертіе, на подобіе его славныхъ предковъ обагрить свою благородную, дѣвственную шпагу кровью нечестивыхъ мусульманъ и отправился въ одну изъ безчисленныхъ мароканскихъ экспедицій, которой руководилъ тогда генералъ донъ Сегуно Эррера. Однако потомку Вильямелоновъ не удалось совершить безсмерныхъ дѣяній. Какъ только онъ сошелъ на берегъ Африки, вблизи мѣста, называемаго «Cabo Negro», изъ-за скалъ появились какіе-то довольно невѣжливые обитатели рифовъ и начали стрѣлять. Маркизу Фернандо не понравились эти некультурные пріемы, и онъ, отказавшись отъ славы своихъ предковъ, немедленно отретировался, спрятался глубоко-глубоко въ своей шлюпкѣ, объявился больнымъ и вернулся, какъ тріумфаторъ въ Мадридъ. Этотъ геройскій подвигъ сдѣлался скоро, благодаря разсказамъ маркиза, легендарнымъ, и Фернандито Вильямелонъ прослылъ «героемъ съ Cabo Negro».

Маркизъ женился на графинѣ Куррѣ Альборносъ, сдѣлался отцомъ двухъ дѣтей—и предался своей любимой страсти—ѣдѣ. Въ этой области онъ былъ геніаленъ, безподобенъ. А Куррита занималась—реставрированіемъ пошатнувшихся троновъ и амурами. Фернандито былъ первокласный, невозмутимый рогоносецъ. Куррита мѣняла любовниковъ, какъ перчатки. Объ этомъ говорилъ дворъ, весь Мадридъ, ея безстыдство было притчей во языцѣхъ, но до Фернандито все это не доходило. Онъ, какъ и всякій испанецъ, имѣлъ свой «pundonor», весьма щепетильную» честь, но въ области супружеской жизни онъ мало интересовался этимъ вопросомъ. Да и некогда было. Надо было ѣсть...

Въ салонѣ Курриты собиралась вся высшая знать Мадрида, все только гранды и грандессы Испаніи. Всѣ они были приблизительно типа Курры, развратные до мозга костей, бездѣльники, неучи, лицемѣры, сплетники. И всѣ—столпы трона и алтаря, всѣ «fleur de lys». Предъ нами дефилируетъ цѣлый рядъ типовъ, изъ которыхъ самые любопытные «дядя Фраскито», старый, но молодящійся испанскій грандъ, герцогъ съ цѣлымъ рядомъ именъ и титуловъ, который называетъ всѣхъ испанскихъ аристократовъ своими «племянниками», распространяя снисходительно этотъ родственный титулъ и на Наполеона III, такъ какъ онъ былъ женатъ на «племянницѣ», доньѣ Евгеніи де Теба. «Дядя Фраскито», конечно, ничего не смыслитъ въ политикѣ, его единственное занятіе—пудриться румяниться, молодиться и волочиться за молодыми дамами, правда, только платонически...

Единственные положительные типы этого общества—циникъ-аристократъ, прозванный Діогеномъ, злобно высмѣивающій всю эту гнилую аристократію, и маркиза Вильязисъ, мечтающая о «салонѣ для порядочныхъ женщинъ»...

Но изъ всей этой галлереи самый характерный типъ: Яковъ Понсе-Теллесъ, маркизъ де Сабадель, послѣдняя страсть старѣющейся, сорокапятилѣтней Курры. Яковъ Сабадель—аристократъ-радикалъ, масонъ, заговорщикъ. Онъ пороченъ до мозга костей, мотъ, развратникъ, эгоистъ и скептикъ. Послѣ побѣды демократіи въ Испаніи онъ получаетъ высокое назначеніе—постъ посланника въ Константинополѣ. Тамъ онъ, однако, вскорѣ совершаетъ на почвѣ эротики какое-то таинственное преступленіе и бѣжитъ очертя голову въ Мадридъ, порываетъ съ прежними единомышленниками, пристаетъ къ партіи Курры, дѣлается ея любовникомъ, наконецъ, выдаетъ тайны масоновъ. Партія Курры побѣждаетъ. Амедей отказывается отъ трона, наступаетъ республиканскій годъ, годъ власти Кастеляра и Сагасты, наконецъ, съ помощью испанской аристократіи возстанавливается династія

Бурбоновъ, и надъ Испаніей снова вѣетъ знамя «fleur de lys». Курра торжествуетъ. Она уже видитъ себя въ роли m-me де Ламбаль Испаніи, а друга ея старѣющагося сердца Якова въ министерскомъ креслѣ. Казалось, что всѣ грѣхи ея прощены и забыты. Да они ей и не казались грѣхами—всѣ эти «Мелочи». Но вдругъ грянулъ громъ. Масоны изъ мести убиваютъ измѣнника Якова, поднимается скандалъ, ураганъ, который сразу, однимъ ударомъ разрушаетъ всю жизненную работу Курры. Дворъ ее отвергаетъ, общество ее выталкиваетъ, сынъ ея погибаетъ въ волнахъ моря, салонъ ея пустѣетъ, она уничтожена. Гнѣвъ божій отразился надъ ней за ея грѣхи...

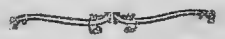
Какъ всѣ сатирики, Колома сильнѣе въ изображеніи отрицательныхъ типовъ, чѣмъ положительныхъ. Его положительные типы—маркиза Вильязисъ, правдиво, вѣрно описаны, но они неинтересны, какъ и неинтересна мораль автора. Но зато отрицательные типы великолѣпны. Портретная галлерея Коломы ничѣмъ не уступаетъ галлереѣ изъ «Vanity Fair» Теккерея.

Въ сухой, схематической передачѣ романъ покажется, вѣроятно, не особенно выдающимся, даже нѣсколько наивнымъ. Въ особенности моральный финалъ. Но надо читать этотъ романъ «мелочей», чтобы понять его огромное вліяніе, его колоссальный успѣхъ въ Испаніи (онъ вышелъ въ 1890 г., а экземпляръ, лежащій предо мной, изданный въ 1891 г., носитъ уже помѣтку: 16-ое изданіе). Знаменитая испанская писательница Эмилія Пардо-Басанъ называетъ Колому въ спеціальномъ этюдѣ, посвященномъ ему,—испанскимъ беллетристомъ, возбуждающимъ наибольшіе разговоры. Клерикалы его вѣнчали королемъ испанской беллетристики, либералы рукоплескали ему, радуясь этой мощной сатирѣ на аристократію,—успѣхъ романа, какъ увѣряетъ историкъ испанской новеллы А. Гонсалесъ-Бланко (A. Gonzales-Blanco: Historia de la Novela en España, Madrid 1909) былъ безпримѣренъ въ анналахъ испанской литературы. Это было первоклассное, прямо историческое событіе. О немъ говорили всѣ круги общества, онъ служилъ предметомъ горячихъ, страстныхъ споровъ. Онъ сдѣлалъ, наконецъ, школу. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ бытописателей-романистовъ современной Испаніи Хозе-Марія Переда, въ сущности, только ученикъ Коломы, ученикъ, не доросшій до учителя. Ибо Переда,—авторъ «La Montàlver», «Tal palo, tal astilla», «Pedro Sancher» и т. д., — въ концѣ-концовъ — моралистъ, пользующійся искусствомъ какъ орудіемъ; Колома же прежде всего художникъ. Сила Коломы въ его методѣ, въ его кисти. Этотъ вѣрный инстинктъ въ подбираніи фактовъ, какъ будто мелкихъ, но въ то же время

крайне знаменательныхъ и значительныхъ, его безстрашіе, т.-е. то, что обычно называется «реализмомъ», его тонкій слухъ, дающій ему возможность подслушать и передать самые тонкіе нюансы и переливы рѣчи, наконецъ, его сдержанный огонь, страстность моральныхъ сужденій—сближаютъ его съ Зола или даже съ Бальзакомъ. Онъ даже еще болѣе реалистиченъ, чѣмъ эти французскіе верховные жрецы реализма, ибо онъ не нагромождаетъ деталей, не увлекается мелкописью, кружевнымъ письмомъ. Его санъ спасаетъ его также отъ совершенно излишняго эротизма. И это лишь усиливаетъ интересъ и обаяніе романа. Сколько эротики вложилъ бы, напримѣръ, Зола въ описаніе отношеній Курры и ея любовниковъ! Какія тутъ были бы благодарныя темы! Но Колома проходитъ мимо этихъ искушеній. Онъ только намекаетъ, даетъ главный штрихъ, предоставляя все остальное фантазіи читателя. И въ этомъ превосходство его метода. Эротизмъ повредилъ бы реализму. Онъ былъ ненуженъ и—черезчуръ легокъ. Истинный реализмъ вовсе не есть точное описаніе физіологической жизни человѣка, а мотивовъ и обстановки. Важенъ лишь намекъ, кивокъ, важна сокращенная формула. Развить ее можетъ всякій читатель. Искусство художника—создавать новыя формулы, а не выводить старыя, всѣмъ извѣстныя.

Патеръ Колома принадлежалъ къ этому типу художниковъ-творцовъ новаго метода, и его романъ остается и по сію пору классическимъ...

А. Коральникъ.



МОСКОВСКІЙ ПОГРОМЪ.

I.

Дня за три до погрома, случайно проходя по Тверской, увидѣлъ я на улицѣ и на площадкѣ предъ памятникомъ волнующуюся толпу. Со всѣхъ сторонъ бѣжали сюда любопытные прохожіе (зрѣлище на улицѣ притягиваетъ людей, какъ магнитъ желѣзные опилки). Немедленно создалась веселая давка, толчея. Вытягивали шеи, жадно спрашивали: «Въ чемъ дѣло? Что случилось? Задавили?»

Въ общемъ гомонѣ не сразу можно было понять суть происшествія. Въ толпѣ образовалось, на подобіе водоворотовъ, много малень-

кихъ группъ и кружковъ, въ которыхъ говорили о чемъ-то съ жаромъ, гнѣвомъ, возбужденно. Солнце щедро обливало блескомъ пеструю толпу и отчетливо освѣщало раздраженныя лица, саркастическія гримасы, гнѣвныя морщины на лбу, рѣшительные взмахи рукъ.

Преобладали женщины, бѣдно одѣтыя, въ платочкахъ, исхудалыя, утомленныя. У нѣкоторыхъ были дѣти на рукахъ. Женщины эти или принимались что-то выкрикивать съ надрывомъ и болѣзненнымъ озлобленіемъ, или замолкали, поджимая губы, съ какой то угрозой на темныхъ лицахъ. Нѣкоторыя женщины утирали кончикомъ головного платка слезы и съ отчаяніемъ крутили головой.

Иногда къ той или другой группѣ подходилъ полицейскій чинъ и пробовалъ говорить успокоительныя слова. Женщины съ раздраженіемъ, почти съ воплями укора и жалобъ наскакивали на него, и чинъ, пожимая плечами, нерѣшительно отходилъ въ сторону.

Большинство публики, видимо, сочувствовало женщинамъ, и, когда веселое любопытство толпы смѣнялось нѣкоторымъ вниканіемъ въ суть дѣла, безпечныя лица начинали хмуриться, и къ женскимъ выкрикамъ присоединялся гулъ неодобренія со стороны мужчинъ.

Тамъ и сямъ въ толпѣ вылетали восклицанья:

— Да, за такія слова и погладить можно!..

— Насажали нѣмцевъ, дышать нельзя!..

— И въ Москвѣ отъ нихъ ходу нѣтъ! Какую волю взяли!..

— Вонъ куда пробрались!..

— Съ ногами влѣзли!..

— Да въ чемъ дѣло? — доносился торопливый, почти отчаянный отъ жаднаго любопытства выкрикъ какого-нибудь новаго зрителя, который напряженно слушалъ возбужденный гомонъ толпы и ничего не понималъ.

— Въ чемъ дѣло, господа? А?

— А вотъ въ томъ и дѣло,—саркастически отвѣчалъ какой-то мѣщанинъ въ картузѣ съ русой бородой на желтомъ худощавомъ лицѣ, по которому ходили угрожающія складки и морщины, — вотъ въ томъ и дѣло... Вотъ выйдетъ она къ автомобилю, тутъ ее и встрѣтить...

Онъ глядѣлъ на пустой черный автомобиль, стоявшій у подъѣзда большого дома, и всѣ, повернувшись, поглядѣли на него со странной смѣсью выраженій на лицахъ: съ мрачной угрозой, съ насмѣшкой, съ нерѣшительностью...

— А вотъ этакъ и сказала,—почти истерически выкрикивала въ сосѣдней группѣ женщина, раскрываясь и закрываясь платкомъ.— Такъ и сказала... «Убирайтесь, — говоритъ, — нѣтъ для васъ нынче работы. Манделю отдадимъ!..»

Рядомъ мужчина расцвѣчивалъ тотъ же штрихъ своими подробностями:

— Онѣ, понимаете, женщины эти, пришли къ ней... Вотъ эти женщины, видите? Съ ребятишками которыя... У всякой нужда плачетъ за спиной. Въ квартерѣ то, можетъ, жить-быть до завтра не хватитъ. Ну, вотъ и пришли онѣ за работой, за казенной работой, рубашки да кальсоны на солдатъ шьютъ. И все имъ давали эту самую работу. А нынче—хвать: эта самая надзирательница и говоритъ: «Убирайтесь, русская дрянь, къ чорту! Не будетъ вамъ больше никакой работы. Все Манделю передадимъ».

— Ага, Манделю! Нѣмцы нѣмцу!

— Въ томъ-то и дѣло! Понимаете! Женщина, которая нуждающая, прочь, а нѣмецъ получай!

— У нихъ мужья-то на войнѣ кровь проливаютъ...

— Ну, и дѣла, прости Господи!.. Какую силу забрали!..

— Это въ Москвѣ-то, на главной улицѣ дышать не даютъ!..

Толпа грозитъ, волнуется, изумляется, негодуетъ, подстрекая другъ друга восклицаньями, жестами, разными деталями событія, которыя, видимо, сочиняются здѣсь же, незамѣтно для самихъ авторовъ, въ общемъ жару возбужденія.

Мѣщанинъ въ картузѣ все больше темнѣетъ въ лицѣ, угрожающе двигая бровями и морщинами на лбу.

— И это будемъ переносить? Все будемъ терпѣть!—говоритъ онъ то въ эту сторону, то въ другую, среди тѣснаго кольца публики — Вонъ она что̀ позволила сказать: «Убирайтесь, говоритъ, рвань поганая! Ваши, говоритъ, шесть мѣсяцевъ Перемышль брали, а мы его въ два дня взяли»... А! За этакія-то слова!..

И снова гудитъ толпа, перебрасываясь восклицаніями, и разгоряченная фантазія быстро плететъ замысловатое кружево вымысла, и всѣ съ угрозой и съ мрачной нерѣшительностью посматриваютъ на пустой черный автомобиль у подъѣзда.

Никто ничего толкомъ не знаетъ. Фактическая сторона дѣла скудна. Извѣстно лишь, что сегодня почему-то вышла задержка въ выдачѣ обычной работы для женъ запасныхъ, призванныхъ на войну. Но такова нервность толпы, болѣзненно обезпокоенной слухами съ войны, тоскующей за судьбу мужей и братьевъ, раздраженной давно начавшейся (въ печати и обществѣ) внутренней борьбой съ «нѣмецкимъ засильемъ»,—такова эта общая нервность, что огонь возбужденія готовъ и небольшой случай разжечь въ большой пожаръ. И здѣсь, въ толпѣ, невольно наблюдаешь эту сложную, тревожную психологію взвинченной народной массы, когда не подробности событія постепенно поджигаютъ чувства толпы, а когда, наоборотъ—

разгоряченныя чувства сами поспѣшно раздуваютъ событіе, расцвѣчиваютъ и измышляютъ подробности, чтобы оправдать свою взволнованность и чтобы подогрѣть всю толпу до какой-то смутной, желанной и опасной активности.

Передъ этой чертой колебалась толпа, когда нерѣшительно и мрачно поглядывала на неподвижный автомобиль у подъѣзда.

Въ этотъ день толпа черту не переступила.

II.

— Слыхали?—безпечно и насмѣшливо разговаривали въ этотъ день въ Москвѣ.—Слыхали про бабій бунтъ на Тверской?

Безпечно говорили, потому что не только никакого бунта не было, но и подобія его не выявилось: никого пальцемъ не тронули, никому даже громкаго словеснаго оскорбленія не нанесли. Пошумѣли «промежъ себя» и разошлись.

Мало придавали въ слѣдующіе дни и разнымъ слухамъ, которые вдругъ густо поползли со всѣхъ сторонъ.

Слухи были преувеличенные, многіе—явно нелѣпые, вздорные, на которые спокойные люди лишь плечами пожимали.

Говорили о тайныхъ минахъ, заложенныхъ нѣмцами подъ мосты черезъ Москва-рѣку, говорили объ отравленной, будто бы, водѣ въ водопроводахъ, рѣчкахъ и колодцахъ. Потомъ начали даже называть фабрики, гдѣ рабочіе стали, якобы, десятками умирать отъ зараженной предательской отравой воды. Говорили о какихъ-то проводахъ, будто бы найденныхъ въ рѣкѣ. Говорили о шпіонахъ, объ иностранныхъ подданныхъ, захватившихъ въ Москвѣ промышленныя предпріятія...

Слухи ползли непрерывной дымной полосой. Казалось даже, что кѣмъ-то они усердно раздуваются и подогрѣваются.

Но слухи бывали и раньше, слухи всегда бываютъ при тревожныхъ обстоятельствахъ. Они обыкновенно рождаются и увядаютъ безъ всякаго видимаго послѣдствія, такъ какъ въ томъ же народѣ и въ томъ же обществѣ находятъ скептическій отпоръ отъ спокойныхъ и разсудительныхъ людей.

— Ну, кому надо, какая польза взрывать мосты черезъ Москва-рѣку?—улыбаясь, говорили скептики.—Кому надо и кто допуститъ отравлять воду?

— Нѣмцы на все способны!—упорствовали вѣрующіе въ легенды.

— На все, да со смысломъ, а тутъ смысла нѣтъ.

А слухи росли и развѣтвлялись, дѣлаясь горячѣе и тревожнѣе.

Чудовищная война со всѣми своими невѣроятными подробностями разбила рамки обычнаго воображенія. Чувства обывателя ошеломлены. Стало казаться все возможнымъ и всякая невѣроятность вѣроятной.

Надо полагать, впрочемъ, что и на этотъ разъ слухи, отгорѣвъ и начадивъ, кончились бы одними безпокойными разговорами. Но въ мутную и горячую атмосферу народнаго возбужденія вошла какая-то организація и сразу въ громадныхъ размѣрахъ перевела неопредѣленныя чувства къ опредѣленному разрушительному дѣйствію.

Дѣло законнаго слѣдствія, которое теперь производится, выяснить характеръ, составъ, умыселъ и выполненіе всего. Для простой публики, даже для очевидцевъ погрома, главныя пружины остались невидимыми.

Можно лишь разсказать о внѣшней картинѣ стихійнаго разрушенія, которую удалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдать лично, близко и продолжительно.

III.

Едва погромъ начался, какъ съ быстротой электрической искры вѣсть объ этомъ пронеслась по всей Москвѣ, и весь городъ пришелъ въ чрезвычайное волненіе.

Ненависть ли къ нѣмцамъ была на первомъ планѣ или прежде всего сказалась стихійная жадность публики къ рѣдкому зрѣлищу, но странно, что первыя сообщенія о погромѣ почти всѣми (и казалось бы, людьми мирными и незлобивыми) принимались съ веселымъ возбужденіемъ, съ глазами, сіяющими непритворнымъ удовольствіемъ, почти восторгомъ. Чувство справедливости и естественнаго отпора самосуду было какъ-то сразу задавлено. Всякому хотѣлось поскорѣе побѣжать или поѣхать, чтобы своими глазами увидѣть картину погрома. Рѣдко, очень рѣдко, въ видѣ исключенія, являлась у кого-либо страдальческая морщина на лбу или выраженіе отвращенія на лицѣ, смѣшанное съ испугомъ.

Когда мы вышли на Страстную площадь, по волненію въ публикѣ сразу почувствовалось, что гдѣ-то вблизи дѣлается нѣчто необычайное. Вереницы людей бѣжали въ одну сторону по тротуарамъ и серединѣ площади. Потоки публики стремительно врывались въ узкое жерло Тверской улицы, и какъ будто вѣтеръ несъ всѣхъ внизъ по Тверской.

А ниже по улицѣ уже чернѣлась, густѣла, шевелилась, гудѣла звуками и выкриками многотысячная толпа. И далеко впереди видно

было, какъ изъ двухъ этажей какого-то дома дождемъ вылетали изъ оконъ жилеты, брюки, пиджаки, пальто, манто. Одинъ за другимъ рѣяли въ воздухѣ рукавами и полами извергаемые предметы и опускались среди черной массы народа.

И вотъ лавина публики придвинула насъ къ магазину Мандля.

Шелъ трескъ и звонъ разбиваемыхъ оконъ и дверей. Магазинъ зіялъ черными впадинами, откуда непрерывно летѣли вещи. А внутри шелъ гулъ, трескъ и стукотня, какъ на фабрикѣ. Очевидно, сотни рукъ крушили и били внутри. Клубилась въ глубинѣ магазина пыль, похожая на дымъ пожара. Вскакивали съ улицы во впадины оконъ и дверей новыя толпы разгоряченныхъ людей и палками, обломками, вѣшалками отъ платья остервенѣло били по остаткамъ зеркальныхъ стеколъ, по рамамъ, по простѣночнымъ зеркаламъ.

Ежеминутно среди пыли появлялись красные, потные люди со связками платья на плечѣ. Съ размаху выбрасывали они ношу на улицу и, вытирая потъ со лба, скрывались снова внутри.

Сверху изъ оконъ летѣли дамскія манто, сверкая на солнцѣ синей, желтой или красной подкладкой. Иногда вылеталъ стулъ, со звономъ выбивая изъ рамы остатки стекла. Летѣлъ кусокъ матеріи, тутъ же въ воздухѣ развертывавшійся длинной падающей полосой.

Временами на окнѣ, выбрасывая предметъ, появлялась фигура подростка или парня. Онъ побѣдоносно стоялъ съ минуту на подоконникѣ, сдвинувъ картузъ на мокрый затылокъ, хрипло кричалъ «ура», махалъ возбужденно рукой и скрывался внутри, откуда снова и снова летѣли черезъ всѣ окна предметы одежды.

На срединѣ улицы сугробами лежало выброшенное платье. Толпа вокругъ ревѣла, кричала, хохотала въ опьяненіи разрушенія.

Много было зрителей,—надо полагать, огромное большинство,—которые съ любопытствомъ, какъ на театральное зрѣлище, смотрѣли на стихійное разрушеніе. Многіе, наоборотъ, принимали усердное участіе. Изъ рукъ выхватывалось платье или подхватывалось на лету падавшее изъ оконъ и тутъ же въ нѣсколько рукъ съ веселой яростью разрывалось въ клочки. Слышались злорадные крики:

— Ага, дождались нѣмцы! Вотъ вамъ!..

Угрями скользили въ толпѣ воришки и мародеры. Мальчишки, парни хулиганскаго вида, обдерганныя женщины жалкаго, хищнаго вида съ дрожью жадности хватали жилетки, брюки, жакеты, пиджаки и торопливо засовывали ихъ себѣ подъ платье, напяливали на себя, безпорядочными узлами засовывали подъ мышку.

Изъ магазина иногда выскакивалъ, озираясь, странной толщины парень или мужикъ и воровато продирался въ толпу. И видно было

вблизи, что на немъ надѣто три-четыре пиджака и трое-четверо брюкъ. У нѣкоторыхъ брюки волочились и падали съ ногъ, такъ какъ были велики. Другіе, какъ воробьи, скакали то на одной, то на другой ногѣ, тщетно натягивая на себя слишкомъ узкія дѣтскія брюки.

Большинство толпы относилось къ мародерамъ съ возмущеніемъ и омерзѣніемъ. Ихъ ловили, отнимали у нихъ вещи, сдирали съ нихъ брюки, пиджаки. Въ азартѣ возмущенія стукали ихъ кулаками по головѣ.

— Вы что насъ срамите?—кричали на нихъ.—Мы не воровать сюда пришли! Намъ нѣмецкаго не надо! Скидай, чортова голова! Ну!..

Какой-то хулиганъ, испуганно озираясь, сѣлъ на землю.

— Я сейчасъ!.. Я самъ!—бормоталъ онъ.

Съ него стаскивали сразу четверо брюкъ.

— Ишь, дуракъ, напялилъ! Жадина! Кокнуть вотъ тебя по башкѣ!—негодовала и хохотала публика.

— Что же, не я одинъ!.. Я сниму!.. Я самъ!..—хрипѣлъ хулиганъ.

А четверо брюкъ, завернувшись, долго не стаскивались, и толпа въ азартѣ чуть не выдернула ему ногъ.

Другой хулиганъ въ трехъ элегантныхъ пиджакахъ, когда его поймала толпа, въ жадномъ и остервенѣломъ азартѣ сталъ отбиваться кулаками.

— Ахъ, дуракъ!—изумлялись въ толпѣ.—Онъ еще драться!

— Вотъ тебѣ, балбесъ! Вотъ тебѣ!—стукнулъ его раза два по головѣ палкой какой-то пожилой мѣщанинъ.—У, дубина! Снимай, говорятъ.

Ему скрутили руки. Онъ выбивался, дико, яростно и напуганно выпучивъ бѣлесые глаза.

Съ него стали сдирать пиджаки, разрывая ихъ въ клочья.

— Мой! Это мой!—дико возопилъ хулиганъ, которому вмѣстѣ съ крадеными разодрали и его собственный пиджакъ.

— А не воруй!—кричали ему.

Наказаніе такого рода, видимо, понравилось. Поймавъ другихъ мародеровъ, рвали не только краденое, но и собственную ихъ одежду.

Вѣроятно, не очень многимъ ворамъ удалось ускользнуть съ добычей. Ловить ихъ сдѣлалось веселымъ спортомъ толпы.

То здѣсь, то тамъ кричали:

— Держи! Лови! Отнимай!

И начиналась свалка, раздавались вскрики, ругательства, слышался трескъ разрываемаго платья.

Съ жестокимъ увлеченіемъ уничтожала толпа предметы. Разрывали руками, распарывали ножами. Женщины, мужчины, мальчики, ухватившись въ десять рукъ за рукава и полы пиджаковъ, манто, жакетовъ, пальто, съ хищнымъ опьянѣніемъ рвали и драли на части выброшенное изъ магазина платье.

Улица была усѣяна лоскутами шолка, сукна, атласа, драпа.

Въ озорствѣ толпа навѣшивала эти клочья на экипажи, автомобили, которые продирались сквозь толпу.

А въ магазинѣ продолжались, какъ на фабрикѣ, дробный стукъ, трескъ и звонъ, и на улицу дождемъ летѣли издѣлія злосчастной фирмы.

IV.

Съ флагами кучки парней шли изъ улицы въ улицу. Раздавались азартные крики...

. . . . . .

Какіе-то делегаты входили въ магазины съ нѣмецкими фамиліями на вывѣскахъ. Къ нимъ выскакивали испуганные владѣльцы или приказчики, что-то съ жаромъ, съ испугомъ, съ отчаянными жестами говорившіе погромщикамъ и торопливо показывающіе какія-то бумаги и документы.

Иногда делегаты, убѣдившись, уходили, оставивъ магазинъ въ неприкосновенности. Но чаще случалось другое: за делегатами врывалась группа громилъ, и вскорѣ слышался трескъ, звонъ, съ дребезгомъ размажживались зеркальныя окна, и изъ нихъ летѣли на улицу вещи и товаръ.

Публика бѣжала вслѣдъ за громилами.

— Въ Камергерскомъ работаютъ!—кричала толпа.—Въ Газетный пошли!..

И потоки публики, разгоряченной чрезвычайнымъ зрѣлищемъ, устремлялись на трескъ и звонъ погрома.

Въ Газетномъ переулкѣ изъ двухъ этажей какого-то магазина летѣла мебель: кровати, шкафы, стулья, кресла, зеркала. Все это съ трескомъ падало на камни мостовой, и грудой обломковъ вскорѣ засыпанъ былъ въ этомъ мѣстѣ весь переулокъ.

Въ Камергерскомъ переулкѣ противъ Художественнаго театра громили магазинъ Мейера. Толпа сплошной массой наполняла переулокъ. А изъ выбитыхъ оконъ и дверей двухъэтажнаго магазина

летѣли резиновые предметы: галоши, какіе-то шары, ленты, куклы. Гуломъ и ревомъ отвѣчала толпа на трескъ и грохотъ внутри магазина и на вылетавшія оттуда издѣлія. Какіе-то парни, подставивъ лѣстницу, снимали золотые гербы съ магазина. Затѣмъ этой же лѣстницей стали выбивать толстое стекло на крышѣ магазиннаго крылечка. Вылетѣлъ изъ окна тяжелый мячъ, ударилъ въ толпѣ кого-то по головѣ и покатился, прыгая черезъ публику. Его встрѣтили хохотомъ и криками «ура».

Мостовая была усѣяна обрывками резины, клочьями галошъ. Многіе усердно рѣзали ножами новенькія блестящія галоши. Кое-гдѣ ловили женщину или мальчишку, прятавшихъ на груди украденную вещь. Отнимали, стыдили и тутъ же рѣзали и раздирали вещь.

V.

На Кузнецкомъ мосту колыхался, ревѣлъ и гудѣлъ пестрый океанъ людей. Разрушеніе шло въ стихійныхъ, чрезвычайныхъ размѣрахъ. По обѣимъ сторонамъ улицы изъ многихъ магазиновъ летѣли вещи, грохоталъ трескъ, звенѣло стекло, лязгало желѣзо. Впечатлѣніе увеличивалось до демоническихъ размѣровъ тѣмъ, что на всѣхъ улицахъ, пересѣкающихъ Кузнецкій, бушевала такая же буря разрушенія.

Видно было издали, какъ на Петровкѣ летѣли: отъ Эйнема—торты, коробки, банки и конфеты; отъ Мюллера съ грохотомъ—піанино, рояли, граммофоны, скрипки, ноты; изъ какого-то магазина бѣлыми всплесками въ воздухѣ—принадлежности бѣлья.

Такъ же грохотала буря на Неглинномъ, на Рождественкѣ.

А на Кузнецкомъ кошмаромъ наяву разыгрывался сверхъестественный погромъ въ магазинахъ Цинделя, «Жирардовской мануфактуры», Кона, Циммермана.

Всѣ этажи магазиновъ Цинделя и «Жирардовской мануфактуры» зіяли выбитыми впадинами, и оттуда непрерывно летѣли свертки полотна, ситца, пачки бѣлья, цвѣтныя сорочки, развертывавшіеся на лету клубки лентъ.

Горой лежало посрединѣ улицы рваное и мятое бѣлье, а на него съ грохотомъ летѣли золоченая мебель, зеркала, какая-то утварь и предметы обстановки.

И здѣсь много было покушеній на хищничество. Съ блудливыми увертками какія-то женщины старались урвать изъ кучи бѣлья рубашки или полотно и спрятать подъ своими кофтами.

Но и здѣсь толпа гнѣвно ловила воришекъ, отнимала вещи и раздирала ихъ на мелкіе клочья.

Черезъ часъ, черезъ два вся громадная куча полотна, шелка и батиста была растерзана на клочки, которые густымъ слоемъ покрыли мостовую.

Изъ трехъ этажей магазина Кона съ трескомъ летѣла мебель.

Это было какъ въ жуткомъ снѣ. Въ черныхъ впадинахъ третьяго этажа медленно выдвигался громадный зеркальный шкафъ, склонялся, летѣлъ внизъ и съ хрястомъ, звономъ и трескомъ разбивался, разлетаясь на части и осколки. За нимъ летѣли кровати, столы, диваны, кресла. А позади нихъ въ окнахъ на минуту появлялись красныя, озвѣрѣлыя, радостныя физіономіи погромщиковъ, которые кланялись публикѣ, дѣлали ей ручкой, какъ артисты на сценѣ, кричали что-то изступленными голосами и снова волокли къ окнамъ шкафъ или кровать.

Улица была завалена обломками великолѣпнаго шлифованнаго и инкрустированнаго матеріала отъ дорогихъ вещей изъ краснаго и розоваго дерева.

Подростки и парни доламывали вещи, обдирали лоскутами кожу съ дивановъ и креселъ, толстыми ножками отъ столовъ разбивали полированныя доски, выдирали пружины изъ распоротыхъ матрацевъ. Изъ нѣсколькихъ подушекъ выпустили тучу пуха и перьевъ.

— Снѣгъ идетъ! Метель!—въ дикомъ восторгѣ кричала толпа, усыпанная хлопьями пуха.

Въ кучу разломанныхъ вещей залѣзъ какой-то человѣкъ въ шляпѣ и крылаткѣ, съ демонстративной и усердной яростью разбивая полураздавленный шкафъ.

Группа мастеровыхъ остановилась около него.

— Вотъ дай Богъ здоровья,—трудится! — насмѣшливо сказалъ одинъ изъ группы.

Остальные молча покачали головами, видимо, не очень одобряя усердіе полуинтеллигентнаго господина.

Жуткій сонъ наяву продолжался у магазина Циммермана.

Изъ оконъ третьяго этажа вылѣзали черныя и желтыя массы роялей, піанино, фисгармоній, летѣли внизъ и съ грохотомъ, трескомъ и звономъ разбивались на части, обнажая струнную сѣть внутри. Къ нѣкоторымъ окнамъ подскакивали подростки съ гитарами или скрипками въ рукахъ, показывали ихъ, дико потрясая, публикѣ, съ размаха били о подоконникъ и, расщепленныя, бросали внизъ. И снова крокодилами вылѣзали въ окнахъ рояли, медленно склонялись и падали внизъ съ пятисаженной высоты. А за ними открыва-

лись красныя, торжествующія, потныя лица погромщиковъ, кланявшихся съ клоунской развязностью публикѣ. И снизу ревѣло «ура»...

Около разбитыхъ, обезображенныхъ роялей и піанино возилась публика, добивая и доламывая инструменты.

Иногда раздавался ревъ трубы, и изъ нижняго этажа нѣсколько человѣкъ выволакивали рояль или піанино, при чемъ одинъ изъ погромщиковъ, кривляясь, дико и неумѣло ревѣлъ въ мѣдную трубу.

Трубы, желтыя и бѣлыя, въ изуродованномъ, помятомъ и искривленномъ видѣ валялись тутъ же, на землѣ.

Выскакивали новые люди съ гармошками и трубами, издавали нестройные звуки изъ инструментовъ и хрястали ихъ о землю, топтали ногами, гнули черезъ колѣно.

Мостовая была усѣяна клапанами и мѣхами отъ гармоникъ, клочками нотъ, шейками и спинками скрипокъ, струнами роялей, мѣдью мятыхъ и поломанныхъ трубъ.

А позади и впереди вдоль Кузнецкаго летѣла изящная обувь изъ магазина Вейса, зазвенѣлъ подъ ударами дубинъ хрусталь Гарраха, запахло кофе изъ разбитыхъ оконъ кофейнаго магазина, вихремъ выметались изъ разныхъ магазиновъ по обѣимъ сторонамъ улицы ленты, галстуки, сорочки, гравюры, открытки, ноты, пачки бумагъ, писемъ, груды всякаго мелкаго дорогого и дешеваго товара.

И колыхалось бурнымъ, опьянѣлымъ, хохочущимъ, кричащимъ ураганомъ сплошное пестрое море людей, заполнившихъ Кузнецкій и прилегающія улицы.

VI.

Буря разрушенія, расширяясь, захватывала постепенно, удаляясь отъ центра, многія улицы и переулки. А къ вечеру охватила почти весь городъ. Видимо, стихія уже вырывалась изъ тѣхъ рамокъ, которыя были намѣчены. Крушеніе разражалось надъ всѣми магазинами, фамиліи которыхъ на вывѣскахъ носили иностранный характеръ. Громилы вторгались и въ квартиры, гдѣ, по указанію коноводовъ или по догадкѣ погромщиковъ, проживали нѣмцы. И всюду звенѣли окна, съ трескомъ летѣли на улицу вещи, мебель одежда.

Намъ пришлось въ этотъ зловѣщій день пройти и проѣхать по многимъ улицамъ и переулкамъ, какъ въ центрѣ, такъ и въ удаленныхъ отъ центра районахъ. Вездѣ гремѣло, стучало, звенѣло. Вездѣ ходуномъ ходили черныя массы народа, съ хриплыми криками и ревомъ. И всюду мостовая была усыпана обломками мебели,

черепками посуды, обрывками бумаги, лоскутьями разодранныхъ матерій, исковерканными металлическими частями какихъ-то машинъ...

И всюду зіяли черные провалы выбитыхъ оконъ.

Постепенно чувствовался и переломъ въ настроеніи города. Зрѣлище развертывалось въ слишкомъ жуткихъ размѣрахъ. Было уже не до шутокъ и не до смѣха. И городъ явственно охватывало дрожью испуга. Мирное населеніе пряталось по домамъ. Уже слабѣлъ и отпоръ публики мародерамъ, ворамъ и хищникамъ. Свободнѣе навязывались узлы, и въ вечернихъ сумеркахъ по всѣмъ улицамъ скользили, удаляясь отъ центра, вороватыя фигуры съ добычей.

И буря разрушенія къ ночи уже бушевала, видимо, безъ всякой узды, по разгулявшемуся произволу подонковъ Москвы, выползающихъ изъ своихъ подпольевъ...

VII.

Ночью пришлось намъ проѣхаться черезъ Москву два раза: въ одиннадцатомъ часу и около часа ночи.

Толпами и сплоченными массами преграждали дорогу какія-то шествія. Колебались флаги, мерцали въ темнотѣ портреты. Раздавалось пѣніе. А къ трамваямъ и экипажамъ подбѣгали подростки съ хриплыми, грозными криками: «Шапки долой!» И замахивались палками на стекла трамваевъ.

Тамъ и сямъ надъ крышами поднимался дымъ пожаровъ, а въ прорѣзахъ улицъ вдругъ начинало играть красное зарево. Въ переулкахъ одинокими тѣнями торопливо бѣжали мужскія и женскія фигуры со свертками и узлами въ рукахъ.

Какой-то парень, пьяный или ошалѣлый отъ усталости дикаго дня, волочилъ огромную бѣлую измятую трубу и пробовалъ издавать изъ нея звуки.

— Пригодится,—безсмысленно бормоталъ онъ, натолкнувшись на насъ,—хоть дома положить... Жесть хорошая... Пригодится...

На улицахъ всюду обломки, лоскуты бумагъ, выбитыя окна магазиновъ. Кое-гдѣ еще слышался и трескъ погрома, изъ оконъ летѣли выкидываемые предметы.

— Нельзя, нельзя!—закричалъ чей-то голосъ въ одномъ переулкѣ, гдѣ мы пробирались по обломкамъ на извозчикѣ.—Нельзя, убьютъ!

Мы остановились въ нерѣшительности, и въ это время изъ

верхняго этажа разгромленнаго дома вылетѣла какая-то тяжелая мебель и съ грохотомъ хряснулась передъ мордой испуганной лошади.

Извозчикъ повернулъ назадъ.

— Спасибо!—сказали мы въ темноту неизвѣстному человѣку.

— Пожалуйста!—любезно отвѣтилъ неясный силуэтъ доброжелателя.

И снова полутемныя улицы, то пустынныя, съ крадущимися, торопливыми фигурами мародеровъ со свертками подъ-мышкой, то наполняющіяся вдругъ гуломъ и ревомъ толпы демонстрантовъ.

Ползетъ дымъ надъ крышами. Играетъ кое-гдѣ зарево пожара. И явствененъ пульсъ города, тревожный, разгоряченный, полубезумный.

На Страстной площади, около угла Тверской улицы, увидѣли мы шеренгу войска. Штыки, тускло поблескивая, щетиной преграждали путь съ площади внизъ по Тверской.

Смутныя тѣни быстро идущихъ людей (погромщиковъ или позднихъ прохожихъ), наталкиваясь на штыки, испуганно шарахались въ сторону.

Былъ второй часъ ночи, и это былъ переломъ къ возстановленію порядка въ ошеломленномъ, взвинченномъ, опьянѣвшемъ отъ погромнаго разгула и напуганномъ городѣ.

VIII.

А слѣдующій день былъ для многихъ днемъ раскаянія, удивленія на самихъ себя и разрастающагося страха.

Раскаивалась публика, которая, по странному легкомыслію, явно сочувствовала первымъ размахамъ вчерашняго погрома и видѣла вначалѣ лишь живописную сторону печальнаго событія.

Страхъ же росъ отъ зловѣщихъ слуховъ, которые въ преувеличенныхъ и смутно-грозныхъ формахъ неслись отовсюду.

Говорили, что погромъ перекинулся на окрестности Москвы (что̀ было отчасти вѣрно), что пылаютъ уже десятки дачъ, фабрикъ, усадебъ, что разбиты склады и дома на окраинахъ города, что десятки тысячъ громилъ направляются снова къ центру города для новаго уже сплошного погрома.

И съ тѣмъ же преувеличеніемъ говорилось о возстановленіи порядка на улицахъ, о дѣйствіяхъ вооруженной силы...

Городъ вкусилъ вчера пряный дурманъ погромнаго опьяненія, которое, прикрывшись лозунгомъ возмездія и справедливости, вытолкнуло массы людей на первобытную дикость разрушенія, а сегодня было совѣстно и страшно.

И. Жилкинъ.

СПРУТЪ.

Это было давно, давно. Такъ давно, что, кажется, съ тѣхъ поръ уже прошли тысячелѣтія. А между тѣмъ это было совсѣмъ недавно. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но это было — до войны. Теперь война до такой степени заполнила собой все, что трудно представить себѣ то время, когда ея не было. А въ тѣ дни чашка вѣсовъ колебалась еще между войной и миромъ, между Саландрой и Джіолитти.

Былъ прекрасный майскій день. Надъ Генуей сіяло темно-синее итальянское небо. Мимо австрійскаго консульства, передъ которымъ густой стѣной выстроилась сѣро-зеленая масса военной стражи, оберегавшая его отъ гнѣва народнаго, стройно двигалась толпа. Все молодыя, безусыя лица. Почти-что мальчики. Студенты и «студенты среднихъ учебныхъ заведеній», какъ въ Италіи называютъ гимназистовъ. Надъ толпой колышатся знамена. На толстыхъ древкахъ возвышаются изображенія Джіолитти на висѣлицѣ, Джіолитти на кострѣ. У иныхъ знаменосцевъ на остріе зонтика надѣты листы изъ иллюстрированныхъ изданій, съ изображеніемъ нѣмецкихъ звѣрствъ въ Бельгіи. Вся эта толпа, веселая, молодая, возбужденная, движется мимо австрійскаго консульства съ пѣніемъ:

«Abbassa l'Austria,
E la Germania,
E la Turchia,
E compagnia».

Генуя привѣтливо улыбается демонстрантамъ. Изъ оконъ имъ навстрѣчу выкидываются трехцвѣтныя итальянскія знамена. Къ толпѣ мало-по-малу присоединяется улица. А пѣніе все ширится и растетъ.

Противъ университета сѣрый домъ. На немъ спущены жалюзи, балконы безъ трехцвѣтнаго знамени сѣро глядятъ на моло-

дую толпу. Только блеститъ надпись золотыми буквами: «Veloce». Это—итальянское пароходное общество. И вдругъ въ толпѣ подымается крикъ: «Veloce, la bandiera». Veloce безмолвствуетъ. Сѣро и тупо глядятъ ея опущенныя жалюзи на волнующуюся толпу. Крикъ усиливается. Раздаются свистки. Кто-то въ толпѣ произноситъ слова: «Tedeschi». Магической волной оно пробѣгаетъ по рядамъ. И снова раздается пѣніе:

«Abbassa l'Austria,
E la Germania,
E la Veloce,
E compagnia».

Въ пѣніи слышится угроза. Жалюзи подымается, и изъ окошка боязливо высовывается голова служащаго, съ испугомъ озираетъ толпу и снова скрывается. Подымается оглушительный свистъ, улюлюканье. «Veloce—tedeschi. Veloce, fuori la bandiera (Велоче нѣмцы. Велоче, выставьте знамя). Потомъ густой несмолкающій крикъ: «Porci, porci, porci». Со всей силой и настойчивостью двадцатилѣтнихъ легкихъ. Забытъ Джіолитти, забытъ Саландра, забыта война. Существуетъ одна только «Veloce». Наконецъ, черезъ полчаса непрерывнаго свиста, визга, топанія, пѣнія, чья-то дрожащая рука неувѣренно просовываетъ древко со знаменемъ на балконъ. Толпа мгновенно стихаетъ. И вдругъ вмѣсто улюлюканія раздается громъ рукоплесканій. На балконъ выходитъ блѣдный отъ только-что пережитаго волненія господинъ и безмолвно и неловко кланяется толпѣ. Но уже толпа отхлынула, а изъ-за поворота потемнѣвшей улицы. полунасмѣшливо, полузадорно слышится:

«Abbassa l'Austria
E la Germania»...

I.

Иностранные капиталы въ Италіи.

Весь этотъ эпизодъ вспомнился мнѣ, когда уже не студенты высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній кричали: «Abbassa l'Austria e la Germania», а когда правительство гордо и рѣшительно бросило вызовъ Австріи.

Думалось, почему такъ странно, такъ осмотрительно вела себя «Veloce» въ такой рѣшительный для Италіи день, когда не только юные граждане, когда общественное мнѣніе всей страны требовало войны. «Veloce» не напрасно глядѣла такимъ волченкомъ: это, дѣй-

ствительно, былъ волченокъ, котораго своимъ молокомъ вскормила Италія—это было исчадіе нѣмецкаго капитала; это было дѣтище «Banca Commerciale», того творенія нѣмецкой матеріи и нѣмецкаго духа, которое своей гигантской сѣтью оплело всю экономическую жизнь Италіи. Для непосвященнаго могло казаться страннымъ, какъ «Veloce», итальянское пароходное общество, могло отказаться выкинуть итальянскій флагъ; однако, только настойчивость толпы демонстрантовъ вынудила ее къ этому. Точно также, еще задолго до войны «Banca Commerciale» подъ вліяніемъ того похода, который открыло противъ нѣмецкаго капитала итальянское общественное мнѣніе, счелъ нужнымъ заявить о своихъ итальянскихъ чувствахъ, итальянскихъ капиталахъ и пр. Но, никто ему не вѣрилъ. Всѣ знали, что рядиться въ чужое платье, пользоваться чужимъ флагомъ для своего прикрытія—пріемъ, который нѣмцы пускали въ ходъ не только на полѣ битвы. Тяжелая рука нѣмецкаго капитализма слишкомъ давала себя чувствовать за послѣднія 20 лѣтъ въ Италіи, чтобы можно было перестать вѣрить въ его существованіе только потому, что кулакъ этотъ одѣлся въ итальянскую перчатку. Общественное мнѣніе опредѣленно высказалось противъ того явленія, которое уже столько времени разъѣдало жизнь страны.

Въ жизни каждаго народа бываетъ фазисъ, когда собственныхъ его силъ недостаточно и когда экономическій прогрессъ совершается при помощи иностраннаго капитала. Италія, послѣ того, какъ завоевала свою свободу, въ теченіе 40 лѣтъ приблизительно переживала этотъ тяжелый фазисъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ выпуски государственныхъ займовъ производились съ помощью иностранныхъ банковъ, многія отрасли ея промышленности развивались не только съ помощью иностранныхъ капиталовъ, но и подъ управленіемъ иностранныхъ техниковъ и отчасти при помощи иностранныхъ обученныхъ рабочихъ.

Главнымъ зломъ итальянской экономической жизни при первыхъ ея шагахъ было то, что промышленность ея была недостаточно снабжена капиталами, и эта бѣдность капиталами давала себя чувствовать во всемъ. Въ Италіи и помину не было о крупной промышленности, въ то время, какъ крупная промышленность внѣ Италіи уже развилась до гигантскихъ размѣровъ. Государственный бюджетъ ея въ теченіе долгихъ лѣтъ сводился съ крупнѣйшимъ дефицитомъ. Она была страной преимущественно бумажно-денежнаго обращенія и нерѣдко лажъ достигалъ 15—16%. Все это дѣлало положеніе ея среди другихъ европейскихъ странъ крайне невыгоднымъ.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ Италія, должна была отправлять въ

чужія страны излишекъ всего населенія. Разница между количествомъ рожденій и количествомъ смертей въ годъ составляетъ 400.000, т.-е. населеніе цѣлой провинціи. Италія не могла прокормить этого населенія, не интенсифицируя своего земледѣлія и промышленнаго производства.

Густое населеніе, недостаточное количество земли, годной подъ обработку, недостатокъ минераловъ и недостатокъ сырья для производства, все это замедляло промышленное развитіе Италіи, заставляло ее *вывозить людей и ввозить капиталы.* По разсчетамъ Нитти [1]), отъ 7—8 милліоновъ итальянцевъ находятся внѣ Италіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ иностранный капиталъ игралъ преобладающую роль въ Италіи не только потому, что значительное количество государственной ренты было помѣщено въ другихъ странахъ, но и потому, что крупныя промышленныя предпріятія питались, главнымъ образомъ, иностраннымъ капиталомъ.

Только послѣ 1881 года начинается развитіе собственнаго капитала въ Италіи, и вскорѣ кризисы 1894 и 1908 годовъ показали, что Италія въ ритмическомъ развитіи своей промышленности идетъ по тому же пути, что и другія капиталистическія страны. Несмотря на кризисы, она все-таки продолжала развиваться и заняла мѣсто среди капиталистическихъ странъ Европы. Однако, размѣры ея капитализма не позволяли ей становиться рядомъ съ самыми крупными капиталистическими странами. Весь акціонерный и облигаціонный капиталъ ея обществъ достигалъ въ общемъ 4-хъ милліардовъ. Эта сумма покажется ничтожной, если сравнить ее съ тѣми капиталами, которые вкладываютъ въ свои предпріятія другія страны.

Несмотря на сравнительную бѣдность капиталами, итальянская промышленность носитъ все-таки характеръ, свойственный крупнокапиталистическимъ странамъ, т.-е. въ ней преобладаетъ производство постояннаго капитала надъ перемѣннымъ, средствъ производства надъ предметами потребленія.

Такъ, наибольшее количество капиталовъ вложено въ промышленность электрическую (639 милліоновъ), въ промышленность желѣзодѣлательную (330 милліоновъ), рудники (134), промышленность механическую (225), химическую (270). Общее количество капиталовъ, вложенныхъ въ производство средствъ производства, на 215 милліоновъ превосходитъ производство предметовъ потребленія (1.598 милліоновъ противъ 1.383), изъ которыхъ на пер-

---

[1]) Nitti, „Il Capitale straniera in Italia". Bari 1915. Biblioteca di Coltura Moderna.

вомъ мѣстѣ стоитъ промышленность текстильная (444 милліона) и производство пищевыхъ продуктовъ (280 милліоновъ) [1]).

Итакъ, хотя разница между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ не такъ велика, какъ въ другихъ капиталистическихъ странахъ, однако типъ развитія Италіи вполнѣ сходенъ съ типомъ ихъ развитія. И несмотря на усиленное накопленіе, все-таки размѣры богатства Италіи несравненно меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ то время, какъ богатство Германіи оцѣнивается въ 300 милліардовъ марокъ, а капиталъ Англіи въ 340 милліардовъ, Италія обладаетъ всего 80 милліардами лиръ. И, какъ мы говорили уже раньше, первые шаги на пути накопленія капитала были трудные: Италія вынуждена была въ началѣ своего капиталистическаго развитія обратиться къ другимъ странамъ. Такихъ странъ, вывозящихъ свои капиталы, до начала войны въ Европѣ было 4: Англія, Германія, Франція и Бельгія. Но у каждой изъ нихъ экспортъ капитала носилъ иной характеръ; каждая изъ этихъ странъ имѣла свои излюбленные рынки, свои излюбленные способы помѣщенія капитала [2]).

Англія, вывозящая капиталы въ теченіе уже 50-ти лѣтъ, предпочитаетъ для помѣщенія его *колоніи и новыя страны*. Наибольшее количество англійскихъ капиталовъ помѣщено въ фабрикахъ, трамваяхъ, желѣзныхъ дорогахъ, металлургическихъ предпріятіяхъ, водопроводахъ—внѣ Европы. Формы ея промышленности, природа ея торговли обусловливаютъ собой крупный размѣръ ея предпріятій. Если вспомнимъ о томъ, что Канада съ ея огромными богатствами, съ ея пространствомъ, превосходящимъ въ два раза поверхность Европейской Россіи, населена всего 7-ю милліонами, если подумаемъ о томъ, сколько природныхъ богатствъ заключаетъ въ себѣ Индія съ 316 милліонами жителей на 4.786.000 квадратныхъ километрахъ, Австралія, Южная Африка, дѣлается понятнымъ нежеланіе англійскихъ капиталовъ искать помѣщенія въ Европѣ, въ предпріятіяхъ скромнаго размѣра, выносящихъ конкурренцію, стѣснительную регламентацію и пр., и пр.

Экономическая структура Франціи совершенно иная и положеніе ея на денежномъ рынкѣ соотвѣтственно иное. Это страна съ низкой рождаемостью и большими сбереженіями, страна, въ которой аккумуляція капитала происходитъ почти автоматически, основываясь на старыхъ навыкахъ бережливости и на желаніи дать немногочисленному потомству хотя бы небольшой, но обезпеченный

---

[1]) Gino Prinzivalli. „L'Italia nella sua vita economica". Milano. 1915.
[2]) C. K. Hobson. The export of capital. London, 1914.

доходъ. Сообразно съ этимъ мѣщанскимъ характеромъ бережливости, французскій капиталъ не отличается смѣлостью и предпріимчивостью. Крупные банки помѣщаютъ капиталы въ предпріятія съ гарантированнымъ доходомъ, которыя легче находятъ себѣ спросъ въ средѣ мелкихъ рантье. И это стремленіе къ обезпеченнымъ доходамъ побудило Францію помѣстить значительную часть своихъ капиталовъ въ *государственныхъ займахъ*. И если дѣлаетъ исключеніе для промышленности, то предпочитаетъ предпріятія съ *гарантированнымъ доходомъ* и предпріятія, пользующіяся сравнительно монопольнымъ положеніемъ (желѣзныя дороги, водопроводы, газовые заводы и пр.).

Въ общемъ Франція вывозитъ 75% всѣхъ своихъ капиталовъ [1]). $^2/_3$ этой суммы помѣщены въ государственныхъ займахъ. Въ общемъ она вывозитъ капиталовъ столько же, сколько Англія, но, какъ мы видѣли, назначеніе ихъ совсѣмъ другое. Но во всякомъ случаѣ изо всѣхъ европейскихъ странъ, вывозящихъ капиталы, на первомъ мѣстѣ стоятъ Англія и Франція, хотя характеръ вывоза ихъ чрезвычайно различный.

Третій и совершенно особенный типъ вывоза капитала представляетъ изъ себя Германія. Она меньше остальныхъ странъ вывозитъ капитала и больше всего, если можно такъ выразиться, вывозитъ *организацію* его. Изъ огромнаго національнаго достоянія Германіи 300 милліардовъ марокъ 80% помѣщены внутри страны и только 20% вывозятся. Отношеніе какъ разъ обратное тому, которое мы наблюдаемъ во Франціи, гдѣ вывозятся 75% и только 25% остаются въ странѣ [2]).

Итакъ, Германія стоитъ всего на третьемъ мѣстѣ. Это значитъ, что развитіе капитализма шло въ ней столь интенсивно, что большая часть капитала поглощалась внутреннимъ рынкомъ, въ то время, какъ у Англіи есть уже опредѣленный крупный излишекъ капитала, ищущій себѣ помѣщенія, а Франція, менѣе развитая въ промышленномъ отношеніи, чѣмъ обѣ эти страны, сдѣлала себѣ спеціальность изъ накопленія финансоваго капитала, питающаго чужую промышленность.

Усиленное капиталистическое развитіе Германіи совершилось за послѣднія 40 лѣтъ. И въ этомъ развитіи промышленности, кромѣ пресловутаго сліянія *науки съ техникой*, огромную роль сыграла изумительная *организація капитала*. Съ одной стороны, усиленное

---

[1]) Dr. Geory Schanty. Französisches Kapital in Russland. Finanzarchiv. 1915.

[2]) C. K. Hobson. The export of capitals. London, 1914.

развитіе акціонерныхъ обществъ, распредѣленіе риска въ минимальныхъ размѣрахъ, съ другой стороны, развитіе *банковъ*, которые *технически* организованы лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Банки въ сущности служатъ насосомъ, собирающимъ капиталъ страны и распредѣляющимъ его въ индустріи. Связь между промышленностью и этими источниками капитала, направляющими сбереженія страны по опредѣленному руслу, чрезвычайно тѣсная. Банки въ Германіи— *регуляторы производства.* Соединеніе *кредитныхъ операцій* съ выпускомъ *промышленныхъ акцій* позволяетъ банкамъ самое непосредственное вліяніе на промышленную жизнь страны. Въ Германіи 19 крупныхъ банковъ, съ капиталомъ не меньше 50 милліоновъ каждый. Банки эти въ соединеніи съ правительствомъ содѣйствуютъ развитію въ нѣмецкой промышленности тѣхъ чертъ, которыя благопріятствуютъ завоеванію иностранныхъ рынковъ.

Когда кончилась война 70 года, Бисмаркъ взялъ себѣ портфель министра торговли, зная, что нужно готовить побѣдоносную націю къ побѣдамъ менѣе громкимъ, но не менѣе важнымъ. Протекціонистская политика, которая съ послѣдовательностью была проведена имъ съ 1878 года, позволяла съ одной стороны окрѣпнуть нѣмецкой индустріи, съ другой стороны давала возможность окрѣпнувшей и прочно захватившей внутренній рынокъ промышленности выбрасывать товары на *внѣшній рынокъ по цѣнамъ ниже стоимости*, создавая такимъ образомъ совершенно непобѣдимую конкурренцію другимъ странамъ. И если жюри филадельфійской выставки въ 1876 году могло опредѣлить нѣмецкіе товары, какъ «bad and cheap» (скверные и дешевые), то уже весьма скоро, благодаря протекціонистской политикѣ, германскіе товары могли стать дешевыми, обладая при этомъ доброкачественностью, и cheap перестало быть синонимомъ bad. Правительство усилило дѣйствіе своей политики экспортными преміями и пониженными желѣзнодорожными тарифами, сбавлявшими общія издержки производства и доставки товаровъ. Въ этой политикѣ правительство находило дѣятельную поддержку у банковъ.

Можно сказать, что нигдѣ капитализмъ не принималъ столь бурныхъ завоевательныхъ формъ, какъ въ Германіи. И, что изумительнѣе всего, Германія вывозила меньше капитала, чѣмъ другія страны, но специфическая энергія этого капитала была, очевидно, обратно-пропорціональна его размѣрамъ. Ни одинъ капиталъ не обладалъ такимъ бурнымъ темпераментомъ, такими завоевательными наклонностями, какъ капиталъ нѣмецкій. И, несмотря на свои сравнительно меньшіе размѣры, этотъ капиталъ умѣлъ подчинять себѣ чужую промышленность, экономическую жизнь чужихъ

странъ, захватывая въ свои руки организацію ея. Вывозъ капитала не былъ *безличнымъ*, какъ во Франціи, которая не заботилась объ *организаціи* предпріятія, куда она вкладывала свои капиталы, лишь бы эти послѣдніе давали доходъ. За нѣмецкимъ капиталомъ стоялъ дѣятельный человѣкъ, его организующій. Эмиграція капитала сопровождалась эмиграціей людей, его насаждающихъ и придающихъ ему въ чужой странѣ специфически германскій характеръ.

Двѣ характерныя черты были свойственны нѣмецкому капиталу, покидающему свою родину. Во-первыхъ, онъ искалъ помѣщенія въ странахъ по преимуществу европейскихъ, во-вторыхъ, онъ преслѣдовалъ цѣли не только *экономическія*, но и *политическія*. Если на картѣ Европы красными чернилами обозначить пути, по которымъ двигался нѣмецкій капиталъ, то получится изображеніе огромнаго спрута, раскинувшаго свои жадныя щупальцы вплоть до морей по всѣмъ направленіямъ. На востокѣ капиталы эти нашли себѣ помѣщеніе въ Царствѣ Польскомъ и Прибалтійскомъ краѣ, а на юго-востокѣ черезъ Турцію тянулись въ Азію. Къ Сѣверному морю германскій капиталъ пробирался черезъ Бельгію и Голландію, къ Средиземному черезъ Италію, къ Адріатическому черезъ Австрію. Нѣмецкій купеческій капиталъ осуществлялъ мечты о Священной Римской Имперіи нѣмецкой національности еще задолго до начала войны. Три пункта намѣчены были какъ точки опоры для властвованія надъ морями: въ Бельгіи Антверпенъ, въ Италіи Генуя, въ Австріи Тріестъ.

Германскій капиталъ завладѣлъ этими пунктами еще задолго до того, какъ Германія обнаружила политическое на нихъ притязаніе. Точно гигантскій паукъ, который ядовитымъ сокомъ поливаетъ жертву свою раньше, чѣмъ уничтожить ее. Во всѣхъ этихъ трехъ городахъ проникновеніе нѣмецкаго капитала совершилось столь сходнымъ образомъ, давало картину симптомовъ столь согласованную, что легко было догадаться о томъ, что все это «made in Germany».

Во-первыхъ, въ противоположность французскому капиталу, спокойно питающемуся въ *периферіи* экономической жизни, спокойно перерабатывающему продукты, вышедшіе изъ круга обращенія въ готовомъ для потребленія видѣ (*доходы* отъ государственной ренты, акцій и облигацій), нѣмецкій внѣдряется въ самое сердце экономической жизни, въ тотъ центръ ея, откуда пульсируетъ кровь, откуда разносятся средства, питающія промышленность, а именно *банки*. Чтобы направить экономическую предпріимчивость по опредѣленному руслу, регулировать ея проявленія, нѣмцы всюду, куда

они проникаютъ, стараются утвердить за собой финансовый рынокъ страны, взять на себя организующую роль въ кредитной системѣ ея. И когда, такимъ образомъ, корни въ чужой странѣ пущены, когда передъ нѣмецкимъ капиталомъ открыты возможности организаціи промышленности, онъ отнюдь не пользуется въ чрезмѣрной степени своими собственными средствами для питанія этой промышленности. Онъ предпочитаетъ пускать въ ходъ капиталы той страны, куда онъ проникъ, оставляя за собой лишь то участіе, которое необходимо для организаціонной роли. Выражаясь конкретно, онъ умѣетъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ количество акцій разныхъ предпріятій, которое гарантируетъ ему большинство на собраніяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что этого легко достигнуть, не владѣя большей частью акціонернаго капитала.

Такимъ образомъ, принципъ экономіи соблюденъ вполнѣ. При наименьшей затратѣ полученъ наибольшій результатъ просто потому, что сила приложена была цѣлесообразно. Правда, одной мелочи не приняли во вниманіе нѣмцы при своей организаціонной работѣ: чувства національнаго достоинства европейскихъ народовъ. Потому и война, которой они думали закончить свою колонизацію Европы, приняла оборотъ не совсѣмъ для нея желательный.

Но экономическія предпосылки были сдѣланы превосходно. Подпольная работа нѣмецкаго капитала началась задолго до войны и обнаруживаетъ изумительную стойкость въ преслѣдованіи цѣлей, изумительную организаціонную способность. Мирное завоеваніе Антверпена было начато нѣмцами вскорѣ послѣ кризиса 1901 года, и противъ этого мирнаго завоеванія тройная ограда его фортовъ была недѣйствительна. Въ 1906 году восемь кредитныхъ институтовъ находились въ рукахъ нѣмцевъ, изъ которыхъ многіе приняли бельгійское подданство и занимали мѣста президентовъ и вице-президентовъ [1]). Во главѣ одного изъ этихъ банковъ «Crédit d'Anvers» стоялъ нѣмецъ, директоръ одного изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ банковъ, Дармштадтскаго кредитнаго банка, и въ совѣтѣ его засѣдало также три нѣмца. То же самое и относительно Брюсселя. Первый военный корпусъ, говоритъ Грей въ приведенной выше книгѣ, проникъ въ Бельгію лѣтъ 40 тому назадъ, вооруженный бухгалтерскими книгами, вѣсами и терпѣніемъ. Эти молчаливые воины овладѣвали однимъ городомъ за другимъ, и это промышленное завоеваніе имѣетъ значеніе нисколько не меньшее, нежели завоеваніе военное, и слѣды его уничтожить будетъ еще труднѣе, нежели слѣды, оставленные нѣмецкими войсками въ опустошенной странѣ.

---

[1]) Egin M. Gray. Il Belgio sotta la spada tedesca. Firenze, 1914.

Уже съ 1900 года голландцы заговорили о германизаціи Роттердама, который со своими 30.000 нѣмецкихъ жителей и своими торговыми домами съ нидерландскимъ именемъ, но съ нѣмецкимъ персоналомъ, производилъ впечатлѣніе вполнѣ онѣмеченнаго города. Онъ увеличилъ портъ свой для того, чтобы давать возможность рейнскимъ пароходамъ входить въ него, и такимъ образомъ окончательно связалъ судьбу свою съ судьбой германскаго рѣчного пароходства.

Съ такимъ же упорствомъ несмотря на политическій союзъ съ Австріей, Германія стремилась къ тому, чтобы утвердиться въ Тріестѣ [1]).

Германскія пароходныя общества подъ итальянскимъ именемъ соперничали съ *Австрійскимъ Ллойдомъ* въ Тріестѣ. Германскіе банки

---

[1]) Въ чрезвычайно интересной статьѣ о „Священной Римско-Германской имперіи" въ „Corriere della Sera" отъ 17 іюля 1915 г., маркизъ Ридольфо-Ридольфи, предсѣдатель синдиката „Желѣзо и Сталь" въ Италіи, разсказываетъ слѣдующее: „Во время пребыванія моего въ Германіи въ ноябрѣ 1913 г., я по дѣламъ своего общества имѣлъ случай встрѣтиться съ приблизительно 40 представителями крупной металлургической и механической промышленности и, главнымъ образомъ, промышленности военной (не исключая и 4-хъ директоровъ завода Круппа), которые такъ настойчиво и съ такимъ же успѣхомъ, какъ и военные дѣятели, въ теченіе 44 лѣтъ подготовляли рѣшительное и жестокое нападеніе конца іюля 1914 года. Изъ разговоровъ съ ними я убѣдился, что мечта объ экономическомъ (и вѣроятно также политическомъ и военномъ) господствѣ надъ Центральной Европой, съ точками опоры на Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ, отнюдь не является отвлеченнымъ экономическимъ построеніемъ кабинетныхъ философовъ и ученыхъ, а стремленіемъ, глубоко пустившимъ корни среди крупныхъ промышленниковъ, тѣхъ, кто находится въ самомъ тѣсномъ общеніи (почти что сотрудничествѣ) съ правительственными сферами и главнокомандующими войсками.

„Всѣ эти люди признавали права Италіи на вознагражденіе со стороны Австріи (это было до вступленія Италіи въ войну), но относительно Тріеста всѣ были согласны, что онъ никогда не перейдетъ къ Италіи. Тріеста вы не получите никогда, онъ долженъ стать нѣмецкимъ. Намъ нуженъ выходъ къ Адріатическому морю, и такъ какъ вы не захотите дать намъ Венеціи (любезная улыбка), то мы возьмемъ себѣ Тріестъ. Намъ нуженъ также выходъ къ Средиземному морю, лучше всего, конечно, Генуя, но если вы не захотите дать намъ ее (вторая любезная улыбка), мы должны будемъ взять себѣ у французовъ Марсель. И тогда (улыбка уже кислосладкая) Италія будетъ съ двухъ сторонъ въ нѣмецкихъ тискахъ. Вы видите, слѣдовательно, что вы должны быть въ дружбѣ съ нами.

Все это,—говоритъ маркизъ Ридольфи, указывало на существованіе созрѣвшаго, организованнаго, согласованнаго плана, заключавшаго въ себѣ стремленіе къ власти *активнаго класса*, который методически подготовилъ кровавое міровое побоище.

съ вѣнскими и итальянскими именами захватили въ свои руки всю *портовую торговлю*. Мѣстныя нѣмецкія общества сѣяли политическую смуту, поддерживая итальянцевъ въ ихъ національной борьбѣ, въ то время какъ австрійское правительство мѣшало ввозу итальянскихъ капиталовъ, боясь проникновенія съ ними итальянскихъ стремленій. Предпріятія сѣверо-германцевъ превратили австрійскій и итальянскій Тріестъ почти въ нѣмецкій городъ [1]).

Буквально то же самое произошло съ Генуей. Въ надеждѣ завоевать этотъ богатѣйшій портъ, занимающій на Средиземномъ морѣ то же положеніе, что Тріестъ на Адріатическомъ, нѣмцы занялись колонизаціей его въ излюбленной ими формѣ. Торговля, промышленность, банки, все это мало-по-малу оказалось въ рукахъ нѣмцевъ. Въ дальнѣйшемъ мы подробнѣе изложимъ, какъ это произошло.

Усилія, сдѣланныя Германіей въ Генуѣ, были лишь маленькой частицей того колонизаціоннаго дѣла, которое она задумала въ Италіи. Германскій спрутъ своими огромными щупальцами оплелъ всю страну. Присмотримся поближе къ тѣмъ путямъ, по которымъ онъ шелъ въ своей «колонизаціи».

II.

«*Banca Commerciale*».

Мы уже ознакомились съ той системой, которой неуклонно слѣдовалъ нѣмецкій капиталъ въ своей политикѣ мирнаго завоеванія. Эту систему онъ съ полной послѣдовательностью примѣнилъ и въ Италіи. Завоеваніе рынковъ дешевизной товаровъ, овладѣніе кредитной системой нѣмецкимъ капиталомъ и нѣмецкой организаціей и захватъ вліянія надъ экономической и даже политической жизнью страны.

Еще въ 1907 году англійскій ввозъ превышалъ германскій—507 милліоновъ противъ 490. Уже въ 1913 году германскій ввозъ увеличился до 612 милліоновъ, а англійскій упалъ до 476. Въ то время какъ англійскій ввозъ, включая туда и уголь, котораго одного Англія ввозитъ на 227 милліоновъ, составляетъ только 13 % общей суммы ввоза, нѣмецкій ввозъ достигаетъ 17—18%.

Вотъ какъ распредѣляется сумма англійскаго и нѣмецкаго воза:

в

[1]) Preziosi. La Germania alla conquista dell Italia. Firenze, 1915, p. 27.

Ввозъ въ Италію 1912 года.

Въ тысячахъ лиръ.

	Англія.	Германія.
Бумажныя ткани	7.910	7.451
Шерстяныя ткани	15.557	18.355
Издѣлія изъ желѣза и стали	16.886	53.245
Издѣлія изъ мѣди	2.306	11.358
Машины, части машинъ, паровые котлы	36.783	80.556
Электрическіе аппараты	9.165	40.854
Каучуковыя издѣлія	10.026	18.544
Галантерейный товаръ	2.300	13.616 [1]).

Причина этого невѣроятно быстраго успѣха Германіи заключалась въ томъ, что она успѣла захватить въ свои руки финансовый рынокъ Италіи и черезъ посредство двухъ крупныхъ банковъ «Banca Commerciale Italiana» и «Credita Italiana» направляла всю экономическую жизнь страны.

Что̀ же представляетъ изъ себя «Banca Commerciale»?

Генезисъ этого учрежденія довольно скромный и совсѣмъ не позволялъ предвидѣть тѣхъ размѣровъ, до которыхъ развилось учрежденіе. Основаніе банка относится ко времени заключенія тройственнаго союза. Воспріемниками его были Бисмаркъ и Криспи. Италія, бѣдная капиталами, до тѣхъ поръ зависѣла преимущественно отъ Франціи. Когда, послѣ заключенія союза съ Германіей, парижская биржа реагировала на это пониженіемъ итальянскаго консолидированнаго займа, Криспи обратился къ Бисмарку съ просьбой заинтересовать нѣмецкіе крупные банки въ поднятіи курса итальянскихъ цѣнностей. Въ 1890 году подъ покровительствомъ Криспи и при помощи нѣмецкаго банковаго синдиката былъ созданъ итальянскій «Институтъ земледѣльческаго кредита». А въ 1894 году Криспи всѣми силами содѣйствовалъ основанію «Banca Commerciale Italiana», съ небольшимъ капиталомъ въ 5 милліоновъ, въ подпискѣ котораго участвовали нѣмецкіе, австрійскіе, швейцарскіе и итальянскіе банкиры.

Мысль основанія банка исходила отъ Швабаха, главы дома Блейхредера, который обратился съ этимъ планомъ къ итальянскому посланнику въ Берлинѣ, графу Ланца. Послѣдній передалъ ему, что Криспи весьма одобряетъ его планъ, и затѣмъ Криспи лично выразилъ свое одобреніе предпріятію. Банкъ вскорѣ обнаружилъ, что обладаетъ весьма здоровой комплекціей: при основаніи банка капиталъ его равнялся 5-и милліонамъ, а черезъ 20 лѣтъ онъ выросъ

[1]) E. Morelli. La conquista dei mercati. Rivista italiana di Raggioneria. 30 aprile 1913.

до 150 милліоновъ. Въ настоящее время капиталъ, депозиты, текущій счетъ и пр. представляютъ изъ себя ежегодный оборотъ въ 800 милліоновъ франковъ. Изъ основного капитала въ 150 милліоновъ (312.000 акцій) только 3 милліона и 6.000 акцій помѣщено въ Германіи. Итакъ, измѣряемое капиталомъ, нѣмецкое участіе въ банкѣ кажется совершенно незначительнымъ. Все искусство людей, управляющихъ имъ, состоитъ въ томъ, чтобы давать итальянскимъ капиталамъ назначеніе, согласное съ нѣмецкими цѣлями.

Секретъ этого вліянія нѣмцевъ станетъ намъ яснымъ, если мы присмотримся къ составу администраціи банка. Совѣтъ «Banca Commerciale» состоитъ изъ 15 итальянцевъ, представителей аристократіи, мало имѣющихъ общаго съ финансовыми дѣлами, и изъ 18 иностранцевъ, представителей крупнаго банковаго капитала въ Германіи и Австріи. Видное мѣсто среди нихъ до сравнительно недавняго времени занималъ Кэмпфъ, предсѣдатель Торгово-промышленнаго банка въ Берлинѣ и въ то же время предсѣдатель германскаго рейхстага. Директоромъ банка является сенаторъ Чезаре Манджили, но фактически всѣми дѣлами его управляютъ господа Іоель, Вейль и Теплицъ, которые номинально являются простыми членами совѣта. Кромѣ нихъ, въ совѣтъ еще входятъ: директоръ Дрезденскаго банка Гансъ Шустеръ, глава дома Блейхредеръ Швабахъ, директоръ Disconto Bank въ Берлинѣ Урбигъ, изъ Deutsche Bank въ Берлинѣ Валлихъ, изъ Berliner Handelsgesellschaft Винтерфельдъ.

Почетныя мѣста предназначены представителямъ итальянской аристократіи, а дѣйствительное вліяніе принадлежитъ представителямъ нѣмецкаго банковаго капитала. «Idea Nazionale» по этому поводу писало: Явленіе финансовой организаціи, создаваемой при помощи національныхъ средствъ и находящейся подъ иностраннымъ управленіемъ, представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ финансоваго капитулярнаго режима, подобнаго которому мы не встрѣчаемъ ничего въ исторіи странъ политически независимыхъ. Эта олигархія энергичныхъ банковыхъ дѣятелей сумѣла укрѣпить свое положеніе, захвативъ въ свои руки большинство промышленныхъ акціонерныхъ обществъ, задавая тонъ на биржѣ, поддерживая всяческими мѣрами ввозъ германскихъ товаровъ, задерживая ростъ итальянской промышленности въ одномъ направленіи и стимулируя его въ другомъ. Какъ садовникъ, искусно выбирая почву и регулируя орошеніе, создаетъ пестрый узоръ цвѣтника, такъ и эти люди, мнившіе себя садовниками прекраснаго края, искусно направляли золотой дождь итальянскихъ капиталовъ на выращиваніе тѣхъ формъ промышленности, которыя казались имъ выгодными. Мы увидимъ, что этими

отраслями оказались тѣ роды промышленности, которые служатъ для производства средствъ производства и обслуживаютъ войну. Этимъ отраслямъ финансовое учрежденіе съ итальянскимъ именемъ и нѣмецкой душой давало развиваться лишь настолько, чтобы давать извѣстный дивидендъ, но не дозволяло вырастать имъ до размѣровъ, которые могли бы сдѣлать изъ нихъ конкуррентовъ нѣмецкихъ предпріятій.

Какимъ же образомъ устраивалось нѣмецкое правленіе, чтобы обезпечить себѣ руководство дѣлами банка? Механизмъ его власти былъ удивительно простой. Прежде всего въ рукахъ нѣмецкихъ банкировъ находилась компактная группа акцій въ 22 милліона. Для того, чтобы увеличить еще число голосовъ и обезпечить себѣ большинство на собраніяхъ, администраторы банка на время собраній сосредоточивали въ рукахъ своихъ огромное количество акцій, которыя они брали за небольшую сумму на прокатъ у мелкихъ акціонеровъ. Акціонеры временно предоставляли свои голоса правленію, и классическій дивидендъ въ 9% въ концѣ года съ излишкомъ вознаграждалъ акціонеровъ за временное отчужденіе правъ ихъ и убѣждалъ ихъ въ томъ, что въ этомъ наилучшемъ изъ всѣхъ банковъ все обстоитъ превосходно.

Точно такими же пріемами «Banca Commerciale» пустилъ корни въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Прежде всего онъ дѣлался участникомъ предпріятія, пріобрѣтая извѣстное количество его акцій. Потомъ создавалъ фиктивное большинство на собраніяхъ, собирая за плату акціи у мелкихъ держателей на время собраній. Эта задача облегчалась ему въ значительной мѣрѣ демократизаціей акціонернаго дѣла въ Италіи, гдѣ акціонерный капиталъ является чрезвычайно раздробленнымъ. Для того, чтобы пріобрѣсти акціи какого-нибудь предпріятія, отнюдь не надо быть Крезомъ, и люди, помѣстившіе свои мелкія сбереженія въ какія-нибудь акціи и обладающіе малой компетентностью въ финансовыхъ дѣлахъ, охотно передаютъ судьбу своихъ акцій въ руки могущественнаго финансоваго учрежденія.

Такимъ образомъ, правленіе банка имѣетъ возможность играть роль верховнаго повелителя биржи, подымать курсъ однѣхъ цѣнностей, понижать курсъ другихъ и устраивать судьбы итальянской промышленности сообразно съ нѣмецкой экономической политикой. Еще болѣе германофильскій характеръ этого банка сказался въ томъ покровительствѣ, которое онъ оказалъ германскому ввозу. Можно сказать, что рѣшительный перевѣсъ нѣмецкаго ввоза надъ ввозомъ всѣхъ остальныхъ странъ представляетъ изъ себя плодъ дѣятельности нѣмецкаго банка. Съ этой цѣлью банкъ на особенно льгот-

ныхъ условіяхъ производилъ всѣ банковыя операціи для нѣмецкихъ промышленниковъ, ввозящихъ товары въ Италію. Но любовныя попеченія его простирались не только на промышленниковъ, но и на покупателей нѣмецкихъ товаровъ. Онъ создавалъ для нихъ условія для уплаты весьма выгодныя, снабжая ихъ долгосрочнымъ кредитомъ. Пріемы его въ сближеніи покупателей съ продавцами носили иногда характеръ прямо террористическій. А именно, какое-нибудь общество, нуждавшееся въ машинахъ или въ сыромъ матеріалѣ, объявляетъ конкурсъ и вдругъ получаетъ письмо отъ «Banca Commerciale», въ которомъ весьма настойчиво рекомендуется нѣмецкій поставщикъ. И эта рекомендація написана въ столь энергичной формѣ, что принимаетъ характеръ ультиматума, т.-е. либо заказъ отдается рекомендуемой фирмѣ, либо банкъ закрываетъ кредитъ [1]).

Слѣдуя такой системѣ, конечно, легко было поднять цифры нѣмецкаго ввоза до весьма значительныхъ размѣровъ.

Могущественный кредитный институтъ съ легкостью держитъ въ повиновеніи своихъ кліентовъ. Послѣдніе знали, что значитъ для нихъ отказъ въ кредитѣ со стороны «Banca Commerciale». Отказъ этотъ повлекъ за собой ни болѣе и ни менѣе, какъ отказъ въ кредитѣ и со стороны всѣхъ другихъ банковъ, тѣмъ или инымъ образомъ связанныхъ съ «Banca Commerciale». Для этой цѣли служатъ такъ называемыя «секретныя информаціи», которыя подрѣзываютъ корни экономическаго существованія непокорнаго кліента и заставляютъ его горько каяться въ своей самостоятельности. «Fiches d'information», летящія во всѣ банки міра, предостерегаютъ ихъ отъ даванія кредита неосторожному кліенту, по той или другой причинѣ впавшему въ немилость у «Commerciale». Эти fiches печатныя, составлены на условномъ языкѣ, бланки не подписаны. Иные изъ нихъ служатъ рекомендаціей для друзей, т.-е. покорныхъ кліентовъ; другіе же, наоборотъ, выставляютъ къ позорному столбу «бунтарей», которымъ не только отказываютъ въ кредитѣ, но съ которыми война ведется всѣми средствами, со всей безцеремонностью, свойственной нѣмецкому капитализму. На биржѣ начинаютъ циркулировать смутные слухи, въ печати начинаютъ появляться тенденціозныя извѣстія часто совершенно ложныя. Подъ акціи предпріятій, которыя хотятъ убить, не выдаютъ ссудъ. Такимъ образомъ, вырастаетъ атмосфера недовѣрія вокругъ предпріятія, создается паника, рушится все.

Когда «Banca Commerciale» объявлялъ войну какой-нибудь

---

[1]) G. Preziose—„La Germania alla Conquista dell Jtalia. Firenze, 1915, p. 45.

бумагѣ, ни у кого не бывало достаточно силъ, чтобы поддержать ее, и горе тѣмъ биржевымъ агентамъ, которые брались за такое смѣлое предпріятіе. У нихъ отнималась всякая поддержка, имъ отказывали въ кредитѣ даже для другихъ кліентовъ, и они вынуждены были сдаваться, если не хотѣли окончательно погубить себя. Банкъ всегда выходилъ побѣдителемъ въ такихъ стачкахъ.

Проводя свою линію съ методичностью и настойчивостью, «Banca Commerciale» сумѣлъ стать хозяиномъ въ большей части предпріятій итальянской промышленности. И сообразно тому специфическому характеру, который нѣмецкій капиталъ принялъ у себя на родинѣ, онъ проникъ преимущественно въ предпріятія, производящія средства производства, и именно въ индустрію металлургическую, механическую и кораблестроительную и въ предпріятія военной промышленности. Такимъ образомъ, между Германіей и Италіей создалась густая сѣть экономическихъ отношеній, которая такъ объединяла ихъ, что трудно было разобрать, гдѣ кончается общность интересовъ и гдѣ начинается вредъ, наносимый Италіи дѣятельностью нѣмцевъ.

Миланъ, гдѣ когда-то ненавидѣли нѣмцевъ, сталъ почти-что нѣмецкимъ городомъ. Нѣмецкая колонія составляла одну треть общаго его населенія. Римъ, Флоренція, Венеція, Генуя, Неаполь, Палермо и «гордый» Туринъ давали пристанище многочисленнымъ нѣмцамъ, которые основали тамъ цвѣтущія торговыя и промышленныя предпріятія. Цѣлый потокъ вышколенныхъ и дисциплинированныхъ нѣмцевъ завоевалъ лучшія мѣста въ банкахъ и торговыхъ учрежденіяхъ. Стоитъ просмотрѣть промышленный или банковый ежегодникъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ административныхъ совѣтахъ, среди директоровъ и пр. преобладаютъ нѣмецкія имена. Эта армія банковыхъ дѣятелей организовала информаціонныя бюро, которыя собирали всяческія свѣдѣнія объ итальянской торговлѣ и промышленности, и посылали ихъ заинтересованнымъ нѣмецкимъ фирмамъ. Списки существующихъ цѣнъ, типы упаковки, образцы товаровъ, списки адресовъ всѣхъ тѣхъ, кто находился въ сношеніяхъ съ итальянскими фирмами,—все это собиралось, классифицировалось въ «Banca Commerciale», которому эта огромная работа была вполнѣ по силамъ, благодаря его превосходной организаціи. И нерѣдко случалось, что когда итальянское предпріятіе, сдѣлавшее всевозможныя усилія, чтобы завоевать рынокъ гдѣ-нибудь на югѣ Америки или на Востокѣ, предлагало свои товары, оно мгновенно вытѣснялось соотвѣтствующимъ нѣмецкимъ предпріятіемъ, которое предлагало тотъ же товаръ, но только «made in Germany» и по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ.

Зависимость итальянской экономической жизни отъ германской выразилась, главнымъ образомъ, въ томъ, что направленіе итальянской промышленности послѣ 1895 года въ существенныхъ чертахъ напоминаетъ направленіе, свойственное промышленности германской. Экономическая жизнь Италіи пульсируетъ въ униссонъ съ экономической жизнью Германіи, темпъ ея развитія тотъ же, ритмичность періодовъ подъема и упадка въ ней тѣ же, что̀ и въ Германіи.

Послѣ кризиса 1893 года подъемъ у нея начинается въ 1895 году, что̀ совпадаетъ съ основаніемъ «Banca Commerciale», являющимся разсадникомъ организаціи нѣмецкаго капитала. Кризисы, пережитые Италіей въ 1908 и 1913 годахъ, вслѣдъ за кризисами нѣмецкими, доказываютъ, что страна была связана съ Германіей пуповиной, по которой ей передавалась пульсація экономической жизни этого большого хозяйственнаго организма. Экономическая жизнь Италіи за періодъ отъ 1895 года представляетъ изъ себя точный сколокъ жизни германской, прерванный тремя тяжелыми кризисами. Организація промышленности въ обѣихъ странахъ построена по тому же самому типу. Блестящій подъемъ Германіи послѣ 1895 года былъ ознаменованъ усиленнымъ развитіемъ промышленности электрической, которая наложила свой отпечатокъ на весь періодъ отъ 1895—1905 года, давая возможность охарактеризовать этотъ періодъ какъ періодъ электричества. Но развитіе средствъ сообщенія за это время также поглотило массу капиталовъ. Отъ 1895—1896 года Германія еще не обладала усовершенствованными верфями. Въ 1893 году «Hamburg Amerika Linie» еще заказала 2 большихъ корабля англійскимъ верфямъ. Но въ 1896 году уже германскія верфи обзавелись всѣми усовершенствованіями и постройка торговаго флота двинулась впередъ гигантскими шагами. Подъ вліяніемъ электрической промышленности, постройка торговаго и военнаго флота, рудники и желѣзодѣлательная промышленность Германіи переживали періодъ небывалаго расцвѣта. Чтобы производить еще больше, она развивала техническую сторону своихъ предпріятій, дѣлаясь такимъ образомъ собственнымъ своимъ потребителемъ и потребителемъ своихъ потребителей. Электрическая промышленность—одна изъ лучшихъ покупательницъ промышленности металлургической, а эта, въ свою очередь, покупательница электрической, и если металлургическая промышленность много заказываетъ у машиностроительной, она, въ свою очередь, получаетъ заказы отъ послѣдней. Такимъ образомъ, развивается солидарность предпріятій, существованіе однихъ изъ которыхъ обусловлено существованіемъ другихъ. Вся эта совокуп-

ность предпріятій поглощаетъ огромное количество капиталовъ, и тутъ выступаетъ во всемъ своемъ значеніи роль банковъ, какъ поставщиковъ капитала. Подъемъ германской промышленности сопровождался необычайнымъ расцвѣтомъ банковаго дѣла. Въ 1895 году уже нѣмецкіе банки начинаютъ устраивать многочисленныя отдѣленія и перекидываютъ свою дѣятельность въ другія страны.

III.

Роль нѣмецкаго капитала въ итальянскомъ торговомъ пароходствѣ и электрической промышленности.

Въ докладѣ своемъ акціонерамъ, прочитанномъ 30 марта 1914 г., директоръ «Banca d'Italia», итальянскаго государственнаго банка, говоря о плохомъ состояніи дѣлъ, предвѣщавшемъ кризисъ, сводилъ его главнымъ образомъ къ все растущимъ *расходамъ на войну* (войны тогда еще не было), отвлекавшимъ капиталы изъ всѣхъ другихъ областей. Точно такимъ же явленіемъ, отвлеченіемъ капиталовъ въ военную промышленность, ознаменованъ былъ въ Германіи 1913 годъ. Для Италіи характерно то, что кризисъ хотя наступилъ по тѣмъ же причинамъ, что въ Германіи, однако на годъ позже. Очевидно, пульсація экономической жизни доходила до Италіи позже [1]).

Для экономической жизни Италіи огромное значеніе имѣетъ ея торговый флотъ. Въ Италіи мало угля, мало желѣза, мало пшеницы. Слѣдовательно, недостаетъ трехъ важныхъ факторовъ экономической жизни. Все это поставлять ей долженъ торговый флотъ. Мы говорили уже о томъ, что Германія за усиленное развитіе своего торговаго флота взялась въ 1896 году, Италія на цѣлыхъ 10 лѣтъ позже, въ 1906 году. Судьбы ея торговаго пароходства воистину изумительны. Исторія «Societa di Navigazione Generale» представляетъ изъ себя яркую иллюстрацію тѣхъ пріемовъ, путемъ которыхъ нѣмецкій капиталъ въ лицѣ «Banca Commerciale» умѣлъ проникать въ самое сердце итальянской промышленности и подчинять ее своимъ цѣлямъ. Основателемъ этого пароходнаго общества былъ итальянскій торговый домъ Флоріо и Рубаттини. Въ обезпеченіе 8-и милліоннаго займа, сдѣланнаго ему «Banca Commerciale», Флоріо передалъ банку 45.000 акцій даннаго общества. Общество

---

[1]) Профессоръ Нитти, въ своей книгѣ объ иностранныхъ капиталахъ въ Италіи, приводитъ цифры подъема и упадка, не пытаясь связать ихъ съ условіями общеевропейской экономіи, очевидно, не усматривая между ними причинной зависимости.

было бѣдно капиталами, долгъ не былъ погашенъ, и банкъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ предпріятія. Въ данное время около 40 милліоновъ резервнаго капитала этого общества находятся какъ депозиты и на текущемъ счету у «Banca Commerciale». Часть этого резервнаго капитала употреблена была на покупку акцій обществъ «Italia» и «La Veloce» (о которой мы говорили въ началѣ этой статьи), часть капитала которыхъ уже принадлежала «Hamburg-Amerika Linie», и, такимъ образомъ, эти общества очутились окончательно въ рукахъ «Banca Commerciale» и нѣмецкаго капитализма. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, задолженность этихъ обществъ бросила ихъ въ объятія нѣмецкаго банка; что же касается «Итальянскаго Ллойда», то по отношенію къ нему примѣнена была ловушка, которая трудно поддается юридической квалификаціи [1]). Въ одинъ прекрасный день сенатору Пьяджіо, владѣльцу Ллойда, предложено было обмѣнять довольно значительное количество акцій этого предпріятія на соотвѣтственное количество акцій «Societa generale di Navigazione Italiana», которая къ тому времени уже находилась въ лапахъ банка. Такъ какъ, такимъ образомъ, онъ становился крупнымъ акціонеромъ, то ему обѣщали назначить его главнымъ предсѣдателемъ консорціума всѣхъ пароходныхъ обществъ. Сенаторъ согласился, но, когда обмѣнъ былъ произведенъ, банкъ не исполнилъ обѣщанія, и сенаторъ остался просто акціонеромъ «Societa Generale di Navigazione». По приговору суда банкъ потомъ откупилъ у него эти акціи и остался неограниченнымъ хозяиномъ положенія.

Но дѣло это имѣло еще эпилогъ. «Societa Generale» получила правительственную субсидію. Когда срокъ договора истекъ, правительство, не желая субсидировать «Banca Commerciale», дало сенатору Пьяджіо разрѣшеніе открыть новое общество, «Compagnia Italiana di Navigazione», которое должно было взять на себя всѣ рейсы, субсидируемые правительствомъ. Изъ этой компаніи исключались всѣ общества, зависѣвшія отъ «Commerciale». Нѣмецкій банкъ поднялъ такой невѣроятный шумъ, такъ дискредитировалъ на биржѣ предпріятіе сенатора Пьяджіо, такъ возстановилъ противъ него общественное мнѣніе, сумѣлъ организовать столь внушительную оппозицію въ парламентѣ противъ правительственнаго законопроекта, что изъ-за этого пало ни болѣе и ни менѣе, такъ одно изъ министерствъ Джіолитти. Общество, проектированное правительствомъ, не образовалось. Зато уже послѣ долгихъ мытарствъ при министерствѣ Луцати образовалась «Societa nazionale di servizi marittimi». Это

---

[1]) G. Preziose. La Germania alla conquista dell'Italia. Firenze 1915, p. 54. E. Pioggia. La Stata e le convenzioni marittime. Genova 1910.

общество получило въ наслѣдство правительственную субсидію «Societa Generale». Въ *составъ его вошли всѣ пароходныя общества*, зависѣвшія отъ «Commerciale», въ связи съ другими обществами, банками и банкирами, надъ которыми банкъ этотъ властвовалъ.

Удивительно ли послѣ того, что студенты подъ окнами «Veloce» кричали: «Нѣмцы».

«Banca Commerciale», благодаря той власти, которую онъ захватилъ надъ пароходными обществами, покрылъ страну густой сѣтью *агентствъ*, которыя пользовались несомнѣннымъ политическимъ вліяніемъ и производили значительное давленіе на политическіе выборы. Въ самыхъ глухихъ мѣстечкахъ, въ маленькихъ деревушкахъ, откуда направляется потокъ эмигрантовъ, непремѣнно существуетъ агентъ пароходнаго общества, чрезвычайно дѣловитый нѣмецъ, человѣкъ бывалый, расторопный, ловкій интриганъ, къ которому охотно обращаются крестьяне, трактирщики, семьи эмигрантовъ. Всѣ эти агенты прекрасно выдрессированы, прекрасно знаютъ пароль, объединяющій ихъ. Пароходныя могущественныя капиталистическія учрежденія, обладающія многими средствами, въ родѣ раздачи мѣстъ, предоставленія разныхъ льготъ, чтобы создать себѣ прочную кліентуру, служащую опредѣленной политикѣ. И «Banca Commerciale» беззастѣнчиво пользовался этими агентствами для проведенія германофильской политики. Онъ пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы производить давленіе на выборы коммунальные, провинціальные и парламентскіе. Каждый агентъ пароходнаго общества являлся въ то же время агентомъ по выборамъ.

Съ полной ясностью германофильскій характеръ дѣятельности пароходныхъ обществъ проявился въ исторіи пароходныхъ сношеній Италіи и Бразиліи. Германія, какъ извѣстно, стремится къ тому, чтобы завладѣть огромной территоріей этого богатаго края. Но для того, чтобы колонизовать страну, понадобились деньги и рабочія руки. Деньги дала Франція и отчасти Италія. На эти деньги основанъ былъ «Banca franco-italiana», который, несмотря на свое гордое имя, есть не что иное, какъ отдѣленіе «Banca Commerciale» и преслѣдуетъ въ Бразиліи тѣ же цѣли, что «Commerciale» въ Италіи. Рабочія руки должна была поставлять Италія, которая ежегодно излишекъ своего населенія направляетъ въ страны латинской Америки. Итальянскіе крестьяне должны были замѣнить черныхъ невольниковъ на кофейныхъ плантаціяхъ. Управленіе этими капиталами и трудомъ взяли на себя нѣмецкіе капиталисты. Когда роли, такимъ образомъ, были распредѣлены, на сцену выступили пароходныя компаніи.

Пароходная линія между Италіей и Бразиліей преслѣдовала,

повидимому, цѣли чисто-коммерческія и поэтому получала субсидію отъ бразильскаго правительства. На самомъ дѣлѣ она имѣла своею цѣлью развитіе эмиграціи и поэтому получала, кромѣ гласной субсидіи, еще и негласную отъ того же правительства.

Итальянское правительство декретомъ отъ 2 марта 1902 года запретило безплатный провозъ эмигрантовъ. Противъ этого началось сильное движеніе среди пароходныхъ компаній, связанныхъ съ «Banca Commerciale». Въ 1912 году трестъ этихъ обществъ обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ устройствѣ линіи, обслуживающей эмиграціонное движеніе. Министерство отказалось взять назадъ указъ и безплатную перевозку эмигрантовъ не дозволило. Въ отвѣтъ на это бразильское правительство объявило, что прекращаетъ субсидію, выдаваемую имъ коммерческой пароходной линіи. И это обстоятельство сразу обнаружило истинный характеръ пароходнаго сообщенія между Италіей и Бразиліей, имѣвшаго своей цѣлью не столько развитіе итальянско-бразильской торговли, сколько снабженіе Бразиліи живымъ товаромъ, рабочей силой для удовлетворенія аппетитовъ нѣмецкаго капитала въ Бразиліи. «Banca Commerciale» послѣ этой неудачи повелъ усиленную кампанію въ итальянской печати за бразильскую эмиграцію. Нѣкоторыя газеты помѣщали на столбцахъ своихъ рекламныя статьи, изображавшія Бразилію какъ рай земной. Но на этотъ разъ банку не удалось провести своей линіи.

Не менѣе важное политическое значеніе имѣетъ проникновеніе нѣмецкаго капитала въ электрическую промышленность. Въ Италіи мало угля и много природныхъ водныхъ силъ. Поэтому главной силой въ промышленности является энергія электричества, получаемая путемъ трансформированія энергіи паденія воды. Для безопасности страны далеко не безразлично, кто именно обладаетъ знаніемъ страны, природы источниковъ энергіи, мѣстная ли промышленность или иностранная. Для того, чтобы основать и эксплоатировать электрическое предпріятіе, необходимо знать, гдѣ находятся источники энергіи, которые можно утилизировать, какіе пути ведутъ къ нимъ и отъ нихъ въ разныхъ направленіяхъ. Чтобы раскинуть сѣть электрической энергіи отъ мѣста ея производства до мѣста ея потребленія, въ большія и маленькія фабрики, арсеналы, верфи, надо прекрасно знать топографію и орографію мѣстности. Ужъ это одно имѣетъ огромное значеніе съ точки зрѣнія безопасности государства. Но кромѣ того по потребленію электрической энергіи можно съ математической точностью опредѣлить положеніе какой бы то ни было отрасли промышленности. И тотъ, кто поставляетъ эту энергію, можетъ давать банковымъ организаціямъ, кото-

рыя въ этомъ заинтересованы, тѣ свѣдѣнія, которыя нужны имъ, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ извѣстнаго рода предпріятіямъ, фабрикамъ и пр. Вооруженный такой шапкой-невидимкой, всезнающій банкъ властной рукой обрѣзываетъ буйные побѣги слишкомъ разросшихся предпріятій и, наоборотъ, принимаетъ мѣры къ усиленному развитію другихъ.

Безъ преувеличенія Преціози назвалъ эту сѣть проведенія и распредѣленія электрической энергіи *нервной системой, мозгъ которой находился въ Берлинѣ*, отъ котораго исходили моторные импульсы въ отвѣтъ на получаемыя отъ нервной системы свѣдѣнія.

Какими же путями нѣмцы сумѣли проникнуть въ электрическую промышленность? Въ Швейцаріи, въ Цюрихѣ существуетъ банкъ съ огромнымъ капиталомъ въ 180 милліоновъ, который, какъ указываетъ имя его—«Elektra-Bank», занимается исключительно устройствомъ электрическихъ предпріятій. Этотъ банкъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ отдѣленіе могущественнаго нѣмецкаго общества, Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft, которое, въ свою очередь, составлено изъ группы нѣмецкихъ банковъ съ капиталомъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ и во главѣ котораго стоитъ вліятельный Ратенау, интимный другъ нѣмецкаго кайзера. Не слѣдуетъ забывать о томъ, что по отношенію къ швейцарскимъ банкамъ Германія сумѣла примѣнить тотъ методъ, которымъ она опутала другія страны, и что эти банки, какъ учрежденія страны нейтральной, служатъ также всасывающимъ насосомъ для французскихъ капиталовъ, которые утилизируются нѣмецкими финансистами для своихъ цѣлей. Что касается тайнаго совѣтника Ратенау, то эта могущественная персона подобна Августу Тиссену, держащему въ рукахъ металлургическую промышленность сѣвера Франціи. Достаточно вспомнить, что Ратенау получилъ отъ германскаго правительства полномочія дѣлать внѣ всякихъ бюрократическихъ стѣсненій закупки для военныхъ цѣлей.

Этотъ Elektra-Bank, слѣдовательно, вполнѣ нѣмецкій, несмотря на швейцарскую маску, хозяинъ грандіозныхъ «Officine Elettrici Genovesi» и «Unione Tramvay Elettrici Genovesi». Во главѣ этой организаціи въ Генуѣ стоитъ господинъ Кенигсгеймъ, нѣмецъ, хорошо извѣстный генуэзцамъ своей страстью къ автомобилямъ. Съ этими двумя обществами связано «Idra-Elettrica Ligure» въ Спеціи, крупное общество съ капиталомъ въ 8 милліоновъ, которое поставляетъ энергію въ арсеналъ королевскаго флота [1]).

---

[1]) G. Preziosi. La Banca Commerciale e la penetrazione tedesca etc... Firenze 1915, p. 48.

Въ рукахъ Elektra-Bank находится «Societa Adriatica di Elettricita» (25 милліоновъ капитала), которое поставляетъ энергію во всѣ города и мѣстечки адріатическаго побережья. Во главѣ администраціи этого общества стоитъ Вольпи, человѣкъ, сыгравшій столь видную роль при заключеніи лозанскаго мира, какъ представитель «Banca Commerciale».

Кромѣ названныхъ, еще 8 электрическихъ обществъ находятся въ рукахъ «Elektra-Bank», между тѣмъ какъ на югѣ Неаполитанское общество находится въ рукахъ Сименса, а Электрическое общество восточной Сициліи въ рукахъ «Banca Commerciale».

Другія электрическія общества зависятъ отъ нѣмецкихъ финансирующихъ обществъ. Такъ, «Gesellschaft für elektrische Unternehmungen», основанное въ Берлинѣ въ 1894 году группой банкировъ въ соединеніи съ тѣми банками, которые приняли участіе въ созданіи «Commerciale», финансировало въ Италіи цѣлыхъ 7 обществъ. Сименсъ и Гальске—два общества, «Kontinental Gesellschaft für elektrische Unternehmungen» (Schuckert)—также два общества. Такимъ образомъ, сплелась густая сѣть общности интересовъ между нѣмецкими и итальянскими электрическими предпріятіями, общность интересовъ, болѣе выгодная для Германіи, нежели для Италіи.

Когда просматриваешь ежегодники «Banca Commerciale» и «Credita Italiana», всѣ эти общества фигурируютъ съ итальянскими именами. Въ гладкихъ печатныхъ строчкахъ и слѣда не видно нѣмецкаго капитала, нѣмецкой организаціи. Все свидѣтельствуетъ о томъ сердечномъ попеченіи, которое «Banca Commerciale» проявляетъ по отношенію къ итальянской промышленности. Правда, какъ говорятъ французы, «l'argent n'a pas de couleur».

IV.

Нѣмецкій капиталъ въ военной промышленности.

Наибольшее политическое значеніе имѣетъ то вліяніе, которое пріобрѣлъ «Banca Commerciale» въ промышленности металлургической, желѣзодѣлательной и механической. Можно сказать, что власть надъ этими отраслями промышленности, широко развѣтвленными по всей Италіи, есть фактъ огромнѣйшей политической важности.

Организація власти надъ этими предпріятіями производилась «Commerciale» по излюбленному ею методу цѣпи. Одно изъ главныхъ обществъ, обладающее болѣе крупными средствами, принимаетъ финансовое участіе въ цѣломъ рядѣ мелкихъ обществъ, надъ которыми пользуется правомъ контроля. Всѣ эти мелкія общества, въ свою очередь, владѣютъ взаимно акціями другъ у друга. Такимъ образомъ, создается сѣть густо переплетающихся интересовъ, которая превращаетъ всѣ эти общества въ живой, связанный и весьма чувствительный организмъ. Это, однако, не значитъ, что «Banca Commerciale» вкладывалъ крупный капиталъ въ эти общества. Для него,—какъ было указано выше,—вполнѣ достаточно было имѣть въ своихъ рукахъ извѣстное количество акцій главнаго общества, обезпечивающее ему большинство на общихъ собраніяхъ, и часто онъ даже не являлся собственникомъ акцій, а бралъ ихъ напрокатъ незадолго до собранія.

Во главѣ организацій этихъ обществъ, образующихъ іерархическое цѣлое подъ покровительствомъ «Commerciale», находится акціонерное общество «Alti Forni ed Acciaria di Terni», производящее фасонное желѣзо и сталь въ прутьяхъ, брони и составныя части пушекъ.

Терни владѣетъ значительной частью пушечнаго завода Виккерсъ-Терни въ Специи, большей частью акцій «Общества въ Савонѣ», которое, въ свою очередь, владѣетъ большей частью капитала «Общества рудниковъ и доменныхъ печей въ Эльбѣ». Всѣ эти общества заинтересованы въ болѣе мелкихъ обществахъ, «Галилей» во Флоренціи, «С. Джіорджіо» въ Сестри Поненте. Получается огромная организація, въ которой участвуютъ остальныя металлургическія и желѣзодѣлательныя заведенія Италіи и которыя въ общей сложности представляютъ изъ себя трестъ всѣхъ отраслей промышленности, работающихъ для вооруженія страны. «Banca Commerciale», направляющій этотъ трестъ, служитъ посредникомъ между нимъ и германскимъ трестомъ вооруженія. Эта роль защитника итальянскаго металлургическаго треста ставила «Commerciale» иногда въ довольно забавное положеніе. Съ одной стороны, онъ призванъ былъ заботиться о судьбахъ итальянской металлургической промышленности. Съ другой же стороны, промышленность германская и во главѣ ея могущественный «Stahlwerkverband» пугались быстрыхъ успѣховъ итальянцевъ на этомъ поприщѣ и, поэтому, приняли мѣры, чтобы охладить пылъ слишкомъ талантливыхъ учениковъ.

Тотчасъ послѣ кризиса 1907 года «Stahlwerkverband» принимаетъ строгія мѣры, направленныя къ тому, чтобы разбить жизнен-

ность итальянской металлургической промышленности. «Stahlwerkverband», какъ извѣстно, продавалъ по разнымъ цѣнамъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ, но, благодаря своей могущественной организаціи, онъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ продавалъ по цѣнамъ *выше цѣнъ производства* и, такимъ образомъ, получалъ прибыль какъ отъ внутреннихъ, такъ и отъ внѣшнихъ потребителей. Отъ 1908—1912 года цѣны эти, слѣдуя общему повышательному движенію рынка, шли въ гору. И только по отношенію къ Италіи трестъ велъ изумительную политику. Цѣны, по которымъ онъ продавалъ фасонное желѣзо на итальянскомъ рынкѣ, были гораздо ниже производственныхъ цѣнъ. Онъ *продавалъ себѣ въ убытокъ*, примѣнялъ пріемъ, получившій въ Америкѣ названіе «dumping», лишь бы уничтожить жизнеспособность итальянскаго конкуррента.

Вотъ списокъ цѣнъ [1]):

Внутри страны	130	марокъ.
Въ Швейцаріи	120—125	„
Во всѣхъ остальныхъ странахъ .	103—110	„
Въ Италіи	75	„

Не было никакихъ экономическихъ основаній выдѣлять Италію изъ числа другихъ странъ. Единственнымъ мотивомъ, объясняющимъ поведеніе «Stahlwekverband», служило голое, ничѣмъ не прикрытое стремленіе задушить итальянскую промышленность. Конкуррировать съ такими цѣнами оказалось не по силамъ молодой итальянской металлургіи.

«Banca Commerciale», какъ представитель этой промышленности, оказался въ чрезвычайно щекотливомъ положеніи. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ заботиться объ интересахъ ввѣренной ему металлургіи, съ другой же стороны, не могъ идти противъ такого могущественнаго учрежденія своей родины, какъ «Stahlwerkverband». Пришлось сыграть роль искуснаго примирителя враждующихъ сторонъ.

При помощи «Commerciale» между обоими трестами заключено было соглашеніе, по которому цѣна фасоннаго желѣза въ Италіи была повышена до 105 марокъ за тонну. При такой цѣнѣ итальянская металлургія могла вздохнуть свободнѣе, а «Stahlwerkverband» продавалъ по цѣнѣ для него обычной. На этотъ разъ «Commerciale» съ честью вышелъ изъ положенія.

---

[1]) Ridolfa Ridolfi. „Il dumping considerata dellata prahica". Riforma Sociale Marżo—Aprile. 1914.

Другой чрезвычайно рѣзкій случай произошелъ уже въ области чисто военной промышленности въ 1906 году. Двойственный характеръ банка опредѣлилъ ту двойственную и странную роль, которую онъ сыгралъ въ этомъ году, когда рѣшался вопросъ о снабженіи итальянскаго войска новой полевой артиллеріей. Роль эта была въ высокой степени сложна, замысловата, и непосвященному наблюдателю могло казаться, что именно на этотъ разъ банкъ выказалъ свою полную незаинтересованность въ нѣмецкой военной промышленности и полную преданность интересамъ Италіи. А именно, банкъ финансировалъ англо-итальянское общество «Виккерсъ-Терни», въ конкурсѣ его противъ Круппа. Теперь ни для кого не составляетъ тайны, что соперничество между Круппомъ и Виккерсомъ было только кажущееся, что нѣмецкая военная промышленность сумѣла подпольными ходами проникнуть въ англійскую и образовать съ ней трестъ, подѣлившій большую часть Европы на эксплоатаціонные участки [1]). И этотъ союзъ военной промышленности германской и англійской шелъ рука объ руку съ конкурренціей между германской военной промышленностью и французской, между *Круппомъ и Шнейдеромъ* (Крезо). Эта конкурренція, нашедшая себѣ яркое выраженіе въ балканской войнѣ, которая по словамъ хроникера англійскаго «Economist» отъ 24 мая 1913 года въ отношеніи полевой артиллеріи была не чѣмъ инымъ, какъ промышленной конкурренціей двухъ предпріятій: французскаго Шнейдера (Крезо) и нѣмецкаго Круппа и *банковыхъ группъ*, ихъ *поддерживающихъ*. Конкурренція эта заставила нѣмецкую промышленность, съ одной стороны, организовать въ самой Франціи предпріятія, конкуррирующія съ Шнейдеромъ— «Hauts Tourneaux de Caen», основанныя Тиссеномъ, съ другой же стороны, заставляла, искать поддержки въ союзѣ съ англійскимъ домомъ Виккерса, который самъ стоитъ во главѣ могущественнаго синдиката военной промышленности, въ который входитъ 7 обществъ и который обладаетъ капиталомъ въ 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Слѣдуя своему всегдашнему методу, нѣмецкая промышленность сумѣла войти въ англійскую, захвативъ въ свои руки извѣстное количество акцій англійскихъ обществъ и создавъ, такимъ образомъ, общность интересовъ. Германская промышленность была заинтересована въ предпріятіяхъ Виккерса въ Канадѣ, Японіи, Испаніи, Турціи и Италіи. Въ Италіи на долю англійской промышленности пришлось сооруженіе флота и вооруженіе его артиллеріей; нѣмцамъ же въ этомъ трестѣ предоста-

---

[1]) „The War Traders". An exposure by G. H. Perris. Westminster G. W. 1913.

влено было снабженіе Италіи полевой артиллеріей, машинами, электрическими приборами и извѣстными продуктами желѣзодѣлательной промышленности. И нѣмцы честно соблюдали условія соглашенія. Поэтому Круппъ никогда не добивался поставки пушекъ и броней для итальянскаго флота и, когда ему представился случай основать въ Италіи пушечный заводъ, не воспользовался этимъ и спокойно позволилъ Виккерсу и Терни занять это мѣсто. И въ этомъ дѣлѣ Виккерсъ и Терни получили деньги и поддержку отъ «Banca Commerciale», который этимъ нисколько не шелъ противъ интересовъ германской промышленности.

Политика, которой придерживалась Германія, присвоивъ себѣ до извѣстной степени контроль надъ военной промышленностью другихъ странъ, была сходна во всемъ съ политикой ея въ другихъ областяхъ. Точно также, какъ «Stahlwerkverband» задерживалъ развитіе металлургіи въ Италіи своимъ «dumping», Круппъ задерживалъ вооруженія другихъ странъ. Средства, которыми онъ достигалъ этой цѣли, были довольно простыя. Поставка чужимъ странамъ матеріаловъ низшаго качества, несоблюденіе сроковъ поставокъ и пр., и пр. Преціози говоритъ, что въ Италіи никогда не было броненосца, готоваго во-время, ни пушекъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ поставленнымъ требованіямъ.

Италію Круппъ считалъ уже заранѣе завоеванной страной и поэтому, когда вопросъ зашелъ о снабженіи ея полевой артиллеріей, безъ стѣсненія думалъ ей спустить устарѣлые образцы. Но тутъ въ дѣло неожиданно вмѣшался соперникъ Круппа—Крезо. Пушки, которыя онъ предлагалъ, технически превосходили пушки Круппа. Въ этомъ конкурсѣ между Круппомъ и Шнейдеромъ, «Banca Commerciale» былъ, конечно, на сторонѣ нѣмецкаго предпріятія противъ французскаго. Но даже его вліяніе не могло помѣшать тому, что комиссія признала техническое превосходство Шнейдера. Для того, чтобы избѣгнуть пораженія нѣмецкой промышленности французской, «Banca Commerciale» пустилъ въ ходъ свое вліяніе, чтобы къ конкурсу привлечены были итальянскія пушки Депоръ. И все это съ единственной цѣлью, что если нельзя было спасти отъ пораженія Круппа, то по крайней мѣрѣ не допустить торжества Крезо. «Banca Commerciale» добился признанія превосходства пушекъ Депоръ и, такимъ образомъ, спасъ Круппа отъ возвеличенія на его счетъ Крезо.

Консорціумъ, который долженъ былъ заняться изготовленіемъ пушекъ, состоялъ изъ обществъ Армстронгъ, Пеццуоли, Виккерсъ-Терни и Пьемонтскаго аграрнаго консорціума. Финансированіе консорціума взялъ на себя «Banca Commerciale», и не его, конечно,

заслуга, если артиллерійскій матеріалъ этотъ настолько былъ усовершенствованъ, что теперь является однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ.

Но и у этой исторіи былъ эпилогъ. Круппъ никакъ не могъ переварить своей неудачи. Онъ приписывалъ ее не безъ основанія тѣмъ добросовѣстнымъ отставнымъ артиллерійскимъ офицерамъ, которые были представителями другихъ фабрикъ передъ военнымъ министерствомъ.

Въ 1913 году совѣтомъ министровъ было рѣшено, что впредь не будутъ допускаться къ дѣловымъ сношеніямъ съ публичной администраціей лица, пробывшія хотя бы одинъ день на *государственной службѣ*. Рѣшеніе это, казалось, было внушено заботой о возможно большей объективности и безпристрастіи властей; но дѣло не обстояло такъ просто. Уже за 18 дней до появленія этого декрета Круппъ въ письмѣ къ администраціи нѣмецкой фабрики, связанной съ нимъ коммерческими узами, торжественно сообщалъ, что ему удалось при помощи князя Бюлова устроиться такъ, что впредь ни одинъ бывшій артиллерійскій офицеръ не вырветъ у него изъ рукъ заманчиваго заказа. Черезъ 18 дней предсказанія Круппа со скрѣпой Бюлова сбылись. Появился декретъ, направленный къ обереганію интересовъ Круппа въ Италіи [1]).

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ далеко шло политическое могущество банка. Однако наиболѣе важнымъ моментомъ въ его политической жизни явилась та роль, которую онъ сыгралъ при заключеніи мира въ Уши. Имена людей, обсуждавшихъ и доведшихъ до заключенія договоръ, извѣстны всѣмъ, кому извѣстенъ составъ администраціи банка. Вольпи, стоящій во главѣ отдѣленія «Banca Commerciale» и «Восточнаго коммерческаго общества», депутатъ Бертолини, а секретаремъ былъ сынъ Іоеля, всемогущественнаго іерарха банка.

V.

Законъ о двойномъ подданствѣ.

Сказаннаго выше достаточно, чтобы охарактеризовать пріемы нѣмецкаго капитала въ самыхъ различныхъ областяхъ. Какъ видно, онъ обладаетъ своей особенной физіономіей, своими особенными пріемами, отличающими его отъ всякихъ другихъ формъ господства

---

[1]) Vita Italiana all'Estera. 15 maggio 1915. La vendetta di Krupp.

капитала. И это происходитъ оттого, что за капиталомъ стоитъ его «principium agens», стоитъ человѣкъ, приводящій его въ движеніе, и у этого человѣка свои специфическія, отличающія его отъ другихъ людей особенности.

Нигдѣ, никогда и никѣмъ полный аморализмъ, полное равнодушіе къ добру и злу не было такъ возведено въ систему, какъ нѣмецкимъ капитализмомъ въ погонѣ за прибылью. Когда началась война, поражались тѣмъ фактомъ, что нѣмцы переодѣвались въ мундиры чужихъ армій, стрѣляли подъ прикрытіемъ Краснаго Креста. Въ этомъ пріемѣ не было ничего новаго. Уже въ мирное время нѣмцы давно привыкли къ тому, чтобы прятать свой ликъ подъ чужой оболочкой. Подъ юридическимъ прикрытіемъ акціонерныхъ компаній той страны, куда они проникали, они подчиняли себѣ ея промышленность. Не умѣя совершенно приспособляться къ чужимъ обычаямъ, къ чужой психикѣ, они тѣмъ не менѣе пускали свои корни среди чужихъ народовъ, пріобрѣтая среди нихъ права гражданства, не стѣсняясь въ крайнемъ случаѣ сбросить съ себя нѣмецкую оболочку.

Нѣмецкое правительство поддерживало ихъ въ этой политикѣ и какъ на самое чудовищное измышленіе нѣмецкаго государственнаго смысла въ этой области можно указать на законъ *о двойномъ подданствѣ* Дельбрюкка, отъ 22 іюля 1913 года, вступившій въ силу 1-го января 1914 года. Этотъ законъ дѣлалъ изъ всякаго нѣмца двуликаго Януса. Въ обоснованіе своего проекта въ 1912 году Дельбрюккъ въ рейхстагѣ говорилъ: «Бываютъ случаи, когда нѣмецкій гражданинъ, находящійся за границей, можетъ испытать потребность, *рядомъ со своей старой національностью, пріобрѣсти новую* и, обладая этой послѣдней, онъ все же можетъ продолжать представлять *интересы своего стараго отечества.*»

Во время преній въ рейхстагѣ, когда противники проекта пожелали связать сохраненіе нѣмецкаго подданства со случаями невольнаго пріобрѣтенія чужестраннаго подданства, былъ высказанъ цѣлый рядъ экономическихъ и политическихъ доводовъ, которые заставляли сторонниковъ проекта смотрѣть на двойное подданство какъ на явленіе *нормальное и неизбѣжное въ условіяхъ современнаго общества и международнаго общенія.* Въ особенности же напиралось на цѣлесообразность закона въ видахъ нѣмецкой *міровой политики.* И проектъ былъ принятъ.

Насколько удачнымъ оказалось его примѣненіе, видно изъ того, что во главѣ итальянскихъ финансовыхъ институтовъ стоятъ все «итальянцы» съ нѣмецкими фамиліями. Профессоръ Панта-

леони подшучивалъ надъ тѣмъ, что Іоель, Вейль и Теплицъ все тосканскія имена («sanno di toscana»). Тоскана, какъ извѣстно, колыбель итальянской литературной рѣчи.

2-го февраля 1915 года, 7 мѣсяцевъ послѣ начала европейской войны, изъ Совѣта «Banca Commerciale» подали въ отставку 13 членовъ его, иностранцевъ, не успѣвшихъ пріобрѣсть итальянскаго гражданства. Среди нихъ Кэмпфъ, предсѣдатель нѣмецкаго рейхстага. Каждый изъ оставшихся 5 членовъ Совѣта (среди нихъ вліятельные Іоель, Вейль и Теплицъ) имѣлъ право говорить о себѣ: «Civis romanus sum».

То же самое произошло съ «Credita Italiana». Правда, организація его менѣе совершенна, нежели у «Banca Commerciale», и поэтому директоръ его Вильгельмъ Пфицмайеръ позаботился о пріобрѣтеніи итальянскаго гражданства только уже послѣ начала войны. Но итальянское правительство къ этому времени рѣшило уже не принимать въ число итальянскихъ гражданъ подданныхъ воюющихъ державъ. Такимъ образомъ, господину Пфицмайеру осталось только пожалѣть о недостаткѣ предусмотрительности. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого отказа, директоръ римскаго отдѣленія «Credita Italiana» Дависъ долженъ былъ скоропалительно покинуть Италію, потому что оказалось, что домъ его былъ центромъ политическаго шпіонажа. То же самое долженъ былъ сдѣлать директоръ отдѣленія въ Чивитавеккіи.

Такимъ образомъ появились первыя трещины въ «колонизаціонной работѣ» нѣмцевъ въ Италіи. Несомнѣнно, что понявшіе всю опасность хозяйничанія нѣмцевъ въ своей странѣ, итальянцы этимъ не ограничатся.

Полное сознанія своего достоинства и своихъ силъ національное движеніе въ Италіи, которое дало ей возможность гордо поднять голову среди великихъ державъ, не остановится раньше, чѣмъ не очиститъ страну окончательно отъ безцеремонныхъ чужестранцевъ. Наученная опытомъ Италія сама проложитъ пути своего экономическаго развитія. «L'Italia fara da se». Италія справится сама, не нуждаясь въ опекѣ «высшей расы» голубоглазыхъ и свѣтловолосыхъ варваровъ.

А. Айзенштадтъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Когда началась настоящая война, Германія, ее объявившая, считала нужнымъ повѣдать міру, что она борется за свое существованіе. Зависть и заговоръ, устроенный противъ нея Эдуардомъ VII и его «политикой окруженія», заставляютъ ее разстаться съ дорогимъ ей миромъ. Нѣмецкіе профессора исторіи недолго оставляли насъ въ неизвѣстности насчетъ того, въ какой мѣрѣ за этой лицевою стороною имперской программы скрывается болѣе грозная для Европы программа матеріальныхъ интересовъ. Началось дѣло съ жалобъ на то что при раздѣлѣ африканскаго материка Германія была болѣе или менѣе обойдена и получила одни лишь ничтожные остатки. Такъ какъ ненависть къ Англіи, своимъ вмѣшательствомъ въ международное столкновеніе нарушившей всѣ расчеты германцевъ, росла не по днямъ, а по часамъ, то задачей войны стали объявлять упраздненіе ея господства надъ морями. Такъ какъ Россію старались представить зачинщикомъ благодаря будто бы начатой ею мобилизаціи своихъ войскъ противъ Германіи, то проф. Листъ и проф. Галлеръ сочли возможнымъ въ «Южно-нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ» предложить еще въ началѣ текущаго года раздѣлъ государства, настолько обширнаго, что въ примѣненіи къ нему они употребляли выраженіе: «цѣлый міръ» Расчитывая уже въ то время на дѣятельную помощь Турціи и на возможность привлеченія «родственной Германіи» Швеціи обѣщаніемъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, названные мною профессора высказывали претензію на присоединеніе Германіи и ея союзницы—Австріи «всего-на-всего»: Прибалтійскаго края, Царства Польскаго, Волыни и Подоліи. Швеціи должна была достаться Финляндія, Турціи—Кавказъ, Румыніи—Бессарабія. Малороссію собирались отдѣлить отъ Россіи, образуя изъ нея самостоятельное и дружественное государство. Такъ какъ вскорѣ затѣмъ послѣдовали нѣкоторыя военныя неудачи и Львовъ «по соображеніямъ стратегическимъ» оставленъ былъ австрійскими войсками незащищеннымъ, то въ Германіи поднялся протестъ «здраваго смысла», и не только свободная печать,

но и правительственные органы преподали совѣтъ не дѣлить шкуры неубитаго медвѣдя.

Теперь, когда почти вся Галиція у насъ отвоевана, занято Царство Польское, часть Прибалтійскаго края, когда въ рукахъ нѣмцевъ оказались Ковно, Брестъ, претензіи, казавшіяся несвоевременными и потому до нѣкоторой степени смѣшными, заявляются уже открыто въ стѣнахъ рейхстага.

Г. Лурье пишетъ изъ Стокгольма въ «Русскія Вѣдомости»: «Союзы аграріевъ и промышленниковъ на засѣданіи 20 (7-го) августа выступили съ докладомъ имперскому правительству, настаивая на подчиненіи Германіи Бельгіи и сѣверной Франціи съ общимъ населеніемъ въ 10 милліоновъ человѣкъ»... О земельныхъ аннексіяхъ говорилъ и самъ канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ; опредѣленно онъ назвалъ Польшу, какъ подлежащую переходу въ общее управленіе Германіи и Австро-Венгріи. За исключеніемъ прогрессистовъ и соціалъ-демократовъ, остальныя партіи, поскольку рѣчь идетъ о восточной границѣ, считаютъ спеціальнымъ вознагражденіемъ Германіи: Прибалтійскій край и Ковенскую губернію, а Австро-Венгріи—Волынь и Подолію.

Въ минимальную программу тѣхъ же партій входитъ отдѣленіе Финляндіи и вознагражденіе Турціи на Кавказѣ и въ Средней Азіи... «Успѣхи кружатъ голову, пишетъ г. Лурье. Стоявшій раньше за полюбовный раздѣлъ міра Рорбахъ теперь не мирится на меньшемъ, чѣмъ вся Украйна съ Харьковымъ, не говоря уже о Литвѣ. Вице-предсѣдатель австрійскаго парламента, Пернерсторферъ, пишетъ въ берлинскихъ газетахъ, что войны нельзя окончить, пока навсегда не отдѣленъ будетъ отъ Россіи Донецкій бассейнъ, Одесса и весь нижній пшеничный районъ, а Теодоръ Вольфъ, руководитель «Berliner Tageblatt», пишетъ о вытѣсненіи Россіи въ Азію. Самъ Вильгельмъ черезъ своего посла въ Вѣнѣ, Чирскаго, послѣ занятія Холма шлетъ свою лучшую благодарность группѣ, отъ которой получена была имъ телеграмма изъ Вѣны съ просьбой занять прочно Кіевъ» («Русск. Вѣд.» отъ 21 авг. 1915 г.).

Немудрено, если нашептыванія о томъ, что не пора ли подумать о почетномъ сепаратномъ мирѣ, которыя раздавались мѣсяцъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ высшихъ кругахъ, совершенно прекратились. Повидимому сознана и ими невозможность не только почетнаго мира подъ условіемъ измѣны союзникамъ, но и всякаго мира вообще. Разъ отъ васъ не скрываютъ, что намѣрены отнять у васъ лучшія земли, сократить населеніе Россіи съ 170 до 135 милліоновъ, ограбить васъ въ пользу Турціи, Румыніи, Швеціи, въ послѣднее время говорятъ даже о Персіи, то единственнымъ отвѣтомъ является

тотъ, какой даетъ милитаризація всей промышленности, единеніе Государя съ народомъ въ отстаиваніи общаго наслѣдія предковъ, готовность понести всѣ жертвы, какихъ можетъ потребовать сохраненіе для націи свободы управлять собственными судьбами.

* * *

Чѣмъ значительнѣе претензіи, предъявляемыя къ намъ нашими врагами, тѣмъ съ большимъ удовлетвореніемъ мы относимся къ заявленіямъ готовности сохранить строгій нейтралитетъ, примѣръ которыхъ представили намъ на-дняхъ державы скандинавскаго міра. «Сѣверный междупарламентскій союзъ, читаемъ мы въ телеграммѣ отъ 21 августа изъ Копенгагена, къ концу занятій конгресса обсуждалъ вопросъ о нейтральномъ мореплаваніи во время войны, а также другія проблемы, представляющія интересъ для скандинавскихъ государствъ. На состоявшемся сегодня собраніи была единогласно принята резолюція, предложенная шведскимъ делегатомъ, барономъ Адельсвэртомъ; въ ней выражается удовлетвореніе политикой нейтралитета, до сихъ поръ проводившейся въ трехъ скандинавскихъ государствахъ къ благу ихъ народовъ. Конгрессъ выразилъ особое удовлетвореніе по поводу того обстоятельства, что эта политика явилась результатомъ дружескихъ совѣщаній и совмѣстной работы правительствъ трехъ королевствъ, благодаря чему оказалось возможнымъ съ еще большей энергіей отстаивать общіе интересы во время неизбѣжныхъ среди войны международныхъ осложненій. Междупарламентскій союзъ выразилъ увѣренность, что эта политика неизбѣжнаго нейтралитета будетъ сохраняться и въ будущемъ, съ добраго согласія между тремя государствами».

Такимъ образомъ, всѣ попытки, начавшіяся задолго до войны, поссорить Россію съ Швеціей, распространяя тотъ слухъ, что сѣверныя дороги строются нами по направленію къ норвежскимъ незамерзаемымъ портамъ съ чисто-стратегическими цѣлями, не оказали, къ счастью, ожидаемаго дѣйствія. Мнѣ памятенъ пріѣздъ въ Петроградъ одного изъ серьезнѣйшихъ поборниковъ международнаго мира. Онъ прибылъ съ цѣлью убѣдиться на мѣстахъ, въ какой мѣрѣ серьезны распространяемыя Германіей и проникшія въ шведскую печать опасенія, что Россія готова наброситься на своего сѣвернаго сосѣда. Убѣдившись изъ бесѣдъ хорошо освѣдомленныхъ людей, что эти опасенія вызваны своекорыстнымъ расчетомъ и соотвѣтствующими интригами родственной скандинавскому міру націи, онъ выразилъ свою перемѣну настроенія въ статьѣ, напечатанной имъ въ «Вѣстникѣ Европы». Съ этого времени защита нѣмецкою печатью интересовъ Швеціи отъ воинственнаго сосѣда произ-

водитъ въ скандинавскомъ мірѣ меньшее впечатлѣніе. Страдая, подобно всѣмъ «нейтральнымъ», отъ пиратства нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ, Норвегія, Данія и Швеція со времени войны почувствовали необходимость еще болѣе тѣснаго общенія другъ съ другомъ въ интересахъ сохраненія вмѣстѣ съ нейтралитетомъ и полной своей независимости. Съѣздъ въ Мальмэ проложитъ путь этой, отвѣчающей ихъ интересамъ, политикѣ.

* * *

Разумѣется, шведскую печать немудрено было бы нервировать слухами о новыхъ замыслахъ Россіи противъ автономіи Финляндіи. Такіе слухи были распространяемы не разъ нѣмецкой и австрійской печатью со времени открытія военныхъ дѣйствій. Несомнѣваюсь, поэтому, что передача финляндскими газетами и перепечатка затѣмъ стокгольмскими хотя бы отрывковъ изъ произнесенной въ Гос. Совѣтѣ рѣчи барона Розена подѣйствуетъ успокаивающимъ образомъ на общественное мнѣніе въ скандинавскомъ мірѣ. Въ этой рѣчи одинъ изъ лучшихъ представителей нашей дипломатіи въ ея прошломъ, тотъ самый, который въ свое время предупреждалъ русское правительство о дѣйствительномъ настроеніи Японіи и содѣйствовалъ сохраненію въ теченіе ряда лѣтъ нашихъ добрыхъ отношеній съ Соединенными Штатами, сказалъ буквально слѣдующее: «На законодательныхъ учрежденіяхъ лежитъ обязанность придти на помощь правительству и взять на себя иниціативу внесенія законопроекта... объ отмѣнѣ касающагося Финляндіи закона 17 іюля. Проведеніе такой мѣры несомнѣнно облегчило бы лежащую на правительствѣ тяжелую задачу въ области международныхъ отношеній, и было бы встрѣчено съ живѣйшимъ удовлетвореніемъ нашими доблестными союзниками. Намъ необходимо помнить, что эта великая европейская война не только борьба интересовъ, но и борьба идей и принциповъ. Въ борьбѣ противъ германскаго милитаризма Россія встала на сторону права и свободы. Для торжества идеи, за которую мы боремся, необходимо, чтобы и въ Россіи не было болѣе безправныхъ и угнетенныхъ»...

Въ широкихъ думскихъ кругахъ господствуетъ настроеніе, во многомъ отвѣчающее тому, какое выразилъ своей откровенной рѣчью нашъ уважаемый дипломатъ. Примирительная политика въ финляндскомъ вопросѣ становится лозунгомъ партій, начиная отъ крайнихъ лѣвыхъ и оканчивая недавно отколовшейся отъ націоналистовъ партіей центра, прогрессистовъ-націоналистовъ, а равно и обѣихъ группъ октябристовъ.

* * *

Для насъ не безразлично также отношеніе къ намъ другой нейтральной державы — великой заокеанской республики. Она только-что одержала серьезную побѣду надъ Германіей во имя человѣколюбія и международнаго права. Не желая имѣть ее противъ себя, нѣмцы принуждены впредь щадить жизнь экипажей нейтральныхъ судовъ, на которыя производятъ набѣги ихъ морскіе хищники. Нѣмцамъ, несмотря на поддержку въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ милліоновъ ихъ соотечественниковъ, не удалось также добиться для американцевъ запрета продавать Россіи оружіе и снаряды. Но симпатіи американскаго народа къ намъ, разумѣется, возросли бы въ значительной степени, если бы наше правительство послѣдовало другому совѣту, какой преподалъ ему въ своей рѣчи баронъ Розенъ. Онъ прямо высказалъ ту мысль, что пора законодательнымъ учрежденіямъ пойти на помощь правительству, взявъ на себя иниціативу объ отмѣнѣ всѣхъ законоположеній, ограничивающихъ права евреевъ. «Направленіемъ нашей внутренней политики, сказалъ онъ, мы даемъ въ руки враждебной намъ пропагандѣ обильные доводы для возбужденія противъ нашего отечества общественнаго мнѣнія такихъ странъ, какъ Соединенные Штаты Америки».

И въ этомъ вопросѣ бар. Розенъ, къ счастью, не стоитъ одиноко. Необходимость вступить на путь отмѣны ограничительныхъ законовъ для евреевъ проникла въ сознаніе большинства нашего народнаго представительства.

* * *

Далеко не безразличнымъ является для насъ и тотъ курсъ, какой примутъ балканскіе народы въ отношеніи къ Турціи. Попытка послѣдней поднять противъ насъ мусульманскій міръ, на которую германцы возлагали большія надежды, кончилась жестокимъ фіаско. Магометане сражаются въ англо-индійскихъ войскахъ столько же въ предѣлахъ Франціи, сколько и въ Египтѣ. «Священная война», которой намъ грозили на Кавказѣ, свелась къ массовому избіенію армянъ Малой Азіи, — къ позору, якобы, обновленной переворотомъ 1908 г. Оттоманской имперіи. Но все это не заставляетъ еще германцевъ отказаться отъ давно лелѣемой надежды обратить мусульманскій міръ въ сферу своей колонизаціи и сосредоточить торговлю на рынкахъ Востока. Операціи союзнаго флота въ Дарданеллахъ, разумѣется, ни мало не входили въ ихъ разсчеты. Съ большей силой, чѣмъ когда бы то ни было, выступаетъ предъ ними необходимость проложить себѣ дорогу къ Константинополю и Багдаду черезъ балканскія государства. Отсюда,

давно уже начавшаяся политика обращенія Сербіи въ вассальное государство, а при отпорѣ съ ея стороны—попытка поглощенія ея Австріей.

При послѣднихъ двухъ короляхъ изъ династіи Обреновичей, Сербія фактически становилась сателлитомъ Австріи. Имперія Габсбурговъ во всякое время могла пригрозить ей запретомъ вывоза своихъ свиней, одно время главнаго товара. Доступъ къ морю для Сербіи былъ и еще остается закрытымъ. Кто не помнитъ, какъ при малѣйшихъ попыткахъ австрійской политики, двуединая имперія открывала въ Сербіи наличность эпизоотіи, не позволяющей вывоза изъ нея живого товара. Память объ этихъ еще недавнихъ временахъ уцѣлѣла доселѣ въ Австріи, и ея чиновники, почти наканунѣ безславнаго бѣгства австрійскихъ войскъ изъ-подъ Ниша, озаряли свое лицо улыбками при мысли, что сербамъ придется платить свою военную контрибуцію свиньями. Съ воцареніемъ Карагеоргіевичей послѣдовала рѣзкая перемѣна въ направленіи сербской политики. Недовольные ею австрійскіе дипломаты стали выдавать этотъ братскій намъ народъ за аванпостъ Россіи. Вѣнская печать еще недавно трезвонила, что портъ въ Дураццо, къ которому стремились сербы, будетъ въ дѣйствительности базисомъ для русскаго военнаго флота въ Адріатикѣ. Съ такимъ передовымъ бойцомъ славянства, какимъ являются сербы подъ владычествомъ новой или, точнѣе, возрожденной династіи, австрійцы не сочли возможнымъ вести другой политики, кромѣ политики поглощенія. Сербію въ недалекомъ будущемъ ожидала судьба Босніи и Герцеговины. Извѣстно, какіе планы приписывали покойному наслѣднику австрійскаго престола, эрцгерцогу Францу-Фердинанду. Онъ собирался обратить Австрію изъ двуединой въ тріединую имперію, при чемъ сербы должны были войти въ составъ возрождаемаго подъ властью Габсбургскаго дома южнаго славянства. Сказать, чтобы такіе планы не встрѣчали сочувствія и въ средѣ австрійскихъ славянъ, было бы большой ошибкой. За годъ до войны мнѣ пришлось встрѣтиться съ пражскимъ профессоромъ изъ чеховъ, который отказывался признать «реальный характеръ» за политикой Крамаржа, на томъ основаніи, что послѣдній не стремится къ поглощенію Австріей возможно большого числа славянъ. Вѣдь только подъ этимъ условіемъ,—разсуждалъ онъ—можно добиться того, чтобы и внутренняя политика имперіи приняла характеръ благопріятствованія славянамъ. Такое мнѣніе распространено въ Австріи, болѣе чѣмъ думаютъ, и не въ средѣ однихъ нѣмцевъ. Приходилось, наоборотъ, встрѣчать между ними людей, которыхъ вовсе не тѣшила мысль о пріумноженіи славянскихъ подданныхъ имперіи. Они не могли про-

стить сербамъ одного: нерѣдкой мобилизаціи австрійскихъ войскъ въ провинціяхъ, прилегающихъ къ королевству. Издержки, связанныя съ мобилизаціей, увеличиваютъ размѣръ налоговъ и отражаются невыгодно на карманѣ столько же вѣнскихъ, сколько и богемскихъ нѣмцевъ. Они привѣтствовали поэтому мысль покончить съ Сербіей сразу. Заступничество за нее Россіи было для нихъ непріятной неожиданностью. Разумѣется, еще большей непріятностью былъ печальный исходъ сербской кампаніи. Его нѣкоторое время скрывали подъ всякаго рода стратегическими «мотивами отступленія». О реваншѣ заговорили тотчасъ же, какъ стала извѣстна горькая истина. О немъ мечтаютъ и теперь, и не въ одной Австріи, но и въ Германіи. На засѣданіи 21-го августа въ рейхстагѣ упомянуто было вскользь и о свободныхъ войскахъ, которыя можно было бы направить на Балканы.

Печать обѣихъ центральныхъ имперій не прекращаетъ своихъ угрозъ по адресу не только Сербіи, но также Болгаріи и Румыніи. Отъ кого требуютъ пропуска оружія въ помощь туркамъ, отъ кого заключенія съ ними письменнаго соглашенія, связаннаго съ исправленіемъ границъ въ пользу податливаго сосѣда. Германія и Австрія равно озабочены мыслью помѣшать успѣху операцій союзнаго флота въ Дарданеллахъ. Походъ австро-германскаго войска на выручку турокъ чрезъ Болгарію и Сербію задуманъ уже давно. Найдутся ли нужные для его выполненія, какъ пишутъ, восемьсотъ тысячъ солдатъ, это, разумѣется, еще вопросъ. Въ Бухарестъ сообщаютъ изъ Туркъ-Северина, что мѣстное населеніе охвачено паникой, которая вызвана прибытіемъ въ Топлице множества германскихъ блиндированныхъ автомобилей. Автомобили, повидимому, входятъ въ «инвентарь» арміи, выступающей противъ Сербіи, а изъ Будапешта телеграфируютъ, что наступленіе на Сербію начнется въ первыхъ числахъ сентября. Несомнѣнно только одно, что никогда возрожденіе балканскаго если не союза, то согласія, не было болѣе въ интересахъ враждующихъ съ центральными имперіями и Турціей державъ, какъ въ настоящее время. Этимъ только объясняется, почему къ Сербіи они сочли возможнымъ обратиться съ предложеніемъ вернуть Болгаріи ту часть Македоніи, которая должна была достаться ей по договору, заключенному еще передъ началомъ первой Балканской войны. Вопреки поговоркѣ, гласящей, что «побѣдителей не судятъ»—у Сербіи, сумѣвшей отразить врага, требуютъ земельныхъ пожертвованій, правда, подъ условіемъ широкихъ территоріальныхъ вознагражденій въ случаѣ побѣды надъ общимъ врагомъ.

Обѣщаютъ Боснію съ Герцеговиной и часть наслѣдія эфемер-

наго Албанскаго княжества, а это предполагаетъ давно желанный доступъ къ Адріатикѣ. Но такъ какъ всѣ эти блага ждутъ Сербію лишь въ туманномъ будущемъ, то немудрено, если ея правительство медлитъ съ уступками и пытается сократить ихъ размѣръ.

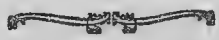
Сербія старается сохранить за собою выходъ не только на Адріатическое, но и на Эгейское море, а для этого ей нужно установить корридоръ въ 35 верстъ шириною, сообщающій ее съ Греціей. О такомъ корридорѣ не шло рѣчи при заключеніи самой же Сербіей договора съ Болгаріей въ 1912 году, на возстановленіи котораго настаиваютъ теперь державы четверного согласія; ихъ требованія, слѣдовательно, не исполнены, и Болгарія можетъ считать себя въ правѣ отклонить дѣлаемыя ей предложенія.

Газета «Рѣчь» отмѣчаетъ этотъ фактъ. Она же справедливо настаиваетъ на той мысли, что съ проектомъ раздѣла Македоніи державы-союзницы должны были обратиться къ Сербіи мѣсяцы тому назадъ; тогда же могъ бы быть положенъ конецъ раздирающей Балканы распрѣ, и планы германцевъ насчетъ возможнаго похода на выручку турокъ были бы подкошены въ самомъ корнѣ. Теперь многое зависитъ отъ того рѣшенія, какое принято будетъ Болгаріей. Въ Болгарію посланъ герцогъ Мекленбургскій съ цѣлью отвлечь ее отъ возстановленія добрыхъ отношеній съ Сербіей, покупаемыхъ цѣною территоріальныхъ уступокъ. Болгарія продолжаетъ вести переговоры съ турками. Отъ нея центральныя имперіи ждутъ согласія на провозъ германскаго оружія, посылаемаго въ помощь Турціи. Ей приписываютъ намѣреніе не считаться съ миролюбивымъ предложеніемъ сербовъ и занять войсками по собственному почину уступаемую ей область. Въ распространеніи всѣхъ этихъ слуховъ, разумѣется, заинтересованы наши враги и поддерживаемая ихъ деньгами печать. Это заставляетъ меня относиться съ большимъ недовѣріемъ ко всему, что̀ проникаетъ и въ наши газеты о ближайшихъ рѣшеніяхъ, какія намѣрена принять Болгарія. Но, какъ истинный и старый другъ этой страны, я считаю долгомъ совѣсти сказать ей, что въ будущемъ она потеряетъ всѣ симпатіи освободившаго ее народа въ томъ случаѣ, если бы оправдался хотя одинъ изъ распространяемыхъ на ея счетъ слуховъ. Отъ Болгаріи зависитъ теперь или осуществить ожиданія всѣхъ сторонниковъ балканскаго союза, въ которомъ она призвана играть далеко не послѣднюю роль, или сдѣлаться вассальнымъ государствомъ по отношенію къ двумъ центральнымъ имперіямъ. Для нихъ Болгарія имѣетъ значеніе, какъ прямой путь на Востокъ, не въ одинъ Константинополь, но также въ

Багдадъ и Египетъ. Самостоятельно управляющей своими судьбами Болгаріи ни Германія, ни Австрія допустить не могутъ. Это противорѣчило бы ихъ нескрываемому еще до войны желанію обратить мусульманскій востокъ въ такую же сферу не одного экономическаго, но и политическаго вліянія Германіи, какой для Англіи является Южная Африка, а для Франціи — Сѣверная.

Все это должно быть хорошо извѣстно и тому ловкому политику, который руководитъ болгарской дипломатіей и для котораго, разумѣется, не безразличны и интересы собственной династіи. Грозящая опасность, очевидно, не составляетъ тайны и для спорящихъ изъ-за власти вожаковъ различныхъ болгарскихъ партій. Будемъ надѣяться, что они найдутъ въ своемъ патріотизмѣ достаточную удержь и для страха, нагоняемаго на нихъ Германіей, и для заманчивыхъ обѣщаній, ею несомнѣнно расточаемыхъ. Въ дружномъ союзѣ разума и сердца они откроютъ тотъ путь, по которому освобожденная Россіей страна должна пойти въ направленіи къ истинному величію, независимости и ничѣмъ незапятнанной славѣ!

Максимъ Ковалевскій.



НА ТЕМЫ ДНЯ.

Существуетъ ли на самомъ дѣлѣ „пораженчество“?—Совершилось ли „обновленіе“ министерства?—Московскія резолюціи.—Что можетъ сдѣлать Государственная Дума? — Настроенія въ Государственномъ Совѣтѣ. — Ѳ. Ѳ. Арнольдъ, Л. И. Лутугинъ и П. С. Коссовичъ.

Существуетъ ли у насъ въ широкихъ кругахъ населенія отрицательное отношеніе къ продолженію военныхъ дѣйствій, жажда мира во что бы то ни стало, желаніе—страшно вымолвить—неудачъ, могущихъ ускорить окончаніе войны? Зародилось ли, назрѣваетъ ли то явленіе, для котораго придуманъ терминъ: «пораженчество»? И если «пораженцы»—не изобрѣтеніе злобы или страха, то что̀ они такое: отдѣльныя единицы или многочисленныя группы? Точный отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только будущее; но трудно вѣрить въ распростра-

ненность настроенія, до такой степени идущаго въ разрѣзъ съ значеніемъ минуты, съ характеромъ переживаемыхъ нами событій. Безспорно, бывали эпохи, когда миръ, хотя бы и невыгодный, тяжелый, могъ казаться меньшимъ зломъ, чѣмъ слишкомъ полная побѣда, когда съ внѣшнимъ неуспѣхомъ могла быть связана надежда на перемѣну къ лучшему въ внутренней жизни государства; но между тогдашними и нынѣшними условіями лежитъ цѣлая бездна. Одно дѣло—война, предпринятая безъ крайней необходимости, не имѣющая ничего общаго съ жизненными интересами народа; другое дѣло—война, навязанная противникомъ, веденная имъ съ нарушеніемъ элементарныхъ требованій человѣчности и права, грозящая, въ случаѣ его торжества, неисчислимыми бѣдами. Одно дѣло—страна, цѣлые вѣка погруженная въ неподвижность, населенная милліонами рабовъ, систематически удерживаемая въ невѣжествѣ и безправіи; другое дѣло—страна, пробудившаяся къ сознательной жизни, вступившая на путь, гдѣ могутъ быть задержки, но немыслимъ рѣшительный поворотъ назадъ. Парижскій миръ 1856-го года оставилъ внѣшнее могущество Россіи, въ сущности, такимъ же, какимъ оно было до восточной войны; исчезъ только кажущійся блескъ, на самомъ дѣлѣ служившій источникомъ слабости, а не силы. Съ небольшими оговорками, то же самое можно сказать и о трактатахъ берлинскомъ и портсмутскомъ. Совершенно инымъ былъ бы результатъ мира, теперь заключеннаго съ Германіей и Австро-Венгріей,—«пораженческаго» мира, неизбѣжно сопряженнаго съ тяжкими потерями и жертвами. Такой миръ, прежде всего, былъ бы непроченъ; за бѣдствіями одной войны неизбѣжно послѣдовали бы бѣдствія другой, еще болѣе ожесточенной. Недостигнутыми остались бы тѣ высокія цѣли, во имя которыхъ соединились съ Россіей передовыя европейскія державы: не были бы залѣчены глубокія раны, нанесенныя русскому народу и его друзьямъ. Меньше всего обстановка, установившаяся подъ знакомъ побѣдоносной Германіи, благопріятствовала бы движенію впередъ, къ идеальнымъ цѣлямъ, все болѣе и болѣе понятнымъ и дорогимъ для народныхъ массъ въ Россіи и внѣ Россіи. На пути къ этимъ цѣлямъ нѣтъ такихъ препятствій, которыя могли бы быть устранены или уменьшены германской побѣдой—той побѣдой, о которой мечтаютъ, будто бы, наши «пораженцы».

Ни для кого не тайна, гдѣ видятъ «пораженчество» тѣ, кому нужно пугать имъ, или тѣ, кому оно мерещится по недоразумѣнію или со страха. Его искали въ процессѣ пяти с.-д. депутатовъ, но его тамъ не оказалось; его ищутъ теперь въ выступленіяхъ лѣвыхъ партій и еще больше—въ предполагаемомъ ихъ настроеніи. Существуетъ изреченіе, гласящее, что въ любыхъ двухъ строкахъ, кѣмъ бы то ни было на-

писанныхъ, можно, съ помощью извѣстнаго пріема, открыть основаніе для произнесенія надъ писавшимъ обвинительнаго приговора. Конечно, если пустить въ ходъ такой пріемъ, признаки «пораженчества» нетрудно обнаружить гдѣ угодно, особенно—въ словахъ, произносимыхъ ab irato, съ намѣреннымъ или невольнымъ сгущеніемъ красокъ и повышеніемъ тона. Менѣе чѣмъ когда-либо, однако, инквизиціонные способы изслѣдованія умѣстны въ настоящую минуту. И если, не читая въ сердцахъ, не преувеличивая значенія случайныхъ деталей, остановиться на общемъ и главномъ, то выводъ получится совсѣмъ не тотъ, къ которому желали бы придти закоснѣлые сѣятели подозрѣній. Извѣстно, какую роль сыгралъ и продолжаетъ играть Г. В. Плехановъ въ средѣ русской соціалъ-демократіи: болѣе, чѣмъ кто-либо другой, онъ является выразителемъ ея взглядовъ, ея чаяній и стремленій. Что̀ же онъ говоритъ въ статьѣ, напечатанной in extenso въ «Современномъ Мірѣ» (выдержки изъ нея появились въ № 225 «Рѣчи»)? «Русскій пролетаріатъ заинтересованъ лишь въ одномъ: чтобы русская земля не сдѣлалась предметомъ эксплоатаціи въ рукахъ германскихъ имперіалистовъ... Татарское иго замедлило наше экономическое, а съ нимъ и все культурное развитіе. Оно вызвало къ жизни нашъ политическій порядокъ. Нѣмецкая побѣда остановитъ наше политическое развитіе, положитъ конецъ европеизаціи Россіи и увѣковѣчитъ этотъ старый порядокъ... Для увѣковѣченія этого порядка достаточно будетъ политическаго союза съ Германіей, который навяжутъ побѣдители. Конецъ всей той Россіи, которая трудилась и мыслила, страдала и боролась за лучшее будущее!» Говоря такимъ образомъ, Г. В. Плехановъ возражалъ противъ предположенія, что онъ *равнодушенъ* къ исходу войны. Нетрудно представить себѣ, что̀ сказалъ бы онъ тѣмъ, кому пришло бы на мысль приписать ему желаніе торжества германцевъ. А взглядъ одного изъ вождей партіи, въ вопросѣ первостепенной важности, не можетъ быть далекъ отъ взгляда его единомышленниковъ.

Не разсчетъ на пораженія, не готовность мириться съ ними слышится въ рѣчахъ оратора другой лѣвой партіи, А. Ф. Керенскаго. «Мнѣ не хотѣлось бы»,—говорилъ онъ въ Гос. Думѣ 14-го августа, по поводу запроса о событіяхъ въ Иваново-Вознесенскѣ,—«чтобы фактъ внесенія нами этого запроса былъ кѣмъ-нибудь истолкованъ какъ желаніе еще болѣе усилить тотъ развалъ, который начинается въ странѣ. Мы хотимъ, чтобы то, что̀ мы переживаемъ, переживалось всѣми нами съ особеннымъ подъемомъ и съ сознаніемъ нашей государственной и исторической отвѣтственности». Въ другой рѣчи, произнесенной въ тотъ же день, А. Ф. Керенскій обращается къ членамъ Думы съ слѣдующею «величайшею просьбою»: «Когда то, что̀ идетъ

съ запада, все ближе и ближе къ нашимъ исконнымъ землямъ, къ нашимъ центрамъ, забудьте наши несогласія, забудьте наши классовыя позиціи и вспомните о странѣ, вспомните о родинѣ». Такъ не говорятъ сторонники принципа: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Имъ нужно не забвеніе несогласій, а ихъ обостреніе, не единодушіе, увеличивающее силу обороны, а «развалъ», создающій преграды на пути къ побѣдѣ.

Нѣтъ ли, однако, въ томъ, что происходитъ теперь на нашихъ глазахъ, признаковъ «тонкой, прикровенно-лукавой формы пораженчества»? Такіе признаки насъ приглашаютъ видѣть въ проявляющейся, будто бы, «тенденціи использовать трудности войны для тѣхъ или иныхъ цѣлей внутренней политики». Намъ говорятъ, что «внутренняя политика всѣхъ отвѣтственныхъ элементовъ общества во время войны должна находиться въ сознательномъ и суровомъ подчиненіи задачамъ войны». Самъ по себѣ этотъ тезисъ не возбуждаетъ сомнѣнія; но въ примѣненіи его на практикѣ возможно — или, лучше сказать, неизбѣжно—самое рѣзкое разногласіе. Можно утверждать, что до окончанія войны безусловно не должно быть рѣчи о какихъ бы то ни было реформахъ—и можно именно войною мотивировать необходимость и неотложность реформъ, хотя бы и расходясь въ опредѣленіи ихъ существа и ихъ размѣра. Здѣсь, какъ и вездѣ, возможны ошибки и въ ту, и въ другую сторону: въ требованіи реформъ можно идти слишкомъ далеко или недостаточно далеко — но въ самомъ предъявленіи требованія нельзя, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, усматривать заднія мысли, скрытыя цѣли. Обвиненіе въ «прикровенно-лукавомъ пораженчествѣ» не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя могутъ быть взводимы съ легкимъ сердцемъ и основываемы на однѣхъ догадкахъ.

Если «пораженчество», въ какой бы то ни было формѣ, тайной или явной, не пустило у насъ глубокихъ корней, если «пораженцы»—«rari nantes in gurgite vasto», то имѣется на-лицо общая почва, на которой могутъ сойтись всѣ партіи, всѣ направленія, всѣ классы. Эта почва — рѣшимость вести борьбу до конца, т. е. до полной побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ. Она не устраняетъ глубокихъ разногласій въ области внутренней политики, но исключаетъ такое ихъ проявленіе, которое было бы несовмѣстимо съ организаціей и осуществленіемъ народной обороны. Какъ бы желательно, какъ бы необходимо ни было возстановленіе избирательнаго закона 1905-го года, замѣненнаго положеніемъ 3-го іюня, оно едва-ли, поэтому, можетъ быть поставлено на ближайшую очередь. Логическимъ его послѣдствіемъ являлось бы назначеніе новыхъ выборовъ, производство которыхъ въ однѣхъ частяхъ государства, занятыхъ непріятелемъ, было бы совершенно невозможно, въ другихъ — сопряжено съ величайшими затрудненіями и поставлено въ крайне ненормальныя условія. Если бы выборы все-

таки были назначены, Думу пришлось бы либо распустить, либо, продолживъ ея дѣятельность до созыва ея преемницы, обречь ее на неблагодарную роль «отставного» собранія, доживающаго, въ ожиданіи лучшаго, свои послѣдніе дни [1]). Исполнить тяжелую задачу, выпадающую теперь на долю народнаго представительства, можетъ, до извѣстной степени и при извѣстныхъ условіяхъ, и нынѣшняя Дума. Недаромъ съ самаго ея созыва многое измѣнилось къ лучшему: легче стало дышать, открылись просвѣты въ будущее, услышанъ былъ хотя отчасти «голосъ земли». Теперь онъ слышится не въ одномъ только Таврическомъ дворцѣ: заговорила печать, заговорили собранія и общественныя учрежденія. И всѣми выдвинутъ на первый планъ одинъ вопросъ: всѣми признана настоятельная потребность въ правительствѣ, которое, пользуясь довѣріемъ страны, могло бы успѣшно привести къ концу великое дѣло народной обороны и подвинуть впередъ тѣсно связанное съ нимъ дѣло оздоровленія государственнаго организма. И для того, и для другого необходимо взаимодѣйствіе правительства и Думы. Посмотримъ, въ какой степени оно возможно и вѣроятно.

Перемѣны, происшедшія въ составѣ министерства, оставили неприкосновеннымъ общій его характеръ: преобладаютъ въ немъ по-прежнему «правые» элементы—тѣ самые элементы, отъ которыхъ все больше и больше отворачивается Россія и которые теряютъ вѣру въ самихъ себя. Выступленіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ засѣданіи 3-го августа показало съ полною очевидностью, что свѣжей струи въ дѣятельность важнѣйшаго изъ вѣдомствъ пока не внесено. Тяжело было услышать старый призывъ къ «ассимиляціи» инородцевъ, старыя подозрѣнія по адресу иновѣрцевъ; новымъ было только обвиненіе русскаго общества въ «раболѣпствѣ» передъ всѣмъ германскимъ—но и оно представляло собою, въ сущности, лишь нѣсколько видоизмѣненное стремленіе искать вину не тамъ, гдѣ она имѣется на самомъ дѣлѣ... Изъ среды «правыхъ» былъ взятъ новый товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, лично безупречный, но связанный своимъ прошлымъ съ партіей, господство которой такъ дорого стоило народу. Обѣщанныя перемѣны въ губернскомъ управленіи все еще почти не начаты, хотя каждый день приноситъ съ собою доказательства ихъ неотложности. Приведу примѣръ, какъ нельзя болѣе характерный. Красноярской администраціей было запрещено собраніе членовъ военно-промышленнаго комитета. Предсѣдатель комитета лично

---

[1]) „Отставными“, въ этомъ смыслѣ, были, въ концѣ своего существованія, французскія собранія: законодательное 1791—92 г. и учредительное 1848—49 г. Первое засѣдало до самаго открытія національнаго конвента, второе—до самаго открытія законодательнаго собранія—и оба были лишены въ это время всякаго авторитета.

обратился къ губернатору за разъясненіями. Губернаторъ отвѣтилъ, что не можетъ разрѣшить собраніе, потому что въ первомъ собраніи произнесены были слишкомъ рѣзкія рѣчи... Можно сказать съ полною увѣренностью, что онѣ были менѣе рѣзки, чѣмъ рѣчи, произносимыя на однородныхъ собраніяхъ въ столицахъ и цѣликомъ или почти цѣликомъ, несмотря на цензуру, оглашаемыя въ печати. Допустимое въ одномъ мѣстѣ оказывается недопустимымъ въ другомъ, и непривычка бюрократическаго уха къ свободному слову останавливаетъ—или, по меньшей мѣрѣ, затрудняетъ—ходъ дѣла громадной важности, всюду выдвинутаго на первый планъ. А енисейскій губернаторъ не принадлежитъ, кажется, къ числу тѣхъ, имена которыхъ прославились на всю Россію. Не повѣяло, очевидно, новымъ духомъ въ административныхъ сферахъ, не ослабѣли навыки, воспитанные долгими годами противодѣйствія общественной иниціативѣ... Есть другіе, еще болѣе серьезные поводы думать, что на мѣстахъ не все обстоитъ благополучно. Не успѣлъ еще управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отвѣтить на запросъ Думы о катастрофѣ, случившейся въ Костромѣ мѣсяца три тому назадъ, какъ нѣчто подобное произошло въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Теперь не такое время, чтобы можно было ограничиться повтореніемъ извѣстныхъ словъ: «такъ было, такъ будетъ». Недостаточными окажутся, по всей вѣроятности, и сепаратныя распоряженія, примѣненныя къ обстоятельствамъ отдѣльнаго случая. Необходимо общее очищеніе атмосферы, въ которой живутъ, особенно въ провинціи, широкія массы трудящагося народа.

Новый управляющій министерствомъ юстиціи не выступалъ еще передъ Государственной Думой, хотя поводъ для выступленія у него несомнѣнно былъ, и поводъ очень серьезный. Въ засѣданіи 14-го августа Дума коснулась вопросовъ, связанныхъ съ извѣстнымъ дѣломъ пяти депутатовъ — членовъ соціалъ-демократической фракціи. Въ рѣчи А. Ф. Керенскаго звучало прямое обвиненіе не только бывшихъ министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, при которыхъ было возбуждено и проведено это дѣло, но и ихъ преемниковъ, «не исчерпавшихъ всѣхъ мѣръ для того, чтобы уничтожить послѣдствія дѣйствій ихъ предшественниковъ». Можно было ожидать, что это обвиненіе не останется безъ отвѣта, особенно въ виду рѣчи В. А. Маклакова, назвавшаго возбужденіе дѣла о пяти депутатахъ «крупной государственной безтактностью». «Что-то—воскликнулъ онъ—должно быть сдѣлано; несправедливость должна быть исправлена». На эти слова слѣдовало бы откликнуться управляющему министерствомъ юстиціи—но онъ, повидимому, даже не находился въ это время въ залѣ думскихъ засѣданій. А между тѣмъ, когда очередь дошла до заявленій по мотивамъ голосованія, «крупной государственной ошибкой» возбужденіе дѣла с.-д. депу-

татовъ назвалъ и представитель новой фракціи прогрессивныхъ націоналистовъ, В. В. Шульгинъ, выразившій желаніе, чтобы правительствомъ были приняты всѣ мѣры для ея исправленія. Въ печати—это весьма характерно,—аналогичный взглядъ былъ высказанъ «Новымъ Временемъ». Удобно ли, при такихъ условіяхъ, молчаніе власти, длящееся и до сихъ поръ, хотя отсрочка преній по данному вопросу, принятая Думой, не можетъ быть безпредѣльной?... Допустимъ, однако, что это молчаніе было вызвано соображеніями такъ называемой «высшей политики», и возьмемъ другой случай, къ которому они безспорно непримѣнимы. При И. Г. Щегловитовѣ совершенно прекратилось допущеніе евреевъ въ присяжные повѣренные, а со времени извѣстнаго сенатскаго «разъясненія»—и въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Новому министру предстояло разсмотрѣть множество совѣтскихъ представленій о допущеніи въ ряды адвокатуры евреевъ, подходящихъ подъ формальныя требованія закона и ничѣмъ не опороченныхъ. До отмѣны указа 1889-го года—составляющей, по всей вѣроятности, только вопросъ времени—удовлетвореніе такихъ представленій зависитъ всецѣло отъ дискреціонной власти министра юстиціи. Можно было думать, что однимъ изъ первыхъ результатовъ перемѣны въ управленіи министерствомъ будетъ если не отказъ отъ явно несправедливой и притѣснительной практики, то значительное ея смягченіе. Ничего подобнаго не произошло; судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, ни передъ кѣмъ изъ евреевъ не открылись еще запретныя двери, и разрѣшеніе вопроса, въ сущности весьма простого, отложено на неопредѣленное время.

Если признаки перемѣны—реальной, существенной перемѣны—мало замѣтны въ образѣ дѣйствій отдѣльныхъ министровъ, то столь же трудно уловить ихъ въ дѣятельности министерства, разсматриваемаго какъ цѣлое. Нѣтъ увѣренности даже въ томъ, что точку опоры и вдохновеніе оно будетъ искать не тамъ, гдѣ находило ихъ до своего «обновленія». Отсюда только одинъ шагъ до мысли о возможности возврата къ прошлому. И эта мысль несомнѣнно существуетъ, то застѣнчиво скрываясь во мракѣ, то довольно смѣло выходя на свѣтъ. Ею были внушены извѣстныя выступленія гг. Дурново и Маркова 2-го; ею вызвана попытка образованія «чернаго блока», не удавшаяся благодаря расколу среди націоналистовъ, но легко могущая возобновиться, при первомъ дуновеніи попутнаго вѣтра; ею объясняются слухи о предстоящемъ образованіи реакціоннаго министерства, съ диктаторомъ во главѣ—слухи, съ большимъ упорствомъ поддерживаемые послѣдними могиканами сервильной прессы. Отъ времени до времени они усиливаются настолько, что требуютъ оффиціознаго опроверженія со стороны предсѣдателя Госуд. Думы.

И какъ бы они ни были неправдоподобны, какъ бы громко ни говорилъ противъ «диктатуры» весь горькій опытъ послѣднихъ лѣтъ, безусловно висящими на воздухѣ ихъ назвать, къ несчастію, нельзя. Далеко не опустѣла та чашка вѣсовъ, которая столь долго перевѣшивала другую, несущую на себѣ надежды Россіи.

Не такъ ужъ велика, притомъ, разница между министерствомъ, котораго алчутъ и жаждутъ на правыхъ скамьяхъ Гос. Думы и Гос. Совѣта, и министерствомъ въ настоящемъ его составѣ. Еще на дняхъ предсѣдатель совѣта министровъ совѣщался съ представителями націоналистовъ и правыхъ октябристовъ, разсчитывая, очевидно, на возстановленіе праваго большинства, готоваго идти рука объ руку съ правымъ кабинетомъ. Въ четвертой Государственной Думѣ правое большинство возможно только при союзѣ нѣкоторой части центра съ тѣми партіями, во главѣ которыхъ стоятъ гг. Балашевъ и Марковъ 2-ой—а на какихъ условіяхъ послѣдніе согласились бы вступить въ союзъ, это не требуетъ поясненія. Успѣхъ переговоровъ, начатыхъ И. Л. Горемыкинымъ и разбившихся о противодѣйствіе правыхъ октябристовъ, означалъ бы собою крушеніе послѣднихъ надеждъ, возлагаемыхъ на Государственную Думу... Хорошую сторону эти переговоры имѣли только одну: они показали съ полною ясностью, что для вступленія на путь, властно указываемый жизнью, необходимо не номинальное, а дѣйствительное, не частичное, а полное *обновленіе* министерства.

Предуказанная уже въ формулѣ перехода, принятой Думою въ засѣданіи 20-го іюля, много разъ обоснованная въ рѣчахъ и въ печати, мысль о такомъ обновленіи была выражена съ особенною яркостью на совѣщаніи, состоявшемся въ Москвѣ 16-го августа и немедленно нашедшемъ сочувственный откликъ въ самыхъ различныхъ сферахъ. Въ засѣданіи 18-го августа московская городская дума, выслушавъ проникнутыя однимъ и тѣмъ же духомъ рѣчи Н. И Гучкова (представителя праваго крыла думы) и А. А. Алферова (представителя лѣваго ея крыла), *единогласно* приняла резолюцію, заключительный пунктъ которой гласитъ такъ: «стоящая нынѣ отвѣтственная задача требуетъ созыва правительства, сильнаго довѣріемъ общества и единодушнаго, во главѣ котораго должно стоять лицо, которому вѣритъ страна». На тотъ же путь вступили, вслѣдъ за городской думой, собранія выборныхъ отъ московскихъ обществъ биржевого и купеческаго. «Необходимъ»—читаемъ мы въ резолюціи биржевого общества,—«немедленный призывъ къ правительственной власти совѣта министровъ изъ лицъ, пользующихся широкимъ общественнымъ довѣріемъ, при условіи предоставленія имъ всей полноты власти и права назначенія и смѣщенія правительственныхъ чиновъ, независимо отъ положенія, которое

они занимаютъ». Высказываясь столь же рѣшительно за немедленный призывъ въ совѣтъ министровъ людей, пользующихся широкимъ общественнымъ довѣріемъ, выборные московскаго купеческаго общества выражаютъ глубокую увѣренность, что «голосъ московскаго купечества, согласно звучащій со всей Россіей, будетъ принятъ во вниманіе». Въ увлеченіи «субверсивными» идеями, въ сочувствіи къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ учрежденія и люди, заговорившіе такимъ языкомъ, никѣмъ заподозрѣны быть не могутъ. Нуженъ былъ продолжительный, горькій опытъ, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости радикальнаго разрыва съ прошлымъ. Особенно знаменательно, особенно характерно единодушіе, водворившееся въ ихъ средѣ. Соединить въ одномъ порывѣ консерваторовъ и прогрессистовъ могло только одинаковое для всѣхъ ясное сознаніе опасности, грозящей государству и народу. И въ самомъ дѣлѣ, какъ разсчитывать на то, что руки, оказавшіяся безсильными и неумѣлыми въ затишье, благополучно проведутъ государственный корабль среди волнъ, поднятыхъ небывало грозной бурей? Можетъ ли страна, въ такое время, вѣрить тому, кто провелъ всю свою долгую жизнь въ бюрократической средѣ, воспитывающей рутину и инертность? Четыре года, среди глубокаго спокойствія, управляя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, И. Л. Горемыкинъ ни на шагъ не вышелъ изъ колеи, проложенной его предшественниками и только слегка углубленной двумя его ближайшими преемниками. Быстро сошедшій со сцены въ 1906 г., онъ вернулся на нее полтора года тому назадъ только для того, чтобы продолжать политику гг. Кассо, Щегловитова и Маклакова, и не отступалъ отъ нея ни на шагъ до тѣхъ поръ, пока не раскрылось внезапно опасное положеніе государства. Дальше полумѣръ и старыхъ пріемовъ онъ не идетъ и теперь, когда все указываетъ на ихъ тщету. Въ критическую минуту много значитъ имя, внушающее довѣріе и бодрость. Россія нетерпѣливо ждетъ момента, когда будетъ, наконецъ, произнесено такое имя.

Министерство, пользующееся довѣріемъ страны—такова первая и главная потребность минуты. Но на кого оно могло бы опереться, съ кѣмъ могло бы дѣйствовать заодно? На этотъ вопросъ московскія заявленія даютъ опредѣленный отвѣтъ, единственный, кажется мнѣ, возможный въ настоящую минуту. «Москва убѣждена»—говоритъ московская городская дума,—«что Госуд. Дума съумѣетъ исполнить пожеланія, продиктованныя страной». Московское биржевое общество высказываетъ увѣренность, что «Верховная власть дастъ новому совѣту министровъ, *въ единеніи съ народнымъ представительствомъ*, полную возможность вдохнуть новую жизнь въ самую систему управленія». Московское купеческое общество не сомнѣвается въ томъ, что Государственная Дума найдетъ внутри себя достаточно силъ, чтобы явиться

дѣйствительной выразительницей желаній всей страны». Значеніе этихъ заявленій не уменьшается сравнительно узкой основой учрежденій, отъ которыхъ они исходятъ. Далекіе, при обыкновенныхъ условіяхъ, отъ народной массы, средніе классы Москвы чувствуютъ себя близкими къ ней въ моментъ общей для всѣхъ бѣды. Не преслѣдуя, въ данномъ случаѣ, никакихъ классовыхъ интересовъ, они выходятъ изъ своей обычно пассивной роли, чтобы указать, съ свойственнымъ имъ практическимъ чутьемъ, простѣйшій и наиболѣе вѣрный выходъ изъ тяжелаго положенія. Государственная Дума существуетъ, въ ней начинается интенсивная жизнь, на ней неизбѣжно сосредоточивается общее вниманіе; ей нужна поддержка, которую она и должна найти въ вліятельныхъ кругахъ московскаго населенія. Поразительное единодушіе, обнаруженное этими — въ нормальное время часто враждующими между собою — кругами, свидѣтельствуетъ о серьезности момента, о неотложности смѣлаго рѣшенія.

Способна ли, однако, Государственная Дума, при настоящемъ ея составѣ, отозваться на обращенный къ ней призывъ, исполнить возлагаемую на нее задачу? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно, прежде всего, взвѣсить шансы образованія думскаго большинства, достаточно сильнаго и прочнаго, чтобы стать опорой новаго министерства—новаго не только по имени, но и по настроенію. Само собою разумѣется, что рѣчь можетъ идти именно и только о *большинствѣ*, хотя бы и не особенно значительномъ: единеніе, далеко идущее во всѣ стороны, мыслимо лишь на самое короткое время и лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ. Даже въ іюлѣ прошлаго года оно могло быть достигнуто—или казаться достигнутымъ—только потому, что дѣло шло о выраженіи чувствъ, а не о постановленіи рѣшеній. Кажущимся оно было и во второй день нынѣшней сессіи, когда почти единогласно была принята формула перехода; уже тогда было ясно, а теперь стало еще яснѣе, что въ одни и тѣ же слова голосующими за нихъ вкладывался весьма различный смыслъ. Слишкомъ велико разномысліе между партіями, чтобы онѣ всѣ могли найти мѣсто въ одномъ, хотя бы временномъ союзѣ. Съ крайними лѣвыми у политики, дѣйствительно новой, могло бы оказаться, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, немало точекъ соприкосновенія; но соглашеніе въ эту сторону, къ сожалѣнію, оказывается пока недостижимымъ. Съ правыми, какъ бы они ни именовались, новая политика не имѣла бы ничего общаго; они могли бы выступить только принципіальными и непримиримыми ея врагами. Между обоими полюсами остается, однако, довольно простора для временной, но существенно важной постройки. Крушеніе «чернаго блока», повлекшее за собою расколъ во фракціи націоналистовъ, сдѣлало невозможнымъ возстановленіе такъ называемаго пра-

вооктябристскаго большинства, о которомъ еще на-дняхъ мечталъ И. Л. Горемыкинъ. Цѣлый рядъ вопросовъ можетъ получить болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе только на почвѣ новаго большинства, идущаго въ обѣ стороны отъ фактическаго центра Думы. Найдется ли, однако, среди фракцій, только недавно отшатнувшихся отъ своихъ правыхъ сосѣдей, достаточно энергіи, чтобы взять на себя и довести до конца трудную работу, не покидая своего поста, не увлекаясь мыслью о сельскомъ отдыхѣ и объ устройствѣ домашнихъ дѣлъ, не поддаваясь привычнымъ вліяніямъ и соблазнамъ? Важность задачи позволяетъ ожидать успѣшнаго ея рѣшенія. Слишкомъ повелителенъ, слишкомъ серьезенъ призывъ, обращенный къ Думѣ родственными ей во многомъ общественными организаціями. Увеличивая ея нравственную мощь, онъ увеличиваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтственность ея передъ государствомъ и народомъ.

Что же можетъ сдѣлать вновь складывающееся большинство Государственной Думы? Достаточно ли важно дѣло, которое оно ставитъ на ближайшую очередь и которое надѣется довести до желаннаго конца? Въ засѣданіи совѣта старѣйшинъ, состоявшемся 17-го августа, намѣчено разсмотрѣніе, въ ближайшемъ будущемъ, слѣдующихъ законопроектовъ: о почтовыхъ служащихъ, о праздничномъ отдыхѣ служащихъ, объ установленіи трезвости, о военной цензурѣ, о кооперативахъ, о ревизіяхъ, объ измѣненіи земскаго положенія 1890 г., о введеніи земскихъ учрежденій на окраинахъ, о волостномъ земствѣ, о земскихъ и городскихъ съѣздахъ и союзахъ Изъ числа этихъ законопроектовъ только три первые могутъ быть названы, и то не безъ оговорки, нейтральными съ политической точки зрѣнія: всѣ остальные имѣютъ несомнѣнно боевое значеніе, и если они получатъ рѣшеніе, удовлетворяющее лѣвыхъ участниковъ блока (кадетъ, прогрессистовъ и др.), то сильно будетъ двинуто впередъ обновленіе нашего государственнаго и общественнаго строя. Конечно, въ вышеприведенномъ спискѣ немало существенно важныхъ пробѣловъ; но, судя по тому, что происходило въ засѣданіи совѣта старѣйшинъ, они могутъ быть и, вѣроятно, будутъ пополнены. И. Н. Ефремовъ высказался за включеніе въ списокъ законопроектовъ объ отмѣнѣ правоограниченій лицъ такъ называемаго податного сословія и объ обществахъ и союзахъ, М. А. Карауловъ—законопроекта о расширеніи интерпелляціоннаго права Госуд. Думы. Совѣтъ старѣйшинъ постановилъ принять предложенную программу (возражали противъ нея только представители крайнихъ правыхъ и правыхъ націоналистовъ), а вопросъ о ея расширеніи передать на предварительное обсужденіе фракцій. Ничто не мѣшаетъ, слѣдовательно, расширенію первоначальнаго плана, и можно только пожалѣть,

что крайніе лѣвые отказались отъ всякаго участія въ дѣлѣ, исходъ котораго и для нихъ далеко не безразличенъ.

Въ какой степени измѣнившаяся обстановка уже теперь повліяла на ходъ законодательной дѣятельности — объ этомъ свидѣтельствуетъ судьба законопроекта о подоходномъ налогѣ. Безнадежно лежавшій въ теченіе семи лѣтъ въ комиссіяхъ третьей и четвертой Думы, онъ быстро двинулся впередъ и меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ открытія сессіи былъ принятъ Думой почти безъ измѣненій, въ томъ видѣ, какой ему дала финансовая комиссія (т.-е. съ существенными улучшеніями противъ первоначальныхъ предположеній). Не нашла поддержки въ Думѣ попытка правыхъ замѣнить коренное измѣненіе нашей финансовой системы временною и, слѣдовательно, недолговѣчною мѣрой, приспособленною только къ требованіямъ минуты. Военный подоходный налогъ, съ очень крупными и быстро прогрессирующими ставками, вполнѣ возможенъ и весьма желателенъ; но ничто не мѣшаетъ провести его рядомъ съ подоходнымъ налогомъ, разсчитаннымъ на постоянное взиманіе. Маневръ, прикрытый громкими фразами, былъ понятъ и отраженъ почти безъ бою. Не имѣли успѣха и попытки понизить цифру дохода, съ которой долженъ начинаться платежъ налога. А между тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что не дальше, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, судьба законопроекта о подоходномъ налогѣ была бы совершенно другая; въ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ январской сессіи, онъ находилъ только немногихъ защитниковъ. Конечно, главную роль въ измѣненіи его судьбы сыграли событія военнаго времени; но вѣдь не этимъ же однимъ ограничивается ихъ вліяніе. Глубока перемѣна, вызванная ими въ настроеніи общества, въ настроеніи народа, можетъ быть даже въ настроеніи власти — и эта перемѣна дѣлаетъ возможнымъ многое, еще недавно казавшееся неосуществимымъ.

Кто бы могъ предвидѣть, въ самомъ дѣлѣ, что пошатнется такая твердыня застоя и реакціи, какою съ самаго начала новой эпохи былъ Государственный Совѣтъ? Еще недавно онъ казался несокрушимой преградой на пути мирнаго развитія Россіи. Его противодѣйствіе, неизбѣжное и непреклонное, устраняло, по видимому, всякую надежду на успѣхъ самыхъ скромныхъ, самыхъ умѣренныхъ преобразованій. Къ чему—можно было думать—трудиться надъ сформированіемъ прогрессивнаго большинства въ Госуд. Думѣ, когда всѣ начинанія его навѣрное разобьются о veto верхней палаты?.. И вотъ, случилось нѣчто неожиданное и удивительное: въ обители регресса образовался своего рода прогрессивный блокъ, ведущій переговоры съ такимъ же блокомъ Госуд. Думы. Этого мало: по примѣру «исхода» думскихъ лѣвыхъ націоналистовъ, начинается бѣгство изъ рядовъ

правой группы Госуд. Совѣта. Палъ авторитетъ П. Н. Дурново, рѣчь котораго въ засѣданіи 19-го іюля звучала какъ апоѳеозъ стараго порядка; теперь она становится похожей на его отпѣванье. Конечно, чаша съ новымъ виномъ еще не донесена до тѣхъ губъ, которыя готовятся его отвѣдать, и въ этотъ промежутокъ времени, согласно французской поговоркѣ, можетъ случиться еще многое. Не способствуетъ оптимизму эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ засѣданіи 17-го августа. Комиссія, разсматривавшая законопроектъ объ устройствѣ особыхъ совѣщаній, предложила выразить пожеланіе, чтобы члены обѣихъ палатъ, входящіе въ составъ совѣщаній, образовали для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, частное совѣщаніе, которому предоставлено было бы право засѣдать въ помѣщеніяхъ законодательныхъ учрежденій, какъ во время сессіи, такъ и во время ея перерывовъ. За это пожеланіе высказывались въ комиссіи нѣкоторые изъ правыхъ ея членовъ; принятіе его, поэтому, казалось обезпеченнымъ. Что г. Стишинскій усмотрѣлъ въ немъ «какую-то недосказанную мысль», опасную уже потому, что она ведетъ къ созданію своеобразнаго парламентскаго блока—это было совершенно естественно; но удивительно то, что на его сторону стали, при голосованіи, многіе изъ числа участниковъ блока, возбуждающаго негодованіе и ужасъ неисправимыхъ реакціонеровъ. Пожеланіе было отвергнуто большинствомъ 78 голосовъ противъ 47. Правда, объясненіе этому слѣдуетъ искать не столько въ страхѣ передъ перспективами, нарисованными г. Стишинскимъ, сколько въ выступленіи военнаго министра. Генералъ Поливановъ выразилъ опасеніе, что «стадія предварительнаго разсмотрѣнія», для которой предполагается создать «частное совѣщаніе», приведетъ не къ ускоренію, а къ замедленію и осложненію живого дѣла. О впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью А. А. Поливанова, можно судить по заявленію одного изъ иниціаторовъ пожеланія. «Мои рѣшенія, мои симпатіи—воскликнулъ гр. А. А. Бобринскій—подчиняются словамъ военнаго министра. Его слово въ этомъ дѣлѣ для меня законъ». Такая готовность подчиниться чужому авторитету была бы понятна, если бы разрѣшенію Госуд. Совѣта подлежалъ какой-нибудь спеціально военный вопросъ; но ничего подобнаго не было въ данномъ случаѣ, и поспѣшный отказъ отъ собственнаго мнѣнія всего скорѣе можно связать съ привычкой jurare in verba... ministri. Постепенно, однако, эта привычка должна ослабѣть, и возможность образованія въ Госуд. Совѣтѣ прогрессивнаго большинства отрицать нельзя. Мыслимы, поэтому, и соглашенія между прогрессивными блоками обѣихъ законодательныхъ палатъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые законопроекты, знаменующіе собою существенно важный шагъ впередъ, будутъ проходить въ Госуд. Совѣтѣ, какъ и въ

Госуд. Думѣ, безъ серьезнаго противодѣйствія даже со стороны правыхъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, созданныхъ войною. Благополучно пройдетъ, быть можетъ, и законопроектъ о подоходномъ налогѣ, хотя въ другое время онъ оказался бы столь же непріемлемымъ для большинства Госуд. Совѣта, какъ и для большинства Госуд. Думы.

Если, при настоящихъ условіяхъ, возможны и цѣлесообразны прогрессивные блоки какъ въ нижней, такъ и въ верхней палатѣ, то отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ программами долженъ былъ исчерпываться весь кругъ дѣйствій законодательныхъ учрежденій. Понятіе о блокѣ отнюдь не исключаетъ самостоятельности его составныхъ частей; каждая изъ нихъ сохраняетъ за собою право ставить вопросы, поддерживать законопроекты, вносить законодательныя предположенія, относительно которыхъ не состоялось общаго соглашенія. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ объ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости, не включенный въ программу, принятую совѣтомъ старѣйшинъ. Постановка его на очередь напрашивается сама собою. Постановленіе совѣта министровъ, разрѣшившее евреямъ жительство въ городскихъ поселеніяхъ внѣ черты еврейской осѣдлости, состоялось «въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ военнаго времени и впредь до общаго пересмотра, въ установленномъ порядкѣ, дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній». Очевидно, что на этомъ остановиться нельзя: наиболѣе существенныя права евреевъ должны быть регулированы не временной административной мѣрой, а постояннымъ закономъ, болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ въ виду тяжелыхъ бѣдствій, обрушившихся на еврейское населеніе Царства Польскаго, прибалтійскихъ губерній и западнаго края. Нельзя оставлять несчастныхъ евреевъ-бѣженцевъ въ сомнѣніи на счетъ того, дана ли имъ будетъ возможность прочнаго устройства въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ занесла военная буря. Настроеніе, подъ вліяніемъ котораго состоялось постановленіе совѣта министровъ 4-го августа, можетъ измѣниться—но судьба сотенъ тысячъ людей не должна зависѣть отъ такого измѣненія. Теперь вопросъ о длительности законодательной сессіи можно считать рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ, и недостаткомъ времени отодвиганье еврейскаго вопроса въ неопредѣленное будущее мотивировать нельзя... Другой примѣръ: смерть А. М. Колюбакина—и не она одна—бросила ослѣпительно яркій свѣтъ на ненормальность положенія вещей, при которомъ, по выраженію В. Д. Кузьмина-Караваева, возможно существованіе гражданъ не лишенныхъ правъ, но тѣмъ не менѣе безправныхъ. Пора дать ходъ законодательному предположенію, направленному къ устраненію этой вопіющей аномаліи, но давно похороненному въ одной изъ думскихъ комиссій. Сколько мнѣ помнится, необходимость

такой мѣры признавали, въ третьей Думѣ, и октябристы; едва-ли они станутъ возражать противъ постановки ея на очередь въ данную минуту. И чѣмъ больше было бы такихъ добавокъ къ программѣ прогрессивныхъ фракцій, тѣмъ менѣе оставалось бы поводовъ для систематическаго уклоненія крайнихъ лѣвыхъ отъ участія въ общей работѣ.

Къ числу вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, принадлежитъ, безспорно, и вопросъ финляндскій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 15039) бесѣду сотрудника этой газеты съ министромъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Финляндіи. «Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія—сказалъ генералъ Марковъ, — я могу заявить, что настроеніе финляндскаго населенія болѣе чѣмъ лояльно. Финляндскій народъ проявляетъ большое участіе и исключительное вниманіе къ нашимъ войскамъ, а также къ русскимъ, до войны застрявшимъ за границей и сейчасъ прибывающимъ на родину. Такое же участіе замѣчается и къ нашимъ инвалидамъ, возвращающимся въ Россію. Войска, квартирующія въ Финляндіи, чрезвычайно довольны отношеніемъ къ нимъ какъ населенія, такъ и общественныхъ организацій». Такія наблюденія не должны быть оставляемы безъ вниманія ни властью, ни общественными организаціями. А между тѣмъ, до сихъ поръ не состоялось даже возвѣщенное нѣсколько времени тому назадъ освобожденіе бывшаго тальмана финляндскаго сейма...

Кончина Ѳ. Ѳ. Арнольда напоминаетъ объ одной изъ самыхъ печальныхъ сторонъ дѣятельности бывшаго министра юстиціи. Старшій предсѣдатель московской судебной палаты, безпристрастный судья, мудрый истолкователь закона, спокойный руководитель судебныхъ преній, одинаково внимательный къ обвиненію и къ защитѣ, не удовлетворялъ новымъ требованіямъ, которыя стали предъявляться къ «истинно-русскому государственному» суду. Когда независимость и несмѣняемость судей обратились въ пустыя слова, за такимъ человѣкомъ, какимъ былъ покойный, не могъ остаться одинъ изъ самыхъ боевыхъ постовъ уголовной юстиціи; передъ нимъ, помимо его воли, открылись двери стараго (судебнаго) департамента Сената. Полезнымъ, конечно, онъ былъ и тамъ, но не въ мирной области гражданскихъ дѣлъ могли найти настоящее примѣненіе способности и навыки прирожденнаго криминалиста. Быть можетъ,—говоритъ одинъ изъ свидѣтелей прежней дѣятельности Ѳ. Ѳ. Арнольда [1]), — быть мо-

---

[1]) С. Ордынскій, въ № 188 „Русскихъ Вѣдомостей".

жетъ, близко «очищеніе нашего суда отъ исказившихъ его свѣтлыя черты наслоеній. Быть можетъ, покойному принадлежала бы видная роль въ грядущей радостной работѣ. Его не стало. Но память о немъ, вмѣстѣ съ памятью о другихъ, ранѣе его ушедшихъ создателяхъ и охранителяхъ уставовъ 1864-го года, будетъ служить вѣрнымъ маякомъ для будущихъ работниковъ».

Безвременно скончался Л. И. Лутугинъ, ученый знатокъ горнаго дѣла, выдающійся общественный дѣятель. Пишущему эти строки пришлось слышать его страстную рѣчь въ засѣданіяхъ суда чести, разсматривавшаго, весною 1905-го года, дѣло студентовъ горнаго института, возникшее изъ столкновеній между такъ называемыми свободномыслящими и такъ называемыми свободнодѣйствующими. Л. И., вмѣстѣ съ нѣсколькими другими профессорами института, горячо стоялъ за прогрессивную группу студенческой молодежи. Какимъ онъ былъ тогда, такимъ онъ и остался на всѣхъ дорогахъ, которыя передъ нимъ открывались. Его службѣ въ геологическомъ комитетѣ положило конецъ выступленіе его, въ качествѣ кандидата лѣваго блока, на выборахъ въ третью Госуд. Думу; но для его кипучей натуры нашлось широкое поприще въ обществахъ техническомъ и вольномъ экономическомъ, въ которыхъ онъ занималъ должность вице-президента. Тяжелымъ ударомъ для него была пріостановка дѣятельности послѣдняго изъ этихъ двухъ обществъ, продолжающаяся, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ, несмотря на нѣсколько измѣнившіяся къ лучшему условія и постоянно растущую потребность во всѣхъ видахъ и формахъ общественной работы.

Въ свое время много сдѣлалъ для вольнаго экономическаго общества, въ качествѣ предсѣдателя его перваго (сельско-хозяйственнаго) отдѣленія, и умершій на-дняхъ П. С. Коссовичъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ теоріи сельскаго хозяйства, основавшій и редактировавшій до самой своей смерти «Журналъ опытной агрономіи». Онъ былъ первымъ по времени выборнымъ директоромъ лѣсного института, но отказался отъ этой должности, когда убѣдился, что избранное отъ коллегіи лицо обречено получать директивы не отъ коллегіи... [1]).

Возвращаюсь, въ виду вновь оглашенныхъ въ печати фактовъ, къ вопросу, поставленному мною въ началѣ статьи. Если бы у насъ, среди различныхъ общественныхъ настроеній, и было на-лицо такое, къ которому былъ бы примѣнимъ терминъ: «пораженчество», то не-

[1]) См. некрологъ П. С. Коссовича, написанный г. Прянишниковымъ, въ № 189 „Русскихъ Вѣдомостей“.

ужели оно могло бы сохранить свою силу въ виду требованій, все громче и громче предъявляемыхъ нашими не въ мѣру возгордившимися врагами? Что не было договорено имперскимъ канцлеромъ въ рейхстагѣ, то открыто провозглашаютъ теперь органы всѣхъ германскихъ партій, кромѣ крайнихъ лѣвыхъ—да и въ средѣ послѣднихъ большинство не далеко ушло отъ господствующаго теченія. Поистинѣ поразительна картина, рисуемая, со словъ нѣмецкихъ газетъ, г. Лурье (въ № 192 «Русскихъ Вѣдомостей»). *Минимальная* ихъ программа уменьшаетъ населеніе Россійской имперіи на 25 милліоновъ человѣкъ. Помимо Польши, о переходѣ которой «въ общее управленіе» Германіи и Австро-Венгріи говорилъ самъ Бетманъ-Гольвегъ, спеціальнымъ вознагражденіемъ Германіи должны служить Прибалтійскій край и Ковенская губернія, спеціальнымъ вознагражденіемъ Австро-Венгріи—Подолія и Волынь. Не забыта и Турція, которая должна получить свою долю на Кавказѣ и, можетъ быть, въ Средней Азіи. Предрѣшено также отдѣленіе Финляндіи отъ Россіи. И это—*наименьшая* мѣра русскихъ потерь! Фанатики германскаго шовинизма грозятъ Россіи отторженіемъ Донецкаго бассейна, Одессы, южнаго пшеничнаго района, всей Украины, всей Литвы. Самому Вильгельму улыбается, повидимому, мысль о «прочномъ занятіи» Кіева. И рядомъ съ территоріальными потерями проектируется чудовищная контрибуція, даже по оффиціальному разсчету могущая дойти до двѣнадцати милліардовъ рублей. Эта сумма должна быть уплачена *въ разсрочку*, конечно—не безъ залога, самой удобной формой котораго можетъ явиться, какъ видно изъ бывшихъ примѣровъ, длительное занятіе непріятельскими войсками части территоріи, оставляемой за побѣжденнымъ... Большинство соціалъ-демократической партіи не присоединяется прямо къ требованію аннексій, но, ссылаясь на несогласіе противниковъ заключить миръ (т.-е. принять, хотя бы и въ нѣсколько смягченномъ видѣ, германскія требованія), высказывается за продолженіе войны и подаетъ голоса за военные кредиты.

При такомъ положеніи дѣлъ, мыслимо ли въ русской средѣ желаніе пораженій, равносильное желанію мира, хотя бы на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ? Мыслимо ли идти навстрѣчу колоссальнымъ жертвамъ, знаменующимъ собою разореніе народа, унизительную зависимость отъ «культурныхъ варваровъ»? Мыслима ли перемѣна къ лучшему въ внутренней жизни народа подъ чужимъ гнетомъ, подъ давленіемъ, хотя бы косвеннымъ, германской военщины и германскаго воинствующаго капитализма? И къ чему могутъ привести пораженія, къ чему можетъ привести вызванный ими гнилой миръ, разъ что неизбѣжно, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, возобновленіе борьбы за свободу, за самыя дорогія права личности и народа? Нужно

радоваться тому, что долгія, усиленныя увѣренія въ полнѣйшемъ безкорыстіи Германіи уступили мѣсто откровенности цинизма. Маска пала: обнаружилось настоящее лицо. Лучшаго доказательства тому, что война должна быть продолжаема до рѣшительной побѣды Россіи и ея союзниковъ, нельзя себѣ и представить. Сравнительно съ той перспективой, которая теперь открылась передъ нами, не страшны никакія усилія, никакія жертвы.

Отъ «пораженчества», въ специфическомъ смыслѣ этого слова, слѣдуетъ отличать жажду мира во что бы то ни стало, вызываемую страхомъ за себя, за свое спокойствіе и свой комфортъ, стремленіемъ возвратиться какъ можно скорѣе къ привычкамъ и удобствамъ мирнаго времени. О степени распространенности этого недуга судить трудно; но что онъ существуетъ, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Мало замѣтный, онъ понижаетъ общественную энергію, располагаетъ къ унынію, отъ котораго только одинъ шагъ до малодушія. И вотъ, очень хорошимъ противъ него средствомъ могутъ служить именно «германскія условія мира»: они способны убѣдить кого угодно, что худшее изъ золъ—не продолженіе войны... Глубокое чувство удовлетворенія возбуждаютъ, поэтому, именно теперь несущіеся со всѣхъ сторонъ призывы къ бодрости, къ неослабной борьбѣ. Они идутъ отъ Государственной Думы, отъ всѣхъ обращающихся къ ней общественныхъ учрежденій; они находятъ откликъ въ словахъ военнаго министра и министра иностранныхъ дѣлъ; они подтверждены, наконецъ, словами, сказанными Государемъ Императоромъ, 22-го августа, при открытіи «особыхъ совѣщаній». «Созванныя Мною законодательныя учрежденія—таковы эти слова,—твердо и безъ малѣйшаго колебанія дали Мнѣ тотъ единственный достойный Россіи отвѣтъ, какого я ожидалъ отъ нихъ: война—до полной побѣды! Я не сомнѣваюсь, что это—голосъ всей Русской земли!»

К. Арсеньевъ.

Эта статья была уже отпечатана, когда въ газетахъ появился полный текстъ программы прогрессивнаго блока обѣихъ палатъ. Помѣщаемъ полный текстъ этого замѣчательнаго акта, могущаго послужить началомъ новой эры въ исторіи Россіи.

«25-го августа представители фракцій и группъ Гос. Думы и Гос. Совѣта подписали программу соглашенія образовавшагося прогрессивнаго блока, въ который вошли отъ Гос. Думы: прогрессивные націоналисты, группа центра, земцы-октябристы, лѣвые октябристы, прогрессисты и кадеты и отъ Гос. Совѣта: академическая группа, центръ и условно—группа безпартійнаго единенія.

Окончательный текстъ программы гласитъ:

Нижеподписавшіеся представители партій и группъ Гос. Совѣта и Гос. Думы, исходя изъ увѣренности, что только сильная, твердая и дѣятельная власть можетъ привести отечество къ побѣдѣ, и что такою можетъ быть лишь власть, опирающаяся на народное довѣріе и способная организовать активное сотрудничество всѣхъ гражданъ, пришли къ единогласному заключенію, что важнѣйшая и насущнѣйшая задача созданія такой власти не можетъ быть осуществена безъ выполненія нижеслѣдующихъ условій:

Созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы.

Рѣшительное измѣненіе примѣнявшихся до сихъ поръ пріемовъ управленія, основывавшихся на недовѣріи къ общественной самодѣятельности, въ частности: а) строгое проведеніе начала законности въ управленіи; б) устраненіе двоевластія военной и гражданской власти въ вопросахъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ веденію военныхъ операцій; в) обновленіе состава мѣстной администраціи; г) разумная и послѣдовательная политика, направленная на сохраненіе внутренняго мира и устраненіе розни между національностями и классами.

Для осуществленія такой политики должны быть приняты слѣдующія мѣры какъ въ порядкѣ управленія, такъ и въ порядкѣ законодательства:

1) въ путяхъ Монаршаго милосердія прекращеніе дѣлъ, возбужденныхъ по обвиненію въ чисто политическихъ и религіозныхъ преступленіяхъ, не отягченныхъ преступленіями общо-уголовнаго характера, освобожденіе отъ наказанія и востановленіе въ правахъ, включая право участія въ выборахъ въ Гос. Думу, въ земскія и городскія учрежденія и т. д., лицъ, осужденныхъ за тѣ же преступленія, и смягченіе участи остальныхъ осужденныхъ за политическія и религіозныя преступленія, за исключеніемъ шпіоновъ и предателей.

2) Возвращеніе высланныхъ въ административномъ порядкѣ за дѣла политическаго и религіознаго характера.

3) Полное и рѣшительное прекращеніе преслѣдованій за вѣру подъ какими бы то ни было предлогами и отмѣна циркуляровъ, послѣдовавшихъ въ ограниченіе и извращеніе смысла указа 17 апрѣля 1905 года.

4) Разрѣшеніе русско-польскаго вопроса, а именно: отмѣна ограниченій въ правахъ поляковъ на пространствѣ всей Россіи, незамедлительная разработка и внесеніе въ законодательныя учрежденія

законопроекта объ автономіи Царства Польскаго и одновременный пересмотръ узаконеній о польскомъ земледѣліи.

5) Вступленіе на путь отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ, въ частности дальнѣйшіе шаги къ отмѣнѣ черты осѣдлости, облегченіе доступа въ учебныя заведенія и отмѣна стѣсненій въ выборѣ профессіи. Возстановленіе еврейской печати.

6) Примирительная политика въ финляндскомъ вопросѣ, въ частности, перемѣны въ составѣ администраціи и сената, прекращеніе преслѣдованій противъ должностныхъ лицъ.

7) Возстановленіе малорусской печати; немедленный пересмотръ дѣлъ жителей Галиціи, содержащихся подъ стражей и сосланныхъ, и освобожденіе тѣхъ изъ нихъ, которые подвергались преслѣдованію невинно.

8) Возстановленіе дѣятельности профессіональныхъ союзовъ и прекращеніе преслѣдованія представителей рабочихъ въ больничныхъ кассахъ по подозрѣнію въ принадлежности къ нелегализованной партіи. Возстановленіе рабочей печати.

9) Соглашеніе правительства съ законодательными учрежденіями относительно скорѣйшаго проведенія:

а) всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ національной оборонѣ, снабженію арміи, обезпеченію раненыхъ, устройству участи бѣженцевъ и другимъ вопросамъ, непосредственно связаннымъ съ войной;

б) слѣдующей программы законодательныхъ работъ, направленныхъ къ организаціи страны для содѣйствія побѣдѣ и къ поддержанію внутренняго мира: уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, введеніе волостного земства, измѣненіе земскаго положенія 1890 года, измѣненіе городового положенія 1892 года, введеніе земскихъ учрежденій на окраинахъ, какъ-то: въ Сибири, Архангельской губ., Донской области, на Кавказѣ и т. д., законопроектъ о кооперативахъ, законопроектъ объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ, улучшеніе матеріальнаго положенія почтово-телеграфныхъ служащихъ, утвержденіе трезвости навсегда, о земскихъ и городскихъ съѣздахъ и союзахъ, уставъ о ревизіи, введеніе мирового суда въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введеніе его пріостановлено по финансовымъ соображеніямъ, осуществленіе законодательныхъ мѣръ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться необходимость при выполненіи въ порядкѣ управленія намѣченной выше программы дѣятельности.

Декларацію подписали: отъ прогрессивной группы націоналистовъ графъ В. А. Бобринскій, отъ фракціи центра: В. Львовъ, отъ фрак-

ціи земцевъ-октябристовъ И. И. Дмитрюковъ, отъ группы союза 17 октября С. Шидловскій, отъ фракціи прогрессистовъ И. Ефремовъ, отъ фракціи народной свободы П. Милюковъ, отъ академической группы Гос. Совѣта Д. Д. Гриммъ и отъ группы центра баронъ В. Меллеръ-Закомельскій.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Вопросы нѣмецкій, еврейскій и русскій.—Рѣчи г.г. Хвостова, Дзюбинскаго и кн. Щербатова.—Факты и справки изъ прошлаго.—Положеніе въ Думѣ прибалтійскихъ бароновъ.—Отвѣтственность по проекту закона о военной цензурѣ.—Легче ли станетъ положеніе печати?—Невѣрное извѣщеніе о смерти А. Н. Жданъ-Пушкина.

Въ засѣданіи Думы 3 августа сначала происходили дебаты по вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ, а затѣмъ обсужденіе этого вопроса было прервано, и Дума слушала рѣчи, посвященныя еврейскому вопросу. Такимъ образомъ, въ порядкѣ думскаго разсмотрѣнія, нѣмецкій вопросъ, поднятый справа, оказался расколотымъ на-двое вопросомъ еврейскимъ, поднятымъ слѣва. И получилась нарѣдкость полная, законченная картина. Сперва демонстрировалась медаль съ одной стороны и, пока еще было совершенно свѣжо впечатлѣніе отъ словъ г. Хвостова, кн. Мансырева, свящ. Станиславскаго и министра внутреннихъ дѣлъ кн. Щербатова, медаль повернулась передъ Думой во всемъ безпросвѣтномъ мракѣ обратной стороны.

На большинство Думы это единовременное демонстрированіе обѣихъ сторонъ медали должнаго дѣйствія, однако, не произвело: спѣшность запроса по поводу незаконныхъ распоряженій въ отношеніи еврейскаго населенія была отвергнута, предложеніе же правыхъ объ образованіи комиссіи, смыслъ которой заключается въ зоркомъ наблюденіи, чтобы велась безъ малѣйшихъ послабленій борьба съ новымъ внутреннимъ врагомъ, съ нѣмцами - колонистами, съ прибалтійскими баронами, съ нѣмцами - банкирами, словомъ, со всѣми безъ изъятія русскими подданными нѣмецкаго происхожденія,—было принято. Но можно сказать съ увѣренностью, что совершенно иначе сложилось бы большинство, если бы голосованіе было произведено среди тѣхъ, кто не принадлежитъ къ составу Думы и только слышалъ, что говорилось,

или хотя бы только прочиталъ непосредственно одну за другою, рѣчь г. Дзюбинскаго послѣ рѣчи г. Хвостова и рѣчь г. Чхеидзе послѣ рѣчей кн. Щербатова и свящ. Станиславскаго. Въ отношеніи широкой публики, узнающей о томъ, что́ происходитъ въ Думѣ, изъ газетъ, нужна, впрочемъ, оговорка: объективное впечатлѣніе получается при чтеніи отчета въ изложеніи не менѣе, чѣмъ двухъ газетъ. Рѣчи по нѣмецкому вопросу надо прочесть по «Новому Времени», а по еврейскому—по «Дню» или «Рѣчи».

Съ легкой руки «Новаго Времени», всегда ищущаго среди инородныхъ національностей очередного внутренняго врага, слово «засилье» уже нѣсколько лѣтъ, какъ вошло въ обиходъ и получило опредѣленное и весьма широкое содержаніе. Десять лѣтъ реакціонная пресса безъ устали толковала о засильѣ еврейскомъ. Порой указующій перстъ направлялся въ сторону армянъ и даже татаръ, и тогда писались статьи о засильѣ армянскомъ на Кавказѣ и татарскомъ—въ Приволжьѣ и Заволжьѣ. Теперь на очереди засилье нѣмецкое. Въ засильѣ, съ одной стороны, и въ борьбѣ съ засильемъ, съ другой, и состоитъ подъ угломъ зрѣнія нашихъ правыхъ политическихъ круговъ, вся общественно-экономическая суть такъ называемаго національнаго вопроса, т.-е. вопроса о положеніи чужеродцевъ и объ отношеніи къ нимъ власти и коренного населенія. Коренное населеніе рисуется какъ сто милліоновъ не то малолѣтнихъ, не то маловольныхъ людей, которые стоятъ и по умственному уровню, и по промышленной энергіи, неизмѣримо ниже чужеродцевъ и для сохраненія благосостоянія и самостоятельнаго быта которыхъ необходима непрестанная охрана власти въ формѣ мѣръ всевозможнаго ограниченія чужеродцевъ. И эти мѣры должны быть боевыми,—иначе коренное населеніе погибнетъ.

Таково одно основаніе проповѣди внутренно-государственной борьбы съ лицами чужероднаго происхожденія. Другое коренится въ признаніи цѣлой народности государственно-вредною и даже государственно-преступною. «Новое Время», «Русское Знамя», «Земщина» и подобныя имъ изданія именно такъ и трактуютъ обыкновенно еврейскій вопросъ, очевидно, понимая, что подозрѣнія этого рода всего легче и всего вѣрнѣе найдутъ откликъ въ ограничительныхъ мѣропріятіяхъ. Время отъ времени съ тѣхъ же столбцовъ бросались однородныя подозрѣнія въ армянъ, татаръ, а въ дни революціи особенно энергичныя—въ латышей, литовцевъ, эстовъ и поляковъ. Но для нѣмцевъ газеты праваго лагеря дѣлали неизмѣнное исключеніе. Живущіе въ Россіи нѣмцы никогда не объявлялись государственно-преступной народностью. Напротивъ, они почитались оплотомъ порядка и государственности, и правая печать рѣшительно и упорно брала

всегда прибалтійскихъ нѣмцевъ подъ свою вліятельную защиту отъ латышей. За ихъ приверженность къ казовому полицейскому порядку нѣмцамъ прощалось и засилье всѣхъ видовъ,—земельно-колонистское, банковое и фабрично-заводское.

Война перевернула вверхъ дномъ отношеніе правыхъ круговъ и правой печати къ нѣмцамъ и къ нѣмецкому вопросу. Вѣрныя теоріи гибкости и эластичности политическихъ убѣжденій, «Новое Время» и его подголосокъ «Вечернее Время» съ перваго же дня войны начали травить «нѣмца» совершенно такъ, какъ они изощрились травить «еврея». Въ объектъ травли были включены, вмѣстѣ съ баронами, институтскія классныя дамы и бонны изъ Ревеля, вмѣстѣ съ приграничными колонистами—колонисты изъ Саратовской губерніи, вмѣстѣ съ агентами германскихъ фирмъ—чиновники, носящіе нѣмецкія фамиліи, но рожденные отъ русскихъ матерей и не знающіе нѣмецкаго языка. Оффиціальныя и оффиціозныя сообщенія о германской системѣ шпіонажа — системѣ, объ отвратительномъ вѣроломствѣ которой, конечно, не можетъ быть двухъ мнѣній,— дали поводъ если не обвинить, то заподозрить всѣхъ русскихъ нѣмцевъ поголовно, нѣмецкій языкъ, нѣмецкое землевладѣніе, т.-е. заподозрить людей за ихъ происхожденіе. Вторымъ шагомъ было провозглашеніе борьбы съ экономическимъ и научнымъ (добрались и до науки!) засильемъ нѣмцевъ. И въ итогѣ явились требованія, яко бы идущія отъ русскаго народа и яко бы продиктованныя великой задачей минуты: во что бы то ни стало достигнуть побѣды въ войнѣ съ Германіей и противъ германскаго милитаризма. Требованія получили широкій отзвукъ въ длинномъ рядѣ законодательныхъ и административныхъ актовъ,—въ «совершенно безграмотномъ», по выраженію г. Хвостова, и «несоотвѣтствующемъ своему назначенію», по словамъ кн. Щербатова, законѣ 2-го февраля объ ограниченіи нѣмецкаго землевладѣнія, въ лишеніи подданныхъ враждебныхъ государствъ права судебной защиты ихъ имущественныхъ интересовъ отъ посягательства недобросовѣстныхъ людей и т. д.

Но если встать на путь признанія преступности человѣка по его происхожденію, то требованія естественно становятся безпредѣльны. И принятое Думой предложеніе правыхъ образовать комиссію по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ имѣетъ въ своей основѣ не что иное, какъ стремленіе удовлетворить и непрерывно удовлетворять этимъ безпредѣльно наростающимъ злобнымъ и, въ существѣ, лишеннымъ смысла требованіямъ. А что представляютъ собою, въ ихъ практическомъ примѣненіи, требованія, подсказанныя ненавистью къ заподозрѣнной народности—это тоже вскрыто войною и вскрыто, кажется, до послѣдняго конца.

Если антисемитскій вопль о еврейскомъ засильѣ съ войною немного заглохъ, растворившись въ крикахъ о засильѣ нѣмецкомъ, то призывъ къ расправѣ съ евреями, какъ съ преступной народностью, разросся въ нѣчто чудовищное. Изъ отдѣльныхъ фактовъ совершенія евреями, въ районѣ войны, шпіонническихъ дѣйствій антисемитами сдѣланъ выводъ, что всѣ евреи—предатели и шпіоны. И эта презумпція легла въ основу той политики, которая велась цѣлый годъ и привела къ тому, что государство къ своимъ собственнымъ подданнымъ примѣнило средневѣковый институтъ заложничества.

Г. Хвостовъ укорялъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, ген. Джунковскаго, въ томъ, что онъ держится «слишкомъ широкихъ взглядовъ» въ вопросахъ о высылкѣ и ссылкѣ нѣмцевъ, о заключеніи ихъ въ тюрьму и о разсмотрѣніи подаваемыхъ ими прошеній. Онъ ставилъ въ примѣръ Францію и Англію, гдѣ, по его словамъ, съ иностранными подданными «было поступлено просто». «Тамъ—говорилъ г. Хвостовъ—лицъ иностраннаго подданства заключили въ особые лагери, а потомъ стали разсматривать, кто случайно и неправильно попалъ».

Восторгъ г. Хвостова по поводу такого упрощеннаго пріема расправы съ живыми людьми, хотя и иностраннаго подданства, конечно, понятенъ. Будучи губернаторомъ, онъ по этому самому рецепту устранялъ нежелательныхъ ему кандидатовъ въ Государственную Думу: однихъ «разъяснялъ», противъ другихъ возбуждалъ судебное преслѣдованіе, чтобы «потомъ», послѣ выборовъ, разсмотрѣли, кто «случайно или неправильно» былъ отъ выборовъ устраненъ. Но онъ совершенно напрасно приглашалъ идти за примѣромъ «во Францію и Англію». Г. Дзюбинскій разсказалъ Думѣ, какъ столь же «просто» поступаютъ власти и въ Россіи. Г. Дзюбинскій привелъ въ примѣръ мѣстечко Вержбникъ, Радомской губ., гдѣ всѣ жители-евреи были выселены въ теченіе одной ночи, при чемъ было объявлено, что кто останется къ разсвѣту, то будетъ повѣшенъ. «И вотъ,—говорилъ представитель трудовой группы,—темной ночью началось переселеніе евреевъ въ ближайшій городъ Илжу, въ 30 верстахъ. Старики, больные, разслабленные, параличные—ихъ, конечно, пришлось нести на рукахъ, потому что, какъ вы знаете, у еврейскаго населенія нѣтъ никакихъ почти перевозочныхъ средствъ».

Такимъ образомъ, у насъ дома дѣлалось еще гораздо «проще», чѣмъ «во Франціи и Англіи»: у насъ для заподозрѣннаго въ преступности населенія не было никакихъ «особыхъ лагерей», а проще простого, выгоняли людей «вонъ», безъ объясненія куда и подъ угрозой повѣшенія. И потянулись цѣлыхъ полмилліона евреевъ за сотни и тысячи верстъ во внутреннія губерніи. Въ какихъ условіяхъ происхо-

дило ихъ передвиженіе по желѣзной дорогѣ, г. Дзюбинскій иллюстрировалъ слѣдующимъ примѣромъ: поѣздъ изъ мѣстечка, откуда жители были выселены въ теченіе двухъ часовъ, пришелъ на станцію назначенія черезъ десять сутокъ и въ продолженіе всего пути вагоны «ни разу не открывались». Привелъ г. Дзюбинскій не менѣе яркій образчикъ тоже весьма «простого» результата рекомендуемаго г. Хвостовымъ послѣдующаго разсмотрѣнія, «кто случайно и неправильно» подвергся выселенію. Когда было издано распоряженіе о пріостановленіи массоваго выселенія евреевъ, полтавскій губернаторъ распорядился, чтобы прибывшіе въ губернію евреи ѣхали обратно на родину, въ Ковенскую губернію. И евреевъ снова повезли. Но въ Ковенской губерніи ихъ не приняли и вернули опять въ Полтаву.

Но и эти, граничащія съ издѣвательствомъ, мѣры борьбы съ преступной народностью — ничто сравнительно съ требованіемъ отъ евреевъ представленія заложниковъ. «Замѣтьте,—говорилъ г. Дзюбинскій,—что заложники берутся всегда изъ лицъ, наиболѣе состоятельныхъ и наиболѣе уважаемыхъ,—уважаемыхъ самой властью. И я васъ спрошу: какой законъ Россійской имперіи разрѣшаетъ сажать въ тюрьму какое бы то ни было лицо только за то, что оно пользуется уваженіемъ и матеріально обезпечено? Я васъ спрошу: какой законъ Россійской имперіи разрѣшаетъ карать человѣка за вину, которой онъ не совершалъ, карать за вину лица, котораго онъ, можетъ быть, и не знаетъ? А между тѣмъ сейчасъ около 400 человѣкъ заложниковъ сидятъ въ тюрьмахъ,—сидятъ въ Полтавѣ, въ Екатеринославѣ, въ Могилевѣ и находятся подъ страхомъ, что ихъ каждую минуту могутъ повѣсить. И это не простая угроза: въ Сохачевѣ было повѣшено три заложника»...

Четыреста заложниковъ-евреевъ по тюрьмамъ и трое повѣшенныхъ изъ нихъ, — такъ опредѣлился конечный итогъ развитія идеи преступности цѣлаго народа.

Изъ рѣчи кн. Щербатова трудно съ опредѣленностью заключить, на какой онъ стоитъ точкѣ зрѣнія въ вопросѣ національномъ вообще и въ вопросѣ о нѣмецкомъ засильѣ, въ частности. Съ очевидностью ясно лишь одно,—что онъ чуждъ нелѣпыхъ эксцессовъ нововременскихъ публицистовъ. Онъ просилъ Думу о содѣйствіи, чтобы прекратить травлю лицъ, носящихъ нѣмецкія фамиліи. Но въ отношеніи нѣмцевъ-колонистовъ кн. Щербатовъ категорически высказался за принятіе «дѣйствительныхъ и энергичныхъ мѣръ къ тому, чтобы это населеніе было ассимилировано». Изъ дальнѣйшаго, впрочемъ, текста рѣчи оказывается, что основнымъ признакомъ ассимиляціи инородцевъ министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ знаніе ими государственнаго языка.

Рѣчь князя Щербатова вызываетъ чувство тревоги въ отношеніи

другого вопроса нашей жизни, не менѣе больного, чѣмъ преслѣдованіе національностей. Свящ. Станиславскій напомнилъ забытую-было версію о политическомъ, въ германофильскомъ смыслѣ, значеніи ученія баптизма и закончилъ требованіемъ, «чтобы были закрыты собранія штундистовъ и адвентистовъ». И кн. Щербатовъ призналъ, что онъ этой версіи не отвергаетъ. «Господа,—заявилъ онъ,—я совершенно откровенно и прямо говорю, что, по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, я отличаюсь полной вѣротерпимостью и ровно никакого дурного чувства къ той или другой религіи не имѣю, но по отношенію къ баптизму я долженъ сказать, что среди его послѣдователей, на-ряду со многими лицами глубоко вѣрующими, не мало несомнѣнныхъ орудій нѣмецкаго правительства». Россія пережила столько страданій изъ-за преслѣдованій за вѣру, еще такъ недавно баптисты несли мученическій вѣнецъ, что совершенно понятенъ даже преувеличенный страхъ, разъ министръ внутреннихъ дѣлъ—руководитель внутренней политики и глава полиціи,—хотя бы съ оговоркой о своей личной вѣротерпимости, утверждаетъ, въ разгаръ войны съ Германіей, что, по его убѣжденію, среди послѣдователей баптизма «немало несомнѣнныхъ орудій нѣмецкаго правительства».

Давно пора признать неоспоримую истину: всѣ національные вопросы въ Россіи могутъ найти свое разрѣшеніе и его найдутъ только въ разрѣшеніи вопроса русскаго, вѣрнѣе—всероссійскаго. Ни Франція, ни Англія не знаютъ ни нѣмецкаго, ни русскаго, ни еврейскаго засилья. Америка въ теченіе цѣлаго столѣтія ежегодно принимаетъ многія сотни тысячи иммигрантовъ. И однако тамъ и въ мысляхъ ни у кого не бываетъ вопроса о чьемъ бы то ни было засильи. Тамъ никто не боится ни православной духовной миссіи, ни права евреевъ получать образованіе безъ процентной нормы, ни банковской корреспонденціи на нѣмецкомъ языкѣ. И тамъ понятенъ оставившій такое впечатлѣніе у кн. Щербатова взрывъ негодованія «свободолюбивыхъ» американцевъ, когда они узнали, что въ Россіи можно прожить сто лѣтъ и не научиться говорить на государственномъ языкѣ. Причина заключается въ томъ, что въ Англіи давнымъ-давно, а затѣмъ и во Франціи, и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ и остатковъ англійскаго, французскаго и американскаго вопросовъ. Въ каждой странѣ, прежде всего, долженъ быть разрѣшенъ отечественный вопросъ, и тогда сами собой падутъ вопросы о чужеродцахъ.

Въ вопросѣ объ экономическомъ, общественномъ, научномъ и т. д. засильѣ неужели не ближе и не естественнѣе позаботиться о тѣхъ, кто является объектомъ засилья, вмѣсто борьбы съ его субъектами? Зачѣмъ относить засилье на счетъ коварной и вѣроломной

политики зарубежныхъ нѣмцевъ или талантливости еврейскаго племени, когда его объясненіе такъ просто раскрывается, если на минуту остановить вниманіе на русскомъ безправіи, на положеніи у насъ школьнаго дѣла, на крестьянской земельной нуждѣ, на положеніи рабочихъ, на налоговой системѣ, всего годъ назадъ покоившейся на народномъ пьянствѣ? Конечно, будетъ научное нѣмецкое или иное чужеродное засилье, если цензомъ для занятія профессорской каѳедры будетъ служить свидѣтельство о полицейской благонадежности и если самостоятельно мыслящіе русскіе ученые будутъ лишаться каѳедры волею такого, презиравшаго все русское не въ специфическомъ «истинно-русскомъ» смыслѣ, министра, какимъ былъ Л. А. Кассо, полагавшій государственную мудрость въ слѣпомъ слѣдованіи за докладами охранки и за извѣтами черной сотни. Конечно, будетъ нѣмецкое колонистское засилье, когда, по соображеніямъ высшей политики, крестьянамъ предоставлялось идти за Уралъ и въ тайгу, а на свободныхъ земляхъ внутри Россіи насаждался классъ «крѣпкихъ собственниковъ» изъ кого угодно, только бы эти земли не достались крестьянамъ-общинникамъ.

И въ вопросѣ о чужеродномъ предательствѣ первое мѣсто также принадлежитъ безконечно сложному въ своихъ элементахъ русскому вопросу. Фрейнатъ и Гротгусъ, по происхожденію, нѣмцы, но Мясоѣдовъ—чистокровный русскій. И не нѣмцы, бывшіе чиновники департамента полиціи, и не осужденные вмѣстѣ съ ними евреи были главными виновниками предательства, а русскій, бывшій жандармскій офицеръ, т.-е. человѣкъ, которому еще недавно принадлежало сверхполное и сверхзаконное довѣріе власти. Почему же заподозрѣвать евреевъ, нѣмцевъ, когда съ равнымъ и даже еще съ большимъ основаніемъ,—если дѣлать обобщенія,—можно взять подъ подозрѣніе организацію политическаго сыска, независимо отъ національности ея агентовъ? Г. Хвостовъ громилъ въ своей рѣчи «наши освѣдомительные органы». Но почему онъ ихъ не громилъ, когда былъ губернаторомъ? Почему, будучи губернаторомъ, онъ не допускалъ малѣйшей критики этихъ самыхъ «освѣдомительныхъ органовъ» и на основаніи ихъ агентурныхъ свѣдѣній бросалъ людей въ тюрьмы, отдавалъ подъ надзоръ и ссылалъ? Много, ужасно много, раскрыла война. Но всего болѣе она раскрыла непригляднаго въ «русскомъ вопросѣ»...

Пренія, такъ широко развернувшіяся въ Думѣ вокругъ вопроса о нѣмецкомъ засильѣ, представляютъ большой интересъ не только въ отношеніи того, что̀ было предметомъ сужденій, но и въ отношеніи тѣхъ фактовъ и справокъ изъ недавняго и болѣе отдаленнаго про-

шлаго, которыми ораторы обильно иллюстрировали свои слова. Самый яркій фактъ привелъ кн. Мансыревъ, и касается онъ заявленія, сдѣланнаго въ Думѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ увольненіи ген. Курлова отъ обязанностей прибалтійскаго генералъ-губернатора.

«Во вторникъ—говорилъ кн. Мансыревъ—Госуд. Дума съ чувствомъ большого удовлетворенія выслушала отъ министра внутреннихъ дѣлъ заявленіе о томъ, что ген. П. Г. Курловъ уволенъ отъ обязанностей прибалтійскаго генералъ-губернатора, а С. Д. Набоковъ—отъ обязанностей курляндскаго губернатора. Господа, я имѣлъ послѣ этого удовольствіе получить документъ слѣдующаго содержанія: «Вступивъ въ отправленіе обязанностей коменданта рижскаго укрѣпленнаго района, объявляю рижскій укрѣпленный районъ въ осадномъ положеніи. 24-го іюля. Генералъ Курловъ» («Биржевыя Вѣдомости», № 15005). Тотъ вторникъ, правда, былъ 28-го іюля, а цитированный кн. Мансыревымъ документъ датированъ четырьмя днями ранѣе. Но все-таки, срокъ въ четыре дня слишкомъ краткій, чтобы не возникало сомнѣній, сохранилъ ли и послѣ 28-го іюля ген. Курловъ, или нѣтъ, власть надъ мѣстнымъ населеніемъ, если не по должности генералъ-губернатора, то по должности коменданта укрѣпленнаго района, каковая должность снабжена по закону еще болѣе широкими полномочіями гражданскаго характера. И этихъ сомнѣній говорившій послѣ кн. Мансырева кн. Щербатовъ не разъяснилъ.

А, между тѣмъ, кн. Мансыревъ приводилъ еще другой, не менѣе любопытный фактъ, въ отвѣтъ на вопросы депутатовъ съ мѣстъ: «Кѣмъ онъ (ген. Курловъ) назначенъ?»—«Я на этотъ вопросъ не могу, къ несчастью, отвѣтить»,—сказалъ кн. Мансыревъ,—и затѣмъ продолжалъ: «Послѣдній разъ министръ внутреннихъ дѣлъ здѣсь заявилъ, что ген. Курловъ получилъ свое назначеніе отъ военнаго вѣдомства, почему министерство внутреннихъ дѣлъ къ нему прямого касательства не имѣетъ. А я 8-го мая бесѣдовалъ съ начальникомъ двинскаго военнаго округа, кн. Тумановымъ, которому непосредственно подчиненъ генералъ Курловъ, въ качествѣ его помощника, разсказалъ ему о дѣятельности генерала Курлова и получилъ отвѣтъ: «Да что вы хотите, чтобы я съ нимъ сдѣлалъ? Вѣдь, я не имѣю права не только предписывать ему, но даже посовѣтывать, потому что предѣлы моей власти ограничиваются властью военной, а гражданское управленіе меня не касается».

Въ текстѣ рѣчи г. Хвостова особенно пикантно пожеланіе, высказанное въ концѣ, «подъ занавѣсъ», и отмѣченное въ отчетѣ столь любезной сердцу ораторовъ записью стенограммы: «Продолжительныя рукоплесканія въ залѣ». Эти рукоплесканія онъ сорвалъ пожеланіемъ, сказаннымъ въ тонѣ требованія, «чтобы въ сознаніи народномъ власть

перестала быть виноватой». Безмѣрно виноватый безпримѣрной и среди губернаторовъ дѣятельностью въ двухъ губерніяхъ, г. Хвостовъ, говорящій отъ лица народнаго сознанія и требующій отъ власти, чтобы она перестала быть виноватой,—тутъ не знаешь, чему болѣе изумляться: продолжительнымъ ли рукоплесканіямъ «въ залѣ», или смѣлости избранника орловскихъ помѣщиковъ. Г. Хвостовъ всю рѣчь провелъ въ такомъ тонѣ. Ничто же сумняшеся, онъ все время противополагалъ народъ и себя, какъ частицу народа,—«имъ», носителямъ власти. Онъ раздѣлывалъ «правительство гр. Коковцева», про законъ 2-го февраля сказалъ, что его «не посмѣли внести въ Госуд. Думу», слова министра финансовъ квалифицировалъ какъ «циничное признаніе», Н. А. Маклакова обозвалъ «несерьезнымъ министромъ». И г. Хвостовъ, надолго памятный въ истерзанныхъ имъ двухъ губерніяхъ, надо думать, испытывалъ чувство удовлетворенія «гражданина», когда ему слѣва кричали: «здорово!».

Г. Хвостовъ повторилъ жестъ члена первой Думы Рамишвили, съ негодованіемъ показывая на пустующія скамьи министровъ. Но всего лучше были въ его устахъ слѣдующія слова: «Не желая взяться за корень вопроса, оно (правительство) штрафуетъ на рынкѣ бабу, продающую селедку на пять копѣекъ дороже, и въ то же время предоставляетъ губернаторамъ устанавливать свои правила о ввозѣ и вывозѣ изъ губерній и, такимъ образомъ, раздѣляетъ Россію на шестьдесятъ отдѣльныхъ неосвѣдомленныхъ областей, изъ которыхъ каждая ведетъ свою особенную политику». Да, г. Хвостову очень хорошо извѣстны дѣленіе Россіи на воеводства и отдача воеводствъ въ полную безграничную власть Хвостовыхъ, Муратовыхъ, Горчаковыхъ и Толмачевыхъ, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ вести свою особенную политику по принципу: «чего моя нога хочетъ».

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генер. Джунковскій отвѣчалъ бывшему губернатору г. Хвостову съ видимымъ и вполнѣ понятнымъ раздраженіемъ. Но въ рѣчи генерала Джунковскаго заслуживаютъ вниманія не его тонъ, а сообщенные имъ факты. Онъ началъ съ заявленія по поводу майскаго московскаго погрома, что министерство внутреннихъ дѣлъ «было освѣдомлено относительно ожидаемыхъ безпорядковъ въ Москвѣ», и въ подтвержденіе этой освѣдомленности привелъ содержаніе своего письма на имя московскаго градоначальника. Когда же его спросили о датѣ письма, то онъ сказалъ, что оно было написано 21 октября, «послѣ перваго разгрома торговыхъ лавокъ», т.-е. за цѣлыхъ семь мѣсяцевъ до второго.

Далѣе ген. Джунковскій объяснилъ, что о майскомъ погромѣ министерство узнало только на третій день, «такъ какъ московскія власти не сообщили». Реплику съ мѣстъ «газетамъ было из-

вѣстно»,—онъ оставилъ безъ отвѣта. Такимъ образомъ, виной всему была, слѣдовательно, петроградская цензура. Въ Москвѣ сообщенія о погромѣ были цензурой пропущены, а въ Петроградѣ вычеркнуты. Министерство же внутреннихъ дѣлъ, очевидно, московскихъ газетъ не получаетъ. Конечно, наша петроградская цензура состоитъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но она, повидимому, такъ строго держитъ въ тайнѣ то, что не подлежитъ разглашенію, что не сдѣлала исключенія даже для министра и для его товарища и не поставила ихъ въ извѣстность о томъ, о чемъ въ теченіе двухъ дней писалось въ перечеркнутыхъ красными чернилами гранкахъ. Слова г. Хвостова: «наши освѣдомительные органы стоятъ не на высотѣ положенія» остались не опровергнутыми.

Справками изъ прошлаго были полны рѣчи ораторовъ слѣва. Слѣва, дѣйствительно, имѣется неисчерпаемый арсеналъ аргументовъ, дающихъ право сказать, вмѣстѣ съ г. Керенскимъ и г. Хвостовымъ, тѣмъ, кто составлялъ оказавшійся «несоотвѣтствующимъ» законъ о борьбѣ съ нѣмецкимъ землевладѣніемъ, и «Новому Времени», и органу фракціи, руководимой бывшимъ вологодскимъ и нижегородскимъ губернаторомъ: «Вы съ нѣмецкимъ засиліемъ и съ нѣмецкимъ насиліемъ поостерегитесь. Эта тема не для васъ».

Выразителемъ самой яростной ненависти къ нѣмцамъ, къ Германіи и ко всему нѣмецкому служитъ сейчасъ, конечно, «Новое Время», а въ «Новомъ Времени»—г. Меньшиковъ. Тотъ же, однако, публицистъ всего за два года до войны, 21-го іюня 1912 года, какъ напомнилъ г. Керенскій, писалъ: «Большую услугу намъ и всему свѣту готовится оказать Германія, собираясь освободить міръ отъ британской морской гегемоніи».

Г. Керенскій возобновилъ въ памяти статью «Россіи» отъ 5 іюня, а г. Родичевъ—статью отъ 19 іюня 1906-го года. То были дни первой Думы. И, желая воздѣйствовать на нее, оффиціозная газета грозила вмѣшательствомъ Германіи и Австріи во внутреннія дѣла Россіи. Правыхъ, типа Хвостовыхъ, Марковыхъ, Замысловскихъ, въ первой Думѣ не было, и интерпретировать статьи «Россіи» внутри Думы было некому. Но въ бесѣдахъ, которыя тогда велись съ членами Думы внѣ думскихъ стѣнъ, по поводу образованія министерства, Германія и ея императоръ упоминались постоянно.

Немного раньше, варшавскій генералъ-губернаторъ, ген. Скалонъ, въ отвѣтъ депутаціи поляковъ заявилъ безъ всякихъ обиняковъ: «Противъ васъ есть императоръ Вильгельмъ, который придетъ и васъ усмиритъ». А еще раньше, по поводу заключенія торговаго договора съ Германіей, Плеве писалъ: «Такъ какъ берлинское правительство всегда было внимательно къ интересамъ русскаго министерства вну-

треннихъ дѣлъ, то слѣдуетъ имъ сдѣлать уступки въ торговомъ договорѣ».

«Не припомнятъ ли г.г. депутаты, бывшіе въ третьей Думѣ,—спрашивалъ г. Родичевъ,—фразы члена Думы, сидящаго на правой сторонѣ, который, во время споровъ о принудительномъ отчужденіи, сказалъ: «если бы вамъ удалось это сдѣлать, то императоръ Вильгельмъ, съ бронированнымъ кулакомъ, поставитъ васъ на мѣсто»? Г. Родичевъ привѣтствовалъ разрывъ крайнихъ правыхъ Государ. Думы со всѣмъ этимъ тяжелымъ прошлымъ. Но, дѣлая выводы, онъ не скрывалъ ироніи.

Полна сдержанной горечи была рѣчь представителя Лифляндской губерніи, барона Мейендорфа. Его положеніе было особенно тяжелое, ибо ему приходилось адресовать слова не политическимъ противникамъ, а столь недавнимъ ближайшимъ политическимъ сосѣдямъ и друзьямъ. При выборахъ по закону 11-го декабря 1905-го года, прибалтійскіе бароны не имѣли представителей ни въ первой, ни во второй Думѣ. Положеніе 3-го іюня широко открыло для нихъ, какъ и для крупныхъ землевладѣльцевъ центральныхъ губерній, двери Таврическаго дворца. И, войдя сюда, они всѣ распредѣлились по правымъ фракціямъ, главнымъ образомъ—среди октябристовъ и націоналистовъ. Русскихъ нѣмцевъ всегда тянуло въ правую половину русской общественности. Въ Думѣ не было ни одного реакціоннаго предложенія, къ которому бы прибалтійскіе бароны не присоединили своихъ голосовъ. Столь же вѣрно они голосовали противъ предложеній, идущихъ слѣва.

И вдругъ вчерашніе единомышленники и друзья объявляютъ ихъ предателями и измѣнниками и требуютъ ихъ заключенія въ «особые лагери», а за неимѣніемъ таковыхъ—въ тюрьмы, съ тѣмъ, что «потомъ», на досугѣ, можно будетъ разсмотрѣть, «кто случайно и неправильно» попалъ въ тюрьму. Бар. Мейендорфъ разсказалъ эпизодъ о задержаніи нѣкоего барона портнымъ, съ послѣдующими этапомъ и тюрьмой,—эпизодъ, весьма близкій къ рецепту г. Хвостова. А вчерашніе противники возражаютъ и противъ поголовнаго обвиненія всѣхъ живущихъ въ Россіи нѣмцевъ въ предательствѣ, и противъ образованія думской комиссіи по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Мало того: энергія и настойчивость возраженій оказываются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе слѣва они исходятъ. Для прибалтійскихъ бароновъ дѣйствительно создалось трагическое положеніе. Имъ пришлось испытать то, отъ чего, гордые своей правизной, они считали себя абсолютно гарантированными: вопли объ инородческомъ засильѣ и продиктованныя національной ненавистью мѣры борьбы съ заподозрѣнной народностью.

Основными особенностями переработаннаго комиссіей Государственной Думы проекта закона о военной цензурѣ являются: во-первыхъ, замѣна судебнымъ порядкомъ административнаго порядка наложенія наказаній за помѣщеніе въ печати указанныхъ въ перечнѣ свѣдѣній, «вопреки воспрещенію» или «безъ разрѣшенія» военной цензуры; во-вторыхъ, значительное усиленіе размѣра каръ, съ включеніемъ въ кругъ лицъ, подлежащихъ равной съ авторами и редакторами повременныхъ изданій отвѣтственности, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ признаны виновными въ «распространеніи» произведеній печати, содержащихъ свѣдѣнія, оттиснутыя «вопреки разрѣшенію» или «безъ разрѣшенія» военной цензуры. Начало судебной отвѣтственности проведено въ проектѣ настолько послѣдовательно, что въ мѣстностяхъ, гдѣ, по военнымъ обстоятельствамъ, дѣятельность окружныхъ судовъ прекратилась, къ разбору дѣлъ о нарушеніи постановленій о военной цензурѣ привлечены, въ отступленіе отъ основныхъ началъ подсудности, военно-судебныя установленія.

По условіямъ нашей гражданственности, въ отношеніи всѣхъ новыхъ законовъ, регулирующихъ и регламентирующихъ декларативно-возвѣщенную въ законахъ основныхъ гражданскую свободу, уже давно установилось одно мѣрило оцѣнки: легче ли станетъ или, наоборотъ, еще тяжелѣе? Это же мѣрило, прежде всего, напрашивается и въ примѣненіи къ проекту думской комиссіи объ учрежденіи военной цензуры. Легче ли станетъ положеніе печати по нормамъ думскаго проекта, нежели оно было до сихъ поръ по изданному въ порядкѣ ст. 87-ой указу 20 іюля 1914-го года? На первый взглядъ, вопросъ можетъ показаться празднымъ, ибо проектъ является какъ бы прямымъ отвѣтомъ на требованіе общественнаго мнѣнія и на безчисленныя со всѣхъ сторонъ указанія на невыносимость того положенія печати, которое создалось по указу 20 іюля. Съ передачей указа 20 іюля въ думскую комиссію и внесеніемъ проекта комиссіи въ собраніе Думы особенно торопились представители вновь образовавшагося прогрессивнаго блока. Въ комиссіи, хотя и подъ предсѣдательствомъ г. Шубинскаго, принимали активное участіе такіе близкіе къ печати и такой опредѣленной окраски люди, какъ г.г. Милюковъ, Маклаковъ и Герасимовъ, и вмѣстѣ съ ними г. Савенко, приводившій прямо невообразимые факты гнета, испытываемаго печатью. Наконецъ, едва-ли даже наиболѣе реакціонныхъ членовъ комиссіи можно заподозрить въ томъ, что они намѣренно желали положеніе печати ухудшить. И, несмотря на все это, проектъ, заключая въ себѣ чисто отвлеченный плюсъ въ видѣ судебнаго порядка преслѣдованія нарушеній, ввелъ такія новшества, которыя легко могутъ обратить этотъ плюсъ въ громадный практическій минусъ.

Въ запискѣ, разосланной членамъ Думы, представители «общества петроградской печати» писали: «Для облегченія печати возможности творить безъ помѣхи свое общественное служеніе — закономъ о печати въ военное время долженъ быть установленъ принципъ отвѣтственности печати только по суду и должна быть устранена всякая возможность наложенія взысканій въ административномъ порядкѣ, какой бы то ни было властью, за статьи и сообщенія, которыя военной цензурѣ не подлежатъ».

И принципъ отвѣтственности по суду комиссія Думы провела. Но устранить возможность параллельной отвѣтственности въ административномъ порядкѣ,—въ этомъ комиссія была безсильна. Вся прежняя «возможность» административной расправы осталась въ полной неприкосновенности. Ибо источникъ этой возможности—отнюдь не законъ о цензурѣ, а правила военнаго положенія и усиленной и чрезвычайной охраны. Въ законѣ о военной цензурѣ могутъ быть самые либеральные принципы, а захочетъ администраторъ надлежащаго ранга—и надавитъ на печать своимъ собственнымъ прессомъ. По этому поводу въ засѣданіи думской комиссіи горячо спорилъ г. Герасимовъ. Но докладчикъ, гр. Капнистъ, ему «разъяснилъ» — и совершенно правильно,— что «изданіе закона о военной цензурѣ не устраняетъ права военныхъ и гражданскихъ властей издавать обязательныя постановленія и карать за ихъ нарушеніе».

Да и независимо отъ сохраненія возможности административныхъ каръ, при наиболѣе твердо выраженномъ принципѣ отвѣтственности по суду, неужели можно забывать хоть на минуту, что карать нарушенія закона о цензурѣ будетъ не какой-то отвлеченный судъ, а судъ, дѣйствующій въ условіяхъ «разъясненій» времени управленія министерствомъ юстиціи г. Щегловитовымъ,—судъ, обязанный понимать уголовно-правовыя нормы такъ, какъ ихъ предписалъ понимать Сенатъ? Очевидно, не безъ вліянія принятія принципа судебной отвѣтственности, думская комиссія расширила кругъ подлежащихъ карѣ лицъ лицами, виновными въ распространеніи напечатанныхъ безъ разрѣшенія цензуры свѣдѣній, включенныхъ въ перечень. Но имѣла ли при этомъ комиссія въ виду, что, по существующей сенатской практикѣ, всякая передача знакомому одного газетнаго листа, даже сдача его на почту, есть уже преступное «распространеніе»? Помнила ли она, что, какъ засвидѣтельствовали десятки судебныхъ процессовъ по дѣламъ печати, требованіе «завѣдомости» отнюдь не гарантируетъ случайнаго «распространителя» отъ лишенія правъ и тюрьмы?

Г. Савенко въ засѣданіи комиссіи воспроизвелъ любопытное объясненіе кіевскаго губернатора г. Суковкина—кстати сказать, нынѣ получившаго служебное повышеніе и назначеннаго присутствовать въ

Правительствующемъ Сенатѣ,—почему онъ подвергъ тысячерублевому штрафу «Кіевскую Мысль». Когда г. Яблоновскій, авторъ «преступнаго» фельетона, явился къ г. Суковкину и спросилъ, что именно подлежащее карѣ найдено въ фельетонѣ, то онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Я вообще никакихъ газетъ не читаю и не знаю, какую вы тамъ написали чепуху. Но мнѣ доложили, что вы вообще пишете нежелательныя статьи и фельетоны. Поэтому я васъ предупреждаю, что, если вы напишете такую же ерунду, какъ вы написали, я васъ вышлю въ Енисейскую губернію».

Конечно, никакой судъ, не исключая военно-полевого, не будетъ подобнымъ образомъ мотивировать свой приговоръ. Но, все-таки, прежде чѣмъ устанавливать военную подсудность за нарушенія закона о цензурѣ, слѣдовало бы комиссіи оцѣнить, какія военно-судебныя установленія дѣйствуютъ тамъ, гдѣ, по военнымъ обстоятельствамъ, прекратилась дѣятельность окружныхъ судовъ, и можно ли, по роду и организаціи этихъ установленій, снабжать ихъ полномочіемъ лишать правъ авторовъ передовыхъ статей и фельетоновъ и редакторовъ газетъ и тѣмъ пожизненно выбрасывать ихъ за бортъ политической и общественной дѣятельности.

Какъ ни дико искать положительныя стороны въ административной расправѣ, сравнительно съ отвѣтственностью въ порядкѣ суда, но одно несомнѣнное преимущество административной расправѣ принадлежитъ. По волѣ администратора можно у насъ оказаться въ Енисейской губерніи, понести имущественный ущербъ и сѣсть въ тюрьму, но нельзя лишиться правъ. А потому, кара, наложенная администраторомъ, сама собой, безъ слѣда—не говоря о слѣдѣ на здоровьи или на имущественномъ благосостояніи наказаннаго,—ликвидируется уплатой штрафа, выходомъ изъ тюрьмы и возвращеніемъ изъ ссылки. Кара же, наложенная по суду, хотя бы не выше штрафа, но если виновный могъ быть подвергнутъ праволишенію, пожизненно ограничиваетъ его политическія права,—правда, не столько по закону, сколько по «разъясненію»; но въ практическомъ отношеніи «разъясненіе» выше закона.

И въ соотвѣтствіе съ началомъ недопустимости пораженія правъ въ административномъ порядкѣ, указъ 20 іюля опредѣлялъ высшею мѣрою наказанія за нарушеніе постановленій о военной цензурѣ одинъ годъ тюремнаго заключенія, безъ праволишенія. Проектъ же комиссіи высшей мѣрой назначилъ заключеніе въ тюрьмѣ на два года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Такимъ образомъ, за то самое дѣяніе, за которое по правиламъ, проведеннымъ безъ участія законодательныхъ учрежденій, редакторъ газеты могъ быть подвергнутъ штрафу отъ 500 р. до десяти тысячъ или тюрьмѣ отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года,—отнынѣ, на основаніи перера-

ботки закона думской комиссіей, онъ можетъ быть подвергнутъ штрафу не менѣе тысячи рублей или заключенію въ тюрьмѣ отъ четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. И, сверхъ того, какому бы онъ ни былъ подвергнутъ наказанію, на немъ пожизненно останется пятно осужденія: онъ будетъ отстраненъ отъ всякаго рода выборовъ—государственныхъ, городскихъ, сословныхъ, для него будетъ закрыта государственная служба, онъ будетъ лишенъ права быть присяжнымъ повѣреннымъ и присяжнымъ засѣдателемъ. Нужно ли спрашивать: легче ли станетъ положеніе печати или еще тяжелѣе?

И вѣроятность, что даже не желавшій нарушить правилъ о цензурѣ редакторъ подвергнется всѣмъ этимъ послѣдствіямъ своего «преступленія», проектомъ не только понижена, но, напротивъ, повышена. Въ настоящее время администрація требуетъ, чтобы весь газетный матеріалъ посылался въ цензуру. Проектъ категорически отвергаетъ обязанность представленія въ цензуру того, что не соотвѣтствуетъ перечню. Но всякій перечень неустранимо допускаетъ различныя толкованія и пониманія. И болѣе чѣмъ возможно, что редакторъ данной газеты совершенно добросовѣстно будетъ считать, что та или пная замѣтка или статья не подлежитъ представленію въ цензуру, а военный цензоръ впослѣдствіи признаетъ, что, согласно перечню, ее должно было представить. И если судъ согласится съ пониманіемъ цензора, то, по конструкціи ст. 42 проекта, редактору хотя бы минимальнаго наказанія не миновать, а минимальнаго наказанія достаточно, чтобы уйти въ категорію «бывшихъ людей».

Мы не имѣемъ передъ собой журналовъ комиссіи и пользуемся только газетными отчетами о ея засѣданіяхъ. Можетъ быть, эти отчеты и невѣрно отражаютъ происходившія въ комиссіи пренія. Но, читая ихъ, нельзя не поражаться той легкостью и готовностью, съ которой комиссія принимала предложенія объ увеличеніи каръ. «При обсужденіи карательныхъ статей,—читаемъ въ отчетѣ «Новаго Времени»,—гр. Капнистъ возбудилъ вопросъ объ отсутствіи основаній къ установленію меньшихъ наказаній редакторамъ неповременныхъ изданій сравнительно съ повременными изданіями. Комиссія установила для тѣхъ и другихъ одинаковыя кары». Далѣе докладчикъ «высказался за наложеніе возможно строгихъ каръ за напечатаніе статей и сообщеній, запрещенныхъ военной цензурой». Комиссія согласилась. «За помѣщеніе статей безъ разрѣшенія военной цензуры гр. Капнистъ предложилъ установить тѣ же кары». Его поддержали юрисконсультъ министерства юстиціи и гг. Шеинъ и Шубинскій, и комиссія большинствомъ голосовъ предложеніе приняла.

Неужели и въ собраніи Думы не будетъ кричать на весь залъ такой юристъ, какъ В. А. Маклаковъ, что невозможно приравнивать

помѣщеніе свѣдѣній «безъ разрѣшенія» къ помѣщенію ихъ «вопреки воспрещенію», т.-е. неосторожность наказывать съ той же строгостью, какъ и умыселъ? Неужели такіе публицисты, какъ П. Н. Милюковъ и П. В. Герасимовъ, не найдутъ словъ, чтобы показать и доказать Думѣ, что невозможно иниціативой Думы, ея творчествомъ, увеличивать кадры писателей, выброшенныхъ за бортъ государственной и общественной дѣятельности?..

Въ іюнѣ мѣсяцѣ мы прочли въ «Русскомъ Словѣ» извѣстіе о смерти въ рядахъ французской арміи эмигранта А. Н. Жданъ-Пушкина и, не имѣя основаній не вѣрить этому печальному извѣстію, отмѣтили его смерть въ «Вѣстникѣ Европы». Теперь оказалось, что корреспондентъ «Русскаго Слова», а вслѣдъ за нимъ и мы, были введены въ заблужденіе: А. Н. Жданъ-Пушкинъ живъ. Надѣемся, что А. Н. повѣритъ нашей искренней радости и проститъ намъ преждевременный некрологъ. По довольно распространенному повѣрью, некрологъ, посвященный живому человѣку, служитъ свидѣтельствомъ, что ему суждено долголѣтіе. Отъ души желаемъ, чтобы для А. Н. это повѣрье сбылось.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ВЕРХОВНОМЪ КОМАНДОВАНІИ ВОЕННЫМИ СИЛАМИ.

26-го августа обнародованы слѣдующіе акты большого государственнаго значенія.

Приказъ арміи и флоту.

23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принялъ на себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердой вѣрой въ милость Божію и непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ, будемъ исполнять Нашъ святой долгъ защиты родины до конца и не посрамимъ Земли Русской.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*Николай*».

Ставка.

Высочайшій рескриптъ, данный на имя Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Ваше Императорское Высочество. Вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій причины общегосударственнаго характера не дали Мнѣ возможности послѣдовать душевному Моему влеченію и тогда же Лично стать во главѣ арміи. Посему Я возложилъ Верховное командованіе всѣми сухопутными и морскими силами на Ваше Императорское Высочество.

На глазахъ всей Россіи Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ проявлена на войнѣ непоколебимая доблесть, вызвавшая глубокое довѣріе и молитвенныя пожеланія Мои и всѣхъ русскихъ людей, неизмѣнно сопутствовавшія Вашему Имени при неизбѣжныхъ превратностяхъ боевого счастья.

Возложенное на Меня свыше бремя Царскаго служенія родинѣ повелѣваетъ Мнѣ нынѣ, когда врагъ углубился въ предѣлы имперіи,

принять на Себя Верховное командованіе дѣйствующими войсками и раздѣлить боевую страду Моей арміи и вмѣстѣ съ нею отстоять отъ покушеній врага Русскую землю.

Пути Промысла Божьяго неисповѣдимы, но мой долгъ и желаніе Мое укрѣпляютъ Меня въ этомъ рѣшеніи изъ соображеній пользы государственной.

Усилившееся вторженіе непріятеля съ западнаго фронта ставитъ превыше всего тѣснѣйшее сосредоточеніе всей военной и всей гражданской власти, а равно объединеніе боевого командованія съ направленіемъ дѣятельности всѣхъ частей государственнаго управленія, отвлекая тѣмъ вниманіе отъ нашего южнаго фронта.

Признавая при сложившейся обстановкѣ необходимость Мнѣ въ Вашей помощи и совѣтахъ по Нашему южному фронту, назначаю Ваше Императорское Высочество Намѣстникомъ Моимъ на Кавказѣ и Главнокомандующимъ доблестною кавказскою арміею, выражая Вашему Императорскому Высочеству за всѣ Ваши боевые труды глубокую благодарность Мою и родины. Пребываю къ Вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«и искренно и сердечно Васъ любящій

Николай».

Ставка, 23-го августа 1915 года.

Приказъ Верховнаго Главнокомандующаго.

23-го августа 1915 года. № 736.

Сегодня во главѣ васъ, доблестная армія и флотъ, сталъ Самъ Державный Верховный Вождь Государь Императоръ.

Преклоняясь передъ вашимъ геройствомъ за болѣе чѣмъ годъ войны, шлю вамъ мою душевную, сердечную, горячую благодарность.

Твердо вѣрю, что, зная, что Самъ Царь, которому вы присягали, ведетъ васъ, вы явите новые, невиданные до сего подвиги и что Господь отъ сего дня окажетъ Своему Помазаннику Свою всесильную помощь, дарующую побѣду.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ

Николай.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. Кн-во „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Петроградъ. Стр. 174. Ц. 2 р.

Напечатанныя нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Вѣстникѣ Европы» записки знаменитаго автора «Исторіи Россіи»—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній во всей русской литературѣ мемуаровъ. Это не только матеріалъ для біографіи замѣчательнаго человѣка, сообщенный имъ самимъ, не только собраніе выдающихся фактовъ и сужденій о современникахъ автора, но это также—что̀ рѣдко въ этого рода литературѣ—нелицепріятный судъ вдумчиваго историка надъ окружавшей его государственною и общественною жизнью. При жизни Соловьевъ не выступалъ публицистомъ, но въ запискахъ онъ заявляетъ себя писателемъ, горячо принимавшимъ къ сердцу современное ему неустройство общей русской жизни. Съ рѣдкой широтою взгляда отъ событій частной жизни Соловьевъ постоянно подымается къ общимъ вопросамъ и явленіямъ.

Въ первой—второй главѣ мемуаровъ Соловьевъ разсказываетъ свое дѣтство, но начало его развитія связано съ состояніемъ духовнаго сословія, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію, и онъ дѣлаетъ сжатый, но крайне интересный экскурсъ въ исторію духовенства. Этотъ конспектъ того, что̀ должно было войти позднѣе въ «Исторію Россіи», оканчивается необыкновенно выразительной и выпуклою характеристикою современника Соловьева, знаменитаго московскаго митрополита Филарета.

Въ этой характеристикѣ суровый историкъ, обычно довольно сухой въ своей «Исторіи» и сдержанный, не обинуясь, называетъ вещи своими именами и находитъ своеобразные, мѣткіе, незабываемые образы, чтобы наглядно выявить отталкивающую сущность описываемаго явленія. «Рожденный быть министромъ, онъ (Филаретъ) попалъ въ архіереи. Если бы онъ попалъ въ латинскіе пре-

латы, то онъ нашелъ былъ себѣ дѣятельность, но онъ попалъ въ русскіе архіереи, между которыми правительство любило умъ и талантъ только въ той степени, въ какой этотъ умъ и талантъ употреблялись исключительно на служеніе ему, правительству... Религія требуетъ отъ монаха отреченія отъ міра для Бога; наше правительство требовало отъ монаха-архіерея отреченія отъ міра и отъ Бога для него — правительства. Филаретъ долженъ былъ перестать ѣздить въ Петербургъ для присутствія въ св. Синодѣ, гдѣ шпоры оберъ-прокурора, гусарскаго офицера, графа Протасова, зацѣплялись за его рясу... У этого человѣка была горячая голова и холодное сердце, что̀ такъ рѣзко выразилось въ его проповѣдяхъ: искусство необыкновенное, языкъ несравненный, но холодно, нѣтъ ничего, что̀ бы обращалось къ сердцу, говорило ему. Такой характеръ, при дарованіяхъ самыхъ блестящихъ, представилъ въ Филаретѣ печальное явленіе: онъ явился страшнымъ деспотомъ, обскурантомъ и завистникомъ. Сохрани Боже, если свѣтское лицо скажетъ что-нибудь прекрасное относительно религіи, церкви; сохрани Боже, если кто-нибудь изъ духовныхъ, помимо его, скажетъ что-нибудь прекрасное,—онъ оскорбленъ. Талантъ находилъ въ немъ постояннаго гонителя: выдвигалъ, выводилъ въ люди онъ постоянно людей посредственныхъ, бездарныхъ, которые пресмыкались у его ногъ. Это пресмыканіе любилъ онъ болѣе всего... Объ отношеніяхъ Филарета къ подчиненнымъ всего лучше свидѣтельствуетъ поговорка, что онъ ѣлъ одного пискаря въ день и попомъ закусывалъ... На нравственность духовенства вообще онъ не обращалъ вниманія: Филаретъ требовалъ одного—чтобы всѣ клали поклоны ему, и въ этомъ полагалъ величайшую нравственность. Въ ужасномъ состояніи, подъ гнетомъ Филарета, находились духовная академія московская и семинарія. Преподаватели даровитые здѣсь были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій. Филаретъ по каплѣ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій, всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ не кастрировалъ человѣка совершенно, не превращалъ его въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной академіи... Онъ не скрывалъ своего сочувствія къ іезуитамъ... Поданный имъ проектъ учрежденія миссіонерскихъ училищъ былъ совершенно іезуитскій: также запрещено было ученикамъ ходить вдвоемъ, также развита была система шпіонства и доносовъ; даже императора Николая оскорбилъ этотъ проектъ, и онъ отвергнулъ его»...

Очень сокращенная нами, безъ сообщаемыхъ Соловьевымъ многихъ конкретныхъ фактовъ, эта характеристика даетъ понятіе

читателю, еще не знакомому съ записками, объ ихъ общемъ тонѣ, тѣмъ ярче, что Соловьевъ вовсе не отрицатель религіи. Онъ высоко дорожитъ свѣтлыми сторонами православія, «чуждаго неправды папизма», сторонами, по его убѣжденію, важными и въ прошедшемъ и для возможнаго будущаго.

Переходя къ своему воспитанію въ одной изъ московскихъ гимназій, Соловьевъ рядъ страницъ отводитъ характеристикѣ извѣстнаго попечителя С. Г. Строганова,—съ уваженіемъ отдаетъ ему должное за поднятіе уровня тогдашняго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетѣ, но не скрываетъ и многихъ отрицательныхъ въ немъ сторонъ, зависѣвшихъ отъ его дворянско-аристократическихъ и вельможныхъ претензій.

Очень подробно и интересно, далѣе, въ запискахъ описаніе московскаго университета, въ которомъ учился и потомъ профессорствовалъ Соловьевъ. Здѣсь дано много характеристикъ ученыхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ: Каченовскаго, Давыдова, Погодина (одна изъ очень подробныхъ), Грановскаго, Крюкова и многихъ другихъ. Въ этихъ характеристикахъ живо рисуется рабское состояніе тогдашней русской науки. Мучительнымъ бывало настроеніе людей, воспитанныхъ въ горнилѣ западно-европейской науки, когда они встрѣчались со старшими своими товарищами, изъ которыхъ одинъ могъ въ качествѣ ученаго аргумента привести такое свидѣтельство: «Да вотъ и государь императоръ Николай Павловичъ, какъ взглянулъ, такъ и сказалъ: это, должно быть, подложная подпись» (Каченовскій, лично человѣкъ добросовѣстный и посильно работавшій), другой «безспорно очень даровитый, способный къ многосторонней дѣятельности», сдѣлалъ науку средствомъ удовлетворенія мелкаго честолюбія и корыстолюбія, говорилъ, что «чувствуетъ себя нравственно лучше, выше, получивши звѣзду» и, пресмыкаясь и раболѣпствуя, систематически покровительствовалъ тѣмъ, кто самъ передъ нимъ пресмыкался (Давыдовъ), и т. д. На фонѣ этихъ фигуръ тѣмъ свѣтлѣе обрисовываетъ Соловьевъ Грановскаго, Крюкова и т. д. Можетъ быть, не всегда Соловьевъ сохраняетъ, въ своихъ рѣзкихъ характеристикахъ людей, съ которыми ему приходилось постоянно встрѣчаться и бороться, полное безпристрастіе, но свои мнѣнія и пристрастія онъ, во всякомъ случаѣ, подкрѣпляетъ достаточными фактами, съ которыми и приходится считаться историку эпохи.

Разсказавъ исторію своего странствованія за границей во время подготовки къ каѳедрѣ и исторію своей борьбы за каѳедру, Соловьевъ попутно характеризуетъ и московское общество, западниковъ и славянофиловъ. Къ послѣднимъ онъ самъ принадлежалъ одно

время по своимъ симпатіямъ, но отошелъ отъ нихъ и разочаровался въ ихъ построеніяхъ, когда углубился въ самостоятельное изученіе русской исторіи.

Между тѣмъ подошла февральская революція 1848 года во Франціи. «Прочитавши извѣстія (о ней,) я сказалъ—вспоминаетъ Соловьевъ:—«Намъ, русскимъ ученымъ, достанется за эту революцію». Сердце мое сжалось чернымъ предчувствіемъ». Онъ не ошибся. Слѣдующая XVI глава—едва-ли не самая сильная въ книгѣ—посвящена характеристикѣ императора Николая Павловича, на лицѣ котораго историкъ читаетъ «страшные мани, факелъ, фаресъ—остановись, плѣснѣй, разрушайся». Эта характеристика, достойная Тацита, трудно цитируема: ее нужно было бы переписать цѣликомъ, какъ и характеристику «постыднаго» времени съ 1848 по 1855 г. Послѣднее историкъ можетъ сравнить только съ временами римской имперіи, когда безумные цезари, опираясь на преторіанцевъ и чернь, давили все лучшее, все духовно-развитое въ Римѣ. Изображеніе этой роковой для послѣдующаго русскаго развитія эпохи, «когда невѣжественное правительство, считая просвѣщеніе опаснымъ и сжимая его, испортило цѣлое поколѣніе», тѣмъ многозначительнѣе, что Соловьевъ, какъ раньше въ характеристикѣ Филарета, вовсе не радикалъ, а, напротивъ, человѣкъ весьма умѣренныхъ взглядовъ, отстаивающій лишь минимумъ свободы просвѣщенія и достоинства науки.

Это очень чувствуется въ изображеніяхъ новаго царствованія. Соловьевъ, одинъ изъ «отцовъ», предъявляетъ «дѣтямъ» спорные упреки въ поверхностности ихъ общественныхъ настроеній и увлеченій. Любопытно, что онъ одною изъ важнѣйшихъ ошибокъ царствованія Александра II считаетъ свободу продажи вина, какъ совершенно подорвавшую благосостояніе крестьянства. Много справедливаго и въ личной характеристикѣ Александра II и людей его окружавшихъ (впрочемъ, очень общей). «Сильные энергіею, способностями, самостоятельные люди были уничтожены системою Николая—пишетъ историкъ.—Отыскать такихъ людей для новой дѣятельности былъ совершенно неспособенъ преемникъ Николая... Судьба не послала ему Ришелье или Бисмарка; но дѣло въ томъ, что онъ не былъ способенъ воспользоваться Ришелье или Бисмаркомъ; у него были претензіи, страхъ слабаго человѣка казаться слабымъ, несамостоятельнымъ,—подъ внушеніями этого страха онъ въ одно прекрасное утро прогналъ бы Ришелье или Бисмарка. Отсюда—страшная бездарность наверху, одинъ выборъ хуже другого, каждый выборъ возбуждалъ непріятные толки, насмѣшки; уваженіе къ власти рушилось въ самодержавномъ государствѣ: ни-

какой системы, никакого общаго плана дѣйствія, каждый министръ самодержавствовалъ по-своему, совершенная смута,—вмѣсто того, чтобы править, судорожно задергивали, выводили изъ терпѣнія»...

Записки обрываются на наброскѣ условій общественнаго воспитанія при Александрѣ II. Продолженія ихъ доселѣ не найдено, хотя повидимому оно существовало. Но и то, что́ извѣстно въ настоящее время, книга рѣдкой живости, занимательности и поучительности для интересующихся условіями русской общественности, начиная съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Выходъ записокъ въ отдѣльномъ изданіи нельзя не привѣтствовать. Книга издана достаточно опрятно, снабжена нѣсколькими портретами Соловьева, его родныхъ и товарищей, но издана, къ сожалѣнію, по цѣнѣ сравнительно очень дорогой. Для читателей менѣе подготовленныхъ можно бы пожелать къ книгѣ нѣкотораго комментарія къ многимъ малоизвѣстнымъ теперь именамъ, слѣдовало бы раскрыть инициалы (на стр. 108 описанъ подъ буквою К. довольно рѣзко славянофилъ А. И. Кошелевъ), дать указатель именъ и т. п.

Ч. В—окій.

— В. И. Масловъ. Начальный періодъ байронизма въ Россіи. Критико-библіографическій очеркъ. Кіевъ 1915 г.

Вопросъ о байронизмѣ въ Россіи давно уже пора поставить на болѣе прочную почву, чѣмъ имѣвшіяся до сихъ поръ и сдѣлавшіяся шаблонами общія положенія о байроническихъ чертахъ героевъ и героинь раннихъ поэмъ Пушкина, о близости къ Байрону Лермонтова и т. д. Давно пора, съ одной стороны, расширить вопросъ, съ другой—углубить. Первая задача должна заключаться въ обширномъ и всестороннемъ изученіи времени ознакомленія русскаго общества съ творчествомъ великаго англійскаго поэта, степени и причинъ его популярности, количества переводовъ его произведеній, характера отзывовъ объ этихъ переводахъ и т. д.

Эту задачу, главнымъ образомъ, и поставилъ себѣ В. И. Масловъ въ книжкѣ о «Начальномъ періодѣ байронизма въ Россіи», являющейся расширеннымъ видомъ пробной лекціи. Авторъ обстоятельно выясняетъ зарожденіе въ Россіи интереса къ Байрону, приводитъ отзывы о немъ, извлеченные изъ писемъ, мемуаровъ и журнальныхъ статей 20-хъ годовъ 19-го столѣтія.

Къ этому тѣсно примыкаютъ и данныя авторомъ приложенія библіографическаго характера: 1) обширный перечень русской литературы о Байронѣ въ началѣ 19-го вѣка (съ 1818 г. по 1830 г.); 2)

списокъ многочисленныхъ переводовъ и подражаній Байрону за тотъ-же періодъ (при этомъ о нѣкоторыхъ переводахъ отзывы перепечатаны изъ старыхъ журналовъ); 3) русскія стихотворенія нач. 19-го в., посвященныя Байрону (главнымъ образомъ, вызванныя его смертью)—здѣсь встрѣчаемъ текстъ не только стиховъ Пушкина (отрывокъ изъ стих. «Къ морю»), Веневитинова, Козлова, кн. Вяземскаго, Рылѣева, но и Б. Ѳедорова, А. Крюкова и др.

Хотя авторъ и не претендуетъ на исчерпывающую библіографическую полноту своихъ приложеній, но, видимо, полнота эта въ значительной степени достигнута; во всякомъ случаѣ, это весьма цѣнный и новый вкладъ въ скудную литературу о русскомъ байронизмѣ. Можемъ указать лишь, что статья «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина», помѣщенная въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 г., принадлежитъ не С. Шевыреву, а И. Кирѣевскому. Равнымъ образомъ, укажемъ, что помѣщенная въ томъ же журналѣ замѣтка «Нѣчто о переводѣ Манфреда. Отрывокъ изъ письма къ Издателю» имѣетъ подпись: 9.11, слѣдовательно, она тоже принадлежитъ И. Кирѣевскому. Мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть это, т. к. данная любопытная замѣтка въ полное собраніе сочиненій Кирѣевскаго (подъ ред. М. Гершензона) не вошла (предыдущая статья вошла).

Выскажемся теперь по поводу второй половины очерка В. И. Маслова, посвященной выясненію вліянія Байрона на произведенія большихъ и второстепенныхъ поэтовъ разсматриваемой эпохи: Жуковскаго, Батюшкова, Козлова, Баратынскаго, поэтовъ-декабристовъ и Пушкина. Въ ихъ произведеніяхъ авторъ находитъ разнообразныя преломленія поэзіи Байрона, обусловленныя разнообразіемъ индивидуальностей: если декабристовъ вдохновляла гражданская скорбь Байрона, то сентиментальнаго Козлова «привлекало байроновское сочувствіе страданію».

Въ данной части своей работы авторъ по большей части слѣдуетъ за своими предшественниками, особенно въ вопросѣ о байронизмѣ Пушкина—сближаетъ пушкинскихъ героевъ и героинь изъ раннихъ поэмъ съ байроновскими, останавливаясь при этомъ наиболѣе на типѣ «разочарованнаго скорбника». Но при этомъ слѣдовало бы имѣть въ виду замѣчаніе П. Щеголева, что «герои чужеземные вліяли не на изображенія лицъ въ поэмахъ Пушкина, не на литературу, а на жизнь; прежде всего они были образцами для жизни», и что, «когда Пушкинъ переходилъ отъ повседневной жизни къ творчеству, ему не нужно было прибѣгать къ внѣшнимъ заимствованіямъ для изображенія своего героя» («Пушкинъ», 99—100 стр.).

Въ статьѣ о «Цыганахъ» Вячеславъ Ивановъ высказывается о большомъ значеніи «расширенія внѣшне-поэтическаго діапазона, обогащенія чисто техническаго», происшедшаго при прикосновеніи Пушкина къ міру Байрона, однако, разработка этого вопроса пока весьма скудна.

Указанную статью В. Иванова вообще слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи пушкинскаго байронизма, т. к. она является весьма удачной, на нашъ взглядъ, попыткой выдѣлить въ «Цыганахъ» элементъ заимствованный, противопоставивъ ему болѣе важный элементъ самобытный и по преимуществу творческій (самостоятельное пушкинское рѣшеніе философской и психологической проблемы, навѣянной Байрономъ).

Въ заключеніе можно пожелать, чтобы авторъ не ограничился поставленной имъ теперь критико-библіографической задачей, но и продолжалъ дальнѣйшую разработку байроновскаго вліянія на русскихъ поэтовъ, что̀, напримѣръ, уже сдѣлано имъ по отношенію къ Рылѣеву въ монографіи объ этомъ поэтѣ.

П. Филипповичъ.

— Ромэнъ Роланъ. Жизнь Толстого. Переводъ съ французскаго І. Гольденберга. Петроградъ. Изданіе М. И. Семенова. 1915. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к.

Переводъ книги Р. Ролана, вышедшій къ пятилѣтію кончины Толстого, нельзя не привѣтствовать. Книга написана съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, съ искреннимъ желаніемъ передать читателю то новое радостное и жизненное, что̀ открылось критику-художнику въ продолжительномъ изученіи Толстого. Роланъ — давній и страстный поклонникъ Толстого. Объ этомъ увлеченіи, раздѣленномъ также въ цѣломъ литературномъ поколѣніи Франціи, онъ передаетъ на первыхъ страницахъ своей книги. Онѣ опредѣляютъ общую постановку его изслѣдованія, а также любопытны для исторіи распространенія славы и вліянія Толстого.

«Дни, когда я научился понимать его, никогда не изгладятся изъ моей памяти,—вспоминаетъ Роланъ.—Это было въ 1886 году. Съ 1885 по 1887 г.г. были выпущены въ Парижѣ: Война и Миръ, Анна Каренина, Дѣтство и Отрочество, Поликушка, Смерть Ивана Ильича, Кавказскія Повѣсти и Народныя Сказки. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, въ нѣсколько недѣль нашимъ взорамъ открылось творчество цѣлой великой жизни, въ которомъ отразилась жизнь народа, цѣлый новый міръ. Я какъ разъ поступилъ тогда въ Нормальную школу.

Мы были, мои товарищи и я, очень различные люди. Въ нашей маленькой группѣ, въ которой оказались собранными вмѣстѣ люди, настроенные реалистически, съ иронической складкой въ родѣ философа Жоржа Дюма, поэты, влюбленные въ итальянское Возрожденіе въ родѣ Сюареза, правовѣрные сторонники классической традиціи, стендальянцы и вагнеріанцы, атеисты и мистики, возникало много споровъ, было множество разногласій; но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ любовь къ Толстому объединяла всѣхъ насъ. Каждый изъ насъ любилъ его по различнымъ причинамъ, потому что каждый находилъ въ немъ самого себя; для всѣхъ насъ Толстой былъ дверью, открывшейся въ неизмѣримый міръ, откровеніемъ жизни. Кругомъ, въ нашихъ семьяхъ, въ глубинѣ провинціи, мощный голосъ, долетѣвшій съ крайнихъ предѣловъ Европы, вызвалъ тѣ же симпатіи, подчасъ неожиданныя. Помню, съ какимъ удовольствіемъ услыхалъ я однажды, какъ обыватели Новера, моей родины, почти ничего не читающіе и вовсе не интересующіеся искусствомъ, съ глубокимъ волненіемъ толковали о Смерти Ивана Ильича»...

«Приписывать *идеямъ* Толстого его величіе и мощь, его чарующее вліяніе на насъ—говоритъ Роланъ—значило бы совершенно не понимать это величіе и это вліяніе. Кругъ идей, въ которомъ движется искусство, крайне ограниченъ. Его сила не въ нихъ, а въ томъ выраженіи, которое оно имъ придаетъ, въ томъ личномъ оттѣнкѣ, который вноситъ въ нихъ художникъ, въ той печати, которую онъ на нихъ накладываетъ, въ самомъ духѣ его жизни. Заимствованы ли идеи Толстого или нѣтъ, мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, но никогда еще голосъ, подобный его голосу, не раздавался въ Европѣ. Какъ объяснить иначе то трепетное волненіе, которое мы испытывали тогда, слушая эту музыку души, которой мы такъ долго ждали и въ которой чувствовали такую потребность? Мода была ни при чемъ въ нашемъ чувствѣ. Большинство изъ насъ, какъ и я, познакомились съ книгой Мельхіора де Вогюэ о русскомъ романѣ только послѣ прочтенія Толстого, и восторги Вогюэ казались намъ блѣдными рядомъ съ нашими. М. де-Вогюэ разсуждалъ, главнымъ образомъ, какъ выдающійся знатокъ литературы. Намъ же было слишкомъ мало лишь наслаждаться его творчествомъ, мы его переживали, для насъ оно становилось чѣмъ-то нашимъ. Нашимъ—своимъ страстнымъ чувствомъ жизни, юностью своего сердца; нашимъ—своей ироніей разочарованности, своимъ безпощаднымъ ясновидѣніемъ, своими неотвязными помыслами о смерти. Нашимъ—своими мечтами о братской любви и всеобщемъ мирѣ, своимъ грознымъ изобличеніемъ лживости нашей цивилизаціи. Нашимъ—своимъ реализмомъ и своимъ мистицизмомъ, дыханіемъ природы, которое чув-

ствуется въ немъ, своей чуткостью къ невидимымъ силамъ, головокружительной безконечностью, которая намъ открывалась въ немъ,— Для большинства изъ насъ его книги были тѣмъ же, чѣмъ Вертеръ былъ для своего времени. Волшебнымъ зеркаломъ нашего стремленія къ любви и нашихъ слабостей, нашихъ надеждъ и ужасовъ и нашего малодушія. Мы совершенно не заботились о томъ, чтобы примирить всѣ эти противорѣчія, а тѣмъ болѣе о томъ, чтобы втиснуть эту сложную душу, въ которой звучала вселенная, въ узкія религіозныя или политическія категоріи, какъ это дѣлаютъ по большей части тѣ, которые въ послѣднее время говорили о Толстомъ, люди, неспособные подняться надъ партійною борьбой, низводящіе его до своихъ собственныхъ страстей, мѣряющіе его мѣриломъ своихъ соціалистическихъ или клерикальныхъ котерій. Словно наши котеріи могутъ быть мѣрой для генія!.. И что мнѣ до того, моей ли партіи Толстой или нѣтъ! Развѣ я думаю о томъ, какой партіи принадлежали Дантъ и Шекспиръ, чтобы дышать ихъ воодушевленіемъ и насыщаться ихъ свѣтомъ?—Мы не говоримъ себѣ, какъ говорятъ нынѣшніе критики: «есть два Толстыхъ, Толстой до кризиса, Толстой послѣ кризиса, первый—хорошъ, второй—не хорошъ». Для насъ былъ только одинъ Толстой, и мы любили его всего цѣликомъ, потому что мы чувствовали инстинктомъ, что въ такихъ душахъ все едино, все связано!»

Цѣль книги Ролана доказать то, что чувствовалось, логически, анализомъ всего литературнаго наслѣдства Толстого и данныхъ его біографіи, раскрыть единство жизни Толстого, «единство—не въ разумѣ и не въ сердцѣ Толстого, оно въ бурной борьбѣ страстей въ немъ, оно въ трагедіи его творчества и жизни».

Книга Ролана не велика по объему, поэтому не можетъ быть рѣчи объ исчерпывающей полнотѣ анализа, но основныя черты характеристики всюду проведены Роланомъ съ отчетливой ясностью и рѣзкостью, факты группированы убѣдительно и просто, и въ многочисленныхъ цитатахъ нѣтъ той банальности повтореній уже много разъ другими цитированнаго, которая отличаетъ многіе обзоры жизни Толстого.

Главный интересъ книги Ролана во второй, большей ея половинѣ, гдѣ авторъ отъ періода чисто-художественнаго творчества Толстого переходитъ къ его кризису.

Толстой ко второй половинѣ своей жизни,—настаиваетъ Роланъ, «не былъ подобенъ изсякшей рѣкѣ, теряющейся въ пескахъ. Онъ принесъ съ собой потокъ буйныхъ силъ, скоплявшихся на протяженіи всей его жизни». Вопреки распространенному мнѣнію объ анемичности «толстовства», по мнѣнію Ролана, настоящая

страсть была въ проповѣди устроенія жизни на новыхъ началахъ, на началахъ Разума: «это была страсть не менѣе слѣпая и исключительная, чѣмъ другія страсти, которыя владѣли имъ въ теченіе первой половины жизни. Одно пламя гаснетъ, другое загорается. Или, вѣрнѣе, это все одно пламя. Мѣняется лишь его пища. И сходство между страстями «личными» и этой «разумной» страстью усиливается еще тѣмъ, что послѣдняя, какъ и первыя, не удовлетворяется любовью, а стремится дѣйствовать, проявлять себя».

Съ большимъ вниманіемъ Роланъ разбираетъ отношенія Толстого къ искусству и доказываетъ съ жаромъ, что Толстой «не только не губилъ искусство, но вызывалъ къ жизни силы, остававшіяся подъ паромъ, и что его религіозная вѣра не только не убила его художественный геній, но обновила его». Въ книгѣ Толстого «Что такое искусство»,—по мнѣнію Ролана,—при всѣхъ ея увлеченіяхъ, заложены теоретическія начала новаго пониманія искусства, которому принадлежитъ будущее. «Когда Вагнеръ или Толстой говорятъ о Бетховенѣ или Шекспирѣ, то они говорятъ не о Бетховенѣ и не о Шекспирѣ, а о самихъ себѣ: они излагаютъ намъ свой идеалъ»... «Заключая въ себѣ много утопическаго и будучи нѣсколько ребяческой, концепція Толстого жизненна и плодотворна. Да, наше искусство въ цѣломъ служитъ выраженіемъ извѣстной касты, которая во всѣхъ странахъ подраздѣляется еще на враждующіе классы. Въ Европѣ нѣтъ ни единаго художника, въ душѣ котораго осуществлялось бы единеніе партій и народовъ. Наиболѣе міровой была въ наше время душа Толстого. Въ ней мы любили другъ друга—люди всѣхъ народовъ и всѣхъ классовъ. И кто, какъ мы, вкусилъ могучей радости этой великой любви, тотъ не сможетъ уже удовлетвориться обрывками великой человѣческой души, которые преподноситъ намъ искусство замкнутыхъ европейскихъ художественныхъ кружковъ».

Съ особымъ энтузіазмомъ Роланъ относится къ народнымъ разсказамъ Толстого, какъ къ вѣчному образцу новаго всенароднаго искусства, возвѣщаемаго въ предвидѣніяхъ его. Это—«твореніе, стоящее выше искусства: кто подумаетъ, читая его, что это—литература... Толстой, желавшій основать искусство, доступное всѣмъ людямъ, сразу создаетъ міровыя произведенія. Эти его творенія имѣли во всемъ мірѣ успѣхъ, которому никогда не будетъ конца, потому что они очищены отъ всего, что есть въ искусствѣ временнаго; въ нихъ все—вѣчное».

По поводу «Крейцеровой сонаты», Роланъ горячо доказываетъ, что истинное отношеніе Толстого къ музыкѣ совершенно не понято критикою. «Что ставитъ Толстой въ упрекъ Бетховену?—спраши-

ваетъ Роланъ (авторъ, между прочимъ, книги о Бетховенѣ):—его мощь. Онъ, словно Гёте, слушающій «Симфонію en ut mineur—потрясенный ею, негодуетъ на властнаго мастера, подчиняющаго его своей волѣ»... «Несмотря на свое грубо-несправедливое отношеніе къ Бетховену, Толстой чувствуетъ его музыку глубже, чѣмъ большинство тѣхъ, которые превозносятъ теперь Бетховена. Ему, по крайней мѣрѣ, знакомы тѣ бѣшеныя страсти, то дикое неистовство, которыя бушуютъ въ твореніяхъ Глухого Старца и которыхъ уже не умѣютъ постичь ни современные намъ виртуозы, ни оркестры. Бетховенъ, можетъ быть, былъ бы болѣе радъ его ненависти, чѣмъ любви бетховеніанцевъ».

Высшимъ художественнымъ твореніемъ Толстого, верхомъ его реалистическаго письма Роланъ считаетъ «Воскресеніе»: «Характеръ только одного дѣйствующаго лица лишенъ объективной правдивости,—характеръ героя, Нехлюдова, потому что Толстой вкладываетъ ему въ уста свои собственныя мысли... Онъ вкладываетъ въ тѣло тридцатипятилѣтняго прожигателя жизни свою, отрѣшившуюся отъ плоти, душу семидесятилѣтняго старца». Также, «религіозное заключеніе не вытекаетъ органически изъ самого творенія. Это—deus ex machina». Но «если «Воскресеніе» не обладаетъ гармонической законченностью твореній молодости, если я лично предпочитаю «Воскресенію» «Войну и миръ», оно, тѣмъ не менѣе, одна изъ прекраснѣйшихъ поэмъ человѣчности, быть можетъ, самая правдивая изъ такихъ поэмъ. Сквозь это твореніе, лучше чѣмъ сквозь какое-либо другое, я вижу ясные глаза Толстого, свѣтло-сѣрые глаза, видящіе насквозь, «взглядъ», который проникаетъ «прямо въ душу людямъ» и въ каждой душѣ видитъ Бога»...

Въ соціальныхъ взглядахъ Роланъ сравниваетъ лишь Толстого съ Руссо, но второго считаетъ предтечею Толстого, и говоритъ объ авторѣ «Такъ что-жъ намъ дѣлать», какъ о «послѣднемъ изъ пророковъ»: «то, что величайшій изъ нашихъ художниковъ осѣненъ такимъ ореоломъ,—это, думается мнѣ, явленіе болѣе оригинальное и болѣе важное для міра, чѣмъ новая религія или новая философія» (Роланъ не отстаиваетъ формальной новизны идей Толстого). Слѣпцы тѣ, которые не видятъ чуда этой великой души—воплощенія братской любви въ вѣкъ кровавой ненависти народовъ».

При всемъ трагическомъ величіи этой души—трагизмъ ея родственненъ всему человѣчеству: это—трагизмъ неизбывныхъ противорѣчій правды и любви: «Кто скажетъ, сколько перестрадалъ Толстой отъ постояннаго разлада, въ теченіе своихъ послѣднихъ лѣтъ, между своимъ безпощаднымъ взглядомъ, видѣвшимъ весь ужасъ дѣйствительности, и страстнымъ сердцемъ, продолжавшимъ вѣрить

въ любовь и провозглашать ее... Общество постоянно наталкивается на дилемму: правда или любовь. Онъ обыкновенно рѣшаетъ ее, жертвуя одновременно и правдой и любовью. До послѣдняго дня своей жизни бился онъ въ этихъ противорѣчіяхъ. Гдѣ рѣшеніе? онъ его не нашелъ»... Но онъ—«наша совѣсть. Онъ говоритъ то, что мы, заурядные люди, всѣ думаемъ и что мы боимся прочитать въ самихъ себѣ. И онъ для насъ не суровый учитель, не одинъ изъ геніевъ, которые высоко возвышаются надъ человѣчествомъ своимъ творчествомъ и своимъ умомъ. Онъ—«нашъ братъ». Этимъ именемъ,—самымъ прекраснымъ и самымъ нѣжнымъ изъ всѣхъ—онъ любилъ самъ себя называть въ своихъ письмахъ».

Книга Ролана должна быть признана однимъ изъ лучшихъ обзоровъ жизни и мыслей Толстого, при всѣхъ ея неизбѣжныхъ по ея сжатости пробѣлахъ. Слишкомъ часто авторъ только высказываетъ, но не доказываетъ, и въ сторонѣ остаются цѣлыя полосы настроеній и дѣятельности Толстого: мало освѣщено отрицаніе государства и войны и непротивленіе злу, педагогическая и общественная дѣятельность; едва упомянуто о посмертныхъ произведеніяхъ, и пр. Но въ книгѣ, тѣмъ не менѣе, дана стройная картина основныхъ настроеній Толстого и ихъ внутренняго трагизма.—Переводъ читается легко. Раздражаютъ многочисленные цензурные пробѣлы.

— К. Дубровскій. Рожденные въ странѣ изгнанія. Петроградъ 1916. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 254—1.

Книга представляетъ сборникъ біографическихъ справокъ о слѣдующихъ уроженцахъ Сибири: декабристъ Г. Батенковъ; авторъ «Конька Горбунка» П. П. Ершовъ; одинъ изъ зачинателей русской этнографіи, членъ московскихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ В. В. Пассекъ; художникъ М. И. Песковъ; историкъ А. П. Щаповъ; изслѣдователь Сибири и публицистъ Н. М. Ядринцемъ; авторъ извѣстнаго въ свое время романа «Шагъ за шагомъ», поэтъ И. В. Ѳедоровъ-Омулевскій; историкъ-публицистъ С. С. Шашковъ; путешественникъ А. П. Федченко; беллетристъ-этнографъ семидесятыхъ годовъ Н. И. Наумовъ: знаменитый химикъ Д. Менделѣевъ; художникъ В. И. Суриковъ; беллетристъ В. А. Михеевъ; современный скульпторъ И. Н. Жуковъ и знаменитый изслѣдователь и дѣятель Сибири Г. Н. Потанинъ. Попытка собрать въ одной книгѣ свѣдѣнія о болѣе выдающихся дѣятеляхъ интеллектуальной жизни Сибири, конечно, заслуживаетъ признательности. Исполненіе, однако, очень слабо.

Собранные въ книгѣ очерки, повидимому, писались въ разное время для сибирскихъ газетъ. Выборъ темъ нѣсколько случаенъ, и очерки связаны между собою лишь внѣшнимъ образомъ, сухи и не даютъ понятія о смѣнявшихъ другъ друга настроеніяхъ сибирской интеллигенціи. По нимъ трудно составить сколько-нибудь полное понятіе о значеніи для сибиревѣдѣнія и сибирской общественной и умственной жизни такихъ дѣятелей, какъ покойный Ядринцевъ или донынѣ здравствующій Потанинъ. При составленіи очерковъ, авторъ пользовался большей частью уже опубликованными матеріалами, «ссылки на которые онъ считалъ необходимымъ дѣлать по возможности неукоснительно». Къ сожалѣнію, эти ссылки большей частью сдѣланы совершенно глухо и за отсутствіемъ точныхъ библіографическихъ данныхъ очень трудно воспользоваться ими. Иногда замѣтно въ авторѣ также недостаточное знакомство съ литературой предмета. Такъ, въ статьѣ объ Ядринцевѣ онъ ссылается, какъ на біографа его, на Б. Глинскаго, повидимому не подозрѣвая о гораздо болѣе подробной біографіи, составленной М. К. Лемке. Въ оцѣнкѣ работъ сибиревѣдовъ, составитель совершенно не самостоятеленъ и ограничивается ссылкой на авторитетъ Пыпина или другихъ лицъ, не обращаясь, повидимому, къ самымъ трудамъ. Отсутствуетъ— можетъ быть, и по цензурнымъ условіямъ очеркъ объ И. А. Худяковѣ, упомянутый въ предисловіи. Портреты, приложенные къ книгѣ, исполнены довольно плохо.

И все-таки, несмотря на всѣ дефекты этой книги, мѣстами скучной, мѣстами годной только для ненадежной справки газетному работнику, мѣстами наивной, приходится быть благодарнымъ трудолюбивому составителю. Широкая публика все еще мало интересуется областной жизнью, и еще недавно какой-нибудь сотникъ Пѣшковъ, прославившійся тѣмъ, что проѣхалъ Сибирь на конѣ, интересовалъ эту публику больше, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые культурные работники Сибири и похороненные въ ея пустыняхъ дѣятели русскаго освобожденія. Сибиряки будутъ читать г. К. Дубровскаго, потому что онъ пишетъ о сибирякахъ же, но и читатель, интересующійся особенностями жизни окраинъ, съ интересомъ заглянетъ въ его книгу. Какъ-никакъ, въ ней собрано много фактовъ, характеризующихъ русскую жизнь, и между прочимъ дикое отношеніе власти къ лучшимъ людямъ окраины, къ вдохновителямъ ея умственной жизни, которыми гордится Сибирь. Жизнь Батенкова, Щапова, Ядринцева, Потанина, Шашкова, Ѳедорова-Омулевскаго переплетается съ словами тюрьма и ссылка, которыми карались люди за существовавшія, преимущественно въ пылкомъ воображеніи русскаго правительства, мечты и намѣренія отторженія Сибири отъ имперіи.

Ч. В—скій.

К. П. Ягодовскій. Въ странѣ полуночнаго солнца. Воспоминанія о Мурманской экспедиціи. СПБ. 1914 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Книга К. П. Ягодовскаго представляетъ собою воспоминанія участника Мурманской экспедиціи, организованной въ 1898 году Комитетомъ для помощи поморамъ русскаго сѣвера, съ цѣлью изученія промысловыхъ водъ русскаго сѣвера. Авторъ воспоминаній, зоологъ по спеціальности, проработалъ на Мурманѣ, подъ руководствомъ проф. Н. М. Книповича, завѣдывавшаго экспедиціей, въ теченіе трехъ первыхъ лѣтнихъ періодовъ.

При описаніи работъ, произведенныхъ экспедиціей, автору пришлось касаться, на всемъ протяженіи книги, методовъ производства фаунистическихъ изслѣдованій, ловли морскихъ животныхъ и наблюденій гидрологическаго характера. Примѣняемые въ этихъ областяхъ спеціальные методы, въ большинствѣ случаевъ, совершенно неизвѣстны широкой публикѣ, и изложеніе ихъ въ популярной формѣ, несомнѣнно, представляетъ громадный интересъ.

Разсматриваемая книга отнесена издательствомъ къ серіи книгъ, выпускаемыхъ подъ заглавіемъ «Библіотека для юношества», но содержаніе ея одинаково интересно и для взрослыхъ. Особенно важны свѣдѣнія, даваемыя авторомъ относительно значенія промысловыхъ изслѣдованій вообще и результатовъ данной экспедиціи въ частности.

Нельзя сказать, чтобы поверхность Россійской имперіи была обстоятельно изучена съ точки зрѣнія фауны и флоры, особенно представителей ихъ, имѣющихъ промысловое значеніе. Большая часть этихъ богатствъ совершенно теряется для народно-хозяйственной жизни, много эксплоатируется хищнически, да и то, сплошь и рядомъ, попадаетъ въ руки не коренного населенія, а обогащаетъ сосѣднія съ нами страны. При учрежденіи Мурманской экспедиціи задумано было большое, государственнаго значенія дѣло и если, какъ говоритъ объ этомъ авторъ разсматриваемаго труда, произведенныя экспедиціею изслѣдованія и остались безрезультатными для русской промышленности и не улучшили быта мѣстнаго населенія—то произошло это не по винѣ экспедиціи. Оказывается, что добытыми экспедиціей данными прежде всего воспользовались англичане, значительно расширившіе раіонъ дѣятельности въ водахъ, изслѣдованныхъ экспедиціей, послѣ опубликованія ею своихъ печатныхъ трудовъ. Эта причина—безусловно общаго характера и, къ сожалѣнію, не единственная. Много способствовало неуспѣху работъ экспедиціи еще невѣжество основного населенія, враждебно от-

носившагося къ тѣмъ новѣйшимъ средствамъ лова, типамъ судовъ и даже самымъ методамъ ловли животныхъ, популяризація которыхъ составляла одну изъ задачъ экспедиціи.

Какъ бы то ни было, экспедиція сдѣлала свое дѣло, и громадною ея заслугой передъ русскимъ обществомъ является изученіе одной изъ окраинъ нашего обширнаго отечества, результатами котораго, несомнѣнно, страна воспользуется въ будущемъ.

Издана книга роскошно—масса художественно исполненныхъ рисунковъ въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ знакомитъ съ эпизодами морской и промысловой жизни, типами животныхъ и проч. Нѣсколько рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, изображающихъ характерные для сѣверной природы ландшафты (плавающіе льды и проч.), исполнены въ краскахъ.

Н. Сумъ.

— А. М. Кулишеръ. „Автономія Ирландіи". 1915.

Новое изслѣдованіе А. М. Кулишера слагается изъ двухъ частей: 1) государственное единство Англіи и гомруль и 2) ирландскій и англійскій федерализмъ. Первая посвящена всецѣло исторіи англо-ирландскихъ взаимоотношеній, вторая подводитъ итоги долгому историческому развитію и выясняетъ, въ какую новую форму вылилась въ послѣднее время прошедшая тернистый путь, но въ концѣ концовъ осуществившаяся идея гомруля.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1800 году окончился «краткій сонъ ирландской государственности», въ Ирландіи еще долгое время популярнымъ лозунгомъ была отмѣна уніи, и ирландское самоуправленіе, естественно, понималось вначалѣ, какъ отклоненіе отъ государственнаго единства съ Англіей. Много лѣтъ должно было пройти для того, чтобы успѣла возникнуть та промежуточная между «англійской государственной точкой зрѣнія» и «историческимъ правомъ» Ирландіи идея, которой суждено было поглотить и то и другое,—идея федерализма. Въ свѣтѣ этой новой идеи требованіе гомруля пріобрѣло принципіально отличное отъ прежней концепціи содержаніе. Съ этой метаморфозой въ идеѣ гомруля впервые выдвигается основанная на соображеніяхъ государственной цѣлесообразности «мысль о законодательной децентрализазіи для всѣхъ частей Соед. Королевства, какъ расширенномъ мѣстномъ самоуправленіи и при неприкосновенности государственнаго единства». При такой постановкѣ вопроса созданіе въ Ирландіи законодательнаго собранія съ делегированными англійскимъ парламентомъ функціями

разумѣется, представляетъ лишь часть общей грандіозной схемы. Эта точка зрѣнія и нашла свое торжество и завершеніе въ томъ т. н. биллѣ о гомрулѣ, который сталъ наконецъ закономъ 18 сентября 1914 года. Въ основу этого акта положена идея реорганизаціи Англіи «посредствомъ системы мѣстныхъ автономій, основанныхъ на делегаціи со стороны центральнаго парламента, посредствомъ деволюціи, превратившейся во «всеобщій гомруль».

Автономія Ирландіи, весьма широкая по содержанію, однако же является, по мнѣнію автора, съ чисто формальной точки зрѣнія провинціальнымъ самоуправленіемъ. Это на первый взглядъ странное явленіе онъ объясняетъ тѣмъ, что здѣсь «передъ нами новое явленіе государственнаго права», «первый случай примѣненія принциповъ федерализма къ государству вполнѣ унитарному и притомъ не подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было «независящихъ обстоятельствъ», а по дѣйствительно свободному произволенію центральной власти. Потребность въ законодательной децентрализаціи нисколько не противорѣчитъ здѣсь «объединительной» тенденціи: какъ показываетъ авторъ, «деволюція» ставится даже въ прямую связь съ планами болѣе тѣснаго объединенія всей Брит. Имперіи. «Но отъ этой единой тенденціи, укрѣпляющей государственное единство и способствующей развитію мѣстныхъ автономій, слѣдуетъ строго отличать другую тенденцію, тенденцію къ господству одной части населенія или одной территоріи надъ другой». Послѣдствія этой послѣдней тенденціи, по мнѣнію автора, всегда равно пагубны,— выражается ли она въ угнетеніи всѣхъ «инородцевъ» во имя одной «державной народности» или въ «національно-территоріальныхъ автономіяхъ», понимаемыхъ какъ право безпрепятственнаго угнетенія національнаго меньшинства. Гомруль является полною противоположностью такимъ автономіямъ. Подводя итоги сказанному, мы должны отмѣтить, что содержательное изслѣдованіе А. М. Кулишера представляетъ несомнѣнно значительный интересъ не только для узкаго круга государствовѣдовъ, но и для болѣе широкой публики.

Борисъ Ш.

— Пинкевичъ-Аржановъ—Ягодовскій. Учебникъ естествовѣдѣнія для учительскихъ институтовъ и семинарій. Часть вторая. Ботаника. Составилъ С. П. Аржановъ. Стр. 267, съ 267 рис. Петроградъ 1915. Ц. 1 р. 75 к.

Очень подробный, популярный и составленный по строго обдуманному плану учебникъ. Характеръ преподаванія въ тѣхъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ, для учащихся въ которыхъ разсматриваемая книга предназначается, требуетъ совмѣщенія въ одномъ руководствѣ нѣсколькихъ, совершенно самостоятельныхъ, заданій. Съ одной стороны, курсъ учительскихъ институтовъ и семинарій представляетъ собою вполнѣ законченную систему—слѣдовательно, учебникъ долженъ заключать въ себѣ изложеніе современнаго состоянія знаній въ данной области, по возможности полное и вполнѣ удовлетворяющее общеобразовательнымъ цѣлямъ; съ другой же стороны, въ такомъ учебникѣ не должна быть оставлена безъ вниманія и прикладная сторона, въ высшей степени важная для будущихъ, преимущественно народныхъ, учителей.

Разсматриваемое руководство какъ нельзя лучше удовлетворяетъ всѣмъ этимъ соображеніямъ. Основная задача автора—представить полную картину современнаго знанія о жизни растеній, поэтому изложеніе ведется на протяженіи всѣхъ главъ, главнымъ образомъ, съ общеобразовательной точки зрѣнія. Первыя четыре главы посвящены органографіи, анатоміи и физіологіи сѣмянныхъ растеній, пятая часть—ученію о клѣткѣ и споровымъ растеніямъ и шестая—описанію главнѣйшихъ семействъ, требуемыхъ программами курса ботаники въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеніяхъ и растительнымъ сообществамъ. Читаются всѣ главы легко — изложеніе вполнѣ популярно, обиліе сообщаемыхъ фактовъ и удачное распредѣленіе матеріала заинтересовываютъ читателя. Въ отличіе отъ установившагося обычая начинать изложеніе общаго курса ботаники съ ученія о клѣткѣ, въ разсматриваемомъ учебникѣ этотъ отдѣлъ помѣщенъ послѣ цвѣтковыхъ растеній, и съ такимъ распредѣленіемъ матеріала нельзя не согласиться, такъ какъ здѣсь учащійся приступаетъ къ изученію ботаники въ болѣе или менѣе уже извѣстной ему области и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомленіе съ клѣточными образованіями служитъ какъ бы введеніемъ къ изученію споровыхъ растеній. Утилитарная, прикладная сторона ботаники, столь важная для будущихъ учителей, также не забыта въ этомъ учебникѣ—значеніе отдѣльныхъ растеній, процессовъ и мелкихъ фактовъ для сельскаго хозяйства, промышленности и проч. вездѣ указывается, и, нисколько не господствуя надъ теоретической стороной дѣла, эта часть учебника, совершенно незамѣтно, обогащаетъ читателя массою знаній. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, къ книгѣ приложены таблицы по различнымъ вопросамъ агрономіи, прикладной ботаники и зоотехники.

Хотя самъ авторъ, какъ это видно изъ предисловія къ разсматриваемой книгѣ, и не предназначаетъ ее для цѣлей самообразованія, тѣмъ не менѣе ее безусловно можно рекомендовать для

чтенія въ качествѣ краткаго, популярнаго, но весьма обстоятельнаго руководства по общей ботаникѣ. Особенно нѣкоторыя главы—напр. грибы, водоросли, ученіе о клѣткѣ, растительныя сообщества—читаются съ большимъ интересомъ и не безъ пользы могутъ быть прочтены всѣми, желающими ознакомиться съ современнымъ состояніемъ ботаники. Большую услугу можетъ оказать эта книга при коллекціонированіи и опредѣленіи растеній, тѣмъ болѣе, что морфологическія данныя вынесены въ ней въ видѣ отдѣльныхъ таблицъ, которыми, благодаря этому, очень удобно пользоваться. Въ концѣ книги помѣщены очень подробно составленный перечень главнѣйшихъ вопросовъ по всѣмъ отдѣламъ ботаники и алфавитный указатель терминовъ, встрѣчающихся въ текстѣ.

Н. Сумъ.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Анисимовъ, Сергѣй. Картины Кавказа. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Ашевскій, С. Русскіе писатели и война. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Бачинскій, А. И. Н. А. Умовъ. Москва, 1915 г.

Богдановскій, А. Е. и *Рума, Л. Л.* Очерки и изслѣдованія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Брюнелли, Евгенія. Кристаллы. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Букипанъ, Я. М. Міровая дороговизна. Петроградъ, 1915 г.

Бунятянъ, М. А. Экономическіе кризисы. Москва, 1915 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Гернетъ, С. П. Сатиры скальда. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гешовъ, И. Е. Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы. П, 1915 г.

Гринъ. Загадочныя исторіи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Диккенсъ, Ч. Приключенія Оливера Твиста. Романъ. Москва, 1915 г. Цѣна 90 коп.

Жирковъ, Ив. Люди великихъ дѣлъ. Москва, 1915 г.

Жиро, А. Торговля Россіи съ Франціей. Парижъ, 1915 г.

Загряцковъ, М. Д. Всероссійскій Земскій Союзъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Зензиновъ, В. М. Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Зыковъ, Т. Къ вопросу о наличныхъ условіяхъ и мѣрахъ борьбы съ нетрезвостью. Тверь, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Коваленскій, М. Н. Русскій ученый XVIII вѣка. Москва, 1915 г. Цѣна 45 коп.

Колетти, Ф. Дороговизна, ея причины и мѣры борьбы съ нею. Пер. А. Соловьяна, подъ ред. В. Тотоміанца. Москва, 1915 г. Цѣна 70 коп.

Лесевичъ, В. В. Собраніе сочиненій. Т. I. Статьи по философіи. Москва, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Локоть, Т. В. Сельскохозяйственное законовѣдѣніе. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Лощиловъ, П. А. О постановкѣ школьно - санитарнаго надзора въ Зап. Европѣ и въ Россіи. Харбинъ, 1915 г.

Любомудровъ, И. М. Народный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Изд. 3-е. С. Лысково, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Мережковскій, Д. С. Завѣты Бѣлинскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Мерхалевъ, Дм. Движеніе сезонныхъ рабочихъ на Кавказѣ въ 1912, 1913 и 1914 г.г. Тифлисъ, 1915 г.

Мирскій, Борисъ. Разсказы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Миницовъ, С. С. Поддѣлка старины. Петроградъ, 1915 г.

Муйжель, В. В. Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Ольшамовскій, Б. Г. Значеніе воззванія 1 авг. 1914 г. Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ и вопросы, возникающіе изъ него и послѣдующихъ событій. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Поварнинъ, С. И. Логика. Общее ученіе о доказательствѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Покровскій, Н. Н. О подоходномъ налогѣ. Петроградъ, 1915 г.

Поплавскій, И. А. Желѣзнодорожный налогъ и условія пересмотра желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ Россіи въ 1914—1915 г.г. Москва, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Пшибышевскій, Станиславъ. Дѣти горя. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Ренниковъ, А. Золото Рейна. О нѣмцахъ въ Россіи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Розановъ, В. Опавшіе листья. Коробъ 2-й и послѣдній. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Рубакинъ, Н. Разсказы о Западной Сибири. Москва, 1915 г.

Савинъ, А. Н. Война имперій и міръ ислама. Москва, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Семеновъ, С. Т. Крестьянское переустройство. Москва, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Синицкій, Л. Д. Европа. Москва, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Сорокинъ, Антонъ. Банкроты мысли. Омскъ, 1915 г.

Строевъ, В. Учебникъ русской исторіи. Москва, 1915 г. Цѣна 90 коп.

Тарановскій, Ѳ. В. Новый опытъ построенія философіи права въ русской литературѣ. Юрьевъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Ціолковскій, В. Таблица дирижаблей изъ волнистаго желѣза. Калуга, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Цыпкинъ, И. С. Оборвавшаяся пѣсня. Бобруйскъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Чулковъ, Георгій. Сатана. Романъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Шапошниковъ, И. Н. Картинки для веденія сочиненій въ начальной и средней школѣ. Вып. I—V. Москва, 1915 г. Цѣна каждаго вып. 15 коп.

— Художественный альбомъ стѣнныхъ картинъ для письменныхъ и устныхъ сочиненій. Вып. I и II. Москва, 1915 г. Цѣна каждаго вып. 1 руб. 25 коп.

Шумигорскій, Е. Тѣни минувшаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Шумскій, К. Очерки міровой войны на сушѣ и морѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Юркинъ, Петръ. Утро мечты. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Дополнительные матеріалы къ книгамъ А. Ренникова „Въ странѣ чудесъ“ и Артура Пупина: „Прибалтійскій край и война“. Голоса балтійскихъ нѣмцевъ и отзывы русской печати. Съ пред. чл. Гос. Думы барона А. Ф. Мейендорфа. Венденъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Ежегодникъ Лѣсного Департамента. 1913. Т. I и II. Петроградъ, 1915 г.

Желѣзнодорожный транспортъ въ Харьковской губ. Харьковъ. 1915 г.

Изданія „Посредникъ“. №№ 1005—1007. Вальми. Погоня за любовью. № 1008. О. Чальдъ. Флорентійская трагедія. № 1009. А. Купринъ. Гамбринусъ и др. № 1010. А. Купринъ. Ученикъ и др. №№ 1011—1014. Гюи де-Мопасанъ. Монтъ-Оріаль. № 1015. А. С. Пушкинъ. Драматическія сцены. №№ 1016—1018. Уэллсъ. Освобожденный міръ. № 1019. Ив. Шмелевъ. Весенній шумъ и др. № 1027. Л. Толстой. Семейное счастье. №№ 1028—1031. Гюи де-Мопасанъ. Сильна какъ смерть. № 1032. Гр. А. Толстой. Дни войны. № 1033. Гр. А. Толстой. Архипъ № 1034. Гр. А. Толстой. Хромой баринъ. № 1037. Миссъ Гарріэтъ и др. №№ 1038—1039. Л. Толстой. Севастополь и др. № 1040. А. Купринъ. Бредъ. № 1041. А. Купринъ. Осенніе листья. № 1046. Джеромъ. Человѣкъ, который не вѣрилъ въ счастье. №№ 1047—1050. Гр. Деледа. Пепелъ. №№ 1052 — 1057. Гюи де-Мопасана. Милый другъ. № 1058. А. Франсъ. Записки добровольца. № 1059. А. де-Винье. Неволя и величіе солдата. № 1061. Маринетти. Битва у Триполя. №№ 1064. А. Франсъ. Семь женъ Синей Бороды. №№ 1065—1069. Б. Келлерманъ. Туннель. № 1070. Ш. Перро. Волшебныя сказки. № 1073. С. Гусевъ-Оренбургскій. Казакъ-колодникъ и др. № 1074. С. Гусевъ-Оренбургскій. Злой духъ и др. № 1077. Ив. Наживинъ. На народной нивѣ. Москва, 1915 г. Цѣна каждаго номера 10 коп.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II. Подъ ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Москва, 1915 г.

Ненормальныя дѣти въ семьѣ и школѣ. Подъ ред. А. С. Грибоѣдова. Москва 1915 г.

Н. К. Рерихъ. Изданіе „Аполлона“. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Отчетъ о дѣятельности Физико-Химическаго общества при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра, вызванной обстоятельствами военнаго времени. Кіевъ 1915 г.

Сборникъ по вопросамъ экономики и коопераціи. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Статистическій Ежегодникъ по Симбирской губ. за 1913 г. Симбирскъ, 1915 г.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1913 годъ. Херсонъ, 1915 г.

Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Вып. II. Москва 1915 г. Цѣна 2 р.

Труды постоянной комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ и мѣрахъ борьбы съ нимъ. Подъ ред. М. Н. Нижегородцева. Вып. XIII. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Чешско-русское единеніе. № 1. Кіевъ, 1915 г.

Schopoff, A.—Les États Balkaniques et le principe confédératif. Sophia, 1915. Стр. 24. Цѣна 50 сант.

— La confédération Balkanique et la question Macédonienne. Sophia, 1915. Стр. 21. Цѣна 1 фр.

Звідомлення Ювилейного Шевченківського Комитету у Катеринославі. Катеринослав, 1915 р.

Москов. Н. обл. Библиотеки

9921

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.